Барбара Хэмбли

Мать зимы

Ледяной Сокол

Мать зимы

Ледяной Сокол

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Барбара Хэмбли

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

BARBARA

HAMBLY

Mother of Winter

Icefalcon's Quest

БАРБАРА

ХЭМБЛИ

Мать зимы

Ледяной Сокол

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Х99

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Barbara Hambly
MOTHER OF WINTER.
ICEFALCON'S QUESR

Перевод с английского Н. Баулиной («Мать зимы»),
И. Голубевой («Ледяной Сокол», гл. 1),
Е. Черниковой («Ледяной Сокол», гл. 2—23)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения Moon Horse, Inc.
c/o Frances Collin Literary Agent и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 10.12.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 44,52. Тираж 6000 экз. Заказ № 3475.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс»

Хэмбли, Б.

Х99 Мать зимы. Ледяной Сокол : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Барбара Хэмбли. — М.: АСТ:, 2005. — 835, [13] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-020882-0

Барбара Хэмбли.

Автор «Тех, кто охотится в ночи», «Драконьей Погибели» — произведений, ставших популярными в нашей стране благодаря потрясающим переводам Евгения Лукина.

Перед вами другой шедевр Барбары Хэмбли — эпическая сага о мире Дарвет.

О «темном мире» меча и магии, лежащем лишь в шаге от нашего мира — но недоступном нашему зрению.

О мире, в который ныне вторглись пришедшие из земных недр чудовищные дарки, уничтожающие все и вся на своем пути. И не спастись от дарков ни силой оружия, ни силой колдовства, ни Словом священников — если не найдет посланный и пересекший Пустоту колдун Ингольд в нашем мире ту, от которой теперь зависит — быть или не быть Дарвету.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Barbara Hambly, 1996, 1998
© Перевод. Н. Баулина, 2005
© Перевод. И. Голубева, 2005
© Перевод. Е. Черникова, 2005
© Подготовка текста. «Северо-Запад Пресс», 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

МАТЬ ЗИМЫ

Пролог

Светало. Одинокий всадник спешился у лестницы, прошел сквозь зияющий черный зев, где скоро встанут ворота, и застыл на краю темного колодца. Женщина, что лежала там, на обсидиановом возвышении, узнала его по очертаниям фигуры, по посадке головы... да она и не ждала никого другого. Порыв холодного ветра с ледников донес до нее запах свежей крови.

Когда он вышел на свет, стало видно, что он покрыт кровью с ног до головы, словно побывал на бойне. На левом предплечье засохла грязь: должно быть, он падал с коня...

Мужчина встал на самом краю котлована, глубокого, как ущелья Долины, окруженного загадочными механизмами из метеоритного железа со светящимися кристаллами. Магические линии слабо мерцали в свете нарождающегося дня. Повсюду на мостках и на платформах внутри котлована виднелись фигуры спящих людей, — они свалились от изнеможения прямо в колдовских кругах из серебристой пыли, засохшей крови, дыма и света.

Мужчина посмотрел в глаза женщине, единственной, что бодрствовала на своем постаменте.

Великое Заклятье отняло у нее все силы. Она с трудом приподнялась на локтях и закашлялась, чувствуя себя вдвое старше своих шестидесяти лет. Он двинулся к ней, осторожно проходя по бамбуковым навесным мостикам и

переходам, сплетавшимся в исполинском котловане в подобие тончайшей паутины, и по тому, как медленно, с трудом он переставлял ноги, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух, было ясно, что и у него нынче выдалась нелегкая ночь.

— Все готово, — обратилась к нему женщина, когда он приблизился. — Чары мы наложили, как сумели. Только не пересекай вон ту линию, и все будет в порядке.

Он с почтением относился к магии. Увы, в эти дни такое сделалось редкостью. Глядя, как он озирается по сторонам; женщина гадала: видит ли он сейчас то же, что и она — грядущие очертания величайшей цитадели.

Каждая руна, каждый сигил, каждый круг был начертан по отдельности, ее рукой, или руками тех чародеев, что спали сейчас вокруг, утомленные непосильной работой.

И все это зря...

Все впустую.

Она спросила:

— Они погибли?

Он кивнул.

— Все до единого?

— Да.

Ей было больно это слышать. Она знала и любила многих из тех, кто был убит в эту ночь

— Почему ты не позвал нас на помощь?

Лицо его было грязным и небритым; и даже концы длинных волос перепачканы. Голос скрежетал, как ржавое железо.

— У вас был один-единственный шанс наложить все эти заклятья. Ты же сама говорила... Миг, когда достигает пика сила солнца, луны и звезд. — Он сглотнул, превозмогая боль. — Жертва была не напрасной.

Она скрестила руки на обнаженной груди, под тяжелым темно-синим плащом. Ут-

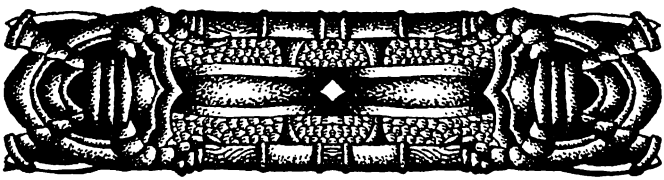
ро выдалось зябким. Где-то вдалеке журчали в скалах ручейки. Пахло влажной землей. В Долине пробуждались птицы.

— Нет, — возразила она. — Напрасной... ибо мы потерпели неудачу. Мы отдали все силы, но этого оказалось мало. И все это... — Она обвела рукой яму фундамента, недостроенные стены, замершие в неподвижности механизмы и паутину световых магических линий. — ...Все это пропадет втуне, и мы останемся ни с чем.

Голова ее поникла. Она не плакала уже много лет, с того дня, когда осознала истину, слишком ужасную, чтобы ее можно было выразить словами. Скорбь ее была подобна свинцовому жернову, утягивавшему их обоих в бездонные глубины отчаяния.

— Мне очень жаль...

Часть первая

ВЕЧНАЯ ЗИМА

Глава первая

— Ты видел? — Голос Джил Паттерсон звучал не громче шороха сухих ветвей плюща по каменной стене. Привычка сливаться с тенями давно уже стала для нее второй натурой. Двор, простиравшийся перед ними, казался пустым и тихим. Мраморные плиты на земле почти полностью скрывали грязь и лишайник, разросшийся кустарник мешал обзору; и все же она могла бы поклясться, что там что-то мелькнуло. — Чувствуешь?

На долю дюйма она продвинулась вперед, чтобы разглядеть получше, но стараясь все так же держаться в тени разрушенного перистиля.

— Что это?

Невольно на ум приходили призраки.

Пять лет прошло с тех пор, как здесь погибли восемь тысяч человек, — то была страшная ночь, и, возможно, их духи еще населяют эти места.

— Не имею ни малейшего понятия, дорогая.

Она не слышала, как он вернулся, после того как осмотрел внешний двор здания: он всегда умел двигаться совершенно бесшумно. В голосе, звучавшем так тихо, что никто, кроме Джил, не смог бы расслышать его слов, звучали мягкие бархатистые нотки и, одновременно, надтреснутая жесткость старой бронзы. Си-

ние глаза ярко блестели в тени надвинутого капюшона.

— Но там что-то есть.

— О, да. — Ингольд Инглорион, Архимаг Запада, умел прислушиваться так, что казалось: слух его объемлет весь этот обуглившийся, искореженный, опустевший город вокруг, улавливает все звуки, как мертвые, так и живые. — Сдается мне, — добавил он шепотом, прозвучавшим словно бы прямо в сознании Джил, — что наш преследователь объявился, как только мы миновали городские ворота.

Он сделал знак рукой, — почти неприметный, но после пяти лет совместных странствий в поисках книг и магических артефактов среди руин городов, населенных лишь упырями и чудовищами, приучили ее обращать внимание на такие вещи. Джил не слишком доверяла магии, равно как и не верила в призраков, а также в фей или в НЛО, — но распознать защитные чары было ей вполне под силу, и она прекрасно знала, что защитные чары Ингольда порой оказываются куда более прочными, чем иные вполне реальные крепости с крышей и стенами.

Поэтому то, что случилось дальше, застало ее совершенно врасплох.

Двор был довольно велик. Здесь, в доме, за крепкими стенами пытались найти укрытие несколько сотен человек в надежде избежать нашествия дарков. Теперь их черепа, выбеленные временем, незряче пялились на незваных пришельцев из-под занавеса серого плюща. Время близилось к полудню, и серебристая дымка, поднимавшаяся над городскими каналами, забитыми илом и грязью, постепенно начинала растворяться; цвет постепенно возвращался к поваленным красным колоннам, к синей и золотой черепице. Большая часть двора лежала укрытая

под жирным покрывалом белесого, сухого мха, именуемого людьми сланчем, — и именно этот сланч сейчас привлек внимание Джил.

Ингольд держался совершенно неподвижно, скрытый в полосатых тенях полуразрушенной колоннады, а Джил тем временем подошла взглянуть на мох.

— Мне ведь это не померещилось, верно? — Ее тихий голос в неестественном безмолвии этого места прозвучал резко, как удар кузнечного молота. — Чем дальше на юг, тем хуже.

Джил опустилась на колени, разглядывая следы, испещрявшую глинистую почву у самых краев сланча, и наставления Ингольда, — а также ее друга Ледяного Сокола, — зазвенели в памяти, словно тревожные колокольчики. Черт возьми, что делала эта росомаха? Бежала боком? Пыталась сожрать собственный хвост? А кролик... если только это кроличьи следы?.. Похоже, что-то запуталось у него в шерстке, но...

— Не может ли это иметь отношение к тому, что мы ищем? — Порыв ветра подхватил прядь волос, выбившуюся, словно темная ленточка, из косы, надежно спрятанной под тугой меховой шапкой. — Ты говорил, что Майя не знает, в чем тут дело. А раньше, до прихода дарков, животные в Пенамбре никогда не вели себя странно?

— Никогда не слышал о таком. — С этими словами Ингольд повернул голову, одновременно к чему-то прислушиваясь, откинул назад капюшон тяжелого бурого плаща, и длинные седые волосы рассыпались по плечам. Долгое путешествие отнюдь не пошло им на пользу. Бороду он постарался подровнять ножом пару дней назад, и теперь был похож на святого Антония после десяти раундов поединка с демонами.

«Впрочем, — подумала Джил, — в этом мире никто кроме нее, — да еще Ингольда,

потому что она ему сказала, — не знал, кто такой святой Антоний, хотя Майя, епископ Ренветский, бывший епископ Пенамбры и владелец возвышавшегося перед ними дворца, рассказывал ей легенду о местных святых отшельниках, у которых были те же проблемы».

Ингольд вовсе не выглядел угрожающе, — если не видеть его в действии. Он вообще любил оставаться незаметным, пока сам не пожелает, чтобы его заметили.

— Как бы то ни было, вполне возможно, что здесь роль играет скорее время, нежели расстояние. — В левой руке, затянутой в синюю перчатку, Ингольд держал шестифутовый посох, а правая лежала на рукояти меча. — Я бы даже... Сзади!

Лишь благодаря этому воплю тварь не смогла броситься Джил на спину, как рысь, валящая с ног оленя. Не успевая подняться с колен, она все же выхватила меч, наотмашь полоснув им в развороте и краем глаза замечая, что Ингольд с обнаженным клинком уже спешит ей на помощь. Что-то с силой ударило Джил по предплечью. Она еще успела разглядеть звериную тупоносую морду с торчащими зубами и какими-то странными, очень странными глазами...

Боль и холод полоснули по правой щеке, чуть ниже скулы. Отбросив меч, она выхватила кинжал и ударила с разворота, и почувствовала на руке кровь и горячие вываливающиеся внутренности. Однако тварь даже не дернулась. Длинные, как у обезьяны, лапы схватили Джил за плечи, и когти насквозь проткнули кожаный плащ. Монстр опять клацнул зубами у самого лица, метя по глазам. В свою очередь Джил с силой полоснула его по спине семидюймовым кинжалом, наточенным так остро, что мог бы разрубить пополам волосок. Клыки лязгнули, и от за-

паха крови ей сделалось дурно. В голове загудело. Взор помутился. Джил казалось, что она тонет в сухом ожившем сером песке.

— Джил! — Знакомый голос доносился откуда-то издалека, словно жужжание мухи на потолке в милях над головой. Она его слышала когда-то прежде... Возможно, во сне...

У нее болело лицо. Края раны на щеке казались ледяными по контрасту с горячей кровью. Почему-то ей показалось сперва, что она пробудилась в своей постели в Убежище Дейра, далеко отсюда, в долине Ренвет.

— Сколько времени? — спросила Джил. — Боль усилилась, и она вспомнила все, что произошло. У нее болела голова.

— Лежи спокойно. — Он склонился над ней, бледный от волнения. На рукавах плаща виднелись следы крови. Джил почувствовала, как он легонько касается раненой щеки. Ингольд снял перчатки, и пальцы его оказались на диво горячими. От запаха крови она вновь чуть не лишилась чувств.

— Ну как ты?

— Ничего. — Губы распухли, лицо с одного бока напоминало раздувшийся мяч. Подняв руку, Джил стянула промокшую насквозь перчатку, и кончиками пальцев принялась ощупывать лицо. Раны на щеке были липкими от крови.

— Что это было?

— Полежи еще немного. — Ингольд скинул с плеч дорожный мешок и торопливо принялся в нем копаться. — А потом сможешь взглянуть.

Он сноровисто изготовил лечебную повязку из трав и ивовой коры, которую приложил к ранам и примотал полосками ткани, дополнив свою работу исцеляющими чарами, противодействующими заражению. Одновременно он прислушивался и следил за всем происходящим во-

круг, словно набрасывая незримую ментальную сеть на местность, лежащую за пределами этих стен. Один раз он даже вскочил, подхватывая меч, лежавший рядом на грязных мраморных плитах, — но то, что потревожило покой сланча, тут же притихло и больше не шевелилось.

Ингольд вновь опустился на колени.

— Думаешь, ты сможешь сесть?

— Зависит от предложенной награды.

По его губам скользнула застенчивая улыбка, и он подхватил Джил под руку.

Тошнота накатила бесконечной горячей серой волной. Ей не хотелось выглядеть перед ним слабой, и потому Джил не стала цепляться за Ингольда в поисках тепла и утешения, как бы сильно ей того ни хотелось.

Несколько раз вздохнув поглубже, она, наконец, промолвила:

— Я в полном порядке. Так что это была за мерзость?

— Я надеялся, ты сможешь мне ответить.

— Шутишь?

Чародей покосился на мертвую тварь с короткой бульдожьей мордой, торчащими вперед острыми зубами и коротким мощным телом с четырьмя лапами, покрытыми чешуей, а затем пожал плечами.

— Тебе оказались знакомы многие существа в нашем мире: мамонты, бизоны, дикие птицы и даже дуики, — поскольку похожие животные некогда обитали и в твоем собственном мире. Я надеялся, что ты и тут смогла бы меня просветить.

Джил вновь взглянула на труп. Что-то в очертаниях плоских ушей, жирного голого хвоста, что-то в запахе, исходившем от мертвой твари, вызывало отвращение, но не своей чужеродностью, а, напротив, омерзительным чувством узнавания. Джил коснулась пальцев, кото-

рыми заканчивались мощные белые конечности. Когти оказались острыми, как бритва.

Черт! На что же оно похоже?

Ингольд разжал окровавленные челюсти.

— Вот, — произнес он негромко. — Взгляни. — На внешней стороне десен, сверху и снизу виднелись темно-пурпурные вздутия. Джил непонимающе покачала головой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, только голова слегка кружится.

Ингольд вновь взял ее за руки, прощупывая запястья, чтобы промерить пульс на разной глубине. Несмотря на то, что он был наделен недюжинной силой, прикосновение мага было удивительно мягким. Затем он вновь взглянул на существо.

— Оно привычно к холоду, — заметил Ингольд. — Возможно, явилось с севера? Взгляни на мех и на то, как распределяется подкожный жир. Я никогда раньше не встречался с арктическими животными, у которых были бы ядовитые железы... Вообще никогда не видел ничего подобного у млекопитающих.

Он покачал головой, разглядывая когтистые лапы твари и ее плоские мясистые уши.

— Я наложил на тебя чары против яда, которые должны нейтрализовать его действие, но сразу скажи мне, если вдруг почувствуешь, что кружится голова, или ты задыхаешься.

Джил кивнула. Сейчас она именно так себя и чувствовала, но ощущения были такими же, как после очередной тренировки с гвардейцами, в особенности к концу зимы, когда питание делалось скудноватым. Еще одна особенность их нынешней жизни, к которой пришлось привыкнуть за последние пять лет...

Оставив Джил на мраморной скамье с вырезанными изображениями фазанов, пав-

линов и цветов, которых в этих краях не видели вот уже десять лет, Ингольд завернул убитую тварь в полотняный мешок, который обычно носил с собой, и подвесил на ветви умирающей сикоморы на краю сланча, после чего наложил чары, отгоняющие крыс и прочих трупоедов, — чтобы они с Джил могли забрать свою добычу на обратном пути. Затем, вернувшись, он присел рядом на скамью и сгреб ее в объятия. Джил склонила голову на плечо мага, вдыхая запах его одежд и аромат тела и мечтая оставаться вот так, рядом с ним, целую вечность.

Порой ей казалось, несмотря на сорокалетнюю разницу в возрасте, что это все, о чем она когда-либо мечтала.

— Ты сможешь идти дальше? — спросил он, наконец, осторожно целуя Джил в уголок рта. — Мы можем подождать еще немного.

— Нет, пойдем. — Она выпрямилась, с сожалением высвобождаясь из его объятий. На это у них еще будет время. Но сейчас больше всего Джил хотелось поскорее отыскать то, за чем они явились в Пенамбру, а затем убраться из города ко всем чертям.

* * *

— Майя видел цилиндр лишь однажды. — Ингольд бодро шагал по колоннаде, минуя груды мусора, рухнувшиеся обуглившиеся балки, расколотую черепицу и горы битого камня. Все это было покрыто толстым слоем размокшего, а затем вновь намертво застывшего алебастра, поросшего сверху желтоватым лишайником и черными спутанными прядями всепожирающего плюща. Тут и там виднелись нашлепки сланча, — словно плевки грязи, исторгнутые небесами. Разбитая статуя какой-то святой печально взирала на незваных гостей из руин, и по розам и пус-

той колыбельке Джил опознала в ней святую Фиеллу Ильферскую.

— Майя всегда отличался ученостью и знал, что огонь можно использовать как оружие против дарков. Со всех окрестностей люди собрались здесь в надежде, что стены послужат им надежной защитой, и они смогут создать преграду из пламени, когда все прочие преграды падут. Здесь, как и во многих других местах, их надежды не оправдались.

Джил помолчала. Она помнила, как впервые увидела дарков. Помнила толпы бегущих неизвестно куда, объятых паникой людей, поднятых по тревоге с постели. Помнила, как падали и гибли мужчины и женщины под волнами накатывающейся тьмы. Помнила едва уловимый порыв ветра, кисловатый запах, предвещавший появление хищников, — и обрушившийся на нее поток слизи, когда она плечом рассекла тварь напополам.

Миновав полуразрушенное здание, они прошли в небольшой дворик, окруженный почерневшими, заросшими плющом стенами. Посреди двора лежала каменная плита с высеченным на ней крестом Истинной Веры.

— У Азимова был похожий рассказ, — заметила Джил.

Ингольд оглянулся с улыбкой.

— Верно.

Помимо исторических занятий в архивах Убежища Дейра Джил пользовалась немалым уважением среди гвардейцев как сказительница, пересказывая им Киплинга и Диккенса, Остин и Хайнлайна, Дойла и Коулз, чтобы скоротать долгие зимние ночи.

— И это правда, — продолжил старик. — Люди сжигали все, что могли, а днем охотились за остатками древесины. — Голос его звучал сумрачно и печально: ведь он знал всех этих

людей. В отличие от многих магов, в глубине души всегда оставшихся отшельниками, Ингольд был искренне расположен к окружающим. У него было множество друзей в Гае, северной столице Дарвета, и здесь, в Пенамбре: ученые и простые люди, собутыльники, которых Джил никогда не встречала. К тому времени, как она попала в этот мир, все они были уже мертвы.

Три года назад она с Ингольдом отправилась в Гай на поиски старых книг и магических предметов. Среди жалких изможденных существ, до сих пор населявших руины, Ингольд узнал кого-то из старых знакомых. Он попытался объяснить ему, что дарки, уничтожившие его разум, исчезли и больше не вернутся, — но в награду за все свои усилия едва не пал жертвой ржавых ножей и заостренных осколков камня.

— Не могу сказать, что осуждаю их за это.

— Конечно, — пробормотал Ингольд. Он остановился на краю огромной полосы сланча, начинавшегося у развалин епископского дворца и протянувшегося через окна и террасу до пересохшего канала. — Но факт тот, что многое было утрачено...

Внезапное шевеление в недрах сланча заставило мага насторожиться, и он взял посох наизготовку. Какая-то тварь в жестком панцире, похожая на огромного желтого таракана, выскользнула из зарослей и заторопилась к дверям дворца. Ингольд ловко выхватил из заплечного мешка глиняный кувшин и метнулся вслед за насекомым. Таракан с шипением обернулся, размахивая уродливыми крыльями; Ингольд поймал его на лету, зацепив горлышком сосуда, и прижал к земле. Тварь метила ему прямо в глаза.

— Весьма любопытно. — Он подсунул под горлышко кувшина лист бумаги, затем запечатал сосуд пробкой и, наконец, завернул

все это в какую-то тряпицу для пущей сохранности. — С тобой все в порядке, моя дорогая? — Он заметил, что Джил опустилась на колени рядом со сланчем, охваченная внезапной усталостью и чувством голода, таким сильным, какого не знала уже несколько месяцев. Она оторвала кусок сланча и принялась вертеть его в руках, гадая, нельзя ли каким-нибудь образом сварить и съесть эту мягкую суховатую массу, но тут же Джил тряхнула головой, поскольку в сладковатом аромате сланча ощущался какой-то чужеродный металлический привкус, — к тому же не стоило забывать и о таракане. Она отбросила серую массу и отряхнула руки.

— Все в порядке.

Ингольд помог ей подняться, и тут из недр пустынного дворца донесся какой-то быстрый пугливый шорох. Джил насторожилась, — и тут же ее вновь охватила тошнотворная слабость. Стиснув зубы, она попыталась изгнать тьму, затмевающую взор.

— Думаешь, крысы? — Эти огромные твари в городе были повсюду.

Синие глаза Ингольда сузились, и крошечные шрамы на веках и на коже под глазами выступили сильнее, словно сеточка ножевых порезов.

— Запах похож, да. Но перед тем, как на тебя напала та тварь, точно такие же шорохи донеслись вокруг сразу из пяти разных мест, отвлекая мое внимание. Подземелья вон там, если я все правильно помню.

С того самого момента, как она оказалась в этом мире, после пришествия дарков, Джил охраняла Ингольда, следуя за ним по пятам. Подземелья были почти разрушены дарками, и у Джил до сих пор при мысли об этих невидимых ночных охотниках волосы вставали дыбом. Она осторожно пробиралась вслед за магом по залу,

усеянному всевозможным мусором, — от разломанных, разграбленных сундуков и разбитых подсвечников до каких-то обглоданных костей. Дальняя дверь выводила прямо на лестницу. Снизу доносился запах воды, сырой и холодной, словно из могилы.

— Когда в городе началась охота за книгами, — архивными записями и всем, что могло гореть, — Майя отдал им все, что мог, а остальное спрятал. — Голос Ингольда приглушенно отдавался под сводами идущего наклонно коридора, а где-то далеко впереди, стремясь укрыться от яркого света, вспыхнувшего на конце посоха, плюхнулась в воду какая-то незримая тварь.

— Часть архивов он замуровал в старых кельях епископской башни, а затем принялся простукивать стены в подземелье, чтобы отыскать другие комнаты, замурованные в прежние времена, где он мог бы укрыть самые древние и ценные фолианты. Вот так он и обнаружил Цилиндр.

В этом лабиринте комнат и туннелей, составлявшем подземелье дворца, вода стояла на высоте пяти или шести дюймов. Свет посоха Ингольда бросал на нее ослепительные отблески, когда Джил с магом пробирались мимо полуразрушенных стен, густо поросших мхом и сланчем. Кладка была очень древней, и рисунок казался куда более грубым и старым, чем в Гае. Пенамбра была основана задолго до северной столицы; еще до первого появления дарков тысячи лет назад, — ее корни уходили во времена, недоступные человеческой памяти.

В этот миг Джил невольно вспомнился сам Майя, — тощий человек со впалыми щеками и скрюченными артритом руками, который вместе с Ингольдом потешался над тем, каким он был прежде: самоуверенным дилетантом, которому богатый и знатный покровитель купил

место епископа, хотя Майя был еще слишком молод, чтобы заслужить этот пост.

Возможно, и заслужил он его по-настоящему лишь в ту ночь, когда прятал книги, — в ту ночь, когда он вывел своих людей из разрушенного города и повел их в единственное безопасное место: в долину Ренвет, к черностенному Убежищу Дейра. Ингольд остановился перед заложенным кирпичом проходом.

Джил стояла в нескольких шагах позади, в ледяной воде, вслушиваясь в каждый звук, в каждый шорох, в каждый шум капель и глухое завывание ветра, стараясь не дрожать и не думать о яде, который, возможно, в этот миг растекается по венам. И все же если укусившая ее тварь и была ядовита, утешила ее Джил, то, похоже, яд был не слишком опасным. Бог свидетель, у него было достаточно времени, чтобы прикончить свою жертву.

Ингольд провел ладонью по сочащимся влагой кирпичам и что-то прошептал себе под нос. Джил не заметила никаких зримых изменений в кладке, но Ингольд уперся посохом в стену, — на конце его по-прежнему горел магический огонь, — а затем, достав нож из-за пояса, принялся вычищать раствор, который поддавался легко, точно труха. Пока маг один за другим высвобождал кирпичи, Джил даже не сдвинулась с места, чтобы помочь ему, да он и не ожидал помощи. Она лишь смотрела по сторонам и прислушивалась, готовая отразить любую опасность.

Таково было призвание всех, кто носил черную форму с белой нашивкой в виде листка клевера, — символ гвардейцев Гая.

Горящий посох Ингольд оставил в коридоре, чтобы Джил было легче следить за тем, что происходит вокруг. Сам он, будучи магом, прекрасно видел в темноте.

Из дыры, проделанной в кирпичной кладке, сочилась слабое мертвенное сияние, — это светился сланч, устилавший все стены внутренних помещений, но это сияние не освещало ничего. Ингольд принялся счищать тягучую шуршащую массу со столиков и сундуков, обнаруживая под толщей сланча слои промасленной кожи, защищавшей книги.

— Архивы, — пробормотал маг. — Майя молодец.

Цилиндр находился в деревянном ящике в нише задней стены. Длиной он оказался чуть больше ладони, в диаметре его можно было обхватить двумя пальцами, и сделан из прозрачного, как вода, стекла. Люди, жившие в Прежние Времена, до первого появления дарков, похоже, предпочитали простые геометрические формы. Ингольд на миг поднес цилиндр к губам, а затем, установив на край стола, принялся внимательно изучать, словно в поисках каких-то отражений. Джил заметила, что по тому, как маг держал Цилиндр, — тот был явно тяжелее обычного стекла.

Наконец, маг сунул его в заплечный мешок.

— Должно быть, кто-то из предшественников Майи счел его либо слишком опасным, либо святотатственным. — Ингольд осторожно выбрался наружу через дыру в кладке и вновь подхватил посох. — На протяжении многих столетий, — и это было не так давно, — магия подлежала анафеме, и люди вполне могли заживо замуровать в подземельях колдуна вместе с его игрушками. Эта комната была защищена Руной Уз, подавляющей любую магию... Одному небу известно, что еще они успели уничтожить за эти годы, но здесь... — Он коснулся заплечного мешка.

— Кто-то решил, что эту штуку стоит сохранить даже на протяжении столетий. Одно это оправдывает все наши усилия и потери.

Ингольд коснулся ее распухшего, перебинтованного лица. При этом прикосновении Джил ощутила прилив тепла и силы.

— Твою помощь невозможно переоценить, моя дорогая.

Джил отвернулась. Она до сих пор не знала, как отвечать на такие проявления любви и заботы, даже когда отучилась думать: «Когда он обнаружит, что я за человек на самом деле, то сразу бросит меня». Ингольд, к ее постоянному изумлению, и впрямь любил Джил так же сильно, как она его. Ей до сих пор было не понять, почему.

— Это моя работа, — просто сказала она.

Теплая, иссеченная шрамами, ладонь коснулась здоровой щеки Джил. Ингольд повернул ее лицом к себе и крепко обнял. Так они стояли, прижавшись друг к другу, — старик и воительница, — в поисках тепла и поддержки в гибнущем мире.

* * *

Два дня они потратили на то, чтобы перенести все книги. Два холодных дня, хотя на дворе стоял уже май месяц, и в прошлом климат Пенамбры скорее можно было назвать субтропическим: здесь в изобилии рос хлопок и сахарный тростник. Два дня сырости, когда каждый вечер приходилось заново натирать сапоги воском, а запасные — сушить у огня, два дня напряженной работы, когда приходилось таскать по лестнице тяжеленные фолианты туда, где во дворе хозяев дожидался мул, защищенный чарами, побеждавшими всех вокруг: «здесь нет никакого мула», и «это существо опасно и несъедобно».

Вторые чары, по мнению Джил, были недалеки от истины. На пути в Пенамбру она успела возненавидеть упрямого мула всем сердцем, но понимала, что нельзя отдать его на съедение местным хищникам.

Порой в нарушение устава гвардейцев Джил тоже приходилось трудиться. Чаще всего Ингольд посылал ее к подножию лестницы, ведущей из подножия подземелья, и она прислушивалась к происходящему во дворе, одновременно наблюдая за нижними коридорами. Маг отдавал ей свой посох, и магический свет отблесками ложился на грязную воду под ногами и на сморщенные толщи сланча. Все, что оказалось невозможно погрузить на мула, Ингольд перепрятал в более сухих помещениях и наложил чары против крыс и насекомых до той поры, пока кто-то еще не сможет предпринять долгое утомительное путешествие в Пенамбру из долины Ренвет, чтобы забрать эти сокровища.

Помимо книг — медицинских, исторических, юридических, а также обычной развлекательной литературы, — они отыскали все богатства Церкви: золотые чаши и сосуды, украшенные геммами и жемчугом, кресла с позолоченными спинками, церемониальные подсвечники высотой в человеческий рост и увешанные алмазами, образа святых, чьи глаза были выложены самоцветами, точно так же, как и орудия пыток, приведшие их к святости; мешки с золотыми и серебряными монетами. Все это они оставили в неприкосновенности, хотя Ингольд и забрал с собой серебро, а также несколько драгоценных камней без трещин, сколов и изъянов, — лишь такие могли удержать в своей сердцевине особо сильные чары. Оставшиеся сокровища он окружил заклятиями и охранными рунами. Несомненно, впоследствии все это могло пригодиться людям.

Ночью они дежурили по очереди, и даже занимаясь любовью при свете костра, ни один из них не мог позволить себе полностью расслабиться.

Конечно, разумнее было бы вообще проявить сдержанность, но опасность подстеги-

вала их обоих. Время от времени порыв ветра доносил до них запах дыма и человеческого пота, — это означало, что где-то неподалеку в зарослях у старых каналов прячутся грабители, либо упыри. Джил, бледная и страдающая, несмотря на все исцеляющие чары Ингольда, засыпала почти мгновенно; маг, запахнувшись в меховой плащ, сидел у огня, вслушиваясь во тьму.

Именно так Джил и увидела его во сне на вторую ночь, и поняла, что он должен умереть.

Они занимались любовью, и ей снилось, что они делают это вновь в своей крохотной комнатенке на первом уровне Убежища в кварталах стражи. Ей снилось, что она задремала, пресытившись нежными ласками, и ее темные растрепанные волосы рассыпались по его мускулистой груди. Во сне она ощущала запах его кожи, запахи еды, доносившиеся с кухни, промасленной кожи от одежды и оружия, — на эти ароматы она променяла запах выхлопных газов и синтетики своего былого дома.

Джил снилось, что пока она спала, он сел, подтягивая на себя одеяло. Белые волосы падали на плечи, а глаза из-под тяжелых век смотрели жестко и задумчиво. Сейчас в них не было ни любви, ни ласки, — казалось, он едва ли узнает Джил.

А затем, пока она спала, он начал творить свою магию, нашептывать слова, что заставят Джил обезуметь от любви, бросить друзей и семью, учебу в Калифорнийском университете и все остальное, что было ей так близко и знакомо. Он плел чары, которые с самого мига их встречи превратили ее в покорную рабыню.

Угроза дарков, весь этот ужас, огонь, эти раны, люди, которых ей пришлось убивать, все эти пролитые слезы... Все было рассчитано и входило в его планы. Всего этого он добился от нее колдовством, а не любовью.

Ярость Джил была подобна пробуждающемуся вулкану. Потрясенная, обманутая, униженная, она готова была уничтожить все на своем пути. Это насилие, — твердил ее разум. Предательство, алчность, похоть, лицемерие... Насилие.

Но он наложил чары, которые заставляли ее погружаться все глубже в сон, и тогда Джил поняла, что не обретет свободу, покуда жив Ингольд.

Она пробудилась и обнаружила, что сжимает в руке нож.

Она лежала во дворе епископского дворца у горящего костра. Мул, привязанный неподалеку, вдруг вскинул голову и запрядал длинными ушами, к чему-то прислушиваясь. Ингольд, сидевший к огню спиной, также насторожился. Золотистые отблески лежали на влажной поверхности сланча и на кожаных переплетах книг. Где-то вдалеке голос, похожий на человеческий, кричал, захлебываясь в агонии, под клыками незримого ночного хищника.

«Хорошо, — со странным спокойствием и ясностью сказала себе Джил. — Он отвлекся».

Почему у нее такое чувство, как будто все это было подстроено заранее?

Одеяло соскользнуло на землю, когда Джил встала на четвереньки, прижимая к боку нож. В сердце своем, в самой плоти своей несла она уверенность, что несчастный обитатель руин был убит ради нее, и точно так же она знала, что сейчас невидима для Ингольда, непроницаема для его магии. Если она будет двигаться тихо, как учили ее в гвардии, то перережет ему глотку с той же легкостью, как убила тварь, изуродовавшую ей лицо.

«И в этом тоже его вина, — с горечью подумала Джил, не сводя взгляда с тонкой пряди белых волос, выбивающихся из-под шапки

мага. — Наверняка это он накликал на меня ту тварь. Прежде я была прекрасна...»

Но она знала, что это не так. У нее было тонкое лицо с заостренными чертами и непокорной гривой черных волос, — Джил едва ли можно было назвать хорошенькой, в особенности по сравнению с матерью и сестрой, никогда не понимавших ее научных устремлений.

Осознание этой лжи заставило ее опомниться, — и полностью пробудиться. Джил посмотрела на нож в своей руке. «Господи Иисусе, — подумала она. — О, Иисусе...»

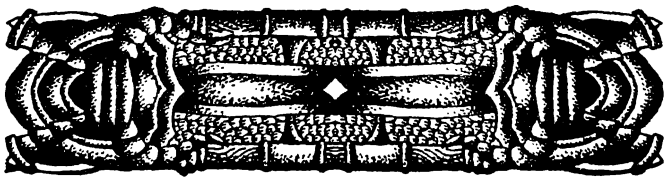
— Ингольд...

Он чуть заметно шелохнулся, пристально вглядываясь во тьму.

— Да, дитя мое?

— Мне приснился сон, — сказала она. — Я хочу тебя убить.

Глава вторая

Давным-давно, жил один мальчик, — начал Руди Солис.

— Жил один мальчик... — Альтир Элдорион, владыка Убежища Дейра, поуютней устроился на сундуке, служившем ему постелью, и сложил ручки на груди. В его синих глазах плясали отблески пламени в очаге.

— И жил он в огромном дворце...

— И жил он в огромном дворце.

— И множество слуг ухаживали за ним и исполняли все его желания.

Синие глаза сомкнулись. Тир глубоко задумался. У него были длинные черные ресницы, а из-под шапочки вырывались непослушные локоны. Порой он казался куда старше своих пяти лет.

— Каждое утро он ездил кататься на лошади вдоль реки, и все слуги должны были ехать с ним, — чуть погодя, продолжил Тир. — И у них у всех были луки со стрелами, а еще они везли лук и стрелы для мальчика. Они стреляли птиц у реки...

Он нахмурился с расстроенным видом.

— Они стреляли красивых птиц, и не потому, что были голодны. Там, на реке, была черная птица с длинными ногами и хохолком белых перьев на голове, и мальчик выстрелил в нее из лука. Когда птица улетела, мальчик сказал слугам: «Я желаю, чтобы вы изловили это существо сетями», — на сложных словах голос мальчика

слегка запинался, — «и принесли мне, ибо я не желаю лишиться своей... своей добычи»... Что такое добыча, Руди? — Он открыл глаза.

— Добыча — это то, что ты приносишь домой с охоты.

Руди смотрел на огонь, гадая, сколько времени прошло с той поры, когда черные цапли обитали на болотах близ Гая.

Сто лет? Двести? Эти знания были частью колдовской науки, но сейчас он ничего не мог припомнить. Наверняка Ингольд с ходу выдал бы ему все нужные сведения, заодно мягко пожурив юных магов, которым, чтобы излечиться от забывчивости, нужно делать на руках татуировки... И заодно там же можно записать и свое собственное имя. — Похоже, это был скверный мальчишка. Что скажешь?

— Да. — Тир вновь закрыл глаза, сосредоточившись на погребенных в памяти воспоминаниях из чужой жизни. — Он был жестоким потому, что всего боялся. Он боялся... боялся... — Тир попытался ухватить ускользающую мысль. — Он думал, что все хотят ему зла, что они сделают королем кого-то другого вместо него. Братьев его папы и их детей. Так сказал ему папа. Его папа тоже был плохим человеком.

Он взглянул на Руди, и тот обнял его за плечи. Даже королевские покои в Убежище Дейра были тесными и обставленными очень скромно, — тем, что удалось разыскать в самом Убежище или на развалинах уничтоженных городов. Дорога на юг через Ренветский перевал была очень нелегкой. В ту пору, когда люди со всех концов королевства пытались добраться до Убежища, они нередко пытались облегчить свои фургоны, выбрасывая из них мебель, которую теперь собирали по обочинам, — но год под дождем и снегом явно не пошел ей на пользу.

— Но почему, если человек все время боится, это делает его злым? — заинтересовался Тир. — Разве если он будет злым, люди не станут обижать его еще сильнее?

— Если то были слуги его отца, они не могли обижать его в ответ, — пояснил Руди, который много нового узнал о дворцовых порядках с тех пор, как покинул Южную Калифорнию. — Может статься, что он меньше боялся, когда плохо себя вел.

Тир кивнул в знак согласия, но, похоже, что-то по-прежнему беспокоило его. Насколько мог судить Руди, сам мальчик был совершенно не способен ко злу.

— А почему братья его папы хотели стать королями вместо него? Ведь быть королем так ужасно.

— Может, они этого не знали.

Похоже, Тира его слова ничуть не убедили. И это можно понять. Тир помнил, каково это — быть королем. Много, много, много раз подряд.

Большая часть его воспоминаний представляла интерес скорее для Джил, чем для Руди. Именно она в передышках между тренировками гвардейцев и прочими своими обязанностями пыталась по кусочкам восстановить историю Дарвета и близлежащих земель, историю взаимоотношений колдунов, церкви Истинного Бога и родовитых семейств с южными империями, удельными княжествами Фелвуда и далекими морскими державами на востоке. Скорее всего, она могла бы точно вычислить, в какого именно короля превратился этот злой мальчишка, стрелявший по птицам, кем был его отец, и какие политические соображения двигали его дядьями, желавшими устроить государственный переворот, — впрочем, похоже, все они там друг друга стоили.

Хотя скорее всего никакого переворота не произошло, ведь если бы этот мальчик

не повзрослел и не женился, то не передал бы свои воспоминания потомкам, одним из которых и стал Тир.

И это было бы настоящей трагедией. Как колдун, Руди отмечал про себя все подробности воспоминаний о дворце, опознавал цветы, сады, птиц и животных, мельком замеченных среди деревьев, — теперь он вполне явственно мог представить себе то место, которое наяву видел лишь в развалинах. Но больше всего его увлекала жизнь былых времен, отношения между людьми, то, как жестокость переплеталась с жестокостью, как злость порождала зло на протяжении поколений, как подозрительность и неограниченная власть породили на свет маленького негодяя, который всеми силами стремился отравить жизнь окружающим. Немудрено, что у Тира порой были глаза древнего старца.

— Руди? — после торопливого стука в дверь просунулась взъерошенная светловолосая головка. — Милорд Руди, — тут же поправился мальчуган с широкой улыбкой. — Привет, Тир. Милорд Руди, ее величество просит, чтобы вы подошли к Дверям. Фаргин Гроув совсем ее допек, — добавил он, когда маг встал и потянулся за посохом.

— Замечательно. — Вот уже много лет Руди мечтал о том, чтобы расквасить нос Фаргину Гроуву. — Спасибо, Геппи.

— Руди, а можно мы с Геппи пойдем поиграем?

— Ну, конечно, парень. Насколько я знаю Гроува, быстро он нас не отпустит.

Геппи с Тиром побежали вперед, а Руди двинулся по широкому главному коридору королевского анклава, — только здесь и сохранились в неприкосновенности просторные залы, которые во всех прочих частях убежища давно

уже разделили на сотни крохотных комнатушек, — а затем спустился по Королевской Лестнице. Кто-то воспользовался перилами, чтобы растянуть бельевые веревки, так что Руди пришлось пригнуться, чтобы, наконец, добраться к выходу. В штанах из грубой замши, в шерстяной рубахе и ярко раскрашенной куртке из бизоньей шкуры, с темными волосами, свисающими почти до плеч, Руди едва ли являл собой воплощение колдовского достоинства, и лишь деревянный посох, истертый множеством рук и увенчанный металлическим полумесяцем с заостренными концами, выдавал в нем истинного мага.

Своды Придела терялись высоко во тьме, и лишь крохотные точки света намечали мосты, пересекавшие его на четвертом и на пятом уровне. От гладких, как стекло, стен эхом отражались болтовня и смех прачек, трудившихся прямо у небольших каналов, протекающих прямо в каменном полу; многие из них дружески приветствовали проходящего мимо Руди.

Голос Фаргина Гроува грохотал над этой привычной повседневной суетой подобно раскатам грома в летний полдень.

— Если мы их содержим, так пусть они отрабатывают свой хлеб! — Гроув был рослым мужчиной, и его силуэт, выделявшийся на фоне слепящего света, просачивающегося через распахнутые ворота Убежища, Руди опознал сразу же. — Если же они свой хлеб отрабатывать не желают, а я что-то пока этого не вижу, то пусть подыщут себе более полезное занятие или убираются вон! Как и некоторые другие, которые жиреют тут на наших харчах... Все до единого должны выходить в поля и вносить свою лепту в охрану...

— Да, зорко же они станут бдить за порядком на ночном дежурстве после целого

дня в полях. — Руди, спустившись по широким ступеням и растерянно моргая от слишком яркого света, присоединился к остальным.

Гроув с сердитым видом обернулся к нему. Это был человек с грубыми чертами лица и светлыми волосами, — большая редкость в Дарвете, — лет на пять постарше Руди. Янус, командир гвардейцев, поспешил скрыть улыбку, — он уже дважды терял своих бойцов из-за бездарных действий сельского ополчения Гроува, — а леди Минальда, последняя королева Дарвета и владычица Убежища, подняла руку, призывая всех к молчанию.

— Руди. — Ее негромкий мелодичный голос не выражал никаких эмоций, словно она и не слышала слов возлюбленного. — Мастер Гроув сегодня приехал из Поселений, чтобы привезти нам овец и из твоих уст услышать, почему до сих пор не удалось уничтожить сланч на полях.

Руди распахнул глаза.

— *Что?*

За те три года, что сланч появился в лесу и на лугах, как в долине Ренвет, так и близ речных Поселений, он превратился в пагубную заразу, неподвластную никаким силам и воздействиям. Ни сам Руди, ни даже Ингольд не нашли способа борьбы с этой дрянью.

В считанные дни он вырастал вновь на прежнем месте, даже если землю засыпать солью, залить маслом или кислотой, или любыми иными веществами, какие только могли найти маги; точно так же вырастал он, если слой земли на этом месте начисто снять и сжечь: сланч прорастал и в образовавшейся яме, и на горелой земле. Заклятья также были против него бессильны. Он рос и распространялся повсюду, порой медленно, а порой и с пугающей быстротой.

— Почему он не спросит меня о чем по-

проще — например, избавиться от крыс в Убежище или от пыльцы весной?

— Не умничай тут, мальчишка, — рявкнул Гроув. — Думаешь, если ты сидишь, читаешь свои книжки и пальцем не шевельнешь, чтобы сделать хоть что-то полезное, то можешь грубить человеку, который трудится на земле, но...

Руди уже открыл было рот, чтобы возразить: ведь до прихода дарков Гроув жил припеваючи в Гае, да и сейчас большую часть работ на полях выполняли его жена и сыновья вместе с сотнями колонистов, переселившихся в долину у реки три года назад. Однако Альда не дала ему заговорить, промолвив все тем же дружелюбно-нейтральным тоном:

— Полагаю, Руди хотел сказать, что существуют проблемы, решения которых мы не знаем, и эти проблемы существовали многие тысячи лет... Вполне возможно, что сланч — тоже одна из них. — Едва уловимые порывы ветра с горных кряжей чуть заметно перебирали длинные черные волосы королевы и играли молодой листвой в деревьях, что росли в сотне ярдов от убежища. — Нам сие неведомо.

— Эта дрянь всего три года назад появилась, — заметил Руди, которому Альда неприметно наступила на ногу.

— И за эти три года, — возразил Гроув, — сланч уже начал уничтожать поля, которые мы засевали с таким трудом, портить зерно и убивать деревья, — все, от чего зависят наши жизни и жизни наших детей. — Взмахнув рукой, он указал на дома, стоящие ниже по склону, и на поля, усеянные точно болезненными язвами, белесыми пятнами сланча. Вокруг каждого из этих пятен, виднелись бурые круги мертвой гниющей пшеницы.

Гроув решительно поджал губы. Выцветшие глаза, как стеклянные бусинки, не-

довольно взирали на стройную черноволосую женщину, на молодого мага в раскрашенной куртке и на широкоплечего командира гвардейцев, как будто он подозревал всех троих в каком-то тайном сговоре с целью лишить его средств к существованию.

— Эта дрянь губит посевы! И уж коли речные Поселения каждый год посылают в Убежище зерно, молоко и мясо, то мы имеем право хоть что-то получить в уплату за наши труды.

— Помимо того, что мы рискуем головой, патрулируя окрестности? — язвительно переспросил Янус, и Гроув нахмурился.

— Мои люди сами могут патрулировать местность! Что толку нам знать, что в десяти милях отсюда появились саблезубы или эти проклятые дуики? — Разумеется, он умолчал о том, что именно гвардейцы прошлой зимой предупредили его о появлении Белых Всадников, и о том, как они сражались осенью с грабителями. — Только благодаря нашим усилиям все эти бездельники в Убежище могут жить спокойно, ни о чем не заботясь... — Взгляд его скользнул на Руди, а затем — на округлившийся живот Альды под поношенным зеленым шерстяным платьем.

Владычица Убежища уверенно встретила его взгляд.

— Вы хотите сказать, что Совет Поселений проголосовал за то, чтобы перестать посылать провизию в Убежище и отказаться от патрулей гвардейцев и помощи магов, которые живут здесь?

— Проклятье! Ничего мы не голосовали! — рявкнул Гроув, который, насколько было известно Руди, даже не входил в Совет Поселений. — Но как человек, трудящийся на земле и содержащий всех вас, я имею право знать, что происходит! Никто из ваших колдунов даже не пришел взглянуть на мои поля.

— А что, сланч у вас чем-то отличается от других?

— Благодарю вас, что пришли к нам, мастер Гроув. — Альда склонила голову, а когда Гроув сделал шаг по направлению к Убежищу, добавила, с изумительной точностью выбрав момент: — Вы и ваши люди можете располагаться в Убежище. Чувствуйте себя как дома.

Он запнулся на полушаге, стиснул челюсти, но вслух пробормотал лишь:

— Благодарю вас, госпожа. Ваше величество, — поправился он под давящим взглядом ее небесно-голубых глаз. Последний раз покосившись на Руди, он махнул небольшой группе всадников, пригнавших в убежище отару овец. Все они последовали за ним внутрь, по пути смущенно кланяясь Альде, а затем исчезли за Дверями.

Руди встряхнулся, словно в надежде, что враждебность Гроува скатится с него подобно дождевым каплям.

Ласковым голосом, который с детства выработали у нее бесчисленные наставники по этикету, Минальда промолвила:

— В один прекрасный день я разобью этому человеку физиономию.

— Нужны уроки? — поспешил предложить Янус, и они дружно рассмеялись.

— Ну, почему, — со вздохом спросила Минальда чуть позже, когда они с Руди по раскисшей тропинке двинулись в сторону ферм, принадлежащих Убежищу, — всем известно о чарах, способных превратить кого-нибудь в дерево или в лягушку, или в бродячую собаку, но никто никогда не слышал о таких, которые превращали бы... такого вот болвана в нормального человека?

Руди пожал плечами.

— Может, потому что если бы я сказал: «Абракадабра, пусть этот урод станет нор-

мальным», — ничего бы не изменилось. — Он покачал головой. — Бр-р-р! Похоже, я слишком долго общался с Ингольдом.

Минальда засмеялась и коснулась его руки. Пальцы их тут же переплелись, словно были созданы друг для друга.

Фермы располагались довольно далеко от крепостных стен, так что маг и его возлюбленная могли держаться за руки, не оскорбляя ничью нравственность. Все в Убежище знали, что ученик Ингольда — любовник королевы и отец ее будущего ребенка, но вслух об этом старались не говорить: религиозные предрассудки было трудно искоренить, и к колдунам многие по-прежнему относились без особой симпатии.

— Боюсь, тебе все же придется спуститься туда, — промолвила Альда чуть погодя.

— Сейчас?

Они взглянули друг на друга, и королева свободной рукой легонько коснулась растущего живота.

— Думаю, да, — промолвила она деловито. — Он приходит уже во второй или в третий раз, требуя, чтобы мы как-то боролись со сланчем. В Поселениях он пользуется большим влиянием, пусть не среди дворян, но среди охотников и земледельцев. Если он в открытую нарушит законы Убежища, то, скорее всего, превратится в разбойника. Ребенок родится не раньше, чем месяца через два, ты же знаешь.

Руди это знал. Хотя, за те пять лет, что он был учеником Ингольда, ему приходилось принимать роды десятки раз, но мысль о том, чтобы Альде рожать в отсутствие старшего мага, пугала его до жути.

Альда была особенной. Владычица Убежища, вдова последнего из королей, мать Тира...

Мать его будущего ребенка.

При этой мысли он содрогнулся, ощущая одновременно томление, радость и странное недоумение. Он будет отцом. Этот ребенок в ее животе, в животе женщины, которую он любил больше всего на свете в обеих Вселенных, — был частью его самого.

Невольно — наполовину в шутку, но и наполовину всерьез, — он подумал: «Бедный малец, ну и гены...»

И все же...

Под всеми этими многослойными юбками почти ничего пока не было заметно, но Минальда уже преобразилась и сияла, в точности как сестры Руди, когда те счастливо выходили замуж и рожали детишек своим обожающим супругам.

Ингольд давно научил Руди чарам, которые маги обычно налагают на своих подруг, чтобы помешать зачатию, но Альда умоляла его не использовать их. Никто в Убежище пока ни словом не обмолвился о том, что их владычица носит ребенка колдуна, но даже епископ Майя, человек весьма широких взглядов, несмотря на все церковные предрассудки, не был свободен от недобрых предчувствий.

— А нельзя подождать, пока вернется Ингольд?

— Но ведь это всего на один день. — Он чувствовал смущение в голосе Альды, во всех ее движениях и в том, как она отпустила его ладонь и скрестила руки на груди. — Хоть мне и неприятно соглашаться с тем, что говорит этот человек, но он прав: сланч уничтожает посевы. Если мы не добьемся, чтобы в этом году урожай был лучше, чем в прошлом, запасы не позволят нам дотянуть до конца зимы.

— Год был плохой. — Руди покрепче ухватил свой гладкий отполированный посох. — Прошлая зима была очень жестокой, и если

Джил права, и наступило всеобщее похолодание, то дальше будет только хуже.

К западу, за мохнатыми елями высились Снежные горы, нависавшие над узкой долиной и над ледником. В дальнем конце долины другой ледник сполз вниз с кряжей, именуемых Заслоном, подобно огромной застывшей приливной волне. Теперь все чаще ветер вместе с запахом свежей зелени и травы доносил до людей запах безжизненного льда и стылых камней. Руди невольно подумал, что горы, надежно укрывшие людей от дарков, теперь вполне способны уморить их голодом.

Из-за изгородей на Руди и Альду задумчиво взирали коровы. Помогая Альде перебраться через невысокую насыпь, молодой маг с огорчением заметил, как сильно она похудела. По весне рацион в Убежище сократился еще сильнее. Даже невзирая на запасы зерна, оставшегося с прошлого года и провизию, которую посылали фермы с реки, в Убежище вот уже несколько месяцев никто не ел досыта. Глубоко в подземельях находились гидропонные баки, но Руди прекрасно сознавал, что действуют они отнюдь не так эффективно, как нужно. К тому же, пшеницу и кукурузу все равно следовало выращивать под открытым небом, а в горных долинах плодородная земля была большой редкостью.

Плетеную изгородь, окружавшую сланч на лугах, вновь пришлось передвинуть. Теперь эта белесая дрянь уже почти достигла ручья. Трава повсюду гибла; очень скоро изгородь вновь придется смещать вперед. Три года назад, когда сланч только появился близ Убежища, Руди с Ингольдом сошлись во мнении, что ни людям, ни животным нельзя позволять есть эту неизвестную субстанцию, пока не станет окончательно ясно, что это такое.

Однако разобраться с этим им не удалось до сих пор.

На лугу ветер колыхал траву, усеянную россыпью мелких пестрых цветочков. Руди отметил про себя, что в этом году змей стало куда меньше, да и жаб почти не видно. Пастушата помахали им издалека, отгоняя овец, присланных Поселениями в основную отару. Среди них Руди заметил Тира в ярко-синей шапочке и Геппи Нула, его лучшего друга. С той поры, как Геппи стал пастушонком, — немыслимая честь спать под открытым небом и источать аромат навоза, — будущий король сгорал от зависти и пару дней даже всерьез собирался отречься от короны ради того, чтобы также уйти в пастухи.

— С ума сойти. — Руди помахал им в ответ, а затем, пригнувшись, подлез под изгородь. Альда неловко последовала за ним, глядя на волнистую морщинистую поверхность этой странной белесой растительности. Впрочем, растительности ли? Порой Руди в этом сомневался. Изучая сланч, он не нашел ничего похожего на семена, споры, корни и стебли. Сланчу для роста как будто бы не требовалось ни воды, ни света. Он просто расползался, — шесть дюймов в высоту и дюйм в глубину, цепляясь за землю белесыми пальцами-отростками.

Опустившись на колени, Руди выдернул одно из таких щупальцев, похожее на плоскую ленту. Ощущение было отвратительное, — сухая холодная мерзость, похожая на гриб. Судя по следам вокруг, животные вовсю поедали сланч, и до сих пор ни гвардейцы, ни охотники из Убежища не заметили в лесах обилия мертвых грызунов.

И все же инстинкты предупреждали Руди об опасности. Он знал, что сланч таит в себе нечто скверное, — вот только не знал, что именно. Он слегка сжал белесое щупальце в кулаке,

пока оно не рассыпалось с приглушенным хрустом, а затем отряхнул ладони о штаны. Ингольд с огромным трудом раздобыл серу в бывшем квартале красильщиков в Гае и сумел изготовить серную кислоту, чтобы уничтожить сланч. Химия подействовала, но после этого земля стала непригодна для посевов, а сланч вырос опять через пару недель. Ради столь скромных результатов не стоило и рисковать, возвращаясь в Гай за новой порцией серы.

— Как ты думаешь, эта штуковина, о которой Майя говорил Ингольду, — Цилиндр, который он нашел в подземельях Пенамбры, — сможет чем-то помочь нам против сланча? — спросила Альда, державшаяся чуть поодаль. Она куталась в плащ, пошитый из старых платьев и занавесок.

— Возможно. — Руди вернулся к ней, на ходу стряхивая пыль со штанов и сапог. — До сих пор Ингольду и Джил не удалось найти ни слова про сланч ни в одном из архивов. Но как знать... Возможно, до первого появления дарков он рос повсюду, как маки и маргаритки. В один прекрасный день Тир заглянет в свои воспоминания, потом посмотрит на меня и воскликнет: «А, так мы же поливали его апельсиновым соком — и он сразу съеживался и рассыпался в прах». Вот и все.

Альда засмеялась, а Руди покосился назад, на холодную жирную массу сланча у себя за спиной. Увы, до праха было еще далеко...

— Вряд ли на это стоит рассчитывать, — промолвил он.

Солнце медленно опускалось за три пика, охранявших перевал Сарда: Антир, Мамонт и Молотобоец. Воздух над ледником по-прежнему был пронизан светом, а закат окаймлял облака багрянцем, охрой и янтарем, и, отражая это великолепие, снежные поля сверкали точно залитые жидким золотом. Огненные отражения

играли и на стенах Убежища Дейра, видневшегося за деревьями, — этой цитадели, выстроенной, чтобы сохранить остатки человеческой расы и помочь им пережить темные времена, покуда вновь не выглянет солнце.

Однако сейчас, глядя на жидкие побеги на полях у реки, испещренных белесыми пятнами сланча, и на стылые рощи, где деревья никак не желали зацветать, Руди вдруг усомнился, окажутся ли древние стены Убежища надежной защитой.

«Вечно мне не везет. Я сумел попасть в мир, где мне нравится жить, где я владею магией, где я нашел любимую женщину, — и теперь мы все тут умрем от голода.

Этого и следовало ожидать».

* * *

— Владения моего племени лежат у подножия Зачарованной Горы, между Ночной Рекой и рощами Проклятых Земель, а к северу — до Большого Льда. — Ледяной Сокол снял перевязь с мечом в ножнах, ни на миг не выпуская оружие из виду, и скинул плащ, куртку и длинный серый башлык, при этом все время держа правую руку свободной. — И никогда на этих землях за все те годы я ничего не слышал о сланче.

Комната гвардейцев была освещена лишь несколькими световыми кристаллами. Большую часть этих молочно-белых полиэдров Гнифт установил в тренировочном зале, где в свободное время могли заниматься как гвардейцы, так и телохранители вельмож и их сыновья.

Новая смена готовилась заступать на дежурство, и свет поблескивал на стальных пряжках и амуниции; жутковатые тени таились во тьме, а на другом конце длинной комнаты

кто-то захохотал, слушая, как капитал Мелантрис зло и точно изображает Фаргина Гроува.

Со вздохом Руди привалился к стене рядом с очагом.

— А ты когда-нибудь ездил на Север, в Земли Льда?

Юный воин недоуменно приподнял снежно-белые брови.

— Жизнь в племенах и без того трудна, — промолвил он. — К чему усложнять ее еще больше, путешествуя в те края?

— Некоторые бывали там, — неожиданно заметила Сейя, пожилая женщина с коротко подстриженными седыми волосами.

— Никогда о таком не слышал.

— Хм, — пробормотал Руди. — Сланч явно арктического происхождения... По крайней мере, он появился, только когда похолодало.

— Но ведь его никогда не видели близ Земель Льда, — резонно указал Белый Всадник. Его длинные косы цвета слоновой кости с вплетенными в них высохшими костяшками пальцев с негромким перестуком упали воину на грудь, когда он пересел ближе к огню, чтобы погреть руки. Как и у прочих гвардейцев, его ладони были в мозолях, а лицо и руки — в синяках после тяжелых тренировок. Это было таким же привычным явлением, как скрип потертой кожаной перевязи или запах дыма, исходивший от одежды. — Кроме того, наши шаманы и песнопевцы никогда не упоминали ни о чем подобном. Может, сланч создал какой-нибудь злобный шаман?

— Какой еще шаман? — устало спросил Руди. — Маги Геттлсенда говорят, что эта дрянь на равнинах распространилась уже на целые мили до Зубчатых Гор. К чему какому-нибудь шаману накладывать столь... безграничные чары?

Ледяной Сокол пожал плечами. Как и

все Белые Всадники, он был параноиком с рождения.

— Что до еды в холодное время, — продолжил он, счищая грязь со своего черного кожаного плаща, — когда дичь уходит, мы ели траву и корешки, насекомых и даже ящериц, если придет нужда.

Лицо Ледяного Сокола обветрилось на холодном ветру. Глаза и волосы его казались ослепительно белыми. Руди часто замечал, что даже когда Ледяной Сокол был чем-нибудь занят, правая рука его всегда была готова схватиться за меч. Конечно, то же самое можно было сказать и о прочих гвардейцах, но даже они не переставали удивляться Белому Всаднику: Джил рассказывала, что между собой они держат пари, закрывает ли Ледяной Сокол глаза, когда спит.

— Порой, во времена великого голода, мы даже выкапывали луковицы тигровых лилий, запекали их в земле с корневицами граплы, чтобы вытянуть яд, а потом съедали.

— Жуть какая.

— Молись своим предкам, чтобы тебе никогда не узнать, какая это на самом деле жуть.

— Мы ели такие штуковины навроде камней... — Руди и не слышал, как Тир подошел ближе. Мальчик казался очень маленьким и хрупким для своего возраста, а также довольно молчаливым, но не столько из застенчивости, сколько из задумчивости, вызванной гнетом чужих воспоминаний и страхов.

— Они были жесткие, как камни, пока их не сваришь, а потом становились мягкими. Мама... Мама того, другого мальчика толкла их с чесноком.

Ледяной Сокол поднял брови. Он слышал о наследственной памяти, — по его словам, такими воспоминаниями обладал старый

шаман в его племени, — и, конечно, не собирался задавать вопросы, которые могли бы смутить ребенка.

— Похоже на... — Руди задумался. Такого слова на языке Вейта он не знал. — Похоже на то, что мы называем картошкой. А как это называл твой мальчик?

Тир нахмурился, копаясь в чужих воспоминаниях.

— Земляные яблоки. — Он заговорил медленно, произнося слово, которое Руди никогда ни от кого не слышал за все пять лет своего пребывания в этом мире. — Но они выращивали их в воде, там, в цистернах в подземелье. Их было очень, очень много. Целые комнаты. Они их показывали мальчику, — добавил он, задумчиво глядя куда-то вдаль.

— Кто ему показывал, малыш?

Мелантрис, изящная фигуристая блондинка с волчьим сердцем, тем временем, перебирала причины, на которые может сослаться Гроув, чтобы не присылать в июле Убежищу положенные запасы сена; она держала пари на завязки для рубахи, — обычная валюта в эти дни, поскольку проклятые шнурки постоянно рвались, — и с другого конца комнаты тотчас же послышались радостные вопли и смех. Руди заговорил еще тише, чтобы никто, кроме Тира, не смог его услышать.

Тир глубоко задумался, сидя рядом с отсутствующим видом. Руди поражался, какой чистюля этот мальчик, — он никогда не видел ничего подобного ни в Калифорнии, ни в Вейте. Даже к концу дня после игр с пастушатами его кожаная курточка и шерстяные синие штанишки оставались безупречными. Одному богу известно, — подумал Руди, — как долго это продлится.

— Какой-то старик, — промолвил Тир наконец. Он смотрел во тьму, не видя вокруг себя ничего. — Даже старше Ингольда. Старше, чем Старик Гатсон с пятого северного уровня. Он был лысый, с большим носом, а на руках у него были синие узоры, и еще такой рисунок, похожий на змею по всей голове. — Тир пальцами изобразил спиральную линию, начинавшуюся от середины макушки и спускавшуюся ко лбу. От изумления Руди позабыл, как дышать. — И это был не мальчик, — продолжил Тир, — они показывали это взрослому королю.

Впервые за все время он отметил разницу. Впервые он, похоже, понял, что мальчики, подарившие ему свои воспоминания, затем повзрослели и стали мужчинами, — а потом, прожив жизнь, умерли.

Руди, стараясь говорить небрежным тоном и не выдать свое волнение, поинтересовался:

— Хочешь, мы пойдем, посмотрим, малыш?

— Ладно.

Тир посмотрел на него и улыбнулся, вновь превращаясь в обычного пятилетнего мальчугана, серьезного и застенчивого, но все же готового к любым приключениям.

Когда они уже собрались уходить, Ледяной Сокол заметил, не поднимая глаз:

— Знаешь, а ведь тебе все равно никто не скажет спасибо. Эти всезнайки — Фаргин Гроув, Энас Баррелстейв и лорд Фнак... Что бы ты ни нашел, они все равно скажут: «Ах, *это*... Мы и сами в любой момент могли бы это обнаружить».

— Ты умеешь приободрить, как никто другой, — заметил Руди.

Белый Всадник, счищая засохшую кровь с лезвия ножа, отозвался.

— Такова моя жизненная цель.

* * *

«Это он! — подумал Руди, спускаясь с Тиром по Королевской Лестнице, завешанной выстиранным бельем. — Это он!»

Впервые воспоминания Тира доподлинно коснулись первой Эпохи Дарков. Большеносый лысый старик с татуировкой на голове и на руках наверняка был тем самым Парнем с Кошками.

Записей, восходящих к первому пришествию дарков, не сохранилось. Джил с Ингольдом разыскали архивы в Гае, которым было не меньше семи веков; две книги, найденные в развалинах города магов, оказались копиями более давних копий, — якобы точными, — фолиантов двухтысячелетней давности. Церковные архивы, которые аббатиса Джованнин вывезла из столицы, содержали свитки приблизительно той же эпохи на языках и диалектах, с которыми был незнаком даже Ингольд, несмотря даже на свою великую ученость. Потрудившись над ними вместе с Джил, он сумел дать приблизительный перевод двух или трех документов, — и еще два свитка, как утверждала Джил, были скопированы на глаз, то есть без всякого понимания смысла.

Но на самых верхних этажах Убежища, а также в потайных подземельях и в речных пещерах дальше в долине им удалось отыскать серые кристаллические полиэдры, величиной как молочно-белые световые кристаллы: остатки технологий былых времен, и когда Джил догадалась, что серые кристаллы могут содержать архивные записи, а Ингольд придумал, каким образом можно их считывать, они впервые увидели, каким был этот мир до катастрофы, произошедшей три тысячи лет назад.

Парень с Кошками был на двух из этих архивных кристаллов.

Сами кристаллы были магическими и читались лишь с помощью предмета, который Руди именовал «просмотровым столом» — он отыскал его совершенно случайно в затерянной угловой комнате на третьем уровне, — однако из тридцати восьми записей меньше дюжины содержали сведения о магии как таковой и о магических приемах. Кроме того, ни Руди, ни Ингольд так и не смогли добиться, чтобы картинки сопровождались звуком; хотя даже немые архивы были бесценны. Магию в ту пору использовали совсем по-другому, прибегая к помощи машин, оставшихся в лаборатории, — но Ингольд так и не сумел привести их в действие. Тем не менее заклятия и чары той далекой эпохи явно были аналогичны современным. Руди и Ингольд изучали все, что могли, отыскивая схожести и различия, с переменным успехом пытаясь воссоздать забытую магию, — а в то же самое время Джил изучала немые картинки в других кристаллах, чтобы побольше узнать об исчезнувшей культуре и обычаях того мира.

В общем и в целом, по мнению Руди, их догадки об исчезнувшей эпохе были столь же точны, как выводы, которые могли бы сделать ученые далекого будущего об американской цивилизации после изучения мотелей, туалетов и программы телепередач.

Одно несомненно: изучая архивы, Руди и Джил научились узнавать многих персонажей той эпохи... Все они умерли примерно тогда же, когда на Земле свирепствовала Троянская война.

Каждому они придумали имя, — не слишком почтительное, но удобное для запоминания.

Гном.

Мистер Памфрит, — его окрестили так не столько из-за сходства с давно забытым персонажем телешоу, сколько из-за точной, ди-

дактичной манеры изложения: он что-то объяснял о взаимодействии света, звезд и серебристой космической пыли, демонстрируя все это с помощью какой-то загадочной стеклянной черной тарелочки.

Лысая Дама.

Матушка Гусыня.

Меченый.

Черный Бард.

И, наконец, Парень с Кошками.

И вот теперь Тир утверждал, что Парень с Кошками был в Убежище. Значит, кем бы ни был старый маг, но он принадлежал к поколению, видевшему первое пришествие дарков.

К поколению, которое первым сражалось с ними. К поколению, построившему Убежище.

— Мальчик как-то раз здесь потерялся, — шепотом поведал Тир, когда они двинулись по одному из второстепенных коридоров третьего южного яруса. Ночь всегда была суетливым и шумным временем в Убежище: именно сейчас готовили ужин, заключали сделки, вели ухаживания, обменивались сплетнями в паутине комнатенок, проходов и туннелей на разных уровнях, — более всего устройство Убежища напоминало ряд спаянных между собой деревенек, а вовсе не единое здание. Руди по пути пришлось задержаться, чтобы узнать, как Лилибет Хорнбин бросила своего очередного жениха, поздороваться с лордом Анкресом, одним из тех немногих вельмож, которые уцелели и добрались до Убежища, — его лордство поприветствовал молодого мага едва заметным холодным кивком, — а также сделал небольшой крюк до мастерской Табниса Крабфута, чтобы поинтересоваться, как здоровье его жены.

Тир тем временем продолжал:

— Он играл со своими сестрами. У него было пять сестер, и все они его обижали,

кроме самой старшей. Он очень испугался, когда оказался здесь, в темноте.

«Какой мальчик? — спрашивал себя Руди. — Как давно это было?»

Порой, если послушать Тира, казалось, что все эти мальчики — один и тот же человек.

Он сам.

— Они послали мага, чтобы он нашел мальчика? — Самого Руди нередко просили обыскать закоулки Убежища или окрестный лес в поисках пропавших детишек.

Они поднимались по лестнице близ анклава, принадлежавшего лорду Скету и его прихлебателям, — грубые деревянные ступени сквозь дыру в потолке соединяли апартаменты Скета на третьем уровне с его же владениями на четвертом. Здесь воздух был гораздо теплее. Пахло едой и человеческим жильем.

Вообще, Руди не мог надивиться на колдунов, построивших Убежище: поразительно, но им удалось так наладить вентиляцию и водяные насосы, что все это работало до сих пор. Сами они с Ингольдом, как ни старались, так и не сумели добиться подобных результатов. Конечно, насосы, ветровые щели и трубы они смогли разыскать, но каким образом все это устроено — оставалось загадкой.

Мимо прошел мальчуган, который нес на коромысле два ведра воды, а с ним — слуга в ливрее Скетов. Скет считал, что единолично владеет источником воды в том ярусе, где жили многие его слуги и работники. Альда предполагала, что за пользование водой с посторонних они берут плату, но не могла этого доказать.

— Угу, — пробормотал Тир. — Тогда в Убежище было три мага: старик, женщина и девочка. Это девочка нашла мальчика, который потерялся.

— Так это не те колдуны, что показали королю картофель?

Тир задумался.

— Угу. Это... Кажется, тот король был раньше. Намного раньше.

Впервые он смог хоть немного упорядочить свои воспоминания. Элдор — покойный отец Тира — обладал некоторыми воспоминаниями Дейра Ренветского; по словам Ингольда, память предков была еще у многих в его роду. По мнению Ингольда, маги, построившие Убежище, внедрили память предков в некоторые семейства, чтобы обеспечить сохранность знаний, но заранее было невозможно предсказать, у кого и когда эти знания всплывут.

Они шли дальше по полутемным коридорам, несколько раз свернули за угол, следуя маршрутом, проложенным Тиром, — впрочем, тот помнил лишь, каким Убежище было три тысячи лет назад, без учета проделанных позднее проходов, ведущих напрямик.

— Там дальше будет лестница, но мы можем подняться и здесь, — сказал он, указывая на очередной зал.

Они находились на самых задворках четвертого яруса, где вода поступала нерегулярно из-за поломок в системе снабжения, и потому селились тут лишь бедняки, а также те, чьи земли были уничтожены сланчем; те, кто потерял свои стада; те, кто продал или заложил сперва свою землю, а затем и свободу, обменяв все это на еду, которой было в достатке у богачей. Многие из здешних комнатушек, расположенные вдали от мостов, пересекавших основной проход, вообще оставались необитаемы. Здесь скверно пахло. Конечно, было здорово жить в крепости, где все вентиляционные системы функционировали спустя три тысячи лет, но у Руди было такое впечатление,

что пару веков назад кто-то потерял книжку с инструкциями. Уж если насос ломался — он так и оставался сломанным.

Руди ничего не говорил об этом Альде, но сам жил в постоянном страхе, что внезапно поломается все оборудование, и начнется цепная реакция, как обычно бывало в таких случаях. «Тут уж нам придется туго», — думал он про себя.

Кроме того, на задворках Убежища коридоры были более прямыми: ведь здесь никто не жил подолгу и потому не перестраивал стены. Даже тьма здесь казалась гуще, вдали от факелов, масляных ламп и световых кристаллов в железных подставках.

Лестница, куда вел его Тир, находилась на самом краю четвертого яруса, в пустынной зоне, где пахло крысами, неуничтожимыми в Убежище, несмотря на все заклятья магов. Если бы не бело-голубой огонь, горевший на конце посоха Руди, этот длинный коридор совершенно провалился бы во тьму. Из ниши в стене на них печально взглянула какая-то статуя: святая Прулла, — Руди узнал ее по сломанному топору в руках.

Когда Джил поведала ему эту историю, он никак не мог понять, почему бог разломал топор напополам лишь *после* того, как старая Прулла лишилась головы. Кровавая полоска у нее на шее была аккуратно прочерчена красным.

Лестница была сколочена из грубых досок и оказалась весьма крутой. Тир устремился вперед, топая по ступеням, и Руди послал ему вслед шар магического света, чтобы озарить мальчику путь.

Сам он двинулся вперед чуть медленнее, посохом освещая грубую дыру в потолке, через которую лестница выводила в верхний зал. Яркий магический свет заполнил помещение и дал Руди возможность довольно ясно разглядеть существо в дверях.

Оно было примерно ему по колено. Грязновато-желтого или белесо-желтого цвета, как сгусток гноя, вот только в оттенке этом чувствовалось нечто неестественное.

У твари была голова, но не было глаз, хотя как только маг поднялся по ступеням в комнату, она повернула к нему свою приплюснутую башку на тощей шее. Также у нее были руки и ноги, — впоследствии Руди так и не смог припомнить, сколько именно.

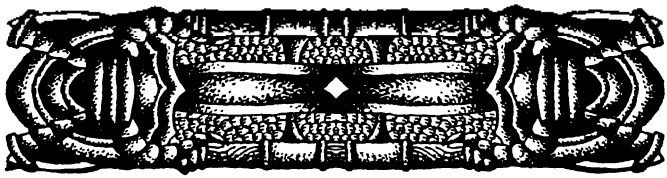
Он так изумился, что чуть не упал, споткнувшись о каменный порог. В этот миг ему пришлось отвернуться, чтобы, ухватившись за стену, восстановить равновесие. Когда он вновь посмотрел в ту сторону, существо уже исчезло.

— Тир! — Руди метнулся вперед. — Тир, берегись!

Он чуть не выпал из дверей, одновременно освещая коридор вспышкой света и чувствуя прилив мертвящей паники.

Он взглянул направо, потом налево, и тут же увидел, как Тир спешит ему навстречу из соседнего помещения, футах в пятидесяти дальше по коридору.

Тварь исчезла бесследно.

Глава третья

— Стой на месте!

Тир испугался, — но больше из-за паники, звучащей в голосе мага, нежели от чего-то еще, и послушно застыл в дверях, в то время как Руди постарался еще ярче осветить коридор. Он проверил все комнаты, расположенные поблизости, испытывая страх всякий раз, когда приходилось поворачиваться спиной к темному коридору. Комнаты в большинстве своем были совершенно пусты. Все полезное давно разграбили: из деревянных ящиков вытащили гвозди, с бочонков сняли обручи и забрали даже занавески на входе, заменявшие в Убежище двери. Впрочем, пару раз молодому магу попались комнаты, загроможденные всевозможным мусором, оставленным здесь жителями пятого яруса.

Используя магию, Руди постарался ощутить постороннее присутствие, но ему не хватило сосредоточения. Впрочем, теперь он вспомнил, что существо ничем не пахло и не издавало никаких звуков даже при бегстве.

— Может, то был габугу? — предположил Тир, когда Руди рассказал ему о том, что видел. — Это такие волшебные зверушки, которые живут в лесу и воруют у коров молоко, — добавил он обычным тоном ребенка, который вынужден что-то объяснять взрослым. — Мама Геппи рассказывает про них всякие истории.

Кое-что о габугу рассказывал Руди и Ингольд, и хотя эти существа никогда не суще-

ствовали в действительности, легенды о них оказались довольно живучими, особенно на юго-востоке. Однако, если верить этим сказаниям, габугу были гуманоидами: с голубой кожей, сияющие и «разодетые, как князья», — такое описание вечно заставляло Руди задаваться вопросом, где все эти сказочные персонажи покупают малоразмерные платья и рубашки. Наверное, в том же самом месте, где супергерои заказывают немнущиеся чулки... С другой стороны, он ведь не верил также и в существование драконов, пока один из них не напал на него среди бела дня.

— Что бы это ни было, здесь ему уж точно не место. — Руди опять опасливо огляделся по сторонам, а потом посмотрел на мальчика. Теперь, когда тревога слегка отступила, он начал яснее осознавать весь смысл происшедшего. *Нечто* обитало на верхних этажах Убежища. Нечто такое, чего он никогда не видел и о чем никогда не слышал, — а это означало, что, скорее всего, не слышал о нем и Ингольд. Старик никогда в жизни не упоминал при Руди ни о каких странных маленьких безглазых монстриках, а значит...

Руди и сам толком не знал, что это значит, — но не сомневался, что впереди их ждут большие неприятности.

— Думаю, нам лучше вернуться домой, малыш. — Он взял Тира за руку.

— Но ты ведь сказал, что он ростом даже меньше меня, — возразил мальчик. — И у него не было ни рта, ни зубов, ничего похожего. Я хочу на него поглядеть. Может, у него есть сокровища.

— А может, у него есть когти, — твердо возразил Руди и повел ребенка обратно к лестнице. Странно, но он никак не мог припомнить, были ли у существа когти на самом деле. — Может, у него длинные тощие пальцы, которыми он тебя задушит...

«Может, у него есть старший брат или целая *толпа* старших братьев».

— А как же земляные яблоки... картошка? — Тир произнес это слово почти по слогам, превосходно имитируя калифорнийский акцент Руди. — Если завтра ты собираешься на Речные Поселения с мастером Гроувом, то мы еще долго не сможем их искать.

— Уж если они ждали нас пару тысяч лет, то подождут еще три-четыре дня. — Руди в последний раз выглянул в коридор, прежде чем войти в комнату с лестницей. Его сил пока не хватало, чтобы поддерживать яркий магический огонь более нескольких минут, так что вскоре сияние съежилось, превратившись в две дымных звездочки на кончиках металлического полумесяца, венчавшего посох. — Кроме того, я и шагу не сделаю из Убежища, пока не разберусь, что здесь происходит, и пусть мастер Гроув катится ко всем чертям.

Прежде чем спуститься по лестнице, Руди сперва посветил туда посохом и убедился, что нижняя комната пуста, а затем бдительно следил за Тиром, покуда мальчик спускался по ступеням. За это же самое время он успел оглянуться через плечо на пустынный коридор раз семь или восемь, или даже десять.

До сих пор он и не отдавал себе отчета, насколько привык воспринимать безопасность Убежища, как нечто само собой разумеющееся.

* * *

— Ты уверен, что это была не иллюзия? — первым делом спросил у него Ингольд.

Руди глубоко задумался.

— Не знаю, — промолвил он наконец и покатал магический кристалл на ладони, что-

бы образ старого мага сделался яснее. Судя по окрестностям, колдун находился в каком-то заброшенном доме в Виллочалде, — а это четыре или пять дней пути от долины Ренвет.

Руди оставалось лишь вздохнуть с облегчением. Он сомневался, что в одиночку сумеет справиться с этой новой напастью.

— Обычно я неплохо различаю иллюзии, — продолжил он медленно. — Мне кажется, та тварь была вполне настоящей.

Сам он сейчас находился в комнатенке, где обычно они с Ингольдом занимались магией; рядом, поджав под себя ноги, сидела Альда, крепко обнимавшая Тира.

Мальчик, несмотря на поздний час, еще не спал и с интересом прислушивался к разговору двух магов.

— Однако это существо не издавало ни звука, ни запаха. Мы с малышом искали кое-что, оставшееся от предков... А, кстати! Тот Парень с Кошками из архивных кристаллов, помнишь? Тир видел его в Убежище много лет назад! Он в точности его описал, так что мы знаем, где он жил. Но чудища Тир не видел. Верно, парень?

— Чудища не видел, — подтвердил мальчуган. Хотя он был вполне способен копировать взрослую речь и даже придворные интонации, но зачастую смешивал их с грубой крестьянской речью и словечками, почерпнутыми у пастухов. Альда закатила глаза.

— Хм, — протянул Ингольд, почесывая бороду. В глубине души Руди надеялся, что старик, услышав этот рассказ, воскликнет: «А, ты об *этих* безглазых резиновых тварюшках? Знаю-знаю...» Хотя, с другой стороны, по крайней мере, он не побледнел и не схватился за сердце с криком: «Боже правый! Забаррикадируйте все двери и никуда не выходите!»

— Пожалуй, мы все-таки не можем исключить вероятность, что это была иллюзия, — наконец объявил Ингольд. — И, учитывая бдительность стражников у Дверей и все защитные чары, которыми окружены лестницы и входы в Убежище, трудно вообразить, как сюда могло попасть какое-то неведомое создание. С другой стороны, чего только на свете не бывает... Капитанам стражи на пятом уровне это не понравится: Корам Биггар, старик Виккет и Гатсоны втайне выращивали там цыплят... Им наплевать, что от этого вокруг прибавлялось крыс... В общем, полагаю, нужно заставить гвардейцев обшарить все как следует.

Он подумал еще пару мгновений, а затем, прищурившись, добавил:

— Скажи им, пусть возьмут с собой собак.

* * *

Стражники устроили обыск той же ночью и ничего не нашли. Они приступили к досмотру вскоре после полуночи, невзирая на недовольство обитателей Убежища, обшарили четвертый ярус, затем пятый, и обратно, не пропустив ни одного коридора и лестницы. Они также расспросили всех местных жителей, не видели и не слышали ли они чего-нибудь странного. Не было ли слухов о пропавшей еде, о непривычных запахах или следах неизвестных существ...

Все оказалось безрезультатно. И, разумеется, Ингольд был прав: все Биггары, Брауны, Гатсоны и Виккеты подняли страшный шум.

— Да кому какое дело! — раскричался старик Гатсон, угрюмый патриарх, чье семейство занимало комнаты на пятом ярусе, — наименее престижном, потому что нигде поблизости здесь не было сброса для отходов.

— А как же люди, которые живут прямо под вами? — спросил у него Янус, с омерзением глядя на зловонные ящики и кувшины, загромождавшие одну из пустующих комнат. — От вас тараканы расползаются повсюду.

— Ну и что, — прорычал старик. — Внизу живет Варкис Хогширер, и для него мне тараканов не жалко! Двадцать пять процентов он с меня взял за посевную пшеницу — *двадцать пять* процентов! И ему еще повезло, что я не...

— Довольно! — гаркнул командир стражи, а тем временем Руди с Ледяным Соколом бесшумно прошли дальше по пустынному коридору, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Здесь, в стенах, еще словно бы ощущался дух древней магии, той магии, что одолела дарков. Магии природы, действие которой Руди до сих пор не мог объяснить. Но он чувствовал, точно так же, как чувствует человек жару или холод, некий магнетизм, покалывание в кончиках пальцев... Это ощущение было сродни тому, как если бы за плечом у него стоял незнакомец, нашептывая слова на неведомом языке.

Маги построили Убежище. Их лаборатории существовали до сих пор, глубоко в подземельях, у гидропонных залов. От гигантских механизмов, что изготовляли и хранили там, не осталось ничего, кроме мусора и пятен на полу. Руди боялся даже подумать, что сталось с ними. Однако, более компактные машины, созданные из золота, стекла и сверкающих серебряных трубок, удалось отыскать там, где их запрятали маги древности. Отголоски их чар еще ощущались в самых разных местах: помимо избранных комнат, в церковном секторе, где не действовала никакая магия, существовала также келья на втором уровне, где силы Руди и Ингольда, напротив, увеличивались и изменялись странным образом, так

что чары действовали вовсе не так, как хотелось. Еще на пятом южном ярусе Ингольд обнаружил участок коридора длиной в три фута, где он мог шепотом сказать какое-то слово, и Руди услышал бы его на третьем ярусе подземелий.

В крипте имелся зал, способный убить любое животное, вошедшее туда, и даже человека, — но странным образом щадивший кошек; на третьем южном ярусе имелась стена, где время от времени появлялись размазанные буквы, словно бы начертанные пальцем, но буквы эти складывались в слова, недоступные даже пониманию Ингольда.

Так почему бы и Парню с Кошками не охранять свои запасы картофеля с помощью маленьких безглазых домовых? И все же Руди в этом сомневался.

Скрестив руки на груди, он вслушивался в окружающее безмолвие.

Неподалеку из комнаты в комнату расхаживали гвардейцы, и факелы их отбрасывали на пол и на стены желтоватые отблески.

Они спрашивали у тощих мужчин и женщин, и у детей с голодным хищным взглядом, что обитали здесь: «Не пропадала ли у вас еда? Не видели ли вы каких-то странных следов?.. Нет ли каких-нибудь мест, куда дети боятся ходить?..»

— Нет, господин. Нет, господин. Да что вы, моя Джедди бегает тут повсюду, как у себя дома. Она бы мне точно рассказала, если бы что-нибудь заметила. Да скажи ему сама, Джедди...

Статуя дородного святого в желтовато-белом одеянии снисходительно улыбалась из ниши, взирая на Руди, и тот ощутил мгновенную неловкость, словно ему подбрасывали намек, которого он никак не мог понять.

* * *

Долгое время после разговора с Руди Ингольд сидел неподвижно и молчал, — по крайней мере, Джил полагала, что их разговор давно закончен, хотя ничего не могла слышать, когда маги общались между собой с помощью двухдюймовых желтоватых осколков кварца, которые вертели в пальцах так, чтобы в кристаллах отражался свет. За полуразрушенными стенами виллы Джил слышала голоса волков.

Пробудившись на звук голоса Ингольда, Джил ощутила такую ярость, такую гневную уверенность в том, что именно он повинен во всех ее несчастьях, что ей пришлось до боли сжать кулаки и смотреть на побелевшие костяшки пальцев, пока ярость не улеглась.

Без всякой причины ей вспомнилась Шерри Рейнольд, великолепная загорелая фигуристая блондинка, которая подружилась с ней в старших классах. Шерри стала стюардессой, вышла замуж за дантиста и купила дом размером с небольшое общежитие в университетском городке. В это же самое время Джил боролась с нищетой и пыталась защитить докторскую по средневековой истории.

Она вспомнила, как они с Шерри сидели в кафе в Вествуде, и та говорила: «Сама не знаю, зачем я это делаю. Мне даже не нравится вкус спиртного. Я знаю, что выпивка не решит никаких проблем, не поможет мне и только все ухудшит. И все равно... Вот я сижу с дюжиной пустых стаканов перед собой и говорю какому-нибудь мужику, которого никогда в жизни раньше не видела, свой номер телефона и домашний адрес... — Это было уже после развода. — Такое ощущение, будто слова: «Ну же, выпей еще рюмочку» доносятся прямо из воздуха и не имеют от-

ношения ни к чему: ни к прошлому, ни к будущему, ни вообще к реальности, — и это самое правильная, разумная вещь во вселенной. И я должна это сделать...»

Убей его. Убей Ингольда.

Самая правильная и разумная вещь на свете...

Она закрыла глаза, попыталась вспомнить, что ей снилось — кажется, что-то связанное с матерью и сестрой? — что так ее разозлило и лишило всякой надежды на счастье в будущем.

Хотя она говорила с ним об этих снах, об ужасных мыслях, возникавших в мозгу, маг отказался связывать ей руки.

— Дорогая моя, оружие может понадобиться нам в любой момент, — заявил Ингольд. — И я тебе доверяю.

— Напрасно.

Они стояли под умирающей сикоморой во дворе, — там, где Джил подверглась нападению, — и взирали на разодранный мешок, лежавший на земле.

От твари, напавшей на Джил, мало что осталось: все уничтожили падальщики, невзирая ни на какие чары, наложенные Ингольдом на сам мешок и на дерево.

— Тогда скажем, что я доверяю себе самому. — Маг подобрал остатки задней лапы хищной твари и сунул ее вместе с остатками рваного мешка в седельную суму на спине у мула. — Я не знаю, что заставляет тебя нападать на меня, но если эта неведомая сила убыстрит твою реакцию и отучит размахивать впустую руками при боковых выпадах, я буду рад с ней познакомиться.

Он улыбнулся. Занимаясь с таким наставником, как Ингольд, Джил в поединке могла одолеть кого угодно из гвардейцев, и потому на его поддразнивания она ответила широкой ухмылкой и швырнула в него веревку, которую

держала в руках. От этого шутливого выпада маг ушел с той же легкостью, как избежал бы смертоносного удара.

— Вот! — внезапно услышала она негромкий голос Ингольда. — Вот, ты меня слышишь? Ты здесь?

Джил обернулась. Ингольд вновь держал в руке кристалл, который отбрасывал желтоватые отблески на его лицо. Под глазами залегли глубокие тени.

— Такое случалось прежде? — спросила она. — Я хочу сказать — до прошлой недели?

Он поднял голову.

— Извини, дорогая. Я тебя разбудил? Нет, — ответил он на вопрос, когда Джил отмахнулась, показывая, что это не имеет значения. — И меня очень беспокоит одно: за последние дни у меня то и дело возникает ощущение, что Вот или кто-то еще из геттлсендских магов пытается со мной связаться, но никак не может пробиться.

Он встал и подошел к Джил. Они находились в бывшей библиотеке, одной из немногих комнат на вилле, где уцелели крыша и все четыре стены, хотя все три окна, разумеется, были разбиты. В неверном пламени костра можно было разглядеть остатки фресок на стенах, изображавших романтические сцены.

Джил слегка подвинулась, и Ингольд уселся рядом, по-прежнему держа в руке кристалл.

— Я надеялся, — продолжил он негромко, — что если Руди сумел ко мне пробиться, то я дозовусь Вота, но — не тут-то было. У меня странное ощущение некоего... давления, как от потока, струящегося глубоко под землей, как от натянутой веревки, которая вот-вот порвется. — Он отложил кристалл и замолк, глядя на разбитое окно и рассеянно поглаживая бороду.

— А что сказал Руди?

Ингольд поведал ей об этом. Услышав описание твари, которую Руди обозвал габугу, Джил охватило странное чувство чего-то знакомого, словно она когда-то видела нечто подобное наяву или во сне. Но тут же это чувство исчезло. Слишком странные сны снились ей в последнее время, и в них было нечто большее, чем просто стремление убить Ингольда, уничтожить его... Кроме того, эти грезы вселили в душу Джил нежелание делиться с ним происходящим... И даже когда она пыталась сосредоточиться и вычленить хоть какой-то смысл из этих смутных, аморфных видений, все растворялось и исчезало, и Джил больше не могла вспомнить того, что видела во сне.

Так оно случилось и на сей раз. Ингольд прервался, почувствовал, что его спутница желает заговорить, но стоило Джил вздохнуть поглубже, как слова застряли у нее в горле, словно у заики, и она уже не смогла вспомнить, снилась ей такая тварь или нет. Она в смущении потрясла головой, на что Ингольд, кивнув, просто промолвил:

— Любопытно.

И тут Джил подумалось, словно чей-то чужой голос произнес в глубине ее сознания: «Оно появится у окна». Она понятия не имела, в чем дело, но машинально проверила оружие и прикинула, сможет ли дотянуться до спины Ингольда, когда маг повернет голову.

Тут же все в ней воспротивилось этому желанию. «*Как Шерри Рейнольдс...*» И внезапно мул вскинул голову и испуганно завизжал.

Ингольд развернулся рывком. Джил подлетела, словно распрямляющаяся пружина, выхватывая меч стремительным движением. Краем глаза она заметила какую-то огромную бледную тварь, цепляющуюся за подоконник конечностями, больше похожими на клешни, а также круглую пасть на том месте, где никакой пасти

быть не положено, услышала влажный чмокающий звук... Размахнувшись, она нанесла клинком удар такой силой, что едва не вывихнула запястье, а затем застыла, вся дрожа, словно бегун-марафонец. Горло саднило от нечеловеческого крика.

Ингольд уже двинулся к ней. Джил прохрипела:

— Нет! — И рухнула на колени, обливаясь потом. Рана на лице горела огнем. Несколько мгновений она не видела вокруг ничего, кроме собственных побелевших пальцев, стискивающих рукоять меча, и не осознавала ничего, кроме подступающей волны тошноты. За это время Ингольд успел подойти к окну и вернуться. Тварь снаружи исчезла.

— С тобой все в порядке?

Голос его доносился словно откуда-то издалека, подобно рокоту волн в пустой раковине. Хотя глаза Джил были открыты, она не видела перед собой ничего, кроме огненных пятен. Ингольд обнял ее, и она прижалась к нему, упираясь щекой в плечо с такой силой, словно их уносило течение, и она боялась, что ее вот-вот смоет волной.

— Джилли... — прошептал он ласково. — Любимая, все в порядке... Все хорошо...

Желание выхватить нож и воткнуть лезвие ему между ребер вновь накатило кровавой волной, вызывая тошноту. Джил покрепче сцепила руки, пытаясь заглушить голоса, звучащие в мозгу. И, наконец, ярость отступила, оставляя за собой лишь ощущение позора и отчаяния.

* * *

Как и подозревал Руди, Гроув так настаивал, чтобы маги возобновили борьбу со сланчем, лишь потому, что эта проклятая субстанция появилась на его собственных полях, — самых

лучших и плодородных землях в этой части берега. И хотя солнце давно уже опустилось за горами, когда небольшой отряд достиг усадьбы с пристройками, окруженной деревянным частоколом, — Гроув все равно стал требовать, чтобы Руди произвел первичный осмотр.

В усадьбе проживал Гроув со своей семьей, слугами и наемными рабочими. Все они принесли ему клятву верности в обмен на обещание защиты. Еще трое вельмож, прибывших в Убежище из Гая, поселились в таких же небольших укреплениях вместе со своими бывшими челядинцами и крестьянами, обрабатывавшими окрестные земли.

Даже если бы Джил заблаговременно не рассказала Руди о том, к чему привели подобные обычаи в их собственном мире во времена средневековья, он и сам о многом мог бы догадаться. Именно поэтому он и уступил мольбам Минальды, несмотря на все свое нежелание покидать Убежище, так и не решив вопрос с габугу.

Минальда очень настаивала, и, к тому же, отсутствовать он должен был не больше суток. Домашним животным в Убежище требовалось сено, чтобы пережить зиму, однако далеко не все наследники великих Домов готовы были вспомнить свою клятву и оказать необходимую помощь Альде, владычице Убежища.

Так что ни к чему было прибавлять ей забот.

— А теперь вы, ребята, вздумали устанавливать всякие законы вместо того, чтобы дать людям жить так, как им хочется, — скрежещущим голосом досадовал Гроув. — Мне это не по душе, но я готов уважать волю леди Альды. Конечно, она всю жизнь была королевой и привыкла к хорошей жизни. Я подумал, может, она больше знает обо всем этом, чем я?

Широким шагом он двинулся в обход полей, таща Руди за собой. Ограда здесь была

не просто деревянной, но еще и укрепленной массивной земляной насыпью и заостренными кольями, и если на полях Убежища такие загородки были призваны отвадить мышей и оленей, то здесь частокол выдержал бы и натиск мамонтов.

— Я спрашивал, с какой стати нам отдавать часть своего урожая, и все мне говорят: «Молчи, Гроув, в Убежище поддерживают Истинные Законы и всякие замечательные знания, и все то, что составляют цивилизацию...»

— А я думал, все за это голосовали, потому что вы брали в Убежище зерно для посевов, топоры, плуги и домашний скот, — с сарказмом возразил Руди, едва поспевая за хозяином.

Гроув побагровел.

— Любой организм, который не осмеливается расти, рано или поздно умрет! — проревел он. — То же самое относится и к человеческому обществу. Те, кто цепляется за старые порядки и торгуются, считая, что голоса десяти тявкающих трусов имеют больший вес, нежели голос истинного мужчины, готового...

— И когда эта дрянь здесь появилась? — перебил его Руди, который не желал больше ничего слышать об Истинных Мужчинах. Он остановился среди кукурузного поля на том месте, где побеги начали чахнуть. За бурой полосой гнили шириной примерно в ярд виднелись жирные белесые щупальца сланча.

— Примерно в то же время, когда появились первые ростки. — Гроув метнул на мага такой взгляд, словно подозревал, что тот самолично выбрался в долину посреди ночи и рассеял повсюду заразу. — Ты же не думаешь, что мы стали бы тратить посевное зерно на порченом поле?

Руди покачал головой, хотя, в глубине души, был уверен, что Гроув поступил бы именно так, лишь бы не терять хорошую землю.

«Этот глупец наверняка решил, что хуже все равно не будет...»

— Значит, сперва его не было совсем... А потом? Двенадцать футов на восемнадцать? За четыре недели? В других местах он разрастается так же быстро?

— Да откуда мне знать? — завопил Гроув. — У нас есть дела поважнее, чем бегать тут с замерами! Я просто хочу знать, что вы намерены с этим делать?

— Ну, видите ли, — добрым тоном отозвался Руди, возвращаясь к изгороди, — хотя я знал секрет, как избавиться от этой дряни, уже три года назад, но держал его при себе и ждал, пока сланч разрастется на полях вокруг Убежища. И, пожалуй, вам я эту тайну тоже не открою.

— Прекрати дерзить, мальчишка!

— Тогда нечего говорить со мной так, будто я не стараюсь изо всех сил делать свою работу, — рявкнул Руди в ответ. — Я вернусь сюда утром и еще раз посмотрю, но...

Внезапно в лесу за полем послышались голоса и захрустели ветви деревьев. Кто-то закричал:

— Эгей, вот она!

И другой отозвался:

— Моя, моя!

Послышался смех, подобный звону железных горшков.

Руди подбежал к изгороди, перебрался через нее и еще успел увидеть, как из зарослей вырвалась темная фигура и побежала прочь, стремясь укрыться в скалах у реки. Двое охотников из свиты Гроува, в кожаных куртках и штанах, с луками наизготовку, вырвались следом, а Гроув крикнул раздраженным, но все же снисходительным тоном:

— Да прекратите, наконец! Это всего лишь дуик!

Это была самка — или, как люди называли их, *хинни*, — прижимавшая младенца к мохнатому животу; другой ребенок, чуть постарше, цеплялся ей за шею. Она бежала, размахивая руками, стремясь укрыться от охотников, но Руди видел, что ей это не удастся. Один из парней выстрелил, но хинни метнулась в сторону, уходя от стрелы. Однако при этом она выронила младенца, и второй охотник — простоволосая девица — расхохотавшись, закричала вслед:

— Эй, ты обронила одного, принцесса!

Лучник выстрелил вновь, в тот момент, когда хинни, развернувшись, бросилась назад за своим малышом. Она отпрянула, когда стрела, точно по волшебству, вонзилась в землю в нескольких дюймах от ее лица. Несколько мгновений, пораженная, она взирала на оперенное древко, затем посмотрела на стрелявшего мужчину и, наконец, на извивающегося на земле малыша. Огромные карие глаза испуганно взирали из-под нависших бровей. Бледные губы были вытянуты в трубочку. На лице ее застыло выражение крайнего испуга. Гроув пробормотал:

— О, ради всего святого, — и выхватил стрелу из колчана на поясе. Как и все мужчины в Поселениях, он никуда не выходил без лука, и натянуть тетиву заняло у него не больше мгновения.

Мысленным усилием Руди перехватил стрелу Гроува на лету, словно муху. В тот же миг он беззвучно произнес одно-единственное слово, и тут же тетива у охотника лопнула, с силой хлестнув его по лицу. Мужчина выругался, а самка дуика резво метнулась вперед, ухватив сосунка за лапу, и скрылась за камнями.

— Да ты что делаешь, будь ты неладен? — проревел Гроув, схватив Руди за плечо и отшвырнув его к изгороди. Маг торопливо откатился в сторону на тот случай, если Гроу-

ву придет в голову пнуть его ногой, а затем поднялся, задыхаясь и отбрасывая с лица волосы. Гроув стоял напротив него, уперев руки в бедра, готовый к драке.

— Ну же, давай, используй свое проклятое колдовство! — выкрикнул он, ударяя себя в грудь. — Я безоружен! Я беззащитен! Я просто пытаюсь уберечь наши поля от этих вонючих воров!

Маг ощутил жгучий прилив стыда.

Ингольд учил его, что следует делать дальше, и Руди это было так же неприятно, как подносить руку к открытому огню, но все же неподалеку был раненый, — а Руди был целителем.

Повернувшись к Гроуву спиной, он спустился по склону и подошел к охотнику, лежавшему в зарослях тростника. Девушка стояла рядом на коленях, прикладывая носовой платок к его сломанной переносице. Заслышав шаги мага, оба подняли головы со страхом и ненавистью во взгляде. Когда Руди приблизился, девушка помогла охотнику подняться на ноги, и, похватав луки, они оба бросились бежать и исчезли в лесу.

Стыд жег его, как горячие уголья. Он использовал колдовство против обычного человека, не ожидавшего нападения. Одним-единственным непродуманным поступком Руди ослабил позиции магов в Убежище гораздо сильнее, чем если бы старался сделать это намеренно.

Ингольд наверняка найдет, что ему сказать. Страшно даже подумать об этом...

Он стоял неподвижно, чувствуя, что задыхается. Гроув вопил: «Так я и знал, что проклятый колдун...» — но Руди не понимая ни единого слова.

Дальше слушать про проклятых колдунов он не стал. Он молча развернулся, поднялся по склону и вдоль изгороди вернулся к до-

му, куда детишки уже подгоняли стада коров и овец. Долгий весенний вечер, наконец, клонился к ночи. Золото и багрянец над горами потемнели, сменившись киноварью и ультрамарином. В тростниках стрекотали кузнечики, а с реки доносилось кваканье лягушек, сопровождавшее вопли Гроува.

«Ну что ж, — подумал он устало. — Похоже, ужина мне сегодня не дождаться».

Впрочем, никто не отказал ему в пище, когда все домашние принялись за еду в большом зале. Напротив, ему предложили все лучшее, что нашлось в доме, но предложили молча, с опаской и недоверием. А лучник со сломанным носом сидел на другом конце стола, и кровоподтеки у него на лице выглядели просто ужасно. Насколько Руди мог понять, этот человек здесь пользовался большой любовью и уважением, и ему невольно вспомнились рассказы Ингольда о том, как магов иногда пытались отравить или подсыпать в еду особые травы, ослабляющие чары, чтобы с ними легче было совладать. Есть сразу расхотелось. Девушка-охотница не спускала с него холодного враждебного взора весь вечер, и он слышал ее голос за спиной всякий раз, когда отворачивался.

После ужина никто, даже люди, страдавшие от всевозможных недомоганий, не обратился к магу за помощью.

«Класс, — подумал Руди, устраиваясь в дальнем конце зала под дымящим сосновым факелом и поплотнее запахиваясь в плащ. Женщины, собравшиеся у огня, чтобы прясть и вышивать, при его приближении тут же начали расходиться, и потому Руди предпочел оставить им теплый уголок, а сам уселся у холодной стены на другом конце зала. — Должно быть, именно поэтому Ингольд и старается, по возможности, быть незаметным...»

Не требовалось большого ума, чтобы понять: от опаски лишь один шаг до ненависти. «Особенно, если эта чертова девица примется повсюду трепать языком...» Ингольду и Минальде потребуется немало времени и усилий, чтобы выправить положение.

Из кармана куртки Руди достал магический кристалл и развернул его к свету.

А, вот оно... Альда, сидя у огня, шила себе новую тунику, время от времени поглаживая округлившийся живот, чуть заметно улыбалась и поправляла в волосах золотые шпильки, — последнее, что оставалось от богатства королей Дарвета. Тир, Геппи Нул и девчушка по имени Тия играли с нитками, которые брали в корзинке, а мать Тии, Линнет — худощавая темноволосая женщина лет тридцати, верная подруга и горничная Альды, — сидела рядом и весело болтала за шитьем. Темные стены комнаты украшали знакомые гобелены; кот Альды по кличке Архиепископ, зевая, взирал на хозяйку круглыми золотистыми глазами.

В задумчивости Руди наклонил кристалл и пожелал увидеть коридоры четвертого яруса, а затем и пятого; в уме он представил виденного там белесого домового.

И ничего не обнаружил. Никаких следов этого существа в Убежище. Конечно, это не означало, что его там нет. Имелось немало мест, куда Руди не мог заглянуть с помощью магии.

Но откуда безглазый зверек, кем бы он ни был, знал о таких местах? «Кем бы он ни был...»

Повинуясь непонятному импульсу, Руди очистил сознание и вызвал в памяти образ Вота, змеиного мага, архивариуса Кво: выбритого наголо, с желтыми глазами и ястребиным носом, который наверняка сейчас трудился, расшифровывая какие-нибудь рукописи в Убежище Геттлсенда.

Но в кристалле не возникло никаких образов. Ничего — хотя пару мгновений назад он видел там отражение Минальды, Тира и комнаты, которую так хорошо знал. Разумеется, если маг этого не желал, другой маг не мог увидеть его. Однако невозможно было не почувствовать зова волшебного кристалла. А Руди ощутил лишь пустоту, подобную глухой тьме, и странное, необъяснимое ощущение... какой-то силы, подобной приливной волне.

Он потряс головой, чтобы избавиться от загадочного ощущения.

— Что за чертовщина?..

Немного поразмыслив, он призвал в сознании образ колдуньи Кары, жены Томока Тиркенсона, однако все его старания уперлись в ту же глухую тьму. И опять это странное чувство. Сила, чужие заклятья, ощущение мощного движения, ощущение злобы. Злобы? «Как подземная река», — подумал он внезапно.

И все же было в этом нечто знакомое, нечто привычное.

И почему вдруг он подумал о Калифорнии? Одного за другим он пытался вызвать их всех: рыжеволосую красотку Илайю, застенчивого брата Венда, менестреля Дакиса, способного управлять облаками с помощью своей лютни, и даже злобную мать Кары, старуху Нэн, — всех колдунов, нашедших убежище в Геттлсенде, когда пять лет назад они были изгнаны из Ренвета по нелепому приказу фанатичной аббатисы Джованнин.

Безрезультатно. Каждый раз одно и то же.

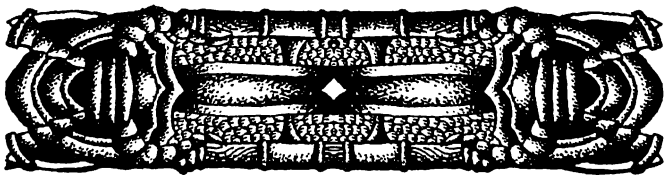
Руди машинально потряс кристалл, словно в надежде, что в нем что-то стронется, щелкнет и встанет на место. Восторженные вопли, доносившиеся с другого конца просторного зала, привлекли его внимание. Там дети играли в какую-то игру. Прислушавшись, Руди обра-

тил внимание, что малыш, прятавшийся за лавкой, кричит, размахивая самодельной куклой:

— Это Лесной Страшила! Лесной Страшила тебя схватит!

И детишки разбежались с истошными воплями, словно спасаясь от чудовищ.

Длиннорукий и коротколапый, с крохотной безглазой головкой на длиннющей шее, — Лесной Страшила был уменьшенной, но точной копией той твари, которую Руди видел в Убежище.

Глава четвертая

В стране снов, куда уходила Джил, был свет, но не было солнца. Небо казалось фарфоровым, сероватым и без всяких теней; совершенно незнакомая земля. Сланч застилал ее до самого горизонта, где высились горы. Где-то вдалеке, среди полей сланча резвились какие-то твари, похожие на ту, которую Джил видела за окном — бесформенное тело, гигантская пасть и щупальца, заканчивающиеся тяжелыми клешнями. Неожиданно она увидела, что с ней рядом идет, опираясь на посох, какой-то старик и, к изумлению своему, узнала чародея Вота, прежде бывшего архивариусом Совета Магов в Кво. «Что делает Вот на другой планете? — изумилась она, когда старик, остановившись, распрямил костлявые плечи и желтыми глазами уставился куда-то вдаль. — Он ведь должен быть в Геттлсенде».

Вот ткнул посохом, пронзая какую-то тварь, прятавшуюся в недрах сланча, затем он поднял посох, чтобы взглянуть на нее поближе: существо было похоже на влажную розоватую резиновую шапочку, покрытую зияющими язвами. С пояса колдун снял кинжал, и кончиком его ткнул в одну из этих язв. Все они раскрылись одновременно, как липкие маленькие рты, и принялись извергать потоки слизи, оставлявшие на коже человека ожоги, как от кислоты.

Вот выронил посох с беззвучным воплем боли и отвращения. Над головой его в беле-

сом небе проносились какие-то темные тени, гнавшиеся за краснохвостым ястребом с ужасающей скоростью. На глазах у Джил один из бесшумных охотников, также вооруженный клешнями, нагнал птицу, — и вскоре от нее осталось лишь облачко окровавленных перьев, медленно осыпавшихся на землю.

«Это не другая планета, это и есть Геттлсенд». Она ощутила едва уловимый запах, — словно кто-то, не имеющий ни обоняния, ни вкуса, пытался сымитировать аромат дыни, а затем откуда-то издалека донеслась музыка, — как будто глубоко под землей играли на флейте.

* * *

Дети по-разному называли Лесного Страшилу. Как и Тир, они именовали его габугу, но также — лесовиком и даже феей.

— Они слишком уродливые для фей, дурачок, — заявила Лирта Гроув мальчугану по имени Реппитеп, и тот расплакался. Реппитеп видел одну из этих тварей в лесу, недалеко от аллей, когда собирал хворост.

— Наверняка он врет, — заявила Лирта, встряхивая рыжей шевелюрой. — К тому же его мать — шлюха. Я бы не испугалась никакого дурацкого габугу. И папа говорит, что их вообще не бывает.

— Твой папа наверняка то же самое говорил и про дарков, — заметил Руди. Мать Лирты тут же поспешила разогнать ребятишек, опасливо косясь на мага через плечо. Даже во сне прикорнувший в уголке зала Руди ощущал бремя чужого гнева и страха, мешавшего ему дышать. Кажется, он видел во сне равнины и пустыни Геттлсенда, жарился под лучами беспощадного солнца, вдыхал запах пыли, камней и травы на скло-

нах черных гор. Еще ему снилось Калифорния, — хотя такого не случалось уже много лет. Он словно бы лежал в постели в крохотной материнской квартире, чувствуя, как здание сотрясается всякий раз, когда гигантские грузовики трясутся снаружи по раздолбанной Арлингтон-авеню.

Вокруг творилось нечто, не дававшее ему покоя, но он никак не мог понять, в чем дело.

На рассвете он вышел еще раз взглянуть на сланч Фаргина Гроува.

Гроув пошел с ним, жалуясь всю дорогу на членов Совета Поселений — из которого он вышел после того, как там отказались сделать его старейшиной, — по его словам там заседали одни трусы и ретрограды, мешавшие жить «настоящим мужчинам» типа него самого.

Все то же самое Руди не раз слышал и в Убежище. Строго говоря, все земли вокруг принадлежали Минальде, а помещения в Убежище — Тиру. Но богачи типа Варкиса Хогширера и Энаса Баррелстейва все время пытались ограничить королеву и маленького короля в правах и разделить само Убежище и прилегающие земли между теми, кто там жил, — разумеется, одним из этих людей был и сам Энас Баррелстейв. Выступали эти люди и против таких вельмож, как лорд Анкрес и лорд Скет, а также менее влиятельных лордов, которые прибыли в Убежище с солидными запасами провизии, и потому сумели занять там достойное место. Все эти свары прекращались лишь когда спокойствию Убежища угрожали разбойники или Всадники. По традиции, в дворянских семействах все мужчины учились фехтованию, и именно они были главной защитой простых людей.

Со своей стороны, лорды презирали таких людей, как Гроув и Энас Баррелстейв, разбогатевших и обзаведшихся землей. Еще один

из этой когорты — Варкис Хогширер — был ростовщиком, и Руди искренне презирал его, особенно после того случая, как по весне Хогширер каким-то образом узнал, что с юга в долину направляется торговый караван. Он выехал ему навстречу, скупил иголки, пуговицы, зерно, плуги и ткани, а затем стал перепродавать все это в четыре-пять раз дороже. С той поры других торговцев в долине не появлялось, хотя Руди каждый день следил за дорогами с помощью магического кристалла.

Как и предполагал молодой маг, сланч на полях Гроува оказался в точности таким же, как и повсюду. Тем не менее, ему не верилось, чтобы эта дрянь распространилась так быстро. Наверняка, когда Гроув засевал поле, сланч уже был здесь, но на него просто никто не обратил внимания.

Тем не менее, он тщательно проверил все вокруг в надежде отыскать нечто необычное, что помогло бы им с Ингольдом.

Разумеется, он ровным счетом ничего не нашел.

Сланч никогда не менялся. Похоже, он был растительного происхождения, но не имел ни листьев, ни зерен, ни корней, и Руди не знал, какую функцию выполняют тоненькие отростки, которые сланч пускал в землю. Кроме того, было непонятно, почему гибнет вся растительность вокруг. К тому не было никаких внешних причин — но все же это происходило.

В сланче жили черви — огромные, медлительные и, как обнаружил Руди, на удивление агрессивные. Они кидались на него, шлепая круглыми красноватыми отвратительными ртами.

— Какая мерзость, — пробормотал он, отступая прочь и отбрасывая одну из тварей на пару ярдов в сторону кончиком посоха. —

Надо поймать эту гадину прежде, чем возвращаться домой.

Интересно — это обычный червяк, обожравшийся сланча, или какой-то новый необычный вид?

Наверняка, Ингольду это известно. Ингольд обладал невероятными познаниями во всем, что касалось древней магии и естественной истории, — порой Руди не верил, что сможет когда-нибудь сравниться со своим наставником.

Однако, когда он попытался связаться с Ингольдом, расставшись с Гроувом вскоре после полудня, то ничего не увидел в магическом кристалле. Руди повертел его и так, и сяк, пытаясь уловить бледные солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь крону яблони, под которой он сидел, и погрузился в полутранс. Наверняка, они где-то в пути. Ну, может быть, остановились перекусить... Ингольд...

Ничего. Лишь то же глубинное, неприятное тянущее ощущение, чувство тяжести, жара и давления, а еще глубже — ярость и страх, словно там действовала какая-то магия, неведомая людям.

— Ну, давай, — прошептал Руди. — Нельзя же так!

Он очистил сознание, упорядочивая мысли. Может, Вот в Геттлсенде знает, что происходит, и сможет объяснить, почему нет связи. Возможно даже, ему известно, что это за безымянное чувство и загадочный ужас.

Не добившись ничего, Руди по очереди пытался вызвать каждого из колдунов Геттлсенда, как делал это прошлой ночью. Потерпев неудачу, он призвал образ Минальды, и тут же увидел ее в недрах кристалла. Она стояла посреди поля в ярком шелковом платье и о чем-то спорила с Энасом Баррелстейвом.

Еще более взволнованный, Руди опять попытался вызвать Ингольда. Проклятье!

Он сунул кристалл в кожаный мешочек и спрятал его в карман куртки. День был довольно теплым. Может, холода, наконец, закончились и наступило лето?

И вовремя, черт побери! Руди сомневался, что Убежище сможет пережить еще одну такую зиму.

Ясный, как колокольчик, до него донесся голосок Лирты Гроув, бранившей кого-то. Девочка стояла у калитки в частоколе вместе с двумя поселковыми парнишками. Через пару лет она станет такой же несносной, как дочь Варкиса Хогширера, Скела, наглая и пронырливая, склонная к воровству. Руди невольно задавался вопросом, по каким таким кармическим законам в любой группе детишек всегда найдется хоть один такой уродец. Он помнил их еще по своей школе...

Наблюдая за малышней из-за изгороди и слушая их голоса, Руди подумал о пастушатах в Убежище и о детишках, державшихся за материнские юбки, когда женщины были заняты стиркой. Смотрел он на них не только потому, что любил детей, но и потому что, подобно Ингольду, надеялся на чудо.

Он ждал.

— Дарки знали, что магия — единственная защита, которую может выставить против них человечество, — сказал ему как-то раз Ингольд, когда они с Руди разыскивали Тира, заигравшегося с другими ребятишками в Убежище. Конечно, Руди знал, что с ними Тир в безопасности, но ведь мальчугану было всего четыре года...

— Они напали на Город Магов, уничтожив почти всех его жителей; они достаточно хорошо знали меня, чтобы начать за мной охоту. — Старик нахмурился, опираясь на посох. — И

последние пять лет я все больше начинаю опасаться того, что дарки охотились также на детей, наделенных колдовским даром. На будущее поколение магов.

— О, господи, — пробормотал Руди. Это звучало вполне логично.

Склонность к волшебству обычно проявлялась в детях сызмальства, лет с пяти, а то и меньше, по словам Ингольда, а затем исчезала вплоть до полового созревания. Последние пять лет Ингольд пристально наблюдал за подрастающим поколением.

Никто из них не выказал ни малейших склонностей к магии. Тед, старший из пастушат, стал при Ингольде кем-то вроде добровольного помощника в его химических и физических опытах, но колдовством так и не овладел. Он просто любил всевозможные устройства и в свободное время занимался зеркалами, усиливавшими свет в гидропонных залах. Остальные дети и вовсе не выказывали склонности к магии. Руди гадал, сколько это еще продлится.

С мешками для сбора хвороста малыши направились к лесу. В поселениях требовалось немало дров: хотя ночи здесь были теплее, чем в долине, но каменные дома хуже держали тепло, чем Убежище. Руди проследил за ними взглядом. Лирта Гроув бежала налегке, как и положено хозяйской дочери; светловолосый малыш Реппитеп с трудом поспевал за ней.

Когда дети скрылись за деревьями, Руди взглянул на зеленый склон холма, на серебристый ручей с берегами, густо поросшими зеленью, и на темный лес, начинавшийся чуть дальше.

«Там, где деревья растут густо...» — говорили ребятишки. Именно там некоторые из них видели Лесного Страшилу.

* * *

Почти час ушел у молодого мага на то, чтобы добраться до тех деревьев. Пробираясь по берегу ручья, Руди принялся вызывать скрывающие чары. Этому искусству он научился у Ингольда, которого не без причины называл Человеком-Невидимкой. Три года назад первые отряды Белых Всадников появились в долине Бурой Реки, охотясь на оленей и мамонтов, которых холод согнал с высокогорных равнин. На заброшенных землях до сих пор можно было наткнуться на их Священные Круги. Мысль о том, чтобы сделаться гонцом, несущим послание боли загадочным Праотцам племени, вызывало у Руди неподдельный страх.

Олени, пасшиеся неподалеку, поднимали голову и смотрели на него, когда он проходил мимо, но благодаря магической иллюзии принимали колдуна за своего безобидного собрата. Завидев чуть поодаль саблезуба, гревшегося на солнце, Руди тотчас изменил заклятье: «Я — тоже саблезуб, но маленький и безобидный, и, конечно, не представляю никакой угрозы...» Гигантское мощное животное растерянно заморгало и вновь погрузилось в дрему, почти невидимое на золотисто-серых камнях.

Ветер с гор дохнул ледниковым холодом. Руди содрогнулся.

Осторожно, как охотник, он шел вдоль деревьев, читая на земле знакомые отпечатки: следы оленей, кроликов, дикобразов, волков, куниц и росомах. На стволе дерева он увидел отметины когтей пещерного медведя, — выше человеческого роста. При виде отпечатков дуиков, Руди вспомнил о несчастной самочке, гадая, удалось ли ей добраться до своих. Пару раз ему попадались и какие-то странные следы: кролик, прыгавший так, как не стал бы прыгать никакой

кролик, будь он в своем уме, и еще отпечатки гигантской росомахи, с которой Руди очень не хотелось бы встретиться вживую.

Но ничего похожего на Лесного Страшилу.

Солнце уже понемногу клонилось к белоснежной вершине горы. Смолкла птичья перекличка, и тишина опустилась на землю, нарушаемая лишь шорохом ветра в ветвях. Злость на Фаргина Гроува отступила вместе с мелкими повседневными заботами Убежища. Руди понемногу расслабился, как и всякий раз, когда выходил в одиночку на прогулку в долину в поисках целебных трав или минералов.

Он был жив, он был магом. Минальда любила его. Разве что-то еще имело значение?

Он вышел из-за деревьев и уселся, привалившись спиной к валуну на склоне холма, где скалы были оголены давним проходом ледника. «Скоро ледники могут вернуться», — подумал Руди без особой тревоги. Далеко внизу, у подножия склона, виднелись строения и изгороди. Там суетились фигурки в темно-бурой и зеленой одежде, занимавшиеся своими повседневными делами. Еще дальше серебрилась река и виднелись частоколы соседних усадеб.

Неплохо... Для людей, чья цивилизация обрушилась в считанные дни, уничтожив большую часть населения, они довольно быстро приходили в себя.

«Впрочем, у них и выбора-то не было, — резонно подумал Руди, прикрывая глаза и наслаждаясь солнечным теплом. — А разве он у кого-нибудь есть? Человек должен взять себя в руки, спрятаться от дождя, позаботиться о пропитании, преодолеть боль... Иначе он погибнет».

Многие из этих людей пришли на север из развалин Пенамбры. В большинстве своем это были горожане, гильдийцы и чиновники,

непривычные к плугу и серпу. Наверное, даже сейчас, спустя пять лет, они чувствовали себя неуютно ночью под открытым небом. И все же они выжили.

Руди вздохнул, еще гуще свивая сеть иллюзий, и опять вытащил магический кристалл. Разум его погрузился в транс, — так проще всего было заниматься колдовством.

Однако в недрах кристалла он не чувствовал ничего, кроме усилившегося давления чужеродной ярости.

«Ингольд, проклятье, куда ты подевался? Возьми же, наконец, трубку!»

Может, с ними что-то случилось? Вот это была и впрямь ужасная мысль. Конечно, Ингольда голыми руками не возьмешь, да и Джил вполне могла за себя постоять, но в долине все чаще появлялись Белые Всадники, разбойники и грабители. Полтора года назад торговец, привезший Ингольду серу, рассказал, что какой-то алкетчский князек, вынужденный бежать от чумы на север, двинулся вверх по Бурой Реке с небольшой армией в надежде захватить пустующие области королевства. Ингольд около месяца наблюдал за ними в свой магический кристалл, а затем как-то утром обнаружил целый лагерь трупов.

Руди вспомнил об этом, вертя в пальцах кристалл, чтобы тот ярче блестел на солнце. Конечно, Лесные Страшилы не могут, подобно магам, сливаться с окружающей местностью, и все же...

Подняв глаза, прямо перед собой он увидел габугу.

Тот был ростом с человека и тянул к нему свои лапы, похожие на ожившие веревки.

Руди завопил, схватил посох и размахнулся, нанося удар заостренным полумесяцем. Отсеченная кисть упала ему на колени, продолжая шевелить пальцами, и Руди, отскочив назад,

принялся отмахиваться от твари, которая, ничуть не смутившись, продолжала наступать на него. При этом из раны не вытекло ни капли крови.

Монстр оказался на удивление проворным. Руди с трудом успевал отмахиваться от него, как вдруг что-то странное привлекло его внимание. Взглянув вниз, он обнаружил, что отсеченная рука цепляется за штанину и медленно ползет вверх по ноге. Выхватив кинжал из-за пазухи, он резанул по замше, отсекая большой лоскут вместе с ползучей рукой. Он отшвырнул ее как можно дальше, а затем вновь нанес выпад, пытаясь достать габугу. Но хотя он срезал на башке твари какие-то жирные отростки, та продолжала наступать как ни в чем ни бывало, — и тогда Руди нанес третий удар, отделяя костистую голову от шеи.

Какое-то движение на земле привлекло его внимание. Отсеченная рука медленно, но решительно карабкалась к нему по камням.

«Ноги, только не подведите!»

Руди бросился бежать.

Он понесся вверх по склону к деревьям, гадая, замедлит ли его преследователь свое продвижение в лесу.

Он пригибался и перепрыгивал через упавшие стволы, поросшие рыжим мхом, вброд перебирался через ручьи. По счастью среди деревьев почти не было молодой поросли, которая задержала бы мага; лишь пожелтевшая сухая хвоя поскрипывала под ногами. Он бежал вдоль склона в надежде, сделав круг, выйти к поселку с другой стороны, но внезапно впереди, среди деревьев заметил какую-то белесую фигуру.

Прижавшись к стволу, Руди осторожно выглянул из-за дерева. Это оказался второй габугу. Чуть меньше первого, но все равно довольно крупный. Руди насчитал у него по меньшей

мере четыре руки, хотя, кажется, на теле виднелись и другие отростки.

Не обращая внимания ни на какие отвлекающие чары, тварь уверенно надвигалась на него. Руди охватил неподдельный ужас. Он вновь бросился вверх по склону.

Наверх бежать было тяжело. Солнце уже почти зашло, и среди деревьев царил полумрак. Руди поскальзывался на камнях и на сухой хвое, упрямо карабкаясь все выше. Птицы вокруг окончательно смолкли.

Ветер усилился. Он завывал среди камней, трепал длинные темные волосы молодого мага, пробирался под шерстяную рубаху и в зияющую дыру на штанах, словно кровожадный хищник, готовый ободрать все мясо с костей. Растительность вокруг постепенно делалась все более жидкой, зато тут и там поросшие мхом скалы пронизывали тонкие ниточки ручейков. Вскоре за валунами Руди увидел сиреневатую стену ледника.

С невероятным спокойствием он подумал: «Я замерзну до смерти».

Внизу белесая фигура неторопливо пробиралась меж карликовых ив и огромных камней.

Весь дрожа, Руди двинулся на северо-запад вдоль склона, гадая, сумеет ли уйти от преследователей и спуститься к ущелью, где текла река. Внутренний голос подсказывал, что он обманывает себя, и все же маг не останавливался. Он боялся и подумать о том, что случится, если он хоть немного замедлит шаг.

Руди никак не мог выбросить из головы эту отвратительную картину: как похожая на паука отрезанная лапа ползет к нему по камням. Интересно, гонится ли она до сих пор за своей жертвой.

«Я же невидим, черт побери!»

Или, по крайней мере, незаметен, как положено любому колдуну...

Но незаметен для кого? Ему вспомнились слова Ингольда. «Олени воспринимают тебя как оленя, саблезубые — как одного из стаи. Разбойники примут за дерево, а Белые Всадники, вероятно, способные запомнить с пеленок все окрестные деревья и пересчитать у них каждую веточку до единой, — приняли бы его за куницу или сову, или еще что-нибудь столь же неприметное».

Но габугу? Что такое габугу?!

Поскольку Руди понятия не имел, как они воспринимают окружающий мир, то не владел и ключом к их разуму, — если они вообще обладали разумом, — а, значит, не мог и скроить подходящую иллюзию. Он не знал, кто они такие.

Знал только, что эти уроды гонятся за ним.

Руди не останавливался.

В гаснущем свете он насчитал четверых преследователей, причем один из них был безголовым, но это ему ничуть не мешало. Два других, которых Руди мельком заметил среди деревьев, казались чуть меньше и других очертаний, — один даже двигался на четвереньках, а не на задних лапах. Руди также не смог разглядеть, где у него голова.

Он был напуган до полусмерти. Конечно, за последние годы он успел ко многому привыкнуть, но сейчас был не в силах сдержать дрожь. Конечно, тепло он мог вызвать с помощью магии, точно так же, как и свет, но эти чары никогда не давались ему как следует, и едва ли Руди сумел бы сосредоточиться на них, не замедляя шага. От бизоньей куртки ночью не было никакого прока, а габугу преследовали добычу, подобно волкам, держась в отдалении и стараясь измотать свою жертву. Когда Руди взглянул на свою ногу, то через дыру в штанах увидел на коже ужасающие синяки, — следы мертвенной хватки. «Ну что ж, Ингольд, старина, думаю, теперь мы

можем доподлинно утверждать, что эти мерзавцы мне не примерещились.

Господи Иисусе, и они ведь пробрались в Убежище!»

Нужно было выбираться отсюда. Предупредить Минальду! Но даже если бы сейчас в Убежище нашелся бы другой маг, с кем Руди смог бы связаться, — он все равно выронил свой кристалл, когда габугу напал на него.

Ему вспомнились слова Ингольда о том, что дарки знали: магия — единственная защита людей. Может, и эти твари тоже были в курсе?

Но кто же они такие? И чего хотят?

Смерти колдунам?.. Руди вновь посмотрел на свою ногу, покрытую кровоподтеками. В этом, по крайней мере, у него не было никаких сомнений.

От ветра у него занемели пальцы, уши и ступни. Похоже, еще немного — и чудовища добьются своего.

Склоны постепенно погружались во тьму. Весь дрожа, Руди привалился к валуну и попытался согреть руки подмышками.

Слева от него подковообразный каньон изгибался между скальных стен, усеянных обломками камней.

Справа, ниже по склону, виднелись все четверо преследователей. На другой стороне, за деревьями, вдалеке Руди мог разглядеть Бурую Реку там, где она сливалась с Арроу, — две тусклые золотистые змеи под огненно-рыжей луной. Пять точек света указывали месторасположение поселков. Над головой неслись черные облака, дыхание вырывалось у Руди изо рта белыми облачками пара.

Он спасался бегством уже почти полдня, ни на миг не передохнув, без еды и питья.

«Чары огня, — подумал он... — Не для того, чтобы согреться, но чтобы сражаться.

Огонь или молния». Интересно, появятся ли другие твари... Он представил себе, как они сыплются, словно игрушки из блестящего целлофанового пакета, подвешенного где-нибудь среди деревьев. «Сюрприз в каждой упаковке...»

Дальше он идти не мог. Руди это понимал.

Когда он вновь поднял глаза, то обнаружил лишь трех габугу.

Машинально Руди оглянулся через плечо, опасаясь обнаружить четвертого преследователя позади себя, но там никого не оказалось. Когда же он снова взглянул перед собой, то увидел одну-единственную тварь. Чуть погодя и она тоже растворилась во тьме.

«Бросьте, неужто вы думаете, что я вам поверил? — Руди поежился. — Почему бы вам просто не ткнуть пальцем вниз с криком: «Ой, смотри, у тебя шнурки развязались?»

Руки у него так замерзли, что он с трудом удерживал посох, ноги занемели и ныли от боли, легкие жгло огнем. И больше всего ему хотелось сейчас наплевать на все, заползти под скалы и заснуть.

Внезапно во тьме вспыхнули глаза. Руди вскочил на ноги, борясь с судорогой, он чуть не задремал...

Глаза? Это оказался дуик.

Даже на таком расстоянии, на морозе, Руди смог ощутить этот запах.

Перед ним был старый самец, заросший бурой седеющей шерстью.

Он был совсем некрупным, наверное, родился на воле, в отличие от приречных дуиков, воспитанных в неволе и приученных к простейшим работам: например, срезать сахарный тростник и добывать минералы в шахтах...

Они освободились лишь с приходом дарков.

Дуик стоял на задних лапах и, невзирая на тьму и скрывающие чары, Руди мог бы поклясться, что существо смотрит прямо на него.

«Быть такого не может, — озадаченный и испуганный подумал он. — Если только те твари каким-то образом... Но что они сделали? Украли мою магическую силу? Невозможно... Или все же возможно?»

Он этого не знал.

Но дуик явно видел его. Он отступил на пару шагов к деревьям, обернулся вновь, глядя прямо на человека, отступил еще немного и опять повернулся, отступил и повернулся. Руди видел, как поблескивают в полумраке его клыки, ощущал чужеродный запах и гадал, не считает ли дуик его одним из тех поселковых ублюдков, которые накануне пытались пристрелить бедняжку хинни?

Он прислушался, вглядываясь во тьму, но больше не обнаружил ни единого дуика. Обычно те охотились стаями и вполне могли убить человека, но Руди знал, что с одиночкой ему под силу справиться даже без помощи магии. «Не хочу, отвяжись, — устало подумал он, поудобнее перехватывая посох. — Давай до завтра, парень, у меня и так был скверный день».

С негромким рычанием дуик опустился на четвереньки, а затем уселся на колени и передними лапами стал делать какие-то движения над озерцом талой воды, застоявшейся во впадине между камней.

Странным образом Руди ощутил нечто похожее на магию.

«Магия?!»

Старый дуик опять двинулся прочь на четырех лапах и замер близ деревьев.

Там он обернулся, глядя на Руди словно бы в ожидании.

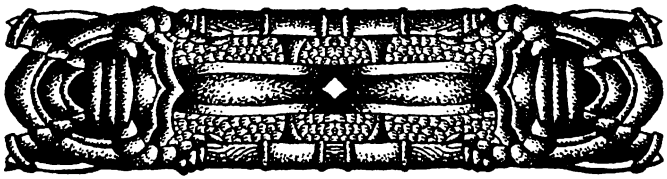
Осторожно, приготовившись к любым неожиданностям, молодой маг двинулся вперед. Там, где дуик задержался у талой воды, Руди также опустился на колени, то и дело косясь в сторону деревьев, — и заглянул в лужицу.

В ней он обнаружил бледные грибоподобные очертания габугу... Словно в магическом кристалле.

«Господь, покровитель байкеров!..»

Облака над головой закрыли луну, но колдовское зрение позволяло Руди ясно видеть все вокруг, и в магическом зеркале, сотворенном из обычной лужи, он проследил за тем, как габугу скрываются среди деревьев, направляясь к устью реки Арроу. Судя по всему, они преследовали кого-то и напрочь позабыли о своей прежней добыче.

Какое-то движение на краю леса привлекло его внимание, и Руди развернулся рывком, готовый к бою. Второй дуик присоединился к первому, — самка с младенцем, которого она прижимала к животу и вторым, чуть постарше, цеплявшимся за шею. Оба дуика, поглядев на него, отбежали за деревья, а затем опять обернулись в ожидании. Руди чувствовал, как вновь творит свою магию старший дуик, — и он явно желал, чтобы человек последовал за ним в лес.

Глава пятая

Джил? — мягкий и ненавязчивый голос доносился откуда-то из тьмы в недрах ее разума; мысли обретали форму в глубинах бездонного колодца, пытаясь уйти от пугающих объятий мрака. Джил с трудом сумела кивнуть, давая понять Ингольду, что слышит его, но не может говорить.

Отчасти она еще сознавала, где находится, видела вокруг себя полуразрушенные каменные стены старой конюшни, — от самого дома остались лишь обугленные, заросшие зеленью руины, — над головой нависали растрескавшиеся ясли. Дым костра, разведенного Ингольдом, ел глаза; вдалеке Джил слышала волчий вой, а также негромкое всхрапывание мула.

Но все эти образы доходили до нее словно сквозь толщу воды, а сама она медленно тонула, погружаясь все глубже и глубже в темную пугающую бездну. Заклятья Ингольда сопровождали ее, но Джил страшилась взглянуть в глаза собственным снам.

Его магия была подобна теплу очага, она согревала и придавала сил.

— Что ты видишь, Джилли? — спрашивал ее маг. — Что ты видишь?

* * *

Озеро, на берегу которого она стояла, было подобно глубокому котлу. Джил ощущала, как от неподвижных вод веет холодом и серой:

водоем почти идеально круглой формы был окружен иззубренной стеной застывшей лавы. Пар обтекал красновато-черные базальтовые глыбы, растекаясь близ берега по зарослям мха и лишайников пурпурным, золотым и ярко-красным, а высоко над головой виднелся второй вулкан, с вершиной, увенчанной ледяной короной. Каким-то образом Джил сознавала, что и весь мир вокруг за пределами этих скал отныне затянут льдом.

Что-то коснулось ее ноги. Еще одна пузырчатая, похожая на резиновую шапку тварь, наподобие той, которую отыскал Вот. Они ползали повсюду на берегу, причмокивая своими похожими на язвы ртами.

Другие твари, подобные небольшим скорпионам, с передними конечностями, но без задних и с загнутыми кверху хвостами, плавали в дымящихся водах. Единственным звуком было завывание ветра в скалах.

— Что ты видишь, Джил?

Она не могла ответить.

В скальной стене второго вулкана виднелось нечто похожее на вход, — туннель, ведущий в ледяное сердце горы. Джил чувствовала дыхание холода на лице, когда оборачивалась в ту сторону и сознавала, что у этого древнего гигантского вулкана ледяная сердцевина. Пройдя по туннелям внутрь, она оказалась в пещере и увидела статую из черного базальта: мужчина, сидящий в кресле и удерживавший за ошейник собаку. Бородатое лицо хранило выражение глубочайшей печали, а глаза казались слепыми, — скульптор не дал ему зрачков.

Изваяние словно парило в облаке белого, стелющегося по земле тумана, появившегося из ниоткуда и вскоре поднявшегося Джил до колен.

Она знала наверняка, что в этом мире льда и молчания никогда еще не ступала нога человека.

Откуда-то из невообразимого далека до нее донесся голос Ингольда, но она не могла понять, о чем он спрашивает ее.

В любом случае Джил не сумела бы ответить. Она больше не помнила, кто она такая, зачем пришла сюда и чего ищет. Холодный дым курился из расселины в скалах на верхней площадке каменной лестницы и чувствовался влажный, сладковатый запах. Джил двинулась в ту сторону, словно влекомая некогда слышанной мелодией, состоявшей из неразборчивых звуков и шепотков. Они твердили ее имя. Но откуда им знать ее имя?

Оказавшись на вершине лестницы, она взглянула на свои руки, затем обнажила кинжал и полоснула клинком по ладони, — даже во сне ее пронзила боль, но с этим ничего нельзя было поделать.

Голоса в сознании послышались яснее, и Джил подумала: моя кровь знает мое имя, а они — часть того яда, что проник в мою кровь.

Они твердили ей, что это Ингольд причинил ей боль, но даже во сне Джил знала, что это неправда. Все дальше продвигалась она по расселине в недрах льда, и все сильнее становилось давление в груди и гнетущее ощущение тревоги.

Кровь падала каплями на лед, горячая струйка стекала по замерзшим пальцам. Когда Джил оглянулась через плечо, ей показалось, что у входа в расселину она видит Ингольда, но он не способен перейти порог. Ингольда она видела таким, каким он был на самом деле — окутанным ореолом магического света, дерзким, рыжеволосым принцем, который невольно стал причиной великой войны. Ее возлюбленный, ее друг, ее вторая половинка. Он протянул к Джил ру-

ку, но не смог подойти ближе, а она больше не слышала его голос.

Музыка звучала в ушах, и Джил двинулась на зов.

Певцы стояли на коленях в мире бесцветного света в зале с ледяными стенами, играющими колдовскими огнями. Мерцающий дым окружал их, поднимаясь из середины зала, — это был дым не вулканического огня, но дым ледяной, ибо внизу, в провале виднелась не лава и даже не вода, а нечто густое, желеобразное, прозрачное, как алмаз, и в этих медленных липких волнах что-то двигалось и колыхалось.

Певцы творили колдовство, раз за разом повторяя один и тот же ритуал перед входом в зал; ритуал этот они вершили на протяжении многих эонов, покуда в черном каменном полу не продавился колодец, отныне доверху заполненный сланчем. Время от времени из сланча появлялись некие бледные, извивающиеся существа с массой щупалец на месте головы или плоские крылатые твари с клешнями, — таких же Джил видела на небесах, когда они охотились на ястреба.

Она не могла ясно видеть певцов, но знала, что они повторяют ее имя. Кровь, стекая с пальцев, капала на сланч, а оттуда тонкими алыми змейками выползала по направлению к ним. Поющие существа, полупрозрачные, словно высеченные из драгоценных камней, подняли головы. Внутри пульсирующего колодца что-то шевельнулось.

— Джил, вернись.

«Она поднимется из озера», — подумала она. Ледяные маги уже знали ее имя. Они скажут это имя твари в колодце, той твари, которой известны все имена, и она познает ее, Джил.

— Джил, возвращайся немедленно.

Сквозь сон ей захотелось кричать. Она видела, как кровь ее течет по направлению к

ледяным жреца, тянувшим к ней свои длинные руки; она видела, как белесые паукообразные сгустки выбираются из сланча, видела, как постепенно проступают в колодце очертания живущего в нем существа.

— Джил! — Она ощутила его руки на своих плечах, крепкие и теплые. — Ты должна вернуться немедленно. Слышишь мой голос? Ты должна вернуться.

«Я должна вернуться. Я должна вернуться и убить его».

Она вновь обнажила меч; рукоять была липкой от крови. Невольно Джил задалась вопросом: умрет ли она по-настоящему, если убьет себя в этом сне. Невозможно, чтобы кто-то заставил ее причинить боль Ингольду.

«Или все же возможно?»

— Слышишь мой голос? — И теперь она услышала его и уловила напряжение, владевшее магом. Он был напуган.

Во рту все занемело, как после укола лидокаина, но Джил все же сумела выдавить:

— Да.

Он за руку вывел ее из пещеры. Она чувствовала пожатие его руки, но ничего не видела, — такое порой случается во сне. И лишь когда они, наконец, выбрались наружу, миновав каменный зал со статуей слепого короля и его пса, и вновь оказались на берегу огромного холодного озера, она почувствовала, как Ингольд бросается вперед, взмывает в воздух и тянет ее за собой в полет.

Во сне она могла летать, если только он держал ее за руку.

Они долго мчались сквозь черные воды, устремляясь к свету. Оглянувшись, Джил могла видеть далеко позади глубокий синий кратер, где озеро взирало на нее, как раскры-

тый глаз, и ощущала дыхание ледяного вулкана. Ей казалось, что она до сих пор чует этот сладковатый запах и слышит пение ледяных магов, и яд в ее крови звучал в унисон с этими голосами.

А затем ее окутала тьма.

— Что это?

Ингольд стоял перед ней на коленях. Джил сидела на камнях в полуразрушенной конюшне на берегу Бурой Реки и чувствовала, что продрогла до костей.

— Что у меня с рукой? — Она поднесла ладонь к глазам. Боль была словно от глубокого пореза, но не было никаких следов раны.

— С тобой все в порядке?

Почему он так напуган? Его руки, сжимавшие ладони Джил, были теплыми и крепкими, а в небесно-голубых глазах светилось участие и забота.

Она заставила себя кивнуть, хотя на самом деле чувствовала, что с ней отнюдь не все в порядке. Джил ощущала усталость и тошноту, словно пробежала несколько миль; ладонь ныла до ужаса, и болела рана на лице, пульсируя так, словно вновь открылась и кровоточит.

— Я не мог до тебя дотянуться. — Он откинул волосы с ее лица и быстро начертал символы заклятий на ее щеке, на плече и на руке, чтобы помочь Джил согреться и прогнать боль. — Ты ускользнула от меня. Я боялся, что не смогу вернуть тебя вовремя.

— Вовремя? — Джил по-прежнему гадала, что скажет Ингольду, если он спросит, где она была и что видела. Она ровным счетом ничего не помнила, кроме лютого холода.

— Мы должны уходить. Прямо сейчас. Нам грозит опасность. Я не уверен, но, по-моему, надвигается ледяная буря.

— Здесь? С этой стороны гор? — И доба-

вила ругательство, которое подцепила у гвардейцев. Джил была слишком потрясена, чтобы ощутить страх, хотя первой нормальной реакцией должна была стать паника. — Я так понимаю, что здесь нигде не найдется подходящего укрытия?

— Абсолютно ничего подходящего, но мы всего в одиннадцати милях от старого *гаенгу* в Хиве.

Пару лет назад Ингольд смог бы предсказать приближение снежной бури лишь минут за десять, но после того, как Джил рассказала ему все, что знает, о давлении воздуха, а также после знакомства с информацией в архивных кристаллах, Ингольд смог — пусть пока теоретически — разработать новую систему предупреждения. Ледяные бури были феноменом, свойственным крайнему северу и высокогорьям, а потому до сих пор у него не было возможности проверить свою теорию о переменах температуры и давления, предвещавших буран. Однако сейчас Джил была готова поверить Ингольду на слово, пробежать одиннадцать миль и зарыться в самую глубокую дыру, которую только сможет найти.

— Там точно есть укрытие?

В тех местах Джил бывала пару лет назад. Древний жертвенный зал в разные времена использовали то как темницу, то как винный погреб, в зависимости от политической ситуации в стране.

— Думаю, скоро мы это узнаем, — мягко отозвался колдун, натягивая рукавицы. — Ты сможешь погрузить нашу поклажу на мула? Я должен связаться с Руди в Убежище и предупредить его, что людей и животных надо поскорее загнать внутрь. Затем я помогу тебе...

— Ингольд, у меня порез на лице, но руки пока не сломаны. — Джил поднялась на ноги, силясь одолеть охватившее ее головокружение, и внезапно содрогнулась, когда внутреннему взору предстала странная картина: ее кровь

двумя алыми змейками ползла по толще сланча... Ползла куда? Она взглянула на свою ладонь, вновь удивившись, что там нет никакого пореза. Но с чего такое удивление?

— А как же Поселения? Они смогут передать такое сложное сообщение со смотровых башен? — Джил извлекла Цилиндр из-под покрывал, куда запрятал его Ингольд, завернула в свою куртку, покрепче затянула пояс, а затем, убрав рассыпавшиеся волосы с лица, завернула их тугим пучком. — У них ведь нет кода для такого сообщения. По эту сторону гор никогда не бывало ледяных бурь, верно?

— Один раз, в прошлом году, к северу от Гая. — С этими словами Ингольд направил свой магический кристалл так, чтобы тот отражал огонь гаснущего костра.

Мул, чувствуя, что сейчас ему придется работать, оскалил желтые зубы и угрожающе захрипел, но Джил с силой ударила его по морде.

— Прекрати капризничать, тупица. Ты мне еще спасибо скажешь.

— Ты недооцениваешь нашего мула, моя дорогая. — Ингольд повернул кристалл, и желтоватые отблески заплясали на его испещренном шрамами лице. — Даже если бы он знал, что мы спасаем ему жизнь, то даже не подумал бы нас благодарить. Словесный код гораздо длиннее, но, думаю, что предупредить людей в поселках они успеют.

«Такого не должно было случиться...» Джил скрутила покрывало и перебросила его через седло. «Ледяная буря... Это все равно как предупреждение об урагане в Канзас-сити!» Вот только ураганы не убивали любого, кто окажется на поверхности.

Ингольд молча сидел, склонившись над кристаллом и к чему-то прислушиваясь. Джил трудилась быстро, радуясь, что даже когда

они вставали лагерем на ночь, никогда полностью не освобождали мула от поклажи. Отчаявшись лягнуть Джил в подбородок, мул перешел на мелкие пакости, пытаясь хлестнуть ее хвостом по лицу и раздувая живот как можно сильнее, чтобы затем ослабить подпругу.

— Не балуй. — Джил с силой ударила мула коленом под ребра. Многолетняя практика научила ее, как обращаться с такими упрямыми тварями, а страх перед надвигающейся катастрофой заставил Джил двигаться еще быстрее. Она ждала, что Ингольд поможет ей хотя бы собрать книги; дважды за это время возвращалось головокружение, и Джил останавливалась, задыхаясь. Когда это случилось во второй раз, она оглянулась через плечо и увидела, что старик по-прежнему сидит у огня и держит кристалл перед собой.

— Руди, ты здесь? — Голос его звучал глухо и напряженно. — Ты здесь?

«Ох, черт!» Невольно Джил вспомнилась Мертвая Келья, скрытая в недрах Убежища, куда поместила пленных магов аббатиса Джованнин, когда решила обратить всех вокруг в Истинную Веру. Конечно, это было смешно: ничего подобного не могло случиться теперь, когда Убежищем правила Минальда, но Джил знала, что беременность порой лишает женщину сил и здоровья; и если между вельможами началась борьба за власть, то всякое могло случиться.

Хотя, конечно, избавляться от магов было бы чистым безумием. Но как историк Джил могла привести примеры куда более поразительных безумств и прекрасно знала, как быстро меняется политическая ситуация.

Она закончила увязывать тюки и подбежала к костру. Работа заняла у нее минут десять. Даже быстрым шагом они не доберутся до

Хива раньше, чем через два часа. Бог знает, что может случиться с ними в дороге.

— Ингольд, нам надо идти.

Он не шевельнулся. Глаза были широко открыты, и он по-прежнему смотрел на кристалл, отчаянно пытаясь связаться с Руди.

— Ингольд, нам надо убираться отсюда. Если ты ничего не добился до сих пор, значит, это бесполезно.

По запавшим глазницам и заострившимся скулам вновь скользнули янтарные отблески. Ингольд поднял голову.

— Они погибнут. — Он произнес это, словно бы во сне, потрясенный и напуганный. — По-моему, ветер нанесет удар где-то ближе к перевалу Сарда. Если первый порыв не уничтожит все вокруг, то стужа...

— Но почему ты не можешь установить связь?

Он с тревогой покачал головой. Этот человек в силу своего владения магией привык считать себя ответственным за окружающих, и сейчас во взоре его Джил видела воспоминания о всех погибших, чью смерть он не смог предотвратить: его родителей, людей, с которыми он рос, его ученика Лохиро, и женщины, которую он некогда любил, и жителей Гая, когда объявились дарки...

Погиб также отец Тира, бывший ученик, покровитель и друг Ингольда.

— А как насчет оборотничества? — Джил пыталась говорить разумно, хотя внутри ее все клокотало от волнения. — Ты это умеешь? Превратиться в какую-нибудь птицу? Быструю и сильную, которая сможет пару часов выдерживать ночной холод? Думаю, до Хива я доберусь сама.

Беспокойство в синих глазах мага сменилось тревогой, — ему была ненавистна мысль покинуть свою подругу в этих пустынных враждебных местах. Это пугало его куда сильнее,

чем огромный риск, которому Ингольд подвергался, принимая чужое обличье и поднимаясь в воздух в преддверии надвигающейся бури. Он поколебался еще пару мгновений, хотя в глубине души уже принял решение...

— Со мной все будет в порядке, — добавила Джил. — И у тебя все равно нет выбора.

Примерно треть магов, пытавшихся сменить обличье, гибли после первой же попытки. Но Джил знала, что говорит чистую правду. Если связь через магический кристалл невозможно, то нет иного способа спасти жизнь людей в Поселениях.

В глазах Ингольда отразилось понимание. Он задумался, прикидывая и оценивая свои силы, а затем медленно кивнул.

— Да, выбора нет.

Поднявшись, он решительным шагом двинулся прочь. Джил почувствовала, как защитные чары окутывают его, защищая от холода. Опавшие листья по углам взметнулись в порывах колдовского ветра. Ингольд тем временем стянул сапоги, отложил в сторону меч и скинул плащ.

Распахнув двери конюшни, обнаженный, в окружении светящегося магического облака, он вышел наружу. Джил, приблизившись, крепко обняла его.

— Будь осторожен, — прошептала она.

— Я всегда осторожен, моя дорогая. — Длинные белоснежные волосы вздымались в теплых порывах магического ветра. Обнаженные руки были крепкими, как камень. — Береги Цилиндр, — велел он Джил. — Если я не вернусь, пошли за Вотом или Кта, или кем-нибудь из сильных магов. Мы должны понять, что происходит. Дитя мое...

Губы их встретились в порыве страсти, о которой так редко говорили вслух эти

двое, — гордая, холодная женщина и мужчина, страшившийся любви больше, чем любых недругов и даже самой смерти.

Наконец, Джил отступила, и холод вновь объял ее. Вскинув руки, глубоким звучным голосом Ингольд произнес Истинные Имена звезд. Хотя Джил слышала много разговоров об этом, но никогда не видела оборотничества в действии, — оно считалось слишком опасным.

И теперь, позабыв про страх перед надвигающейся бурей, она взирала на Ингольда, как зачарованная. Туман вокруг него сгустился. Свет, окутывавший фигуру мага, сделался сильнее, распадаясь на яркие лучи. Казалось, каждая клеточка его тела была наполнена светом. На лице отразилось величайшее напряжение, когда он принялся призывать Силу, дабы изменить собственную сущность и превратиться в нечто Иное.

Вокруг фигуры мага расцвели холодные синие молнии, но постепенно они стали слабеть, а жар — уменьшаться. Туманные язычки сплелись в устремленную кверху спираль, в недрах которой едва угадывалась фигура Ингольда с поднятыми руками и запрокинутой назад головой. Джил почудилось, что она слышит хлопанье крыльев и ощущает запах перьев и меднистый привкус крови.

Испуганно и яростно заржал мул, ощущая магию, наполнившую тьму. «Молодец, — подумала Джил. — Когда не надо, ты трясешься, зато не чуешь, что приближается буря, которая всех нас превратит в ледышки. Вот и говори после этого о животных инстинктах...»

Светящийся туман продолжал пульсировать, и все вокруг, — деревья и даже камни, — теперь казалось пронизанным собственным сиянием.

Джил слегка приподняла руку, прекрасно зная, что Ингольд уже не может видеть

ее, и подумала: «Только не умирай...» В недрах светового кокона она видела, как Ингольд шевельнулся. От фигуры его разошлась волна тепла, — это атомы и молекулы его тела меняли очертания и природу. Туманная колонна вытянулась до небес, сперва на дюжину футов, затем на две... Ингольд закричал, то ли от боли, то ли от восторга. Клочья тумана стали разлетаться во все стороны...

Деревья содрогнулись в последний раз и замерли. Ингольд исчез.

Подойдя на то место, где он стоял только что, Джил опустилась на колени и коснулась земли. Та оказалась теплой на ощупь. Птичье перо лежало поверх отпечатка босой ноги.

Ночь внезапно показалась ей очень холодной.

Путешествуя с Ингольдом, а также с Ледяным Ястребом по окрестностям, Джил нередко видела *гаенгу*. В этих глубоких пещерах и колодцах много тысяч лет назад несчастных жертв казнили, выпуская из них всю кровь. Даже хотя эти ритуалы давно прекратились, туда редко кто осмеливался совать нос, и потому Джил надеялась, что не встретит по пути разбойников, Белых Всадников или бродячих алкетчских наемников. Никто из них по своей воле не сунулся бы под землю.

Торопливо шагая вперед, Джил напряженно прислушивалась, размышляя о том, сколько времени у нее осталось до прихода бури. Прочие маги не верили в способность Ингольда предсказывать погоду больше, чем за пару минут вперед. Но Джил ничуть не сомневалась в его талантах.

У нее было такое чувство, словно незримая стрела сейчас направлена прямо ей в сердце. Нет, даже хуже. После выстрела из лука человек еще может оправиться.

Жертвенный холм в Хиве был защищен старыми деревянными дверями, которые

Джил собственноручно закрыла и заперла на засовы пару месяцев назад, когда впервые оказалась в этих краях. Запах диких животных напугал мула, и тот наотрез отказался входить внутрь, так что Джил пришлось затаскивать его силой. Уже больше двух часов прошло с того момента, как Ингольд исчез в светящемся столпе тумана.

«Скоро, — подумала она. — Очень скоро».

Волоски на затылке поднимались дыбом.

Из основного зала святилища узкий проход вел еще ниже под землю.

С помощью трута и огнива Джил подожгла костяной фонарь, наполненный сухим мхом. Света от него почти не было, но все же это казалось лучше, чем ничего.

Повсюду вокруг она видела разбитые черепа и расколотые кости. Люди пытались найти здесь прибежище от дарков, — но древнее зло настигло их.

Однако оставалось надеяться, что под землей Джил окажется в безопасности от ледяной бури, и студеный ветер не проникнет сюда. Из седельной сумы она достала вещи Ингольда, и его накидку набросила на мула, который вновь попытался ее укусить. Прижавшись спиной к стене, Джил съежилась, поплотнее запахиваясь в бурый шерстяной плащ, пахнущий дымом костров, травами и каким-то еще тонким привычным ароматом.

«Только не умирай».

Два дня пути до Поселений. Два часа лета для ястреба.

Если только ночной холод не убьет его. Если его не прикончит какой-нибудь хищник, — орловая сова или волк. Если он не забудет, что некогда был магом. Если вспомнит, что надвигается ледяная буря. Если вспомнит, как превратиться вновь в человека, когда достигнет цели.

Однажды Вот объяснил Джил, что маги гибли не из-за самих чар трансформации. Разумеется, случалось и такое, ибо заклятье требовало огромного напряжения сил. Но по большей части чародеи просто продолжали жить как животные, напрочь утратив память о человеческой магии, человеческом облике и всех человеческих привязанностях. Утверждали также, что более всего опасности подвержены те, кому трансформация дается легче всего. С четырьмя магами такое случилось в Кво, когда дарки уничтожили город.

Джил явилась в этот мир из Калифорнии и отказалась возвращаться только ради того, чтобы остаться с Ингольдом. Она смирилась с мыслью, что после его смерти останется жить в этом мире без него. Отныне и навсегда этот мир стал *ее* миром.

У нее вновь заболело лицо, и она посмотрела на свою ладонь, пытаясь вспомнить, откуда взялась эта резкая боль, и почему она помнит, как кровь стекала по пальцам и капала на сланч. Перед внутренним взором являлись смутные образы горы с ледяной сердцевиной, глубокого озера, синего, как сапфир... И неких существ, подобных оживившим самоцветам, которые смотрели на нее и знали ее имя. Взволнованная этими воспоминаниями, Джил вытащила из куртки завернутый в кожу Цилиндр. Он оказался довольно тяжелым, без единой трещинки, пузырька воздуха, без теней и каких-либо недостатков; нигде на поверхности не было ни единой щербинки, хотя предмет этот насчитывал три или четыре тысячи лет, а то и больше. Определить точно казалось невозможным. В тусклом свете лампы он блестел, как намасленный. Несомненно, Цилиндр был создан магией Былых Времен. Насколько могла судить Джил, в этом мире до последнего появления дарков очень любили всевозможные украшательства: на стенах всегда делался узор из

кирпичей, на стенах — башенки и зубцы, мебель украшали резьбой в виде цветов и животных, одежду — вышивкой и аппликациями. От Былых Времен оставалось лишь Убежище — черное, загадочное исполинское сооружение... А также кристаллы, содержащие в себе свет и образы, нетронутые временем.

И еще вот это.

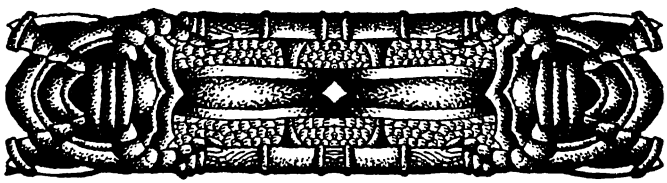
Джил повертела Цилиндр в руках в поисках хоть какой-то царапины или намека на его действие. Служил ли он для связи? Как источник энергии? Или просто был ножкой стула? Наверняка, Руди почувствует в нем магию, стоит ему лишь коснуться загадочного предмета. Руди и Ингольд вечно подшучивали над Джил из-за того, что чувство магии у нее отсутствовало напрочь, и это было тем более странно для человека, который умом так хорошо понимал колдовство.

Джил думала об Ингольде, глядя на загадочный стеклянный цилиндр, но видела в нем лишь искаженное отражение собственной руки и отблески лампы. Да, пожалуй, вот что пригодилось бы в этом мире для общения между обычными людьми, не владевшими магией... Телефон.

Он бросил ее одну.

Боль сделалась сильнее, Джил не чувствовала ничего, кроме тошноты и неимоверной усталости. Держа меч на коленях, она съежилась в комочек, слепо глядя во тьму, сгустившуюся в подземном зале. Где бы ни был сейчас Ингольд, — сказала себе Джил, — она останется с ним. Будь он жив или мертв... Что бы ни шептали ей эти голоса.

Где-то далеко наверху она ощутила первые порывы ледяного шторма, и в тот же миг весь мир словно бы опрокинулся через край в колодец Вечной Зимы, и стало ясно, что холод и мрак пришли навсегда, и весна никогда не наступит.

Глава шестая

— Слушайте, парни, я, конечно, ценю ваше гостеприимство, но тут становится слегка тесновато...

Руди Солис начал подниматься с места, но тут Джордж — старый дуик, которого Руди окрестил так за его сходство с одним земным актером — на четвереньках метнулся к выходу из пещеры и уселся там, скаля желтоватые клыки. Этот жест был скорее символическим, — хотя зубы у дуика казались весьма впечатляющими, — но Руди не верил, что тот и впрямь попытается на него напасть. И все же он послушно отошел к стене.

— Ладно, все в порядке. Но чего вам от меня нужно, черт возьми?

Ни один из дуиков в пещере не тронул Руди пальцем и даже не подошел к нему. Их было здесь не меньше дюжины, — небольшая стая, по дуиковским меркам. И, судя по внешнему виду, все они до прихода дарков были одомашненными рабами.

Сейчас они сидели на другом краю низкой пещеры и жались к огню, который Джордж зажег, просто бросив взгляд на хворост, как это делают колдуны.

Руди был потрясен.

«Проклятье! Дуики владеют магией...»

Наверное, он был бы удивлен ничуть не меньше, если бы выяснил, что колдовать способны древесные лягушки.

Усевшись на землю, он принялся наблюдать за дуиками. По-прежнему опасливо косясь на Руди, Джордж отошел от выхода из пещеры, чтобы впустить внутрь еще трех или четырех своих сородичей, каждый из которых тащил дрова на растопку. Пещера, широкая и глубокая, высотой не превышала пяти футов, а к дальнему краю и вовсе сужалась, превращаясь в длинную черную щель. Здесь пахло дымом, падалью и дуиками. Руди подумал про себя, что по доброй воле едва ли пожелал бы провести ночь в таком месте, но это все же было лучше, чем спать на ложе из сланча, где снуют безглазые резиновые хищные грибы... Кроме того, и общество здесь было более приятным, чем в усадьбе Гроува.

К тому же Руди сознавал, что ему представился великолепный случай изучить дуиков вблизи. Он и прежде пытался наблюдать за ними, но они всегда ускользали, ловкие, как лисицы. Если, к тому же, кто-то из них владеет магией, то в этом не было ничего удивительного. Несмотря на то, что порой дуики нападали на одиноких путников и убивали их, молодой колдун был уверен, что ему не грозит никакая опасность. Он верил, что магия защитит его.

Да и к тому же дуики пока не выражали никаких агрессивных намерений. Джордж привел его сюда, и Руди последовал за ним по доброй воле, подумав при этом, что если откажется, то Ингольд отлупит его посохом за то, что упустил такую удачу.

Они хотели видеть его здесь.

Но зачем? Пригласили на обед в благодарность за спасение жизней хинни и двух ее малышей? Может, они решили, что отныне Руди в ответе за эту самочку? Не приведи Господь, они теперь отдадут ее Руди в жены в лучших традициях бульварной литературы...

«Э... Нет уж, спасибо!»

Самочку, которую он окрестил Рози в честь одной из своих земных подружек, Руди видел в уголке, где она сидела вместе с малышами в окружении других дуиков, которых он нарек Мамочкой, Маргарет, Дюмонтом, Алисой, Джиной, Шерил и Линдой...

Тем временем Джордж, державшийся рядом с другими членами племени, внезапно развернулся, словно услышал из прохода какой-то шум. Взглянув на Руди, он что-то пробормотал, жестикулируя короткопалыми мохнатыми лапами. Должно быть, на лице Руди отразилось полное непонимание, поскольку Джордж тут же привлек внимание другого самца поросячьим повизгиванием, сделал еще какой-то жест, а затем, по-обезьяньи, опираясь на костяшки пальцев, бросился куда-то в проход и скрылся во тьме. Прочие самцы торопливо принялись обмениваться некими жестами, непонятными Руди, но явно выражавшими озабоченность и страх. Страх? И тут же четверо поспешили усесться в ряд у входа, не спуская с Руди настороженных, почти человеческих глаз.

— Понял, — сказал на это молодой маг. — Буду сидеть тихо. — С этими словами он продемонстрировал им пустые руки ладонями кверху и тут же мысленно спохватился: «Боже, а вдруг я сейчас послал их к такой-то матери?..»

Он отметил, как сидят самцы: не обхватывая руками колени, и сам уселся точно так же.

В поселке ворота закрыли уже много часов назад. Что бы тут ни творилось, в этой пещере, ночка наверняка будет интересная, — лишь бы его не заставили есть дохлых кроликов, которых дуики притащили с собой. Хотя Руди и умирал от голода, но, судя по всему, у этого ужина уже давно истек срок годности.

Все дуики в пещере напряженно прислушивались к чему-то; самцы у входа то и дело обменивались какими-то знаками. Наконец, один из них удалился вслед за Джорджем, словно желая проверить, чем тот занят.

Габугу? Может, старый дуик вновь отправился гонять безглазых тварей? Но каким образом?

Дуики подбросили хвороста в огонь. В пещере стало слишком жарко, и неприятные запахи усилились. Огромные тени метались по низким стенам. Похоже, ожидание тяготило всех без исключения.

Наконец, старый дуик вернулся, что-то неся в лапах, и Руди подумал: «Похоже, мама посылала его в местный супермаркет за свежатинкой к ужину...»

Птица, которую нес Джордж, оказалась не только свежей, но и живой. Она чуть заметно вращала головой и топорщила окровавленные перья. Опознав в добыче дуика ястреба, Руди не удержался от мысли: «Прекрасный бросок, если он сумел сбить его в небесах».

А может быть, кто-то другой подранил птицу и оставил умирать на камнях у пещеры? Но в таком случае каким образом старому дуику удалось отыскать ее в темноте. Джордж бережно нес свою добычу, поддерживая окровавленные крылья, и слегка укачивая птицу, точно младенца. Он даже что-то бормотал и, похоже, эти заклятья успокаивали ястреба. Он не сопротивлялся, а лишь озирался в полутьме хищными топазовыми глазами.

«А с чего вдруг вообще ястребу вздумалось летать среди ночи?»

В пещере повисло молчание. Затем Джордж передал птицу Мамочке и присел ближе к огню. Чуть погодя Руди ощутил присутствие магии... Огненная магия? Жар шел от дуика, словно от печки, вкупе с теплом костра. Жара была

почти невыносимой, но все племя теснее сжалось вокруг. Самочка Рози подползла к Руди и, ухватив его за руку, попыталась подтащить его ближе. Он повиновался, хотя запах от дуиков шел просто нестерпимый.

«Надеюсь, в этом есть хоть какой-то смысл...»

На полпути Руди вздрогнул, заслышав снаружи вой ветра. Рози сильнее дернула его за руку, глядя на него с нескрываемым ужасом. Ветер взметнул длинные волосы Руди, холодный и пронизывающий, как кинжал. Голос его разносился все громче, словно снаружи на мир обрушился циклон или ураган.

Стало по-настоящему холодно.

И Руди все понял.

«О, Господи, да это же ледяная буря!»

Он застыл, точно громом пораженный, в то время как Рози юркнула к своим соплеменникам, торопясь оказаться в тепле и безопасности. Руди же сперва ощущал лишь изумление по поводу столь несвоевременного прихода бури...

А затем: «Поселения!» Но было уже поздно. Мысль о том, что ледяная буря способна сотворить даже со столь крепкими сооружениями, как каменные дома, разрывала его сердце. Обрушенные стены, сорванные крыши, люди и животные, уносимые ветром, словно тряпичные куклы... Он видел подобные руины на равнинах Геттлсенда... Старый Джордж схватил Руди за руки и с ужасающей силой подтянул ближе к сбившимся в единый комок дуикам, словно и впрямь опасался, что Руди способен сломя голову устремиться прямо в пасть бурану.

Но у Руди лишь крутилась в голове одна-единственная мысль: «О, Господи! О, Господи!» Но он знал, что ничего не сможет поделать. Все они были уже мертвы — холод убил их в считанные мгновения.

Стужа заползала в пещеру волнами смерти. Дуики все теснее толпились у огня и вокруг старого самца, чьи заклятья не раз спасали их и прежде.

«Убежище!» Черные стены способны выдержать как натиск дарков, так и любую непогоду. Но зато неминуемо вымерзнут посевы, — зерна, высаженные по весне с таким трудом. Зерна, бывшие их единственной надеждой на спасение. Все животные, оставшиеся на ночь за пределами Убежища, также погибнут от холода.

И мальчики-пастушата...

Руди закричал: «Нет!», а затем рухнул на землю и закрыл голову руками.

* * *

Подобно торнадо, ледяные бури налетали и уходили довольно быстро. Руди лежал, вслушиваясь в безумные завывания ветра и думая о том, что дети, которые вместе с Лиртой Гроув направились за хворостом, и охотник, которому он невольно сломал нос, теперь мертвы. И их тела обратились в лед. Вот и все, чем кончаются человеческие мечтания, человеческие надежды, человеческая любовь... Так кончается все, независимо от нашего желания.

Он стиснул зубы, чтобы не разрыдаться.

Чуть погодя, Руди пошевелился и сосредоточился, вызывая заклятье тепла. На время это отвлекло его от боли. Дуики, ютящиеся у костра, спасли ему жизнь, возможно, потому, что он спас Рози, а, возможно, потому, что старый Джордж признал в нем колдуна и понадеялся на помощь, — Руди не мог знать этого наверняка. Но он был перед ними в долгу. И потому он теснее прижался к дуикам, согревая их своей магией и попутно с изумлением отмечая, что

некоторые из них носят грубое подобие одежд, — до сих пор никто не видел ничего подобного, и все считали, что дуики на такое не способны.

Немного погодя ветер утих. Стужа делалась все сильнее. В пещеру проникал ледяной воздух... «Проклятье! Должно быть, буран разразился прямо над нами... И над Поселениями. Господи, Господи, Господи...» На руках у старого Джорджа раненый ястреб озирался вокруг своими безумными желтыми глазами.

Когда магическое чутье подсказало Руди, что рассвет, наконец, наступил, он накинул на плечи оленью шкуру и на четвереньках выполз на поверхность.

Проход был скользким ото льда и непроницаемо темным, — выход завалило тоннами снега. Руди направил в гущу его свой посох, с помощью магии разогревая стальной полумесяц, и вскоре вода потекла так стремительно, что промочила ему одежду.

Мир вокруг лежал в развалинах: деревья были переломаны пополам, повсюду валялись оборванные ветви, замерзшие трупики птиц лежали на камнях. В нескольких шагах от входа в пещеру, нанизанный на обломанный ствол молодой сосны, виднелся замерзший труп кабана.

Джордж и Мамочка выползли вслед за Руди, торопливо обмениваясь какими-то знаками. Руди их почти не замечал. Его разум превратился в чистый лист. Он сознавал, что видит перед собой конец света, начало Вечной Зимы, — Последнее Предупреждение от Великой Дарвинской Комиссии на небесах, где говорилось: «С сожалением извещаем вас, что ваше время в этом мире истекло». Он не мог поверить собственным глазам.

Зерна не будет ни в Убежище, ни в Поселениях. Прошлой ночью вымерзло все без остатка. Погиб и весь домашний скот.

Почти тысяча человек — жители Поселков — были мертвы.

В Убежище люди будут голодать.

Джордж предупреждающе тявкнул и протянул руку. Внизу, под горой, что-то шевельнулось, вздрогнуло, а затем, после нескольких секунд тишины, земля затряслась у них под ногами, как будто они стояли на брюхе гигантской анаконды, только что проглотившей оленя.

С трудом восстановив равновесие, Руди взглянул на перепуганного старого дуика и его самку.

— Всего-то баллов пять. Дома я бы ради такого и из постели не вылез. — Подобно большинству калифорнийцев, он привык оценивать местные землетрясения по шкале Рихтера. Судя по всему, эпицентр находился довольно далеко.

Руди немного прошел вперед, разглядывая расколотые и вывернутые с корнем деревья, замерзшие в снегу, ставшем жестким, как строительный раствор, и лишь полоска сланча, обнаруженная им случайно, казалась точно такой же, как прежде. Похоже, эту мерзость ничто не могло уничтожить.

— Вот проклятье... — пробормотал Руди.

Он обошел каменную насыпь и вновь остановился.

На снегу виднелись странные беспалые отпечатки. Их уже припорошило снегом, и для Руди этого оказалось достаточно, чтобы понять, когда они были оставлены: тварь прошла здесь, когда ветер уже улегся, но в самую лютую стужу. Страшно даже подумать, какая тогда могла быть температура.

За спиной он услышал урчание старого Джорджа и испуганное тявканье Мамочки.

Схватившись за посох, Руди бросился к пещере, поскальзываясь на заледеневшей снежной корке.

У входа в пещеру, дрожа от холода и растерянно моргая, стоял Ингольд. Из одежды на нем была лишь потрепанная оленья шкура.

— ...Не знаю, что со мной произошло. — Голос старика звучал глухо и надтреснуто. Он поморщился, когда Руди стал рассматривать его пораненную руку. В пещере Руди раздобыл хвороста и у входа зажег небольшой костер, рядом с которым и устроились они с Ингольдом. Снаружи облака понемногу расходились, и уже начало проглядывать солнце, растапливая снег. Ингольд не смог вызвать огонь колдовством. Вероятно, он вообще на время утратил свой магический дар. Старик лежал на камнях, дрожал от усталости, пока Руди осматривал раны у него на руках, на спине и на затылке. Впечатление было такое, будто на него напала свора маньяков с серпами и зубилами. Такие раны могли бы быть нанесены клешнями гигантского краба или омара, но только не когтями и не зубами.

В то же самое время Руди не переставал восхищаться: «Ингольд сумел это сделать! Будь я проклят, он и впрямь превратился в птицу!» Руди даже вообразить себе такого не мог. Он жалел лишь о том, что не мог видеть этого превращения своими глазами.

Но вслух он сказал лишь:

— Слушай, если бы буря настигла тебя в полете, ты был бы уже трупом!

Ингольд слегка приподнял голову.

— Я должен был рискнуть. Не мог дотянуться до тебя через кристалл.

— Не мог до меня дотянуться? Я все утро пытался связаться с тобой! И с Вотом, и с парнями из Геттлсенда! Но каждый раз я испытывал такое... такое...

— Ощущение тяжести, — сонным голосом пробормотал Ингольд. Неловко приподд-

няв стынущие руки, он попытался натянуть на себя оленью шкуру. — И злоба. Глубинная земная магия. Кстати, сейчас это ощущение исчезло, — добавил он, приподнимаясь. — Вероятно, после землетрясения мы без труда сможем связаться с Вотом.

Руди озадаченно посмотрел на него. Мамочка внезапно появилась в проходе и протянула ему полную пригоршню чего-то, напоминающего пережеванные листья.

— Э-э... Спасибо. — Поблагодарил ее Руди, принюхиваясь. Судя по всему, это были целебные травы, обработанные чарами для излечения и обеззараживания ран. Ингольд даже не дернулся, когда Руди принялся втирать эту вязкую массу ему в кожу.

— Так что, черт возьми, происходит?

Ингольд покачал головой и прижался щекой к камням. Длинные, перепачканные кровью волосы упали ему на лицо.

— Потерпишь еще пару минут? — спросил его Руди. — Эту мне придется зашить.

Старик кивнул. Руди вытащил из-за пояса иглу с вдетой в нее тонкой жилой и развернул раненое плечо Ингольда к свету. Под свежей раной виднелись куда более давние рубцы, в свое время рассекавшие плоть почти до костей.

— Мы отыщем твой кристалл чуть позже и попытаемся связаться с Вотом в Геттлсенде, — чуть громче шепота послышался голос Ингольда, хотя Руди наложил на него всевозможные чары, чтобы приглушить боль. Любой другой человек наверняка давно лишился бы сознания, но старик терпел, хотя и здорово побледнел. Он конвульсивно содрогался, пытаясь выровнять дыхание.

— Но наш первый долг — перед Поселениями. Мы должны похоронить людей, если уж не смогли спасти им жизнь.

* * *

Руди одолжить Ингольду свою длинную шерстяную рубаху, и отдал бы даже штаны, если бы только они пришлись колдуну в пору. Рубаха доходила Ингольду до середины бедер, а на ноги он намотал полоски оленьей шкуры. Руди вырезал ему посох из дубового побега, а затем вдвоем, дрожа, как пара бродяг, они спустились через заснеженный лес на мертвую равнину.

По пути Руди рассказал Ингольду о габугу и о том, как те напали на него в лесу, а затем преследовали, невзирая на все заклятья, которыми он пытался их отвадить; и как он нашел их следы на камнях, оставленные во время ледяной бури. Он говорил без умолку, чтобы отвлечься мыслями от того, что ждало их впереди, от всех вопросов, на которые неминуемо скоро придется дать ответ. Вопросы о будущем...

Еще на подходах к поселкам на пути стали попадаться мертвые овцы и части овец, нанизанные на сломанные деревья; длинная шерсть свалялась комьями от крови.

Снег под солнцем стремительно таял, и оба мага то и дело оскальзывались в грязи. Руди был готов в любой момент поддержать Ингольда, но тот, хотя и шагал медленно из-за усталости, явно не собирался останавливаться.

Руди видел птиц, разбившихся о ветви деревьев, словно жуки о ветровое стекло, и вновь вспомнил о странных ранах на теле Ингольда. Кто же напал на мага прежде, чем он добрался до Поселений?

К полудню они миновали то место, где ледяная буря обрушилась всей своей мощью. Тут вокруг деревья были выворочены с корнем и лежали грудами на склоне горы, вперемешку с камнями, трупами животных и глыбами

льда. Снег постепенно таял с краев, и у подножия склона уже натекло целое озерцо воды и крови.

К югу лежала усадьба Фаргина Гроува. В развалинах маги обнаружили тела самого Гроува, его жены, сыновей и всех членов семьи, — их раздавило падающими балками. Малышку Лирту, некоторых слуг и охотника со сломанным носом ветер унес наружу и размозжил о развалины конюшен, где части их тел перемешались с трупами овец и коров. Чуть позже они отыскали и малыша Реппитепа.

— Должно быть, все случилось очень быстро, — сказал Ингольд Руди, когда они подтаскивали трупы к месту будущего погребального огня.

Руди, у которого слезы градом катились по щекам, закричал:

— Думаешь, от этого мне станет легче?

И Ингольд устало ответил:

— Да, со временем.

К ужасу и негодованию Руди, старый колдун настоял на том, чтобы они тщательно обследовали развалины, вытащили все кухонные принадлежности, одежду, иглы, плуги, посуду и все это сложили у колодца.

— Да прояви ты хоть немного почтения к мертвым, ради всего святого!

— Ни за что, — отрезал старик, стаскивая сапоги с одного из мертвецов. — Сейчас это недопустимая роскошь.

«Он превратился в птицу, — подумал Руди, глядя, как старый маг пытается снегом счистить грязь с чужой одежды прежде, чем натянуть на себя темную кожаную куртку и мешковатые штаны, которые накануне Руди видел на одном из охотников. — Он решился применить самое опасное из существующих заклятий ради того, чтобы предупредить этих людей об опасности».

Лишь благодаря случайной удаче и мудро-

сти старого дуика Ингольд не погиб в эту ночь, и его геройство ровным счетом ничего не изменило.

Руди был вынужден напомнить себе об этом еще раз, когда увидел, как старик тщательно обшаривает мертвецов, забирая ножи у мужчин и иголки у женщин, которые держали в руках шитье. Чуть дальше, на том месте, где Руди первый раз встретился с габугу, они отыскали его магический кристалл, и когда Руди набрался смелости заглянуть в него, то увидел рыдающую Минальду у погребального костра перед Убежищем, — там покоились тела пятнадцати пастушат.

Руди смотрел до тех пор, пока не обнаружил Тира, бредущего вслед за матерью с охапкой хвороста.

Лишь сейчас молодой маг осознал, что боялся одного: Тир мог, по своему обыкновению, в эту ночь ускользнуть из Убежища и отправиться в ночное.

Картинка погасла. Теперь, когда он удостоверился, что Тир с Минальдой живы, Руди больше ничего не хотел видеть.

Синие холодные тени гор легли на землю. В куче одежды, которую Ингольд сложил у дверей, Руди, порывшись, отыскал свою накидку с рукавами, расшитыми веселенькими цветочками. Подняв глаза, он увидел, что воздух над горами светится оранжево-розовым сиянием, — восхитительный, потрясающий закат, какие бывают только в ковбойских фильмах и на фотографиях в журналах.

— Ого, — прошептал он, и Ингольд, с которым они за последнюю пару часов не обменялись ни единым словом, хромая, подошел ближе.

— Только не говори мне, что тебя это удивляет.

— Так ты теперь и закаты тоже можешь предсказывать?

— Утром было землетрясение, — пояс-

нил Ингольд. — Скорее всего, его вызвало извержение вулкана в Геттлсенде.

— Ты прав, — кивнул Руди. — Это которое уже? Третье за зиму? Что у тебя здесь? — добавил он, показывая на какой-то странный перепачканный кровью сверток в руках у старика. Кажется, оттуда торчала лапа какого-то животного. Кролика? Но у кроликов не бывает таких когтей.

— Понятия не имею, — Ингольд, нагнувшись, принялся разворачивать странный сверток.

— Ничего себе! — Руди невольно отступил, но затем вновь подошел ближе. — Что это еще за чертовщина? — Озадаченный и испуганный, он уставился на Ингольда. — Где ты отыскал эту дрянь?

Ингольд ткнул куда-то в сторону.

— У ограды. — От частокола осталась лишь одна южная стена. Все остальные лежали в руинах. Ингольд медленно завернул труп неведомого животного. От тяжелой работы у него распухли и кровоточили руки. — Я заметил, что...

За спиной внезапно послышался какой-то шум, и старый маг рывком развернулся, ловко выхватывая меч, который позаимствовал у одного из погибших крестьян.

Руди также повернулся в ту сторону. На дороге появились люди, несколько десятков человек, и кто-то выкрикнул:

— Кто здесь? Есть кто живой?

Руди узнал этот голос.

— Яр? — окликнул он и, выйдя из тени, двинулся навстречу вновь прибывшим. — Это я, Руди, и со мной Ингольд.

Он без труда узнал Ланка Яра, старшего охотника Убежища. За ним следовала Нидра Хорнбим с третьего южного яруса, ее сын и зять; лорд Скет шествовал следом в окружении своих лакеев в пурпурных накидках; а еще люди

из клана Данка со второго северного уровня вместе с лордом Фнаком, плотник Бокк и еще с полдюжины гвардейцев под командованием Ледяного Сокола.

— Здесь все мертвы, — негромко промолвил Руди. — Они все погибли.

— Боже правый, парень, мы думали, что и тебе пришел конец! — Бокк шагнул вперед и схватил Руди за руки, а затем сгреб в медвежьи объятья. — И лорд Ингольд!

— Лорд Ингольд, — негромко подтвердил Яр, — которому не следовало весной покидать Убежище. Если бы он сидел на месте, как ему надлежало, эти люди остались бы живы, и пастушата — тоже.

С этими словами он развернулся и двинулся прочь. Лорд Скет подошел, торопливо пожал Руди руку и воскликнул:

— Какая нелепость! С тобой все в порядке, парень? — В глазах его читался испуг и облегчение. Облегчение от того, что перед лицом надвигающейся катастрофы Убежище хотя бы не останется без помощи волшебников. — Что произошло? Неужто и впрямь была ледяная буря? Мы ничего не слышали, но утром, когда открыли Двери, то перед ними обнаружили целую стену снега.

— Это была ледяная буря, — негромко подтвердил Ингольд. — Яр прав, мне не следовало покидать Убежище.

До самого заката они трудились без устали, а затем продолжили под огромной алой луной, изливавшей на землю золотисто-алый свет. По приказу лорда Скета, охотники, добровольцы и гвардейцы собрали всех до единой лошадей, всех диких животных, включая оленей, кабанов и даже крыс и кроликов, которых отыскали в лесу, и сложили их у разрушенного дома. Руди с Ингольдом наложили сохранные чары на эти

груды мяса, чтобы приостановить разложение, а часть его охотники сразу нарубили, чтобы забрать в Убежище. Судя по всему, на этом мясе людям предстояло существовать все лето, зиму и следующую весну.

Руди не сомневался, что этого не хватит.

Пока оттаивало мясо, лорд Скет приказал соорудить погребальный костер, и его запалили за час до рассвета. Дым маслянистым облаком поднялся над горящими трупами. Практичный Ланк Яр тут же велел своим спутникам соорудить вертела, подтащить поближе мясо и попытаться закоптить как можно больше. С рассветом первая группа носильщиков отправилась в Убежище, унося все припасы Фаргина Гроува и весть, что оба мага живы и здоровы.

* * *

Когда Руди пробудился ото сна, рядом оказалась Джил, растрепанная, перевязанная и израненная. Вид у нее был усталый и взволнованный. Неподалеку трудился на разделке овец Ингольд, перепачканный в крови с головы до пят; если кто-то обращался к нему, он отвечал вполне любезно, но было видно, что он принял близко к сердцу обвинения Ланка Яра.

Слава Богу, хоть муравьи и мухи не успели испортить мясо.

— Я за тебя тревожилась, парень. — Джил присела рядом и протянула Руди миску каши и сушеное яблоко. Скорее всего, эту еду взяли из кладовых поселка. Руди подумал о тех людях, которые должны были съесть все это на завтрак, и его чуть не вывернуло наизнанку.

— Извини, но не могу сказать того же о себе. — Съев пару ложек, Руди, к собственному изумлению, почувствовал себя гораздо

лучше. Впрочем, он тут же вспомнил, что со вчерашнего дня у него не было во рту ни крошки, а потом он работал, таская трупы к погребальному костру, пока не свалился от изнеможения. — Но до начала бури я даже ни о чем таком не подозревал. А когда она началась...

Помолчав, Руди покачал головой.

— Кажется, я вообще толком тогда ни о чем не думал. Только: «Нет, Господи, о нет!» Наверное, я решил, что раз ты со стариком, то с тобой все будет в порядке. А ты... ты видела, как он превратился в птицу?

Джил криво усмехнулась. Впрочем, с такой раной на лице ее усмешка едва ли могла быть другой...

Вслух она сказала лишь:

— Я думала, лорд Скет на радостях предложит мне руку и сердце, когда я объявилась, ведя в поводу мула. Эта злющая мерзкая тварь теперь оказалась единственным выжившим животным во всей долине. А Энас Баррелстейв еще не хотел нам его отдавать... Хотя, конечно, приплода все равно не будет.

— О, Боже, — пробормотал Руди. Об этом он и не подумал. Джил, как всегда, оказалась на два хода впереди. — Что же мы будем... Как же пахать землю на будущий год?

— Об этом лучше не тревожься. — Джил поднялась на ноги, окидывая разрушенный поселок безучастным холодным взглядом. — К Рождеству мы все помрем от голода.

— Большая часть еще заморожена, — послышался голос Ледяного Сокола, когда Руди с Джил через развалины подобрались к тому месту, где Ингольд расчленял свиней и оленей большим топором. — Думаю, нам удастся перетащить все это в долину, пока мясо не начнет таять, но пешком получится медленно. Скоро потепле-

ет, — добавил он, взглянув на север. — Налетят мухи.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал Ингольд. Вид у него был такой, словно он без передышки прошагал десять миль по бездорожью, и в придачу его избили дубиной. Насколько мог судить Руди, за все это время старик не сомкнул глаз.

— Скорее всего, отряды сегодня отправятся на расчистку в Мансу и Карпент, — продолжил юный гвардеец. — К тому времени понадобятся чары против разложения. Завтра утром, когда мы двинемся в Убежище, один из вас должен остаться тут.

— Остаться хотя бы для того, чтобы предупредить нас, если опять налетит ледяная буря, — встрял в разговор Иобет Троп, у которого на плече висели связки мертвых цыплят. Испуганно покосившись на Ингольда, он затем взглянул на небо. — Вы ведь скажете нам, правда, милорд колдун? Это ваша работа.

— Да, — мягко согласился Ингольд. — Это моя работа.

И добавил, обращаясь к Джил, когда Троп и Ледяной Сокол отправились по своим делам:

— Все не так скверно, как кажется. Буря затронула область всего миль в пятьдесят шириной, а за ее пределами найдется и дичь, и плоды в заброшенных садах и рощах, и орехи в лесах. Нужно только вовремя выслать поисковые отряды. Кроме того, чуть раньше Ледяной Сокол говорил мне, что собирается вместе с гвардейцами выступить в Пенамбру, чтобы сражаться с бандитами. У них можно будет отнять лошадей.

— Хороши же будут наши гвардейцы, пешие против всадников, — промолвила Джил.

Ингольд удивленно покосился на нее и сделал вид, будто шарит по карманам.

— Если хочешь поставить пару монет против Ледяного Сокола, который пешим нападет на целый отряд конных разбойников...

— Еще чего! — и Джил впервые за весь этот день широко улыбнулась.

— Кроме того, я уверен, что леди Минальда обратится к Томоку Тиркенсону в Геттлсенд, чтобы он помог нам провизией и отдал часть домашнего скота.

Ингольд медленно похромал к горе замерзших туш и начал стаскивать на землю оленя. Джил и Руди бросились на помощь; молодой маг подал топор, но, взвесив его на руке, Ингольд покачал головой. Сейчас он слишком устал.

— Они забрали нашего мула, — сказала ему Джил. Подхватив топор, она ударила по замерзшей туше, стараясь отрубить переднюю ногу.

— Не сомневаюсь. — Ингольд взглянул на Руди. — Ты должен будешь разобраться с теми книгами, которые мы с Джил доставили из Пенамбры. Я вчера ночью спрятал их в амбаре. После своих вчерашних приключений и сегодняшней работы мне придется отдохнуть, чтобы хоть немного набраться сил. Сейчас я вообще ни на что не способен.

Руди не понравился тон, которым говорил старик. Еще меньше ему понравилось то, как медленно, через силу тот двигался, стискивая челюсти, чтобы не свалиться от изнеможения.

— Наложи любые чары, какие только можно, — продолжил тем временем старый маг. — От тления, воды, огня, кражи, насекомых, даже от других колдунов. Одному богу известно, как скоро мы сможем отправить кого-то за ними. Эти книги невероятно древние. Возможно, в них содержатся все ответы, которые необходимы нам для выживания.

Руди осторожно поинтересовался:

— Ты говоришь так, словно тебя здесь не будет...

Ингольд поскреб нос, и ссадины на его лице вновь начали кровоточить.

— Да, мне и самому это не по душе.

«Не смей так со мной поступать! Не бросай меня здесь одного со всем этим кошмаром...»

— Мне не следовало уезжать, — очень медленно продолжил Ингольд. — Яр прав, я не должен был уезжать, и напрасно я уверил себя, что никакого несчастья не произойдет.

— Но кто мог знать? — Руди всплеснул руками. — И разве найдется такой болван, кто обвинит тебя в происшедшем? Конечно, ты можешь предсказать бурю за десять минут до того, как она налетит. Я вообще их не чувствую. А ведь я пытался связаться с тобой через кристалл. До сих пор не могу понять, почему мне это не удалось.

— Не можешь? — удивленно переспросил Ингольд. — Ладно, как бы то ни было, это все равно моя вина. И думаю, что, когда мы вернемся в Убежище, там сделают все, чтобы помешать нам вновь его покинуть. — Он покосился на Джил, а затем поспешно отвернулся.

— Не только ради самого магического искусства я искал ребенка с колдовским даром. Нам отчаянно необходимы новые маги в Убежище. Не следовало отпускать в Геттлсенд всех чародеев... Кстати, я говорил с Вотом.

— Говорил с ним? — Руди напрочь позабыл о геттлсендских колдунах и о том, что хотел расспросить их насчет габугу. — Он рассказал, что произошло? Почему мы не могли с ними связаться?

— Он сказал мне много чего, и все это весьма тревожно. Но насчет отсутствия связи у него нет никаких объяснений. Однако мне ка-

жется, что прошлой ночью это случилось далеко не в первый раз. Не могу сейчас вдаваться в подробности... Возможно, мы поговорим об этом позже, а лучше — ты сам его расспроси. Главное, что происходит нечто очень странное... Странное, пугающее и, насколько я могу судить, абсолютно беспрецедентное.

— Ну, — хмыкнул Руди, оттаскивая в сторону четверть туши оленя. — Об этом я вроде и сам догадался.

— Да, ты всегда хорошо понимал очевидное, — одобрительно подтвердил колдун. — Но, сдается мне, ты не осознаешь, насколько *абсолютно* беспрецедентно происходящее. Никогда ничего подобного не было на человеческой памяти. Джил — историк. Она знает истину в словах мудреца: «Нет ничего нового под солнцем». Это не просто расхожая мудрость — это основа любого знания, любой магии и философии... Однако ничего похожего на габугу раньше не появлялось. Значит, этот вопрос заслуживает самого пристального изучения.

Распрямившись, Ингольд начал стирать липкую кровь с озябших рук.

— Поэтому магия на них и не действует, да? — медленно промолвил Руди. — Потому что мы не знаем, что это за чертовщина. Скажу тебе одно: у них не идет кровь. Если они вообще потеют, пахнут, гадят, едят или плюются, то делают это чертовски незаметно. Сквозь все мои потаенные чары они прошли, как сквозь туман.

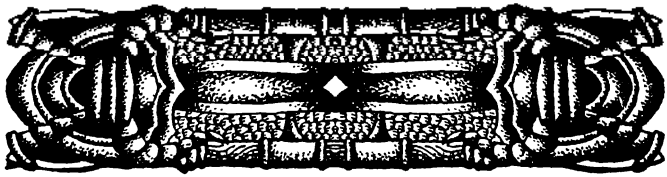
— Вот именно. — Ингольд сжал бледные губы. — И проблема заключается не в одних лишь габугу. Та тварь, что напала на Джил, была мне совершенно незнакома. И ее описаний я не встречал ни в одной из книг. Прошлой ночью Ледяной Сокол и его парни приволокли мне еще трех неведомых чудищ... насколько я могу су-

дить по останкам. Точно так же ни в одной, даже самой древней, книге ты не найдешь упоминаний о сланче.

— Сланч? — Руди растерянно заморгал. Его первая реакция — «сланч — он и есть сланч» — была совершенно машинальной, но, как следует поразмыслив об этом, он растерялся. К сланчу все слишком привыкли... — Я не понимаю.

— Я тоже. — Бледные голубые глаза блеснули на грязном израненном лице. — А учитывая, что почти все шестьдесят восемь лет своей жизни я провел в попытках научиться *пониманию* во всех мыслимых и немыслимых формах, то эта ситуация приводит меня в растерянность. Вот почему, — продолжил Ингольд, принимаясь за разделку очередной замерзшей туши, — сегодня ночью я покину тебя и отправлюсь искать ответ за пределами человеческого опыта. Я спущусь в Гнездо Дарков.

Глава седьмая

В этом был смысл. Руди не мог не согласиться.

Дарки обладали сознанием муравейника, — единый разум, клонированный в миллионы и миллионы протоплазменных, наполненных магией клеток. То, что запоминал один из дарков, вскоре узнавали все остальные. Таким образом, все, что когда-то было усвоено одним из дарков в глубоком прошлом, все остальные помнили на протяжении эонов, сливающихся в бесконечность.

Когда дарки захватили разум Ингольда, — Руди предпочитал не вспоминать о том, как это случилось, — некоторое время маг находился в контакте с их сознанием и почерпнул оттуда все, что мог взять человеческий разум, не утратив своей цельности. Когда они сломили сопротивление чародея и поглотили его собственное сознание, он понял источник их бытия и образ их магии.

Сам будучи колдуном, Руди знал, что структуры некоторых кристаллов способны поглощать и удерживать в себе как магию, так и воспоминания. Древние мудрецы Былых Времен без труда вкладывали в дымчато-серые архивные кристаллы картины, и информацию, и Бог весть что еще, — а затем с этим можно было ознакомиться на огромном черном просмотровом столе.

Так что предположение, что коллективные воспоминания дарков могли запечатле-

ться в стенах их Гнезда, было не лишено основания. Эти воспоминания должны были восходить к тем временам, когда белоснежные обезьяны еще населяли теплые саванны, а затем первые шаманы этих перепуганных племен выработали единственное, важнейшее свойство для выживания — способность при необходимости вызывать огонь из холодного дерева. Резонно было также предположить, что человек, чей разум был в контакте с сознанием дарков, способен извлечь эту информацию из камней.

И все же такая мысль внушала Руди ужас.

— Я ошибся, оценивая опасность, грозящую нам после ухода дарков... И ошибся очень серьезно. — Ингольд поплотнее запахнулся в плащ, по-прежнему дрожа от холода. Близился рассвет, и ничто, даже дуновение ветра в кронах деревьев не нарушало безмолвия. Неподалеку от черного озера, на берегу которого стояли Ингольд, Руди и Джил, виднелись крохотные янтарные огоньки лагерных костров.

— Исходя из того, что ты рассказывала мне о свойствах климата, Джил, я должен был догадаться, что шесть извержений вулканов подряд за прошлый год возымеют некое действие. Яр прав, мне не следовало покидать Убежище.

— Чушь собачья, — отрезала Джил. — А кто бы тогда отправился за книгами? Кто сумел бы их отыскать и увезти из Пенамбры? Кто отобрал бы среди них нужные? Ты не можешь быть везде одновременно.

— И все же это моя вина.

— Возможно, — согласилась Джил, а затем небрежным тоном добавила: — Так почему ты думаешь, что эти габугу представляют собой большую опасность, нежели новая ледяная буря? Даже если она налетит днем, когда все работают на полях?

— Господи Иисусе! — испуганно пробормотал Руди. — Еще одна буря? Неужели такое возможно?

— Чтоб я знал, — ответил колдун выражением, которое почерпнул у своих друзей. — Ледяные бури — феномен крайне малоизученный, поскольку обычно они случаются в необитаемых землях. Что же до габугу...

Нахмурившись, он поудобнее забросил за плечо мешок с дорожной поклажей, где не было почти ничего, кроме покрывала. Ингольд вполне мог бы позаимствовать все необходимое из запасов Фаргина Гроува, но раз он этого не сделал, — значит, тревожился, насколько сильно придется урезать рационы в Убежище через пару месяцев. От этого Руди почувствовал себя еще хуже.

Тем временем колдун продолжил:

— Вот сказал мне, что три человека в убежище Геттлсенда сошли с ума за час до извержения вулкана и попытались убить Дакиса и Кару. Когда им помешали, они набросились с ножами друг на друга. Я не знаю, имеет ли это отношение к габугу, или к отсутствию связи между кристаллами, или к той твари, которая напала на Джил. Мне нужна информация.

Голубые глаза блеснули под густыми седыми бровями, и в них отразились огоньки лагерных костров. Сосны над головой зашептались негромко. Ветер взметнул полы мехового плаща Ингольда, а затем улегся.

— Я сказал лорду Скету, что останусь помочь с разделкой туш еще на пару дней, пока ко мне не вернется магическая сила. Яр выслал бы кого-нибудь за мной в погоню, если бы узнал, что я ухожу. Мало того, что мне будет неприятно бегать от них по лесу, но я также не хочу лишать Убежище лишней пары рабочих рук. Так что полагаюсь на вас двоих, чтобы прикрыть мой отход.

 — На нас двоих? — удивленно пере-

спросил Руди, покосившись на Джил. Та не сводила взгляда с Ингольда, но выражение ее лица оставалось непроницаемым. Что до мага, то в глазах его явно читалось страдание. Невозможно было даже представить себе, чтобы старик отправился в путешествие без Джил. К тому же его магические силы и впрямь еще не успели восстановиться.

Но женщина сказала лишь:

— Не думаю, что мне следует уходить с ним сейчас, — и отвернулась.

Ингольд взял ее за подбородок и развернул лицо так, чтобы взглянуть Джил в глаза. Помедлив мгновение, она сделала шаг навстречу и прижалась щекой к его плечу, а он заключил ее в объятия. Руди услышал, как старик шепчет:

— Все будет хорошо, Джилли, любовь моя. Все будет хорошо.

Ее лицо по-прежнему было подобно каменной маске, но пару мгновений спустя, слегка расслабившись, она кивнула. Они поцеловались так, будто наводили чары против подступающей тьмы.

Затем маг крепко обнял Руди, еще раз поцеловал Джил и растворился в ночи, словно гигантский бурый филин. Джил покачала головой, глядя ему вслед.

— Если бы разразилась война, Ингольд винил бы себя за то, что люди изобрели порох. Или мечи, как в данном случае. Ладно, дружище, пойдем. Путь у нас еще долгий.

* * *

Отряд с провиантом из Поселений на ступенях Убежища встречало не так уж много людей, но они все же разразились приветственными криками. Даже издалека Руди тотчас опо-

знал Минальду, маленькую и хрупкую в своем многоцветном платье; затянутых в черное гвардейцев и алую фигуру епископа Майя. Рядом стояли лорды Анкрес и Фнак, и лорд Брик Скантурион, сохранивший свой титул и достоинство, хотя он давно уже отказался от всех прав наследования, стал простым крестьянином и женился на Нидре Хорнбим. Чуть поодаль стояла леди Скет в своем весьма дорогостоящем платье из алой шерсти и леди Ула Скантурион...

А крохотная темная фигурка, цеплявшаяся за юбки Альды, — это, наверное, Тир.

Запах дыма висел над всей долиной. В полях вокруг Убежища, где на почерневшей земле виднелись уничтоженные всходы, были установлены длинные деревянные помосты, и почти все жители Убежища собрались там, разделывая оттаивающие трупы домашнего скота. Из леса охотники подносили найденных там погибших лис, кроликов и птиц.

Взмахнув рукой, лорд Скет указал на Руди, — и послышались новые приветствия. Когда отряд приблизился, Руди взглянул на Минальду и увидел в ее глаза слезы радости и облегчения, и желание поскорее сбежать по ступеням и броситься в его объятия...

На это она не решилась, но все же двинулась навстречу и протянула молодому магу обе руки. Кто-то в толпе прокричал:

— Да поцелуй же ее!

Но его заглушили возмущенные перешептывания.

Минальда негромко промолвила:

— Когда мы открыли ворота Убежища, когда обнаружили замерзших детей и мертвый мир вокруг...

Тяжелая работа, ужас и скорбь последних дней оставили на ее лице отметины —

меловую бледность и темные круги под распухшими от слез глазами. Волосы у нее были заплетены в тугую косу, чтобы не мешали во время работы, а руки — все в мозолях.

— Боже, детишки, — прошептал Руди, вспомнив то жуткое чувство, когда он увидел труп малыша Реппитепа на снегу. — А Геппи?..

Минальда торопливо кивнула, утирая глаза. Чуть слышным голосом, так, чтобы не слышали остальные на ступенях, она добавила:

— И Тия, дочь Линнет.

— Тия? — Девочка была едва ли старше Тира. — Какого черта Тия...

Линнет стояла среди гвардейцев рядом с Тиром и держала его за руку. Скорбное лицо ее казалось высеченным из камня. Поймав на себе взгляд Руди, она уставилась на него в ответ с горечью и ненавистью.

— Малышка удрала ночью к пастухам, — прошептала Альда. — Все дети в Убежище так поступали время от времени. Линнет знала. Она считала, что вреда от этого не будет. — Минальда помолчала, сглатывая комок в горле. — Руди...

— А как Тир?

Судя по всему, именно этого вопроса она и боялась. Ее молчание стало для него настоящим ударом. Руди торопливо поднял голову и увидел, как мальчуган убегает обратно в Убежище.

Тир пришел на Совет, который состоялся после наступления ночи, когда стало слишком темно, чтобы продолжать работы по разделке туш. Он сидел рядом с матерью, и личико его напоминало маску из слоновой кости; глаза были сухи и печальны. «Конечно, — подумал Руди, — одно дело помнить о смерти друзей в прошлых жизнях, и совсем другое — столкнуться с этим наяву. Проснуться однажды утром и обнаружить, что все твои друзья погибли.»

Тир не желал встречаться с ним взглядом.

— Первым делом нам надо произвести опись всех припасов, — объявила Нидра Хорнбим. — Тогда мы будем точно знать...

— А почему первым делом? — переспросил лорд Анкрес. — Мои козы остаются моими козами и в жизни, и в смерти. И я волен поступать с ними, как пожелаю.

Лапит, сын Хорнбим, очень красивый и очень занудный юноша, явившийся в этот зал вместе с дюжиной других не-членов Совета, подал голос:

— Вы хотите сказать, что те люди, которые сейчас помогают коптить ваше мясо, делают это лишь по доброте душевной?

— Разумеется, нам нужно собрать все припасы воедино, — поднял голову епископ Майя. — Перед лицом такой катастрофы...

— Никаких «конечно» тут быть не может, — отрезал Варкис Хогширер, бледный сутулый мужчина, отличавшийся невероятной опрятностью. — У нас есть права на свою собственность...

«И к тому же тебе претит мысль о том, что кто-то станет обыскивать твои комнаты», — подумал Руди, припомнив, как скупал этот человек все, что можно, у бедняков, оказавшихся в беде. К тому же он занимался и ростовщичеством. «Уверен, что такие, как он, прокатят мое предложение о поисках габугу на верхних уровнях».

— Перво-наперво, — с напыщенным видом заявил Энас Баррелстейв, — мы должны выяснить, где находится лорд Ингольд. Вы уж извините, мастер Руди, но вам с ним не сравниться. И ему не следовало оставаться в поселке с мастером Яром. Я бы сказал, что он проявил поразительную безответственность.

— Ингольд остался в поселке, потому что полностью истощил свою магическую энергию, пытаясь вовремя поспеть в Убежище и пре-

дупредить о ледяной буре, — рявкнул в ответ Руди, которому уже наскучили все эти пререкания. Он и сам чудовищно устал, поскольку после возвращения в Убежище работал, не покладая рук, несколько часов, разделывая мясо и накладывая на него всевозможные сохранные чары. Сейчас все мышцы у него болели, словно их резали ножом.

Кроме того, несмотря на все усилия людей, мясо понемногу уже начинало портиться, и этот запах пропитывал одежду всех присутствующих, вызывая тошноту.

— Он решил, что, поскольку у меня сил побольше, то я должен вернуться. Он все равно еще несколько дней не сможет пользоваться магией, но хотя бы предупредит нас, если вновь почувствует приближение бури. Поэтому он и остался.

— Неправда! — В проходе внезапно появилась коренастая нескладная девица в дорогом синем платье, — Скела, дочь ростовщика Хогширера, подросток лет четырнадцати с немытыми волосами и черными свинячьими глазками. — Он сбежал!

Хогширер радостно обернулся. У Анкреса и леди Скет в глазах вспыхнул злой огонек.

— Кто тебе это сказал, дитя?

— Один из стражников. — Она явно была очень довольна, что оказалась в центре внимания. — Кое-кто видел, как Ингольд сбежал из лагеря накануне ночью, и так и не вернулся.

Все заговорили разом, возбужденно взмахивая руками. Корам Биггар воскликнул:

— Клянусь Святым Изобилием! Я же говорил вам, что нельзя верить колдунам.

Янус, командир стражников, прорычал, перекрикивая общий шум:

— Лгунья!

— Это правда? — Голос Минальды, не-

громкий, как перезвон серебристых колокольчиков, прорезал царящий в зале шум.

Руди никак не хотел говорить правду, но, под взглядом этих синих глаз, смог лишь растерянно кивнуть.

— У него на то были свои причины, — пробормотал он, когда в зале опять начались вопли. — И если вы думаете, что отправиться в одиночку, без всякой магии, в Долину безопаснее, чем сидеть с вооруженным отрядом в поселке, то я просто не знаю, что вам и сказать.

— Тогда, полагаю, нам следует поинтересоваться, — негромко произнес лорд Фнак, — почему он ушел, вместо того чтобы явиться нам на помощь? И кстати сказать... Почему он — и вы, мастер Руди, — выжили, в то время как погибли все остальные жители Поселений?

* * *

— Могу тебя поздравить, — заявила Джил Руди, оторвавшись от свитка, когда маг наконец появился у нее в мастерской несколько часов спустя. Все световые кристаллы в комнате были собраны на рабочем столе, стоявшем по центру, и отбрасывали жутковатые отблески на худое лицо Джил с копной непокорных черных волос. Она успела принять ванну и переоделась; кто-то из гвардейцев сменил ей повязку на щеке, но кровоподтеки все равно выглядели ужасающе. — Ты же прекрасно знаешь, что Фнак и Баррелстейв уже несколько лет требуют, чтобы Тира поместили под присмотр Опекунского Совета и назначили ему регентов. С того самого дня, как Альда запретила спекуляции зерном... Если им удастся опорочить Ингольда...

— Прекрати действовать мне на нервы. — Руди швырнул в угол сверток с гряз-

ной одеждой, которую сменил в покоях Минальды, и подошел к столу. — Дай-ка взглянуть.

Джил послушно повернулась к нему раненой щекой, и молодой маг начал снимать повязку. Синяки уже чуть побледнели, но сама рана упорно не желала затягиваться. «Должно быть, от недоедания, — подумал Руди. — Никакие целительские чары не подействуют при таком истощении.»

И все же было в этой ране нечто необычное и тревожащее. Возможно, странно обесцвеченная кожа по краям...

— Ты смог связаться с Вотом? — спросила она, и маг кивнул.

Этот разговор — состоявшийся после того, как Альда мирно заснула в его объятиях, — обеспокоил Руди, как по вполне очевидным причинам, так и от каких-то смутных, невысказанных подозрений. Вот заявил, что не имеет ни малейшего понятия ни о каких габугу. Слово это он произносил так, словно на язык ему попала какая-то гадость. Но желтые глаза сощурились, а тощие пальцы начали взволнованно трепать манжеты серого одеяния.

— Собаки вокруг Убежища вот уже две недели каждую ночь лают, не переставая, — сказал он. — И Грей с Нилой, когда в последний раз связывались с нами, говорили, что видели в горах каких-то странных существ.

— Грей и Нила? — Руди вспомнил этих двух колдуний, также участвовавших в войне с дарками. — А что они делают в горах?

— Они отправились к вулкану по следу Силы, которую ощутили в земле, — пояснил Вот. — Они находились на западном склоне горы, когда произошло извержение. Они заметили там каких-то странных бледных существ, проходивших сквозь все защитные чары как ни в чем ни

бывало. Их следы они каждое утро видели вокруг лагеря.

Руди содрогнулся, вспоминая призрачные очертания среди сосен, и невольно забеспокоился о том, каково придется Ингольду.

Неуверенным тоном, потому что все, кроме Ингольда, слегка опасались Вота, Руди сказал:

— А мог ли кто-то... какой-нибудь колдун, которого мы не знаем... ну... вроде как забирать энергию из вулкана? Впитывать ее так же, как вы с Ингольдом черпали бы энергию из силовых линий земли или из звезд?

— Учитывая, что для этого маг должен был стоять прямо над вулканом, — сухо ответил Змеиный Маг, — такой источник силы представляет очевидные ограничения. Кроме того, колдуну пришлось бы действовать в необжитых землях, без всякой помощи и поддержки. И все же, — добавил он, по-птичьи склоняя голову, что делало его еще больше похожим на стервятника, — думаю, не помешает поговорить с Тенью Луны и спросить, не слышали ли чего-то подобного шаманы на равнинах.

Тощие пальцы вновь принялись отбивать какой-то неведомый ритм. В призрачном освещении лицо Вота с запавшими щеками и глазницами еще больше напоминало череп.

— Скверные настали времена, — промолвил он, наконец. — Всадники движутся с севера, а алкетчцы угоняют наши стада. Говорят, в тех краях свирепствует лихорадка и гражданская война. Императорский трон пошатнулся, а города превратились в ад беззакония, дыма и крови. Тиркенсон считает, что слишком опасно посылать вам скот через перевал Сарда. По его словам, будет чистым безумием жертвовать людьми лишь ради того, чтобы накормить наших врагов. Брат Венд и леди Илайя согласились отпра-

виться в Ренвет, чтобы вы не остались без магической поддержки. Конечно, мы с этим запоздали: кто-нибудь уже давно должен был отправиться к вам. Это поможет?

— Ну, думаю, Альда еще захочет поговорить с вами насчет скота. — Руди потер подбородок и покосился на спящую Минальду. — Но поблагодари за нас Венда и Илайю и скажи, что мы будем рады видеть их здесь. А не встречалось ли вам детей с магическими талантами? Мы с Ингольдом искали...

Он осекся, вспомнив, что в Убежище стало на дюжину ребятишек меньше, чем неделю назад.

Вот покачал лысой головой.

— Похоже, в этом мы недооценили дарков, — промолвил он негромко. — И теперь я начинаю задаваться вопросом: не недооцениваем ли мы также и этих... габугу, как ты их называешь...

«Еще одной заботой больше, — подумал Руди, глядя в гаснущий кристалл. — Пора завести секретаршу, чтобы записывала все проблемы».

Сейчас, стоя рядом с Джил, он вспомнил этот разговор и вновь ощутил смутный страх. Перед внутренним взором вновь мелькнули образы габугу, этих бледных отвратительных чудовищ, которые преследовали его в горах, и маленькой твари ростом по колено, что стояла в дверях темной комнаты на пятом ярусе...

— А что это еще за Святое Изобилие?

— А? — Руди вздрогнул, возвращаясь к реальности. Конечно, Джил с Ингольдом не были в Убежище целых два месяца. Он старательно сообщал им все последние сплетни и новости, но, разумеется, не мог вдаваться в столь незначительные детали. — Вот ты о чем...

Он сдвинул в сторону один из горшков, в которых Ингольд на протяжении многих лет пытался вырастить розы. Лишь два вида их пе-

режил крушение цивилизации, да и то один росток выглядел не слишком крепким. Руди всю весну нянчился с ними, подкармливая удобрениями и особыми заклинаниями.

— Статуи появились на всем пятом северном уровне, там, где живут Биггары и Викеты. Не знаю, с чего это началось. Какой-то толстяк с корзиной еды, — как раз подходящий святой, когда людям грозит голод. Впрочем, ты же у нас эксперт по таким делам.

— Ну, да. — Джил ненадолго задумалась. — И я никогда о таком святом не слышала. Спросила у Майи, он говорит, что никакого Святого Изобилия в официальном календаре не существует. Не было и таких местных святых. К тому же мне не нравится цвет его платья.

— Его платья? — Руди давно привык к тому, что Джил обращает внимание на самые удивительные подробности, делая выводы, доступные лишь ученому уму. В этом они были схожи с Ингольдом, но все-таки...

— Иконография святых весьма стилизована, — пояснила Джил, аккуратно сворачивая свиток, над которым трудилась, и укладывая его на полку. Руди обратил внимание, что свои заметки она писала почти целиком на языке вейта, лишь местами вкрапляя английские термины. — Для неграмотных это очень важно. Поэтому у каждого образа, у каждого цвета, у каждой мелкой детали есть свой смысл.

— Джил-Шалос? — Тень мелькнула в проходе, ведущем в комнату гвардии. Вошел Ледяной Сокол с каким-то свертком в руках. Если бы все Убежище не благоухало так копченым и слегка протухающим мясом, Руди загодя уловил бы его приближение. — Мне пришлось силой вырвать это у келарей. Надеюсь, ты будешь мне благодарна.

— Пришлось кого-нибудь ради этого прикончить? — Джил подтащила добычу к столу.

— Не хотелось опять чистить меч.

Джил с ухмылкой принялась разворачивать сверток.

— Ну и ну, — пробормотал Руди.

— Не дергайся, — велела ему Джил, переворачивая отсеченную конечность, чтобы разглядеть ее получше. Больше всего это напоминало переднюю лапу росомахи, но с пропорциями были явные нелады: слишком длинные кости и слишком широко расставленные когти. — Видел такие следы?

Белый Всадник кивнул, положив руку на меч.

— Во время бури всю долину засыпал снег, но такие следы я видел зимой, хотя сами твари мне не попадались. Их всего было штуки три-четыре, не больше.

— И всегда недалеко от сланча?

Ледяной Сокол кивнул. На нем почти не сказалась ни долгая дорога от Поселений, ни многодневная охота в лесу. Судя по свежим синякам, сегодня вечером он еще и побывал на занятиях по фехтованию. Порой Руди в глубине души подозревал, что Ледяной Сокол — не человек, а андроид.

— Я говорил об этом Ингольду. — Скрестив руки на груди, он заглянул Джил через плечо. Та, тем временем, раскладывала на ткани свертка прочие останки: лапы, когти и голову, которая могла бы принадлежать еноту.

Внимательно разглядев их все, Джил затем пошла за останками твари, напавшей на нее в Пенамбре, и вытащила мешок из шкафа.

Взглянув через стол на гвардейца, Руди спросил:

— Это не ты видел, как Ингольд уходил из поселка?

Если кто и был способен проникнуть сквозь магические иллюзии, то только Ледяной Сокол, но едва ли он стал делиться своими наблюдениями с дочерью Варкиса Хогширера.

Ледяной Сокол покачал головой.

— О нем много говорили... Много глупостей и недобрых слов. Но об уходе из лагеря никто даже не упоминал.

— Так откуда же, черт возьми...

— А как насчет насекомых в сланче? — Джил вернулась к столу и бросила на него тяжелый мешок, привезенный из Пенамбры. — Сдается мне, сланчевые черви не питаются побегами.

— Я их видел, — промолвил Ледяной Сокол негромко. Серебристые глаза без всякого выражения уставились в лицо Джил, а затем он спросил:

— Как ты себя чувствуешь? На рассвете мне надо вернуться в Поселения. Конечно, в Манси и Карпонте мясо уже начало портиться, но мы соберем там зерно для посевов и металл, если только поспеем раньше грабителей. Ты в порядке?

— Абсолютно. — Это была ложь. Руди видел это так же ясно, как Ледяной Сокол.

Рослый воин коснулся щеки Джил и развернул ее лицо к свету.

Пристально оглядев ее, он затем повернулся к Руди и со словами: «Присматривай за ней», растворился во тьме. Лишь сейчас маг осознал, что все это время Ледяной Сокол действовал только левой рукой, ни на миг не отнимая правую от оружия.

— Со мной правда все в порядке, — тихонько промолвила Джил. Повернувшись спиной, она склонилась над отвратительной коллекцией животных останков. В своей мешковатой черной одежде она казалась очень хрупкой, как бродячая кошка суровой зимой. Кроме того,

в ней ощущалось какое-то странное напряжение, словно она все время держалась настороже, с чем-то сражалась или готовилась к бою; под глазами, на лбу и у губ залегли морщины, и дело тут было не только в болезненной ране на лице.

Впрочем, почти тут же тон ее сделался привычно деловитым.

— У тебя есть время взглянуть на это?

— Ты хочешь сказать — в перерыве между уроками живописи и балета? — Джил улыбнулась, но тут же, словно устыдившись проявления человеческих чувств, вернулась к работе.

— Почти все это Ингольд собрал в лесу. Ледяной Сокол помог мне опознать некоторых животных, но ведь ты у нас увлекаешься естествознанием. Узнаешь что-нибудь знакомое?

Руди покачал головой.

— В этом-то вся проблема. Как уже говорил старик, никто никогда прежде не видел ничего подобного.

И все же он подошел поближе и, вытащив нож, ковырнул липкое мясо. Под руководством Ингольда он вываривал и расчленял, а затем соединял вновь дюжины скелетов животных, точно так же, как в прошлом разбирал автомобили, зачарованный тонкой работой мышц, сухожилий и костей.

— Я историк, а не биолог, — промолвила Джил. — Но если занимаешься экологией, то узнаешь много нового, изучая климатологию и демографию. Взгляни, как здесь все сочленяется. Посмотри на стопу и на локтевой сустав.

— Странно... — Руди принялся вертеть конечность в липких пальцах. — А задней лапы у тебя нет?

Джил потянулась к другому концу стола. Руди поднес туда световой кристалл, а затем чарами призвал более яркий свет.

— Никогда не видел подобной деформации на костях. Смотри, почти везде... Однако по суставам я бы сказал, что это похоже на кролика.

— Вот и я так подумала. — Джил присела на угол стола, вытирая руки тряпкой. — Теперь что касается мохнатой твари, которую Ингольд нашел в лесу после бури... Если ее освежевать и срезать жир, то можно взглянуть на кости лап. А вот и череп. Смотри, как он деформирован. Та же текстура, что на костях у кролика... И взгляни на зубы...

— Хорек, — тут же объявил Руди. — Боже правый. — Он положил череп рядом с изуродованными кроличьими лапами. — Но ведь на это уходят тысячелетия, тысячи поколений...

— Сотни тысяч, — поправила Джил. Подойдя к тазу для умывания, она поболтала руками в ледяной воде. — Даже с очень интенсивной программой отбора, — все равно как если проводить его в чашке Петри, — понадобилось бы не меньше пятнадцати-двадцати лет.

Руди изумленно покачал головой.

— Пятнадцать или двадцать лет корпеть над чайной чашкой, — вот уж людям нечем заняться...

Кривая усмешка мелькнула на лице Джил и тут же исчезла.

— Так ты хочешь сказать... кто-то нарочно выводит этих тварей? Но кому это надо, черт возьми! — Руди вдруг осознал, что совсем недавно говорил то же самое. Грей и Нила на склонах вулкана... Ощущение силы и сдержанной ярости, идущей из глубин земли...

— Все не так просто. — Джил задумчиво взглянула на розы, а затем подошла к Руди. — Чувствовал землетрясение пару часов назад?

Он покачал головой. Пару часов назад он лежал в постели, изнемогая от усталости, а Минальда рыдала в его объятиях.

— Оно было совсем небольшим. — Джил кивнула в сторону просмотрового стола. — В Убежище толчки почти не ощущались. Интересно, не стало ли тому причиной очередное извержение?

На то, чтобы выяснить это, у них ушло немало времени. Хотя просмотровый стол нельзя было использовать для магической связи, но во многом его возможности превосходили силу колдовских кристаллов, и образы появлялись куда более крупные и отчетливые.

Вглядываясь в мерцающие глубины, Руди позволил своему сознанию лететь привольно над сухими пустошами Геттлсенда и выжженными пепельными руинами лесов на склонах вулкана, именуемого Демоновой Бабкой; над Хребтом Господним и Большими Клыками; затем он устремился по направлению к Приморским Кряжам, где до сих пор ощущалось мерцание давно забытых заклятий.

Он видел зеленоватые айсберги, плывущие в океанах с водами цвета асфальта; бесконечные континенты медленно движущихся льдов. На границе ледников, растянувшись цепочкой, скакали воины. Острова дымились в волнующихся морях. И вот, наконец, на южной оконечности неведомого горного хребта, озаренного бледным солнечным светом и покрытого плотным слоем сланча, Руди увидел выжженные на мили деревья и облака раскаленной пыли, поднимающиеся к небесам, словно после взрыва ядерной бомбы. Гигантская черная туча расползалась все шире, поглощая небеса.

— Нашел. — Он поднял глаза, чувствуя сильную головную боль. За это время Джил уже успела очистить почти все кости и теперь делала какие-то записи. Судя по стопке восковых табличек, она занималась этим на протяжении многих часов.

— Где-то очень далеко на юге, возможно, даже на другом континенте... Извержение очень мощное. Пепел вокруг повсюду на площади размером со штат Техас.

Губы Джил сжались в тонкую, почти бесцветную линию.

— Сколько же всего за этот год? Шесть? Восемь?

— Что-то вроде того.

— Жаль, у нас нет статистики за прошлые годы. На первое извержение Ингольд обратил внимание года три назад, в то самое лето, как в Гае впервые появился сланч.

— Что ж, в этом есть смысл. — Руди пожал плечами. — Не знаю, откуда он взялся, но сланч явно не боится холода. Даже ледяная буря не смогла его прикончить. Нидра Хорнбим говорила мне, что видела его даже на перевале. Вот такими пятнышками... — Он округлил пальцы, показывая окружность диаметром с монету. — По ее мнению, споры разносит ветер, но я сомневаюсь.

Джил покачала головой.

— У него нет семян, так что распространяется он как-то по-другому, но холод явно играет свою роль. И вот еще что сказал мне Ледяной Сокол: рядом со сланчем он видел, в основном, следы кроликов... — Она указала на лежащие перед ней кости, — хорьков... — указала на другие, — и росомах.

Руди молчал. Нечто подобное он нередко ощущал и при разговоре с Ингольдом, словно кто-то сунул ему под нос горсть деталей от головоломки, собирать которую ему почему-то совсем не хотелось.

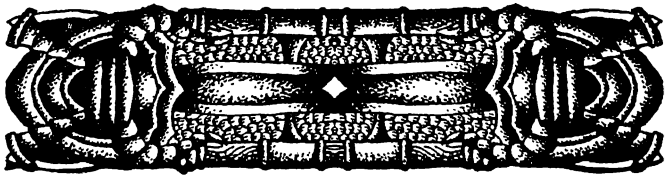
Вокруг них Убежище давно погрузилось в сон. Слышались лишь шаги дозорных гвардейцев да журчание воды в трубах. Тьма наводняла все щели, подобно жидкости, наполняющей

Убежище от подземелий до верхних ярусов; тьма и дыхание спящих людей, — и Руди невольно задался вопросом, сколь многие из них сейчас всхлипывают во сне.

— Руди, — негромко сказала ему Джил. — Честное слово, мне, как и тебе, это кажется очень странным. Тем более, я ничего не смыслю в магии и не знаю, насколько вообще это возможно. Я очень надеюсь, что просто сошла с ума, потому что если нет — то впереди нас ждут большие проблемы. Хотя, конечно, может я и сумасшедшая, — добавила она, потерев переносицу и неожиданно сморщившись, словно от боли. — Я так странно себя чувствую в последнее время...

Она тряхнула головой, словно отгоняя неприятные мысли.

— Но, как бы то ни было... Не кажется ли тебе, что кто-то или использует магию, чтобы трансформировать наш мир?

Глава восьмая

Две ночи спустя Руди приснилась Лысая Дама. Он узнал ее так же, как узнал Парня с Кошками по архивным кристаллам: рослая, худощавая женщина в простом облегающем белом платье. Выбритая голова, как у Парня с Кошками, была украшена синей татуировкой. На плечах ее лежал темно-синий плащ, и кисти рук были испещрены татуировкой, словно затянуты в перчатки.

Она шла по Убежищу. Руди даже показалось, что он узнает винтовую лестницу, ведущую в подземелье. Она шла, озаренная белым сиянием световых кристаллов, совсем одна... Казалось, что больше во всем Убежище нет ни единой живой души.

Лицо ее было спокойным, но невыразимо печальным.

«Она знает ответ, — подумал Руди. — Ответ на все вопросы». Он понятия не имел, откуда ему это известно, но знал, что это — истина.

У нее был ключ.

Руди показалось, что он стоит у подножия лестницы... Первый ярус? Верхние этажи подземелья? Он не был в этом уверен, ибо со временем Убежище сильно изменилось, — и смотрел, как она спускается к нему по винтовой лестнице, и видел слезы в ее глазах. Лицо ее казалось ликом самой смерти.

«Но она ведь не может умереть, не может уйти! — испуганно подумал он. — Она ведь

знает ответ!» Он попытался с ней поговорить, попытался остановить ее, спросить, куда она идет, но она прошла мимо и во сне Руди ощутил касание теплого плаща и легкий ветерок донес до него аромат кардамона и ванили.

Женщина двинулась дальше. Световые кристаллы очертили ее силуэт в последний раз, а затем она исчезла во тьме.

* * *

«Руди», — послышался голос Ингольда в его сознании. Руди тотчас пробудился. Он давно этого ждал и тут же полез под подушку за магическим кристаллом.

— Я здесь.

— А я — здесь, — отозвался Ингольд. — У Четырех Красоток.

За плечом старика Руди разглядел иссеченные ветром очертания четырех стоячих камней, — синие доломиты, каких не встречалось нигде в горах. Три камня стояли, четвертый лежал на земле, — по легенде, это была женщина, убитая горем по своему ребенку. Над головой слабо светились звезды, и отблески их мерцали на поверхности ледника.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Если только принесешь немного еды. — Лицо колдуна казалось напряженным и усталым. Похоже, он ничего не ел и не спал уже несколько дней.

— Будет сделано.

Джил, тяжело дыша, металась на узкой постели Ингольда, но проснулась раньше, чем молодой маг успел успокоить ее с помощью чар, и тут же потянулась за оружием. Руди торопливо бросил, входя в комнату:

— Это я.

Он не хотел выдавать своего присутствия никому из стражников. Те едва ли стали бы возражать, узнав, что он хочет выйти из Убежища навстречу Ингольду, но с ними сейчас в комнате находились охранники лорда Анкреса и лорда Скета, весело злословившие по поводу своих хозяев, — и Руди вовсе не собирался говорить им лишнего.

Без единого слова Джил встала с постели и принялась одеваться, а Руди вышел в коридор, дожидаясь ее. До него доносились голоса стражников. Милантрис, как всегда, забавно копировала напыщенный тон Баррелстейва и ноющий голосок Хогширера, и все же из разговора стражников Руди понял, что по поводу Ингольда ходят самые разные домыслы и слухи.

— Все же странно, что столько народу погибло, а он выжил.

— Так ведь он же колдун, тупица. Конечно, он выжил. Он — Ингольд Инглорион, он бы уцелел даже если бы земля свалилась ему на голову.

— Тогда почему он не спас остальных?

Джил вышла в коридор, натягивая теплую меховую куртку поверх гвардейской униформы. Из шкафа она вытащила мешок, где хранила мясо и хлеб, урезанные от собственного скудного рациона, — вот уже два дня, как свой взнос делали и Руди с Ледяным Соколом. Минальда все же добилась своего и поместила все припасы и зерно в Убежище под надежную охрану; на Совете вовсю шли споры по поводу распределения, и Руди точно знал, что не кто иной, как Варкис Хогширер заправляет всей торговлей на черном рынке. Руди как проклятый трудился в подземельях над гидропонными баками, но пока все его усилия приносили лишь весьма скудные результаты.

Это было еще одной темой для беспокойства.

И Тир до сих пор отказывался с ним разговаривать.

Лишь когда они выбрались из Убежища, Руди спросил у Джил:

— С тобой все в порядке?

Шептаться больше не было нужды. Окутанные чарами, они проскользнули мимо стражей на дверях; за последнее время патрули не докладывали о появлении Белых Всадников или грабителей в долине.

— Кошмары замучили, — небрежным тоном отозвалась Джил.

— Насчет той твари в Пенамбре?

— Ага. — Голос ее звучал отстраненно. Она явно не хотела об этом говорить. Рана на лице по-прежнему не заживала. — Отчасти. Нет, не знаю.

В оглушающей тишине ночи слышался лишь звук их шагов по сухой хвое да дыхание ветра в кронах деревьев. Впереди, на высоту почти в две сотни футов вздымалась стена ледника, застывшего между черных скал.

— Самоцветы, — наконец, промолвила Джил. Голос ее звучал слегка озадаченно. — Мне снились самоцветы.

— Сокровища?

— Нет, это было внутри драгоценного камня, какие-то существа, похожие на самоцветы. — Она взмахнула рукой, словно пытаясь точнее описать нечто, не выразимое словами. — Они причинили Ингольду боль, — пробормотала она спустя некоторое время. — Эти три... существа. Самоцветы. Они играли на флейте той твари, которая спит в озере, а перед ними из сланча выползали все новые создания. Кровь... — Она нахмурилась, словно человек, который во сне сознает всю нелепость происходящего, но никак не может проснуться.

— Они в Гнезде? — прошептал Руди чуть слышно, чтобы не вырвать Джил из транса.

— Кажется, нет.

— А в Убежище?

Об этом она думала очень долго.

— Они в самоцвете, — сказала она наконец. — Там везде туман, и еще статуя без глаз, которая смотрит во тьму. Но там, где они — там свет... Только это не настоящий свет.

Внезапно какой-то проблеск мелькнул впереди, — знак, что колдун прячется где-то поблизости. Пять лет назад Джил показывала Руди путь, по которому Ингольд возвращался из Гнезда дарков, но теперь тропу эту поглотил ледник, гигантские глыбы тающего льда лежали повсюду, и лужицы воды бледно светились в ночи.

Карликовые березы гибли повсюду вокруг, и на дальнем конце равнины уже виднелись пятна сланца.

— Ингольд, — негромко окликнул Руди. — Ты здесь?

— Все, что от меня осталось после перехода через ледник.

То, что Руди принимал за стоячий камень, вдруг шевельнулось, и он разглядел во мраке длинные седые волосы и бороду мага. Ингольд с трудом поднялся на ноги, опираясь на посох. Руки его были перевязаны, и бинты промокли от крови.

— Ты принес поесть?

— Хочешь сначала закуску или салат? — Джил протянула ему сверток.

— Закуску, пожалуйста. — Ингольд, хромая, двинулся в обход камней. Штаны его промокли до колен после перехода через озеро талой воды, потеки грязи пятнали плащ. Он подвел своих спутников к небольшой пещере среди камней, осветил ее своим посохом и, усевшись прямо

на землю, открыл мешок, который вручила ему Джил.

— Надеюсь, тут целый зажаренный бык с перцем и чесноком, — с надеждой промолвил он.

— Вот, черт! — Джил хлопнула себя по лбу, как будто только что это заметила. — Ты ведь уже превратился в человека! А я-то принесла птичий корм!

— Джиллифер, дорогая моя, — Ингольд вздохнул, изображая снисходительность. — Такие вещи надо записывать.

— Какое вино ты предпочитаешь под это мясо? — Руди, пригнувшись, забрался в пещеру и, скрестив ноги, уселся напротив мага, доставая фляжку.

— Любое сойдет.

Наступило молчание. Наконец, Руди спросил.

— Дарки тебе что-нибудь рассказали?

Глаза колдуна блеснули.

— Вообще-то я не смог до них дозвониться.

Он сидел, привалившись к холодным камням и, поев, вытер жир с пальцев, а затем с сожалением оглядел обглоданные кости. Джил ухитрилась даже сберечь для него яблоко, — последнее с прошлой зимы. Маг съел его целиком, вместе с косточками.

Со вздохом он потер переносицу.

— Это все равно, как... разбирать чужие дневниковые записи или проглядывать архивные кристаллы, пытаясь вычленить информацию из неизвестного контекста. Все равно, что видеть чужие сны.

Руди ничего не сказал. Он как-то побывал в опустевшем Гнезде еще до ухода дарков из этого мира, и ему запомнились бесконечные пещеры, поросшие бурым мхом и усеянные костями. Потолки, стены, сталактиты и сталагмиты были отполированы бесчисленными касаниями

дарков. Камни мерцали желтовато-зеленым и голубым светом от воздействия кислоты, выделявшейся их телами. Он даже вообразить себе не мог, каково это — покинуть свое тело и отправиться в ментальное путешествие по воспоминаниям этих созданий.

Задумчивым голосом Ингольд продолжал:

— Отчасти проблема состоит в том, что мы ищем нечто, не существовавшее в мире дарков. Подобно самим даркам, они были странниками, путешествовавшими через Пустоту. Подобно даркам, которые ушли в другой мир, эти существа явились сюда задолго до человечества и даже до самих дарков. В ту пору мир был очень холодным, почти безводным и покрытым толстым слоем льда. Странные существа ползали по его поверхности или реяли в небесах. Твари, кристаллизовавшиеся из немногочисленных водоемов или выраставшие на скалах подобно губкам. Жестокий мир, но Им он очень подходил.

Он нахмурился, глядя куда-то вдаль.

— И давно это было? — шепотом спросил Руди.

Ингольд покачал головой.

— Дарки не знали. Странники явились сюда и владели миром на протяжении многих эонов, затем погрузились в сон и, наконец, умерли, когда далекие предки дарков еще обитали в вулканических щелях на дне океанов. Рисунок звезд тогда был совсем иным, а солнце — тусклым за пылевыми облаками.

Голос его звучал глухо и загадочно, он пересказывал чужие видения, словно позабыв о присутствии друзей.

— Это я... видел во сне, лежа во тьме на камнях. Не знаю даже, было ли правдой то, что я видел, или лишь домыслами дарков. Их сознание во многом отлично от человеческого...

Дарки полагали, что последние из этих существ до сих пор обитают в глубоких подземных ледяных пещерах в недрах Вечной Горы. Дарки ненавидели холод и держались оттуда подальше, но они слышали пение Тех, Кто Ждет.

Он покачал головой с рассеянным видом.

— Они пели об ожидании под музыку хрустальной флейты. Вечная уверенность, бесконечная черная дорога. В ожидании времени, когда мир станет таким же, как прежде.

Руди пошевелился: у него затекли ноги. Ветер доносил в пещеру запах льда.

— И это происходит сейчас?

— Нынешнего похолодания оказалось достаточно, чтобы их пробудить, — вмешалась Джил, длинными тонкими пальцами убирая темные пряди с лица. Ингольд, словно очнувшись от видений, распахнул глаза и взглянул на нее. — Как бы то ни было, Те, Кто Ждет, решили, что ожиданию пришел конец.

— Джил вроде как поняла, что происходит, — пояснил Руди и коротко обрисовал теорию терраформирования. — Мы полагаем, что габугу появляются из сланча, — добавил он под конец. — Они не чувствительны к магии точно так же, как сланч. Джил полагает, что после того, как звери поедят его, сланч начинает менять их изнутри. Но почему безобидные грызуны мутируют именно в такую форму, мне непонятно.

— Вот как? — Ингольд, похоже, отнюдь не был удивлен. — Я так и думал. — Он вновь замолк, прижимая пальцы к губам и глядя в ночь, словно там мог вновь узреть грезы дарков.

— Ты об этом знал? — изумленно воскликнул Руди.

— Конечно, знал. Я это видел, — подтвердил Ингольд. — В своих видениях в Гнезде. Я видел, но там не было... никаких объясне-

ний. Мне это показалось безумием. Не могу передать, насколько я рад, обнаружив, что не сошел с ума. Спасибо вам, Руди и Джил.

Протянув руку, он прикоснулся и к ее запястью, и Руди увидел, как они встретились взглядами... И увидел, как на мгновение застыл старик. Глаза Ингольда распахнулись, и с болью и недоумением он уставился на Джил.

Руди понятия не имел, что он там увидел, но в тот же миг Джил переменилась в лице и поспешила отвернуться. В глазах Ингольда застыла боль, словно он вдруг узнал нечто новое и пугающее.

Джил хранила молчание. Ее неподвижность была подобна неподвижности натянутого лука, нацеленного прямо в сердце. Возможно, — невольно подумалось Руди, — в ее собственное сердце.

Ингольд набрал в грудь воздуха, чтобы заговорить, но так ничего и не сказал. Молчание сделалось невыносимым, и Руди, не выдержав, поспешил прервать его:

— Э-э... так чего ждут эти парни? Дарки тебе сказали?

Ингольд демонстративно поморщился, словно пытаясь за маской раздражения скрыть свои собственные чувства.

— Дарки мне ничего не говорили, их ведь там *нет*, — Руди показалось, что в голосе его звучит облегчение. — Но я знаю ответ.

Ингольд нахмурил седые брови, и морщины на его лице сделались глубже.

— Существует гора, именуемая Сайкотл Ксиам, Мать Зимы; последний из пиков Змеиного Хребта, — это продолжение горного массива в Геттлсенде. Сайкотл Ксиам высится у равнины Хатиобар в сердце империи Алкетч, там, где столица Кхирсит лежит на побережьях Ни-

хейского озера. Говорят, что ледники на ее склонах не таяли никогда. У самой горы ледяное сердце, хотя его никто никогда не видел.

— Они там, — прошептала Джил, и Ингольд вновь взглянул на нее. Руди показалось, что оба они говорят об одних и тех же видениях и понимают друг друга без слов. То, что видел Ингольд в грезах дарков, Джил узрела в собственной отравленной крови...

— Да. — Его губы шевельнулись, но с них не сорвалось ни звука.

— Три мага, создающие образы под музыку флейты.

— Да.

— Их чары... — Она попыталась сказать что-то еще, но лишь содрогнулась и отвела взгляд. Когда же Джил заговорила вновь, то лишь для того, чтобы спросить: — Ты собираешься отправиться туда, верно?

Ингольд кивнул.

— Да.

* * *

— Алкетч? — Энас Баррелстейв надул жирные щеки и нахмурился. — Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Не может быть и речи? — Руди в изумлении повысил голос. — Мы говорим о... о магии, которая уничтожит весь мир, а вы говорите, что об этом не может быть и речи.

— Я по-прежнему не понимаю, каким образом... Даже если эти создания, о которых говорил лорд Ингольд, и впрямь существуют, хотя я не поверю в это без доказательств... — начал лорд Скет, и его жена поспешила добавить:

— И вообще, какое отношение к нам имеет извержение вулкана в Геттлсенде?

— Должны быть, все-таки, какие-то приоритеты, — резонно добавил Лапит Хорнбим, и все представители Убежища, сидевшие за длинным столом Собраний закивали с согласным видом. — Конечно, если такая проблема существует, я согласен, что этим нужно заняться, но сейчас куда важнее для нас пополнить свои запасы. Необходимо послать вниз по реке отряды, но у моей матери есть еще один план...

— Какого черта я должен с этим соглашаться?!

— Откуда он вообще узнал об этих алкетчских тварях?

— Конечно, мы ему верим, — добавила Филонис со второго северного яруса, хрупкая добродушная женщина, которой, судя по виду, было явно не пережить и следующих заморозков, не говоря уж о грядущем оледенении. — Просто есть вещи, в которых мы сейчас нуждаемся, и без помощи мага нам не обойтись. Кто-то должен нас предупредить, если опять надвинется ледяная буря.

— Еще чего, — вмешалась леди Скет. — Хватит нам и одной. По счастью, уже лето, и других не будет.

— Черт возьми! А я вас уверяю, — раздраженно парировал Руди, — что будут еще и бури, и заморозки, и мы все вымрем от голода, если Ингольд не уничтожит первопричину всего этого!

Он заметил, как при этих его словах Баррелстейв переглянулся с лордом Скетом, а затем оба они выразительно покосились на Тира.

— Тогда, возможно, тебе следует сообщить лорду Ингольду, когда он вернется, — сухим тоном начал лорд Анкрес, — что...

— А *когда* он, собственно, вернется?

— Лично я предлагаю, — сердито добавил лорд Фнак, — чтобы по возвращению

мы сурово высказали ему свое недовольство за то, что он бросил нас в такой ответственный момент. Он должен исполнить свой долг...

— И принять во внимание — что?

— А кроме того...

— Так вот, моя мать предлагает...

— Будьте вы все неладны, — Руди неслышно затворил за собой дверь, ведущую в зал Совета, и подошел к Джил. На своем месте он оставил иллюзорного двойника, который минут на сорок вполне мог заменить оригинал, если только никто не станет к нему обращаться, — а это было маловероятно.

— Похоже, им не слишком понравилась мысль о том, чтобы отпустить Ингольда на юг. — Джил шагала рядом с Руди, надежно укрытая покровом его чар.

— Они все недоумки! — Руди говорил очень тихо, но при этом так размахивал руками, что едва не сбил шапку с головы Тремута Фаррера. Весь день накануне Совет спорил, следует ли экспроприировать кур, которых нелегально разводили обитатели Убежища, — яйца служили расхожей монетой, на которые приобреталось все, что угодно от лучших помещений до сексуальных услуг, — а тем временем Викеты, Гатсоны и Биггары успели укрыть своих несушек на пятом ярусе. — Если Ингольд не остановит этих трех деятелей, которые портят нам погоду, то придут новые ледяные бури, а на будущий год тут вырастет сланч в шесть футов толщиной.

— Если лорд Скет, Баррелстейв и их сообщники сумеют настроить гвардейцев и жителей Убежища против Минальды в отсутствие Ингольда, — заметила Джил, — то неприятности начнутся гораздо раньше. — Она поудобнее перехватила сверток, который несла под плащом. Он был куда более массивным, чем

накануне. Руди не хотел знать, откуда ей удалось раздобыть столько еды. — Ты же слышал, что они нашептывают гвардейцам: якобы Ингольд мог остановить бурю, если бы пожелал, или мог бы спасти ребятишек. Одному Богу известно, какие сплетни распускают болваны типа Биггара на пятом ярусе.

В глазах Джил застыла непреходящая тревога, и у нее появилась странная манера ощупывать свои руки и запястья, словно в поисках чего-то, что она очень опасалась там обнаружить.

— Теперь это просто, потому что люди напуганы. Черт, я и сама напугана до ужаса.

И Руди чувствовал это. Но Джил боялась вовсе не зимы и не подледных чародеев.

На ступенях Убежища они едва успели отпрянуть в сторону, чтобы не налететь на Скелу Хогширер, которая вместе с подружками вылетела откуда-то из бокового коридора.

Одна из девочек держала Скелу за запястье и сердито вопила:

— Она меня укусила! Она меня укусила! — А все прочие принялись собирать бусины, рассыпавшиеся по ступеням. Руди понятия не имел, что происходит, да это его и не интересовало. День выдался ясным, тепло понемногу возвращалось на землю, вновь предвещая весну. Люди трудились на полях, готовясь к повторной посевной.

По этому поводу на Совете тоже велись бурные дискуссии: высаживать ли зерно или придержать его, чтобы накормить людей зимой и осенью.

К тому же никто не может быть уверен, прав ли Ингольд.

— Что ты хочешь этим сказать? — сердито воскликнул Руди. — Ингольд видел все своими глазами.

— Ингольд *говорит*, что видел это, — резонно указала Джил. — Если бы ты не был магом, ты бы ему поверил?

— Конечно, да!

Он сказал так скорее из чувства долга, и тут же сам понял, насколько глупо это прозвучало. Джил лишь иронично приподняла брови и промолчала.

Ингольд ожидал их в рощице неподалеку от дозорных башен. Выглядел он лучше, чем прошлой ночью: должно быть, успел немного поспать и отдохнуть.

— Ты был прав, — сказал ему Руди, пока старик разбирал вещи, которые они ему привезли: одеяла, провизию, сменную одежду, лекарства. — Эти болваны собрались посадить тебя под замок, как только ты вернешься, и придумать что-нибудь, чтобы не дать тебе опять сбежать.

— А я именно это и намерен сделать. — Ингольд выпрямился, глядя на черный монолит Убежища, видневшийся за деревьями. Над стенами по-прежнему висел синеватый дым, даже подпорченное мясо продолжали доставлять из Ворнсвила и Манса, и коптильни работали в нем и ночью.

— Я бросаю их на произвол судьбы... Возможно, просто из-за какой-то безумной идеи. То, что я способен творить магию, еще не означает, что я не подвержен галлюцинациям, — проговорил он, обращаясь к Руди. — Я мог поверить в какой-то обман.

— Хм...

— Кто-то подстроил то нападение на меня, — спокойно заметила Джил. — И на тебя тоже. Кто-то... говорит со мной. Шепчется у меня в голове.

Руди заметил, как они переглянулись между собой. В воздухе повисло молчание,

полное невысказанных слов. Наконец, Ингольд негромко произнес:

— Дитя мое, если бы только я мог... обойтись без тебя в этом путешествии... Но это невозможно...

— Ты же видишь сам, — с застывшим лицом отозвалась она. — Верно?

Если бы речь шла не о Джил, Руди мог бы поклясться, что слезы выступили у нее на глазах.

— Ты это видишь.

Он кивнул и отвернулся.

— Да, я...

Она продолжила, коснувшись его руки и понизив голос:

— Если бы я знала, как с этим бороться, то сделала бы все возможное, Ингольд. Клянусь! Но сон возвращается, и всякий раз велит мне убить тебя.

Шокированный, Руди поскочил на месте, а Ингольд поднял голову и взглянул на Джил, словно надеялся, что она скажет что-то совсем другое, но она этого не заметила, ибо смотрела на свои руки, сцепленные на поясе.

Джил продолжила, машинально ощупывая запястья.

— Клянусь, что такого не произойдет. Если будет совсем плохо, я скажу тебе, и ночью ты сможешь связывать меня. Днем все в порядке, но я крутила ситуацию в мозгу и так, и эдак, и другого выхода не вижу. Я должна отправиться с тобой.

Она по-прежнему избегала встречаться с Ингольдом взглядом и говорила торопливо, словно произнося заранее заученные слова:

— Я бы осталась здесь, если бы могла. Будет трудно, и порой я начинаю сомневаться: может, я потому так уверена, что нужна тебе, что Они внушают мне эту иллюзию. Они хотят, что-

бы я стояла у тебя за спиной с мечом в руке, но клянусь, что скорее умру, чем причиню тебе зло.

Ингольд долгое время молчал, глядя на Джил. Пару раз порывался заговорить, но так и не решился. Наконец, он взял ее за подбородок и заставил взглянуть себе в глаза.

— Нет, дорогая моя, — ласково промолвил он. — Ты всегда будешь мне нужна. — Он хотел было сказать что-то еще, но опять осекся и спросил лишь: — Ты выдержишь такое путешествие?

Джил вздохнула поглубже и расправила плечи.

— Полагаю, у нас нет выбора.

— Верно, — кивнул маг. — Выбора нет. Руди...

Повернувшись, он сжал руки ученика в своих ладонях.

— Мне жаль, что я ничем не могу тебе помочь, — сказал он негромко. — Даже если я не сошел с ума, — а у меня нет уверенности, что видения, явившиеся мне, и ночные кошмары Джил имеют хоть какое-то отношение к реальности, — я прекрасно сознаю, как несправедливо поступаю по отношению к тебе. Но... Джил права: у нас попросту нет выбора.

Руди вздохнул.

— Я был бы рад поспорить с тобой, дружище, но не могу. К тому же ты знаешь: Джил слишком часто оказывается права.

Ингольд улыбнулся. Боль по-прежнему жила в его глазах, и неожиданно Руди подумалось, что старик мог увидеть в Гнезде дарков что-то еще очень важное, о чем он пока никому не сказал.

— У тебя есть две основные задачи, — обратился Ингольд к Руди. — Во-первых, отыскать эти земляные яблоки, о которых говорил Тир.

— Да, черт возьми. — Джил торопливо потерла глаз мозолистыми пальцами. — В

семнадцатом веке картофель произвел пищевую революцию, когда попал в Ирландию и Германию из Нового Света. И если мы сумеем его отыскать... Это решит многие проблемы.

— Но еще важнее другое, — продолжил Ингольд. — Ты должен как можно быстрее выяснить, каким образом габугу попали в Убежище. Даже если я не сошел с ума, все равно твоя задача будет не легче моей. То, что ожидает меня подо льдом в недрах Матери-Зимы, также является ответом на происходящее в Убежище. В этом я уверен. Но вот сумеете ли вы выжить, спасти людей...

— Мы справимся, — пообещал Руди с оптимизмом, которого в душе вовсе не ощущал, и по ответной улыбке Ингольда понял, что старого мага ему не удалось обмануть ни на миг. — Может, нам придется нелегко, но как-нибудь сдюжим. Во всяком случае, я бы не хотел поменяться с тобой местами.

Приблизившись, Ингольд крепко обнял Руди, который в этот миг изо всех сил старался не думать о том, что станет с ними со всеми, если старик погибнет на юге.

— Будь осторожен, дружище, — сказал он. — Если повезет, то к вашему возвращению мы все Убежище завалим картошкой фри.

«Если только Тир вновь пожелает говорить со мной», — подумал он с горечью, вспоминая ненавидящий взгляд мальчика и его няни Линнет.

Старый маг-бродяга и худощавая женщина взвалили себе на спину дорожные мешки и неслышно, точно призраки, выбрались из пещеры, окутанные чарами неприметности. Дозорный на вершине смотровой башни негромко выругался, когда внезапно из руки у него упало копье. Пока он нагибался, чтобы его поднять, Джил и Ингольд успели пересечь открытую пло-

щадку. Руди обернулся к черностенной цитадели, которую уже давно привык считать своим домом.

«А что, если Альде придет срок рожать до его возвращения? — в отчаянии подумал он. — Что, если налетит ледяная буря? Или стрясется еще какая-нибудь беда, с которой мне, по неопытности, не справиться? Что, если габугу начнут нападать на людей? Что мне делать?»

Правда, Вот обещал, что брат Венд и Илайя, — сейчас ей должно быть лет девятнадцать или двадцать, а Руди-то помнил ее еще совсем девчонкой, — скоро прибудут сюда. Но что, если они задержатся в дороге?

«Скажу одно, лучше бы в Убежище поскорее нашелся подросток, которого я смог бы учить магии. Иначе, случись что-нибудь непредвиденное, — и мы пропали».

Он обернулся в сторону перевала, но не увидел там и следа старого мага и женщины, готовой следовать за ним хоть на край света.

Руди двинулся по направлению к Убежищу, но не успел войти туда, как вдруг целая толпа, состоявшая в основном из членов Совета и их родичей, высыпала ему навстречу. Баррелстейвы, Скеты, Корам Биггар со своими приспешниками, Майя, Хогширер, Хорнбимы и наемники Анкреса, — все они что-то кричали и в ярости размахивали руками...

«Черт бы вас побрал, — подумал Руди, отступая в сторону и поплотнее запахиваясь в покров иллюзий, обещавший ему невидимость. — Мне это сейчас совсем ни к чему. Пусть ваш агент созвонится с моим агентом».

Но вместо того, чтобы двинуться дальше, толпа внезапно остановилась, и из недр ее раздался пронзительный голос:

— Вот он! — К Руди бросилась Скела, дочь Варкиса Хогширера, с ненавистью гля-

дя на молодого мага своими глазками-пуговками. Обернувшись через плечо, она прокричала отцу:

— Я видела, как он встречался с Ингольдом. Я видела, как Ингольд и Джил-Шалос сбежали в сторону перевала, точно воры...

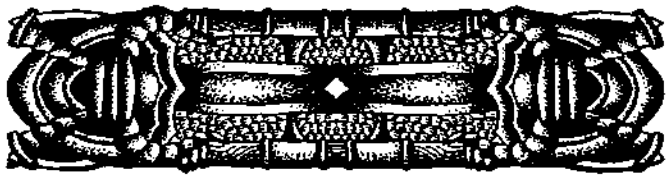
«Черт бы побрал ее длинный язык», — невольно подумал Руди, а затем, когда Минальда с сердитым видом выступила вперед, он внезапно осознал, что все это значит.

«Проклятье!»

Потрясенный до глубины души, он встретился взглядом с краснощекой девчонкой и понял, что она видит его, невзирая ни на какие чары и иллюзии. И точно так же она видела Ингольда.

Вот кого мы искали все эти пять лет.

Вот новый маг Убежища...

Часть вторая

УСЫПАЛЬНИЦА СЛЕПОГО КОРОЛЯ

Глава первая

Руди вновь увидел Лысую Даму на следующую ночь после того, как Ингольд покинул Убежище. На сей раз ее лицо явилось ему во сне еще более четко. Возможно, потому, что накануне он опять рассматривал архивные кристаллы на просмотровом столе. Он уже запомнил их всех: Парня с Кошками, Гнома, с пальцами, унизанными драгоценными перстнями, Черного Барта, сурового и полного достоинства, с искоркой в золотистых глазах... Поэтому Руди ничуть не удивился, что она приснилась ему вновь.

На самых ранних картинках она была довольно молодой, на других — среднего возраста. Очень странно было увидеть ее совсем старухой. Все равно как смотреть подряд фильмы с Кэтрин Хепберн и осознать, что где-то в промежутке между «Филадельфийской историей» и «Львом зимой» мисс Хепберн побывала в аду.

Лысая Дама, все такая же невыразимо прекрасная, спускалась по длинной обсидиановой лестнице в облаках неяркого свечения; на ней по-прежнему был темно-синий плащ. Она горделиво несла голову, но из глаз беззвучно катились слезы. На сей раз они оказались в самых недрах Убежища. Вдоль стен подземелья

повсюду были расставлены каменные цистерны, в которых вода отбрасывала мерцающие блики на потолок и на металлические машины, увитые проволокой и нитями стеклянных бус. Что бы весьма непривычно для архитектуры Убежища, — в стенах зала были проделаны ниши глубиной в четыре или пять футов и высотой в два человеческих роста. В углу Руди заметил черный просмотровый стол. Наверное, чтобы можно было читать технические инструкции, — подумал он. Одну за другой женщина коснулась машин, проходя мимо, словно впитывая сквозь пальцы их силу, а затем двинулась к выходу. В каждом движении ее ощущалась боль и горечь поражения.

«Кто ты такая? — попытался воскликнуть Руди, но, как это всегда бывает во сне, с уст его не сорвалось ни звука. Во всяком случае Лысая Дама не обернулась. — Куда ты идешь? Где ты спрятала все ответы?»

Он потянулся, пытаясь ухватить ее за руку, но не сумел. Слезинка скатилась по щеке у женщины, сверкая отраженным магическим светом, а затем Лысая Дама скрылась во мраке.

Глава вторая

Первая же деревня в Алкетче, куда зашли Джил и Ингольд, сгорела дотла спустя пару часов после их прибытия. Похоже, подобное было не редкостью в эти дни на землях, лежащих между Пенамброй и королевством Далак-ар к северу от Алкетча, и все же это трудно было назвать благоприятным предзнаменованием.

— Настоящий конец света, — заявила им домоправительница самого крупного землевладельца в этих местах, стоя в дверях кухни с охапкой белья, — в доме она была также швеей и прачкой. — Сперва явились дарки, посланные владыкой демонов, дабы отделить истинно верующих от еретиков. С той поры все несчастья обрушились на наши земли, начиная от желтой лихорадки и голода и кончая смертью старого императора с сыном и восстанием, которое устроила его дочь.

Женщина устало покачала головой.

— Должно быть, тут тоже потрудились демоны.

Насколько Джил могла судить, ей было лет сорок, хотя трудно сказать наверняка: ведь по южному обычаю она прятала волосы под чепцом и накидкой. На вид женщине можно было дать и шестьдесят: у нее была обвислая кожа, как у человека, который некогда был очень полным, а затем резко похудел.

— А теперь армия все время воюет. Лорд на-Чандрос и генерал Эсбошет со своим юным

королем, как будто по своей воле он может сделать младшего братца наложницы принца новым наследником... Тьфу! Да тут еще и епископ всех боеспособных мужчин собирает в свое войско, как будто бедному отцу Кримайлу больше не о чем беспокоиться.

Отец Кримайл, насколько поняла Джил, был главой местной церкви и хозяином дома, самым богатым землевладельцем в округе.

За последние пять лет она почти не бывала в других поселениях, кроме Убежища, — если не считать периодических налетов окрестных грабителей, — и потому для Джил казалось непривычным общаться с новыми людьми. До этого момента она и не подозревала, что превратилась в такую отшельницу. Сейчас ей казалось удивительным и непривычным все: и этот кирпичный дом с розоватой побелкой, и то, что люди жили здесь бок о бок со свиньями и коровами, не считая привычных кошек, собак и кур. Странно было чувствовать запах перца и корицы, доносившийся с кухни, странно было не только видеть, что все женщины вокруг, начиная с самых юных, скрывают волосы под вуалью, но чувствовать на себе их взгляды и слышать оскорбительные словечки в свой адрес потому, что она была не похожа на них.

Дарки побывали здесь, — это казалось очевидным. Многие дома явно были недавно отремонтированы, а из разговоров Джил поняла, что люди стараются не выходить из дома после наступления темноты. Однако истинным бичом в Алкетче была политическая анархия, воцарившаяся после прихода дарков. Следом пришла желтая лихорадка, — по пути они с Ингольдом миновали кладбище, где было немало свежих могил, — несколько лет голода и засухи. Платье и головной убор домоправительницы ка-

зались выцветшими и потрепанными, а конюшни, которые сейчас чистил Ингольд, явно могли вместить куда больше лошадей и домашнего скота, чем там содержалось сейчас.

Когда Джил предложила своему спутнику, чтобы они зарабатывали на пропитание целительством, как на севере, он лишь покачал головой.

— Теперь мы в Алкетче, дитя мое. Здесь даже обычные травники нуждаются в одобрении Церкви. — Он почти не использовал магию с тех пор, как они перешли границу, если не считать скрывающих чар, чтобы уберечься от всевозможных разбойников и вооруженных отрядов, во множестве бродивших по окрестностям, а также особого заклятья, дающего возможность понимать и говорить на чужом языке. Таким образом, домоправительница, беседуя с Джил, даже не подозревала, что та говорит с ней вовсе не на ха'але.

Здесь, в Далак-аре, люди были смуглыми и синеглазыми, но порой у детишек Джил замечала белые волосы и серебристые глаза истинных алкетчцев. По словам Ингольда ближе к столице дистанция между черными и белыми соблюдалась куда более строго. Накануне из укрытия среди камней Джил наблюдала, как проезжает один такой военный отряд: суровые длинноволосые воины со снежно-белыми или черными, как ночь, прядями, — третьего не дано, — собранными в хвост и выпущенными через навершие высоких красных шлемов, словно плюмажи.

Все они ехали верхом... Джил за последние пять лет не видела столько лошадей.

И все они были мужчинами.

Джил пыталась убедить себя, что именно поэтому люди так и пялятся на нее, — хотя, Бог свидетель, живя на границе, они наверняка видели немало женщин-разбойниц в штанах и с оружием. Она убеждала себя, что происхо-

дившее с ней еще не могло стать видимым стороннему взгляду.

Но то и дело она отвлекалась от работы, чтобы коснуться своего подбородка, лба, запястий и предплечий. Возможно, изменения и впрямь еще не были заметны. Ингольд ничего не говорил.

Возможно, даже эта уверенность, что она мутирует подобно тем животным, вообще была иллюзией, как псевдовоспоминания, заполнявшие ее сны и являвшиеся теперь даже наяву. Воспоминания о том, как Ингольд насиловал ее, избивал и осыпал ругательствами... Порой она еще помнила, что такого быть не могло. Однако, иногда не могла отличить истину от иллюзии и точно так же не могла сказать, действительно ли руки ее становятся длиннее, а пальцы превращаются в когти, как у той твари, что укусила ее. Она старалась заглянуть в любую отражающую поверхность, которая попадалась ей на пути, — чтобы, наконец, узнать правду.

Но правда от нее ускользала. Иногда Джил была не в силах сосредоточиться на собственном отражении. Иногда ей казалось, что она выглядит совершенно нормально. Иногда осознавала, что уже не помнит, что такое — нормально.

— Джил? — Ингольд с озабоченным видом стоял у входа в конюшню. — Ты в порядке?

Ей это кажется, или он и впрямь как-то странно смотрит на ее лицо? На ее руки?

— Ты это видишь? — сказала она ему, и он ответил: «Да».

О чем еще он мог говорить, если не об этом?

Джил распрямила плечи.

— Я просто размышляла о том, что в этих краях для женщин, похоже, годится любая работа, только она не имеет права защищать себя с оружием в руках.

Ингольд улыбнулся.

— Моя дорогая Джил, лучшая защита женщины — это не попадаться мужчине на глаза и верить во всех святых. — Колдун потер затекшие плечи и уселся рядом с Джил на лавку, поднося к губам флягу с водой. — Спроси хоть у кого хочешь.

Взяв в руки посох, он начертал в пыли слово.

— Это — *аттис*: мужчина. Видишь значок диакритики? Это почетная частица, но она всегда является частью написания этого слова. Все мужчины — Почетные Люди. А вот — *таттиш*, женщина. Дословно — *не-мужчина*. А если точнее, *не-из-нас*. И, как ты можешь заметить, никакой почтительной диакритики.

— Так, значит, мы в империи, которая мыслит почтительными диакритиками? — Джил криво усмехнулась, и на какое-то мгновение мир стал совсем прежним.

— В общем-то, да. Смотри: *пио-ан*: колдун. А вот — *то-ян*: демон. — На всех домах здесь были начертаны знаки против демонов, а также традиционные изображения святых.

— Эти две точки означают «не человек». Их ты можешь увидеть в названиях всех животных, кроме лошадей, ястребов и кошек. Кстати сказать, у лошади, ястреба и кошки, принадлежащих императору, имеются почтительные значки, которых нет в именах его жен. Вот почему человек может смертельно оскорбить кого-нибудь вроде нашего однорукого друга, Ваира на-Чандроса, просто назвав его лошадь *катушь* вместо *кат-тушь* — смертельно для себя, а не для него, разумеется.

— А ну-ка, за работу, старый дурак, — закричала из дверей домоправительница. — Когда вернется отец Кримайл, он...

Женщина осеклась. Со двора донесся какой-то шум и женские голоса, затем пере-

стук копыт, громкая ругань и пронзительный детский вопль.

— Солдаты! Солдаты!

Джил схватилась за меч. Ингольд уже обнажил оружие. Деревянные ворота распахнулись, и черная лошадь в блестящем панцире ворвалась внутрь, неся в седле мужчину в доспехах из лакированного бамбука. Ингольд, ухватив Джил за руку, потащил ее прочь. Отовсюду слышались крики, треск ломающейся мебели и истошный визг домоправительницы.

Когда они оказались на городской площади, там царил настоящий хаос. Женщины, прикрывая лицо вуалью, с детьми на руках разбегались во все стороны. Горстка мужчин отчаянно сопротивлялась, оттесненная к фонтану под напором солдат в доспехах. На ступенях церкви мужчина в алом одеянии, — вероятно, тот самый отец Кримайл, — что-то кричал, подзывая женщин и детей, которые пытались укрыться в храме. Ингольд метнулся в какой-то проулок, но был вынужден отступить, когда навстречу выехали три всадника. Он едва не упал, налетев на какого-то старика, выбегавшего из дома с мешком в руках. Выругавшись, Джил вместе с магом устремилась вверх по ступеням церкви, а вслед уже неслись всадники...

В пестром нарядном храме с крохотными капеллами, винтовыми лестницами и галереями на дюжине разных уровней толпились плачущие женщины, обнимая детей или отчаянно выкрикивая их имена. Ингольд, не задерживаясь, устремился в другой конец храма, и Джил невольно поразилась, откуда он знает, где находится задняя дверь. Разумеется, именно к задней двери он и пытался пробраться, но хотя та была открыта, сквозь нее сплошным потоком врывались перепуганные старики и женщины, которых

вгоняли сюда мужчины в черных доспехах. Ингольд привалился к двери плечом, и Джил, стоявшая у него за спиной, с внезапной яростью подумала: «Вытолкай его наружу... Они порежут его на куски...»

Она торопливо отступила. Люди напирали со всех сторон, и, привалившись к резной колонне, Джил пыталась отдышаться. В мозгу ее потемнело. Несколько мгновений она почти ничего не видела вокруг себя, кроме оказавшейся рядом худощавой девушки с синими глазами, точь-в-точь, как у Альды, и в перепачканной серой вуали. Когда в глазах у Джил прояснилось, девушка уже исчезла. Позади раздался стук копыт, гулко разносясь по всей церкви. Солнечный свет, лившийся из высоких окон, высветил доспехи и плюмажи и отразился в серебристых глазах командира отряда. Отец Кримайл, совсем юный, вышел из толпы крестьян и встал перед ним с невозмутимым видом человека, которому уже забронировано место на небесах.

— Неужто ты еретик, что нарушаешь законы убежища, капитан Сман-эль?

— Мы не нарушили никаких законов. — Вожак бандитов говорил на грубом южном наречии. — Мы явились сюда, чтобы собрать положенную дань для его сиятельства Эсбошета, регента истинного короля. Если кто-то не может заплатить деньгами или своим добром, то пусть отдаст то, что имеет: женщину или ребятишек. Мы их возьмем, святоша.

— Тогда пусть лорд Эсбошет придет сюда сам и заявит о своих правах, — уверенно парировал священник. — Если же кто-то из вас насильно выведет из этого убежища хоть одно живое существо, он будет держать ответ перед Богом... Ни лорд Эсбошет, ни юный король, а вы сами, — те, кто сотворит это, — будете отве-

чать перед судьями Истинного Пути и господними святыми, и огнями ада.

Капитан злобно ухмыльнулся.

— Нет, это меня не устраивает. Не годится, чтобы судьи Истинного Пути и божьи святые говорили гадости обо мне у меня за спиной. — Он натянул поводья, а затем обернулся к своим приспешникам. — Эй, парни, слышали этого святошу? Похоже, нам придется ждать, пока добровольцы не выйдут отсюда сами.

Разбойники захохотали. Кто-то из них принялся выкрикивать ругательства в адрес женщин и священника. Даже прежде, чем капитан покинул храм, Джил услышала, как солдаты стаскивают к стенам с внешней стороны поленья и хворост.

Она заозиралась в поисках Ингольда. Конечно, старик мог без труда вытащить отсюда их обоих, отведя солдатам глаза, но ей сейчас хотелось совсем другого. Где-то неподалеку всхлипывала девушка: «Не хочу! Не хочу!», повторяя это раз за разом в общем испуганном гомоне, становившемся все громче по мере того, как разгорались снаружи костры, и дым начинал проникать в помещение.

Она хотела убить их всех, — этих людей на площади. Смутные видения насилия заплясали в сознании, и ярость ледяной волной начала подниматься в душе.

— Ты тоже из какой-то шайки? — спросил ее чей-то голос. — Разбойница?

Джил обернулась. Это был священник, отец Кримайл.

— Нет, просто женщина, которая любит путешествовать и не хочет, чтобы ее изнасиловали. — Она увидела свое отражение в этих светло-серых глазах: высокая худая женщина с лицом, изуродованным шрамом и не прикрытым

вуалью, с растрепанными волосами и мечом на поясе. Она не знала, видит ли он что-то еще.

Священнику на вид было лет двадцать. На шее у него висели яркие стеклянные четки и оберег против демонов.

— Ты северянка, — сказал он, словно это все объясняло. — Ты поможешь? Нам пригодится каждый клинок. У твоего отца тоже меч. Он может держать его в руках?

— Не сомневайтесь.

Джил огляделась по сторонам. Они стояли у подножия небольшой лестницы, ведущей к окну, близ которого стояла статуя святого Прата, узнаваемая благодаря его атрибутам: алому вервию, бичу и чаше с ядом. Подобно одному из тех магов, которых, по преданию, бичевал сей древнейший из святых, Ингольд стоял у подножия изваяния, глядя в окно, а ниже, у священного колодца, мальчики и мужчины брали наизготовку подсвечники и канделябры, толком не зная, как ими пользоваться.

— Ингольд! — окрикнула Джил, но старик не ответил. Он стоял, склонив голову и скрестив руки на груди. Языки пламени, бушевавшие снаружи, отбрасывали отблески на его лицо, пятнали алым белую бороду и шерстяную рубаху. Дым врывался в приоткрытые створки. Джил взбежала по ступеням рядом с отцом Кримайлом и вновь крикнула:

— Ингольд!..

Она как раз вовремя поспела к окну, чтобы увидеть, как затухают огни вокруг церкви. Грязно выругавшись, Сман-эль пнул кучу хвороста и потыкал в нее мечом. Судя по крикам с другой стороны церкви, там костры потухли тоже. Ингольд глубоко вздохнул, не открывая глаз. Джил едва не расхохоталась от восторга. Еще дважды бандиты попытались разжечь огонь,

но с тем же успехом они могли бы пытаться запалить кирпичи.

— Ну, и кто теперь еретик, а, святоша? — прокричал капитан, вскакивая на лошадь и глядя на юного священника, видневшегося в окне. Со всех сторон к нему бежали его люди, грабившие окрестные дома. Они волочили мешки с зерном, кур и окровавленные свиные туши.

— Еретик и лицемер, и пусть демоны терзают тебя тысячу лет! Кому теперь предстоит предстать перед судьями и святыми, и адским пламенем?

— Ох, зелен виноград, — заметила Джил, глядя, как бандиты уезжают прочь, вздымая облака пыли, золотившиеся под вечерним солнцем.

Священник исчез. Ингольд привалился спиной к алтарю святого Прата, не открывая глаз; его дыхание было ровным и глубоким. Скрестив руки на груди, он словно отгородился стеной от окружающего мира и погрузился в свои мысли. Джил неожиданно подумала, что сейчас он спас столько же людей, сколько погибло их в Поселениях, даже если их ждала не гибель от ледяной бури, а более медленная и мучительная смерть.

Тем временем народ высыпал наружу из дверей церкви. Из окна Джил видела, как они опасливо оглядываются, опасаясь возвращения солдат, а затем разбегаются по домам. Между двух домов появилась девушка, с трудом переставлявшая ноги и прижимавшая к лицу окровавленную вуаль. Ее юбка была разорвана и также перепачкана в крови. Женщина бросилась к ней от церкви и схватила ее в объятия. До слуха Джил донесся негромкий голос священника:

— Это правда?

Ингольд открыл глаза и посмотрел на отца Кримайла, который вновь вернулся к лестнице.

— Да, — промолвил он. — Да, это правда.

Священник поджал губы и отвернулся.

— Воистину, — прошептал он, — Владыка демонов хитер и жесток, как сама смерть. Священный храм защитил нас от ужасов войны, но не смог охранить нас от Зла.

— Какого черта... — Джил в изумлении уставилась на этого юнца.

— Уверяю вас, — мягким, но уверенным голосом перебил ее Ингольд, — что никто из тех, кто нашел защиту в этих стенах, ничем не обязан моей магии и не в ответе за нее. Это я погасил огонь, и сделал это лишь ради собственной безопасности. — Мимо, к выходу, прошла женщина, задержавшаяся в церкви; на руках она держала мальчугана лет двух, а другого, чуть постарше, хорошенького, как девочка, вела за собой. Ингольд проводил их взглядом, в котором читалась печаль. По собственному опыту он прекрасно знал, что случается с хорошенькими мальчиками, хорошенькими и не такими уж хорошенькими девочками, а также уродливыми старухами, когда солдаты грабят город. — У них осталась жизнь и свобода, чтобы творить добро. Что тут плохого?

На лице юного священника застыла печаль, словно он выслушал собственный смертный приговор.

— Все, что проистекает от Иллюзии, несет в себе Зло, — заявил он. — Длань Иллюзии лежит на вас, а теперь и на них, и на всем этом городе.

Кончиками пальцев он прикоснулся к руке Ингольда и с мольбой уставился на него.

— Я верю, что вы желали лишь добра, друг мой, но Владыка Лжи обманул даже вас, укрыв от ваших собственных глаз, почему вы сделали то, что сделали. Укрыл от вас зловоние Зла, пронизывающее любую Иллюзию, любую магию, во имя чего бы те ни творились.

Из дома близ площади послышался жалобный старческий вопль, — это кто-то из горожан вернулся в свое разграбленное жилище. Священник обернулся на этот крик, и лицо его исказилось от скорби.

— Я должен идти к ним. — Он поднес четки к губам. — Ступайте, я ничего не скажу им до заката, а к этому времени вы будете уже далеко. Пусть на мою душу ляжет грех за то, что я позволил вам сбежать. В глубине души я верю, что вы не желали зла. Вы просто были введены в заблуждение.

Джил утратила дар речи, пытаясь осознать, о чем толковал священник. Было проще поверить той лжи, которую нашептывали в его сознании бесплотные голоса, чем принять уверенность этих людей в том, что они обречены на вечное проклятие.

Теперь уже и из других домов слышались жалобные вопли. Люди оплакивали тех, кто не успел укрыться в церкви, а также утраченное добро. К тому же, у них больше не осталось зерна, и, подобно обитателям Убежища, они стояли перед лицом голодной смерти.

— Благодарю вас, — промолвил Ингольд. — Вы были к нам добры, и на небесах это вам зачтется. Пойдем, Джил.

Покачав головой, священник проводил их по ступеням.

— Если вы и впрямь посланник Зла, — промолвил он, — даже по неведению, то вы ничего не знаете ни о судьях Пути, ни о святых, ни о небесах и законах Истинного Бога.

* * *

— Нет, ну черт меня побери! — Джил в двадцатый раз обернулась на город, казав-

шийся совсем маленьким с вершины холма. — Ты спас этих людей от пыток, насилия и угона в рабство, а он «позволил тебе уйти» по доброте душевной? Я так польщена его щедростью, что сейчас упаду в обморок! А что они должны были сделать? Сжечь тебя на костре?

Маг чуть заметно улыбнулся.

— Ну, поскольку им пришлось бы взять тот же самый хворост, который я потушил у стен церкви, чтобы спасти им жизнь, наверное, это бы мало кому понравилось. Но, несомненно, меня могли высечь плетьми.

Он говорил об этом с легкостью, но Джил видела рубцы у него на спине; она также была свидетелем, как несколько лет назад аббатиса Джованнин приказала арестовать, а затем приговорила к смертной казни всех магов Убежища. В церковном календаре имелись дюжины святых, подобных святому Прату, о котором ничего толком ничего не знал, кроме его прозвания: «Убийца колдунов».

Она молча пошла вперед по дороге. Вокруг шелестели серебристые листья оливковых деревьев. В мире царила тишина, если не считать стрекота насекомых и негромкого писка ящериц в зарослях терновника.

— Способность к магии не обязательно делает человека хорошим, Джил. Это орудие, подобное ножу, и его можно использовать во зло или во благо. Исторически Церковь всегда была сдерживающей силой для магов, которые могли бы использовать это орудие в эгоистических целях или продавать свое искусство во имя наживы. Учитывая непростую политическую жизнь на юге, немудрено, что здесь уже многие века люди так ненавидят колдунов.

— Но ведь ты спас им жизнь. — Джил спорила с Ингольдом, хотя в душе понимала,

что он говорит правду. Брат Венд, ученик Вота, претерпел немало душевных терзаний, прежде чем смирился с тем, кто он есть.

— Ты же знаешь, мы нашли свидетельства, что маги, построившие Убежище, либо их преемники, все были убиты или изгнаны, — сказал Ингольд. — Конечно, всему виной могла быть политика, но обычно политики берегут верных им чародеев, а преследуют лишь тех, кто служит врагам. И лишь фанатизм уничтожает всех подчистую.

— Воистину, — продолжил он печально, остановившись для отдыха на вершине холма. — Я не уверен, что бедный отец Кримайл, а также брат Венд и все остальные действительно заблуждаются. Если и впрямь существует Владыка Зла, то он или она — может обманывать меня так ловко, что я буду думать, будто творю добро, спасая этих людей, хотя на самом деле превращаю их в должников иллюзорных сил и всеобщей лжи. Откуда мне знать истину?

Он покачал головой, весь во власти старых сомнений, старого чувства вины и старых страхов.

— Точно так же я не знаю, было ли истинным то, что я увидел в Гнезде дарков. Возможно, мой поход — это чистой воды безумие, и я оставил Убежище беззащитным перед лицом грядущих опасностей.

Джил притихла. Тему безумия ей обсуждать совсем не хотелось. Сейчас голоса в сознании молчали, — и лишь отголоски музыки звучали по-прежнему и ощущался этот слабый сладковатый запах. Она вновь ощупала свои запястья, гадая, умалчивает ли Ингольд о том, что видит в ней какие-то изменения, из чистой вежливости.

Она чувствовала себя очень странно, во власти головокружения, и была рада, наконец, остановиться на привал.

Ингольд отворачивался от нее. Джил знала, что им надо, наконец, поговорить начистоту, но все и так было уже сказано... И новые слова ничего уже не изменят. Видения засели в мозгу, подобно осколкам битого стекла, — воспоминания о жестокости и насилии, которых никогда не было в действительности. Она была для него угрозой. Ничего удивительного, что он держится с ней настороже.

С такого расстояния деревня казалась похожей на рассыпанные детские кубики, белые, розовые и коричневые, окруженные паутиной изгородей и загородок, неподалеку поблескивала под солнцем река. По углам полей виднелись красные и синие точки святилищ, а купол церкви сверкал позолотой. Дым поднимался от крыши храма.

— Ингольд...

Она указала в ту сторону. И тут же появились новые клубы дыма от крыш соседних домов, а затем от амбаров. Джил видела, как люди выходят на площадь, ведя с собой домашних животных с совершенно спокойным видом, словно и не замечая, как горят здания вокруг них. Никто не бежал за водой, никто не предупреждал соседей. Не было ни всадников, ни солдат, ни оружия.

Люди сами поджигали деревню.

— Искупление, — промолвил Ингольд. Он успел забрать свое серое одеяние и бурую накидку из дома отца Кримайла; на рукаве остались пятна крови погибшей домоправительницы. — И очищение. Они надеются, что таким образом уплатят свой долг Владыке Демонов за то, что он спас им жизнь.

Джил смотрела на пожар, широко раскрыв глаза.

— Какие кретины! Здесь даже летом ночью очень холодно! У большинства из них дети. Даже если они остались без припасов,

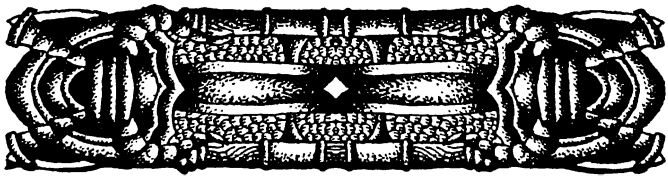
но уничтожать крышу над головой и все имущество...

— Люди в большинстве своем безумны, Джил. — Голос старика звучал устало и безнадежно. — Только некоторые из них помешаны на спиртном или на каких-то наркотиках, на учености или на войнах, на магии или на власти... Или на любви. — Последнее слово он выговорил с трудом, и Джил торопливо обернулась, пытаясь поймать его взгляд. Однако она ничего не смогла прочесть в глазах Ингольда, и он так и не протянул ей руку. Она подумала: «Он не может. Он больше мне не доверяет». Ненависть к ледяным магам пронзила ее.

Спустившись с холма, они обнаружили мертвеца в алой воинской тунике, пришпиленного стрелами к стволу сгоревшей оливы. Кто-то уже успел забрать его оружие и сапоги и отрубил палец, на котором, вероятно, было кольцо. Мочки ушей были разорваны в клочья, — это у него вырвали серьги. Судя по количеству крови, все это проделали, когда бедняга был еще жив.

Джил долго стояла, глядя на труп, вдыхая запах дыма и запекшейся крови, прислушиваясь к жужжанию мух над головой. Ингольд ласково положил ей руку на плечо.

— Добро пожаловать в Алкетч, моя дорогая.

Глава третья

Нечего и говорить, что первая реакция Скелы Хогширер на реальности обучения колдовскому искусству была в точности такой же, как у самого Руди, когда он осознал, что именно этой девчонке суждено стать его первой ученицей...

— Фу! Вот глупости! Я это делать не буду!

— Вот и отлично. — Руди взял фолиант, который Скела только что с грохотом захлопнула. Это была «Черная Книга Списков», ради которой Ингольд рисковал жизнью в Кво. — И не надо. До свидания. — И отвернулся.

— Ты не имеешь права! — Она ухватила Руди за руку, и он сразу вспомнил одну девчонку, с которой учился в школе, дочь хозяина самой большой автосвалки в Сан-Бернадино. У нее вечно была самая модная одежда, которая ей совершенно не шла, и самая красная губная помада на надутых губах.

— Папа говорит, что ты обязан меня учить, — со злобным удовольствием объявила она. — Он говорит, что весь Совет проголосовал, чтобы я училась у тебя магии. Ты обязан со мной заниматься.

Горячая волна злости накатила на Руди. Ох уж этот Совет с его самодовольными голосованиями! Руди очень хотелось послать их всех куда подальше, — он сам будет решать, кого ему учить. Но затем он заметил, как самодовольно потирает руки Хогширер, как бледна и

сурова Альда, и осознал, какой опасности подверг их всех Ингольд своим отъездом.

Эта девчонка обладала магическими способностями. Убежищу без нее не обойтись.

В один прекрасный день ее колдовство может спасти жизнь Альды.

И все же он не сразу смог совладать с собой и заставить свой голос звучать ровно.

— Отлично. — Он подтолкнул к ней книгу. — Тогда зубри.

— Я хочу научиться чему-то стоящему! — Она опять отшвырнула тяжелый фолиант, выпятив с досадой розовые губки. — Я хочу научиться чему-то такому, что смогу использовать.

— Для чего? — Он прекрасно сознавал, что она бесится, поскольку не может вывести его из себя. — Чтобы подглядывать за Лалой Тинпельд или Милеттой Троуб, когда те развлекаются со своими приятелями? Чтобы рассказать обо всем их родителям, и девочек наказали?

— Они гадкие!

— Да, и это вполне тебя оправдывает, не так ли?

Она смерила Руди ненавидящим взглядом.

— Они жадины. Они не дают мне свои бусы. И они лгуньи, все время говорят про меня неправду. — Теперь она уже не смотрела на своего наставника и толстым пальцем возила по столу. — Но я им отомстила. Папа Милетты побил ее, когда я ему рассказала, чем они занимались с Эйтом Брауном. Он задрал ей платье и выпорол ремнем.

— А ты за ними следила, да?

Скела опять подняла на него свои злые глазки. Даже когда он увидел ее впервые, пять лет назад, она уже была скверным ребенком: воровала еду на складах Убежища и выпрашивала у людей их вещи, невзирая на все богатство своего отца... Теперь ясно, откуда Хогширер про-

шлой весной узнал о приближении единственного торговца. Вот уже много лет ростовщик всем вокруг хвалился, что его единственная дочь вырастет не только красавицей, но и умницей.

— И как ты это делаешь? — спросил Руди, скрестив руки и невозмутимо взирая на девчонку. — С помощью огня? Воды? Или осколка стекла?

Она посмотрела на него с таким видом, словно хотела ответить: «А тебе какое дело!», но затем все же опомнилась.

— Через огонь, — неохотно признала Скела. — Мне достаточно посмотреть в огонь, и я могу увидеть кого угодно в Убежище, да и во всем свете.

— Огонь — это самое простое, — заметил Руди. В глубине души он сознавал, что ему просто хотелось унизить эту наглую паршивку.

— Неправда!

— Ладно, — невозмутимо согласился молодой маг. — Может, ты в этом разбираешься лучше меня, но вот что я скажу тебе, Скела: учиться магии — это прежде всего запоминать списки. Учить Истинные Имена, тайные названия всего-всего на свете, каждого растения и листка, камешка и животного... У них у всех есть имена, присущие лишь им одним. Выучить суть всех этих вещей, выучить, кто они на самом деле, — это дает тебе власть Призвать их, власть управлять ими. Я до сих пор учу свои списки. Даже Ингольд еще делает это. Пока ты ничего не запомнишь, ты будешь не лучше обычных людей.

Спустя несколько часов после этого разговора Варкис Хогширер зажал Руди в угол, у одной из лестниц на четвертом уровне.

— Не смейте так шутить со мной, господин маг! — проскрежетал он, потрясая костлявым пальцем перед лицом Руди. — Вы на-

строены против моей девочки, потому что она отстаивает свои права, а не кланяется и не вылизывает вам сапоги! Так вот, скажу сразу: я этого не потерплю! Хотите сохранить все знания при себе, да?

— Мастер Хогширер, — напряженным тоном ответил Руди. — Если я и имею какие-то предубеждения против Скелы, — и это чистая правда, — то лишь потому, что она ленивая, хитрая лгунья и доносчица. Потому что она любит причинять людям боль просто ради развлечения и не хочет трудиться. Вот почему она никудышная ученица.

— Вы не имеете права так говорить о моей девочке, — взревел торговец. — Если бы в Убежище нашелся против вас какой-то закон, я бы заставил вас поплатиться за такие слова! Вас всех настраивает против меня королева. Она думает, что может управлять всем и вся! Она просто мне завидует! Ну что ж, теперь у моей дочери есть то, что вам нужно, и вам не удастся навязать ей свою волю!

И, не дожидаясь ответа, он потопал обратно, в свое роскошное пятикомнатное жилище, где обитал в комфорте со своей женой и дочерью, среди груд горшков и мисок, иголок и булавок, подков и инструментов, скупленных у нуждавшихся бедняков.

Руди со вздохом привалился к стене и даже несколько раз ударился об нее затылком.

«Ингольд, — подумал он, — надеюсь, ты все же сможешь спасти мир, иначе ради чего мне такие мучения?..

Проклятье! Я мог бы сейчас сидеть у себя в Фонтэйне, в мастерской Дикого Дэвида. Может, он уже допустил бы меня торговать за прилавком... К этому времени у меня уже наверняка была бы жена и детишки...»

Но он не был бы счастлив, и даже сам бы не понимал, отчего так тоскует. Ведь та единственная, кого он мог полюбить по-настоящему, его вторая половинка, обитала бы совсем в другом мире.

У него сжалось сердце при мысли о холодном гневе Минальды. «И она права», — в отчаянии подумал он. Альда лучше всех понимала, в какой ужасной ситуации они находятся в этом враждебном мире, где им угрожает голодная смерть. Должно быть, она часы считала до возвращения старого мага.

А Руди вновь помог тому сбежать.

«Но у меня не было выбора! — начал спорить он сам с собой. — Ингольд вынужден был уехать...»

Да, конечно, видите ли, там три чародея сидят под ледяной горой, и они уничтожат мир через пару лет, если их не остановить... Ха!

Даже сам Руди понимал, насколько безумно это звучит. Ничем не лучше россказней тех чокнутых, которые носят на голове жестяные колпаки, чтобы не давать марсианам читать свои мысли.

Неудивительно, что Альда сердится...

Внезапно нежный голосок окликнул его:

— Руди!

Он открыл глаза. Она стояла совсем рядом, у подножия лестницы, в простом домашнем платье и цветастой шали, которая ей совершенно не шла.

Она была прекрасна, как солнечный свет.

И она сказала:

— Прости меня.

Руди вздохнул, чувствуя, как гора упала у него с плеч.

— Ну что ты... — Он нежно обнял Минальду и, прижимая ее к себе, ощутил ни с чем не сравнимое блаженство. Теперь ему было на-

плевать и на Хогширероов, и на габугу, и на Вечную Зиму.

— Господи, ты была права, что злилась на меня. У тебя и без того полно проблем, а я помог Ингольду, который так тебя подвел. Я рад, что ты больше на меня не сердишься, но, ради Бога, не извиняйся. Я это заслужил.

Тревога исчезла из ее взора, и Минальда лбом уперлась Руди в грудь.

— Нет, даже Ингольд этого не заслуживает.

Их окружало безмолвие. Руди успел навести легкие чары, чтобы никто не мог пройти в эту часть Убежища.

От ее волос пахло сандаловым деревом и еще какими-то травами. Она крепче прижалась к Руди.

— Эти существа подо льдом, о которых ты говорил... Они действительно существуют?

— Не помню, чтобы Ингольд хоть раз ошибался, — ответил молодой маг. — И никто другой такого не вспомнит. Должно быть, это записано у него в контракте.

Альда тихонько засмеялась.

— Эльдор как-то сказал мне, что Ингольду правда причиняет больше бед, чем другим людям — их ложь и ошибки.

Наконец, спустя столько лет, она смогла вот так запросто упомянуть имя своего покойного мужа, которого некогда любила и уважала.

— В ту пору я еще не была знакома с Ингольдом. Его считали безумцем.

— Должен признать, — заметил Руди, — его рассказ и впрямь звучит как статейка в желтой прессе... В нашем мире это нечто вроде уличных баллад, — пояснил он.

— Таков уж Ингольд. — Альда философски кивнула. — Я слышала о нем самые поразительные вещи. Он прожил при дворе три

недели после моего замужества, пока я, наконец, не сообразила, кто он такой. Мы заговорили о розах в моем саду... Я думала, что он — дядя нашего садовника. Мне казалось, что Ингольд Инглорион должен быть шести с половиной футов росту, с горящими красными глазами в черной тени капюшона...

Она чуть заметно улыбнулась, вспоминая ту застенчивую шестнадцатилетнюю девушку и ее залитый солнцем цветущий сад. Руди взял Минальду за руку, и они вместе двинулись вверх по ступеням, слегка поскрипывавшим под их шагами.

— Я лишь жалею... Мне хотелось бы послать с ним кого-то еще. Отряд гвардейцев, а не одну только Джил. С ней творится что-то скверное, Руди. Ты видел эту рану, которую она получила в Пенамбре? Что-то с ней не так...

«Я скорее умру, чем причиню тебе боль», — говорила Джил. Но кто охранит Ингольда от нее самой?

Руди постарался прогнать эту мысль.

— У меня такое чувство, что без гвардейцев нам не обойтись и здесь, — промолвил он негромко.

Мимо них прошла Гаруна Браун со своей золовкой Меллекой. Руди тотчас навел на них легкие чары, и Меллека воскликнула:

— Клянусь Святым Изобилием! Я совсем забыла рассказать тебе про Тремута Фаррера и приемную дочку старика Гатсона... — И женщины так увлеклись сплетнями, что даже не заметили Руди и Альду.

— Кроме того, — продолжал размышлять Руди, — если кто-то способен повлиять на сознание Джил, то почему бы не на Ледяного Сокола? Или на Мелантрис? Или на Сейю, Яра и кого угодно еще? И только одной Джил любовь к Ингольду помешает поддаться этому безумию...

С другой стороны, к постороннему человеку Ингольд не питал бы столь безоговорочного доверия, он был бы более бдительным.

— Ты сделала то, что считала нужным, детка, — промолвил он негромко. — Должно быть, это просто наша карма, что именно Скела оказалась тем самым ребенком с магическими способностями, которого мы так долго искали.

— По крайней мере, мы теперь хоть знаем об этом, — резонно указала Минальда. — Иначе она просто превратилась бы в слепое орудие отцовских амбиций, как козырная карта в рукаве. Кстати, Тир просил меня отыскать тебя.

Руди замер, как вкопанный, посреди коридора. В этой части южного четвертого яруса летом вечерами почти никого не было: все жители трудились в полях или в подземельях Убежища. Чтобы сберечь топливо, коридоры здесь почти не освещались, и Руди вызвал магический огонек, озарив усталое измученное лицо Альды.

Тир не разговаривал с Руди с того самого рокового дня. Он даже не желал встречаться с ним взглядом.

— Он сказал, — продолжила Альда, тщательно подбирая слова, — что думал насчет этих... этих земляных яблок. Кажется, их можно найти в северо-восточном углу пятого северного уровня. В самой глубине, как он сказал, почти у внешней стены Убежища. Доподлинно он не уверен, но проверить все же стоит.

— Он думает, это поможет? — Руди осекся, но злые слова уже сорвались у него с языка.

Минальда отвернулась, разрываясь между любовью к сыну и любовью к Руди. Наконец, она промолвила:

— Геппи был его другом. Тия была его другом. И все остальные пастушата.

 — Ради всего святого, разве я этого не

понимаю! — Руди сорвался на крик. Она не ответила.

Молодой маг склонил голову.

— Извини. Прости меня... Но даже если бы я был здесь, то ничего не смог бы поделать.

— Я знаю, — ласково ответила Альда. — Но ты для него почти как отец, и к тому же колдун. Ему кажется, что будь ты здесь, ты сумел бы все изменить. Уверена, со временем он поймет, что ошибался.

«Едва ли, если Линнет будет по-прежнему присматривать за ним, — мрачно подумал Руди, — и если родители погибших мальчишек будут настраивать его против меня». Он часто ловил на себе их взгляды в коридорах...

Несколько мгновений они постояли в полутьме, не зная, что сказать. Минальда обнимала Руди за пояс, а он положил руки ей на плечи, склонив голову так, чтобы их лбы соприкоснулись. Слова были бессмысленны... Вдалеке кто-то прокричал:

— Вринна? Вринна, ты дома? — И забарабанил в дверь.

В другом конце коридора заорали коты, сражаясь за территорию.

Руди со вздохом обнял Альду и поцеловал, наслаждаясь сладким вкусом ее губ.

— Ну что, хочешь отправиться со мной на охоту? — спросил он.

* * *

Даже если кто-то из дальних предков Тира хорошо знал западную часть северного пятого яруса, он ни за что не узнал бы ее теперь. За время долгого существования Убежища это место превратилось в лабиринт разделенных на части комнат и закутков, коридоров, пере-

ходящих в залы, и боковых ответвлений. Повсюду были возведены новые стены и перегородки; по полу и над головой бежали трубы, отводившие воду от источников. Повсюду воняло крысами и птичьим пометом и виднелись улыбающиеся статуи Святого Изобилия, украшенные ворованными световыми кристаллами.

Один из таких кристаллов Руди без малейшего стеснения забрал себе, — магического света и так не хватало, чтобы использовать его в качестве лампадок, — и в этом слабом сиянии принялся внимательно разглядывать добродушное лицо святого и изображенные рядом плоды, круги сыра, яйца и прочую снедь.

— Тебе ничего здесь не кажется странным, детка?

— С точки зрения теологии или эстетики?

Альда задумалась, склонив голову.

— Раньше я никогда не слышала ни о каком Святом Изобилии. Это значит, что он не настоящий святой. Что касается изображения, то даже Тир смог бы вылепить его получше и разрисовать удачнее.

Снедь и впрямь была раскрашена самыми ядовитыми цветами, как фотографии в поваренной книге, а щеки Святого Изобилия выглядели подозрительно красными. Должно быть, именно это и имела в виду Джил.

— Может, он святой покровитель макияжа, как святая Мэйбеллин в моем мире? А на чем это он сидит? На овечьей шкуре?

— Должно быть, — кивнула Альда. — Вряд ли кто-то стал бы изображать святого на тарелке со свиными внутренностями.

Руди печально покачал головой.

— Не торопись с выводами, детка. Это вполне могут оказаться и спагетти. Давай свернем здесь. Думаю, нам удастся выйти к наруж-

ной стене. — И он двинулся вперед, погрузившись в легкий магический полутранс, а Минальда последовала за ним, доверчивая, как дитя.

Магический свет озарял грязные коридоры, в которых никто и никогда не убирал. Запах казался всепроникающим. Во многих комнатах здесь имелись двери, причем очень крепкие, надежно запертые и совершенно новые.

Руди попытался вызвать более яркий свет, но почему-то не сумел. Повсюду вокруг копошились крысы и насекомые, и у него было странное чувство, что кто-то следит за ними; что вот-вот должно произойти что-то ужасное. Руди толкнул одну из дверей и ничуть не удивился, обнаружив, что она заперта.

— Здесь живут бедняки, — тихонько заметила Альда. — Наверняка, процветает воровство.

— Да. Именно на этом уровне я видел габугу.

И Руди вновь пошел вперед, прислушиваясь, стараясь прочувствовать сознанием...

И обнаружил Парня с Кошками.

Не в буквальном смысле, конечно, не физически и даже не в виде иллюзии или образа.

Но он был абсолютно уверен, что Парень с Кошками бывал тут и пользовался какой-то сильной магией. Это ощущение было таким сильным, словно все произошло только вчера.

Руди застыл в неподвижности, коснулся стены с закрытыми глазами, вызывая в памяти образ древнего мага... И внезапно осознал, что почти в каждой из комнат в округе находились люди.

Альда попыталась что-то сказать, но Руди предупреждающе вскинул руку. Он сконцентрировался на чужом дыхании, прислушался к шумам, шорохам, шелесту одежд за запертыми деревянными дверями. До слуха донесся крысиный писк; чей-то голос что-то спросил про ребенка Тейпы.

Время близилось к вечеру. На полях было полно работы, — да и кому пришло бы в голову оставаться здесь, взаперти, в темноте?

— Корам Биггар говорил, что на этом ярусе многие заболели после ледяной бури, — промолвила Альда. Когда они двинулись назад по коридору, на стенах Руди оставлял незримые метки, чтобы потом найти сюда дорогу.

Внезапно королева нахмурилась и привалилась к стене, хватаясь за живот. Руди чуть не умер от страха. «О, Боже! У нее схватки. Что делать?..»

— Мне не нравится этот запах, — извиняющимся тоном промолвила Минальда, а затем, распрямившись, пошла дальше. Руди нагнал ее. Ему было стыдно за свою глупость, но в то же время он гордился, что сумел сдержаться и не понесся вперед с воплями, требуя чистых полотенец и кипящей воды. — И дело даже не в том, что здесь пахнет, как в уборной, — с застенчивой улыбкой добавила Альда. — Я чувствую и какой-то другой запах. Он неправильный, незнакомый.

Руди нахмурился.

— Я и не заметил, — смущенно признал он. — Я просто думал о том, как мерзко здесь воняет. Постараюсь разобраться, в чем дело, когда вернусь сюда с Цилиндром.

— А он тебе что-то покажет? — Минальда отпустила его руку. Они шли уже по второму уровню по направлению к Королевскому Залу, и здесь их могли увидеть слишком много посторонних глаз.

— Не знаю.

Руди пожал плечами.

— Но попытаться стоит. У Ингольда есть целый список странных слов из одного древнего манускрипта, в которых якобы таится какая-то магия. Но их записывали со слуха, и ни-

кто уже не знает, что они означают. Он говорит, что они могут относиться к древним механизмам.

— Вроде гидропонных баков? — с надеждой спросила она.

Руди покачал головой. Это был один из первых экспериментов, которые он провел с Цилиндром. Стеклянный жезл не произвел никаких изменений. Цистерны по-прежнему оставались неэффективными. «Что поделать, — с печальной усмешкой сказал себе Руди. — Машины на месте, но кто-то потерял инструкцию. Досадно будет ее отыскать и обнаружить, что она написана по-японски...»

— А, может, брат Венд и Илайя сумеют помочь? — Они двинулись по центральному проходу, где толпились занятые повседневной работой прачки, швеи и свечники.

— Все может быть, — неуверенно согласился Руди.

С Вендом он связывался накануне через магический кристалл. Юный священник как раз остановился на привал где-то в горах Хребта Господня. В глазах его читалась тревога.

— Не знаю, что это такое, — сказал он, поднося кристалл к самым губам, — но оно преследует нас уже целых три дня. Мы с Илайей попытались его отыскать, но не сумели. — Он обернулся через плечо, и Руди увидел худощавую рыжеволосую девушку, испуганно озирающуюся среди деревьев.

— Всю прошлую ночь мы не спали, — негромко продолжил Венд. — Ничего не слышали, не чувствовали... И все же тут был кто-то чужой.

Белые Всадники? Так Руди подумал в тот момент, но в глубине души догадывался, что все не так просто.

— Не стоит питать напрасных надежд, — сказал он Альде, когда они проходили мимо

полупустой комнаты гвардейцев. Большой тренировочный зал оказался погружен во тьму: за последнее время участились кражи световых кристаллов, и все свои запасы Янус запер на ключ. — К тому же Венд и Илайя сами, в общем-то, новички в магии. Если...

На пороге своего рабочего кабинета он застыл, точно громом пораженный. Вспышка ярости пронзила его, как электрический разряд. На миг Руди даже утратил дар речи.

— Чертова дрянь, — прошептал он. — Гнусная лживая гадина!.. — Он ворвался в комнату и подбежал к столу, на котором, по-прежнему лежала «Черная Книга Списков». Из середины было вырвано несколько страниц, и в жаровне до сих пор пахло золой. Руди провел по фолианту рукой, хотя в этом не было никакой нужды. Отголоски злобы Скелы Хогширер пятнали все вокруг, точно выплески рвоты. Голос Руди сорвался на крик:

— Я сверну этой размалеванной шлюхе шею!

— Нет! — Альда схватила его за плечи, когда маг ринулся к дверям. Он обернулся, задыхаясь от ярости, но Минальда твердо повторила:

— Нет, я пойду сама.

— Это не твое...

— Я пойду. — Синие глаза властно блеснули. — Ты слишком зол. — Сейчас в ней не осталось и следа прежней мягкости. Перед Руди стояла королева, готовая принять любые удары судьбы.

— Боже правый, естественно, я злюсь, — выкрикнул Руди. — Ингольд рисковал жизнью ради этой книги! Все, что...

— Тем более тогда именно я должна поговорить с ней, а не ты.

Минальда заставила молодого мага усесться в кресло, и, взглянув на нее, он поду-

мал невольно: «Иисусе, нельзя же столько взваливать на себя! Лучше бы ей прилечь...» Лицо Альды побледнело и заострилось, а испарина выступила на лбу.

Но здравый смысл подсказывал Руди: «А ведь она права». Он сознавал, что если сейчас встретится лицом к лицу со своей ученицей, то совершит что-то непоправимое, а этого нельзя допустить ни в коем случае. Несмотря на всю свою ярость, он сознавал, что девчонка действовала просто из глупой мстительности. У него самого сестры были ничем не лучше.

Минальда вышла из комнаты, гордо распрямив плечи, и во всех движениях ее чувствовался скрытый гнев. Сейчас Руди ни за что не хотел бы оказаться на месте Скелы или ее отца.

В дверях Минальда обернулась.

— А ведь она будет отпираться. И отец ее поддержит.

После ухода Альды Руди долгое время сидел молча, пытаясь успокоиться и глядя на изуродованную книгу.

Хвала Господу, это был простейший из ранних магических текстов, и утраченные списки они с Ингольдом вполне могли восстановить по памяти... «Если бы только у нас было свободное время», — с горечью подумал он. И тут же Руди вспомнилось, как Ингольд, бледный от страха, карабкался по полуразрушенным каменным мосткам, чтобы вытащить эту книгу и еще два других фолианта из развалин библиотеки в Кво. Он вспомнил о долгих ночах в пустыне, когда они везли обратно свою добычу, и о том, с каким трепетом оба мага взирали на этот бесценный том.

А он даже не мог как следует наказать Скелу, потому что от нее во многом зависело будущее Убежища.

Маленькая дрянь...

Он достал магический кристалл и, успокоившись, попытался вызывать образ Ингольда.

И уткнулся в пустоту.

«Господи, только не это!»

Он попытался связаться с Вотом, затем с братом Вендом, — и с тем же нулевым результатом. Сейчас он не чувствовал прежнего глубинного давления магии, идущей из-под земли, — но лишь жгучую тяжесть, где-то на грани сознания. Серый шум, который ничего не пропускал сквозь себя.

Выругавшись, Руди отложил кристалл. Он взял «Черную Книгу», поискал у жаровни, не найдется ли там случайно оброненных страниц, — разумеется, втуне, — затем подошел к большому дубовому книжному шкафу, занимавшему почти всю стену. Тот по-прежнему был надежно заперт и защищен охранными заклятиями. На полках все было в точности, как прежде. На миг Руди вообразил себе Скелу, которая врывается в кабинет и крушит здесь в ярости все подряд.

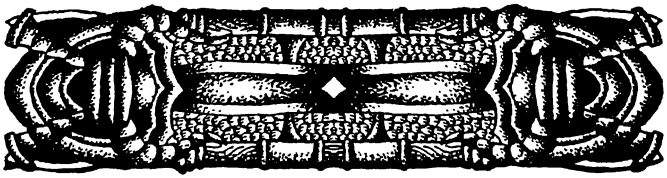
То же самое однажды устроила его сестра Тереза, которая выкинула весь макияж Иоланды, когда сестры повздорили, кому из них встречаться с этим придурком Ричардом Клементом... По счастью, сейчас ничего подобного не произошло. «*Пока* не произошло», — хмуро подумал Руди. К чарам Ингольда он добавил свои собственные заклятья, вплетя в них имя и образ Скелы. Те же самые меры предосторожности он принял и по отношению к сундуку, где Джил хранила архивные кристаллы и свои записи.

А ведь в один прекрасный день жителям Убежища придется полагаться на Скелу Хогширер для спасения своей жизни. Он очень надеялся, что к тому времени успеет благополучно отдать концы.

— О, господин колдун, — донесся снаружи любезный голос Лапита Хорнбина. — Очень рад, что застал вас у себя. Давайте я расскажу, что придумала матушка...

Короче говоря, прошло почти двадцать четыре часа, прежде чем Руди смог вернуться на пятый уровень.

Глава четвертая

Как и предсказывала Альда, Скела наотрез отрицала, что была в кабинете, а ее отец клялся, что дочь не отходила от него ни на шаг и неистовствовал перед Советом, что Руди настроен против его дочери. Руди сомневался, что у Скелы хватит смелости тем же вечером явиться к нему за новым уроком, — но именно так и случилось. Он ровным тоном известил ее, что, поскольку некто неизвестный уничтожил самые важные страницы «Черной Книги Списков», он ничему не способен ее научить до возвращения Ингольда, который сможет восстановить утраченные страницы по памяти.

— Лжете! — завопила она и с такой силой пнула стол ногой, что подпрыгнули лежащие на нем световые кристаллы. — Учите меня чему-нибудь другому. — Густые брови сердито нахмурились. — Другим заклятьям, настоящим.

— Дитя, я уже сказал тебе, что *ничего* не получится, пока ты не запомнишь списки, — заявил ей Руди, хотя это и было не совсем правдой. Простейшие чары, такие как возжигание огня и предсказание погоды, легко обходились без знания Имен и Сущностей. Но будь он проклят, если превратит эту гадючку еще и в поджигательницу.

Скела покраснела, как свекла, и закатила очередную истерику, швыряя на пол все, до чего могла дотянуться, — Руди специально позаботился заранее, чтобы ничего хрупкого на столе не оказалось, — а затем отправилась за отцом.

Остаток дня Руди посвятил просмотру всех архивных кристаллов и книг в скудной библиотеке Ингольда, в тщетных попытках отыскать хоть что-нибудь, дабы увеличить продуктивность гидропонных цистерн. Предварительный подсчет уже имеющихся запасов вкупе с будущим урожаем показывали с неумолимой очевидностью, что провизия в Убежище закончится как раз к зимнему солнцестоянию. По пути из подземелья Руди, проходя мимо слуг лорда Скета, которые о чем-то болтали между собой, обратил внимание, что все они как-то подозрительно примолкли при его появлении.

Выйдя утром на прогулку из Убежища, Руди вновь попытался связаться с Ингольдом, и на сей раз это ему удалось.

— Да, я могу восстановить страницы по памяти. — Ингольд костяшками пальцев потер переносицу. Под глазом у него виднелся незаживший порез, а запястье украшала грязная повязка, но вид у старика был бодрый и даже вполне отдохнувший. К тому же на юге, судя по всему, было достаточно тепло, так что он даже смог снять тяжелую накидку из медвежьей шкуры.

— Я все продиктую ей, когда вернусь, — продолжил маг. — Эта писанина станет неплохим уроком и заставит ее пожалеть о своем поведении. Зимой у нас будет много времени для занятий.

Руди невольно содрогнулся, вспомнив бесконечные зимы в Убежище. Даже невзирая на особые заклятья, не позволявшие снегу скапливаться у ворот, у стен порой лежали сугробы до двадцати футов в высоту. Некуда пойти и нечем заняться, — лишь сидеть и гадать, хватит ли еды до весны, и ссориться из-за пустяков. Джил заслужила репутацию великолепной рассказчицы не потому, что просто любила пораз-

влечь людей, а из чистой необходимости как-то скрасить досуг...

— А тем временем, — продолжил Ингольд, — научи ее сгонять облака, вызывать воду, тепло, холод и воздух. Все эти чары напрямую зависят от того, сколько времени человек проводит за медитацией. Если она будет лениться, то не добьется никаких результатов. Если нам повезет, то к тому времени, как я вернусь, она уже начнет понимать, что такое самодисциплина. Знаешь, Руди... — маг усмехнулся, — она далеко не худшая из учениц, какие встречались мне на пути.

Руди вновь содрогнулся. Образ в кристалле померк.

Зима...

Глядя вдаль, Руди видел белоснежные рога ледника Святого Прата. Ниже, отделенные от Убежища яблоневой рощей, насаженной по приказу Эльдора, супруга Минальды, еще до прихода дарков, — большая часть деревьев погибла во время ледяной бури, — были похоронены пастушата. Деревянные стелы торчали из земли, отмечая место их упокоения. Руди часто видел, как родители ходят туда, как только выдается передышка в работе.

Внезапно в той стороне Руди признал знакомую фигурку. Тир... Альтир Эндорион, владыка Убежища, король Дарвета, шагал по тропинке один, в ярко-синей курточке. Руди смотрел, как мальчик переходит от могилы к могиле, по нескольку мгновений глядит на каждую стелу и проводит пальцами по вырезанным именам друзей.

У Руди от этого зрелища засаднило в горле.

Чуть погодя мальчик поднял голову, и Руди понял, что он его увидел, — одинокую неподвижную фигуру в черной куртке среди скал и деревьев. Даже не махнув рукой, Тир развернулся и в одиночку зашагал обратно в Убежище.

Руди выждал, пока тот отойдет достаточно далеко, и медленно пошел следом. В рабочем кабинете он не заметил никаких следов присутствия Скелы. Цилиндр Руди постоянно носил с собой, — хотя тот сильно оттягивал карман кожаной куртки, — а когда ложился спать, то клал его под подушку. Из шкафа он достал ингольдов список магических слов и различных видов колдовской энергии, определенных по архивным кристаллам. Затем тихими темными коридорами он прошел через все Убежище, где в это время дня не было почти ни души, и поднялся на пятый ярус.

Невидимые для обычного глаза метки на стене позволили легко добраться до места. Кто-то успел поставить новый световой кристалл перед изображением Святого Изобилия; Руди с раздражением опять забрал его себе. По закону кристаллы должны были освещать только основные перекрестки и лестницы, а также давать свет работникам в помещениях: швеям и прядильщицам, — но люди постоянно пытались их воровать. Наверняка Варкис Хогширер держал у себя целую гору и продавал из-под полы.

Впрочем, сейчас Руди предпочел не думать об этом человеке. Слежавшаяся грязь густым слоем лежала под ногами; потолок жители пятого уровня опустили, чтобы устроить антресоли для хранения запасов. Пахло тут и впрямь ужасно, и Альда была права: что-то странное ощущалось в этом сладковатом запахе, но что именно, Руди определить не мог.

Через какое-то время он заметил еще одну странность: негромкие голоса и шорохи исчезли. Двери, вчера накрепко запертые, сегодня все оказались приоткрыты. Он легонько толкнул одну из них посохом. Кожаные петли заскрипели. Используя колдовское зрение, Руди не нуждался в дополнительном свете. Он увидел перед

собой крохотную комнатенку с очень низким потолком. Он зашел внутрь. Грязные тюфяки, запах свежего пепла и ночных горшков, ящик вместо стола и чудовищно уродливая иконка Святого Изобилия на стене. Мышь негодующе взирала на незваного гостя, выглядывая из-под покрывала.

Странный запах здесь был еще сильнее.

Руди, встревоженный, вернулся в коридор и вновь прислушался. Ничего. Во всех этих комнатах, в залах и в коридорах... Ничего.

И ему это очень не нравилось.

Следуя оставленным меткам, он прошел еще дальше к тому месту, где наложил свое заклятие Парень с Кошками. Ощущение чужой магии было таким сильным, что Руди шел на него, как на звук, и, наконец, отыскал крохотный чуланчик, у которого одна стена была сложена из изначального черного камня.

Ну вот...

Руди достал Цилиндр из кармана, вытянул его перед собой, раскрыл свой разум, втягивая силу прямо из воздуха, из земли, из рек, что текли глубоко внизу, и превращая эту энергию в ослепительно-белый свет. Слова возникли в его сознании сами по себе, — даже не пришлось заглядывать в список. До сих пор Руди и не подозревал, что помнит их наизусть.

Древние слова, имена Силы, полуразгаданные загадки.

Воспоминания, воспоминания.

Парень с Кошками был здесь.

Руди был потрясен, но не самим этим присутствием, — он знал, что так и будет, — а его внешностью. Судя по кристаллам, Руди думал, что ему лет шестьдесят-семьдесят, хотя возраст магов определить непросто. Он был невысокий, ширококостный, с гладко выскобленным лицом. В архивных кристаллах сохранились две за-

писи его магической работы, — что-то очень загадочное, связанное с машинами неизвестного назначения, — и тогда на нем был парик из синей шерсти с вплетенными золотыми нитями, — на третьем кристалле он был выбрит наголо. Теперь же волосы у него отросли до плеч, редкие и совсем седые; их перехватывали сзади раскрашенные деревянные спицы. Спиральная татуировка просвечивала на лбу, словно синяя змея, скрывающаяся в бесцветной траве.

Он был таким худым, таким усталым, что Руди сперва даже не узнал его. Казалось, этого человека пожирает изнутри рак, и он был старым, очень старым.

Руди огляделся по сторонам. Они находились в комнате, примыкающей к внешней стене Убежища. При желании Руди мог видеть это наравне со своей повседневной реальностью, а также ощущать отголоски существования иных построек, которые возводились на этом месте за прошедшие века.

Все, что когда-либо происходило в этих комнатах, поглощали стены. Они хранили воспоминания, словно Убежище было живым существом. Руди казалось, что он сможет услышать все голоса, просто прикоснувшись к черным камням, но он этого не хотел. Никогда.

«Это последнее», — проговорил старик. Руди понимал его благодаря языковым чарам, — ведь архивные кристаллы до сих пор оставались безмолвны, и никто не мог знать, какое наречие использовали люди той далекой эпохи.

Старик вздохнул.

«Они смеются надо мной, Брикотис. Они говорят, что наши хранилища забиты припасами под завязку, и все мои старания не имеют смысла. Но мы с тобой научились не доверять очевидному.»

Он скрипуче рассмеялся, и Руди заозирался по сторонам в поисках собеседника-старика. Но здесь никого не было. Может, маг сошел с ума? Или такова была особенность действия Цилиндра? Глядя в него, Руди как будто заглядывал в иную реальность через окно. Многого он мог просто не разглядеть. А тем временем старик шагнул вперед, прямо к внешней стене Убежища.

Он провел по ней рукой, и Руди ощутил пульсацию магической энергии. Все было иначе, чем учил его Ингольд: старик совсем по-другому формировал свои заклятья, да и сила его была другой по пластичности и напору.

В стене открылось нечто прямоугольного люка; каменная панель, которой не было еще мгновение назад, скользнула вбок, обнаружив нишу шириной в четыре фута и высотой в два.

Насколько глубокой она была, Руди судить не мог. Старик снял с плеча плетеный мешок и засунул его внутрь. Руди увидел, что тот доверху наполнен чем-то черным и круглым, похожим на мраморные шары. Часть из них раскатилась по каменному полу. Старик аккуратно собрал их все обратно, а затем сделал еще одно движение рукой. Без единого шороха панель вернулась на место, и теперь в стене не осталось даже трещинки. Старый маг вернулся на прежнее место и принялся жестикулировать вновь, призывая колдовскую силу. Руки он держал иначе, чем привык Руди, но форма и смысл жестов остались теми же самыми.

И вот, прямо перед подлинной стеной Убежища явилась еще одна, поддельная.

Отличная иллюзия. Старик пару мгновений полюбовался собственной работой, и Руди заметил испарину у него на лбу. А затем маг поднял слегка дрожащие руки, вздохнул поглубже и закрыл глаза, собираясь для последнего

усилия. Он произвел несколько пассов, вбирая в себя энергию... Но *откуда*?

Руди не смог опознать источник силы, ибо прежде ничего подобного не встречал, но он почувствовал, как хлынула энергия, насыщая усталую старческую плоть. Заклятье было похоже на то, которое Руди использовал для сохранения мяса в Поселениях, когда истощил собственные запасы магической энергии, но сейчас он точно знал, что источником была не земля и не воздух, — с такой же легкостью он мог быть отличить мелодию, сыгранную на пианино от гитарного перебора.

Иллюзорная вторая стена сделалась еще более крепкой и надежной. Навсегда, для любого стороннего наблюдателя. Это было великолепное приложение сил. Чары, достойные восхищения, не хуже, чем оборотничество или хождение по водам; когда он закончил колдовать, старик весь дрожал от усталости. Затем он прошептал:

— Благодарю тебя, Брикотис, — И склонил голову.

А затем он исчез.

* * *

Лишь после четырех или пяти попыток Руди сумел добраться сквозь лабиринт к передней стене Убежища. Вновь и вновь он возвращался на место изначального видения, произнося слова памяти и просматривая всю сцену от начала и до конца, наблюдая не за стариком, но за стенами. Когда он наконец отыскал место, где находилась ниша, ему пришлось немало экспериментировать, прежде чем он сумел преодолеть иллюзию поддельной стены. В точности копируя все жесты старика, он попытался призвать неведомую силу и невольно представил себе афишу фи-

льма: «Колдун вызывает дьявольские смертельные лучи из прошлого! На всех сеансах!»

«Или, как сказала бы моя матушка, — подумал он с усмешкой, — не подбирай всякую гадость, ты не знаешь, где она валялась раньше».

И все же, после долгих усилий, Руди смог преодолеть иллюзию. Открыть нишу оказалось уже сущим пустяком.

Черные шары по-прежнему были там, они раскатились по полу, а вокруг них — крохотные семена, похожие на черно-красные бусины. Мешок давно рассыпался в прах. По углам виднелись скелетики мышей, но земляные яблоки, похоже, ничуть не пострадали.

Руди взял одно из них. Он знал, что перед ним пища: заколдованная, надежно защищенная от гниения и любой иной угрозы, сведенная почти на молекулярном уровне к своей Истинной Сути... И все же самая обычная картошка. Она могла ожить, если избавить ее от чар, защищавших корнеплоды на протяжении многих тысяч лет.

Руди вздохнул поглубже.

«...Совершить настоящий прорыв в пищевом производстве... Возможно, мы и впрямь сумеем это сделать...»

Он набил себе все карманы, прихватил еще немного семян, а затем, отступив на шаг, произнес заклинание, чтобы закрыть нишу и вернуть иллюзию на место. Не хватало еще, чтобы Скела проследила за ним и отыскала тайник.

Возвращаясь к себе, Руди размышлял над магией, которой владел старый колдун, и над ее загадочным источником. С подобной силой он никогда еще не сталкивался прежде. Может, Ингольд сумеет разобраться, в чем тут дело?

Если только Ингольда не одолеют в бою Три Ледяных Уродца.

Или его не пырнет в спину Джил.

Или...

— Господин маг! — вдруг окликнул его чей-то голос из-за угла, и он услышал торопливые шаги. — Господин маг! Быстрее, леди Минальда!..

Руди прошептал:

— Господи! — и бросился бежать. — Где вы? Где?..

— Здесь.

Руди повернул вправо на голос, проклиная этот лабиринт коридоров... и угодил бы прямиком в ловушку, если бы не подумал вдруг: «Почему на стене не видно отблесков света? У этого парня нет с собой факела!»

Его окликал мужчина. Лишь дети бегали по коридорам без огня.

И в этот миг кто-то ударил его в спину.

Руди уже подался назад, пригибаясь и ускользая, когда на голову ему набросили одеяло. Руди почувствовал, что сейчас получит удар ножом, и оказался прав. Но лезвие лишь оцарапало плечо и руку вместо того, чтобы вонзиться в грудь. Он нанес удар ногой, проклиная ослепляющую его темную ткань, затем отскочил назад, пытаясь сбить с ног второго нападавшего, оступился, упал, а когда попытался подняться, то не смог даже вздохнуть.

Руди сразу понял, что кинжал был отравлен. Страстоцвет... Бог знает, откуда они его раздобыли...

Зрение его помутилось, но он еще пытался ползти, пытался сорвать с себя одеяло. Он выронил посох, — и тут последовал еще один удар ножом. Лезвие вошло глубоко, и тут же полилась кровь и навалилась ужасающая слабость. Он закричал, призывая свет, — единственное заклятие, что пришло ему на ум, — сквозь одеяло увидел ослепительное сияние и услышал чей-то крик.

Шаги. Головокружение. Он, наконец, сорвал с головы одеяло и обнаружил, что остался в коридоре один.

Первой мыслью Руди было: «Нельзя терять силы на ругань!» Яд страстоцвета, — растущего в Пенамбре и в Геттлсенде, но только не на севере, — в малых дозах приглушал магические способности, а в больших мог оказаться смертельным.

Гудящий серый шум, подобный тому, который Руди ощутил в сознании, когда в последний раз пытался связаться с Вотом, перекрыл все каналы чувств. Он больше не помнил, каким образом можно призвать силу и как провести ее через себя.

Отняв руку от раны, он взглянул на ладонь. Темно-красная, словно обмакнул ее в краску...

«Скверно...»

Торопливо Руди использовал все заклинания, на которые был еще способен: против яда, против шока, для исцеления внутренних ран. Он понятия не имел, все ли делает правильно. Сила вытекала из него стремительно, как кровь. Во рту пересохло, и он чувствовал жуткий холод. Окружающая вонь смешалась с запахом озона и меднистым, резким привкусом крови. Больше всего ему хотелось спать.

Где-то поблизости зашуршала одежда. Руди поднял голову и успел заметить какое-то шевеление в приоткрытых дверях одной из комнат.

Они прятались вокруг и ждали. Ждали, пока он лишится чувств.

— Будьте прокляты, — прошептал Руди, и ярость помогла ему прийти в себя. Он попытался подняться, но смог лишь встать на четвереньки. Когда Руди прополз мимо двери, то обернулся, чтобы заглянуть внутрь, — но никого не увидел.

Кто бы они ни были, они прятались от него, но он слышал их в коридоре, слышал шорохи и шепот повсюду вокруг.

Они ждали.

«Нет», — сказал себе Руди. Каждый вздох ему давался с трудом.

«Нет». В глазах мутилось. В какой-то момент ему показалось, что он видит пастушонка Геппи Нула и дочурку Линнет Тию, которые бегут от него по коридору; затем какие-то крохотные грызуны, словно сошедшие с рисунков Эшера, расползлись по стенам и потолкам на своих паучьих лапках, гоняясь за перепуганными мышами. Руди осознавал каждый удар сердца и чувствовал, как слабеют мышцы, но он не помнил чары, которые могли бы заставить его работать вновь.

«Ты единственный маг в Убежище. Альда умрет при родах, если ты сейчас сдашься...»

В душе его вновь вспыхнул гнев на этих незримых наблюдателей. Ее смерть будет на их совести, а им на это наплевать. Он сильнее почувствовал запах их одежды, их плоти. Сквозь стену услышал шорох одежды, звон оружия. С трудом поворачивая голову, он видел их, как тени на фоне тьмы. Вот блеснули глаза, а затем и клинок.

— Проклятье, — прошептал он. — Проклятье, проклятье...

Протянув руку, он повторил в уме слова и жесты, как это делал Парень с Кошками. Это было все равно, что вдохнуть радиоактивную звездную пыль или получить укол гиперпространственного топлива. Задохнувшись, Руди развернулся, метнул молнию в приближавшихся врагов, услышал чей-то крик и шум падения, ощутил запах горящей плоти, а затем, поднявшись на ноги, побежал на заплетающихся ногах по коридору. Сил не хватило надолго, и он вновь упал. Но неподалеку была лестница, — он видел собствен-

ные отметины на стене, указывающие путь. Он вновь попытался подняться и опять упал, но источник силы по-прежнему оставался доступен. Руди призвал на помощь магию, блокируя действие яда.

«Ну же, сердце, давай, работай».

Движением руки он создал маленький иллюзорный огненный шар и бросил его на пол.

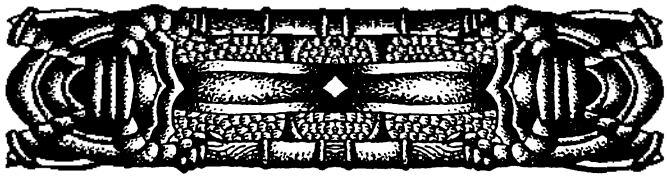
— Ладно, Лэсси, — сказал он ему, — ищи Ледяного Сокола.

Огненный шарик покатился по коридору в облаке лиловых искр.

Руди прислушался.

Никого.

И он медленно пополз к лестнице.

Глава пятая

Он сидел на деревянном возвышении в углу Убежища.

Убежище?

Его озарял сероватый холодный утренний свет. Руди казалось, он сидит на краю целого лабиринта деревянных лесов, простирающихся на многие мили в обоих направлениях, а впереди черные стены в тысячу футов высотой вздымались к розовеющим небесам. Под ногами он видел бездонную пропасть, откуда поднимались леса: доски и деревянные мостки, переплетенные между собой с помощью магии. На некоторых платформах работали механизмы, — непривычные черные машины со вставленными в них серебристыми кристаллами.

На всех этих мостках, платформах и переходах он видел спящих мужчин и женщин. Рядом с одним из них спали две кошки.

«Это Убежище, — подумал Руди. — Убежище, когда его только начали строить». Внезапно одна из женщин, с усталым видом сидевшая на черном помосте в центре фундамента, поднялась с места, — это была Лысая Дама. Возвышение, на котором сидел Руди, — он ощущал, как влажные доски врезаются в бедро, — находился достаточно близко, так, что он мог разглядеть ее лицо, когда она подняла голову, заслышав стук копыт, и увидел скрытую боль в ее глазах при виде мужчины, возникшего у входа.

Руди?

Голос Альды. Похоже, она была испугана.

И не без причины.

Он открыл глаза и увидел ее у своей постели, а затем вновь соскользнул во тьму, где сновали странные существа, похожие на безногих скорпионов, и, держась за руки, стояли мертвые ребятишки.

— Руди!

Голова болела так, словно ее раскололи надвое и переехали гусеницами. Он быстро перекатился набок, и кто-то успел поднести ведро, прежде чем накатила волна тошноты.

— И что проку его кормить? — заметил Ледяной Сокол.

Руди отмахнулся и наконец рискнул вновь открыть глаза. Он был у себя в комнате. Кто-то принес сюда с полдюжины световых кристаллов, так что помещение оказалось ярко освещено и, похоже, сюда набилось не меньше двух третей обитателей Убежища, включая епископа Майю, Варкиса Хогширера и его отвратительную дочурку, прядильщицу Филонис, — она была одной из целительниц Убежища, не владевших магией, и к ней обращались те, кому религиозные предрассудки не позволяли иметь дел с колдунами, — лорд и леди Скет, Корам Биггар и добрая половина Совета.

Все они говорили одновременно.

— Ты их видел? Ты знаешь, кто это был?

— Ледяной Сокол отыскал тебя у лестницы на пятом северном уровне, — пояснила Минальда. — Это безлюдное место. Янус всех опросил, но никто ничего не видел. Это ведь был не... габугу?

— А я вам говорю, что ничего подобного в Убежище нет! — рявкнул старик Виккет, и Биггар застонал:

— Только не просите опять обыскать весь наш ярус.

— Но кто еще способен на подобное?

— Я мог бы назвать пару имен.

Руди не смог разглядеть, кто в толпе отпустил эту реплику. Альда торопливо вмешалась:

— Кто бы это ни сделал, он знал, что без магов Убежище обречено.

— Обречено и так, и так, госпожа, простите за прямоту. — Лорд Фнак протолкался к Минальде в окружении свиты своих приспешников. — Я вам точно говорю: нет смысла оставаться здесь, и маги тут ни при чем.

— Моя дочь учится и скоро станет колдовать не хуже прочих, — заявил Хогширер. — Она у меня умница... Правда, принцесса? Впитывает Знание, как будто для этого и родилась. Покажи им, как ты вызываешь огонь. Покажи им, детка.

— Только снаружи, пожалуйста, — мягким голосом вмешалась прядильщица Филонис. — А лучше — вообще за стенами Убежища... А теперь посмотри на меня, Руди. В глазах не двоится?

Он покачал головой. Прохладные и уверенные, ее пальцы легли ему на запястье, затем сдвинулись, чтобы замерить второй, внутренний пульс. Целители в Убежище действовали в соответствии с церковной медицинской традицией, сочетающей анатомические познания, травничество и толкование снов. Ингольд тоже этому учился, и заставил Руди брать уроки. Несмотря на всю свою религиозность, Филонис с удовольствием помогала им в учебе. Она проверила глазные яблоки, прижала ногти, затем дала выпить какую-то настойку для поддержания сил и выпроводила всех посторонних, кроме Минальды, которая так и осталась сидеть на краю постели. В дверях леди Скет обняла Скелу Хогширер за плечи и ласково улыбнулась ей.

Травяная настойка помогла Руди сосредоточиться. Он смог наложить целительские

чары на глубокую рану в боку, и сразу понял, что инфекции там нет, а внутреннее кровотечение уже остановлено. Он по-прежнему ощущал следы яда в крови, но это было уже не опасно.

Он был обнажен до пояса и весь перебинтован. Голова болела, как после тысячи похмелий, а во рту стояла горечь.

— Моя куртка здесь, детка?

Минальда потянулась за ней, сбросив на пол окровавленную рубашку, также лежавшую на сундуке.

Судя по тяжести, Руди сразу догадался, что Цилиндр так и остался в кармане, вместе с заколдованными картофелинами.

— Что тут у тебя такое? — поинтересовалась Альда.

Он порылся в карманах, отыскал неповрежденный Цилиндр, а затем вытащил стеклянистые черные шарики, которые взял в нише.

— Зерна Судьбы, — провозгласил он торжественно. Голубые глаза распахнулись. Он рассказал ей все, что узнал от Джил, и Минальда в полной мере оценила важность находки. Прошептав: «Слава Богу», — она закрыла глаза с невыразимым облегчением.

— Слава Богу...

— Богу, и Парню с Кошками, — торопливо поправил ее Руди. Вся добыча оказалась на месте. Даже крохотные зерна-бусинки.

— Я взял достаточно, чтобы вволю с ними поэкспериментировать, а остатки пусть пока полежат в тайнике. Кроме меня никто во всем Убежище не сможет их достать.

Минальда схватила Руди за руки.

— Слава Богу. Знаешь, на Совете начали говорить о том, чтобы уйти из Убежища. Лорд Фнак и его люди, в основном.

 — Уйти из Убежища? — Руди попытал-

ся сесть, но тотчас отказался от этой затеи. — И куда они пойдут? С какой армией?

— В Алкетч, — голос Минальды дрогнул. — Энас Баррелстейв хочет, чтобы мы положились на милость императора.

— В Алкетче война, и любой, кто придет туда, погибнет или станет рабом.

— А мастер Баррелстейв утверждает, что мы знаем об этом лишь от Ингольда, а тот, вполне вероятно, сошел с ума. Он говорит: «Зачем посылать кого-то одного с нашими последними богатствами, чтобы закупать там скот, с риском для жизни и кошелька, когда можно отправиться туда самим»?

— На что он надеется? По-моему, нам и здесь неплохо.

— Так говорит и лорд Анкрес. — Минальда вздохнула и повела плечами с таким облегчением, будто сбросила тяжкий груз. — Это было... противно. И тяжело. Корам Биггар заявил, что пока у нас есть колдуны, все будет в порядке.

— *Пока у нас есть колдуны.* — Руди также вздохнул и потер виски. — Класс. Большое спасибо, Корам. Еще можешь нацепить мне на спину мишень, так будет даже проще. Когда он это сказал?

— Сегодня утром. — Альда улыбнулась и погладила Руди по груди. — Но если ты думаешь, что Энас Баррелстейв приказал бы убить тебя, лишь бы убедить всех вокруг в своей правоте...

— Нет. — Руди покачал головой. — Хотя им все равно пришлось бы меня прикончить на границе с Алкетчем, потому что, — по крайней мере, если верить Ингольду, — там очень не любят магию.

— Но ведь это же не габугу, правда? — Голос Альды звучал не громче шепота.

Руди криво усмехнулся.

— Конечно, нет. Это точно был кто-то из наших.

* * *

Он немного поспал, пробудился, заснул опять и, проснувшись в очередной раз, среди ночи попытался связаться с Ингольдом, — совершенно безрезультатно. Он не знал, сказывалась ли в этом воздействие ледяных магов или действие яда, — Руди мог зажечь огонь и вызвать иллюзию, но больше сейчас оказался ни на что не способен. Не сумел он также связаться ни с Вотом, ни с Вендом и Илайей. Испуганный шепот Венда он слышал в ночных кошмарах: «Там кто-то есть...»

Поутру вернулась Филонис, принесла еще снадобий и заметила, что рана заживает нормально, но яд расходится медленно. Руди то и дело дремал, а, пробуждаясь, видел рядом Альду, которая сидела у постели и держала его за руку. Она приносила ему книги из библиотеки Ингольда, старые свитки и записи Джил, и на протяжении многих часов Руди углублялся в поиски, пытаясь отыскать хоть какое-то упоминание о силе, на которую он наткнулся на пятом уровне или на заклятие, вызвавшие молнию, или на имя «Брикотис».

Пару дней спустя явился Ледяной Сокол с известием, что Лорд Фнак и человек тридцать пять его прихлебателей втайне сбежали из Убежища, предварительно забрав из хранилищ столько мяса и зерна, сколько смогли унести.

— Судя по всему, они также пытались забрать мула, — добавил Белый Всадник, ставя кувшин со свежей водой у изголовья постели Руди. — Это было неумное решение, так что мул остался с нами. Кроме того, да будет тебе известно,

что леди Скет внезапно прониклась горячей любовью к Варкису Хогширеру и его дочери, и даже соблаговолила принять их у себя.

— Поразительно, — с иронией ответил Руди. Он отложил один из древнейших манускриптов Ингольда, посвященный Времени и Измененным Состояниям Бытия, а затем вызвал более яркий магический свет, хотя и сомневался, что Ледяному Соколу это необходимо. — Мне казалось, что она не снизойдет до разговора ни с кем из тех, у кого меньше пяти пряников на родовом гербе.

— Ты недооцениваешь облагораживающее наличие мага в семействе, — отозвался Ледяной Сокол. Он только что вернулся с тренировки. Пальцы, как всегда, были в кровоподтеках и перебинтованы, а светлые волосы потемнели от пота. — Нынче мастера Хогширера принимают повсюду в Убежище. Похоже, он вовсю торгует услугами дочери: «Когда моя маленькая принцесса станет главным магом Убежища...» Думаю, лишь сознание того, что на самом деле принцесса пока ровным счетом ничему не научилась, не дает ему задушить тебя во сне подушкой.

— Я убью этого чертова ублюдка, — с яростью пробормотал Руди. — Немудрено, что они со Скелой являются сюда дважды на день и спрашивают, как я себя чувствую, и когда она наконец сможет начать заниматься.

— А ты думал, их и впрямь тревожит твое здоровье?

— Ага, — ядовито процедил Руди. — А теперь ты разбил мне сердце, и я чувствую предательскую слабость. Должно быть, болезнь возвращается...

— Я покончу с собой от угрызений совести.

— Твою мать.

Ледяной Сокол с серьезным видом поклонился.

— Твою лошадь. — И ушел прочь.

Это были неприятные вести, но в последующие дни гвардейцы и другие друзья Руди доносили до него еще более тревожные слухи, пересуды и новости.

— Они говорят, что в тот день тебе следовало отказаться от поездки на Поселения, — сообщил ему лорд Бриг, стоя в дверях в перепачканных сапогах после работы в поле. — Что ты должен был предчувствовать приближение опасности.

— И кто это говорит? — спросил Руди, приподнимаясь на постели, заваленной манускриптами, свитками и листками с записями.

Его лордство покачал головой:

— Какие-то прачки, которые слышали это от одного из горшечников... Обычная грязная болтовня. Это все нелепо, я знаю. — Он взъерошил темные волосы. — Просто подумал, что тебе следует знать.

— Все то же самое, что с Ингольдом, — сказал Руди Минальде вечером, когда она вернулась, совершенно измочаленная, после очередного заседания Совета. — Да, конечно, может, ему и не следовало бы отправляться в эти походы каждое лето, но ведь если бы он этого не сделал, мы никогда бы не получили новых книг и магических артефактов. Но с какой стати говорить то же самое обо мне?

— Потому что ты здесь, — ласково ответила Минальда. — Потому что ты один из тех, кто удерживает меня у власти. Потому, что без тебя союз леди Скет и лорда Анкреса стал бы еще прочнее, и они сумели бы забрать у меня Тира.

Она защитным жестом коснулась живота, и Руди поразился, как похудели ее пальцы: даже кольца пришлось снять. Потянувшись, он взял ее руку в свои ладони. Минальда вздохнула.

— Лорд Скет, как ты знаешь, приходится

мне родней. Он стал называть Тира «кузеном» и говорить ему, что тот должен учиться быть мужчиной. Если он завоюет на свою сторону лорда Анкреса, то сможет добиться регентства и контроля над Убежищем.

— Но это же невозможно, верно? — испуганно спросил Руди. — Что лорд Анкрес имеет против тебя?

Минальда вновь погладила округлившийся живот.

— То, что я полюбила мага, что я нарушила законы Церкви. Вот почему я так осторожна с тобой, Руди. Этот ребенок может быть чей угодно — никто не докажет, кто его отец. Конечно, все знают правду, но в большинстве своем люди не хотят об этом думать. У Анкреса очень сильно чувство приличий, вот почему он верит мне. Но сейчас его преданность подверглась большим испытаниям, а теперь еще леди Скет готовит мага на замену... если что-то случится с тобой.

Но при всем при том Руди сознавал, что не сможет отказать Скеле в уроках, если девочка захочет учиться.

Он заставил ее заучивать наименее разрушительные Руны, — хотя все они были довольно опасны, — и в один прекрасный день был ошарашен, обнаружив у нее на шее нитку жемчуга, которую прежде видел у леди Скет.

— Я не могу это выучить, — заныла Скела.

Он отложил свои записи. Девочка швырнула на постель восковую табличку.

— Это слишком сложно.

Руди уже открыл рот, чтобы сказать: «Это ты слишком тупая», — но все же сумел сдержаться. «Черт возьми, старик Варкис наверняка бьет ее смертным боем, чтобы она научилась хоть чему-то полезному», — подумал он. И потому произнес довольно мягким тоном:

— Магия — нелегкое искусство, Скела. Мне тоже тяжело. Ингольд сводит меня с ума, когда велит в чем-нибудь разобраться самому. — Он потянулся вперед, пытаясь не морщиться, когда боль пронзила бок, и взял табличку. — Знаешь, как он учил меня Рунам? Мы разбили лагерь как-то ночью посреди пустыни... — Кстати сказать, Ингольд был тогда в жутчайшей депрессии, увидев разрушенный Кво, но на его преподавательских манерах это ничуть не сказалось. — ...и он написал все сорок семь Рун вокруг лагерного костра. Он не сказал, зачем они нужны, и не велел их запоминать. Просто с того самого момента он решил для себя, что я их знаю, и когда приказывал использовать ту или другую Руну, то мне следовало знать, как она выглядит, иначе я бы об этом горько пожалел.

— А что бы с тобой случилось? — спросила Скела, надувая толстые губы. — Что, если бы ты забыл? Ты ведь не виноват, если бы забыл?

— Тогда я бы не знал эту часть магии, — пояснил Руди, — а магии я хотел учиться больше всего на свете, если не считать того, чтобы... — Он покачал головой, так и не договорив.

— Чтобы в тебя влюбилась королева Минальда? — в ее голосе слышалось потайное злорадство и восторг от того, что утром она сможет повсюду разнести новую сплетню.

И все же Руди просто сказал:

— Да.

И она первая, устыдившись, отвела взгляд.

— Ты в нее влюблен? — пробормотала она девочка наконец.

— Скела, — обратился к ней Руди, и она даже вздрогнула от того, что голос его звучал так дружелюбно. — Я даже не знал, что такое любовь, до того, как встретил ее. Подойди сюда.

 Он потянулся к полочке над кроватью и

взял оттуда фарфоровую чашу, привезенную Ингольдом из Гая, — руки у него при этом слегка дрожали, ведь этих сосудов в Убежище осталось совсем немного, а после инцидента с «Черной Книгой» он не доверял Скеле ни на миг.

— Вот что ты можешь сделать, чтобы лучше запомнить все эти слова.

Он научил ее Истинному Имени Воды и простейшему из Призывов. Оказалось, что Скела не способна концентрировать внимание, словно восьмилетний ребенок. От ее кожи шел какой-то странный, неприятный и в то же время смутно знакомый запах.

— Произнеси в сознании Истинное Имя Воды и в этот же самый момент начерти треугольник в воздухе над чашей. — Этот жест служил просто для фокусировки, но Руди и сам не мог обходиться без этого почти целый год. В сосуде появились первые бусинки влаги. Прикрыв глаза, Руди вновь повторил Истинное Имя, прорываясь сквозь завесу реальности в иной мир, и мысленно представил себе пригоршню воды. Капельки на фарфоре сделались больше, а затем ручейками принялись стекать на дно. Руди сомневался, что девочка замечает, как воздух вокруг становится суше по мере того, как влага из него конденсируется в сосуде, но сам он чувствовал это очень хорошо.

Ингольд также показывал ему, как отделять воду от дерева, а также от крови и молока.

У него ушло минут десять на то, чтобы наполнить сосуд до краев. Скела изумленно выдохнула:

— Ну и ну!

— Сперва будет получаться очень медленно, — предупредил ее Руди. Он вылил воду в кувшин, стоявший рядом с постелью, и вытер горшок уголком простыни. — Но если будешь каждый день практиковаться в медитации сто-

лько времени, сколько понадобится свече, чтобы прогореть вот настолько... — Он показал ей нужный уровень. — ...тогда через пару дней вода будет собираться быстрее.

— Медитировать каждый день, — повторила Скела, хлопая глазами, и, взяв пластинку с Руной, сунула ее в карман шерстяного платья. Платье было совсем новое, — невообразимая роскошь с тех пор, как в Убежище не осталось овец.

«Это хоть немного займет маленькую проныру, — подумал Руди, — а также понравится ее папаше и его дружкам». Вопрос лишь в том, надолго ли.

На следующий день Руди впервые встал с постели, — по большей части из-за настояний Лапита Хорнбима, матушка которого подала очень неглупую идею насчет того, как обзавестись домашним скотом. Она предложила использовать чары Призыва.

Когда Руди объяснил, что уже осмотрел с помощью магии всю долину, перевал и берега реки в надежде отыскать заблудившихся животных, Хорнбим сказал:

— А матушка спрашивает, нельзя ли усилить действие ваших заклятий? К примеру, чтобы созвать лошадей и скот из Гая или ниже по реке из Виллочалда?

— Не знаю, — сказал ему Руди. — Но попытаться стоит. Если появится хоть пара овец, трава у нас найдется. А потом за сеном можно будет отправиться вниз по реке.

Энас Баррелстейв опять развопился по поводу того, что «нельзя выпускать мага из Убежища...»

«Неужто он и впрямь думает, что я брошу Альду и устремлюсь в погоню за Фнаком и его дружками?» — изумился Руди. Тем временем Хогширер убеждал всех вокруг, что отсутствие Руди ничего не изменит.

Вместе с Хорнбимом, его матерью, сестрой и зятем, а также лордом Бригом Руди выехал якобы на пикник. Он очертил самый большой круг из всех, которые создавал до сих пор, и присел на землю в изнеможении, когда вдруг услышал в своем сознании резкий ясный голос Вота:

— Посмотри в кристалл, глупый мальчишка!

Извинившись перед остальными, Руди отошел в сторонку, уселся и вытащил магический кристалл из кармана.

— Что такое? — А затем: — Господи, да что с вами такое?

— Я жив, — сказал Вот. Кровь заливала его лицо с горящими янтарными глазами.

В Геттлсенде только-только рассвело. За спиной у Змеиного Мага Руди заметил какие-то каменные арки и дымные факелы; маг находился в одном из залов Убежища Томока Тиркенсона. Над головой его парили шары магического света, отбрасывая жутковатые отблески на настенную роспись и отражаясь в глазах старого мага. Вокруг Руди заметил людей с оружием.

— На Убежище прошлой ночью напали существа, которых ты именуешь габугу, — объяснил колдун. — Точнее, не на само Убежище, а на жилища магов, которые, как тебе известно, пристроены к внешним стенам.

В Убежище Черных Скал Руди был в прошлом году. Оно было вдвое меньше Убежища Дейра и в очень плохом состоянии. Черные стены во многих местах пошли трещинами и были заделаны на скорую руку. После того, что им устроила аббатиса Джованнин Нарменлион, геттлсендские маги предпочитали жить не в самом Убежище, а снаружи, и Руди не мог их за это винить.

— Наши стены могли выдержать даже сильную бурю, — продолжил Вот, — но эти существа ломали окна и двери, как будто на

них не было никаких защитных чар. Мы оказались в ловушке, пока наконец кто-то не сумел предупредить стражников в Убежище.

— Что там такое? — Силия Хорнбим с луком в руке подошла к Руди, уставившемуся в свой кристалл. Маг резко махнул ей рукой, чтобы она шла прочь.

— Они были не одни, — ровным тоном продолжил Вот. — Я пытался предупредить Ингольда, но не смог пробиться сквозь серую завесу. Ты должен сообщить ему сам. Если он сейчас в Алкетче, то...

Недра кристалла затуманились. Руди попытался вновь докричаться до Вота, но не обнаружил ничего, кроме гудящей серой завесы.

— ...изменяются, — внезапно очень глухо послышался голос чародея в его сознании, — ... но ясно одно: они нападают лишь на магов, хотя готовы убить любого, кто попытается им помешать. Далеко отсюда, на дальней стороне Большого Сланча наши разведчики...

Голос опять угас, заглушенный серым туманом. Руди ждал. Ему показалось, что он слышит, как Вот повторяет:

— ... сланч... — А затем все исчезло.

«Изменяются», — подумал Руди. Но кто или что изменяется? Животные, которые едят сланч? Или что-то еще?

— Господин маг! — окликнул его Лапит Хорнбим, стоявший рядом с незаконченным силовым кругом, начертанным мелом, перемешанным с костяной пылью, пенамбрским серебром, свежей зеленой и сухой желтой травой. — Время идет, а вы сами сказали, что нужно спешить. Все в порядке?

— Да, — отозвался Руди. — Дайте мне еще минутку. — Но он был уверен, что не сможет связаться с Ингольдом без помощи си-

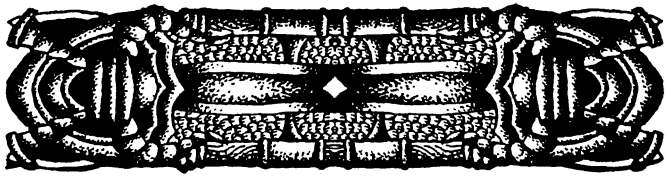
лового круга. Влияние ледяных магов ощущалось то сильнее, то слабее, но сейчас оно, похоже, достигло пика. Все же он попытался, — совершенно впустую.

Позже, когда круг, наконец, был закончен, — по предложению лорда Брига, Руди включил в Призыв еще и оленей, и диких кабанов, — он отошел на пару шагов и там создал второй круг, едва не лишившись сознания от изнеможения. А затем мысленно пытаясь отыскать Ингольда, позвал его по имени.

В недрах кристалла мелькнуло лицо старика, запыленное и усталое, словно он только что выдержал небольшое сражение. Глядя в кристалл, он беззвучно прошептал имя Руди. Похоже, он находился в какой-то долине, окруженной черными вулканическими скалами, окруженными засохшим тамариском. Джил сидела у него за спиной, опустив голову между колен.

А затем и эта картина исчезла.

Глава шестая

Толпа всегда нервировала Джил. За те пять лет, что она жила в Убежище и странствовала по обезлюдевшим землям, она успела позабыть, как сильно ненавидела большие скопления людей.

— Они это чувствуют, — мягко побранил ее Ингольд. — Твою злость и твой страх перед ними. — Он обнял Джил за талию, и ей сразу стало немного легче.

Южный квартал Кхирсита близ крепостных ворот, от которых дорога шла прямо в Хатиобар, — состоял почти из одних развалин: полуразрушенные церкви, особняки с провалившимися крышами и разрушенные склады вдоль улиц, где от мостовой давно уже ничего не осталось. Раньше Джил казалось, что в задних коридорах Убежища скверно пахнет, но здесь всю грязь жители вываливали на улицу, даже не пытаясь навести порядок. Не мудрено, что у них свирепствовали эпидемии!

Скорее стоило удивляться, что кто-то еще остался в живых. Не успели они с Ингольдом войти в ворота, как на них налетели полуголые детишки в лохмотьях, которые просили еды и денег, — и не только дети, но и женщины в поношенных платьях и грязных вуалях, держащие на руках младенцев, покрытых язвами с торчащими от голода ребрами. И повсюду вокруг: на приступках, у стен, у порогов домов сидели мужчины, — тощие люди с враждебными глазами.

— Они чувствуют твое презрение, — продолжил шепотом Ингольд. — Откройся вместо того, чтобы закрываться от них. Они всего лишь голодны и напуганы.

— И не они одни. — Все же Джил заставила себя расслабиться и погладила по голове хнычущую девчушку. — Мы тоже без денег, малышка... Нельзя ли тут кого-нибудь убить за полбуханки хлеба?

Девочка с удивлением посмотрела на нее и рассмеялась:

— Можешь убить Толстого Ростовщика!

Люди, взиравшие на них с балконов и с порогов домов, одобрительно закивали. Другой ребенок закричал:

— Можешь убить ведьму Хегду!

— А я вам дам свежую булку за этого старика! — прокричала молодая женщина без вуали и без передних зубов, задорно тыча пальцем в худощавого мужчину, стоявшего рядом, который добродушно расхохотался и ущипнул ее за грудь.

Ингольд закивал и погладил бороду с преувеличенным достоинством, изображая умудренного годами старца:

— Я сперва составлю список. Похоже, в этом городе для нас немало работы.

Правда, на самом деле за пару кусков хлеба, вино и сыр им пришлось таскать воду от общественного колодца, а затем скрести полы в таверне. Таверна находилась в квартале Арены, где дела обстояли чуть получше, чем у Южных ворот, но все же было полно пустующих зданий и домов, отмеченных желтым цветком чумы. У людей здесь было побольше денег, питались они сытнее, но все же в воздухе царило напряжение, ударявшее Джил по нервам.

— Думаю, придется оставаться здесь, пока в долине не прекратятся бои, — заявил

Ингольд, ставя флягу с кислым вином на стол у черного входа, за который их с неохотой усадил тавернщик.

Город Кхирсит лежал меж двух горных отрогов, словно жемчужина, зажатая в клешнях краба; на берегах озера, раньше представлявшего собой вулканический кратер с водой невероятно синего цвета. Гору, белевшую за желтыми и розоватыми городскими стенами, Джил сразу же узнала, ибо видела ее во сне.

Сайкотл Ксиам, Мать Зимы.

По пути сюда они с Ингольдом не видели ничего, кроме следов разрушения. От былых богатств Алкетча не осталось и следа. Им попадались селения, лежащие в развалинах, сожженные дотла враждующими армиями, уничтоженные дарками или чумой.

Военных отрядов им больше не встречалось до самой долины Хатиобара. Здесь горели Хишетские виноградники, и лишь благодаря чарам невидимости им удалось пробраться сквозь расположение войск Эсбошета, Ваира на-Чандроса и множества разбойничьих отрядов.

Сейчас по всему городу колокола звонили к вечерней молитве, перекликаясь на разные голоса, соотносившиеся с разными святыми. Путники помылись в ручье среди холмов прошлой ночью, но все равно выглядели сущими бродягами, и Джил осточертело сносить презрительные взгляды прохожих, которые не привыкли видеть женщин без вуали. В душе она гадала: чувствовала бы себя она точно так же, если бы лицо ее не было изуродовано шрамом? Гадая также, замечают ли эти люди мутации, которые наверняка происходили в ее теле. Дюжину раз не меньше она уже глядела на себя в зеркало, которое нашла в таверне, а до того — во всех отражающих поверхностях, которые попадались на пути. Не

было никаких изменений, — *пока что*... Так шептали ей голоса. Джил невольно поймала себя на мысли, что боится, не врут ли ей зеркала.

— Это ненадолго, — утешающее добавил Ингольд.

— Надеюсь, что так. — Джил обмакнула в вино кусок хлеба, намазанный мягким сыром. — Деньги у нас закончились, и не думаю, что мы сможем долго протянуть здесь, таская воду и скребя полы.

Ингольд широко раскрыл глаза с деланным недоумением.

— А я думал, мы с тобой начнем убивать людей за деньги. — Он глотнул вина и задумчиво нахмурился. — Наверняка что-нибудь придумаем. На самом деле, мне нужно только... Ага!

В наступивших сумерках в таверну повалили завсегдатаи, в большинстве своем — мелкие уличные торговцы и ремесленники, но также целая группа, освещенная ярким сиянием факелов: двое мужчин, окруженные женщинами без вуалей, в тонких ярких обтягивающих платьях с макияжем на лице и совершенно нелепыми в этой ситуации четками на шее, — а также служители-мужчины, одетые почти так же, как двое старших, то есть в кожаные штаны и жилеты из позолоченной кожи, украшенные самоцветами, и высокие позолоченные сапоги. Тела их были щедро умащены ароматными маслами.

— О, замри мое сердце! — пробормотала Джил.

— Гладиаторы, — с довольным видом прокомментировал Ингольд. — Только эти двое, конечно. А остальные...

— Собутыльники и поклонницы, — перебила его Джил со странным восторгом перед предсказуемостью человеческого поведения. — В моем мире они точно так же сопровождали

рок-группы. Ты хочешь сказать, что в то время как вся империя разрывается по швам, ее раздирает гражданская война и уничтожает золотая лихорадка, и бог весть что еще, люди по-прежнему тратят деньги на развлечения?

— Да, и больше, чем всегда, как мне кажется. — Ингольд прищурился, что-то прикидывая в уме. — Посмотри на их одежду. Такая же красная эмблема, как у людей Эсбошета, на спине и на рукавах. Наверняка, все гладиаторские команды выбирают себе покровителей среди принцев, бьющихся за власть в империи. Когда я был здесь сорок лет назад, сторонники команд устраивали целые бунты, убивая людей сотнями, и все из-за исхода очередного поединка. Я чрезвычайно рад их видеть.

— Ты знаешь этих парней? — С Ингольдом никогда ничего нельзя было предсказать заранее.

— Пока нет. — Маг допил вино и поднялся с места. — Но приятно видеть, что некоторые вещи не меняются.

Вместо того чтобы прямиком направиться к гладиаторам, — те обращались со своими поклонницами и служителями таверны в точности, как и предполагала Джил, — он взял свой дорожный мешок и выскользнул из таверны. Джил последовала за Ингольдом по пятам. В двух кварталах начиналась площадь, на которой стояло просторное приземистое здание со стенами, выкрашенными в ярко-желтый цвет, со множеством выбеленных известью колонн и ниш для святых изваяний. Люди теснились повсюду на площади, поднимая облака пыли, от которых у Джил першило в горле; воры, проститутки, продавцы наркотиков и сладких орешков, — все сновали здесь, торопясь заработать побольше. Факелы горели повсюду, бросая отблески на яркие шелка, на настоящие и поддельные самоцветы, на рас-

шитые вуали, на амулеты против демонов, нелепые шляпы и туфли с загнутыми носами, на напомаженные кудри и скверные парики.

Ингольд двинулся прямиком сквозь лес колонн, а Джил — за ним, расталкивая телохранителей богачей и тощих маленьких попрошаек. Вокруг доносился гомон голосов. Какая-то девушка в желтых шелках демонстрировала друзьям вуаль, окропленную кровью: «Думаете, у вас хорошие места? Наша ложа была так близко к арене, что когда Серый Кот перерезал глотку Дургану...»

Джил прошла мимо, и ее злость на девушку свернулась, словно черный платок в глубине сердца. Ей и самой доводилось убивать... Держась за край накидки Ингольда, она прошла в неприметную дверь, которую он с легкостью отыскал в стене здания. Дверь охранял рослый уродливый здоровяк со сломанным носом, вооруженный дубинкой, но Ингольд только щелкнул пальцами, и охранник чихнул так оглушительно, что даже отступил на шаг и не заметил, как мимо него прошел старик и девушка со шрамом.

В коридоре пахло дешевым маслом, потом и кровью. В приоткрытых дверях Джил заметила молодого человека в фартуке, как у мясника, который бинтовал ногу гладиатору; в боковом проходе двое работяг в кожаных набедренных повязках грузили трупы на носилки под монотонное гудение мух.

Среди мертвецов были не только женщины в ярких коротких платьях, чудовищно изуродованные и перепачканные кровью, но также и дети. Джил предпочла не задавать вопросов.

Ингольд направился прямиком в тренировочный зал. Одинокий гладиатор, красовавшийся перед отполированным медным зеркалом, раздраженно прокричал:

— Что здесь делает эта девица? Вон отсюда.

Джил не обратила на него внимания.

Ингольд, заглянув в комнатенку по соседству, окликнул человека, сидевшего за столом:

— Мне сказали, что я могу наняться у вас наставником фехтования.

Лысеющий мужчина сплюнул, глядя на седобородого старика в потрепанном заляпанном кровью наряде, с мечом в потертых ножнах.

— А не староват ли ты для такой работы, папаша?

Ингольд скромно кивнул.

— Я бы стал моложе, если бы мог.

Его собеседник вновь сплюнул.

— Как и все мы. — Он взял со стола деревянный тренировочный меч. Глаза его вспыхнули при виде Джил, и он, похоже, собрался что-то сказать, но затем покосился на Ингольда и передумал. Вместо этого он выкрикнул:

— Вепрь! Ваше Величество! Тащите сюда пару ламп!

Ингольд без труда получил работу, — и Джил это ничуть не удивило. Она билась с ним в паре, и тяжелыми тренировочными мечами, и настоящим оружием, которое сейчас магу пришлось использовать сперва против Вепря, а затем против Короля, затем против обоих разом... Она знала, что Ингольд — мастер своего дела. Вместе они сражались против Белых Всадников и бандитов... Внешность была обманчива. Когда маг скинул свой бурый плащ и закатал рукава, старший из гладиаторов сразу понял, с кем имеет дело, хотя у Вепря и Его Величества на это ушло чуть больше времени. Король, белый алкетчец, который не стал даже снимать ради поединка украшения и золотой парик, был очень рослым и тяжелее Ингольда на добрых восемьдесят фунтов и явно стремился выслужиться перед начальст-

вом. К тому же ему нравилось убивать. Ингольд отделался царапиной. Его Величество отправился в лазарет. Джил подумала про себя, что впредь от этого типа следует держаться подальше...

Всего в бараках гладиаторов они провели четыре дня, хотя в ту пору ей казалось — гораздо дольше, — но все же это было лучше, чем таскать из колодца воду. Невзирая на бесконечные сражения в долине Хатиобар, невзирая на сожженные деревни, грабительские налеты и разбой в городах, Джил чувствовала, что Ингольд, при желании, вполне мог бы добраться до Матери Зимы под покровом своих чар, если бы только пожелал.

Но он чего-то ждал. И потому она спокойно вела записи об истории и обычаях южных земель, помогала ему найти горшки, чтобы пересадить в них розы, буйно растущие за городом, и спала ночами в одиночестве, в окружении своих кошмаров.

* * *

«Я все делаю неправильно, — подумал Руди. Цилиндр наливался тяжестью у него в руке, отбрасывая мерцающие блики на черную поверхность просмотрового стола. — Я ведь совсем не это хотел увидеть».

И все же он продолжал смотреть, совершенно зачарованный.

В недрах Цилиндра отражалось Убежище Черных Скал. Сперва у Руди даже перехватило дыхание от ужаса: крепость Томока Тиркенсона была разрушена. Черные стены обвалились, крыша зияла дырами. Однако затем Руди осознал, что хотя горы, видневшиеся вдали, остались прежними, но сама земля вокруг изменилась. Вместо кактусов и зарослей сухого кустарника росли высокие тонкие терновые деревья и эвка-

липты. Трава покрывала землю... И нигде не было сланча.

«Прошлое? — подивился Руди. — Цилиндр явно был каким-то образом связан с воспоминаниями. — Или будущее?»

Картина затуманилась, затем он вновь увидал *ее*. Она шла, скрестив руки. Синие татуированные пальцы теребили полу темного плаща. Она находилась глубоко в недрах Убежища, проходя сквозь комнаты, которых Руди не узнавал. Колонны вытягивались здесь от пола до потолка, словно лес кристаллов, мерцающий бледно-фиолетовым и зеленым цветом.

Чуть дальше виднелось нечто похожее на гигантскую паутину, перемигивающуюся огонькаами, работа невообразимой сложности, произведенная магией, назначения которой Руди не понимал. Небольшое озерцо с темной водой вместо потолка странным образом отражало звездное небо.

Женщина провела руками над поверхностью воды и двинулась дальше.

— Мы проиграли, — сказала она человеку в окровавленных доспехах. — Наших сил оказалось недостаточно...

Руди видел их вместе, когда созерцал строительство Убежища. Лысая Дама с отчаянием взирала на окровавленного длинноволосого воина, который, — Руди сам не знал, откуда ему это известно, — потерял самое ценное, что у него было в жизни.

— Все это исчезнет, — говорила она. — И у нас не останется ничего... Мне очень жаль...

— Руди?

Он с трудом расслышал этот голосок у себя за спиной. С губ уже готовы были сорваться слова: «Погоди минутку, малыш», но тут Руди застыл, осознав, что происходит.

Вздохнув поглубже, он позволил образам в недрах цилиндра медленно угаснуть, затем вернулся мыслями к настоящему.

И еще один глубокий вздох.

Затем он обернулся.

Тир вошел в рабочий кабинет в своих залатанных штанах и курточке. Лазурные глаза неуверенно остановились на Руди и, судя по плотно сжатым губам, приход сюда дался ему очень нелегко. Он до сих пор злился, однако старался побороть это чувство.

В руке он держал какой-то сверток.

— Чем я могу вам помочь, принц Алтир? — Руди решил не фамильярничать и, заметив это, Тир тут же расслабился.

«Я понимаю, что ты больше не хочешь быть моим другом, и уважаю твой выбор», — мысленно произнес Руди, глядя в глаза мальчику, которого любил, как собственного сына.

Напряженным голосом Тир произнес:

— Руди, вот что я нашел сегодня в одной из крысоловок. Я подумал, что тебе нужно на это взглянуть.

И он положил сверток на просмотровый стол, а затем взобрался на стул, чтобы развернуть его. Глядя на то, как аккуратно движутся маленькие пальчики, Руди догадался, что Тир не хочет прикасаться к тому, что находится внутри.

— Ох, черт! — невольно он даже отпрянул. — Что за?..

Тир серьезно взирал на него своими серыми глазами. «Это глаза короля, — подумал Руди. — Короля, который видит, что его народ в опасности и идет за советом к местному магу. Несмотря на то, что этот маг повинен в гибели его друзей».

Крыса была величиной с небольшого терьера и совершенно деформированной, — ничего подобного Руди прежде не видел.

Он вспомнил, как Джил демонстрировала ему липкие изуродованные кости. Как Ледяной Сокол в лесу показывал на следы вокруг сланча.

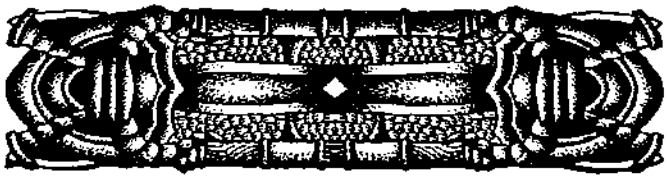
— Вот проклятье, — прошептал он.

Тир посмотрел на него и в свете этой общей внезапно свалившейся на них ответственности ледяная стена, разделявшая их, внезапно исчезла. По испуганному лицу мальчика Руди понял, что тот уже обо всем догадался, но очень надеялся, что ошибается. Однако, он был прав.

И с абсолютной уверенностью Руди объявил:

— В убежище появился сланч.

Глава седьмая

Его нашли две девочки с пятого северного яруса: в пустующей комнатенке, у задней стены. Сланч покрыл там уже почти всю свободную поверхность, включая потолок. Янус тут же приказал гвардейцам счистить эту дрянь лопатами, а Руди с интересом отметил, что сланч прилепляется лишь к дереву и штукатурке, но не может расти на камнях, из которых Убежище было сложено изначально.

— Обрушить потолок, — велел Янус, с прищуром глядя на грубые балки, указывавшие, что наверху имеются дополнительные хранилища. — Эти стены также придется снести. Биггар, пусть твои ребята сбегают вниз за бочонками.

— С вашего позволения, — торопливо заявил глава клана Биггаров, — я не потерплю, чтобы затем этот ворюга Энас вздумал брать плату за бочонки с меня.

— Иди с ним, Сейя, — велел Янус, который уже чудовищно устал от всех этих мелких дрязг. — Скажи Энасу, что это я просил, и у нас разрешение от ее величества. Устраивает? — саркастически осведомился он, и Представитель пятого северного яруса гордо распрямил плечи.

— Не нужно грубить, — пробормотал Биггар. — Я просто хотел, чтобы все было ясно с самого начала.

— Сдирайте всю эту дрянь, — Янус повернулся к своим гвардейцам. — И обрушьте все, что можно. Руди, что теперь делать? Сжечь?

Молодой маг поднялся на ноги. До этого, опустившись на колени, он разглядывал крысиный помет на полу. Размеры катышков внушали тревогу, и он невольно задумался, сколько же этих тварей снует сейчас по всему Убежищу.

— У Ингольда достаточно серы, так что мы можем сделать кислоту.

Гвардейцы тем временем обрушили центральную потолочную балку, и на пол обрушился целый дождь из крысиных скелетиков, полусгнивших корзин, циновок, старых тарелок и перин, в которых грызуны проели дыры и свили гнезда. Руди обнаружил сланч и на верхней стороне фальшивого потолка.

— Черт возьми, какая гадость!

Гвардейцы с факелами и световыми кристаллами прошли по всему пятому и четвертому уровню вместе с телохранителями и слугами лорда Анкреса и Скета. Руди это не понравилось, поскольку в душе его зародились некоторые подозрения, но когда он потребовал, чтобы обыск проводили одни лишь гвардейцы, лорд Скет возразил:

— Что, желаете теперь править Убежищем в одиночку, господин маг?

И, чтобы не подвергать Альду новым волнениям, Руди пришлось отступить.

Чуть позже он поговорил с ней об этом, глядя, как гвардейцы поливают кислотой яму, доверху заполненную сланчем. Там же до сих пор шевелились рассеченные на множество частей остатки одного габугу, которого Блокис Хант сумел загнать в угол и прикончить в одном из задних коридоров пятого уровня.

— Помнишь, все эти шепотки и шорохи за закрытыми дверями на пятом ярусе? — спросил он негромко, отворачиваясь, чтобы не дышать едким дымом, поднимавшимся от ямы. — И

о том, что говорила Джил по поводу цвета одежд этого чертового Святого Изобилия?

— Я спрашивала про Святое Изобилие у Майи, — сказала Альда. — Он сказал, что в канонах такого святого нет. Но в небольших селениях имеются свои собственные местные святые, о которых никто никогда больше не слышал.

— Может, и так, — хмуро кивнул Руди. Он хотел привалиться плечом к одному из двух железных столбов, венчавших холм, но в последний момент отпрянул. Именно к ним его приковали однажды холодной зимней ночью и оставили на поживу даркам, — воспоминание об этом было еще живо в его памяти. — Но я еще разок взглянул на эти изображения, и теперь понял, что не понравилось Джил в цвете одежд Святого Изобилия. Они того же цвета, что и сланч. А то, на чем он сидит? Мы еще смеялись, что это спагетти или свиные кишки... Но ведь это тоже похоже на сланч.

Он торопливо обернулся по сторонам, — нет ли рядом посторонних, а затем, взяв Минальду за руку, повел ее с холма по узкой тропинке, что вела мимо южной стены Убежища к яблоневой роще и могилам пастушат.

— Мне кажется, что в Убежище есть люди, которые выращивают сланч и едят его.

Альда отпрянула, вскрикнув от отвращения.

— Да как же...

Она осеклась. За те пять лет, что Джил с Ингольдом странствовали по разрушенным городам королевства, они рассказывали и куда более пугающие истории. Помолчав, она промолвила:

— Янус и гвардейцы все обыскали.

— Не только гвардейцы, но также парни Анкреса и Скета, и еще целая толпа народа, включая старика Гатсона и Энаса Баррелстейва, у которого по всему Убежищу разбросаны

тайники с зерном и мясом. Держу пари, что вокруг покоев лорда Скета осталось полным-полно неосмотренных комнат и коридоров. Там, где обитает Баррелстейв — то же самое. Там может прятаться все, что угодно.

Альда поплотнее запахнула плащ на худых плечах.

— Знаешь, они начали требовать назначения Регентского Совета, — промолвила она чуть слышно. — Лорд Анкрес и лорд Скет... То есть, на самом деле, леди Скет... И даже Майя. В Убежище неспокойно. Они говорят, что тебя нельзя близко подпускать к принцу Тиру.

Руди почувствовал, как волосы становятся дыбом у него на голове.

— Будь они прокляты! Если хотят схлестнуться с колдуном, то я им устрою...

— Все не так просто, — возразила Альда. Она отпустила руку Руди и теперь шагала вперед, обнимая себя за плечи. — Мне нужен Анкрес, и мне нужен Скет... Я нуждаюсь в их сторонниках и их влиянии. И мне нужно доброе расположение всех жителей Убежища. К тому же ты говоришь не всерьез о том, чтобы использовать магию против обычных людей. И вот еще что, Руди... Ты не можешь бодрствовать постоянно, а кое у кого здесь имеются яды, способные лишить мага силы...

Он молчал, и лишь пар от тяжелого дыхания белыми облачками срывался с губ. Руди понимал, что если начнется свара, то пострадавшей окажется Альда. Она потеряет Тира. А если раскол произойдет и среди гвардейцев, то будет потеряно и Убежище. Приближаясь к гибнущей роще и кладбищу, где погребальные стелы торчали из земли, словно тощие пальцы, он услышал голос Варкиса Хогширера:

— Не тревожьтесь, госпожа. Моя девоч-

ка быстро учится, и сила ее растет. Очень скоро она сможет сделать все, чего вы захотите...

Среди деревьев мелькнуло темно-красное платье и многоцветные вуали леди Скет.

Он медленно произнес:

— Так что же нам делать? Выжидать? Позволить этой дряни расти в Убежище? Клянусь, именно в этом причина, что я не способен связаться с Ингольдом, — мне мешает сланч. А чему он помешает затем? Проникнет в системы вентиляции? Или в водяные насосы?

Ему вспомнилась Лысая Дама, шагавшая по подземельям Убежища, мимо сверкающей паутины хрустальных колонн и переливчатого сияния. Магия окутывала ее. «Мы потерпели поражение...» Сидя на стеклянном черном возвышении среди незаконченных построек, она смотрела в глаза длинноволосому воину. «Мне очень жаль».

Но она ошибалась.

Она в слезах шла по залам Убежища, спускалась в подземелье все глубже и глубже, а слезы бежали у нее по щекам... «Все это исчезнет».

Но она ошибалась.

— Мы не можем бросить Убежище на произвол судьбы, Альда, — сказал он негромко. — Неважно, что там говорит Баррелстейв и его прихлебатели насчет переезда в Алкетч. — И пусть болван Фнак зовет их за собой... Хотя, возможно, сейчас он уже отправился с посланием к Праотцам Белых Всадников... Здесь — ответ, здесь — пища. Убежище было создано как приют и защита для людей вовеки веков, это наша единственная надежда, если только мы сможем разобраться... с тем, с чем необходимо разобраться.

Они снова поднялись на холм, откуда шла прямая дорога к леднику. На западе высилась махина Убежища с черными гладкими стенами, закрывавшая перевал Сарда.

Руди вновь вспомнил, как стоял прикованным на холме, в ночь, когда дарки проносились над миром безмолвной неумолимой чернильной рекой. В ту ночь Джил убила брата Альды на залитом лунным светом снегу. У него до сих пор бежали по коже мурашки при мысли о том, чтобы ночью оказаться одному под открытым небом.

И теперь он думал об этих столбах, о холме и о том, как выходит Убежище прямо на перевал...

«Для строительства у них была огромная площадь ниже по равнине. Зачем возводить его именно здесь?»

* * *

Образы пришли почти мгновенно. Как и прежде, Руди казалось, что он стал совсем крохотным и поместился внутри Цилиндра, а не просто держал его в руках, стоя на коленях у черных столбов.

Он видел ночь и растущую луну, похожую на кусочек меренги над ледниками, — в ту пору узкими, как лента, на горных хребтах. Густая трава под ногами поблескивала от росы. Ночь была теплой, и ароматы трав, воды, сосновых деревьев пьянили, как наркотик.

Все вокруг было иным. В долине звенели ручьи, переливавшиеся в лунном свете. На том месте, где сейчас было распахано поле, виднелись речушки и пруды, усаженные ивами и диким виноградом.

На том месте, где позже возникнет Холм Казни, сейчас была ровная площадка со скошенной выжженной травой, рассыпанной в смеси с песком по широкому кругу. На границе окружности мелькали колдовские огоньки, указывая на наличие ограждающих чар. Также в песке был какой-то рисунок, — три длинных линии,

сложным образом переплетенных между собой. В древнейших книгах их называли Путями. На местах пересечения линий горели огни.

Он видел все это также ясно, как и сегодняшнюю реальность, — даже трудно было отличить одно от другого.

В защитном круге на коленях стояла Лысая Дама. Судя по пассам, которые она творила, Руди понял, что она творит ритуал очищения, символизирующий конец обряда. На ней было тонкое платье-футляр, как и в прежних видениях, а поверх него — накидка без рукавов. Когда она поднялась с колен в окружении угасающих огней, Руди увидел, что она очень молода.

Даже моложе, чем он сейчас.

Она обернулась, словно внимание ее привлек какой-то шум в глубине леса, и неощутимый для Руди ветерок принялся трепать ее мерцающую вуаль. Прямые темные брови озадаченно приподнялись и, взглянув в ту же сторону, Руди увидел какую-то бледную призрачную фигуру среди деревьев.

Сперва он подумал, что это дуик. Но затем понял, что существо обликом своим напоминает человека, — обнаженного, безволосого, с крохотными, несформировавшимися ручонками, закрывающими от лунного света огромные глаза. Существо уже хотело убежать, но тут Лысая Дама протянула к нему руки, посылая призрак в ночную тьму... *Безопасность. Мир. Добро.* Чары были столь мягкими и сильными, что если бы Руди мог, он и сам устремился бы к ней сквозь Цилиндр.

Подобрав юбки, женщина двинулась по лугу к незваному пришельцу.

Продолжая плести свои чары, — полная уверенности в собственных силах и в своей власти, — она протянула руку к жалкому бледному созданию. Но когда тот оказался перед

ней, — с исцарапанными, окровавленными руками, открытым крохотным ртом и беспомощно моргающими огромными глазами, — Руди понял, кто перед ним.

Это был один из людей-скотов, существо человеческого происхождения, которых дарки выращивали в своих подземных пещерах на протяжении тысячелетий ради пищи.

Долгое время Руди сидел у черных столбов на холме, раздумывая над теми картинами, которые явил Цилиндр. «Наших сил оказалось недостаточно, — так она сказала. — Все это исчезнет».

Он вспомнил ее лицо, старое и усталое до предела. Вспомнил слезы на ее лице, и то, что даже в слезах она держалась, как королева.

Ее тайна по-прежнему хранилась здесь, какой бы она ни была, — запертая в недрах Убежища.

Когда Руди поднял глаза, ночная тьма видений сменилась дневным светом, и он увидел Скелу, возможную преемницу Лысой Дамы, которая, взмокнув от пота, карабкалась на холм с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах и влачащего непосильное бремя ради всеобщего блага.

И вновь он заметил, какие у нее неестественно пухлые щеки, и как туго натягивается слишком дорогое платье на груди и на бедрах. Ворует еду? Или Хогширер теперь стал лучше кормить дочурку из своих тайных припасов?

Внезапно Руди похолодел от ужаса. А вдруг Хогширер каким-то образом наткнулся на древние пищевые запасы и теперь пожирает их вместо того, чтобы оставить на всходы?

«Не глупи! Если уж ты сам не способен превратить эти картофелины из камней в нормальную еду, то Скеле и подавно это не удастся».

Остановившись в десяти футах от мага, девчонка внезапно вытянула руку и швыр-

нула в него какую-то вещь. Руди едва успел подхватить ее и не дать разбиться.

— Ради всего святого, Скела! У нас их и без того мало, и...

— Не работает! — завизжала она. — Этот дурацкий дешевый нелепый горшок не работает! И мне плевать, если он разобьется! Я все делаю правильно! Я знаю, что все делаю правильно!

«Ага, и ты до ужаса талантливая и красивая, если верить твоему папочке...» Однако, Руди прикусил язык, заглушил гнев и крепче сжал драгоценную фарфоровую чашу для заклинаний в своих руках.

— Верно. Но какой смысл злиться на чашку? — ласково спросил он, глядя в щекастое раскрасневшееся злое лицо. — Дай-ка я попробую. — Он произнес над чашей Имя Воды. — Ты занималась?

— Конечно, я занималась этой дурацкой медитацией, — завопила она. — Папа меня все время заставляет, на много часов дольше, чем ты велел. И все равно не работает! Это глупо! Ты мне солгал! Все мне лгут!

— Не так быстро, дитя. — Хотя он и сознавал, что ее используют против него, все же Руди было жаль эту девочку. Еще бы, жить с таким папашей... Ему невольно вспомнился тот лысый фашист, учитель математики, пытавший его у доски. «Ну что, синьор Солис... Весь класс занимается по одному и тому же учебнику, но проблемы почему-то возникают у вас одного. Почему, как вы думаете?» Если бы он знал — почему, хотелось сказать Руди, то понял бы и все остальное. Но он не понимал даже то, чего именно не понимает...

Внутри чаши уже начала скапливаться вода. Он вылил ее на землю, вытер сосуд уголком куртки и произнес:

— Послушай, если будешь продолжать, то, клянусь, все получится.

— Вам легко говорить! — Она отвернулась от него.

— Магия быстро не приходит. — Он осторожно уложил чашу в карман куртки, Цилиндр — в другой и поднялся на ноги. — Видит Бог, я не так уж много знаю про магию. И почему вообще появляются люди, способные что-то менять в окружающем мире одной силой воли... И почему у одних это получается лучше, чем у других. Когда вернется Ингольд...

— А что Ингольд? — Со злыми глазами она обернулась к нему. — Все, на что он способен, это убивать...

И застыла, глядя куда-то поверх плеча Руди с ужасом и изумлением на лице. Руди пригнулся, схватил Скелу за руку и толкнул вперед, а затем сам понесся следом. Он даже не стал оборачиваться, ибо и без того знал, что увидела она за спиной. Однако, Скела запнулась, наступив на подол платья, и когда Руди остановился, чтобы поддержать ее, ему все же пришлось взглянуть назад.

Он был уверен, что там — габугу, но таких увидеть не ожидал.

«Мутировали еще сильнее? Или это новая, улучшенная модель?» Он не знал. Сходство с прежней двуногой фигурой исчезло, если не считать длинных рук с жадными пальцами и длинных ног, начинавшихся от плеча. Рыбообразные тела были сплошь покрыты наростами и бородавками.

И они были огромны. Слишком велики, чтобы справиться с ними мечом. В один прыжок они покрывали не меньше двенадцати футов. С криком: «*Беги*!» Руди толкнул Скелу по направлению к Убежищу, сам обернулся, вскинул посох и выкрикнул Имя Молнии, метя в то место,

где должно оказаться одно из существ, — ибо не знал Истинного его имени.

В воздухе послышался треск. Вспыхнул слепящий белый свет, и Руди вновь пустился бежать, стремясь укрыться от скачущих тварей, нагонявших его с чудовищной быстротой. Что-то с жужжанием вылетело из леса и вцепилось ему в ногу в тот самый миг, когда он, обернувшись, еще раз выстрелил огнем по ближайшему габугу, на сей раз метко угодив в цель. Затем стальным полумесяцем на конце посоха он срезал тварь, присосавшуюся к ботинку. Бегом спускаясь с холма, Руди внезапно услышал крик падающей Скелы. Обернувшись, он увидел, что чудовище нагоняет ее...

...и перескакивает через упавшую девчонку, даже не замедлив хода.

Скела вновь завизжала, свернувшись в клубочек и зажимая голову руками. Руди вновь выкрикнул Имя Молнии, целя в двух оставшихся габугу. На сей раз выстрел оказался удачным. Пурпурно-белая стрела пронзила ближайшего монстра, подобно копью, и ошметки горячей плоти разлетелись во все стороны. Второй даже не остановился. Руди тоже не думал останавливаться, и понесся к дверям Убежища, словно за ним гнались все легионы Ада, да, в общем, так оно и было. Из леса донеслись вопли и проклятия, и кто-то выстрелил в габугу из лука, — совершенно бессмысленное действие, хотя стрела и попала точно в цель, — и краем глаза Руди увидел, что Ланк Яр со своими охотниками спешит ему на помощь.

Он сбежал по ступеням Убежища, откуда уже высыпали гвардейцы с мечами наголо.

— Внутрь! — Гнифт схватил его за плечи и швырнул в проход. Обернувшись, Руди увидел, что габугу взлетает по ступеням, словно

гигантская смертоносная птица. Гвардейцы, крестьяне и охотники набросились на нее с трех сторон. Следом из леса поползли и другие твари, некогда бывшие животными и еще сохранившие внешность крыс и росомах. Мутанты набрасывались на гвардейцев, пытались проскользнуть мимо и вцепиться в Руди... Вскоре ступени и путь к воротам оказались залиты кровью и усыпаны подергивающимися белесыми конечностями и головами. Длиннопалая рука габугу ползла по земле к Руди, словно обезумевший паук, невзирая на то, что Сейя топтала ее ногами и давила каблуком. В конце концов гвардейцы отрубили все семь или восемь пальцев, которые теперь лежали, словно издыхающие черви, вокруг сворачивающейся и разворачивающейся ладони.

Руди стоял у внутренних ворот, борясь с головокружением. Он недоедал последние дни, а заклятье Молнии истощило последние силы. Перед глазами все мутилось. Когда он смотрел на останки мутантов, крохотные пасти на отрубленных щупальцах до сих пор продолжали жадно причмокивать.

Какая-то тень у внешних ворот... Руди прищурился, пытаясь сосредоточиться. Это была рыдающая Скела с лицом, перепачканным грязью и травяным соком. Она поддерживала длинную разорванную юбку, которая могла бы стоить ей жизни, если бы не...

«Но что она сделала?»

— Что ты сделала? — спросил ее Руди, выйдя навстречу и заводя девочку в Убежище. — Как тебе удалось их отогнать?

Она потрясла головой, слишком напуганная, чтобы лгать.

— Я ничего не делала! — Она всхлипнула. — Один из них на меня наступил, смотри!

— Но они же тебя не убили. — Руди

вновь посмотрел на ступени, откуда гвардейцы сгребали в кучу останки мутантов. Хватит ли им кислоты, чтобы уничтожить все это? И откуда брать серу, когда кончатся запасы? Нести ее в карманах из Гая?

— Эти твари убивают магов, дитя, — пояснил он изумленной Скеле. — Они напали на Убежище в Геттлсенде. Кажется, они следили за Вендом и Илайей... Так почему они не тронули тебя?

На лице девочки заиграла самодовольная усмешка.

— Хотите сказать, что у меня есть какая-то магия, о которой я сама не подозреваю? Нечто такое, чтобы отогнать этих тварей?

— Похоже на то, — подтвердил Руди. У него появилось сильное желание отшлепать эту дуреху.

— Вот видите! — Варкис Хогширер протолкался к нему сквозь толпу гвардейцев, обнял дочь и прижал к себе. — Видите, мастер Всезнайка! Теперь-то вам придется учить ее по-настоящему. — Он стиснул Скелу в объятиях, а затем вдруг уставился на Руди с сердитым видом. — Я так и знал, что моя девочка поставит вас на место. Она сможет защитить нас от этих монстров. Ведь это она спасла вам жизнь. *Спасла вам жизнь*, понимаете? А может, и жизни всех...

— То, что они на нее не напали, еще не означает, черт возьми, что она способна их убить, — отрезал Руди. — И она не спасала мне жизнь... Она вообще ничего не делала. Эти твари убивают магов...

— Хотите сказать, моя дочь не маг? — яростно взревел Хогширер. — Вы завидуете, вот и все. Завидуете той власти, которую она получит со временем. Хотите ее принизить! — Он покровительственно обнял дочь, и вдвоем они направились к ожидавшим их Кораму Биггару и леди Скет.

— Какая наглость, — пробормотала леди Скет, по-матерински обнимая Скелу. — Ты ему еще покажешь, дитя. И ни слова ему ни говори о том, как ты это сделала... — Их голоса постепенно затихали в недрах Убежища. — До тех пор, пока он не начнет обращаться с тобой...

— Хорошо. — Через плечо девочка обернулась на Руди. В глазах застыли неуверенность и страх.

Тем временем на ступенях люди разглядывали изуродованных животных. Молодой маг первым делом проверил свой прокушенный ботинок, чтобы убедиться, не прокусила ли тварь кожу, — он помнил слова Ингольда о том, как могут быть ядовиты эти мутанты.

Но по счастью, на порванных штанах крови не было. Руди вздохнул и вытащил из кармана фарфоровую чашу.

«*Хотите сказать, моя дочь — не маг?*»

Задумчивый и очень взволнованный Руди медленно вернулся в свой рабочий кабинет, гадая, не могут ли его предположения оказаться правдой.

* * *

Ночью Руди уселся перед просмотровым столом с архивными кристаллами и записками Джил в поисках всего, что относится к Лысой Даме.

Всего на двух кристаллах она появлялась шесть раз. Любопытно, что на одной из тех записей, где маги демонстрировали всевозможные приемы, и Лысая Дама также показывала свое искусство, они с Ингольдом так и не смогли опознать это заклятие, — она казалась моложе, Руди даже спросил у своего наставника, не были ли то чары возвращенной юности, но Ингольд покачал головой.

— Когда я был моложе, то для подобной демонстрации тоже выбрал бы самые сложные заклинания. Но когда становишься старше, то понимаешь: базовые фигуры — самые важные. Пока не выучишь их как следует, невозможно продолжать учебу. Все последующие чары в противном случае будут ослаблены.

На одном из кристаллов была запись, как чародейка излечивает подростка от безумия. Джил утверждала, что это истерический припадок. Руди видел, как мягко и терпеливо, с невозмутимым спокойствием действует Лысая Дама. Четыре показа из шести происходили в одном и том же помещении, — в комнате, выходившей в сад, с высокими окнами и полками, заставленными архивными кристаллами и книгами.

В «последних кадрах» Лысая Дама также находилась в этой комнате. Она сидела за столом перед большой золотистой сферой и что-то с жаром объясняла, взирая на зрителей глазами цвета морской волны. К несчастью, как и на всех прочих записях, здесь не было звука.

За окнами царила тьма. Комната была озарена колдовским сиянием, и в золотистой сфере, изображавшей, как видно, некий участок космоса, сверкали звезды. Женщина вращала различные окружности, указывая на орбиты комет.

При этом она что-то объясняла, жестикулируя длинными тонкими пальцами, а в глазах ее стоял страх.

«Это важно», — умоляли глаза цвета морской волны.

«Вы должны мне поверить».

«Вы должны поверить».

Она подхватила серый шелковый шарф, тонкий, как струйка дыма, и провела им между двух окружностей, что-то демонстрируя.

«Вы должны мне поверить».

«Я вам верю, — беспомощно подумал Руди. — Я бы поверил, если бы мог понять».

Запись кончилась, и он молча уставился на погасший кристалл.

И внезапно подумал: «Цилиндр посреди этого стола такой же, как Цилиндр, который Ингольд нашел в Пенамбре».

И как он мог не заметить этого раньше?

Он вытащил пенамбрский Цилиндр из кармана куртки и установил его на просмотровом столе. Очертания двух фигур в точности совпали.

«Черт возьми!»

Руди поднялся с места, разминая затекшие мышцы. Им овладела невероятная усталость, и больше всего хотелось прилечь и отдохнуть. Он чувствовал голод, но не такой сильный, как неделю назад.

«Это плохой признак».

Он заставил себя подойти к шкафу, развеял защитные чары, положил на место архивные кристаллы. Кажется, на то, чтобы восстановить заклятие, у него ушло больше времени, чем обычно.

Затем, выглянув в комнату стражи, как и надеялся, он обнаружил там Ледяного Сокола, который тренировался метать ножи, используя в качестве мишени Мелантрис, которая начищала воском пояс и ножны.

— Опять промазал, — заявила женщина, нагнувшись к очагу, чтобы зачерпнуть еще немного растопленного воска, в то время как кинжал Ледяного Сокола вонзился в стену в том самом месте, где была ее голова еще секунду назад.

Неплохо, учитывая, что в комнате царил полумрак... Вытащив нож, Мелантрис рукоятью вперед вернула его Ледяному Соколу. Стена была испещрена отметинами, как старыми, так и совсем новыми.

— А сколько времени нужно животным, чтобы вернуться в леса после ледяной бури?

— Иногда пару месяцев. — Не оборачиваясь к Руди, Ледяной Сокол метнул в него нож, и тот воткнулся в притолоку двери в шести дюймах от его носа. — Иногда целый год. Трава еще только-только показалась, хотя вчера я нашел грибы. Ягоды все погибли, и орехи тоже. Чем мы можем помочь тебе, шаман?

— Можешь прекратить маяться дурью. — Руди бросил Ледяному Соколу его нож. — Я хочу, чтобы кто-нибудь пошел со мной на прогулку.

* * *

Подобно Ингольду, Руди давно привык ходить по Убежищу самыми тайными дорогами, используя неосвещенные задние лестницы, длинные темные коридоры, ведущие вдоль внешних стен...

Пять лет Убежище представлялось ему самым надежным местом на свете. Но теперь мрак, полный тихих шорохов и шепотков, пугал Руди, и он был готов встретить опасность за каждым углом, то и дело гадая: чудится ему, или он и впрямь ощущает повсюду сладковатый запах сланча, и буквально на самом шагу встречались изваяния Святого Изобилия, а стоит отвернуться, как он чувствовал на себе чужие враждебные взгляды.

Угловая комната, где Джил с Минальдой отыскали просмотровый стол, находилась на третьем южном ярусе.

Сюда, похоже, никто не заходил с тех пор, как они с Ингольдом во главе небольшого отряда гвардейцев выкатили стол отсюда и переместили его в рабочий кабинет Руди.

Оставив Ледяного Сокола в коридоре, Руди встал на то самое место, где прежде находился стол, держа в руках Цилиндр. Он

вдохнул воздух, затем выдохнул и вошел в легкий транс.

Вдох, выдох...

Потянуться к источнику энергии...

Вдох, выдох... Воспоминания...

И вновь у него возникло ощущение, словно он переместился внутрь Цилиндра подобно пузырьку воздуха в стекле. Лысая Дама находилась совсем одна в своих покоях, а за окном стояла ночь.

Однако, в комнате не было света, лишь слабое, непонятно откуда идущее мерцание слегка развеивало мрак. Слышался треск сверчков и цикад. Где-то вдалеке, звякая колокольчиками, проезжали повозки. Лысая Дама склонила голову. Руди заметил на другом конце комнаты низкую лежанку, на которой лежало стадное создание. Дыхание его было прерывистым, взгляд — затуманенным. Крохотные ручки беспокойно прикасались то ко рту, то к волосам.

«Оно умирает», — невольно подумал Руди.

Он вспомнил, как встречался с одной девчонкой, когда ему было лет пятнадцать-шестнадцать. Как-то раз он прогулял школу и пришел к ней домой, — и, заглянув с улицы в комнату, обнаружил в грязной клетке умершего от голода попугая. Похоже, никто в доме несколько дней не кормил бедную птицу.

Руди тут же ушел: ему все стало ясно.

Стада питались мхом, — вспомнил он. — Мох не рос на поверхности... У подножия постели стояли подносы с хлебом, ломтиками фруктов, мясом и молоком, — тщетная попытка найти подходящую пищу, чтобы сохранить жизнь несчастному созданию.

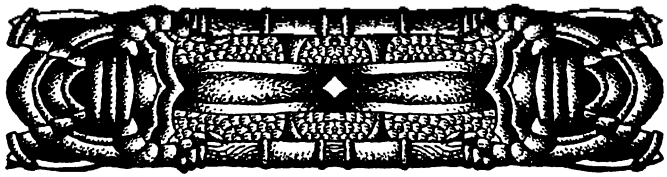
На глазах у Руди оно сделало последний вздох и больше не шевелилось. Лысая Дама оглянулась и закрыла глаза. На лице ее отразилась жалость, сочувствие и страдание, а также не-

выносимое сознание того, что она ничем не смогла помочь. Она сделала все, что было в ее силах.

Но это оказалось напрасным...

Она набросила на золотистую сияющую сферу, стоявшую на столе, свой серый шелковый шарф, приглушивший сияние, словно облачко пыли, а затем поднялась на ноги и подошла к окну. Она была еще очень юной и держалась, как королева, но лицо теперь стало совсем другим, и трудно было вынести взгляд темных печальных глаз.

Тот же взгляд Руди видел у Ингольда. Она обрела знание, которое теперь была бы рада забыть, видела то, чего видеть не хотела. Закрыв глаза, она стиснула кулаки и медленно, яростно застучала по безупречно белой стене, — как будто это могло изменить грядущее... Чуть погодя, она вернулась к столу, уселась и, опустив голову, залилась слезами.

Глава восьмая

Гвардейцы-фехтовальщики, наемники и прочие профессиональные воины всегда были рады новым наставникам и новым приемам ведения боя. Поэтому в гладиаторских бараках к Ингольду все вскоре прониклись уважением. Как только мужчины привыкли к присутствию Джил, — выяснилось, что алкетчцы вообще чувствуют себя очень неловко, появляясь полураздетыми в присутствии женщин, — она тоже стала принимать участие в тренировочных поединках и узнала для себя много нового. Кроме того, она научилась, как обращаться с мужчинами, недовольными женским превосходством и желающими преподать ей урок... И все же двое из них, — Вепрь и весельчак-островитянин по прозвищу Котенок, — восприняли Джил как равную и с удовольствием занимались с ней.

Джил и Ингольд прибыли в город под самый конец Игр Пересмешника, посвященных одному из тридцати тысяч загадочных местных алкетчских святых и оплаченных военачальником Ваиром на-Чандросом, — ему это стоило несколько сот тысяч серебряных монет. Об этом немало болтали в бараках гладиаторов, где пришельцам с севера также удалось получить комнаты стараниями все того же Вепря, здоровяка с длинными висячими усами. Его имя читалось как «Бизжек» на языке хуатан, — но это слово произносилось почти как ха'альское название баклажана — «безжиик», — и уже на следующий день

Джил с Ингольдом стали называть его Баклажаном, как делали все остальные на протяжении многих лет. Ниниак, одиннадцатилетний воришка, живший с ними по соседству вместе со своими младшими братьями и сестрами, рассказал Джил, когда они тащили воду из ближайшего источника, что Ваир на-Чандрос пытается подкупить население после того, как насильно заставил стать своей женой дочь прежнего императора Йори-Эзрикос.

— Она разослала письма ко всем другим полководцам и вельможам в королевстве, предлагая взять ее замуж, но на-Чандрос встал лагерем под городскими стенами и заявил, что поубивает всех претендентов. — Рассказав все это, мальчишка засунул в рот очередную порцию жевательной смолы. Здесь все до единого жевали смолу, за исключением самых высокопоставленных вельмож, куривших опиум в таких количествах, что смутили бы даже китайских мандаринов девятнадцатого века.

— Эсбошет, который в родстве со старым императором, предложил Йори-Эзрикос жениться на каком-то своем племяннике. Жаль, она этого не сделала, тогда все жили бы долго и счастливо, и не было бы этих войн.

Мальчишка пожал плечами. Во времена дарков ему было лет шесть. Он пережил четыре больших войны, эпидемию и пожар, уничтоживший добрую четверть города; едва ли он вообще помнит, каким был мир в прежние времена.

Джил чувствовала себя очень старой и, — со своей нелюбовью к толпе и жаждой одиночества, — ужасно провинциальной.

— Хотя, вообще не вижу, в чем беда, — насмешливо продолжал мальчуган. — Неважно, за кого она вышла замуж... Все равно страной будут править полководцы. Я и сам с радо-

стью бы женился на ней и поселился во дворце, ел бы мясо каждый день и выполнял все, что мне скажут.

Джил доводилось встречать Ваира На-Чандроса, когда он во главе алкетчского войска пытался завоевать Дарвет, а потому у нее было собственное мнение по поводу всего происходящего, но она держала его при себе. Что касается Ниниака, то он назначил себя покровителем Джил, и даже подарил ей жестяную ловушку для демонов — филигранный шарик с кусочком цветного стекла внутри, а также пару низок священных бусин. Невзирая на то, что Джил была вооружена, он всегда проходил первым по лестницам и узким городским проулкам. Еще бы, — ведь он же мужчина. Может, он и бегает босиком, но зато в его имени есть почтительная диакритика.

Конечно, он должен повсюду идти первым.

Джил улыбнулась. По крайней мере, Ниниак не замечал в ее внешности ничего подозрительного... хотя откуда ему? Он ведь и женщин-то без вуали почти никогда не видел.

Она гадала, что заставляет Ингольда задерживаться в Кхирсите. Конечно, они очень устали за время этого путешествия, хотя летом еда была в городе не в изобилии, но гладиаторы отнюдь не бедствовали. Несмотря на то, что каждый день по восемь-десять часов Ингольду приходилось проводить тренировочные бои, — выглядел он куда лучше, чем когда они пробирались по истерзанным войной и голодом землям Алкетча. Раны на его спине и на руках заживали, оставляя алые рубцы среди куда более старых шрамов. С невозмутимым видом, босыми ногами упираясь в песок, он стоял на арене и зачастую вообще не обнажал клинка до конца поединка и ограничивался лишь тем, что без труда уходил от выпадов и отпускал сдержанные комментарии.

Похоже, он вовсю наслаждался жизнью. Для него это было чем-то вроде каникул. Он отдыхал, собираясь с силами перед встречей с ледяными магами. Джил помнила о них постоянно. Она боялась спать, ибо сны ее превратились в кошмары и порой преследовали даже наяву. Но, должно быть, это яд так действовал на нее, — она чувствовала постоянную усталость и засыпала, невзирая ни на жару, ни на окружающий шум. Дремала она даже днем, прикрывая деревянные ставни, ведущие на галерею, — в комнате можно было задохнуться, но из осторожности Джил не могла оставить окна открытыми. Во сне она видела озеро с поднимающимся над ним туманом и слышала пение ледяных магов, плетущих свои чары.

Порой она понимала, что они поют, и просыпалась, задыхаясь от страха... И видела перед собой Ингольда, который сидел у полуоткрытых ставен и смотрел на звезды.

На следующий день после окончания Игр Пересмешника донесся слух, что армия Эсбошета пойдет приступом на стены Хатиобара. Джил и Ниниак отправились в квартал Южных Ворот и там уселись на парапет с видом на озеро Нихей и золотисто-зеленые поля. Никаких войск не было и в помине. Люди Ваира На-Чандроса ждали сражения на борту золотисто-черных кораблей, увенчанных главой феникса, с развевающимися священными знаменами, а сам полководец ненадолго появился перед армией в своем знаменитом плаще из павлиньих перьев, но к тому времени зеваки уже заскучали и начали расходиться.

На крепостных стенах при виде очертаний увенчанной белоснежной шапкой Матери Зимы Джил почувствовала странную слабость и беззащитность. Во время путешествия на юг Ингольд рассказывал ей об усыпальницах, расположенных в ущельях у подножия горы, и гово-

рил, что в большинстве своем некрополь расположен параллельно подножию, но один из каньонов ведет прямо в недра ледяной твердыни.

Однако когда они с Ингольдом появились в долине, в некрополе вовсю шли бои, и пришлось свернуть в город. Джил гадала, каким образом Ингольд намерен попасть туда и отыскать пещеру ледяных магов.

Наверняка, вокруг полно сланча, а значит, и сланчевых монстров. Против них любые чары бессильны.

Издалека она видела черные контуры деревьев, отмечавших вход в город мертвых, и полуразрушенные обелиски, статуи и погребальные стелы. Она спросила:

— Скажи, Ниниак, а не был ли один из ваших императоров слепым?

Мальчишка пожал плечами.

— Откуда мне знать. — Он сидел на уступе стены, беззаботно болтая ногами на высоте в двадцать пять ярдов. — А тебе-то что до этого?

— Я слышала легенду, что на одной из усыпальниц, вон там... — Джил указала в сторону горы, — ...есть статуя, изображающая короля без глаз. Мне было интересно, кто он такой.

— А, вот ты о чем. — Ниниак по пути сюда ухватил у торговца горсть фиников, один заботливо предложил своей спутнице, а теперь поедал остальные. Что ни говори, а мужчине нужно поддерживать силы.

— Ты о нем что-то знаешь? — Джил с удивлением покосилась на воришку.

— Еще бы! А точнее сказать, о нем знает старый Хейст. Хейст — это калека. Он просит подаяние у статуи святого Текмара, — это на южной стороне Арены.

Ниниак сплюнул финиковую косточку вниз со стены и проследил за ней взглядом.

— Хейст раньше грабил могилы, пока его не поймали гвардейцы епископа. Но он все время болтал о всяких королях, как будто они его семья. Но вообще все знают про могилу Слепого Короля. Это вон в том, третьем, ущелье... Видишь? Оно разделяется надвое, и если дойти до деревьев, а затем свернуть налево, то между двумя старыми колоннами будет дверь. Это и есть усыпальница Слепого Короля. Хейст говорит, что там, внутри, его статуя. Он сидит на троне, а у его ног лежит собака. Но это плохое место, и, к тому же, там уже давно разграбили все, что можно.

Он пожал плечами и выплюнул еще одну косточку.

— Твой старик, он меня спрашивал об этом вчера. Он сумасшедший? — небрежно осведомился он без особого интереса.

Джил ненадолго задумалась.

— Не думаю, — сказала она, наконец. — Хотя тут я, пожалуй, в меньшинстве.

«Нас таких всего двое, — подумала она. — Или трое, если Альда в хорошем настроении».

Ниниак засмеялся.

— Странно ты говоришь. Что такое меньшинство?

— Маленькая группа людей. Если пять тысяч человек считают Ингольда сумасшедшим, и только я и еще один парень уверены, что он в своем уме, то мы — меньшинство. Пойдем, — предложила она, завидев, что один из патрульных на стене направляется в их сторону. Почему любой мужчина автоматически решал, что тощая, некрасиво одетая женщина с лицом, изуродованным шрамом, которая ни на кого вокруг не обращала внимания, является проституткой лишь на том основании, что она не носила вуали, — было для нее великой загадкой. Но все происходило именно так. Причем большая часть на-

чинали вести переговоры именно с Ниниаком, а не с ней самой.

Она протянула руку, чтобы помочь мальчишке спрыгнуть с парапета, и тут услышала хлопанье крыльев в тростниках у озера: утки, лебеди и цапли внезапно устремились в небеса.

«Значит, они все же решили напасть...» — подумала Джил.

В следующий миг стена под ее ногами сильно качнулась, и мальчишка наверняка свалился бы вниз, если бы она не схватила его за руку. Патрульный выругался, а Джил стащила Ниниака на землю, зная, что грядет ударная волна.

Волна оказалась несильной, не больше пяти баллов, но у Джил похолодело сердце. На улицах внизу послышались вопли, проклятья, женский крик, — нервы у людей были напряжены до предела. Церковные колокола зазвонили повсюду в городе. Затем Джил ощутила запах дыма и выругалась. Жаровня или лампа, — все эти жилища вокруг были построены столь ненадежно, что при землетрясении могли рассыпаться в прах. Одна из церквей также обрушилась вместе с соседними домами.

Какая-то женщина с истошными воплями рылась в грудах камней.

— Проклятые ведьмы! — испуганно закричал Ниниак.

— Что? — изумилась Джил.

Он посмотрел на нее, как на идиотку.

— Ведьмы. Они всю зиму устраивают землетрясения. Землетрясения, голод и...

— С какой стати ведьмам устраивать землетрясения? — переспросила Джил. — И голод тоже?.. — Она решила не вдаваться в подробности, с какой стати магам устраивать извержения вулканов по всему миру... Тем более, что сейчас речь шла явно об обычных людях. — Я хочу

сказать... ведь если начнется голод, ведьмам тоже придется несладко.

— Ничего подобного! — Ниниак негодующе посмотрел на нее. — Они ведь *ведьмы*! Демоны будут приносить им еду. А делают они это потому, что они злые. Как эта ведьма Хегда, которая живет у Медного рынка. Из-за нее в городе столько крыс. Она заключила союз с демонами. Они стоят за всем этим потому, что они всех ненавидят... Это они разбудили дарков. Пойдем, — добавил он, сбегая по узким ступеням, что вели к площади перед городскими воротами. — Думаю, больше ничего интересного не будет. Но если дома моя стеклянная лампа разбилась, то я своими руками сожгу дом этой ведьмы Хегды.

* * *

После землетрясения в городе в дюжине мест разразились пожары. Грабители и нищие воспользовались беспорядками, и в городе начался настоящий хаос. Пока Джил с Ниниаком шли домой, вокруг во все стороны бегали какие-то люди, разлетались клубы дыма, пыли, слышались какие-то крики. Мальчик проводил Джил до дома, а затем весело попрощался с ней: «Наверняка для меня найдется хорошая пожива», — а Джил вернулась к себе. По счастью, их жилище ничуть не пострадало.

Ингольд сидел, скрестив ноги, в дверях комнаты и держал в руках магический кристалл. Завидев Джил, он тут же спрятал камень и поднялся, чтобы впустить ее внутрь.

— Хорошо, что ты так быстро вернулась, моя дорогая, — сказал он. Маг, похоже, ничуть за нее не волновался, и Джил лишь сейчас осознала, что сразу после землетрясения он наверняка проверил с помощью кристалла, все ли с ней

в порядке. — В городе скоро начнутся драки между уличными бандами. Лучше сегодня никуда не ходить.

Новая волна землетрясения качнула здание, и у Джил к горлу поднялась тошнота. Она успела ухватиться за дверь, надеясь, что это будет последний толчок. Ингольд же застыл в неподвижности, свирепо глядя куда-то в пустоту.

— Это они, — сказала она негромко. — Да? — и робко коснулась его руки. — Ледяные маги?

Она ощутила, как Ингольд напрягся, и убрала руку. Понятно, что он осторожничает с ней. Лучше держаться от него подальше. Самым небрежным тоном она поинтересовалась:

— Это близко? Вулкан?

Он кивнул, едва заметно содрогнувшись.

— На юге, глубоко подо льдом. Пылевые облака уже собираются на полюсах. Мы были правы, что пришли сюда, Джил. — Он говорил, как человек, пытающийся в чем-то убедить себя самого, и при этих словах не смотрел на нее. Отвернувшись, Ингольд принялся выравнивать свои цветочные горшки, где высадил розы дюжины разновидностей, от желтых до почти черных.

— Они здесь. — Он легонько коснулся кончиками пальцев бархатистых лепестков бутона, который обнаружил на заброшенном дворе какого-то особняка. — Я знаю, что они здесь.

— В усыпальнице Слепого Короля, — промолвила она.

Он резко обернулся, и в этот самый момент на улице, ведущей к Медному рынку, послышались какие-то крики и шум шагов. Позабыв обо всем, Джил с Ингольдом выбежали на галерею и увидели внизу небольшой отряд солдат на-Чандроса в черных доспехах. Вслед за ними бежала целая толпа горожан, и, наконец, Джил смогла различить, что они кричат.

— Ведьма! Проклятая ведьма! Демонова шлюха! Хегда!

Ингольд встал рядом, скрестив руки; длинные зеленые четки, которые он носил, когда не было тренировок на арене, блестели под полуденным солнцем. Он даже не попытался проверить свою догадку через магический кристалл, поскольку злоязыкая старуха-крестьянка, продававшая амулеты на Медном рынке, обладала достаточными магическими способностями, чтобы защититься от такого подглядывания. Ингольд пару раз заговаривал с ней. Только вчера еще она плюнула в него из-за того, что он вздумал с ней спорить, — и Джил полагала, что это небольшая потеря.

— Они только и ждали своего шанса.

— Местные церковные власти?

В толпе, возвращавшейся от рынка, она узнала согнутую, скрюченную фигурку, обмотанную множеством цепей, медных и стальных, бронзовых и серебряных.

На них висели Руны Безмолвия, Руны Уз и Руны Охраны, которые звенели, словно множество колокольчиков.

— А какое им до нее дело? Она ведь никому не приносит зла.

— И все же...

Ингольд отвел Джил обратно в комнату, ласково обнимая ее за талию, совсем, как в старые добрые времена; но затем он, похоже, вспомнил, что ей нельзя доверять, и убрал руку. Взглянув ему в лицо, Джил увидела в его глазах то же самое выражение, которое так часто замечала за последние дни в Кхирсите: неуверенность, опаска... На мгновение их взоры встретились, а затем он отвернулся, и она ощутила прилив злости на ледяных магов.

Войдя в комнату, Ингольд убрал со стола сушившиеся там рубахи.

— Понимаешь, Церкви никогда не нравилось, что люди обращаются к магам за решением своих проблем вместо того, чтобы идти с этим к Богу... И слушать советы священников. В хорошие времена Церкви достаточно проповедовать людям, что магия разъедает душу, и все иллюзии суть работа злых сил. Но во времена голода и страха люди меньше думают о спасении души, чем о том, как накормить детей. А епископы — тоже люди, — добавил он негромко, складывая потрепанную одежду в дорожные мешки. — Сейчас им тоже страшно. Я ее предупреждал, что нужно уезжать из города.

Джил вспомнила ребятишек в банде Ниниака, — сельских мальчуганов с испуганными глазами и ребрами, торчащими как обручи на бочках, которые ежедневно рисковали жизнью за кусок хлеба.

— Может, ей просто некуда было идти.

На закате Ниниак заглянул к ним в комнату и принес весть, что завтра ведьму Хегду сожгут на Арене.

— Это ведь она устроила землетрясение, знаете?

Братья и сестры окружали мальчишку, как грязные хищные зверьки; Ингольд всегда старался припасти для них какой-нибудь еды, и то же самое делали Котенок и Баклажан, которые жили парой этажей ниже.

— Да будет тебе! — раздраженно воскликнула Джил. — С какой стати ей это делать?

— Потому что она злая, — ответил Ниниак, явно озадаченный таким вопросом. Он перекатил жевательную смолу за другую щеку. — А может, какой-нибудь богатей ей заплатил. Но это она устроила, точно. Она призналась.

— Удивительное дело, — пробормотал Ингольд, не поднимаясь с лежанки и не от-

крывая глаз. — Женщина, которая обладает силой устраивать землетрясения, живет в жалкой лачуге и побирается на рыночной площади.

Воришка озадаченно покачал головой, а затем, прищурившись, взглянул на старого мага.

— Она созналась. И она ведьма. Ведьмы... От них можно ожидать чего угодно.

Ингольд вздохнул.

— Вот тут ты прав, — признал он.

Вместе с Джил они отправились посмотреть на аутодафе вместе со всеми прочими обитателями гладиаторской школы. Арена была забита до отказа и окружена церковными стражниками в алой униформе. Шоу было бесплатным даже для вельмож, банкиров, землевладельцев и купцов. Ингольд невольно поморщился, когда двое церковников в красных одеяниях швырнули поверх связок хвороста пару грязных свитков и какие-то фолианты, — все книги, принадлежавшие Хегде. Солдаты вывели женщину наружу, по-прежнему опутанную цепями, обнаженную до пояса и покрытую свежими рубцами от бичевания.

— Желтый болиголов, — негромко пояснил старый маг Джил. В его голосе чувствовалась боль. Хотя Хегда не имела никакого отношения к Совету Маго, архимаг Ингольд все же полагал, что был обязан защитить ее. — Совет Магов обычно использует синий корень, который приглушает магические способности, но никак не влияет на сознание. Церковь предпочитает болиголов, в какой-то степени при данных обстоятельствах это даже во благо. Она уже не понимает, что с ней происходит.

Джил содрогнулась. Она нередко смотрела смерти в глаза и сама убивала мужчин и женщин, равнодушно и без сожалений. Но это всегда было в бою и происходило очень быстро. Как специалист по средневековой истории, она чи-

тала о том, как сжигали людей, но никогда не видела этого своими глазами, и сейчас не знала, сумеет ли справиться с собой.

Солдаты привязали старуху к столбу. Из рядов стражи вышел клирик в алом одеянии, тощий, как окровавленный стилет, и, вскинув белые руки, выкрикнул слова обряда. При звуках этого резкого голоса Джил чуть слышно вскрикнула и попыталась заглянуть через плечо рослым гладиаторам, стоявшим впереди.

— Хочешь взглянуть получше, Джилли? — поинтересовался Баклажан, и своими огромными ручищами обхватил ее за талию, усаживая к себе на плечо, словно на парковую скамейку.

Кто-то сзади заорал:

— Убери ее! Ничего не видно!

А сержант Куш обернулся и послал недовольного по матери.

— Верни меня на землю, — потребовала Джил, и Баклажан поднял на нее глаза.

— Да плевать на них, Джилли. Они просто недоумки.

Баклажан души в ней не чаял, недавно он сломал четыре ребра Королю после того, как Его Величество попытался сзади напасть на Джил на арене. Куш велел дать ему пять плетей за то, что вывел Короля из борьбы в последний день состязаний, и с той поры Король твердил всем вокруг, что Джил предпочитает спать с девицами, и к тому же она уродлива. Джил понимала, что не должна обращать на это внимания, но все же ей было досадно.

— Да нет, все в порядке. — Она уже увидела все, что хотела. В какой-то мере она предчувствовала это с того самого момента, как услышала голос епископа Алкетча, произносившего слова вечного проклятия в адрес осужденной. Когда Баклажан опускал ее на землю, она в

последний раз взглянула на князя-епископа, стоявшего среди гвардейцев и прочих клириков. Она почти чувствовала на себе огонь этих черных глаз. Епископ Алкетча, руководивший казнью Хегды, оказался не кем иным, как бывшей аббатисой Гая и извечным врагом Ингольда, Джованнин Нарменлион.

— Ингольд, — выдохнула Джил чуть слышно. — Ингольд, это... — Она заозиралась в поисках старого мага.

Но его нигде не было.

* * *

В том мире, откуда была родом Джил, — да, впрочем, и в этом новом мире тоже, — существовала литературная традиция, согласно которой любая героиня, достойная своего корсета и длинных юбок, оказавшись в опасной ситуации, должна была немедленно бежать на поиски подходящего героя, ставя под угрозу и себя, и всех окружающих. Джил, которая хорошо знала Ингольда, вместо этого осталась с гладиаторами, ибо понимала, что именно там он будет искать ее по возвращении. В любом случае бесполезно было пытаться разыскивать старика, если он сам не хотел быть найденным. У него имелся магический кристалл, и он без труда мог вернуться к Джил, когда закончил бы со своими делами или убедился, что некая предвиденная им опасность благополучно миновала.

В толпе Джил так и не увидела сожжения ведьмы. Сдавленная со всех сторон потной толпой, она слышала, как ругань старухи переходит в истошные крики, уловила запах дыма и горелой плоти. Какой-то мальчишка попытался обчистить ее карманы, другой — продать кусок жареного хлеба. Джил все же удержалась, и

ее не стошнило, но при этом она подумала, что Ледяной Сокол наверняка пристыдил бы ее за излишнюю чувствительность.

Баклажан проводил ее домой, забеспокоившись, когда близ рынка на Джил накатила слабость и головокружение. Он заставил ее присесть у колодца, а затем, протолкавшись через толпу, куда-то ушел и вскоре вернулся с яркой накидкой из тех, что были в моде среди подружек гладиаторов, — украшенной осколками стекла, стальными пластинками и обрезками кожи. Когда Джил с изумлением приняла подарок и стала его благодарить, он лишь отмахнулся:

— Ты совсем замерзла.

Он помог ей подняться на ноги. И впрямь, стремительно похолодало...

— У тебя руки ледяные.

Джил поспешила спрятать руки под складками накидки как можно скорее.

Прошлой ночью ей снилась разрушенная вилла, в которой они ночевали, когда проходили через обезлюдевший город Зеннуак, — она видела во сне зеркало, которое нашла в одной из комнат, и кошмарное отражение в нем. Весь день она то и дело проверяла свои руки. впрочем, гладиатор, похоже, ничего не заметил. Он проводил ее до самых дверей.

Поблагодарив своего спутника, Джил заперла все ставни, зная, что при необходимости Ингольд сможет открыть их и снаружи. Затем она повалилась на тюфяк и заснула, словно накачавшись наркотиками.

Проснулась она в темноте от чьего-то стука.

— Это я, Джилли, — донесся до нее голос Ниниака. — Я уже стучал, — добавил мальчишка, когда она открыла дверь.

В желто-красном небе над городскими стенами садилось солнце, и разносился пе-

резвон церковных колоколов. В воздухе висел запах горелого дерева. Чуть дальше по галерее болтали и занимались шитьем женщины, а мужчины пили вино и играли в кости.

Джил смахнула с лица рассыпавшиеся волосы.

— Все в порядке. — У нее кружилась голова, и было непонятно, откуда взялась такая усталость. — Что я могу для тебя сделать?

Мальчуган как-то странно поморщился, а затем протянул ей сложенный листок, — на таких лавочники делали подсчеты или писали друг другу записки, если только знали грамоту.

— Ингольд просил, чтобы я передал это тебе.

Там значилось: «*Джил! Прости меня. Мне пришлось немедленно сбежать. Не знаю, откуда им стало известно, что я здесь. Хотя, возможно, это Хегда сообщила обо мне своим палачам, чтобы избавиться от дальнейших мучений. Старайся не выходить на улицу и береги себя. Я в безопасности, просто дождись*».

— Он тебя бросил. — Голос Ниниака звучал без всякого выражения, но Джил чувствовала, что мальчишка очень зол.

Она покачала головой.

— Ему просто пришлось скрываться. Похоже, он встретил кого-то в толпе.

— Или просто дождался, пока ты отвернешься. — В серебристых глазах застыла боль каких-то старых воспоминаний. — Это ерунда, что ты некрасивая, и что у тебя шрам, все равно ты в сто раз лучше всех этих глупых девок, которые на улице бегают за мужиками. Какой болван!

С изумлением Джил осознала, что мальчишка, похоже, в нее влюблен. Скрыв улыбку, она промолвила:

— Нет, у Ингольда много врагов.

Ниниак протянул ей второй листок.

— Вот это он велел отдать тебе через три дня, если он не вернется.

Джил похолодела.

«Прости меня. Это все, о чем я прошу. Пожалуйста, пожалуйста, пойми.

Они слышат твоими ушами, они видят твоими глазами. Я догадался об этом, когда мы покидали Убежище... И также догадался, что ты последуешь за мной даже против воли, если я не возьму тебя с собой. Это было моим каждодневным, ежечасным кошмаром, — что я был вынужден так поступить с тобой. Если тебя не будет рядом, у меня появится шанс достичь пещеры ледяных магов прежде, чем они осознают, где я, и соберут всех своих габугу, подвластных им дуиков, горных обезьян, а, возможно, и войска Алкетча, ибо мы не знаем, насколько далеко простирается их влияние. Они узнали обо мне от дарков, в своих снах... точно так же, как дарки знали о них самих. А дарки поглотили мой разум...»

Джил перевернула листок. Почерк на другой стороне сделался почти неразборчивым.

«...и это видели ледяные маги. Они знают, что я представляю для них опасность. Возможно, это мой единственный шанс».

Джил словно бы услышала в этот миг их голоса, ощутила их ярость, когда они осознали обман, — и поняли, что он уже в пути.

Она почувствовала, как они призывают всех, кого только могут, — габугу, пещерных обезьян, мутантов, готовятся уничтожить его.

«Нет, — подумала она в ярости, чувствуя, как нарастает этот зов. — Нет!»

«Я люблю тебя, Джил. Если я не вернулся к этому времени, то уже не вернусь никогда. Благословляю тебя. Освобождаю тебя. Я лишь сожалею — сожалею всем сердцем, что не

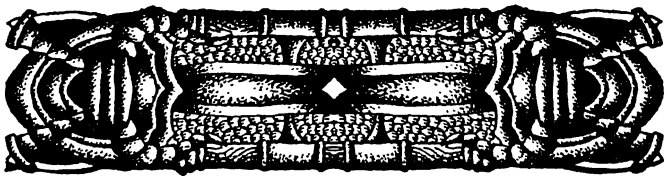
смогу проводить тебя обратно в Убежище. Но я не могу разорваться пополам. Прошу, пойми! Ты воин, и должна меня понять.

Пожалуйста, не презирай меня за то, что я вынужден был сделать.

Если я не вернусь, это значит, что я принял смерть от рук Ледяных Магов; и встретил ее с твоим именем на устах.

С безграничной любовью,
Инглорион»

Глава девятая

Руди проснулся от холода. От холода, от боли и от ощущения, будто ему нечем дышать. Он тут же осознал, что чувство это пришло к нему откуда-то издалека, от другого человека, но от этого оно не сделалось слабее.

«Ингольд! — подумал он, глядя во тьму. — Ингольд!..»

Ощущение не слабело, наоборот. Головокружение... Слепящий свет... Вот онемела левая рука... И ужасная боль, словно молотом, ударила по сердцу.

«Ингольд!»

Руди на мгновение утратил ориентацию. Он заснул у себя в комнате прямо над книгами, впустую разыскивая в них ответы на те вопросы, что так тревожили его...

Понемногу холод и боль отступали, утекали, словно дым, во тьму.

Дрожащими руками Руди достал из-под подушки свой кристалл. «Господи, этого не может быть! — Камень вспыхнул магическим светом. — Отвечай! Скажи мне, что это неправда!» Ничего. Серая злоба ледяных магов окутала его плотным непроницаемым коконом.

«Проклятье! Проклятье! Отвечай!»

Он опустил руки. Магический свет понемногу угас.

«Нет. Нет...

 Не оставляй меня последним магом в

этом богами проклятом мире! Не заставляй меня самому идти на бой с ледяными колдунами.

Я не справлюсь, черт возьми!»

Боль. Головокружение. Холод. Боль.

Он не мог разобраться в своих ощущениях, но знал, что чувствует боль Ингольда, чувствовал это так же ясно, как если бы слышал крики старика.

«Сейчас три часа ночи, черт возьми! — хотелось закричать Руди. — Какого дьявола ты сражаешься с чудовищами в три часа ночи!»

Если Ингольда уже нет в живых, то, возможно, он сумеет отыскать Джил... Но даже этого Руди сделать не сумел.

«Не мог он умереть, — прошептал он чуть слышно, всем сердцем желая, чтобы это оказалось правдой. — Не мог умереть».

Время до рассвета тянулось бесконечно.

Едва лишь открыли двери Убежища, вместе с Янусом, Мелантрис и Ледяным Соколом Руди взобрался на холм, где было поменьше сланча, и начертал Круг Силы, призывая энергию из земли, воды и угасающих звезд.

Он так и не смог понять, жив или мертв Ингольд, и где находится Джил, — магический камень молчал. Тогда Руди попытался связаться с Вотом, но увидел в аметистовых гранях лишь тусклые образы бледных, уродливых монстров, атакующих Убежище Черных Скал.

Ему казалось, он видит людей с оружием в руках на каменных стенах, но образы были такими тусклыми и затуманенными, что даже в этом он не мог быть уверен.

Внезапно в спину подул холодный ветер. За спиной Руди услышал какой-то шорох, свист, а затем тяжелый удар, как будто кто-то разрубил топором дыню. Обернувшись, он ощутил запах крови.

— Лучше нам вернуться. — Ледяной Сокол вонзил в землю топор, чтобы очистить лезвие. Тварь, выскочившая из сланча, чтобы напасть на мага, лежала у его ног, разрубленная на куски. — Скоро подоспеют и другие. Что-нибудь увидел?

Руди с отчаянием покачал головой. К ним подошли изможденные, усталые Янус и Мелантрис. У подножия холма в лесу сланч был повсюду, свешиваясь грязными прядями с ветвей умирающих деревьев. Что-то двигалось там, в этих омерзительных зарослях, и Руди, сунув кристалл в карман куртки, торопливо направился к Убежищу.

— Если Джил со стариком...

— С ним не могло случиться ничего плохого, — заявил Янус.

Уже на ступенях убежища гвардеец оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на лес. Рука его была перевязана, — три недели назад Януса покусал волк-мутант, — но рана даже не начала заживать. И дело было не в каком-то яде, как в случае с Джил... в последнее время раны не заживали ни у кого.

Внезапно деревья и кустарник у подножия холма содрогнулись, — словно раздвинулся занавес. Руди выдохнул:

— Матерь Божья!

А Янус лишь проронил:

— Пожри его лихорадка! Рано или поздно такое должно было случиться. Ступай внутрь, мы им займемся.

Мелантрис уже созывала остальных гвардейцев.

Тварь, размашисто шагавшая по склону, с низко опущенной головой, оказалась мутировавшим мамонтом...

Когда Руди вернулся в свой рабочий кабинет, то обнаружил там Скелу Хогширер.

Сперва он заметил лишь ее тень в тусклом свете мечущуюся туда-сюда, и еще из коридора услышал всхлипывания, а затем звуки, от которых Руди пришел в ярость.

Он остановился на пороге, пытаясь взять себя в руки.

Она разорвала на куски пергамент, куда Руди заносил имена из уничтоженной «Черной Книги Списков», опустошила все коробки, разбросала и разломала костяные рунные палочки, разбила фарфоровую чашу и растоптала ее в пыль каблуками. Шкаф, где были заперты все по-настоящему ценные вещи, выглядел так, словно на него обрушился ураган. Она пыталась разбить его в щепы и вырвать двери из петель...

Из-под ногтей сочилась кровь. Грязные волосы падали на распухшее от слез лицо.

— Я не могу колдовать! — завизжала она, когда Руди наконец вошел в комнату. Девочка ухватила астролябию — точнее, то, что от нее осталось, и принялась колотить ею по столу, оставляя в деревянной столешнице глубокие отметины. — Я больше не могу колдовать! Я пыталась! Пыталась!

Она швырнула в угол металлический круг и набросилась на Руди с кулаками.

— Скела, ты все можешь, — мягко заметил он, сам удивляясь своему терпению.

В глубине души ему хотелось схватить эту маленькую избалованную дрянь и колотить головой об стену, — но он все же держал себя в руках. «Черт возьми, — отстраненно подумал Руди. — Должно быть, я взрослею...»

— Эй, — пробормотал он, когда она принялась лупить его по плечам. — Эй, эй, эй... Полегче, детка.

Ее злость была направлена не против него лично, и, помимо страха утратить уваже-

ние таких важных персон, как леди Скет, чувствовался ужас иной потери, понять который мог один лишь Руди.

— Ты меня неправильно учишь! — Ее голос сорвался на истошный вопль. — Ты не учишь меня тому, что я должна знать! Папа говорит, ты обязан! Папа говорит, что ты еще пожалеешь! Папа говорит...

— Ты и впрямь веришь, что я тебя плохо учу?

— Я не могу! — Скела внезапно отпрянула, попыталась ударить Руди по лицу и промахнулась. Ее лицо, побагровевшее и распухшее от рыданий, в неярком свете ламп казалось почти черным. — Я пыталась! Пыталась все утро! Я делала все твои дурацкие упражнения и твою дурацкую медитацию, и все, что ты говорил. И все равно не могу колдовать! Раньше я могла! Раньше могла, а теперь не могу!

Оттолкнув наставника, она бросилась прочь. Он слышал, как она всхлипывала на бегу и натыкалась на стены.

Руди шагнул было за ней, но затем покачал головой.

— Будь оно все неладно... Значит, теперь еще будем ждать в гости папочку. Только этого мне и не хватало.

Он потер глаза, болевшие от недосыпания. *Ингольд...* Каким-то образом он должен выяснить, что случилось со стариком, выяснить, жив ли тот еще. Руди принялся собирать порванные пергаменты и разломанные костяные палочки. Хорошо хоть, на сей раз она ничего не спалила.

Он застыл, держа в руках обрывки.

«Это злоба? — спросил он себя. — Или что-то еще? Голоса ледяных магов в ее мозгу?»

Ты хочешь сказать, что моя дочь не маг?

Он вновь проиграл в памяти всю эту сцену. Скела падает. Габугу скачут мимо, пере-

прыгивают через нее, а она отчаянно визжит, хватаясь за голову.

«Они нападают только на чародеев», — говорил Вот.

— Руди? Господин маг? — В дверях показался Тир.

Он по-прежнему вел себя сухо и церемонно, это проявлялось даже в его позе. Руди тотчас выпрямился, сделал поярче магический свет и склонил голову.

«Все пройдет, — сказал он себе, чтобы унять боль при виде такой отчужденности. — Со временем он перестанет винить тебя в гибели своих друзей, и эта холодность пройдет».

— Чем я могу помочь тебе, Тир? — Он пододвинул стул, которым Скела, судя по всему, пыталась разбить двери шкафа. Тир огляделся, созерцая следы разгрома, но ничего не сказал. Должно быть, он встретился со Скелой в коридоре.

— Руди, люди исчезают. — Он уселся на стол, болтая ногами. Подобно почти всем прочим обитателям Убежища, он сильно похудел за последнее время, и теперь казалось, что на лице остались одни глаза.

— Исчезают? — Все прежние страхи отступили, когда Руди вспомнил о запертых дверях на пятом ярусе и о странном запахе в опустевших помещениях.

Мальчик облизнул губы, собираясь с мыслями.

— Я не думал... Знаешь, иногда так бывает, что кого-то не видишь несколько дней. Они что-нибудь делают по хозяйству, помогают маме... — Он говорил очень тихим, испуганным голосом. — Но я попросил Линнет сделать мне календарь и стал отмечать каждый день, кого видел, а кого — нет.

«Он слишком юн для всего этого, — поду-

мал Руди, глядя на малыша. — Слишком юн, чтобы справляться с таким проблемами».

— Люди исчезают, Руди, это правда. Брикки Гатсон и Нуп Фаррер, и папа Нупа, и брат его папы Йент, и Меллека Биггар, и Роза Уайт со своими братьями и мамой. С них я начал. Я их долго не видел, а теперь посчитал, и получилось, что целых три недели. Потом пропали старик Виккет и Иреб Браун, и еще кое-кто. Но я не стал ни у кого спрашивать, давно ли их не видно.

— Пятый северный ярус, — негромко проговорил Руди. — Все они там живут, кроме Фарреров, а те обитают прямо под Биггарами, на четвертом северном уровне.

— И есть лестница, которая ведет от Биггаров прямо туда. Они там все время ходят. Это не чума, потому что целители... — продолжил мальчик, — ...другие целители сказали бы тебе... Или мама. Но никто не обращался к гвардейцам или охотникам, чтобы искать пропавших в лесу, и никто не говорил маме, что они исчезли, и не просил тебя разыскать их с помощью кристалла. Ведь правда?

— Да, — негромко подтвердил Руди. — Никто не просил.

Он выудил кристалл из кармана, хотя и знал, что ничего не сможет увидеть. Воздействие сланча в Убежище многократно усиливалось , и к тому же кристалл почти никогда не показывал мутантов.

— Старик Виккет, Нупы, Уайты, — проговорил он скорее сам себе. — Корам Биггар — старший в этой части Убежища. Он не мог не знать. Должен был увидеть...

— Что увидеть? — переспросил Тир. — Что они исчезли?

— Он должен был видел, во что они превращаются. И почему их больше нельзя выпускать наружу.

Он опять сунул в карман кристалл и поднялся на ноги, больше не сомневаясь в своей правоте.

— Скела тоже, — пробормотал он. — Бедняжка... Спасибо. — Он протянул руку и, помявшись мгновение, Тир протянул ему свою. — Продолжай присматривать за всем, что происходит. Кто бы и что бы тебе ни говорил, но именно так должен вести себя настоящий король. Думаю, пора рассказать обо всем твоей маме. И вот еще что...

Тир настороженно посмотрел на него.

— Не пытайся сам разыскивать этих людей, ладно? — Руди смотрел на мальчика, поражаясь, каким хрупким тот кажется... каким беззащитным. — Ты обо всем мне рассказал, а теперь это моя работа. Я приведу гвардейцев и отправлюсь навестить Биггаров и Виккетов, и весь этот ярус. А ты не будешь ходить в одиночку по Убежищу, ладно?

Тир покачал головой.

— Теперь в Убежище стало много плохих мест. Там страшно, и там плохо пахнет. Лучше оставаться с людьми.

— Вот и отлично, — кивнул Руди. — После того, как я поговорю с мамой, ты сможешь пройтись со мной по Убежищу и показать мне все плохие места?

Мальчик нахмурился, как видно, раздумывая, не станет ли такая фамильярность предательством по отношению к погибшим друзьям. Наконец, он кивнул.

— Ладно. — Голос его не поднимался громче шепота. Затем он развернулся и исчез.

«Люди исчезают...» Руди раздумывал над этим, собирая осколки костяных палочек и фарфоровой чаши с пола.

«Начинаешь есть сланч — и очень скоро ледяные колдуны принимаются разговаривать с тобой, и ты уже не замечаешь, что дядюшка

Альберт превращается в бесцветного безглазого монстра... Или думаешь: а что, ему это даже идет...»

Тем временем, петля вокруг Убежища затягивалась все сильнее. За последние четыре дня почти каждый день нападали волки-мутанты, орлы и росомахи. Руди уже почти не мог выходить наружу.

Вчера опять было землетрясение. После долгих поисков ему удалось отыскать в южных пустошах вулкан, извергающий потоки лавы и облака черного пепла.

«Черт, — подумал он, глядя в пустоту. — Что мы, черт возьми, будем делать? Что нам делать, если Ингольд погиб?»

Он встал, снял заклятье со шкафа, отомкнул замок и взглянул на крохотные красные зернышки и черные шарики заколдованного картофеля. Он даже видел глазки на твердой, как камень, черной поверхности. Такое впечатление, что кто-то взял Истинную Сущность картофеля, его генетический код и сконденсировал в этот прото-клубень, способный пережить само Время.

Но растение не погибло. Под стазисными чарами явно ощущалось биение спящей жизни.

«Это ответ, — подумал он. — Черт возьми, я знаю, что это ответ. Но почему именно мне пришлось здесь остаться? Это работа Джил. Она ведь у нас ученый».

Но он был магом. Он разбирался в магии. Джил способна расшифровывать скрытые намеки в архивных кристаллах, в воспоминаниях Тира и в видениях Цилиндра, которые Руди тщательно записывал, но именно он должен понять, что делать со всей этой информацией.

А он не понимал.

Без Ингольда им не выжить.

Он вспомнил о том кошмаре, который пе-

режил прошлой ночью. Нападение? Но он чувствовал, что здесь было что-то еще... Может, сердечный приступ. За пару дней до этого ценой ужасающих усилий он сумел связаться с Ингольдом на пару минут, и узнал, что они благополучно добрались до Кхирсита, столицы Алкетча, и нанялись в гладиаторскую школу. Подумать только, Ингольд, с волосами, перевязанными в хвост, выглядящий, как заправский громила!.. Но после этого — ничего.

В коридоре послышались шаги Скелы. К счастью, она была одна.

Руди торопливо закрыл шкаф, запер его и наложил чары. Когда девочка вошла в комнату, он обратил внимание, что лицо у нее по-прежнему распухшее от слез, но тут же заметил, как натягивается платье на дебелых плечах, и в душе Руди вспыхнула ярость: он вспомнил, как заострились от голода черты лица Тира, и как исхудала Альда, у которой, казалось, лопатки в любой миг могут прорвать бледную кожу.

В руках Скела держала глиняную миску и тревожно озиралась по сторонам.

— Руди, ты должен научить меня как следует. — Голос дрожал от волнения. — Ты должен разобраться, почему я больше не могу колдовать. Ты должен мне помочь, Руди, пожалуйста. Папа... — У нее задрожали губы. — Ты не знаешь, что это такое — жить с моим отцом. Он говорит, что я плохо работаю. Но я работаю. Я просто... просто больше не могу... — Она вытерла нос рукавом, затем утерла глаза. — Пожалуйста, помоги.

Мольба в ее взоре была искренней. Руди задумался, какой будет реакция ее дорогого папочки, когда он осознает, что не сможет сдержать своих обещаний, которые так щедро раздавал всем, кто нуждался в магических услугах.

Ему даже стало жаль эту избалованную, злую, самонадеянную девчонку, которая впервые в жизни столкнулась с тем, что не может получить желаемого.

И хуже всего то, что раньше она и впрямь владела магией.

— Скела, — промолвил он негромко. — Я сделаю все, что смогу, но...

— Обещаю, что не стану использовать чары против тебя, что бы мне ни говорила леди Скет и все остальные, — прошептала она. — Я скажу им, что не могу, что ты слишком сильный. Я сделаю все, что ты велишь, только, пожалуйста, пожалуйста, дай мне хоть что-то, чтобы я могла показать папе...

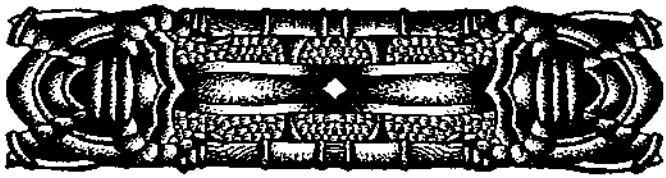
Она поставила миску на стол.

— Я принесла тебе вот это. — Она говорила совсем тихо, то и дело оглядываясь через плечо на дверь. — Нам нельзя говорить об этом, потому что иначе все в Убежище тоже захотят... А на всех не хватит. Мастер Биггар и старый Виккет дают нам совсем понемногу. Но если ты станешь меня учить, я всегда буду приносить тебе твою долю. И тебе, и всем, кому ты скажешь. Королеве Минальде, принцу Тиру... Я буду воровать для тебя, только помоги. Пожалуйста, научи меня хоть чему-нибудь. Я боюсь, что папа опять разозлится.

Руди снял крышку с миски. Этот сладковатый запах был ему знаком... Руди отвел глаза, а затем взглянул в распухшее лицо своей ученицы.

Она принесла ему кашу из сланча.

Глава десятая

Корам Биггар и старый Виккет... Руди шагал по темным коридорам, а его тень, точно угловатое чудовище, стремительно неслась перед ним.

Что бы ни говорила мне леди Скет...

Ну надо же!

Любопытно, сама леди Скет и ее слабовольный муж тоже были последователями культа Святого Изобилия, или они просто вступили в союз с Биггаром и его приспешниками, потому что Биггар прятал контрабандных несушек в комнатах, принадлежавших Скетам, и взял их в долю? И вообще, знает ли леди Скет или лорд Анкрес, что происходит с теми людьми, которые «исчезают»?

Он содрогнулся, вспоминая деформированные кости, которые показывала ему Джил, а также тварей, напавших на него в лесу. Мамонт-мутант в этот самый миг бился в неприступные ворота Убежища.

Сейчас Альда, скорее всего, отдыхала в своих покоях. Она вообще старалась отдыхать как можно больше, ведь до родов оставался всего месяц. Только на прошлой неделе Руди довелось присутствовать при рождении ребенка. Лита Крабфрут, рослая и крепкая, невзирая даже на хроническое недоедание... Она умерла, невзирая на все старания Руди, и ребенок вместе с ней. Никакая магия не смогла придать ослабевшей женщине сил, не смогла поддержать эти ускользающие жизни. Потом Руди отправился в ком-

нату стражи и напился. Увы, с тех пор, как зерно в Убежище сделалось высшей ценностью, даже выпивки катастрофически не хватало.

«Ингольд не должен умирать, — в отчаянии подумал Руди. — Он не имеет права!»

Каждый раз, глядя на Минальду, он испытывал страх. Он и вообразить себе не мог, что будет делать, если вдруг останется один.

Впереди раздался какой-то шорох. С мяуканьем кошка бросилась наутек, и Руди рывком развернулся, прислушиваясь и напрягая все чувства...

Ничего. Или почти ничего. Он шел Королевским Путем, широким главным коридором на третьем южном ярусе, повсюду освещенном световыми кристаллами, — не может быть, чтобы *они* стали преследовать его даже здесь. Встревоженный, Руди двинулся дальше, шагая почти беззвучно. Как обычно, в середине дня Убежище почти пустовало. Даже прядильщики и писцы, состоявшие на службе у королевы, работали снаружи.

Святое Изобилие, покровитель сланча... Немудрено, что габугу не тронули Скелу в тот день, когда напали на Руди на холме. Немудрено, что она утратила способности к магии, когда жадность заставила ее вкусить даров Святого Изобилия. Внешне Скела пока никак не изменилась, хотя с другими людьми наверняка произошло именно это. Если что-то случится с Ингольдом, если погибли Венд и Илайя, то где же им искать новых магов?..

Вот оно!

Он развернулся рывком, уверенный, что его преследуют. Руди вскинул посох, и свет вспыхнул между рогов стального полумесяца. Он потер кончики пальцев, призывая магическую энергию.

Минальде принадлежали две комнаты позади залы Совета, рядом с Источником Бронзового Ястреба, в самом теплом и защищенном уголке Королевского Сектора. Ее дверь была открыта, и в коридор падал прямоугольник янтарного света. Все остальные покои поблизости были закрыты. Порой Минальда что-то напевала за шитьем, но сегодня из ее покоев не доносилось ни звука. Не слышно было даже поскрипывания стилоса по восковым табличкам.

— Альда! — окликнул Руди, ускоряя шаг. — Альда, это...

В комнате что-то с треском рухнуло. Перевернулся стол, разбился стакан или тарелка (*и по-прежнему никакой реакции?*). Руди остановился, как вкопанный. Учитывая, какой редкостью стала стеклянная посуда, даже сдержанная Минальда наверняка бы выругалась. Донельзя встревоженный, Руди принял боевую стойку, — в тот самый момент, как габугу набросился на него из-за дверей.

Молния сорвалась с металлического полумесяца, разрывая на части тварь, похожую на ягоду ежевики. Другому монстру Руди отсек лапу, а затем пронзил тварь насквозь, оттолкнул ее от себя, вызвал шаровую молнию, которая взорвалась с оглушительным грохотом.

Коридор затянуло дымом и вонью, похожей на горящую резину. Еще две твари, которые, похоже, когда-то были крысами, ринулись на Руди, и он развернулся, встретив их ловкими стремительными ударами.

Молодой маг бросился в комнату Минальды. Та, заслышав шаги, рыдая от страха и облегчения, выбралась из уборной, тяжелая дубовая дверь которой была исцарапана и пробита насквозь в нескольких местах. Горничная Линнет лежала на полу у стены со следами

укусов на горле. Альда рухнула перед ней на колени. Руди склонился рядом и пощупал пульс.

Ничего.

И все же он чувствовал жизнь. Руди прижал ладони к ее шее, к груди, к вискам, призывая ее вернуться. «Линнет! Линнет, черт бы тебя побрал!..»

Ему показалось, он слышит, как она шепчет имя дочери, затем имя мужчины, убитого даркáми по пути из Пенамбры...

«Линнет, вернись! Ты нужна Альде!»

И хотя в реальности тело Руди не шелохнулось, в сером *иномирье* он протянул руку.

Габугу приближались, он слышал их.

Нет, не габугу, мутанты. Голоса и шаги... Он ощущал их запах, — вонь грязной резины и аммиака...

«Линнет!..»

Он видел ее тем же странным двойным зрением, как видел картины в Цилиндре. Подруга Альды стояла одна посреди серого поля с распущенными волосами и совсем юным, не обезображенным морщинами лицом. Она узнала Руди, и на лице отразился гнев. За спиной ее появились тени, — мужчина и маленькая девочка. Они ждут, — подумал Руди. Альда звала его по имени, пыталась предупредить...

Линнет отвернулась от мужчины и ребенка и протянула к нему руку.

Все это произошло в считанные секунды. Рука Линнет конвульсивно стиснула его ладонь, и она начала прерывисто дышать, словно выброшенная на берег рыба.

Альда стояла у стены, сжимая алебарду, которой Гнифт научил ее владеть три года назад, когда долине угрожало нападение грабителей. В темных глазах королевы стояли слезы, но она ни на шаг не отошла от двери.

Руди схватил посох и вновь вызвал молнию. Эта комната была ловушкой; шаги слышались все ближе... Но ведь магом был только он один! Они последуют за ним и не тронут Линнет и Минальду...

— Оставайся здесь! — крикнул он Альде. — Я уведу их за собой!

Она схватила его за запястье и дернула к себе.

— Они пытались меня убить! Линнет их задержала.

Он не стал задумываться над этим, просто взял Минальду за руку и бросился наружу.

Первую шаровую молнию он швырнул мутантам прямо в лицо, прорываясь к лестнице. При свете он смог разглядеть их совершенно ясно: Корам Биггар и прочие поклонники Святого Изобилия с пятого северного яруса. Некоторых Руди знал очень хорошо. Других опознать было невозможно: они мутировали, превратившись в габугу. Глаза вылезали на стебельках, изо рта и из ушей свисали странные отростки. Немудрено, что они прятались за закрытыми дверями. Все были вооружены — дубинки, цепи, косы. Те, которые еще хотя бы отчасти походили на людей, смотрели затуманенно и двигались, как пьяные. Подобно габугу, они атаковали беззвучно.

Руди ударил по ним огнем, выкладываясь подчистую, поскольку он знал, что один из мутантов вооружен луком или арбалетом с отравленными стрелами. Волна жара разнеслась по коридору, с грохотом, как от взрыва. Руди даже не оглянулся и бросился вперед, на ходу уворачиваясь от новых врагов, появляющихся из всех дверей.

Безликая тварь упала на него сверху, пытаясь зацепить серпом; Руди даже не задумался о том, кем она могла быть прежде. Это было чистое безумие, ночной кошмар, — нестись сквозь тьму, перемежаемую вспышками магиче-

ского света, огнем и молнией. Габугу высотой всего в два-три фута выскакивали навстречу, пытаясь задержать беглецов. Руди захлопнул перед ними дверь, метнул молнию в люк, выходивший на лестницу, чтобы очистить путь впереди, спрыгнул первым, а затем помог спуститься Альде. Винтовые лестницы, коридоры, топот ног и хриплое дыхание, вырывающееся из отверстий, давно утративших всякое сходство с человеческими ноздрями.

Уворачивайся! Уворачивайся! Беги!..

Тьма, пустота, залы с гулким эхом и узкая лестница, уводящая круто вниз. Руди подумал: «Я уже бывал здесь». Он схватил Альду за руку, и они устремились в подземелье.

«Лысая Дама».

Он не помнил, в каком сне это было, но точно знал, что когда-то стоял в этом самом зале, в глубине подземелий и видел, как она спускается по этой лестнице. Но он помнил также нишу в стене, мимо которой она проходила, а сейчас не видел перед собой ничего подобного.

Уповая на то, что память его не подвела, Руди привалился к глухой черной стене и торопливо пробормотал слова заклятья, которому научился от Парня с Кошками.

И ниша открылась.

Пять на пять футов, и довольно высокая, она по-прежнему была здесь, невидимая снаружи благодаря потайной панели.

Панель задвинулась за ними, запирая беглецов в холодной черной трубе, — здесь не было ни полок, ни подвесного потолка, ни даже паутины. Руди вызвал магический свет, чтобы Альда не слишком боялась, но опасаясь, что в стене может оказаться трещинка, которая выдаст их присутствие, пригасил сияние светового шара до самого наименьшего.

Если прежде в этой нише и хранилось что-либо — архивные кристаллы или еще какие-либо ценные вещи, — сейчас в нише было пусто. А, может, она была устроена с единственной целью: прятать беглецов, наделенных магическим даром от таких людей, как святой Пратес с его чашей, бичом и колдовским вервием.

Возможно, маги, построившие Убежище, знали, что рано или поздно им придется скрываться от таких людей.

Минальда опустилась на пол, прижимая ладони к животу... «Господи, только не это!» Руди опустился на колени рядом с ней и схватил ее за руки.

— Альда, что с тобой? Ты в порядке?

Она покачала головой, не скрывая раздражения.

— Конечно, со мной все в порядке, Руди. Они всего лишь пытались убить меня... убить Линнет... убить твоего ребенка.

Он прошептал:

— О, черт!

Об этом он даже не подумал.

Альда все же выдавила на губах улыбку.

— Не бойся, я пока рожать не собираюсь.

Руди с трудом сглотнул.

— А... Ну, да. Конечно, нет. Я и не думал ни о чем таком. Я просто... Ну, сама понимаешь.

Их голоса чуть слышно разносились во тьме. Руди видел, что Альда улыбнулась чуть шире.

— Знаю.

Она хотела добавить что-то еще, но он прижал пальцы к ее губам. Кто-то посторонний находился в подземелье. Кто-то их искал...

Шорох снаружи. Громкие шаги. Даже сквозь стену Руди ощущал омерзительный сладковатый запах...

Спустя какое-то время шаги затихли.

— Линнет может позвать на помощь, — прошептал Руди на ухо Альде. Ему оставалось лишь надеяться, что габугу ищут свою добычу не на слух. Он вообще не знал, как они охотятся. Конечно, едва ли они могут сломать дверь, но рисковать не хотелось. Может, у них в голове радары? — Стражники начнут нас искать. Нам остается только их дождаться.

Минальда кивнула, и волосы ее рассыпались по плечам. В воздухе тут же запахло ароматными травами и свечным воском.

Она привалилась к плечу Руди.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо тебе.

Он не знал, благодарит она его за то, что он спас ее, или Линнет. Руди крепко обнял Альду, она обняла его в ответ и тут же заснула.

Ей было семнадцать лет, когда она дала жизнь Тиру, — нежная, покорная дочь древнего рода, отданная в жены холодному, равнодушному мужчине, которого она боготворила издалека.

Возможно, именно воспоминания об Элдоре Эндарионе повлекли за собой эти видения, явившиеся к Руди во сне.

Возможно и то, что эта ниша была наполнена особым колдовством, подобно архивному кристаллу.

Возможно, он и вовсе не спал. Впоследствии Руди припоминал, что все это время он оставался настороже, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги и голоса гвардейцев.

Обнимая во тьме Минальду, он грезил — или видел, или вспоминал — две фигуры, освещенные сиянием ламп. Мужчина и женщина... К своему изумлению Руди узнал в этом мужчине человека, который прискакал в Убежище, весь залитый кровью, и говорил с Лысой Дамой в сетях света и магии.

И тогда внезапно он понял, кто этот человек. Кем же он еще мог быть?

— С тобой все в порядке? — спросил Дейр Ренветский.

— Думаю, да. Если бы владыка знал, то напал бы на нас раньше. После восстания, поднятого твоим отцом, он никогда не доверял вашему роду. — Руди отметил, что их руки не украшены татуировками... Должно быть, их наносили только маги. — По-моему, он до сих пор думает, что это вы с Брикотис вызвали дарков, чтобы вернуть свое наследие. Брикотис уже в долине Ренвет?

— Да, и добрая часть магов — тоже. — Руди почему-то думал, что Дейр Ренветский окажется мужчиной не меньше шести футов ростом, похожим на Гарри Купера, но все оказалось куда прозаичнее. К тому же, выглядел он куда старше, чем воображал себе Руди. Ему было уже за сорок... Широкоплечий и почти седой. В отличие от большинства своих современников, он не носил парика. Что до его супруги, то ее парик был огненно-рыжим, изысканно убранным мелкими белыми розочками. Даже сквозь время Руди ощущал их нежный душистый аромат.

— Глупец, — негромко продолжил Дейр. — Его же предупреждали. Тысячу раз ему говорили, что они — наша единственная надежда.

— Поверить в это нелегко. — Она покачала головой. — Мне и самой нелегко было поверить, хотя я знаю, что ты не стал бы лгать... *Она* не стала бы лгать. Но утверждать, что все эти смерти произошли не из-за болезни, а из-за этих... этих подземных тварей, которые живут во тьме и которых никто не видел... Это безумие, Дейр. Это как дурной сон.

— Сожалею, но это правда, Гиза. — Он взял ее руки в свои и прижал к губам. — Увы... Приведи их в Рендвейт, — продолжил он. —

Всех, кого сможешь найти, кто пожелает явиться. Они должны построить крепость, в которой поместятся все, и для всех найдется пища.

— Именно этого и боится владыка. — Она поднялась со стула. Мебель была таких же непривычных, странных очертаний, как и наряды этих людей, живших в глубокой древности. — Будь осторожен, мой господин.

Они поцеловались со страстью, чей жар готов был превзойти любую тьму, смерть и само время. Эти люди были связаны между собой душой, разумом и телом. Ничто не могло их разлучить.

И они исчезли, как огонек свечи под дуновением ветра...

Очень осторожно, чтобы не разбудить Минальду, Руди достал из кармана куртки Цилиндр. Ему хотелось вновь увидеть Дейра и леди Гизу, но узрел он нечто совсем другое: Лысую Даму в комнате с черными стенами, — той самой, где они находились сейчас.

Тонкие световые линии были разбросаны по стенам, словно магические леса. Каким-то образом Руди чувствовал, что строительство Убежища уже завершено, но оно пока пустует. Лысая Дама сидела в центре огромной силовой диаграммы, скорее сферы, нежели круга, составленной из серебра, света, крови и движущихся молний, висевших в воздухе и пронизывающих черные каменные плиты под ногами.

Весь этот рисунок пульсировал неземным свечением.

В одной руке она держала небольшую фарфоровую чашу и творила простейшие, самые легкие изначальные чары, те самые, которым он пытался обучить Скелу.

Она призывала Воду.

Но на сей раз задействованы были огромные силы. Вода устремилась к ней по энер-

гетическим линиям молний и звездного света сквозь огоньки свечей, горевших по углам диаграммы, охристые и серебристые линии. Это был простейший из Призывов, но его производили сквозь Сеть Жизни.

Когда сосуд наполнился, диаграмма угасла, и женщина, взяв со стеклянного подноса, стоявшего рядом что-то похожее на черную бусинку, опустила ее в воду.

— Варишь суп? — поинтересовался добродушный голос, и Лысая Дама обернулась с легкой улыбкой на губах.

— В каком-то смысле.

В дверях стоял Парень с Кошками, — чуть моложе, чем когда Руди видел его на пятом северном уровне, хотя все равно он выглядел, как глубокий старец, и опирался на посох. Одна из кошек уютно устроилась у него на плече.

— Пратес заявит всем, что ты опять сносишься с Силами Зла.

Она вздохнула, потирая лоб рукой, и прошептала.

— Я близка к этому, друг мой.

— Милое дитя... — Он торопливо шагнул вперед, приобнял за плечи и с тревогой заглянул в глаза. — Дорогое дитя, мы сделали все, что могли. Мы наложили чары в самый пик звездных смещений, когда планеты выстроились в ряд с Луной и Солнцем... В этом веке то была единственная ночь, когда небеса служили зеркалом, отражающим нашу силу...

— Но в результате Гиза и те люди, что шли с ней из долины... — начала она, и Парень с Кошками, обняв ее еще крепче, покачал головой.

— То была не наша вина, — проговорил он мягко. — И не твоя. Ты ничем не могла помочь. И точно так же ничем не могли мы помочь другим магам, которых приказал схватить

верховный король. Мы сделали то, что было в наших силах.

— Но этого оказалось недостаточно, — возразила она негромко. — Этого было недостаточно. Сил Убежища не хватит, чтобы сохранить его навеки. Кто знает, когда люди смогут выйти отсюда в безопасности. Кто знает, какую магию используют наши враги? Хотя мы связали энергию звезд, Луны и Земли в этих каменных стенах, нас было слишком мало. И мы обречены, и весь мир вместе с нами.

Она провела рукой по лысой голове. Старик ничего не сказал, взирая на нее с состраданием и печалью и поглаживая серую кошку.

— Мне привиделся сон вчера ночью, Аму Бэл, — сказала она. — Сон во сне. Сон Хранителя, связывающего силу звезд и Земли и вплетающего ее в чары, длящиеся вечно. Сон холода и ожидания, сон о трех спящих, что ворочались во сне, думая о пробуждении. Три стража, грезящие о том, чтобы сохранить свое сокровище. Или, возможно, не могу вспомнить доподлинно... Эти хранители сами снились кому-то и были вызваны к реальности из грез той самой сущностью, которую они охраняют. Тебе это ни о чем не говорит, Аму Бэл?

Она выпрямилась, простирая вперед руку. Жест показался Руди знакомым, — точно так же старик Аму Бэл открывал заколдованную нишу на пятом северном уровне. Но женщина принялась чертить энергетические фигуры, отличавшиеся от привычных магических диаграмм точно так же, как какие-нибудь инфузории от водителя нью-йоркского такси.

Чужеродные образы... чужеродные и пугающие.

Несколько мгновений эти рисунки, пульсирующие желтоватым сиянием, висели в

воздухе, вращаясь в собственном загадочном танце, изменяя размеры и очертания, как будто они находились в некоем параллельном измерении.

И тем не менее Руди догадывался, что видит перед собой такие же круги силы, как и те, что рисовал он сам и Лысая Дама.

Их сущность и смысл были абсолютно такими же.

Образы погасли. Аму Бэл покачал головой.

— Никогда о таком не слышал. Я даже не могу представить, как призвать силу из таких... таких конфигураций. Ты увидела это во сне?

Она кивнула.

— Я надеялась, ты сможешь разгадать эту загадку. Тогда мы смогли бы отыскать способ, как насытить Убежище силой земли и звезд, чтобы магия держалась вечно.

— Вечности не существует, Брикотис, — прошептал Аму Бэл.

— Тогда хотя бы до той поры, пока мир не изменится, и мы не сможем вновь выйти на свободу, — негромко отозвалась она. — Разве я так многого прошу?

— Раненые и страждущие не осмеливаются просить ни о чем, кроме жизни, — отвечал старик. — Мы можем делать лишь то, что в наших силах, и надеяться на помощь свыше, когда угроза особенно велика.

Она вновь опустила голову и не обернулась, когда старик с кошкой на плече неслышным шагом удалился прочь. Немного погодя она глубоко, горестно вздохнула, вновь подняла глаза, и Руди увидел слезы у нее на лице.

— Это ведь ты послал мне этот сон? — прошептала она. — Ты грезишь о трех своих стражах; но ты и сам — живой страж...

Она покачала головой.

— Не могу, — прошептала она, едва слыш-

но, стиснула кулаки и прижала их к губам. — Не могу.

Но по голосу ее Руди понял, что вопреки всем ее словам, она должна выполнить то, ради чего явилась в подземелье.

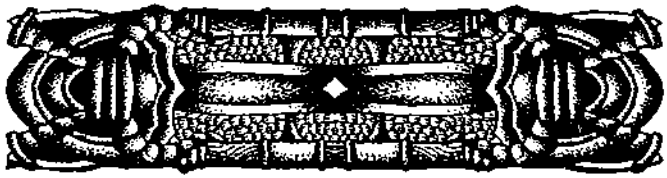
Опустившись на колени рядом с глиняным горшочком, она вытащила из него черное зернышко, обмакнула его в воду, стряхнула капли и положила на пол. Затем женщина поднялась, запахнулась в темно-синий шерстяной плащ, и из глаз ее вновь покатились слезы. Она прошептала:

— Дейр, друг мой, прости. И прощай.

Она вышла из комнаты, и Руди понял, что она спускается еще ниже, в подземелье, чтобы пройти по всем залам, в последний раз взглянуть на гидропонные цистерны, на магические знаки, на стены Убежища, попрощаться с ними прежде, чем уйти во тьму.

На полу Руди видел черное зернышко, влажное от воды, призванной сквозь Сферу Жизни. Он видел, как оно разбухает вдвое, затем втрое, выпускает белый корешок и, наконец, первый зеленый лист.

Глава одиннадцатая

Время уже близилось к полудню, когда Джил достигла усыпальницы Слепого Короля.

Когда она шла по сужающемуся ущелью, ведущему в недра Сайкотл Ксиам, ей казалось, что она все глубже погружается в сон, — весь ужас в том, что этот чужеродный мир больше не казался ей таким чужим. Белесый сланч сперва лишь пятнал стены каньона, затем покрыл их целиком: землю, камни, деревья, с которых ниспадал длинными толстыми прядями, какие-то твари копошились в этих жирных недрах, — твари с полупрозрачными лапками и щупиками, бесформенные комки движущейся протоплазмы. Джил внезапно вспомнила, как видела во сне Вота, идущего по такому же покрову сланча на равнинах Геттлсенда, — чужак в чужом краю, под мертвенно-желтым небом...

По дну каньона текла река тумана, по колено глубиной. Джил знала, что исходит она из пещеры ледяных магов, а потому уверенно направилась в ту сторону. Чуждая музыка все громче звучала в ее сознании. Песнь оберега, ожидания, уверенности в том, что вскоре мир снова станет таким, каким должен быть.

Она мысленно представляла себе кровь Ингольда, алую и горячую, на безжизненных толщах сланча.

Она представила статую безглазого короля.

Изваяние показалось ей знакомым, когда Джил, наконец, увидела его. Черная базальтовая фигура в пещере перед озером тумана. Повсюду вокруг рос сланч: на стенах, на потолке, образуя даже подобие сталактитов и сталагмитов.

Дверь в усыпальницу виднелась в отдалении так же, как это было в ее снах, и Слепой Король в одеянии из лишайников и сланча с невозмутимой печалью взирал на незваную гостью; какая-то тварь совершенно невообразимой формы молча восседала у него на голове.

Джил обнаружила следы Ингольда, ведущие к дверям, и следы других созданий, что следовали за ним. Кровь повсюду пятнала сланч. Внезапно Джил ощутила страшную усталость. Голоса в сознании приказывали ей отдохнуть...

Но сперва ей нужно было покончить с этим делом.

Она без устали шла всю ночь. Ей удалось ускользнуть от патрулей Эсбошета и Ваира на-Чандроса, от отрядов разбойников, разорявших деревни на этой некогда плодородной равнине. Хотя Джил смогла превосходно вооружиться, обыскав попадавшиеся по пути трупы, она так и не нашла себе лошади, и потому была вынуждена идти пешком.

Приблизившись ко входу в усыпальницу, она обнаружила на страже двух чудовищно мутировавших мертвых дуиков с раздутыми головами, неимоверно длинными лапами и какими-то отростками вдоль хребта. Они были убиты быстро и аккуратно, — явно работа Ингольда. Должно быть, он неплохо справлялся, пока Джил не узнала о его планах и не спровоцировала тем самым массированную атаку мутантов и габугу. Теперь не имело значения, по своей воле он явился сюда или отступил под напором врагов.

 Джил неуверенно ощупала свое лицо и

руки, в тысячный раз повторяя себе, что любые изменения — это лишь игра ее воображения, затем взяла лук и положила стрелу на тетиву. Короткий алкетчский лук казался слишком легким и непривычным. Едва ли она сумеет ловко с ним управиться...

Проход делал поворот направо. Впереди виднелся пролом в стене, открывшийся, вероятно, после землетрясения. Оттуда вырывался мертвенный свет, казавшийся невыносимо ярким во тьме. На земле лежал труп существа, которое в прошлой жизни, скорее всего, было горной обезьяной. Тварь вся обгорела. Одна лапа была отсечена, и кровь дымилась на холоде. Джил переступила через нее, ощущая боль и головокружение, и поющие голоса продолжали нашептывать: «Это из-за него тебе так больно, из-за него. Он сбежал, бросил тебя на поживу гладиаторам. Они изнасиловали тебя...»

На краткий, пугающий миг ложные воспоминания затмили реальность: Вепрь, Король, Леопард...

Джил, стиснув зубы, прогнала эти образы прочь.

Она оказалась в пещере длиной футов в пятьдесят и узкой, как неф готической церкви. Паутина сланча свисала с потолка и густо облепляла стены. Пещеру заполнял не только туман, но и дым от сгоревшего сланча и обугленной плоти. Повсюду горели шары лишайника. Дуики, горные обезьяны и какие-то бесформенные неведомые создания карабкались по стене, пытаясь достичь ниши, расположенной на высоте.

Ступени, ведущие туда, были сметены взрывом. На земле валялись осколки камней и разорванные на части габугу.

Ингольд стоял наверху, в нише, где прежде, должно быть, высилась какая-то

статуя. Скалы под ним были опалены огнем. Потоки крови стекали по сланчу на камни. Раз за разом порождения мрака возобновляли свои атаки на колдуна.

Руки его были черны от крови. Из последних сил он вскинул меч, чтобы отбить удар хлопающего крыльями зубастого монстра, налетевшего с воздуха. Двигался он со слепой решимостью бойца, чьи силы подходят к концу; из порезов на лице сочилась кровь. Джил видела, как он ухватился рукой за стену, чтобы удержаться на ногах. Разрубленная надвое тварь с глухим стуком рухнула на груду трупов, скопившуюся внизу под нишей.

Джил пристрелила двоих дуиков в спину, но тут ее сбил с ног габугу, налетевший откуда-то сзади. Впрочем, он не обратил на женщину ни малейшего внимания, словно просто ее не заметил. Джил отложила лук, шагнула вперед, рубанула по передним конечностям монстра, — головы у него не было, — а затем по коленям. Тот пополз вперед, но теперь уже явно не в силах был причинить Ингольду вреда. Тот даже не заметил происшедшего, — к нему сейчас упрямо карабкалась тварь, некогда бывшая саблезубом...

Джил подхватила лук, нацелилась и выстрелила.

Позднее она говорила себе, что ее подвел свет. В пещере было почти темно. Огненные шары, догорая, отбрасывали неверные тени... Так что, должно быть, ее и впрямь подвел свет.

Или, возможно, в последний момент ее рука дрогнула.

Стрела с зазубренным наконечником вонзилась в грудь Ингольду прямо под ключицей. Он удара он отлетел к стене, и голова запрокинулась.

Он еще попытался ухватиться за край ниши, но тело внезапно начало крениться впе-

ред. Джил пришла в ужас от содеянного, но тело словно бы перестало ей повиноваться. Действуя почти бессознательно, она опять натянула лук и на сей раз натянула лук и на сей раз пронзила стрелой глотку мутировавшего саблезуба, цеплявшегося за край ниши, подумав при этом: «Он упадет первым, а Ингольд — на него».

Тварь повалилась наземь. Джил с мечом в руке устремилась к воющим дуикам, обезьянам и мутантам в тот самый миг, когда колени Ингольда подкосились, и он вывалился из укрытия.

То, что последовало дальше, нельзя было назвать иначе, как бойней. Джил крошила дуиков, обезьян и все, что попадалось ей под руку, и мертвые твари падали на тело мага. Она отсекала руки, ноги и головы, словно рубила виноградную лозу, охваченная берсерковской яростью и одним желанием: уничтожать все живое, чтобы затем, наконец, покончить с собой.

«Спокойно, — подумала она. — Сохраняй спокойствие».

Ни одна из тварей даже не пыталась защищаться.

Покончив с ними, Джил бросила меч в ножны, чтобы больше не возникло искушения воспользоваться им.

Подбежав к Ингольду, она увидела, что наконечник стрелы торчит у него из спины. Дрожащими окровавленными руками она перевернула тело мага.

Глаза его были закрыты, но он все же прошептал:

— Джил?

«Я умру с твоим именем на устах».

Нет!..

— Все в порядке, — сказала она. Голос мага доносился едва слышно. Кровь не текла изо рта, — значит, стрела не попала в легкое.

— Да будет тебе, — выдохнул он.

Ледяная рука сжала ее запястье.

— Жрецы во льду... — промолвил он.

— Ты видел их?

Он кивнул и закашлялся. Джил чувствовала, как он напрягает мышцы, силясь унять кашель и подавить боль.

— Ты сражался с ними?

Как только они узнали о его приходе, у Ингольда не оставалось иного выбора. Лишь сейчас Джил поняла, что в этой кошмарной пещере застала лишь самый конец сражения, начавшегося еще в то время, когда она пробиралась по полям и сгоревшим виноградникам долины Хатиобар.

— Прости, — прошептала она. — Прости, что тебе пришлось бросить меня. Я никогда бы сознательно не предала тебя.

«Хотя только что пронзила тебя стрелой...»

Он покачал головой, сильнее стискивая ее руку.

— Конечно, нет.

«Перережь ему горло».

Нет!

«Вскрой ему вены».

Нет!

«Он использовал тебя, изнасиловал, насмехался над тобой, предал тебя...»

Джил внезапно услышала какой-то шорох и обернулась. Там, впереди, был еще какой-то тунель, уводящий вглубь горы. Оттуда извергался синеватый туман, веяло холодом и доносился кисловато-приторный запах.

Там что-то было.

Аморфная тень и звук флейты, превращавшей алмазные искорки яда в ее крови в убийственные кинжалы.

Ингольд поморщился, словно он тоже мог слышать этот звук.

— Они раздавили меня, как насекомое. — Губы его шевелились с трудом. — Я не мог прикоснуться к ним, а если бы даже сумел, у меня не хватило бы сил с ними совладать. Они сделают все... что пожелают. У нас нет будущего. Мать Зимы...

Зажмурившись от боли, он отвернулся.

— Пойдем, — промолвила Джил негромко. — Надо выбираться отсюда.

Кажется, он хотел возразить, но все же не стал сопротивляться, когда она подхватила его за плечи и силой поставила на ноги. Он навалился на нее всей своей тяжестью, но все же старался идти сам. Пока они медленно ковыляли по коридору, Ингольд даже не пытался с ней заговорить. Должно быть, у него не осталось на это сил.

За спиной она слышала *их*. Глубоко, в недрах горы, где кончался камень и оставался лишь лед, где мерцало и дымилось сапфировое облако в недрах ледника, их тени мерцали, словно ожившие грезы в ее сознании.

Ингольд наконец подал голос.

— Ты не должна делать этого, дитя мое.

— Пошел к черту. Может, я и вернусь без всякой надежды, но не вернусь без тебя.

Во тьме впереди показался квадрат света. Дым ел глаза, и меднистый запах крови въелся в волосы и в одежду. Все тело болело, словно ее избили дубинками, и Джил казалось, что никогда прежде она не чувствовала такой усталости. И по-прежнему серебристые голоса нашептывали оставить Ингольда здесь, на поживу тварям, обитающим в недрах сланча. Он это заслужил.

«И вы тоже идите к черту. Вы ведь одолели его, разве этого мало?»

Но, как видно, им и впрямь этого было мало. Ингольд рухнул, не дойдя нескольких шагов до выхода. Рухнул на землю беззвучно, и

Джил, чертыхаясь, поволокла его к свету, — грязный, усталый Орфей, вытаскивающий Эвридику из ада и осыпающий проклятиями весь мир. В темноте за спиной она ощущала на себе их взгляд.

В отличие от Орфея, оборачиваться Джил не стала.

Наконец, свет, — пусть даже блеклый и холодный... Джил заморгала, прикрывая глаза и укладывая Ингольда на землю, а затем распрямилась, чтобы заглянуть по сторонам.

Какие-то люди окружали вход в Усыпальницу. Все они были вооружены до зубов и носили алые доспехи с белым крестом, — эмблемой Церкви.

* * *

Позднее Джил осознала, что спасла ее самая обычная бюрократия. Бюрократия и страх подчиненных брать на себя ответственность.

У них были приказы лишь относительно мага Ингольда Инглориона, но ни о ком больше они не знали.

Когда Джил встала над его телом и заявила: «Отведите меня к леди Джованнин», — они смущенно переглянулись, не зная, что ответить. Она отказалась сдать оружие, когда ее об этом попросили, и не позволила им дурно обращаться с Ингольдом, взявшись за меч, когда один из солдат попытался пнуть мага сапогом под ребра.

— Не трогай, он все равно уже труп, — заявил помощник капитана отряда. — Мы подведем лошадь, если только он сможет сидеть верхом. Пешком он явно не дойдет...

Капитан, заслышав эти слова, негодующе сморщился. Джил заметила, что черты его как-то странно искажены и, вспомнив свой сон о

зеркалах, с содроганием осознала: «Он ел сланч, как те животные. Он начал меняться».

Те же признаки она обнаружила еще у дюжины солдат.

— Что с ним случилось? — поинтересовался помощник, худощавый невысокий клирик с гладко выбритой головой.

— Я должна поговорить об этом с епископом, — отозвалась Джил. Капитан по-прежнему взирал на Ингольда, словно пытаясь решить, не прикончить ли того на месте. Джил гадала: какие голоса сейчас звучат в его мозгу? В конце концов, они сковали его цепями, густо усеянными магическими рунами, и связали обуглившимися веревками. Алые ленты заклятий обвивали цепи, словно потеки крови. Джил осознала, что это были те же самые узы, в которых сожгли ведьму Хегду. Лейтенант Пра-Сиа приказал своим людям соорудить для Ингольда носилки из копий и упряжи, поскольку в каньоне не росло никаких деревьев.

Над входом в усыпальницу Джил внезапно заметила полустертый барельеф, изображавший три фигуры, склоненные над котлом, откуда прорастало что-то похожее на дерево. Почему-то этот образ напугал ее.

Лейтенант Пра-Сиа срезал наконечник стрелы и вытащил ее из раны, а затем перевязал Ингольда.

Кровь хлынула обильно, но маг, похоже, ничего не чувствовал. Джил всю дорогу шагала рядом с носилками, не выпуская из рук меча. В конце концов лейтенант спешился и пошел с ней рядом. Кинград, капитан отряда, не препятствовал этому: возможно, невзирая на воздействие ледяных магов, он понимал, что Джил убьет любого, кто попытается разлучить их с Ингольдом, и не хотел ссориться с епископом. Возможно, у него были иные причины...

В коридоре епископского дворца, стоявшего на берегу озера, лейтенант обратился к Джил:

— Теперь вы должны сдать оружие.

И когда она уже готова была вступить с ним в бой, Ингольд прошептал:

— Покорись, дитя.

В коридоре темницы подняли стальную решетку. Затем мага прямо на носилках опустили вниз, в колодец, а для Джил приставили лестницу. Она спустилась во тьму, прорезанную рыжеватыми отблесками факелов из коридора.

Пленникам дали воды и немного еды, а также спирта, чтобы очистить раны. Камера оказалась маленькой, но сухой, и все до единого кирпичи в стенах, полу и потолке были отмечены магическими знаками, приглушавшими колдовскую силу. В свете факелов, сочившемся из забранной решеткой дыры над головой, Джил раздела Ингольда и попыталась обмыть его, невзирая на цепи, обвивавшие руки, шею, запястья и лодыжки. Он уже не дрожал, но кожа на ощупь казалась мертвенно-холодной.

Остатки воды она использовала, чтобы умыться, смыть кровь с лица и волос, но с одеждой уже ничего нельзя было поделать. Джил села на низкую кирпичную приступку, куда уложила и Ингольда, чувствуя такую тяжесть, словно все окрестные горы давили ей на плечи, а ледяной дым грез вновь заполнил сознание.

«Убирайтесь из моей головы, черт возьми. Убирайтесь из моей головы! Разве вам этого недостаточно?»

И все же она не могла думать ни о чем ином, и эти мысли убивали ее.

— Джил-Шалос?

Она думала, что он нуждается лишь в утешении, и легонько коснулась плеча Ингольда. Он ухватил ее за руку.

— Жаль, что тебе пришлось отдать меч, — прошептал он.

— Ну и пусть. Капитан тоже был огорчен. По-моему, он надеялся, что я сама тебя прикончу.

— А-а. — На губах мелькнула улыбка, но он так и не открыл глаза. — Узнаю свою Джилифер.

Она очень надеялась, что голос ее не дрогнет:

— Он, по-моему, ел сланч. Должно быть, это он рассказал о тебе Джованнин в тот самый миг, когда ледяные маги обо всем узнали. Или это Хегда тебя выдала?

Ингольд чуть заметно качнул головой.

— Это было просто... отговоркой. Я должен был что-то придумать. Прости меня, Джил. Я не мог...

— Нет, ты был прав. Они увидели бы тебя моими глазами, и ни один из нас не добрался бы до цели живым. Ингольд, прости меня, я не целилась в тебя нарочно, клянусь! Надеюсь, ты это знаешь.

— Знаю. — Уголки губ изогнулись в улыбке, и он чуть приподнял руку, словно желая коснуться ее лица. — Но мы могли и не утруждаться, — продолжил он негромко, тщательно размеривая дыхание и сберегая остатки сил. — Мы ничего не можем поделать против ледяных магов и того, что они охраняют. Теперь все пропало. Мы не можем их остановить. Спасибо, что пришла за мной. Благодарю тебя от всего сердца, но теперь я отпускаю тебя, Джил. Мы исполнили то, ради чего явились сюда, точнее, доказали, что сделать это невозможно. Если они тебе позволят — возможно, Джованнин проявит милосердие, — возвращайся в Убежище.

— Иди к черту, — дрожащим голосом отрезала Джил. — Я никуда без тебя не пойду. Наверняка найдется...

— Дитя, все бесполезно. — Он сжал ее руку. — Если меня убьют... Уверен, что так оно и будет... Я не смогу им помешать. Бой с ледяными магами отнял у меня все силы и даже более того... — Он долго молчал, потом как будто вознамерился о чем-то попросить Джил, но лишь со вздохом покачал головой. — Спасибо тебе, — сказал он просто. — Спасибо, что осталась со мной.

— Спасибо? — повторила Джил срывающимся голосом. — Ингольд, я люблю тебя. Я люблю тебя больше всего на свете, больше самой жизни. Без тебя мне ничего не надо, ни в этом мире, ни в любом другом. — При звуках его голоса, такого холодного и отстраненного, ее охватила паника. Словно он отталкивал ее от себя, стремясь погрузиться в вечный сон. Джил ухватила Ингольда за руки, как будто пытаясь силой удержать его. — К черту всех ледяных магов! Я ненавижу их за то, что они со мной сделали, за то, что использовали, как оружие против тебя. За то, что исковеркали мою душу... Но это ненадолго. Клянусь тебе, что это ненадолго. Ничто, ничто не может уменьшить мою любовь к тебе, клянусь!

Он открыл глубоко запавшие глаза. Во взгляде читалась безграничная печаль, и Джил подумала: «Я его потеряла». Ее охватило отчаяние. Она не знала, что теперь делать.

— Не прогоняй меня.

— А как же отец ребенка? — спросил он.

Время остановилось, словно самолет, зависший в воздухе, поддерживаемый лишь силой восходящих потоков. Позже Джил удивлялась, почему не подумала при этом о ребенке Руди и Минальды. В тот момент ей это даже в голову не пришло.

— Какого еще ребенка?

Впервые за все время в голубых глазах мага вспыхнула живая искорка, — в них за-

родилось сомнение, как будто своими словами она опровергла то, в чем он был давно уверен. Седые брови нахмурились.

— Твоего ребенка, — промолвил он. — Ребенка, которого ты носишь во чреве. Я думал, именно поэтому ты не хотела покидать Убежище.

Джил заговорила и сама не узнала свой голос:

— Я не беременна.

И сразу поняла, что это ложь. То, что она приписывала воздействию яда, теперь получило совсем иное объяснение. Головокружение, тошнота, сонливость. Даже уверенность в том, что тело ее меняется под действием какой-то чужеродной силы.

Наверху, над головой загрохотали сапоги. Свет сделался ярче, и кто-то откинул решетку. Вниз спустили лестницу.

— Инглорион, — окликнул капитан церковной стражи.

Джил схватила Ингольда за руку и чуть слышно спросила:

— Но почему ты решил, что этот ребенок — не твой?

Маг озадаченно уставился на нее, и Джил поняла, что подобное даже не приходило ему на ум: ведь колдуны всегда налагали чары бесплодия на своих спутниц.

Однако эти заклятья перестали действовать, когда яд ледяных магов проник в ее вены. И все же дело было не только в этом.

Ингольд в глубине души не верил, что какая-то женщина однажды может пожелать зачать и выносить его дитя.

— Инглорион! — Стражники спустились в камеру, звеня доспехами, и Джил встала с места. Ухватив за горлышко бутыль, она разбила донышко об стену и теперь держала «розочку» перед собой. Запах спиртного распростра-

нился по темнице. Ингольд попытался взять ее за руку, но не дотянулся, скованный цепями.

— Я пойду с тобой, — бросила она, даже не оборачиваясь.

— Зависит от того, куда меня поведут.

Джил услышала звяканье цепей и перестук костяных плашек с рунами, когда Ингольд попытался сесть, задыхаясь от напряженных усилий. Джил не сводила взгляда с капитана, помощника, стоявшего за ним, и с остальных стражей, пересчитывая едоков сланча и обычных людей, решая, на кого напасть первым, после того, как она убьет капитана и возьмет себе его меч.

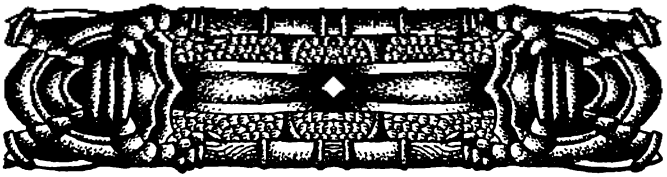
— Мне это без разницы, — процедила она сквозь зубы.

Капитан заявил:

— Епископ прислал за тобой, старик. Только посмей воспротивиться, — и девчонка умрет.

— Мой дорогой капитан. — Ингольд поправил на себе окровавленные, разорванные одежды. — Обещаю не сопротивляться. Я не смог бы этого сделать, даже если бы очень захотел.

Глава двенадцатая

Ингольд, где же ты? Возьми, наконец, трубку!

Холодная тень падала на землю. Небо над горами полыхало огнем. Ниже по склону близ следов, которые оставил этим утром мамонт, на страже стояли Ледяной Сокол и Мелантрис. Руди невольно подумал, что им не хватает только черных костюмов и солнечных очков.

— Ты должен мне ответить, — в отчаянии прошептал он. — Ты должен все узнать. Теперь мне известно, какой магией пользуются наши враги. Чары, с помощью которых они черпают энергию...

Неужели слишком поздно?..

Он помнил все, что узрел в видении: парящие в воздухе конусы, мерцающие, как вода, точное расположение больших и малых фигур, то приближающихся, то удаляющихся вновь, ритм их танца, в точности воспроизведенный Лысой Дамой, подобно всем магам, наделенной эйдетической памятью.

Наверняка Ингольду это поможет. Он разберется, в чем тут дело.

Если только он еще жив.

— Господин маг! — Руди поднял глаза. На границе круга стояли епископ Майя, Ланк Яр и лорд Анкрес вместе со своими телохранителями. Вид у них был мрачный и напряженный.

— По-моему, мы отыскали их всех, — заявил Майя.

Стражники держали пленных в тренировочном зале, одном из самых больших открытых помещений в Убежище. Даже те, кто больше всех сопротивлялись обыску Убежища, — леди Скет и Энас Баррелстейв притихли при виде этих безглазых тварей, в которых превратились Кланет Уайт и старый Виккет.

Корам Биггар, в ком мутации еще не были так заметны, хорохорился:

— Не так уж скверно они и выглядят. — Он показал на Нупа Фарера, которому жена прорезала дырки в рубахе, чтобы выпустить отростки на груди и на спине. — Тут нет ничего плохого, моя госпожа. Разве внешность важна, когда ешь досыта?

И он с вызовом огляделся по сторонам.

Гвардейцы и солдаты лорда Анкреса, помогавшие при обыске, переглянулись с отвращением, держа оружие наготове. Завидев Руди, Варкис Хогширер пробился к нему, расталкивая остальных пленных.

— Вы не имеете права держать меня с ними! — завопил он. — Погодите, господин Всезнайка! Погодите, пока моя дочка научится колдовству!

Рядом с ним Скела стояла молча, заливаясь слезами.

— А мы-то ели досыта, — продолжал Биггар, когда гвардейцы принялись подталкивать всю эту толпу к лестнице, ведущей в тюрьму, устроенную в подземельях. — Вы все глупцы, что не вкушали даров Святого Милосердия. Взгляните на нее! — Он ткнул пальцем похудевшую, бледную, как мрамор, Минальду, державшую за руку Тира. Рядом стояла Линнет с перевязанным горлом. Тир смотрел по сторонам мрачно, но без всякого удивления, и глаза его казались бездонными озерами с темной водой.

— Посмотрите, как у нее торчат кости! Вы все погибнете, а мы будем жить!

— Конечно, — отозвался Янус, когда уводили мутантов, — всего около полусотни человек. — Да, вы будете жить. Но в каком виде?

— Это еще не все, — заметил Руди, когда зеваки, взволнованно перешептываясь, начали расходиться.

Минальда чуть заметно качнула головой.

К ним подошли Анкрес, Майя и Янус.

— Опасный прецедент, — мягко заметил епископ. — Мы не можем вот так попросту взять и заявить, что все те, кто выступали против нас, находятся под властью ледяных магов.

— Отличить будет очень просто, — возразил Руди. — Спасибо человеку по имени Джон Кэмпбелл и его рассказу «Кто идет?».

Синие глаза Альды испуганно распахнулись.

— Ты хочешь сказать, что в твоем мире люди встречались с такими же проблемами?

Руди ухмыльнулся, с трудом удерживаясь, чтобы не расцеловать ее прямо перед Майей и Анкресом. Сегодня Альда выглядела чуть свежее. Похоже, сражение и бег по коридорам Убежища не причинили ей вреда, но все же Руди был бы рад, если бы она не вставала с постели. Эта беременность сводила его с ума...

— Каждый божий день, детка, — ответил он. — Каждый божий день.

Иудеи из Старого Завета пользовались произношением слова «шибболет». Люди, сражавшиеся против антарктических пришельцев, применили раскаленную проволоку и образцы крови. Руди воспользовался иллюзиями, которых габугу не видели, а потому проходили прямо сквозь них.

Лорд Анкрес вздрогнул и поморщился, когда Руди посадил ему на ногу огромного иллюзорного паука. Это срабатывало почти со

всеми. Для стоиков вроде Ледяного Сокола, который не прореагировал бы, даже если бы гигантский кальмар стал кривляться перед ним наподобие Гручо Маркса, Руди просто проводил магическую линию посреди пустой комнаты и просил:

— Пожалуйста, подойди сюда.

Молодой стражник застыл, как вкопанный, от изумления, что не может сделать ни шагу.

Руди испытал всех гвардейцев, людей лорда Анкреса и охотников Яра. Затем он взялся за обитателей пятого северного уровня.

Увы, но лорд и леди Скет без труда выдержали экзамен. Пришлось признать правоту епископа: нельзя заковать в железо всех тех, кто просто с тобой не согласен...

— Знаешь, почему они мешали обыскам? — устало спросила у него Альда глубокой ночью, когда Руди, наконец, закончил многочасовую проверку. Мелантрис со своим отрядом только что закрыли ворота Убежища после того, как выгребли наружу остатки сланча из очищенных комнат.

— Должно быть, Биггар прятал у них своих кур.

Альда кивнула.

— И краденую еду. Они принесли клятву верности Анкресу в старых традициях, и для Анкреса этого было довольно, чтобы оказать им покровительство. Они знали, что он никогда не позволит моим гвардейцам шарить на его складах. Он пришел в ужас, когда узнал, что Биггар такую же клятву верности принес и Скету.

Руди потер глаза. Помимо гор сланча, из Убежища выволокли еще комки плоти, напоминавшие подгнившие плоды, — это были растущие габугу. Все это вычистили из лабиринтов пятого яруса, из опустевших кладовых и коридоров, куда почти никто раньше не заглядывал. При одной только мысли о том, что ему придется

придумывать, как уничтожить всю эту мерзость, Руди охватывала слабость и отвращение.

— Нам придется их убить, — тихим спокойным голосом произнес Тир, щекой прижимаясь к руке матери. — Ведь правда?

Вид у него тоже был усталый. Он как будто повзрослел на годы со вчерашнего дня. Руди поймал себя на том, что с трудом может выдержать печальный взгляд этих сине-фиолетовых глаз.

«Прости меня, малыш...»

Альда исхудавшей рукой потрепала сына по голове.

— Сегодня нам не обязательно говорить об этом, милый.

Тир посмотрел на нее, но ничего не сказал. Руди невольно задался вопросом, знает ли мальчик, о чем думают они с Альдой: «Если Ингольд мертв и нельзя уничтожить ледяных магов, то мы не сможем долго кормить мутантов, от которых все равно придется избавиться».

Лысая Дама чертила сферу, чтобы призвать не только Воду, но и Жизнь. Чтобы восстановить фигуру по памяти, придется работать целый день, и при мысли о таких усилиях у Руди заныли кости. Но он видел, как зернышко пускает ростки и выбрасывает зеленый лист... Эта мысль наполняла его радостью. «Завтра, — сказал он себе. — Завтра». Завтра ему придется продолжать испытания. Пока было обнаружено тридцать пять мутантов и еще человек десять, которые не изменились внешне, но явно находились под действием сланча, поскольку оказались не способны различить иллюзию. А ведь Руди протестировал лишь малую часть обитателей Убежища.

А ведь были и другие проблемы: гидропонные баки, работавшие не в полную мощность, и силовые круги, которые должны были призывать сюда животных, — но на чей зов до

сих пор не откликнулась даже самая малая зверушка.

«Должно быть, какая-нибудь банда Белых Всадников сидит на перевале и жиреет на овцах и лошадях, которые проходят мимо, радуясь, что нашли такое удачное место для охоты...»

Он посмотрел на Альду, которая казалась до ужаса хрупкой и уязвимой, и вспомнил, как Биггар тыкал в нее пальцем: «Вы только взгляните, как торчат у нее кости...»

А вдруг Ингольд не вернется?

«Господи, ну почему нельзя просто схватить меч, прибить какого-нибудь чертова монстра и покончить со всем этим?! Неужели нет менее хлопотного способа спасти мир?

Немудрено, что у Ингольда волосы белы, как снег, ведь он чувствует себя в ответе за всех вокруг».

А затем Руди подумал: «Если Ингольд и впрямь мертв, мне придется самому идти воевать с ледяными магами. О, Господи Иисусе...»

* * *

Альда провела ночь в комнате Руди, не желая возвращаться в свою опочивальню, уничтоженную чудовищами.

В окружении гвардейцев она чувствовала себя в безопасности, но все же несколько раз за ночь просыпалась в слезах. И поскольку никто не знал, многие ли в Убежище еще находятся под властью ледяных магов, то даже лорд Анкрес не стал возражать.

Тир спал в бараках стражи.

На рассвете, когда Альда, наконец, крепко заснула, Руди выскользнул из-под одеяла, вымылся в комнате гвардейцев, где были установлены старые ванны и медные котлы еще

времен короля Элдора, а затем отправился в подземелье.

Завернув за угол, он увидел Сейю и старшего сына лорда Анкреса, охранявших комнату, где содержали мутантов. Ему послышался голос Варкиса Хогширера: «...это все интриги, чтобы отдать Убежище во власть магов...»

Руди двинулся дальше, и вскоре голос затих.

Большая рабочая зала, где обычно вел свои изыскания Ингольд, была точно такой же, как прежде, — темной и тихой. На каменной скамье у стены лежали части разобранного древнего огнемета. С потолка на колесах и рычагах свисали какие-то переплетенные цепи. Вода негромко журчала в каменной чаше у стены.

Руди достал пакетик истолченного серебра, смешанного с травами, а также благовония и горючие камни. Вчера он здорово устал, и знал, что сегодня ему тоже предстоит нелегкий день. Вот почему он использовал все знаки и круги силы в согласии с ритмами Земли и фазой Луны, чтобы взять у них побольше энергии и поддержать собственные запасы. Также, как учил его Ингольд, Руди постарался дотянуться до залежей серебра и меди, лежавших глубоко под землей, и подземной реки, протекавшей в недрах пещер.

Все, что угодно, ради того, чтобы связаться с Ингольдом. Все, что угодно.

Руди казалось, что если он расслабится для медитации, сидя в центре круга, то немедленно заснет. Но когда он вздохнул поглубже, усталость внезапно исчезла, и магическая сила Убежища словно бальзамом омыла его плоть и душу.

«Я живу, и этого довольно, — подумал он, словно перышко, паря над бездной, где таился источник Истинной магии. — Я дышу, я здесь».

Сила хлынула в него, смешивая темные потоки, струящиеся из-под земли со свет-

лыми, приходящими из воздуха. Накопив достаточно энергии, Руди направил ее сквозь магический кристалл, сплетая подобие огненного каната и повторяя имя Ингольда. Никто ему не ответил.

Не смог он вызвать и образ Джил.

Зато он увидел Убежище Черных Скал, — там повсюду был только дым, сланч и блеклые, уродливые монстры...

Руди ощутил, как солнце восходит в небесах, открылись гигантские Двери Убежища, выпуская работников на поля. Жизнь повсюду пробуждалась.

Подняв глаза, он увидел на пороге Тира.

Мальчик всю жизнь соприкасался с магией и знал, что нельзя прерывать в ритуал и заходить за грань круга. Он держал в руках факел, взятый, скорее всего, в дозорной комнате стражи.

— Все в порядке, я закончил. — Руди стал подниматься, и Тир протянул руку, чтобы помочь.

— Тебе нужно его найти? — спросил мальчик. — Ингольда?

Руди никогда не был на юге, но Джил и Ледяной Сокол рассказывали ему о дороге, идущей вдоль реки, о джунглях на побережье и о бурых холмах, окружавших Кхирсит.

— Если ты превратишься в птицу, как Ингольд, — промолвил Тир, — то сможешь сам полететь туда и убить всех плохих. Ты ведь сказал, что теперь знаешь их тайну. Ты говорил маме, что видел это во сне.

Тир осторожно вставил факел в пустой кувшин. Руди заметил, что под синей курточкой у мальчика повязан красный кушак, в котором раньше ходил Геппи Нул.

— А как же ты, малыш? — ласково спросил его Руди. — Ты и твоя мама? Иди сюда... — Он протянул руки. — Круг мне сегодня больше не понадобится.

Тир подбежал к нему, пересекая силовые линии, обнял Руди, и тот стиснул в объятиях хрупкое детское тельце.

— Он позволил им всем умереть, чтобы спасти мир, — промолвил мальчик чуть слышно, прижимаясь лицом к плечу Руди. Кажется, он плакал. — Я его видел. Я был им. Они все спешили сюда, чтобы укрыться от дарков, и король был зол на него... на Дейра. Маги творили чары, чтобы создать Убежище, и у людей было бы место, где им укрыться, а Дейр им ничего не сказал и не просил их пойти с ним, когда отправился в долину, чтобы не дать королю убить его семью.

В его срывающемся голосе слышались отголоски давней боли.

— Солдаты короля схватили семью Дейра у реки, где раньше были Поселения, и там состоялся бой. Всех убили, кроме самого Дейра и еще нескольких солдат. Жена Дейра погибла, и его старший сын, и все остальные. Но если бы маги сопровождали его, они не смогли бы сделать Убежище безопасным для людей.

Тир поднял залитое слезами лицо. В темных глазах застыло страдание.

Женщина с белыми цветами в рыжем парике... Окровавленный мужчина, подъехавший к Убежищу на рассвете...

— Он не мог спасти всех, — прошептал Тир и икнул. — Если ледяные маги будут жить, то мы умрем, да?

Это спрашивал не ребенок, а король, нуждавшийся в совете своего единственного мага, и маг должен был сказать ему правду:

— Думаю, что да, малыш.

Тир с шумом втянул в себя воздух, затем выдохнул, отступил на шаг, вытер глаза рукавом и шмыгнул носом.

— А ты можешь превратиться в пти-

цу? — спросил он. — Ты можешь полететь туда, отыскать Ингольда и помочь ему?

Руди содрогнулся, вспомнив, как только вчера мечтал о каком-нибудь решительном сражении, которое избавило бы его от груза повседневной ответственности.

— Твоя мама знает, что ты пришел ко мне с этим вопросом? — Он вспомнил, как она рассердилась, узнав о бегстве Ингольда, и как спорила с Баррелстейвом и лордом Фнаком, когда встал вопрос о том, чтобы покинуть Убежище.

Тир покачал головой.

— Она хочет спасти людей, и чтобы все остались в безопасности, — промолвил он негромко. — Но речь идет не только о наших людях. Я помогу тебе пройти мимо гвардейцев и выбраться ночью из Убежища. А после того, как ты уйдешь, я ей скажу, что это я разрешил. Она, конечно, разозлится, но я скажу, что это был мой приказ.

Руди со вздохом обнял мальчика.

— Это ни к чему, малыш. Если я превращусь в птицу... если только вообще сумею превратиться во что-нибудь получше индюшки... — Тир захихикал. На какое-то мгновение на месте короля вновь оказался обычный мальчуган. — ...то скорее всего, забуду, как вновь стать человеком, и меня съедят на обед. Птицы очень глупы. Я не смогу это сделать, малыш. У меня меньше сил, чем у Ингольда. Ты поступил очень храбро, отдав мне такой приказ... Ты храбрее, чем я. Но сейчас мне придется остаться здесь. Тут я нужнее, понимаешь?

Мальчик рассеянно смотрел вдаль, перебирая древние воспоминания: память его отца, память Дейра, память эгоистичного мальчишки, который убил цаплю. Он помнил, как всем этим людям приходилось делать выбор и принимать решения, которых сам Тир пока не понимал.

Наконец, он прошептал:
— Ладно, спасибо. — И обнял Руди за шею.

* * *

Десять лет назад, как предполагала Джил, зал аудиенций в епископском дворце Алкетча, был истинным оазисом прохлады в тропической жаре Кхирсита. Подобно большинству помещений, которые Джил видела на юге, здесь почти не было мебели, а стены украшались цветной глазурованной плиткой. Окна были огромны и затянуты кроваво-красным бархатом, чтобы сохранить хоть остатки тепла. В зале царил ледяной холод.

Джованнин Нарменлион скрестила на груди узкие белые руки и взглянула на старика, стоявшего перед ней босиком в разорванной одежде, в цепях, — змеиным оценивающим взглядом.

— Моя госпожа... — Ингольд склонил голову.

— Итак. — Она коснулась пергамента, лежавшего на гранитной столешнице, и темные глаза недобро вспыхнули. — Ты явился на юг, Инглорион. А я-то гадала, как скоро это произойдет.

— Зачем, госпожа?

Она опустила веки, покрасневшие от хронической бессонницы. Прежде Джил полагала, что ей около пятидесяти лет, хотя будучи аббатисой Гая, Джованнин брила голову на церковный манер, и возраст ее было определить непросто. Сейчас она казалась значительно старше, и голос заметно дрожал.

— Я считала леди Минальду куда умнее. Когда она прислала вас сюда, то не могла не знать, что этот болван Фнак явился ко двору на-Чандроса в канун дня святого Канна и принялся торговаться из-за каких-то земель. Глупец! Неужто он и впрямь верил, что на-Чандрос отдаст ему хоть что-нибудь по доброй воле.

Она взяла пергамент и прочитала:

— Долина Ренвета отныне бесплодна. Даже в полях у реки больше не произрастает зерно, и мы должны отдаться на милость императора. — Она разжала пальцы. Лист вылетел у нее из рук, коснулся полированной столешницы, а затем соскользнул на пол. — Будет очень занятно, если этот однорукий демонов выродок пригласит их в свои владения вместе с женами и детьми. Но теперь мне ясно, на что зарится леди Минальда. И вот ты здесь, передо мной...

Ингольд покачал головой. Он дышал с трудом, побледнел и едва держался на ногах. Джил уже поняла, что в борьбе с ледяными магами он надорвал себе сердце. Скрестив руки, он поигрывал кольцом наручников, обхватывающим запястье.

— Я не затем явился на юг, госпожа. Об этом я ничего не знал.

— Тогда владычица Убежища просто глупа. — Негромкий голос скрежетнул, как кончик кинжала по камню. — Зачем ты здесь?

Пока Ингольд молчал, Джил подумала, что сейчас он скажет: «Чтобы спасти человечество»... Интересно, что тогда ответит Джованнин?

У стены, за столом епископа стояли два стула, и на одном из них сидела худенькая хрупкая девушка лет пятнадцати-шестнадцати в украшенной жемчугом вуали, с белыми волосами и эбеново-черной кожей. На другом восседал белый мужчина, несколькими годами старше Ингольда, полысевший от старости, некогда рослый, но согбенный от старости и съеженный, словно жизнь понемногу вытекала из него. На нем было алое одеяние клирика, но, в отличие от служителей Церкви, он носил бороду, молочной рекой стекавшей почти до колен.

Именно он подал сейчас голос.

 — Говорят, что усыпальница Слепого Ко-

роля — магическое место, госпожа. — Голос его звучал звучно и музыкально, как у театрального актера, и жесты были такими же отточенными. — В этом месте ощущаются странные силы. Там снятся волшебные сны. Если бы я пытался произвести колдовской ритуал, к примеру, чтобы призвать вельмож к бунту против законных правителей или чтобы навредить войскам империи, то выбрал бы именно это место для работы.

— Не сомневаюсь в этом, Бектис, — любезно согласился Ингольд. — Те, кто не обладают достаточной силой, цепляются за любую поддержку. Полагаю, ты сам ни разу там не был? Ну, конечно. — И он повернулся к Джованнин, не обращая больше никакого внимания на пышущего гневом Бектиса. — Госпожа, мое появление на юге никак не связано с вашими внутренними распрями. Я прибыл сюда вопреки приказам леди Минальды, и, поверьте, я считаю лорда Фнака глупцом, если он и впрямь думает, что сможет торговаться с на-Чандросом, марионеткой Эсбошета Йор-Клеосом или... с ее высочеством. — И он поклонился девушке, сидящей рядом с Бектисом. Она в ответ уставилась на него своими серебристыми глазами без всякого выражения. Джил обратила внимания, что принцесса не носит амулет, отпугивающий демонов, что было большой редкостью на юге, — видно, считалось, что силы зла не осмелятся напасть на ее высочество. Однако ее шею украшали дорогие янтарные четки.

А вот Джованнин не носила ни того, ни другого, равно как и вуали. Может, женщины, служащие Церкви, здесь считались равными мужчинам? Интересно, как аббатисе удалось захватить власть в свои руки и добиться столь высокого поста.

Обращаясь к девушке, Ингольд продолжил:

— Холод надвигающейся зимы — вечной зимы — сковал эту землю, как сковал и многие другие. Урожая уже не хватает, чтобы прокормить ваш собственный народ, госпожа, не говоря уже о беженцах с севера. Сомневаюсь, что вы смогли бы прокормить их, даже обратив в рабство, хотя, возможно, именно это и обещали вам военачальники.

Она по-прежнему никак не отзывалась на его слова, и выражение глаз ничуть не менялось. Джил вспомнила ее имя: Йори-Эзрикос, «дочь Эзрикоса». Император был владыкой Алкетча и князем Семи Островов... *И все равно тебе, крошка, не дождаться почетной диакритики...*

Здесь, на юге, мальчики получали имя в возрасте шести лет, хотя в бедных семьях их именовали просто по порядку: Ниниак означало «третьерожденный»; девочкам же имен не давали вовсе. Ваир на-Чандрос взял в жены дочь императора против воли. «Зловредная бунтарка», — так называла ее домоправительница в Баалак-аре.

Джованнин ответила вместо принцессы:

— Нам всем ниспослано испытание. Это очень похоже на тебя, Инглорион — все вы таковы, маги, с вашим невежеством и высокомерием, — пытаться обмануть Судьбу с помощью воли иллюзии и магии, обойти испытания, предназначенные душе.

Она уселась в кресло, глядя на пленников.

— Но женщина, дающая наркотик своему мужу, вместо того, чтобы позволить ему страдать от очищающей боли, все равно грешит. И сколько бы ты не тешился иллюзиями, считая себя спасителем мира, ты все равно во власти Зла. И всех своих последователей отправляешь прямиком в Ад.

— А тебе известен иной путь? — проговорил он без иронии.

— Я знаю закон. — В голосе ее звучало

такое самодовольство, что сердце Джил упало. — Закон говорит, что все, происходящее от магии, берет свой корень во Зле, сколь бы ни были благотворны внешние проявления и цели. — Это был голос человека, абсолютно уверенного в собственной правоте, несгибаемого и неумолимого, способного убивать других и себя без малейшей тени сомнений, если к этому призовет долг. Бектис наблюдал за Джованнин, не отводя глаз, и Джил поразилась, сколько ненависти было в его взгляде.

— Зло — это иллюзия, — продолжила Джованнин. — Зло — это воля. Что еще есть магия, как не иллюзия и не воздействие колдовской воли на законы материального мира?

— Но то же можно сказать и об искусстве, — возразил негромко Ингольд. — И о медицине. Первая женщина, добывшая огонь, ударом кресала также обошла законы богов зимы, моя госпожа; первый мужчина, превративший ветку дерева в копье и метнувший ее в пасть саблезубу, оспорил законы, данные ему с рождения. Но я спорить не стану.

Он покачал головой, и длинные седые волосы упали на лицо. Запавшие голубые глаза потемнели от усталости.

— Те же боги зимы одержали победу и надо мной. Я явился на юг, в усыпальницу Слепого Короля в надежде сотворить великую магию, которая остановила бы холод, грозящий уничтожить весь мир. Я мог бы остановить похолодание, даже если бы не сумел вернуть в мир тепло. Но я потерпел неудачу.

Он покачнулся, потеряв равновесие; охранники удержали Джил, готовую ринуться ему на помощь. На повязках Ингольда она увидела проступающую кровь.

— Госпожа, я не смог исполнить того, за чем пришел сюда. У меня не хватило сил, и

теперь я не знаю, что делать. Я могу лишь просить вас о милосердии и о дозволении покинуть эти земли и вернуться на север, чтобы там хоть чем-то помочь моему народу, прежде чем падет вечная тьма.

Джованнин слегка склонила голову набок, точно змея, оценивающая расстояние для броска.

— Столько учености, — промолвила она почти ласково, — и такое невежество. Я считаю тебя невиновным в злом умысле, Инглорион. Я знаю, что ты выше этого. Если бы у тебя и впрямь имелась душа, а не слепая тень, оставленная на ее месте Злом, я бы сказала, что у тебя были благие намерения. Ты и впрямь величайший из колдунов...

За спиной у нее Бектис негодующе вскинулся, готовый возразить.

— ...и потому тебе предстоит самое тяжкое падение, ибо ты опутан тончайшими сетями Отца Зла. Ты стремишься спасти тех, кому Господь уготовил тяжелейшие испытания, дабы проверить их на прочность... Уведите его.

Она взглянула на Джил.

— Дитя, ты желаешь остаться с ним?

Та гордо вскинула голову.

— Не думаю, что ваш Господь имеет что-нибудь против преданности и любви.

— Ты и впрямь так полагаешь? — небрежно осведомилась Джованнин. — В этом твоя ошибка, дитя, и твой грех. Уведите их обоих.

Она уперлась руками в столешницу, провожая взглядом Джил и Ингольда, которых стражники вывели наружу. Как только дверь за пленниками закрылась, маг потянулся к своей спутнице, но охранники оттащили его прочь. Обессиленный, Ингольд привалился к стене, затем схватился за бок и медленно сполз на пол, лишившись чувств.

Глава тринадцатая

Они нападут на Убежище. — Руди прикрыл глаза от яркого утреннего солнца и, сощурившись, взглянул на черную стену, вздымавшуюся над воротами. — Рано или поздно, они нападут на Убежище.

Он смертельно устал, проверяя мужчин, женщин и детей — «подойдите сюда, пожалуйста...» — и опасался, что если увидит еще хоть одну иллюзорную мышь или паука, то сам погонится за ними с палкой.

Виски ныли от бесконечных экспериментов со Сферой Жизни в подземельях, где он пытался отыскать источник загадочной энергии, спасшей ему жизнь на пятом ярусе. Ничего не получалось, и Руди был готов молотком расколотить неподдающуюся картофелину в пыль. «Вот вам! Как насчет волшебного пюре?!»

Леса вокруг Убежища кишели габугу. Он чувствовал их присутствие всякий раз, когда выходил наружу.

— Но ведь они не смогут сюда пробраться. — Альда оглянулась через плечо на умирающие деревья.

— Не думаю... ваше величество, — добавил он, поскольку с ними были Энас Баррелстейв и лорд Анкрес, окруженные солдатами. — Поэтому едва ли нам стоит собирать у подножия стен хворост, как это сделали в Геттлсенде. Габугу, в общем-то, не горят. — Он опять посмотрел на стены, идеально гладкие, без всяких отвер-

стий и выступов, — ни бойниц, ни желобов, чтобы выливать кипящий свинец, — Убежище было создано для надежной защиты от любых врагов.

— Но это означает, что и мы не сможем выйти наружу, — добавил он.

Баррелстейв выкатил глаза. Он посмотрел на поля, где уже показались ростки кукурузы и пшеницы, которые, как ни странно, вполне прижились.

Руди внимательно изучил все, что нашел в библиотеке Ингольда о предсказании погоды и теперь гадал, стоит ли сообщать о том, что грядет новая ледяная буря.

— Но ведь им только ты и нужен, верно? — поинтересовался бочар. — Значит, остальных они не тронут.

— Да. — Руди вздохнул. — Им нужен только я. Но даже ради того, чтобы вы, ребята, могли спокойно разгуливать по окрестностям, я не готов пожертвовать собой, чтобы меня разорвали в клочья. Я понимаю, это эгоистично, но...

— Простите, но вынуждена вас поправить, господин маг, — мягко перебила его Альда. — Вы никак не можете быть уверены, что им нужны лишь вы один. — Незаметным жестом она коснулась своего живота, словно желая сказать: «Им нужен и твой ребенок тоже». Синие глаза уставились на Баррелстейва спокойно и без злости. — Никто из нас не знает по-настоящему, чего добиваются габугу. Ни они, ни те из нас, кто ел сланч и кого мы до сих пор не нашли...

— Да нет же! Мы всех отыскали! — неуверенно возразил Баррелстейв. На руке его красовался особый знак, отмечавший всех, кто прошел магическую проверку. Накануне он пришел в ужас, когда почтенная матрона со второго яруса не сумела распознать иллюзию и шагнула через магическую линию, начертанную на по-

лу. — Ведь мы проверили всех, кто жил на пятом ярусе...

— А как вы можете быть уверены, что среди тех, кто не прошел проверку, нет людей, попросту неподвластных магическим иллюзиям? — спросил Майя. Некоторые из тех, кого увели в подземелье, кричали и божились, что никогда в жизни не прикасались к сланчу, и это очень его взволновало. — Точно так же, как иные люди не способны отличить одну мелодию от другой?

— Вы таких когда-нибудь встречали? — бросил Руди в ответ. Епископ ненадолго замолк. Он был всего лет на десять старше Руди, но испытания, пережитые на пути из Пенамбры в Убежище во главе толпы беженцев состарили его до срока. Подобно Ингольду, он казался человеком, которого уже трудно чем-либо удивить.

— Нет, — промолвил он, наконец. — Но я знаю, к примеру, Уранию Хуп, и она — добрая, набожная женщина. Ты должен признать, что едва ли справедливо считать неподверженность иллюзиям единственным критерием, по которому можно лишить человека свободы и запереть его в подземелье вместе с чудовищами.

Руди вздохнул.

— Мне очень жаль, приятель, честное слово, — вымолвил он. — Но я не могу связаться с Вотом, не могу связаться с Ингольдом, если, конечно, старик еще жив. Может статься, что я последний чертов колдун в этом чертовом мире, и габугу охотятся за мной. Поэтому, если ты можешь к кому-нибудь обратиться за советом... — он вытащил магический кристалл из куртки, взял епископа за руку и с размаху положил ему камень на ладонь, — то, пожалуйста, будь любезен, черт бы тебя побрал, и спасибо от всего сердца.

— А до тех пор, — мягко вмешалась Альда, которая шагнула вперед и предупрежда-

юще взяла Майя за запястье,- я прошу вас помнить об одном: убийство Руди, как и убийство всех прочих магов, может стать лишь первым шагом. Когда не станет ни Ингольда, ни Вота, ни Венда с Илайей и прочих волшебников Геттлсенда... Мы понятия не имеем, чего тогда потребуют от нас габугу.

Она развернулась и с изящной невозмутимостью газели стала подниматься по ступеням Убежища. Руди догнал ее и негромко промолвил:

— Лучше бы ты этого не говорила, детка. Сам я боюсь о таком даже помыслить.

* * *

— Оставьте нас.

Джил этот глубокий, надтреснутый голос показался незнакомым, но она увидела, как замялся охранник, опускавший вниз лестницу, и поняла, кто это может быть. Чуть погодя Йори-Эзрикос спустилась по ступеням, поддерживая шелковое желто-зеленое платье, чтобы юбки не путались под ногами. К огромному изумлению Джил, принцессу сопровождал маг Бектис, неприязненно озиравшийся по сторонам и скривившийся от запаха пролитого спиртного.

— Встаньте в конце коридора, — велела девушка через плечо, обращаясь к своим охранникам, а затем вопросительно взглянула на Бектиса.

Старик прислушался, затем кивнул. Конечно, в этом помещении он был практически лишен магических способностей, но чувства его, как у всякого колдуна, были обострены, и он вполне мог расслышать даже тишайшие шаги на большом расстоянии.

При появлении молодой женщины Джил поднялась на ноги и склонила голову в не-

ловком поклоне. Ингольд, лежавший на каменной скамье, также пытался приподняться. Йори-Эзрикос жестом наманикюренной руки с золотыми ногтями велела ему остаться на месте.

— Как он?

Джил прикусила язык, чтобы не вырвался гневный ядовитый ответ: «Черт возьми, как может чувствовать себя раненый старик, приговоренный к смерти?» — и ответила спокойным тоном:

— Лучше. Он пострадал после сражения с ледяными магами. Это лишило его последних сил. Но он поправится, если сможет отдохнуть.

— А еще лучше, если смогу поесть, — добавил Ингольд. Цепи на его руках слабо звякнули, когда он попытался шевельнуть рукой.

Несколько мгновений девушка созерцала его холодными глазами поверх вуали, а затем повернулась к Джил.

— Он твой любовник? — спросила она. Говорила она очень медленно, тщательно произнося все звуки, словно это стоило ей больших усилий. Джил кивнула.

— Откуда тебе известно о жрецах подо льдом?

Ингольд распахнул глаза.

— Я и не знал, что на юге о них существуют легенды. Я бы предложил вам присесть, ваше величество, вот только эта лавка не слишком чистая и, к тому же, было бы высокомерием с моей стороны полагать, что вы и без того не вправе присесть, где пожелаете. Не предложишь ли нашей гостье воды, Джил?

Взгляд серых глаз ничуть не изменился. Она приняла флягу с водой из рук Джил, обмакнула в нее пальцы и поднесла их к губам.

— Это не совсем легенда, — промолвила она после долгих раздумий. — Моя няня была родом из горной деревушки, где верят в

очень странных святых. Во всех ее история вместо одного дьявола — сразу три, и они живут во льдах. Свое зло они творят, заставляя людей делать скверные вещи с помощью песен, которые поют в их сознании. Один из них играет на флейте. Эти сказки, кроме горцев, больше никто не рассказывает.

Молочно-белые брови сошлись на переносице, и впервые за все время серые глаза слегка потеплели.

— Наверное, вот почему мне приснился такой сон, — продолжила она. — Это вновь вспомнились нянины сказки, когда я вдруг замерзла и испугалась. — Оглядевшись по сторонам, она присела на нижнюю ступеньку лестницы. Бектис остался стоять рядом в почтительной позе. Джил, как и подобает в присутствии правительницы, также не стала садиться. Глиняные сосуды в камере заменили на деревянные плошки и кожаные фляги, но Джил все равно осматривала темницу в поисках того, что можно использовать как оружие.

— И что же вам приснилось? — мягко спросил ее Ингольд. — И почему вам было страшно и холодно?

Йори-Эзрикос, не поднимая глаз и сложив руки на коленях, проговорила:

— Четыре года назад умер мой отец. Он пережил нашествие дарков, заставив рабов каждую ночь складывать костры вокруг летнего дворца. Дарки, в основном, нападали на город, где людей было больше. Но потом пришла чума, отец умер, и братья тоже. Я была обручена со Стиартом на-Сталигосом, моим кузеном, но он погиб на севере. Ваир на-Чандрос, полководец, возглавлявший войско, двинувшееся на помощь королевству Дарвет, вернулся и заставил меня выйти за него замуж, чтобы стать императором, как

отец... Я знаю, что так не всегда бывает между мужчинами и женщинами. — Подняв глаза, она взглянула сперва на Ингольда, затем на Джил, и во взгляде ее было нечто более пугающее, чем слезы и даже гнев. — Мои служанки говорят, что не все мужчины таковы, как Ваир, иначе, полагаю, женщины разбивали бы головы своим сыновьям, едва лишь они покинут материнское чрево, как поступила я со своим первенцем. Он добр к тебе? — Голос ее не изменился ни на йоту. С тем же успехом она могла бы говорить о домашнем хозяйстве. — Я имею в виду, как мужчина?

Джил коснулась руки Ингольда.

— Да, — сказала она. — Он добр ко мне. Он научил меня владеть мечом, чтобы я могла защитить свою честь.

Впервые за все время в серых глазах вспыхнул интерес.

— Правда? — Она опять взглянула на Ингольда, и в этот миг Джил ощутила в ней юную жизненную силу, намеренно придавленную под маской ледяного жестокого холода. — Я не думала... — и осеклась.

Эта женщина с юных лет приучилась взвешивать каждое слово, а потому она просто сказала:

— Это хорошо. — Словно захлопнулось забрало стального шлема...

Пару мгновений спустя она продолжила:

— Вскоре после того, как я пришла в себя после свадьбы и опять встала на ноги, я сбежала. Я похитила лошадь и ускакала из города через ворота Хатиобара. Сама не знаю, куда я направлялась. Мне было всего двенадцать лет. В ту пору все мои родичи желали этого брака, хотя, позднее, передумали. Ваир погнался за мной со своими людьми, а я была так напугана, что поскакала к холмам, отпустила лошадь и спряталась среди гробниц. Была ночь, и впервые за весь

год пришли такие холода, что убили на корню тростник и папирус. Мне приснились трое ледяных жрецов.

— А откуда вы узнали, — спросил ее Ингольд хрипловатым глухим голосом, — что это были жрецы? Ведь ваша няня именовала их дьяволами?

— Не знаю, — тихонько отозвалась девушка. — А, впрочем, знаю. — Она прикрыла глаза, погрузившись в воспоминания. Они молились... Они поклонялись... *Ей*. Они были магами, но их магия была песней служения, песней силы для Той, что обитает в колодце.

— Да. — Само это слово было подобно дыханию белого дыма, поднимающегося с поверхности густых вод, — темным контуром под самой поверхностью существа, замершего в ожидании.

— Они так долго поклонялись Ей в этом месте, вытягивая силы из земли, что сами скалы источились, — продолжила девушка. — Порой благодаря их магии из камней выбирались существа, ужасные, пугающие, которые проползали несколько шагов и погибали. Кажется, мне снилось, что я шла по комнатам, по коридорам... Через трещину в стене, сквозь лед. Должно быть, я потеряла сознание, но точно не помню. Было холодно.

Она стиснула руки у груди.

— Они сохраняли Ей жизнь с помощью сил, которые тянули из земли, пели Ей песни, поклонялись в ожидании, пока Она пробудится и заговорит. Я подумала, что когда Она проснется, то будет знать мое имя. Я боялась того, что случится, когда Она заговорит. Не знаю, откуда мне стало это известно. — Она вновь подняла заледеневшие глаза на Ингольда. — Кто Она такая? Ты видел Ее, когда сражался со жрецами подо льдом.

— Она — Мать Зимы, дитя мое... дети мои. — Он сумел протянуть руку и кончиками пальцев коснулся бедра Джил. — Когда габугу и служители ледяных магов загнали меня в усыпальницу, — там, где я должен был столкнуться с ними в бою и погибнуть, — я слышал, как они пели о ней, для нее. Она — Жизненное Древо мира, который прекратил существовать с первыми жаркими лучами солнца. В ее теле лежат семена той жизни, которая существовала в этом мире прежде. Она — Мать Магии, прибежище плоти, ее магия есть понимание всех сущностей, судеб и очертаний мира. Ее магия принадлежит душе и плоти, а не рассудку. Магия матерей, семян, будущего, заключенного в мысли. Она ждала очень долго.

— Но чего? — глубокий голос Йори-Эзрикос гулко разнесся во тьме.

Ингольд ответил не сразу. Почему-то Джил совсем не удивили речи мага, как будто она знала все это очень давно или видела это во сне... И Джил негромко сказала:

— Она ждет Зиму Звезд. — Ингольд по-прежнему молчал, и она продолжила. — Мир в своем развитии проходит фазы тепла и холода. Об этом можно прочесть в книгах о Древних Богах. Думаю, это имеет отношение к гигантским облакам звездной пыли, проходящим между Солнцем и Землей и отражающим солнечное тепло, — скорее всего, при этом меняются цвета звезд, по крайней мере, так гласит Свиток Шести Богов.

Йори-Эзрикос покачала головой.

— На Юге все это под запретом.

Джил удержалась от очередной язвительной ремарки и промолвила лишь:

— В этой книге говорится о циклах, — как и в некоторых, самых древних, магических текстах. Насколько я могу судить, эти облака остаются на месте на протяжении тысяч лет, а

порой и десятков тысяч, прежде чем двинуться дальше. — «Не станем вдаваться в подробности небесной механики... Конечно, правильнее будет сказать, что это Солнце со своими планетами проходит сквозь пылевые облака, но какая разница?» — Вот почему появились дарки: в мире стало холоднее, их стада вымерли, и им пришлось охотиться на поверхности земли. Но еще прежде дарков, прежде рождения человечества в мире существовали иные создания, когда земля была холодной и темной, — эти создания обладали разумом и могли творить магию, хотя действие их чар для нас недоступно. Когда мир для них сделался слишком теплым, они ушли, спрятались в недрах ледника, чтобы дождаться возвращения холодов.

— Это правда? — Йори-Эзрикос посмотрела на Бектиса, который с торжественным видом откашлялся, поглаживая бороду.

— Ваше высочество, Ингольд Инглорион — величайший из ныне живущих колдунов, за исключением, разве что, лорда Вота. Но я тоже обучался в Городе Магов и никогда не слышал ни о чем подобном, не говоря уж о фантазиях этой женщины. Что еще за гигантские облака пыли между нами и солнцем. Откуда берется такая пыль? Почему тогда мы все не кашляем и не чихаем, вдыхая ее? — Согласен, — он многозначительно развел руками, — лорд Ингольд встретился с чем-то необъяснимым в усыпальнице Слепого Короля, но вы сами знаете, какими агрессивными бывают дикие дуики, горные обезьяны и прочие хищные твари. Утверждать же, что там, в горах, таится какая-то злобная магия, способная повлиять на естественный ход вещей...

— Но он не естественный, — Ингольд открыл глаза и продолжил устало. — Холод не сменится теплом, пока мир не покроется льдами

и толстым слоем сланча, которым будут питаться существа, рожденные Матерью Зимы. Существа, которых она порождает из своей плоти, из своей памяти, и которыми может управлять.

Он приподнялся, опираясь о стену.

— К этому времени, уверяю тебя, Бектис, и ты, и я, и все в этом городе, и люди во всем мире, — будут мертвы. Но это не имеет значения.

Он обернулся к Йори-Эзрикос.

— Ответ на вопрос, который все столь вежливо избегают мне задавать, — «*нет*». Я не сошел с ума. Я и сам опасался этого... все то время, что провел в странствиях, и что мы с Джил оставались в гладиаторских бараках. Я не знал, реальны ли мои видения, или они суть порождение безумия. Все подтвердилось лишь вчера, в усыпальнице Слепого Короля. Но это ничуть меня не утешило. Я бы предпочел оказаться сумасшедшим, нежели правым.

Он помолчал. Факелы в коридоре отбрасывали оранжевые отблески на цепи, в которые был закован маг, и тени от них ложились на его тело, словно зашифрованные послания невообразимого генетического кода.

— И все же это правда. Но поскольку и сама Мать Зимы, и ее порождения имеют неведомую мне сущность, то никакая человеческая магия не в силах их коснуться. Оказавшись в Усыпальнице, я призвал всю свою силу против них. Но это было все равно, что сражаться с тенями.

— Моя госпожа. — Он протянул руку к юной императрице. — Прошу вас, отпустите меня. Даже если вы мне не верите, — а у вас нет никаких причин для доверия, — прошу вас, позвольте мне вернуться домой. Моему народу нужна защита в этот трудный час. Клянусь, что я не намерен вмешиваться в дела вашей страны, если только вы не нападете на нас первыми. А если все

пойдет так, как сейчас, — добавил он негромко, — через пару лет вы уже не сможете ни на кого нападать.

— А Бектис?

Ингольд озадаченно взглянул на нее и вновь опустил руку. Затем обернулся к своему собрату по магическому мастерству.

— О, сомневаюсь, что он пожелает на нас напасть.

— Не шути со мной, — хмуро заявила темнокожая девушка. — Я хотела сказать: если я тебя отпущу и попрошу вновь отправиться в усыпальницу Слепого Короля, чтобы сразиться с этими жрецами Матери, — сможет ли Бектис чем-нибудь тебе помочь? Несмотря на то, как обходится с ним епископ, он все-таки...

Бектис попытался что-то возразить, но Йори-Эзрикос неумолимо продолжила:

— Он все-таки владеет магией.

— Ваше величество, не можете же вы верить бреду безумца! Я необходим епископу! Разумеется, я весьма сожалею, что не смогу сопровождать лорда Ингольда...

— Ты будешь его сопровождать.

Бектис заткнулся, словно у него на шее затянули удавку. Джил не могла его осуждать. С Йори-Эзрикос явно было лучше не спорить.

— Я знаю все о твоем положении в свите епископа, — заявила девушка. — И какие услуги ты ей оказывал.

— Ваше высочество весьма любезны, — склонил голову Ингольд. От усталости на лбу у него выступил пот, — но боюсь, что...

— Мое высочество вовсе не любезно. — Она вновь села, сложив руки на коленях в той же позе, как и Слепой Король в своей усыпальнице.

Шелковая вуаль колыхалась при каждом движении губ, вышитые золотые цветы по-

блескивали в свете факелов. — Но я тебе верю. Я многим обязана епископу, в том числе и собственной жизнью. Возможно, бог накажет меня за то, что я вас освобождаю и пользуюсь вашей силой, чтобы уничтожить Зло. Но я не глупа. Я знаю, что холод приводит к голоду, а голод — к войне. И если я могу сделать хоть что-то, дабы это изменить, я не могу бездействовать. — Она поднялась на ноги, хрупкая девушка неполных семнадцати лет с удивительно холодными глазами...

— Лишь при этом условии я освобожу тебя, Ингольд Инглорион: если ты вместе с Бектисом попытаешься одолеть колдунов, живущих во льду. Я дам тебе все, что попросишь, — защиту, время для отдыха и восстановления сил, лучшего лекаря в городе, но ты должен поклясться, что попытаешься. Если нет, то все вы: и ты сам, и Бектис, и твоя жена — умрете.

— Ваше величество, — вмешался Бектис. — Я умоляю вас не торопиться.

— А я велела тебе молчать. — Она даже не оглянулась на него. — Ты дашь мне клятву? Я знаю, что маги не верят в Бога. Так поклянись мне... — она задумалась, а глаза ее как-то странно блеснули. — Поклянись головой своего первенца.

Ингольд содрогнулся.

Он взглянул на Джил, затем на свои скованные руки. Если он и хотел поначалу сказать Йори-Эзрикос, что все бесполезно, и никакая магия не сможет повредить ледяным жрецам, то, встретившись с юной императрицей взглядом, он явно передумал. Джил невольно подумалось, что через пару лет мужчина, который изнасиловал эту девочку, когда ей было всего двенадцать лет, — мужчина, чьего ребенка она убила, едва лишь произвела на свет, — старый враг Ингольда, Ваир на-Чандрос по прозвищу Одно-

рукий, очень, очень сильно пожалеет о том, как обошелся со своей женой.

— Клянусь, — тихим, почти неслышным голосом проговорил Ингольд, — головой моего первенца, что вновь попытаюсь уничтожить Мать Зимы, даже если это будет стоить мне жизни.

* * *

— Ингольд, это нелепо! — Бектис в ярости расхаживал взад и вперед по комнате, которую отвела им Йори-Эзрикос. Белоснежная борода и алое одеяние придавали ему вид взволнованного Деда Мороза. — Миледи Джованнин никогда такого не потерпит! Нам нужно придумать какой-нибудь план!

Покои, где они находились, были обставлены по-южному скупо и, в общем, мало чем отличались от комнат в школе гладиаторов. Фактически единственным предметом мебели оказались каменные скамьи, служившие также и ложем, — только здесь покрывала были из темно-синего и черного шелка, а пол и стены выложены плиткой. Еще одна важная деталь: в узор плитки были изящно вплетены руны, ограждавшие свободу магов, и этим императорские апартаменты весьма напоминали темницу.

— Конечно, я строю планы, — Ингольд поудобнее устроился на подушках. — И полагаю, что, поскольку ее святейшество не слишком стремится распространяться о твоих способностях, то она поостережется расспрашивать о тебе.

Лекарь, присланный Йори-Эзрикос — в сопровождении двух ее личных телохранителей — только что ушел, заявив Ингольду, что тот основательно надорвал себе сердце и теперь должен на протяжении двух месяцев соблюдать полный покой. Джил не сомневалась, что та-

кой вердикт не пришелся по душе ни Йори-Эзрикос, ни самому Ингольду.

— Я строю планы о том, как нам пробраться в усыпальницу Слепого Короля. Боюсь, от тебя мне там будет мало проку, — проговорил маг. — Подозреваю, что нашим охранникам будет приказано отвести нас закованными в цепи до самой горы и, учитывая сколько там габугу и дуиков-мутантов, тебе будет безопаснее сопровождать меня внутрь, нежели пытаться скрыться под покровом чар невидимости. Сомневаюсь, что ты уйдешь далеко.

— Скажешь тоже! — пробормотал Бектис, пытаясь за деланным возмущением скрыть страх.

Слуга, сопровождавший лекаря, принес медный поднос, где было жаркое, жареные голуби, тушеные баклажаны со специями, медовый пирог с рисом и орехами.

Похоже, во дворце епископа от голода никто не страдал. «Хотя, кто знает? — подумала Джил, наливая себе мятного чая. — Может, это и есть скудный зимний рацион в понимании Йори-Эзрикос и Джованнин...»

— Ты разве не видишь, что это безнадежно?

— Разумеется, безнадежно, — подтвердил Ингольд, надкусывая сушеную смокву. — Мои силы вернуться через пару дней, — плевать, что там говорил этот шарлатан. Но даже достигнув пика формы, я не смогу с ними справиться, и твоя помощь вряд ли что-то изменит. Даже если бы весь Совет Магов стоял у меня за спиной, жег благовония и распевал гимны, — это ничего бы не изменило. Не владея основами колдовства, которым пользуются ледяные жрецы, не понимая истинной сущности Матери Зимы, не имея никакой власти над этой сущностью, я не могу использовать против них свои чары. Как и прежде, все сведется к поединку между мной и му-

тантами, пусть и под охраной гвардии императрицы. Мы погибнем под натиском превосходящих сил, не достигнув усыпальницы.

— Так зачем тогда все это? — возмутился Бектис. Он прекратил расхаживать по комнате и присел рядом с ложем Ингольда. — Послушай, я никогда не встречал стражей, которые отказались бы передать послание. — Он стащил с пальца бриллиантовый перстень. — Джованнин никогда бы меня не отпустила, если бы знала о том, что задумала эта девица. Она был никогда не поставила меня под угрозу, я слишком... слишком ценен для нее. Я слишком много знаю. Ей без меня не обойтись. Но вокруг есть множество военачальников, крупных и мелких, которые были бы рады воспользоваться вашими услугами и перехватили бы нас на пути к горам.

— И тебе не придется никому служить по-настоящему, — поспешил он добавить при виде выражения лица Ингольда. — Как только они снимут Руну Уз, ты сможешь забрать Джил-Шалос и сбежать! Джованнин будет только рада от вас избавиться. Погони ждать не стоит. Ты мог бы...

— Ты удивительно оптимистичен, — заметил Ингольд. — Намажь мне немного баклажановой икры на хлеб, моя дорогая. Что же до погони, то уверен: покуда... — Он осекся, к чему-то прислушиваясь и словно пытаясь уловить какой-то далекий шум, и, внезапно повернулся к Бектису, прожигая того яростным взглядом.

— Отдай!

— Что? — Рослый маг начал подниматься на ноги, но со скоростью, поразительной для человека, которому врач только что предписал два месяца полного покоя, рука Ингольда метнулась вперед и ухватила Бектиса за запястье. Тот попытался вырваться, но обнаружил, — как уже доводилось многим до него, — что хватку

Ингольда разжать не легче, чем челюсти крокодила.

— Мой магический кристалл, — обманчиво мягким тоном промолвил он.

— Ну что ты, — засуетился Бектис. — Откуда он у меня?

— Джил... — Ингольд кивнул ей с явным намеком. «Выпотроши его», — прочла она в его глазах.

— Я просто хотел сберечь его для тебя. — Бектис сунул свободную руку в бархатный кошель, висевший у него на поясе, и извлек оттуда осколок дымчато-желтого кварца, величиной с палец, который положил Ингольду на ладонь.

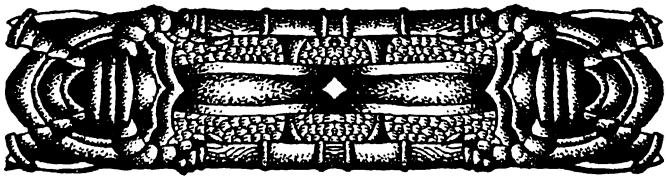
— Весьма любезно с твоей стороны.

Используя запястье Бектиса для опоры, Ингольд поднялся на ноги и на подгибающихся ногах прошел к окну, закрытому тяжелыми деревянными ставнями. Джил метнулась вперед и распахнула их пошире. Ей было страшно смотреть, как внезапно побледнел Ингольд.

Солнечный луч упал на лицо старика. Тот поднял руку и высунул ее в окно, чтобы магический кристалл оказался за пределами действия чар, глушащих всякое колдовство.

Солнце заиграло в гранях самоцвета.

— Руди! — негромко промолвил чародей. — Как я рад тебя видеть...

Глава четырнадцатая

Руди очень долго говорил с Ингольдом, и старик выяснил все, что хотел, про ледовых магов. Ученик пришел в ужас, увидев, как выглядит его наставник. К концу разговора тот с трудом держался на ногах и хватался за подоконник, чтобы не свалиться без сил... Но все же здорово, что старик еще жив!

«Он должен вернуться, — сказал себе Руди. — Обязан!» Бог весть, поможет ли Ингольду то, что рассказал ему юный маг, но, по крайней мере теперь тот мог с уверенностью передать епископу, что *никто* не может быть защищен от воздействия иллюзий. И точка. Хватит об этом.

Мать Зимы...

Он содрогнулся.

Мать Зимы... Мать целого мира, содержащая в себе жизнь, будущее и грядущее, черпающая магию земли из глубин незамерзающего колодца... Совсем как Альда, которая также несет в себе новую жизнь. И Джил тоже, как оказалось! Вот черт!..

Руди заухмылялся, но затем улыбка его погасла. Не самое подходящее время, чтобы заводить ребенка... Насколько ему помнилось, Джил всегда с опаской относилась к детям. Она была до ужаса сентиментальна, но чувствовала себя с ними неуверенно.

То-то у Ингольда был такой странный вид, когда они уходили. Он, конечно, был уверен, что от него Джил зачать никак не могла...

«Жизнь, пронизывающая изнутри... — подумал Руди. — Что-то тут есть общее с нашим Убежищем...»

Ему вновь вспомнилась Лысая Дама и маги, сидящие вокруг нее, в изнеможении от тяжкой работы. «Мы потерпели неудачу», — так она сказала.

Но это оказалось неправдой. Впервые Руди начал понимать, в чем дело, и чему она научилась, грезя о чужеродной магии.

Он вспомнил, как она лежала на возвышении посреди огромной светящейся паутины, чей периметр повторял внешние контуры недостроенного Убежища.

Закрыв глаза, Руди вызвал эту сцену перед мысленным взором, представляя себе фундамент, стены, строительные леса, механизмы, нити звездного света, натянутые между ними и удерживающие энергию. Они определяли будущие очертания цитадели.

Руди представил себе на этой схеме расположение ниши, где Аму Бэл спрятал зачарованные клубни; комнату, где Джил и Альда обнаружили просмотровый стол; Холм Казней с его загадочными столбами; нишу, где прятались они с Альдой шестью уровнями ниже, но в точности под возвышением, где сидела Лысая Дама.

— Это сетка, — произнес он вслух. — Все Убежище — это силовая сеть. — Он поднялся, как обычно, сунул в карман Цилиндр, накинул плащ и торопливо вышел в коридор.

* * *

— Я пойду с тобой.

Джил затворила ставни, выходящие в сад, залитый золотистым лунным светом. Почти все лампы в стенных нишах были потуше-

ны, а оставшиеся отбрасывали дрожащие отблески на разукрашенные узорами стены.

— Нет.

— Бектис тебя предаст.

— Предаст меня Бектис, или небо упадет на голову, — никакой разницы. — Ингольд вновь вернулся на скамью, служившую ему постелью. Голос его звучал очень устало. — Также нет разницы, поедем мы завтра или через месяц, хотя я предпочел бы завтра, ибо одному богу известно, что решит наша гостеприимная хозяйка по поводу Бектиса. И все же...

Он взмахнул рукой и, несмотря на все заклятья, окружавшую эту комнату, на миг в воздухе возникла призрачная иллюзия, в точности повторявшая очертания, переданные Ингольду Руди посредством магического кристалла, — изображение приближающихся и удаляющихся конусов.

— Даже все эти знания, необычные и удивительные, не сыграют никакой роли.

Движущиеся фигуры рассеялись в воздухе. Возможно, они существовали лишь в ее сознании...

Джил услышала, как Ингольд вздыхает.

— Тут дело не только в магической мощи, Джил. Не только в понимании их сущности. Они чужеродны нам, и их колдовство также чужеродно. Я теперь многое понял об источнике их силы, но я не один из них. Я не могу управлять их истинной сущностью, ибо я ее не понимаю. А без этого я не способен сражаться с ними.

Он усадил ее рядом с собой, и Джил склонила голову ему на плечо. Сейчас ей было почти все равно, будут они жить или погибнут, потерпят поражение или одержат победу, лишь бы остаться вместе.

— Ты ведь никогда не боялся, что я могу

тебя убить, верно? — спросила она негромко. — Или того, что я... меняюсь...

— Меняешься? — Он слегка отодвинулся и изумленно взглянул на Джил.

— Мутирую. — Она с трудом заставила себя произнести это слово. — Из-за яда. Иногда мне кажется, это иллюзия. Но иногда... — Она вытянула руки вперед, как обычно, гадая, не удлинились ли пальцы, не уплотнились ли суставы.

Ингольд взял ее ладонь в свои и поцеловал.

— Это иллюзия, — дрогнувшим голосом заявил он. — Джилли, если бы я только знал... — Она отвернулась, по-прежнему чувствуя на себе его пристальный взгляд. — Нет, — объявил он наконец, и она почувствовала, что Ингольд говорит правду, и ему можно верить. — Дорогая моя, дитя мое, то, что тебе пришлось столько претерпеть...

— Ерунда. — Она смутилась. — Это все пустяки.

Они долго сидели молча, и понемногу ее тревоги отступали.

Ингольд был так потрясен и терзался угрызениями совести, что Джил ничего не оставалось, как попытаться его подбодрить.

— Беда в том, что я не могла ничего понять. С иллюзиями всегда так... Но в глубине души я знала, что даже если это правда, ты все равно будешь любить меня. Однако ты казался таким отстраненным... И теперь я это понимаю. Тебя тревожило, что я могла переспать с кем-то еще.

— В общем-то, да, — кивнул Ингольд. — Хотя если бы я знал... Видишь ли, я гадал, насколько глубоко влияние ледяных магов затронуло твое сознание. Я чувствовал, что порой ты злишься на меня, когда их воздействие особенно велико. Вначале ты казалась более уязвимой, пока еще не научилась с этим бороться. Но больше

всего меня тревожило то, что ты могла сойтись с другим мужчиной под их влиянием и испытать нечто такое, чего я был не способен тебе дать.

— О-о, — едва слышно выдохнула Джил.

— Я предпочел бы оставить тебя в Убежище не только ради ребенка, но и чтобы ты могла как следует подумать и принять решение. — Он говорил неуверенно, тщательно подбирая слова. — Я бы предпочел разобраться со всем этим после уничтожения ледяных магов, — если только их можно уничтожить, — чтобы твой рассудок, наконец, очистился. Но, как я и сказал в своей записке, — кстати, не забудь мне напомнить, чтобы я превратил Ниниака в хорька за его дурацкое рыцарство, — ледяные маги все равно заставили бы тебя последовать за мной любыми способами. Конечно, с твоей помощью они следили за мной, но это было лучше, чем если бы ты в одиночку преследовала меня через весь континент. А в общем, моя дорогая, мне просто хотелось, чтобы ты была со мной.

Джил покрепче обняла Ингольда, — очень бережно, чтобы не разбередить рану.

— Ну что ж, — серьезным тоном объявила она. — Несмотря на безумную страсть, которую я питаю к Энасу Баррелстейву, отцу моего ребенка...

Ингольд дернул ее за волосы.

Джил продолжила уже совсем другим голосом:

— Клянусь, что не стану больше покорной игрушкой ледяных магов, и ты это знаешь.

— Знаю. — Он погладил ее по волосам. — Но я не могу позволить тебе рисковать жизнью. Ведь речь идет не только о тебе, но и о нашем ребенке.

— Речь идет и о *них* тоже. — Джил протянула руки и закатала рукава просторной туники, словно желая показать, что в венах ее те-

перь течет не кровь, а яд. — *Они* отныне такая же часть меня самой, как и твой ребенок, Ингольд, и даже больше, поскольку ребенка я пока не ощущаю, а эти мерзавцы говорят со мной, нашептывают всякий бред, заставляют сомневаться в каждом слове и движении...

Они не оставляли ее в покое даже сейчас: «Он опять тебе доверяет. Наконец пришел твой час!» Меч Джил лежал совсем рядом, — только руку протяни. На поясе висел нож. Оружие ей вернула юная императрица.

— Я уже почти к этому привыкла, — продолжила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Стараюсь не обращать внимания на эти голоса. Говорю себе: «Опять эта чертова иллюзия!» Это как реклама по телевизору. — И все же она поймала себя на мысли, что не может рассказать Ингольду о том, какие кошмары являются ей. Впрочем, в этом не было нужды.

Маг вновь обнял ее и прижал к себе в глубокой задумчивости. Затем он глубоко вздохнул, словно придя к какому-то решению, и печалью и сожалением вопросил:

— Так ты готова мне помочь, моя дорогая?

Джил обернулась, чтобы взглянуть Ингольду в глаза. Лишь сейчас она начала понимать...

«Ну, конечно! Яд в моей крови — тоже плоть от плоти этой чуждой магии. Точно так же существует родство между сланчем и мутантами, которых он порождает».

В тот же миг голоса в ее сознании завизжали, что это не сработает, это убьет ее, убьет ребенка, убьет Ингольда. Разум наполнился ужасающими видениями. Вспыхнуло острое желание выхватить кинжал и вонзить его магу в сердце... Но сильнее всего этого было ясное понимание того, что кусочки головоломки, наконец, сложились воедино.

— Ты можешь использовать яд в моей крови в качестве магического посредника, — сказала Джил. — Это правда.

* * *

По просьбе, Джил Йори-Эзрикос послала в гладиаторскую школу за бойцами, которые должны были стать ее телохранителями, — Серый Кот, Котенок, Медведь, Баклажан, сержант Куш, и прочие, кому Джил могла доверять. Из гвардейцев юной императрицы Ингольд выбрал несколько человек и договорился о подготовке к походу. Джил старалась не принимать участия в этих разговорах: ведь все, что знала она, тотчас становилось известным и ледяным магам.

Глядя в зеркало, порой она видела отражение деформированного лица с выпяченным подбородком и проваленным лбом. Порой ей являлось лишь обычное отражение. Она не могла отличить, где правда, где ложь.

Точно так же она не могла сказать, является ли ее всепоглощающее желание подслушать разговоры Ингольда проявлением обычного любопытства, или волей ледяных магов. Она повторяла на память Данте, пока это желание не проходило.

В первую ночь полнолуния Йори-Эзрикос подстроила так, что Джованнин пришлось уехать в соседний город Ешми вниз по реке. При этом императрица пообещала епископу, что казнь Ингольда состоится по ее возвращению.

Некоторые приготовления невозможно было скрыть от ледяных магов, и они давались Джил с особым трудом. В небольшом бальном зале императорского дворца Ингольд проводил ритуальное очищение для грядущего ритуала, и Джил, ощущая приступ внезапной паники и уве-

ренность, что она не переживет этот обряд, гадала, — был ли то естественный страх, или опять над ее сознанием поработали ледяные чародеи.

На пороге зала ее охватил ужас при виде силовых линий, начертанных на песке, и магических рун на стенах. В этот момент Ингольд показался ей незнакомцем. Но вот он подал ей знак снять цепи и колдовские вервия, сковывавшие Бектиса, — это оказался единственный способ добиться его содействия.

— Вся эта затея — сущая нелепость, — пробормотал сквозь зубы седобородый колдун, когда Ингольд принялся очерчивать огромную окружность на песке. — К чему весь этот обряд, который приведет лишь к гибели двоих опытных магов? Лучше сперва изучить этих... этих созданий, если они вообще существуют... Изучить их издалека. Убедиться, действительно ли они жрецы, чудовища или что-то в этом роде. Ведь они даже не люди...

— А пока мы будем их изучать, — негромко возразила Джил, — они наберут силу. Люди и животные уже сейчас вынуждены от голода есть сланч, а планета делается все холоднее. К тому же поедатели сланча рано или поздно начнут слышать голоса в своем мозгу: «А ну, давай, убей того парня с волшебной палочкой!..»

— Этому нет никаких доказательств, — прошипел Бектис. — Откуда Ингольду знать, что похолодание — дело рук тех самых тварей, что живут в недрах горы? За все годы, что я жил в Алкетче, я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Бектис, — негромко окликнул Ингольд. — Мне нужна твоя помощь.

— Ха. — Рослый маг вышел на середину зала, поглаживая бороду. — Впервые великий и могучий Инглорион готов признать, что нуждается в чьей-то помощи.

Джил осталась на месте, в малом круге, который Ингольд очертил вокруг нее и соединенном с большой центральной окружностью линиями, начертанными охрой, серебром и соколиной кровью. В отличие от Руди, который утверждал, что видит магические сигилы как лучи света в воздухе, Джил замечала лишь, как маги прочерчивают какие-то символы кончиками пальцев или посохами. Незримые линии раз за разом пересекались в одних и тех же точках...

Из небольшого сундучка черного дерева, который прислала ему утром Йори-Эзрикос, Ингольд достал серебряное блюдо с водой, необходимой для ритуала, серебряные кадильницы для благовоний, относящихся к Солнцу и Луне.

По счастью, у Джованнин в казне хранились драгоценности, которые Церковь собирала по всей империи на протяжении столетий. Нечто похожее видела Джил в подземельях Пенамбры, но те богатства бледнели по сравнению с сокровищами Джованнин. Правда, та лопнула бы от злости, если бы узнала, на что используют достояние Церкви... Джил усмехнулась.

Ингольд вскинул руку, и девять язычков пламени вспыхнули в жаровнях. Девять конусов лучших благовоний задымились в неподвижном воздухе. Лучи полуденного солнца отразились в девяти блюдах, полных воды. Ингольд и Бектис начали произносить слова света и силы, и из ларца, стоявшего перед ним, Ингольд достал драгоценнейший из самоцветов Джованнин, — алмаз размером почти с кулак Джил.

Его называли Короной Кхирсита.

Шестьсот семьдесят пять карат чистейшего углерода.

«Ты и впрямь на такое способен? — спросила Джил Ингольда накануне вечером, когда они обсуждали предстоящий ритуал. — Изме-

нить атомную валентность чистого углерода, чтобы связать его с жидким кислородом в колодце, который охраняют ледяные маги?»

— А ты уверена, что в колодце кислород?

За последние годы Ингольд нередко задавал Джил вопросы по химии, ставил собственные эксперименты, пытаясь уяснить природу вселенной. К своему собственному изумлению, с помощью этих новых знаний ему даже удалось разобрать несколько древнейших магических текстов, — и Джил открыла для себя много нового о колдунах далекого прошлого.

— Не на сто процентов. — Час был уже поздний, и лампы гасли одна за одной. Они с Ингольдом сидели, накрывшись одеялами, ибо в комнате стало холоднее. Джил прекрасно сознавала, что все сказанное ими, немедленно передается ледяным магам, но тут уж ничего нельзя было поделать. Все равно к их приходу у подножия горы соберутся габугу со всего света...

— Думаю, что это кислород, потому что кислород стабильнее азота, — промолвила она. — Его легче всего извлечь из воздуха, так же, как вы с Руди извлекаете из него водяные пары. Кислород легче удерживать в стазисном состоянии на протяжении многих лет, и если ты раздобудешь кристаллизованный углерод, который сможет взаимодействовать с кислородом в колодце...

— Это нарушит магическое равновесие, — закончил Ингольд. — И начнется цепная реакция.

— Тварь в колодце будет уничтожена.

— Тварь в колодце, — повторил Ингольд. — Мать Зимы. — Он погладил Джил по спутанным волосам, кончиками пальцев провел по шраму на щеке. Голос его звучал печально, словно он обращался напрямую к их злейшему незримому врагу. — Хранительница давно исчезнувшего мира...

— Но разве у нас есть выбор? — спросила Джил.

Она с трудом могла говорить, — так сильны были в ее сознании яростные вопли ледяных магов, — и стиснула кулаки, чтобы ногти вонзились в кожу, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Должно быть, Ингольд ощутил в ней неестественное напряжение, ибо привлек Джил к себе, даруя утешение и надежду.

— Если у нас и есть какой-то выбор, моя дорогая, — произнес он печально, — то я его не вижу.

* * *

— Джил-Шалос. — Ингольд поманил ее к себе из большого круга, над которым понемногу начали проявляться странные фигуры, что Руди показал ему два дня назад. В солнечном свете они казались совсем иными, полупрозрачными, словно созданными из чистейшей воды или светящейся плазмы. Насколько Джил могла судить, в движении заключалась часть их силы, — Ингольд наблюдал за происходящим в кристалле больше часа, пока, наконец, во всем не разобрался. Теперь фигуры эти постоянно менялись в размерах, очертаниях и положении. Они словно дышали, напитываясь силой прямо из воздуха.

Бектис, с закрытыми глазами и распростертыми руками, в развевающихся одеждах, стоял в малом очерченном круге и в магическом трансе управлял перемещениями этих плазмоидных фигур.

Ингольд подошел к самой границе большого круга. В его ладонях Венец Кхирсита горел внутренним огнем, отбрасывая отблески на лицо чародея.

— Джил-Шалос. — Он вновь обратился к ней так, как Джил называли гвардейцы. —

Ты и впрямь этого хочешь? Я не имею ни малейшего представления, что сотворят с тобой эти чары ни в момент воздействия на кристалл, ни когда мы наложим заклятье на колодец. Но кристалл будет связан с тобой, он станет в некотором смысле частью твоего естества. Разумеется, я надеюсь, что магия тебя не затронет, но сейчас мы имеем дело с неведомым, и эти чары никто не успел опробовать до нас. Я не могу предсказать, что случится с тобой или с твоим ребенком.

Много раз Джил видела, как Минальда делает один и тот же жест: кладет руки на живот, словно пытаясь защитить ту жизнь, что растет внутри. И сейчас она намеренно повторила то же самое движение.

— Это и твой ребенок, Ингольд, — сказала она. — И я скажу тебе вот что: если ледяные маги не будут уничтожены, через семь месяцев он попадет под их власть, если вообще останется в живых. Если, вообще, хоть кто-нибудь на земле останется в живых...

Ингольд подошел ближе, поцеловал Джил и передал алмаз ей в руки а затем обнял за плечи.

— Мне нужно что-нибудь делать? — спросила Джил. — Медитировать, говорить «Ом» или что-то в этом роде? — Она старалась, чтобы голос звучал шутливо, дабы заглушить страх.

Он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза.

— Ты можешь даже стоять на одной ноге и читать стихи про сиротку Энни... Их голоса по-прежнему тревожат тебя?

— Я к ним привыкла. — Это было не совсем правдой. — А больно будет? — Она вдруг осознала, что забыла спросить об этом раньше... Хотя, конечно, какая разница?..

Он покачал головой.

— Этого я тоже не знаю, моя дорогая. Прости.

Джил закрыла глаза, чувствуя вес Венца Кхирсита в своих ладонях. Она также ощущала солнечное тепло на лице, запах благовоний, скрип песка под ногами... И внезапно шрам на лице обожгло огнем, и раскаленные иглы пронзили мозг, а голоса завопили истошно, требуя, чтобы она немедленно покинула магический круг, отшвырнула алмаз, выхватила меч и...

Она осталась стоять неподвижно. Джил знала, как накладываются чары. Боль поднималась волной, но она твердила себе, что это лишь иллюзия, насланная ледяными чародеями... Надо воспринимать ее просто как докучливую рекламу по телеку: «Опять эта чепуха!..»

Где-то вдалеке Ингольд произносил неведомые слова, и его голос вдруг показался Джил совершенно незнакомым. Боль сделалась сильнее, и она принялась твердить в уме первые попавшиеся стихи...

Ее пронзило огнем, окатило волной невыносимого жара, но боли не было. Джил ощущала лишь головокружение, было трудно дышать, а в мозгу неожиданно наступила тишина. Однако голоса отступили лишь ненадолго, они по-прежнему были частью ее крови, ее подлинной сути, — но отныне эта связь сделалась гибельной для ледяных магов, ибо стала двусторонней.

Прежние грезы вновь вернулись к Джил. Она видела алмазную пыль, мерцающие ртутные капли и алый поток крови, текущий сквозь туман, синий пульсирующий свет и три фигуры, повторяющие один и тот же ритуал... Они что-то кричали, но до нее не доносилось ни звука. Алмазный огонь в крови сделался ярче, стал плотью от ее плоти и пронзил Джил насквозь.

Это длилось необычайно долго. Она уже перебрала все стихи Джона Донна и перешла на Шекспира...

Наконец, Ингольд окликнул ее.

— Джил...

Она открыла глаза. Все вокруг изменилось. Яркий день перешел в лиловые сумерки.

Исчезли огромные светящиеся конусообразные фигуры. Погасли, обратившись в пепел, восемь язычков пламени на серебряных подносах. В воздухе пахло озерной свежестью. Где-то вдалеке перекликались птицы. Джил почувствовала, как занемели руки, сжимавшие алмаз.

— Ну, как ты? В порядке?

Она кивнула. Волосы Ингольда повлажнели от пота, лицо посерело от усталости. Бектис, стоявший чуть поодаль, расчесывал бороду сандаловым гребнем и тоже выглядел порядком уставшим.

— Ты можешь говорить?

Джил немного подумала, затем покачала головой. Она и сама не знала, в чем дело, но у нее словно отнялся язык, и все же взглядом она сумела показать: «Я в норме». Ингольд кивнул и отошел к границе большого круга, где лежал шелковый мешочек. Джил внезапно охватила паника при мысли, что Ингольд может забрать у нее алмаз; но он надел мешочек с длинной тесемкой ей на шею, знаком показывая, что все в порядке, и никто не заберет у Джил ее сокровище. Она сама опустила алмаз внутрь, почему-то не желая показывать его никому из посторонних. У нее было такое странное чувство, словно она только что пробудилась ото сна.

— Чары нередко так действуют на людей, — успокаивающим тоном промолвил он.

Джил равнодушно кивнула. Учитывая то, что им предстояло назавтра, все это казалось сущими пустяками. Она размяла затекшие пальцы и невольно поморщилась. Затем, торопливо опустившись на колени, начертала на песке:

«Больно не было. Я тебя люблю», и так же стремительно провела по надписи рукой, чтобы ее больше никто не увидел.

Ингольд также опустился на колени и привлек Джил к себе, словно желая мысленно внушить то, чего не осмеливался сказать вслух: «Я страшился потерять тебя... Ты такая смелая... Я тобой восхищаюсь... Я люблю тебя сильнее, чем могу выразить словами...»

Бектис с досадой заметил:

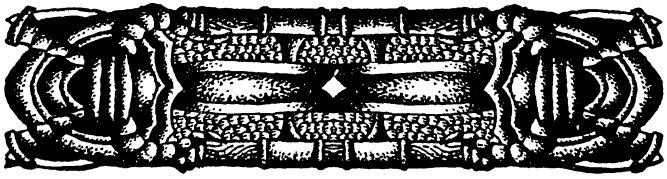
— Я был бы вам весьма благодарен, если бы свои чувства вы проявляли наедине. Если мы закончили, то я нуждаюсь в отдыхе, особенно учитывая, что завтра нам предстоит этот безумный поход.

— Ну, разумеется. — Ингольд тотчас поднялся на ноги и принялся любезно благодарить собрата, дабы убедить его, сколь ценной была оказанная им помощь. Разумеется, он не стал упоминать, что повсюду в зале были оставлены заклятья, дабы помешать Бектису трусливо сбежать. Стражники уже поджидали в коридоре с цепями наготове, и Бектис с явным недоверием выслушав слова благодарности Ингольда, завидев тюремщиков, насупился и надменно отвернулся.

Джил и Ингольд, держась за руки, проследовали по коридорам дворца в свои покои. Ингольд казался озадаченным, а Джил, к собственному изумлению, поймала себя на мысли о том, что с нетерпением ждет завтрашнего дня. Это обещало быть забавным...

Сквозь шелк она ощущала пульсацию алмаза, словно биение второго сердца...

Голоса в сознании молчали, но Джил знала, что они не спят.

Глава пятнадцатая

Они отплыли из Кхирсита до рассвета, на лодках с уключинами, обмотанными тряпьем. Болотные птицы разлетались в испуге, взмывая ввысь из густого тумана. Джил смотрела на них, запахнувшись в плащ; у нее за спиной в лодке кобыла, нагруженная припасами, оружием, доспехами или чем-то еще, завернутым в промасленную ткань, негромко заржала и встряхнула головой, звеня упряжью.

У Джил раскалывалась голова. Всю ночь ледяные маги нашептывали ей вытащить кинжал из-под подушки и перерезать горло человеку, сидевшему рядом на постели. Она пыталась заглушить эти голоса и так устала от этой борьбы, словно сражалась с ними с оружием в руках.

Каждый раз, когда она просыпалась, Ингольд гладил ее по волосам, по плечу, по щеке. Его бархатистый голос повторял какие-то слова, которых Джил не могла запомнить, и она засыпала вновь, даже во сне оберегая алмаз в шелковом мешочке.

Лишь сейчас, взглянув на мага, сидевшего рядом на носу суденышка, Джил осознала, что за всю ночь он так и не сомкнул глаз.

Он вежливо скрыл улыбку, когда небольшой отряд гладиаторов привел Бектиса на пристань епископского дворца, — каменный мол в этом году пришлось удлинить за счет деревянного помоста, ибо вода в озере стояла ниже, чем когда бы то ни было, — запястья мага были скованы цепями с Рунами Безмолвия, и всем своим ви-

дом он явно демонстрировал возмущение столь непочтительным отношением. Ингольд тотчас поднялся навстречу Бектису, двигаясь так легко и уверенно, что лодка даже не качнулась под его ногами. Что до Джил, то она на воде чувствовала себя неуверенно. Прозрачная гладь сделалась темно-синей, когда они отплыли чуть дальше, направляясь к вулкану. Плавать Джил почти не умела, и сейчас невольно подумала, что если лодка перевернется, они никогда не достигнут дна, а так и будут бесконечно падать в недра этого лазурного мира...

Ее терзало желание схватить Ингольда за плечи и вместе с ним броситься в воду.

«Проклятье, — подумала она. — А ведь он наверняка способен ходить по воде...»

Ей пришлось стиснуть изо всех сил рукоять кинжала, чтобы прогнать нежеланные мысли.

Впереди мерцала увенчанная ледяной шапкой Мать Зимы.

Джил вновь коснулась шелкового мешочка на шее и подумала: «Если я брошу алмаз за борт, мы никогда его не достанем».

Эта мысль зачаровывала. Она представила, как он вспыхивает в воздухе, как смыкается вокруг него вода, сперва сияющая, затем все более темная и холодная, и алмаз падает в самое сердце мира... Но разум не мог смириться с утратой этого второго сердца, ее плоти и крови... Внезапно теплая рука легла ей на плечо и, обернувшись, Джил взглянула в лицо Ингольда; он стоял у нее за спиной, широко расставив ноги, и смотрел куда-то вдаль.

Джил отняла руку от шелковых тесемок и накрыла его ладонь своей.

«Я рожу его ребенка. — Она словно бы думала о ком-то постороннем. — Если только выживу».

Они достигли усыпальницы Слепого Короля вскоре после полудня. Габугу уже ждали их там.

— Клянусь юбками святой Бейс! — Сержант Куш натянул поводья испуганного жеребца, когда тот попытался встать на дыбы. — Что это такое, во имя синих кругов ада?

— А, отлично. — Ингольд улыбнулся с довольным видом, озирая паукообразных и скорпионоподобных тварей, вооруженных клыками, когтями и жалами, что подползали к ним со всех сторон.

— Хорошо? — Гладиаторы попятились. Бектис орал так, что его было слышно в Пенамбре. — Проклятье, что тут хорошего?

Все твари размерами были не больше кошки. Даже отряд в пятьсот бойцов не сумел бы их одолеть.

— Всегда приятно, когда твое послание доходит по назначению. — Маг спешился и передал поводья кобылы Джил. Та удерживала свою лошадь на месте, ведь Ингольд явно не собирался отступать. Но она боялась и подумать, как станет прорываться сквозь этот кошмарный заслон.

— Прошу прощения, моя дорогая, — продолжил чародей, стаскивая на землю промасленную ткань, которая скрывала поклажу на спине у запасной лошади. — Но если твои враги столь любезны, что представляют тебе прямую линию связи, не стоит удивляться, если противник будет передавать им ложную информацию.

Кобыла несла на себе четыре высоких терракотовых сосуда, оснащенных небольшими насосами и раструбами.

Джил рассмеялась.

— Ах ты, сукин сын!

Ингольд улыбнулся ей с самодовольным лукавством.

— Ну что ж... стараюсь.

Джил, удерживая в поводу обеих лошадей, видела, как омерзительные твари засуетились, а затем замерли на месте, — как видно, их хозяева пытались переварить новую информацию. Тем временем один из гладиаторов подошел к Ингольду, который накручивал на раструб стальную трубку.

— Качай!

Если тварь оказывалась слишком крупной, чтобы кислота одолела ее с ходу, то в дело вступали клинки...

— Где ты раздобыл серу? — спросила Джил у Ингольда, когда они отбились от первой волны нападавших.

— Дорогая моя, и ты спрашиваешь об этом в стране, что живет добычей меди?

— Мы возьмем их с собой?

С омерзительным зловонием габугу чернели, съеживались и растворялись на каменных ступенях, словно мокрицы, посыпанные солью. Лишь теперь Джил поняла, почему Ингольд велел им всем надеть сапоги на толстой подошве.

— Моя дорогая, мне слишком часто доводилось сражаться с магами-ренегатами, — заметил Ингольд, прикрывая платком нос и рот, — и я твердо усвоил одну истину: никогда не пользуйся более сложным оружием, нежели обычный меч, и никогда не бери ничего такого, что может взорваться у тебя в руках. Бектис, ты идешь?

— Как будто у меня есть выбор...

Сержант Куш и лейтенант Пра-Сиа уже стащили епископского мага с седла и разматывали цепи, стягивавшие ему запястья. Габугу, лишь слегка обрызганный кислотой, пошатываясь, выполз из чернеющей кучи на ступенях усыпальницы и щелкнул клешнями, зацепив подол одеяния старика. Куш раздавил его сапогом, и тварь лопнула с отвратительным звуком. У Бекти-

са был такой вид, словно он бы с радостью забрался гладиатору на плечи, если бы ему позволили.

— Нет. — Голубые глаза Ингольда внезапно заледенели. — Выбора у тебя нет. Я скажу тебе это только один раз, ибо уверен, что ледяные маги повелевают существами куда более опасными, и неуязвимыми для кислоты.

Он подступил к Бектису с мечом в руке. От всей фигуры его веяло силой.

— Если ты попытаешься сбежать, предашь нас или хотя бы оступишься, Бектис, я наложу на тебя проклятье боли, унижения, холода, грязи и вечного раскаяния. Твое тело будет разлагаться и гнить заживо, плоть пожрут муравьи и черви. Ты меня понимаешь?

Бектис сглотнул.

«А ведь Ингольд — архимаг, — внезапно вспомнила Джил. — Он правит всеми чародеями Запада. Его слова равносильны приказу».

Бектис выдавил, с трудом шевеля пересохшими губами:

— Понимаю.

— Ты должен защищать Джил. Любой ценой.

Епископский маг вновь кивнул. Как зачарованный, он взирал на вход в усыпальницу. Там мелькали какие-то тени, твари высовывались, но тут же отползали назад, пятясь от луж зловонной кислоты, дымящейся на ступенях.

Казалось, сами стены содрогаются в колыханиях сланча.

У Бектиса был такой вид, словно его вот-вот вывернет наизнанку.

— Если попытаешься бежать, — продолжил Ингольд голосом, мягким, как тьма летней ночи, — то мое проклятье настигнет тебя в двух шагах от этих ступеней. А теперь пойдем, время пришло.

Голоса наполнили сознание Джил подобно реву морских волн, а над ними разносился пронзительный голос флейты.

Они шагнули во тьму.

Прошлой ночью во сне она видела Мать Зимы. Нечеловечески прекрасная, переливаясь всеми оттенками зелени и синевы, она поднималась из своего колодца, и Джил подумала: «Если она взглянет на меня, я умру. Если она взглянет на меня...»

Хранительница Древнего Мира, несущая в плоти своей семена всех своих созданий, она поднималась ото сна в блеске славы и великолепия.

Она пробуждалась, и дети ее ликовали в ожидании нового рождения.

Во сне Джил ощутила на себе этот взгляд из гущи клубящихся облаков и мерцающего тумана. Мать Зимы произнесла ее имя, и она умерла.

Голоса кричали: «Ты умрешь! Если не убьешь его, не остановишь его, ты умрешь, и твое дитя умрет вместе с тобой!»

Джил затворила свое сознание. Она помнила лишь о том, что была какая-то причина ей следовать за Ингольдом сквозь туман, стелящийся вокруг, сквозь поля колышущегося, содрогающегося сланча, ежащегося под вспышками огненных шаров, вылетающих из посохов магов.

Она не помнила, что это за причина, и не хотела вспоминать.

Со свистом и хлопаньем крыльев невообразимые создания нападали с воздуха или, подобно змеям, выползали из трещин в скалах. Джил рубила их мечом, отсекала головы, конечности, щупальца и клешни.

Она была гвардейцем, а Ингольд — ее наставником.

Только это было реальностью в кровавом водовороте иллюзий и видений.

Чудилось, будто Слепой Король обернулся и взирает на них пустыми глазницами.

Казалось, ее руки побелели как сланч и у нее два меча — а может, и больше — в нескольких парах рук: один — чтобы сражаться с чудовищами, но другой — чтобы обезглавить Бектиса, шагавшего рядом и цеплявшегося за накидку Ингольда в ужасе и отвращении. Обезглавить Бектиса, а затем и самого Ингольда.

И тогда она сможет отдохнуть.

В том зале усыпальницы, где Ингольд сражался с чудовищами, сланч доходил людям до колена, а близ стен — и вовсе до плеч; и повсюду извивались, содрогались и трепетали какие-то отростки и псевдоподии. Ингольд упорно продвигался вперед, пробиваясь ко входу в ледяной туннель, а раздувшиеся, мутировавшие насекомые, разжиревшие на разлагающейся плоти убитых им пещерных обезьян и дуиков, нападали со всех сторон.

Бектис осыпал их молниями и огненными шарами. Рослый маг шагал вперед с мрачным, сердитым, напуганным видом, — но даже не думал отступать.

Как и Джил, он прекрасно понимал, что Ингольд — их единственная защита от неминуемой гибели.

Холодный дым волнами накатывал из входа в туннель, ведущего в сердце ледника. Змеистые белые молнии сорвались с пальцев Ингольда, испепеляя на своем пути сланч и устремляясь в глубины вечного льда. Джил услышала, — то ли в реальности, то ли в своем сознании, — голос флейты, знакомый ей по ночным кошмарам. Земля под ногами содрогнулась, и Джил ухватилась за камни, отчаянно борясь со страхом. Бектис застыл на полушаге, и Ингольд сказал:

— Они блефуют. Они прекрасно знают,

что не смогут обрушить на нас своды пещеры, ибо погубят тогда саму Мать Зимы.

В тумане почудилось какое-то движение. Ингольд выставил вперед посох. Полыхнул огонь. Какая-то тварь выбралась из горящего сланча и бросилась на мага. Тот отмахнулся мечом, рассекая ее надвое и давя сапогами. Затем двинулся вперед, озаренный тусклым свечением, от которого делалось больно глазам.

Где-то здесь нашла убежище Йори-Эзрикос. Должно быть, в ту пору здесь было не так страшно, — и все же как сильно, должно быть, бедняжка боялась Ваира на-Чандроса, если забралась так далеко? Или она просто заснула у ног Слепого Короля? И видела во сне ледяных магов и их сияющий колодец?

Синеватый свет сгущался, отражаясь от выгнутых отполированных стен туннеля. Туман клубился вокруг, не в силах проникнуть сквозь кокон тепла, которым окружили себя маги. Лед играл тысячами отражений и отблесков. Джил ощущала смертельный холод. Последние уцелевшие габугу напали на них, прорвавшись сквозь заслон молний, и Ингольд с невозмутимым видом отбил эту атаку мечом.

Сланч остался далеко позади. Теперь они продвигались в недрах ледника, и синий свет становился все холоднее.

Ледяные маги оказались совсем не такими, как виделись Джил во сне.

Возможно, и сейчас она улавливала лишь отголоски реальности, не в силах отличить ее от иллюзий.

Ледяной пол пещеры местами был глубоко промят, и там также рос сланч, но не настоящий, а созданный волей и чаяниями жрецов Матери. То и дело оттуда выползали какие-то мелкие твари; одна из них попыталась на-

пасть на Бектиса, и он раздавил ее с омерзением на лице.

Маги поджидали их в окружении сполохов света и клубов тумана. Над колодцем, занимавшем почти всю гигантскую пещеру, клубился дым, и единственным звуком, нарушавшим безмолвие, было глухое клокотание жидкости и дыхание троих людей, стоявших на пороге пещеры.

— Охраняй ее, — бросил Ингольд Бектису, а сам, окутанный защитными чарами, шагнул вперед. Вокруг него в воздухе мелькали конусы и сферы, движущиеся по загадочным силовым линиям. Они мерцали и то появлялись, то исчезали, вычерчивая в пространстве загадочные узоры.

Джил слышала в своем сознании крики ледяных чародеев, но постаралась заглушить их голоса.

Все исчезло. Пустота. Пустота.

Под туникой Джил нащупала шелковый мешочек, хранивший алмаз — ее плоть, кровь и сердце.

Два меньших ледяных мага разошлись в стороны, окружая человека, идущего к ним. Третий, подобно черному облаку, поднимался над колодцем. Джил не могла подобрать слов для описания этого существа. Голова, — если это была голова, — напоминала купол с длинными отростками, прячущимися и появляющимися в разных местах, словно мурены, снующие в скалах. От него исходил холодный свет, напоминающий ультрафиолет, пронизывающий и мертвящий. Ингольд встал перед ним с мечом наизготовку.

Затем он двинулся в сторону, и существо повернулось за ним следом. Человек встал на краю кислородного колодца. Белый туман клубился у его ног. Розоватые, голубые и зеленые отблески ложились на волосы и на лицо.

Постепенно фигуры чужеродной магии

угасли. Старик с посохом и мечом стоял среди своих врагов без всякой защиты, и лицо его было печально. Медленно он протянул руку к старшему из ледяных магов.

— Мне очень жаль. — Он говорил негромко, но в безмолвии ледяной пещеры его звучный, чуть надтреснутый голос был хорошо слышен повсюду. — Я не знал. Она мертва.

Жрец-чародей опустился ближе. Щупальца его начали укорачиваться, одновременно утолщаясь.

Двое других жрецов словно бы съежились, как кошки, готовые к прыжку, и Джил ощутила волну их злобы и ярости. Однако голоса в сознании затихли. Их гнев больше не распространялся на нее, не распространялся ни на кого, был замкнут сам на себе, сгущаясь все сильнее в сжимающейся вселенной времени, мощи и безумия.

Мягким голосом Ингольд продолжил:

— Я не знал этого, когда был здесь в прошлый раз, ибо в ту пору не ведал истинной сущности вашей магии. Многие вещи были от меня сокрыты. Возможно, и от вас тоже. Но мне кажется, она мертва вот уже много веков.

Он перехватил свой посох, опустил меч, касаясь кончиком льда у кромки колодца.

— Она жила очень долго, — прошептал он, — но все семена гибнут, если слишком долго ждут своего часа во чреве Времени.

(Не мертва)

Джил ощутила мощный толчок изнутри, — то была ярость их отрицания.

Яростный вулканический жар, который они призывали из недр земных, не шел ни в какое сравнение с отголосками этой скорби, ярости и нежелания принять очевидное.

(Не мертва. Опять жива)
(Если опять жива, если...)
(Мир будет опять такой)
(Опять жива, если мир опять такой)
(Сделать прежним, вернуть, вернуть)
(Не мертва)

Должно быть, Ингольд также услышал их, ощутил натиск ядовитой бури, и Джил не понимала, почему он не спасается бегством. Как он мог выдерживать этот напор, стоять перед ними, не дрогнув, испытывая лишь сожаление и печаль?

Но он сказал:

— Она мертва. — Таким голосом сообщают трагическую весть ребенку. — Вы хорошо исполнили свой долг. У нее не могло быть лучших детей, чем вы, и ваша любовь была самым драгоценным даром. Вы ничего не могли поделать, чтобы это предотвратить. Вы не могли повернуть время вспять и сделать мир прежним.

Тьма сгустилась, а затем начала расползаться в недрах сверкающего льда. Ярость. Отрицание и ярость. Раскаты гнева.

(Нет)
(Не мертва)
(Не одолеть, не одолеть, не одолеть)

Ингольд отвернулся, и они обрушились на него, словно ядерная буря.

Джил предупреждающе вскрикнула, и он взметнул посох в ослепительной вспышке света. Порождения льда превратились в сгустки пурпурного сияния. Маг, опустившись на одно колено, поднял меч. Больше Джил ничего не

видела, хотя слышала его крик. Вслепую она бросилась бежать, сжимая в руках алмаз. Мутный туман заполнил пещеру.

Бектис с отчаянным криком набросил на Джил согревающие чары, и вокруг незримого кокона взвихрились потоки белесой дымки, но этого было явно недостаточно, — ледяные иглы пронзили ее насквозь.

Колодец находился где-то впереди, полностью скрытый в облаках тумана. Джил видела, как обороняется Ингольд, нанося резкие размашистые удары посохом, видела, как тьма обнимает его... И в этот миг она оступилась, зацепившись ногой за какой-то выступ, невидимый под густым покровом тумана.

Задыхаясь, она упала, поранив ладонь, сжимавшую алмаз. Но под действием согревающих чар туман у самой земли рассеялся, унесенный порывами ветра, и Джил увидела прямо перед собой голые камни, черный лед и пурпурную бездну, уходящую в бесконечную тьму, и медленно движущуюся ледяную жидкость своих грез, вздымающуюся и бурлящую в ритме магического дыхания.

И во тьме колодца она увидела эту тень, смутные очертания *зерна*, заключавшего в себе целую вселенную. И это она тоже видела во сне.

Джил снилось, что это создание произносит ее имя и вытягивает жизненные соки из ее тела. Теперь же она подняла алмазное сердце, кровь от крови своей, жизнь от жизни своей... роняя кровавые капли на камни и лед под ногами. Всей своей яростью чародеи ударили по ней, загоняя разум во тьму не-сознания, но боль в ладони и вид крови, стекающей тонкими алыми змейками, помогли Джил сохранить рассудок. Она вновь услышала крик Ингольда и, поднимая руку, обернулась к нему в тот самый миг, когда

маг заступил дорогу троим жрецам, готовым наброситься на его возлюбленную.

Молнии и грохот... Казалось, мир раскалывается на части... Изо всех сил Джил швырнула алмаз в колодец.

«Бектис, надеюсь, твои охранные чары сработают...»

Мир взорвался в хаосе дыма и света.

* * *

Слишком многое изменилось в Убежище за все эти годы, и подземелья также не остались прежними.

То, что раньше было небольшой комнаткой в самом сердце магической сетки, давно уже сделалось частью гидропонных залов. «Слава богу, мы не решились запереть поклонников Святого Изобилия именно здесь», — подумал он, входя внутрь. Большая часть цистерн были убраны отсюда, а в оставшихся хранили зерно и сушеные фрукты.

Внимательно осмотрев пол, Руди определил место, где три комнаты были объединены в одну. Центральная из них была самой маленькой, круглой... И, судя по всему, здесь стоял смотровой стол. Руди смог это определить по едва заметным следам на камнях. Здесь явно тащили что-то тяжелое...

Но если стол вытащили, то куда? Вообще убрали его из Убежища? Возможно, отправили в Гай, в королевский дворец? Или разбили во время очередных гонений на колдунов?

Из кармана куртки он достал Цилиндр и установил его в центре грубого каменного круга на полу.

— Брикотис? — позвал он. — Ты здесь?

Руди закрыл глаза. Он находился словно

бы внутри Цилиндра, в крохотной темной круглой комнатке в самом центре Убежища.

— Я здесь, — откликнулась Лысая Дама.

Он и сам не знал, чего ждал, но уж точно не этого.

Руди то казалось, что он стоит на берегу океана январским утром, в свинцово-холодном мире, то, что он в саду летней ночью на пороге беломраморной беседки, пронизанной золотистым светом... Еще ему казалось, что он смотрит на спящую женщину... И даже не мог определить ее возраст...

Он и сам толком не понимал, что чувствует.

Аромат ванили и цитрусов...

Глубокое, пронизывающее ощущение доверия, заботы, дружелюбия и покоя...

Он не знал, как обращаться к ней и куда смотреть.

— Я... м-м... Мое имя — Руди Солис. Я маг Убежища, но, должно быть, вы и сами все знаете...

Он ощутил ее улыбку и понял, что даже спустя столько времени она еще сохранила в себе человечность.

Ему хотелось расспросить ее о стазисных чарах, но после такой улыбки он смог лишь выдавить:

— Ну, как вы там? Вы... вы были живы все это время? В ловушке?

Однако едва эти слова сорвались с уст Руди, он понял, как ошибался.

Она не была пленницей стен Убежища, так же, как и он сам не был пленником собственной плоти.

Она была сердцем Убежища, превратившись в него точно так же, как Ингольд превратился в птицу, и по той же причине, — чтобы спасти тех, кого она любила.

И все же она была благодарна ему за этот вопрос, — он ощутил в душе тепло летнего полдня.

Воспоминания мерцали и кружились, словно она пыталась сосредоточиться на них. Фрагменты мысленных образов вспыхивали в сознании Руди, словно он улавливал чужие воспоминания или видел чужие сны.

Кошка, любившая спать у нее на коленях, прикрывая лапкой черно-белый нос. Покалывание иголок, когда ей наносили рунные татуировки на руках. Чей-то смех. Цвет локонов дочери...

А затем очень явственно он увидел Мать Зимы, спящую в своем колодце, спящую по-настоящему, ибо она шевелилась во сне и грезила о зернах в своем теле. Сердце ее пульсировало и тускло мерцало...

«Лишь живые могут использовать магию, чтобы сберечь тех, кого любят». Руди не знал, его это мысли или той женщины, чью душу, грезы и воспоминания он впитал сейчас; он не знал, сам ли задается вопросом, или она спрашивает, по этой ли причине Мать Зимы наслала этот сон Брикотис, чтобы показать ей, как поступить?

— Это было больно? — спросил он, отчаянно надеясь, что нет.

Его утешил слабый отголосок ее смеха и прикосновение, реальное и ощутимое, невидимых теплых пальцев. Легкая грусть, когда умер Аму Бэл, и Дейр, и другие маги, кого она уже не могла защитить.

Но воспоминания жили в душе. Он был рад, что она счастлива.

— Послушайте, — почтительно обратился к ней Руди. — У нас тут одна небольшая проблема. Я подумал... Может, вы сумеете помочь? Как нам заставить расти эти зерна?

И вновь ощутил летнее тепло ее улыбки.

* * *

На другой день габугу атаковали Убежище в полную силу.

Поскольку Руди знал, что высокая концентрация сланча — или существ, управляемых сланчем, — мешает действию магического кристалла, он заколдовал кожаный мяч, набитый травой, и наложил на него особые чары, сделав сперва синим, затем красным, затем зеленым, затем черным, затем белым.

Руди воткнул в землю три шеста в нескольких ярдах перед входом в убежище и уложил кожаный шар на этот треножник; каждое утро до открытия дверей убежища он смотрел в кристалл, чтобы проверить, виден ли мяч, и какого он цвета. Последняя мера предосторожности, вероятно, была излишней, но Руди хотела защититься от иллюзий, наведенных ледяными колдунами. Когда нынче утром он устроил проверку, то ничего не увидел. В кристалле серым облаком клубилась глухая леденящая ярость.

— Ух, ты! — Сунув кристалл в карман, он побежал в главный зал Убежища, где уже собирались выходить на полевые работы крестьяне и дружески болтали с гвардейцами, дожидавшимися рассвета, чтобы отпереть ворота.

— Извините, парни, ничего не выйдет, — заявил им Руди и подошел к Калдерну и Гнифту, стоявшим у внутренних дверей. — Они там, снаружи, ждут... Я не знаю, сколько их.

— Ты уверен? — разумеется, не преминул поинтересоваться кто-то.

— Какая глупость! — так же предсказуемо заявил другой. — Нам нужно работать! Времени в обрез. Если мы не хотим голодать...

— И откуда нам знать, что ты говоришь правду?

Уперев руки в бока, Руди встал перед воротами и колдовской свет вспыхнул у него над головой.

— Вы мне не верите? — Воцарилось молчание. — Вы же громче всех кричали, что я ничего не сделал, чтобы защитить вас в прошлый раз... Хотя тогда я и впрямь был бессилен помочь. И вот теперь я стою перед вами и говорю: не открывайте двери.

Без единого слова пять человек набросились на него с ножами, цепами и серпами. Руди был так изумлен, — хотя позднее понял, что удивляться тут было нечему, — что даже не успел ничего предпринять, как у него уже вырвали посох из рук и отшвырнули к воротам. Он принялся отбиваться кулаками и ногами, одновременно используя защитные чары, — которые, разумеется, ничуть ему не помогли...

Калдер выхватил цеп у одного из работников и отшвырнул того в сторону; Гнифт без малейших колебаний обезглавил второго; остальных нападавших быстро обезвредили крестьяне.

Те сопротивлялись, как демоны, истошно вопя и атакуя своих бывших друзей и родичей. Йобет Троп чуть не лишился уха, пытаясь обезоружить вооруженного серпом мутанта. В это время еще один из нападавших бросился к внутренним воротам, сумел распахнуть их и побежал к выходу. Руди, торопливо вскочив на ноги, бросился за ним. Крестьянин уже отпирал засовы... Руди схватил его за плечи, но тот отшвырнул молодого мага с нечеловеческой силой. Тот опять поднялся, пытаясь успеть...

Двери распахнулись. Мутанты хлынули внутрь зловонной белесой волной. Руди закричал, что есть сил:

— Закрывайте ворота! — И за спиной услышал лязг металла и скрежет замков.

Теперь он был заперт в проходе с обезумевшим крестьянином и всей этой чудовищной ордой. Руди выкрикнул Имя Молнии, и ослепительная вспышка с душераздирающим скрежетом вспыхнула, озаряя все вокруг, отражаясь от черных каменных стен, пола и потолка. Мутанты и габугу визжали и рычали, когда в них ударяли огненные стрелы; в туннеле было не продохнуть от дыма и вони горящей плоти.

Внезапно какие-то люди появились с ним рядом, в лучах бледного утреннего солнца сверкнули клинки. Это гвардейцы пришли на помощь. Янус уже закрывал внешние ворота, а Ледяной Сокол крошил паукообразных габугу размером с собаку, пытавшихся пробраться внутрь. Обезглавленный труп крестьянина валялся под ногами. Руди вызвал магический свет, когда затворились ворота и воцарилась тьма. Едва с последними мутантами было покончено, командир гвардейцев, кашляя от едкого дыма, подошел и хлопнул Руди по плечу.

— Поздновато ты нас предупредил!

Руди, задыхаясь, привалился к стене. Повсюду вокруг валялись мертвые габугу, в большинстве своем слишком мелкие, чтобы сражаться с ними обычным оружием.

— Подземелье, — внезапно выдохнул он. — Анкрес сейчас там...

К тому времени, как вновь распахнулись внутренние двери, и Янус созвал отряд гвардейцев, Руди уже бежал по главному коридору Убежища по направлению к угловой лестнице, что вела в подземелье, и все же он едва не опоздал, появившись в самый разгар сражения. Полтора десятка мужчин и женщин с самодельным оружием напали на Сейю и Мелантрис, стоявших на страже в темнице. Те, по счастью, быстро успели опомниться и стойко обороняли две-

ри, за которыми были заперты мутанты. Атаковавшие их поедатели сланча, еще не прошедшие магического испытания, — кстати, никто из них не жил на пятом северном ярусе, — сражались как безумцы, отказываясь сдаться, словно у них не было иного стремления, кроме как уничтожить всех тех, кто мешал им отворить двери. Стражницы успели перебить половину из них к тому времени, как подоспел лорд Анкрес со своими людьми.

Черный каменный пол подземелья стал красным от крови. Остальные также погибли с оружием в руках, а запертые в темнице мутанты бросались на дверь изнутри, отчаянно вопя и ругаясь. Руди, задыхаясь и изнемогая от усталости, подоспел к самому концу сражения.

— Демоны бы их побрали, — пробормотал лорд Анкрес, и ногой перевернул один из трупов. Это оказалась служанка леди Скет, вооруженная серпом, взятым из личных кладовых Скетов.

* * *

День выдался тяжелым, с уймой разговоров, всевозможных проектов и планов... День злобы, слухов и страха...

— Что будем с ними делать? — спрашивали Баррелстейв, Анкрес, Янус и все остальные на Совете. — Мы же не можем так и сидеть взаперти. Нам нужно работать в полях.

Но ответ всегда был один.

— Если мы откроем ворота, то погибнем, — говорил Руди. — По большей части эти габугу размером не больше мыши, а вам всем известно, сколько у нас проблем с мышами в Убежище. Их цель — не просто прикончить меня. Они желают уничтожить эту крепость, являющую собой воплощение живой магии. А если магия

уйдет, то исчезнет и все остальное: вентиляция, вода, надежная кладка стен.

— Похоже, нам конец, — промолвил лорд Анкрес. — Разве не так?

— Все будет в порядке, если Ингольд на юге уничтожит самых главных тварей, — негромко возразил Руди. — Думаю, в этом все дело. Именно потому они так яростно нападают на нас.

— А если он не справится? — спросил Майя.

Руди вздохнул.

— Вот тогда у нас начнутся проблемы.

Весь день, по всему Убежищу внезапно вспыхивали драки и ссоры: из-за еды, из-за обуви, из-за надуманных оскорблений, из-за женщин или и вовсе на пустом месте. Внешне эти свары не имели никакого отношения к тем омерзительным тварям, что поджидали людей снаружи... Но на самом деле все было тесно связано.

После заседания Совета Руди вернулся на старое хранилище в самом центре Убежища, чтобы взглянуть на большую Сферу Силы, которую начертал прошлой ночью.

Линии были проведены по стенам, по потолку и по полу, и теперь энергия наполняла воздух, уходила вглубь под камни, взывала к звездам, к фазам Луны и к Солнцу.

Вся эта мощь стекалась в глиняный сосуд с водой, стоявший посередине.

— Мутантам ведь не нужна еда, верно? — спросил Тир, сидевший, скрестив ноги, за пределами сферы.

Руди покачал головой.

— Они просто хотят уничтожить магию.

Земляные яблоки в глиняном сосуде выросли втрое по сравнению с их изначальным размером. Они по-прежнему казались почти черными, но из глазков уже показались тонкие белые отростки. Алые зернышки дали крохотные буто-

ны, постепенно увеличивавшиеся в размерах. Кажется, это были розы...

Ингольд будет доволен. «Может, даже обрадуется цветам сильнее, чем картошке, — улыбаясь, подумал Руди. — Должно быть, скажет: есть вещи поважнее еды».

Руди надеялся, что там будут и те крохотные белые розочки, которые носила в волосах Гиза Ренветская...

В его грезах они пахли так сладко...

Через пару дней, в зависимости от того, как пойдут дела снаружи, Руди намеревался спросить Брикотис, каким образом изменить устройство гидропонных цистерн, чтобы обеспечить Убежище едой на всю осень и зиму.

Если только кто-нибудь вновь не попытается его убить...

Даже здесь было слышно, как вопят запертые в подземелье мутанты, и эти звуки действовали Руди на нервы. Конечно, он не верил, что они сумеют проломить двери тюрьмы, но все же...

— Они хотят уничтожить магию, потому что с ее помощью мы можем помешать им сделать мир прежним... Таким, каким он был при их жизни.

— А разве они не живые?

— В общем-то, нет. — Руди вздохнул и потер щеку, украшенную двухдневной щетиной, ссадинами и царапинами после драки с мутантами у ворот. Вспоминая, как все было, он и сам удивлялся, как ухитрился не сжечь ни Януса, ни себя самого этими молниями.

— Все дело в том, что нам не выжить в том мире, каким они хотят его видеть, а они не могут существовать в нашем. Мы вроде как меняемся на этой планете, и сейчас наша очередь, а они хотят, чтобы пришел их черед. Вот и все.

— А. — Тир внимательно посмотрел на Сферу, на серебристые и алые линии на по-

лу и на дымящиеся благовония. — Ингольд их убьет?

— У нас будут большие проблемы, если он этого не сделает, малыш.

...К вечеру по винтовой лестнице, где раньше ходила Брикотис, спустилась Минальда, утомленная, бледная и страдающая, но зато с роскошной прической, которая делала ее старше и выше ростом. В руках у нее была глиняная миска и кувшин с водой. Руди тотчас отомкнул вход в Сферу, бросился к ней навстречу и пододвинул стул.

— Как ты думаешь, ты не смог бы придти завтра утром на заседание Совета и вновь устроить этот свой фокус с молниями? — спросила она, усаживаясь и дрожащими от усталости руками протягивая Руди тарелку. — Сегодня, когда Барелстейв опять завел свою трескотню, я мечтала только об этом.

Руди засмеялся, поднимая крышку с блюда.

— Ну и ну! Горошек и тушеное мясо! Все, что я люблю. — Он почувствовал, что умирает от голода. «А скоро это может произойти в действительности, — невольно подумал он, вытаскивая из кармана костяную ложку. — Но лучше не будем об этом...» — И чего они хотят?

— Сами не знают.

Альда вздохнула. Тонкими пальцами она вдруг поправила изысканную прическу, а затем вдруг вытащила золотые шпильки, встряхнула головой, и волосы свободно рассыпались по плечам.

— Они хотят, чтобы их заверили, мол, все будет в порядке... Хотя, вслух этого, конечно, никогда не скажут.

Она вздрогнула, когда в наступившем молчании вновь послышались безумные завывания мутантов, а затем прошептала:

— Неужто мы ничего не сможем поделать? Я только что оттуда. Ты слышал, как они колотят по дверям: они же ломают себе кости, они ничего не ели со вчерашнего вечера, а теперь никто и не осмелится дать им ни еды, ни питья.

— Боюсь, мы тут бессильны. — Руди подошел ближе и взял Минальду за руки. — А что говорят люди?

— Они напуганы.

— Черт возьми. — Он опустился на колени, прижимаясь к Альде. — Я и сам напуган до предела.

Она обняла его за плечи, и на миг Руди ощутил неземной покой и тепло в этих объятиях.

— Ты не можешь бояться, — внезапно заговорил Тир, которого мать также притянула к себе. — Ты ведь маг.

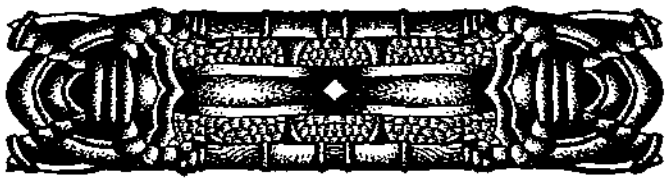
— Хочешь, верь, хочешь, нет, малыш, — пробормотал Руди, — но именно это пугает меня больше всего остального. Если... — Он вдруг выпрямился, к чему-то прислушиваясь. — Что это?

Альда покачала головой.

— Я не...

Руди вскинул руку, затем вскочил и распахнул дверь. Откуда-то издалека, подобно завываниям ветра, подобно визгу ледяной бури доносился странный звук.

Крик.

Глава шестнадцатая

Джил проснулась от холода. Что-то ползло у нее по ноге. Она потянулась, но тут же отдернула руку, — габугу размером с кошку отпрянул от нее и поковылял прочь на хитиновых лапах. Ингольд стиснул ее пальцы.

К горлу подкатила тошнота.

— Похоже, сейчас моя очередь?

— Прошу прощения. — Она осознала, что речь ее звучит хрипло, замедленно, почти невнятно, но повторять не стала. Она уже не помнила, что хотела сказать.

Комнату заполнял непроницаемый белый туман, неподвижный, как сама смерть. Голубоватое мерцание вокруг угасло, и лишь тусклый магический свет, горевший над головой Ингольда, слегка разгонял мрак. Габугу подползали к людям и тут же уползали прочь, стуча когтями по льду, сделавшемуся скользким под действием согревающих чар.

Судя по тому, как туман клубился, не проникая сквозь незримую грань, Джил догадалась, что защитный кокон содержал в себе и собственную атмосферу, иначе, учитывая уровень двуокиси углерода в воздухе, они бы уже давно погибли.

Оба мага сейчас казались похожи, как братья. В кои-то веки вид у Бектиса был не возмущенный или раздраженный, а просто смертельно усталый. Он помог Ингольду подняться на ноги, а тот, в свою очередь, поднял Джил.

— Пойдем, — негромко сказал ей маг. — Ты должна это увидеть.

Он тяжело опирался на посох, но все же подвел Джил к краю колодца.

Сжиженный полузамерзший кислород исчез, оставались лишь сгустки дыма, курящиеся из черного жерла вулкана. Мать Зимы лежала на уступе полусотней футов ниже; дальше черная расселина уводила в самые недра земли.

Огромная желеобразная туша не сохранила никаких следов борьбы, сопротивления и ярости. Древоподобная голова безвольно свисала, окутанная длинной гривой синих водорослей, фосфоресцирующих в магическом свете. Похожий на хлыст спиралевидный хвост свисал, теряясь в бездонной тьме. В тех местах, где плоть натягивалась, словно мокрая парусина на хитиновом хребте, Джил видела очертания миллионов и миллионов яиц внутри, — словно черные грозди под полупрозрачной кожей.

— Она прекрасна, — внезапно сказала Джил, сама не зная, почему. Но странным образом в этих словах была своя правда. Мать Зимы... сердце давно исчезнувшего мира.

Ингольд был прав. Она, похоже, умерла во сне много веков назад.

— Вот это? — Бектис явно пришел в себя. Голос его походил на сердитое лягушачье кваканье. — Что ж, каждому свое. Век бы ее не видеть...

— Да, — пробормотал Ингольд, уводя Джил прочь. — Я был уверен, что ты скажешь именно так.

Опираясь на руку своей спутницы, он нагнулся, поднимая меч, лежавший среди стремительно разлагающихся черных останков созданий, чьим долгом на протяжении эонов было любой ценой сохранять Мать Зимы в живых в ожида-

нии того дня, когда мир вновь станет прежним. Но Джил знала, что мир никогда не возвращается к былому, ни для кого из нас.

Сержант Куш, лейтенант Пра-Сиа и Баклажан встретили их во внешнем зале усыпальницы. Они кашляли и сыпали проклятиями, а факелы едва горели из-за зловонного газа, вытекавшего из недр горы.

— Не подходите ближе, — велел им Ингольд, пробираясь к выходу по колено в сланче мимо изваяния Слепого Короля и его терпеливого мудрого пса. Резким жестом он смахнул волосы, падавшие на глаза. — Похоже, все габугу ушли?

— Ушли? — Куш то ли засмеялся, то ли задохнулся от возмущения. — Слабо сказано, дружище! Они не просто ушли, а смылись, испарились, слиняли...

Все вместе они двинулись наружу. Во время битвы с ледяными магами мутанты вовсю атаковали усыпальницу, и теперь их трупы валялись повсюду на ступенях. Лишь пара дуиков еще оставались в живых, — те, что почти не успели измениться, — но и их участь была незавидна. Все они лежали на камнях, и кровь текла у них из пасти, — это постепенно разлагался сланч, проникший в их плоть. Глядя на них, Ингольд невольно содрогнулся от жалости и отвращения.

Джил взглянула на свои руки. Они были в полном порядке. Она провела кончиками пальцев по лицу. Шрамы превратились в самые обычные рубцы, подживающие и уже едва заметные.

В венах и артериях не ощущалось прежнего покалывания и зуда. Во рту не чувствовалось прежнего приторного вкуса. Колдовской алмаз полностью очистил ее от яда и вернул свободу. Безмолвие в сознании ощущалось как ясное зимнее утро, когда весь мир просыпается чистый и свежий, готовый к новой жизни.

— Габугу ушли, — доложил Баклажан, почесывая затылок. — Как наемники, если им не заплатят. С тобой все в порядке, Джилли?

— Конечно, — отозвалась она с улыбкой, и здоровяк крепко обнял ее.

— И, кстати, об оплате... — Куш взял Джил и Ингольда за руки, вместе с ними спустился по ступеням усыпальницы мимо сгоревшего, залитого кислотой сланча, к скалам, наполовину скрывавшим вид на ущелье, где стражники императрицы выводили из укрытия лошадей и негромко переговаривались между собой. Куш, понизив голос, промолвил:

— Вы правду говорили, да? Что теперь опять будет тепло и вернутся дожди, а голод и чума уйдут?

Он вновь покосился на стражников, которые подтягивались ближе и возбужденно что-то кричали и взмахивали руками при виде почерневших, разлагающихся трупов мутантов и габугу.

— Я не верю в магию, конечно, но... Вы можете мне сказать, кто теперь придет к власти? Кого нам лучше держаться?

Ингольд со вздохом покачал головой.

— Тут я бессилен, — промолвил он негромко. — Могу лишь сказать, что если мы и впрямь достигли сегодня успеха, то погода не ухудшится и понемногу начнет выправляться. Хотя наверняка этого обещать не может никто.

— Хм. — Гладиатор окинул взглядом развалины вокруг, посмотрел на дым, поднимавшийся столбом из входа в усыпальницу, затем на усталые, перепачканные в крови лица старика и женщины.

— Вы все это сделали, и даже не знаете — зря или нет? Скажу тебе, мой друг, так ты никогда ничего не добьешься в жизни.

Маг улыбнулся, поглаживая бороду.

— Мне уже об этом говорили.

Куш пожал плечами.

— В общем, похоже, все это не стоило таких усилий. Однако... этот святоша Пра-Сиа мне сказал, что, когда тут все закончится, ему велено было привезти вас обратно к ее высочеству, но что-то мне подсказывает... — Он понизил голос. — Что-то мне подсказывает, что ответ: «Ничего нельзя знать наверняка» императрицу не устроит.

— Согласен, — Ингольд вздохнул. — И поскольку она не отдала приказ тотчас заковать нас в цепи, как только мы выйдем наружу, то, полагаю, она надеялась, что я поступлю именно так, как намерен поступить сейчас.

— То есть?

— То есть не стану возвращаться к ней за обещанной наградой. — Ингольд на миг зажмурился, собираясь с силами, затем чуть заметно щелкнул пальцами и, шагнув вперед, протянул руки, чтобы перехватить потерявшего сознание гладиатора и уложить его на землю.

Обернувшись, Джил обнаружила, что точно так же рухнули без чувств и все остальные, за исключением Бектиса, взиравшего теперь на Ингольда с видом глубочайшего возмущения.

— Это что еще за шуточки, Инглорион?

— Не смей! — Ингольд вскинул руку, заметив, что Бектис готов вновь разбудить стражников и гладиаторов. — Подумай как следует.

Он торопливо спустился на дно ущелья.

— Я не знаю, как намеревалась поступить с нами императрица, если бы мы вновь оказались в ее власти. Она расчетливая и безжалостная женщина, достойная ученица Джованнин, и, подобно аббатисе, явно не прочь воспользоваться запретной магией в своих целях. Не прочь она при необходимости и солгать своей наставнице.

Несомненно, в грядущей войне с на-Чандросом ей хотелось бы заручиться помощью колдунов.

Переступив через бесчувственного лейтенанта Пра-Сиа, Ингольд остановился, озирая поле битвы, в то время как Джил связывала воедино поводья всех лошадей.

— Однако я не намерен ей помогать. — Немного поразмыслив, Ингольд мягким тоном обратился к Бектису: — Не хочешь ли отправиться с нами? Я понимаю, что тебя держит здесь...

Седобородый маг изменился в лице и попятился, весь дрожа.

— Ты ничего не понимаешь! — прошипел он. — Ничего!

Ингольд огорченно взглянул на него.

— Ты знаешь, оно того не стоит. Сейчас у тебя есть шанс избавиться от нее... Возможно, лучшего уже никогда не представится.

Бектис побелел от ярости.

— Ингольд Инглорион, ты беспринципный негодяй!

Ничего не ответив, тот обреченно вздохнул. Похоже, что связь между Джованнин Нарменлион и ее преданным магом разрушить было невозможно.

— Да, из меня никогда не выйдет толку. — Ингольд покачал головой, с сожалением покосившись на мирно спящего сержанта Куша. — Полагаю, он прав. Там не осталось кислоты в кувшинах, моя дорогая?

— Ни капли. — Джил сбросила последний сосуд на землю. — Но нам повезло: все гвардейцы были верхом на кобылах. Кажется, только у Куша был жеребец, и у Серого Кота, но...

— Как ты думаешь, а почему я попросил, чтобы Серый Кот нас сопровождал? — Ингольд взял под уздцы коня гладиатора и легко взлетел в седло. — Что касается кобыл, то удача тут

ни при чем. Я сказал ее высочеству, что это необходимая часть моего заклятия. Разумеется, как и ростки роз Джованнин, которые упакованы в моих седельных сумах. Пусть Бектис возьмет себе мерина... Двух других по пути на север мы обменяем на домашний скот. — Он протянул сложенный в несколько раз и запечатанный лист папируса. — Будь так любезна, сунь это под тунику нашему другу сержанту, моя дорогая.

— А что там?

— Указания, как снять чары, лежащие на сокровищах Пенамбры. Мы остановимся там по пути и погрузим на лошадей книги и серебро, но думаю, что наши друзья заслужили награду за ту помощь, которую нам оказали. Мы не имеем права их обижать. Бектис... — Он обернулся и поднял руку в благословляющем жесте. — Если не хочешь отправиться с нами, то скажу лишь одно: пусть тени укроют тебя от врагов, а звезды укажут путь домой.

— А тебе желаю сломать себе ногу, как только ты слезешь с седла!

Джил исполнила поручение Ингольда, чувствуя себе такой легкой и свежей, словно могла бежать много дней без остановки. И пусть все мышцы горели огнем, но зато ушла боль изнутри.

— А может, оставим меринов Кушу и его ребятам? — Она виновато покосилась на спящих гладиаторов. Все они были славными парнями. Баклажан, похоже, даже был слегка в нее влюблен, а Серый Кот научил сражаться сетью и трезубцем.

— Все равно Пра-Сиа отнял бы у них лошадей, и нашим друзьям пришлось бы возвращаться пешком. Нет, лучше все оставить, как есть. Думаю, он поймет.

Ингольд натянул поводья серого жеребца так, словно с детства привык ездить верхом.

— Если мы поспешим, моя дорогая, то к утру окажемся по ту сторону холмов.

* * *

Под утро они встали лагерем на развалинах сожженной крепости на южной оконечности вулканического кряжа.

В сером свете зари Ингольд привязал лошадей и постарался скрыть их следы. Лишь сейчас Джил осознала, что старик растратил последнюю магию, усыпляя императорских гвардейцев. Должно быть, пройдет немало часов или даже дней, прежде чем он сможет с помощью чар и иллюзий защитить их от грабителей, враждующих армий и мстительной Церкви.

До той поры им придется передвигаться скрытно, по ночам.

Оставалось надеяться, что Ниниак прав, и военачальники действительно увели войска на восток.

Джил вспоминала о маленьком воришке, готовя скудный завтрак из прихваченной в дорогу снеди. Маленький бродяга может погибнуть во время следующей эпидемии или хлебного бунта... Он так злился, когда решил, что Ингольд бросил ее из-за шрама на лице...

У Джил сжалось сердце. Она была знакома с ним всего четыре дня, и больше никогда его не увидит.

И здоровяка Баклажана, скупого на слова, с тонкими браслетами на лодыжках.

И сержанта Куша. И даже грозную Йори-Эзрикос.

Она сидела, прислонившись спиной к полуразрушенной каменной стене и печально повторяла их имена, словно все эти люди погибли в тот миг, когда Джил рассталась с ними.

Она скучала по ним. Она всегда будет по ним скучать.

— Джил? — Ингольд подошел, неся на плече мешок с початками дикой кукурузы, фасолью и томатами. — С тобой все в порядке?

Она кивнула. Уже давно ей не доводилось вспоминать о матери, сестре и о своих друзьях в университете. Возможно, кто-то из них до сих пор ищет ее.

«Невероятное исчезновение, — подумалось ей. — Пройди сквозь стену огня, стену магии, стену Неведомого, — и тебя больше нет».

Он опустился перед ней на колени, и Джил взяла его за руку.

Чуть погодя Ингольд негромко спросил:

— Как ты поступишь с ребенком?

Джил не ожидала такого вопроса, но сразу поняла его скрытый смысл. Вскинув голову, она взглянула на мага; его лицо не выражало никаких чувств, но в глазах таилась тревога.

А ведь она всего три или четыре дня назад узнала, что беременна, и у нее даже не было свободной минуты, чтобы подумать об этом как следует.

У меня будет ребенок.

У меня будет ребенок. Я буду носить его девять месяцев... Точнее, уже семь... А потом у меня будет... этот сосунок на руках, такой же, как Тир, когда я впервые его увидела, как сын моей сестры.

Она и сама не знала, что чувствует. Сердце сжималось, и к глазам подступали слезы.

Но плакать сейчас было ни к чему. Это только причинило бы Ингольду страдания.

Она спросила:

— А что, на этот счет есть какой-то закон? Я знаю, что магам раньше запрещалось жениться, но в наши дни многие церковные законы нарушаются. Чего бы тебе хотелось?

— Церковь не противится женитьбе магов, — медленно отозвался Ингольд. — Отчасти ради сохранении своей власти, но также и из-за тревоги о будущем женщины и ребенка. Маги... не самые лучшие родители.

Джил сложила руки на коленях и улыбнулась.

— Ты хочешь сказать — потому что они могут умчаться на край света из-за каких-то бредовых видений?

— Ну... вот именно. — Он поскреб бороду. — Я... никогда не причинил бы тебе боли, Джил...

Он говорил осторожно, очень тщательно подбирая слова, и впервые Джил осознала, что, несмотря на все свое красноречие, в глубине души Ингольд страшился говорить о вещах, которые были для него по-настоящему значимы. Точно так же, как и она сама, он опасался сказать что-то не то, боялся лишиться того, что ему так дорого и знать, что в этом — его вина.

— Я бы не хотел... просить тебя ни о чем, если позже ты можешь пожалеть или... Или затаить на меня обиду. Ведь я мог погибнуть сегодня, Джил. Я мог погубить нас обоих без сомнений и сожалений, просто выполняя свой долг. Это могло случиться сегодня или в любое другое время.

— Это так, — согласилась Джил. Она коснулась своего живота, лишь теперь понимая, почему Альда все время делала тот же самый жест. «Там есть кто-то живой, — подумалось ей. — Кто-то... другое существо...»

— Моим суждениям нельзя доверять.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Чьим же тогда можно?

— Это твоя жизнь, Джил. — Он глубоко вздохнул. — И ты выбрала, кем ты хочешь быть: воином, ученым, женщиной, свободной от любых уз. Ты никогда не хотела ребенка, я это знаю.

— Да.

Она покачала головой, распустила волосы, и они рассыпались по плечами. Впервые Джил заметила в прядях седину, хотя ей не было еще и тридцати. Пережитое все же оставило свой след...

— Но разве что-то остается неизменным?

Она вновь вспомнила Ниниака, Баклажана... свою сестру, наставников, друзей.

И тогда она сказала:

— Так оно и было. Но знаешь... Мы все меняемся. Я никогда не хотела попасть в ловушку обязательств. Я всегда мечтала быть свободной. Моя семья вечно чего-то требовала от меня. Я чувствовала себя пленницей, когда спорила с отцом или с матерью из-за каких-то мелочей. С тобой я была такой, какой я хотела быть, и это был мой выбор. И если я позволяла Ледяному Соколу, Мелантрис или Янусу гонять меня до седьмого пота на тренировках, то лишь потому что это помогало мне достичь цели... Точно так же, как бессонница, чернильные пятна и головная боль после занятий с архивными кристаллами.

Она помолчала, оглаживая потертую рукоять меча.

— Но наши желания также меняются. Этого я раньше не понимала: любовь, которая приходит к тебе и оказывается сильнее любых обстоятельств, любовь, которая заставляет держать себя в руках, тратить время и усилия, и внезапно ты понимаешь, что кто-то — я говорю не только о тебе, но и обо всем Убежище, о Руди и Альде, и даже о таких болванах, как Энас Баррелстейв... Ты понимаешь, что эти люди достаточно дороги тебе, и хочешь, чтобы они навсегда вошли в твою жизнь. Прежде я не чувствовала ничего подобного.

— Именно к этому я и веду, — перебил

ее Ингольд. — Я не могу обещать, что останусь в твоей жизни навсегда.

— То же самое ты можешь сказать и о своем сыне, — прошептала Джил. — Но я хочу, чтобы он оставался со мной как можно дольше. Другого шанса не будет.

* * *

Ребенок Минальды появился на свет месяц спустя, за две недели до осеннего равноденствия.

Руди сидел на ступенях Убежища, глядя, как сумерки сменяются ночью, окрашивая черным ледники и высохший сланч близ гибнущих фруктовых деревьев.

Должно быть, рост ледников не прекратится, — хотя Брикотис начала обучать его заклятьям, с помощью которых их можно было отвести от долины Ренвета по ту сторону кряжа. Если повезет, сланч перестанет распространяться и погибнет с наступлением теплых дней. Габугу по-прежнему пожирали его, но больше не нападали на людей, а просто скитались по лесам, — пугающие воспоминания древнего мира. Они никому не причиняли вреда и постепенно вымирали от голода или каких-то своих мутировавших болезней, а может, и просто от тоски. Другие животные больше не прикасались к сланчу. В Убежище люди, видя судьбу последователей Святого Изобилия, опасливо обходили стороной трупы габугу и мутантов, погибших в лесу.

Руди вздохнул. Уцелевшие члены кланов Браунов, Виккетов и Биггаров высекли каменную стелу, чтобы поставить ее на месте массового захоронения, где обрели вечный покой Корам Биггар, Варкис Хогширер и все прочие, что погибли, разрываясь от отчаянных воплей, в тот миг, когда Джил разрушила заклятье Мате-

ри-Зимы. Майя прочитал над ними молитву, взывая к Богу о прощении.

Скелу Хогширер похоронили в роще вместе с пастушатами.

Руди никому не говорил об этом, но втайне присматривал за обеими могилами. До сих пор ни на одной из них не появился сланч.

Он прислонился спиной к каменной стене Убежища и запрокинул голову. Альда была права: ребенок родился здоровым.

Он сам принимал роды.

Ему пришлось сделать это, поскольку двое новых магов в Убежище — рыжеволосая молчаливая Илайя и застенчивый брат Венд — не имели никакого опыта в этом деле. В Убежище Черных Скал старая Нэн, теща Томока Тиркенсона, была главной повитухой...

Впрочем, она вообще заправляла всем без исключения. К тому же, гости прибыли всего пару дней назад в сопровождении дуика Джорджа и его племени, — усталые, грязные, изможденные после долгих скитаний. Венд до сих пор не оправился от лихорадки, но Руди не сомневался, что скоро он встанет на ноги.

Как славно, что он больше не единственный маг в округе...

Он был счастлив, узнав, что Тиркенсон, Вот и все прочие обитатели Убежища Черных Скал уцелели.

У него родилась дочь.

Синеглазая, черноволосая, прекрасная, как спелый персик...

Он вновь закрыл глаза. У него был ребенок.

Из долины со стороны перевала до него донеслись голоса.

Слова старой ковбойской песни.

Руди подумал рассеянно: «Должно быть, Джил в хорошем настроении».

Казалось, ее не было всего пару дней. И Ингольда не было пару дней.

Будет приятно увидеть их вновь.

Песня звучала все громче.

Смысл слов не сразу дошел до Руди, он думал лишь о том, что Джил совершенно не способна попадать в такт, а у Ингольда — красивый баритон. Затем он распахнул глаза.

Они ехали верхом по лугу — верхом! — и гнали перед собой целый табун кобылиц, овец, а также дюжину тощих коров. Четыре лошади везли на себе объемистые тюки, а, кроме того, Ингольд ухитрился где-то раздобыть двух мохнатых рыжих псов, которые весело трусили по дороге, подгоняя отставших животных.

Когда Ингольд через кристалл сообщил Руди, что они возвращаются, он как-то позабыл упомянуть обо всем этом.

— Класс! — Руди поднялся на ноги и спустился по ступеням, сунув руки в карманы. — Картошка фри и гамбургеры.

Джил бросила поводья, соскочила с седла. Она похудела еще больше, но давно уже не выглядела такой хорошенькой. Кажется, она обрела покой, что-то изменилось во взгляде. На ней была яркая шелковая накидка, а волосы завязаны узлом, как у гладиаторов.

— Извини, что мы задержались, дружище. — Впервые в жизни она обняла Руди. — Мы очень спешили. Как там Альда?

— С ней все в порядке. — С усталой улыбкой Руди притянул Джил к себе. — Могли и не спешить. Все... все понемногу уладилось.

Ингольд спешился с таким видом, словно с рождения только и делал, что пас стада. Не хватало лишь ковбойской шляпы, которая очень подошла бы к его черно-красной тунике и подбитому мехом плащу.

— Руди, поздравляю... Поздравляю тебя от всей души.

А из Убежища уже сбегались люди. Собаки, было, разлаялись, но Ингольд жестом велел им замолкнуть, и они уселись, с подозрением наблюдая, как плотник Бок и Ланк Яр уводят овец и коров.

— Извини, что ничего не сказал про это стадо. В долине полно разбойничьих шаек, и я боялся, что нам не избежать засады. Коров мы купили по дороге... Кстати, там есть и два молодых бычка, так что теперь у нас и правда будет настоящее стадо... Но овцы — это чистая случайность.

— Мы обнаружили их на дороге, — пояснила Джил. — Ты только взгляни... Похоже, они много лет бродили по пустошам. Интересно, откуда они там взялись.

Руди засмеялся.

— Черт возьми, выходит, Нидра Хорнбим все же была права. Я наложил чары Призыва, чтобы собрать потерянный скот. Никогда не думал, что это сработает.

— То-то мне казалось, что они сюда очень торопятся. — Ингольд поскреб усы, которые, как обычно, выглядели так, словно он подравнивал их клинком, не глядя в зеркало. — Приятно будет вновь выспаться в нормальной постели, не говоря уж о том, чтобы пообщаться с одним из магов Былых Времен. Я счастлив, что тебе удалась эта затея с розами... Воистину, Руди, ты...

Его перебил выбежавший наружу Энас Баррелстейв, который цепко ухватил мага за руку.

— Инглорион! — Он грозно потряс пальцем, глядя, как заводят внутрь убежища коров, овец и лошадей. — Конечно, ты правильно сделал, что отправился закупить скот для Убежища, но тебе следовало сперва спросить мнения Совета. Разумеется, мы ценим твою помощь, но нельзя же вот так запросто...

— Ну как ты, подруга? — Руди обнял Джил за плечи, и они вдвоем двинулись вверх по лестнице. С улыбкой она покосилась на него.

— Все в порядке.

Шрам на щеке почти зажил, и остался лишь незаметный рубец, ничуть не портивший ее лицо.

— Похоже, теперь ты долго не вернешься на тренировки с гвардейцами?

— Иди к черту, — отрезала Джил. — Женщина имеет полное право заниматься, чем хочет до самых родов... Хотя я бы предпочла, конечно, не вступать в смертельные поединки, если только нужда не заставит. Думаешь, я не справлюсь, а? — Она с суровым видом уставилась на Руди, и тот невольно попятился.

— Нет... Я просто... Конечно, справишься.

С такими родителями, как Джил и Ингольд, не соскучишься... Что это будет за ребенок?!

Холодный ветер задувал с ледников. Стражники уже готовы были затворить двери Убежища.

— Что с урожаем? — спросила Джил.

— Все не так плохо. За сеном мы вышлем людей на болота к Виллочайлду. Но теперь вовсю заработали гидропонные цистерны, и даже если налетит новая ледяная буря, мы продержимся. Животных пока можно разместить в подземелье. Если погода не наладится, вероятно, земледелие пока придется забросить и оставить лишь плодовые деревья. Но урожай яблок очень неплохой.

На вершине лестницы они задержались, оглядываясь назад. Где-то далеко в долине проревел мамонт; крохотные габугу лениво копошились на полях сланча, призрачно мерцая в лунном свете. Руди покачал головой. Все это было так странно...

Пока не наладится погода... Сколько веков на это уйдет?

Но у них есть пища. И книга. И розы, которые дождутся тепла.

— Так как ты назовешь свою дочь? — спросила Джил.

Моя дочь...

— Гиза, — негромко ответил Руди. — Так звали жену Дейра Ренветского, которая погибла по пути в Убежище... Погибла потому, что Дейр не позвал на помощь магов, возводивших эти стены. Прекрасная Гиза... Она так долго мечтала попасть сюда.

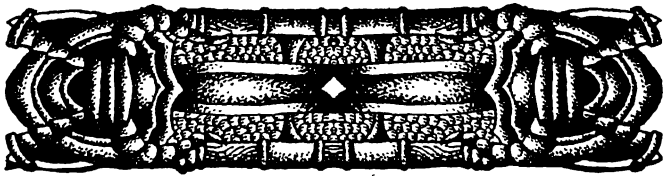
— Гиза, — чуть слышно повторила Джил, и Руди кивнул.

— На древнем наречии это означает «весна».

ЛЕДЯНОЙ СОКОЛ

Глава первая

Если бы Ледяной Сокол все еще жил в клане Говорящих со Звездами, то встреча со стариком на поляне у четырех вязов обернулась бы для него катастрофой. Он не узнал старика и за это мог бы лишиться глаз, языка, печени, сердца и мозга — причем именно в таком порядке. А затем ему отрубили бы голову, и, поскольку Говорящие со Звездами были народом экономным, волосы казненного пустили бы на тетивы для луков, кожу — на ритуальные изделия, а из костей изготовили бы разные инструменты и наконечники для стрел. Случись же такое посреди зимы, его плоть могли бы и съесть... Пожалуй, ему повезло, что ошибку он совершил весной.

Обдумав все это спокойно и логично, Ледяной Сокол рассудил: нет, вовсе не законы его предков послужили причиной тому, что он покинул Говорящих со Звездами.

А вот всего последующего можно было бы избежать, если бы он поменьше совал нос в чужие дела. Иногда он чувствовал, что слишком уж много времени проводит среди цивилизованных людей.

Да, год выдался для разбойников плохим. Лето, наступившее после Безлетнего Года, принесло с собой куда больше бед, чем обычно. К кровавым схваткам в загнивающих королевствах, некогда составлявших южную империю Алкетч, люди уже попривыкли. Но нынче банды наем-

ников — и черных, и белых,- не получавших платы, потянулись на север, чтобы грабить маленькие поселения вдоль Великой Бурой реки. Говорили, будто они пробрались уже далеко на восток, в Фелвудские леса, а некоторые углубились в северные земли, в долину Ренвет. И вот снова наступила весна.

...Холодный, прозрачный весенний воздух прорезал женский визг и жалобный мужской голос, взывавший о помощи. Ледяной Сокол без труда догадался о том, что последует дальше.

На круглой лесной поляне, в трех милях от Убежища вверх по склону, Сокол увидел именно то, что ожидал увидеть. Впрочем, сцена была вполне обычной для этих дней; по всем речным долинам происходило то же самое. Рядом с затоптанным костром лежал старый человек с кровоточащей раной на голове, неподалеку пронзительно вопил осел, пытаясь сорваться с привязи, а коренастый темнокожий алкетчец уже тащил к деревьям полногрудую рыжеволосую женщину. В светлой прозрачной дымке весеннего полудня кровь старика выглядела ослепительно алой, а желтый мундир воина резко выделялся на фоне изумрудно-зеленой травы и берилловой зелени деревьев. Нож в руке женщины сверкнул, как зеркало.

Не видя никакого смысла в том, чтобы подставлять себя под удар, открыто пересекая поляну, Ледяной Сокол мгновенно отступил назад, под укрытие орешника и дикой вишни. Таясь, он обошел прогалину. Женщина явно не собиралась сдаваться просто так. Она была почти такой же высокой, как напавший на нее воин, и крепко сложенной. Одета она была по-мужски — в брюки и подбитую ватой шерстяную куртку. Негодяй выбил у женщины нож, завернул ее руку ей за спину и крепко вцепился в толстые косы.

Женщина резко вскрикнула от боли — впрочем, она кричала не переставая все время схватки... И тут Ледяной Сокол вышел из-за ствола, вытащил один из своих кинжалов и перерезал насильнику горло.

Женщина заметила чужака за долю секунды до того, как он схватил негодяя за подбородок, чтобы рывком отвести его голову назад и прикончить. Она завизжала от ужаса. Последнее Ледяной Сокол счел уж вовсе неразумным — она что, не понимала, что он делает? И тут кровь убитого ударила фонтаном ей в грудь и живот, и женщина отскочила в сторону, а бандит рухнул на землю. Ледяной Сокол отвернулся, сжимая кинжал, и внимательно оглядел лес за спиной.

— Заткнись, — приказал он женщине. — Из-за тебя я ничего не слышу.

Одинокого бандита можно встретить, пожалуй, даже реже, чем одинокого таракана.

Но вроде бы пока никто не собирался на них нападать. Из леса не доносилось ни звука — по крайней мере, насколько Сокол мог разобрать сквозь хриплое, шумное дыхание женщины.

Потом он снова повернулся к ней и напомнил:

— Твой приятель ранен.

— О! — взвизгнула она. — О, Линок!

И бросилась через поляну к тому месту, где лежал старик.

Ледяной Сокол, забрав все оружие, какое только нашлось на убитом, не спеша направился туда же.

Он не переставал прислушиваться и присматриваться к окружающему, отмечая и тишайший шорох травы, и малейшую игру теней под деревьями. Да, эта женщина производила столько шума, что могла бы привлечь сюда целую армию из самого Алкетча, не говоря уж о ближайших долинах.

Сокол подошел к ней как раз в тот момент, когда она принялась отирать кровь с головы старика. Рана выглядела паршиво, кровь залила все вокруг; коричневое морщинистое лицо тоже было окровавлено, и подернутые сединой волосы слиплись от крови...

— Хетья? — прохрипел старик, нащупывая руку женщины дрожащими пальцами.

— Я здесь, дядя. Я цела.

Куртка женщины во время борьбы почти упала с ее плеч, рубаха была разорвана до самой талии. Но женщина даже не потрудилась прикрыть высокую белую грудь; только терракотовая волна волос слегка скрадывала наготу.

Ледяной Сокол решил, что женщине около тридцати — она казалась на несколько лет старше его самого. У нее были пухлые красные губы и кожа фарфоровой белизны, как у всех жителей Фелвуда; да и выговор у нее был восточный.

— Пока цела, но, возможно, ненадолго, — поправил ее Ледяной Сокол, все так же внимательно прислушиваясь к молчаливому лесу. — Приятели этого типа могут появиться тут в любую минуту. Как ты себя чувствуешь, старик? Сможешь сесть на осла?

— Я... думаю, смогу. — Речь Линока была правильной, как у образованного человека родом из столицы. Он с трудом сел, держась за плечо племянницы.

— Но что случилось? Я не...

— Твоя племянница объяснит тебе все по дороге в Убежище.

Вряд ли приятели бандита могли быть далеко. Скорее всего, они находились в нескольких минутах ходьбы... Говорящие со Звездами наверняка уже бросили бы старика и ушли. Ледяному Соколу стоило немалых трудов усвоить правила поведения цивилизованных людей, требо-

вавших заботиться о слабых и немощных, но он по-прежнему не понимал этих законов.

— Сажай его на осла! Да не будь дурой, женщина! — добавил он, когда рыжеволосая наклонилась, чтобы собрать узлы. — Бандиты себя ждать не заставят.

— Но мы несли это от самого...

— Нет-нет, Хетья, юноша прав. — Линок с раздражающей медлительностью поднялся на ноги. — Где-то там прячутся и другие. Конечно, тот человек был не один...

Юноша уже подвел к ним осла. Он напомнил себе, что у цивилизованных людей не принято хватать стариков поперек туловища и забрасывать их в седло, словно мясную тушу. Даже если это намного ускорит процесс отступления с места событий. С мечом в руке Сокол снова и снова всматривался в лес — в ту его часть, где слишком подозрительно молчали птицы... Ну да, там было тихо, в промежутке между большим вязом, на коре которого виднелся след молнии, и тремя вязами поменьше, сбившимися в кучу.

— Вы ведь из Убежища, молодой человек, не правда ли?

— Помолчите-ка вы оба. — Сокол был слишком занят, пытаясь по звукам проследить передвижения возможных противников, чтобы спрашивать в ответ: а откуда еще ему взяться, как не из чудовищной черной громады Убежища, чьи гладкие обсидиановые стены были видны почти отовсюду в долине.

Конечно, бандиты там. Он чуял их, как иные ощущают присутствие духов в святых местах; он чувствовал взгляды, устремленные на маленькую компанию, о чужаках твердил ему весь его опыт, полученный в Истинном Мире, в пустынных землях по ту сторону гор. Мало того, что он убил их товарища, так еще и обладал в дан-

ный момент двумя или даже тремя комплектами оружия и ослом, который в этом мире был явлением куда более редким, нежели золото. И наверняка бандитов достаточно много...

Так почему же они не нападают?

И почему не могут наконец заткнуться эти идиоты, которых он спас?

Но «идиоты» и не думали молчать. А бандиты прятались за деревьями, невидимые и неслышимые.

Насколько мог понять Ледяной Сокол, разбойники даже не последовали за беглецами, когда те продвигались от поляны к поляне, спускаясь к ручью, бравшему начало в ледниках. Наконец они вышли к полосе голой земли, что окружала Убежище Дейра, последнее пристанище между Великой Бурой рекой и заледеневшими отрогами Снежных гор, — твердыня, вздымавшая к небесам угрюмые башни.

— Вы просто глупцы, что сразу не направились к Убежищу, как только вошли в долину. — Ледяной Сокол посмотрел на них обоих, на мужчину и женщину, впервые оторвав взгляд от леса. — Зачем вы остановились? Вы ведь должны были видеть стены.

— Эй, послушай, мальчик... — заговорила женщина по имени Хетья, явно возмущенная тем, что ее упорно называют дурой, хотя в данной ситуации навряд ли Ледяной Сокол сумел бы подобрать другое подходящее слово.

— Нет-нет, племянница, он прав, — вздохнул Линок. — Он прав.

Старик слегка выпрямил согбенную спину. Он был щуплым, круглолицым, сутулым человеком. Его грубоватые руки цеплялись за коротко подстриженную гриву осла. Линок оглянулся на Ледяного Сокола, шедшего позади с длинным изогнутым смертоносным мечом.

— Ты, значит, Белый Всадник, да, мой мальчик? Но ты одет как королевские стражи в Гае.

Ледяной Сокол уже давно понял, что цивилизованные люди обожают говорить об очевидных вещах. Ведь даже и представить невозможно, чтобы человек родом из Дарвета — где, кстати, люди были в основном брюнетами, — имел волосы цвета льна, да еще и отрастил их настолько, чтобы заплести в косу. И уж тем более невозможно вообразить, чтобы он вплел в эту косу сухие костяшки человеческих пальцев.

Эта рука принадлежала когда-то мерзавцу, отравившему Ледяного Сокола, укравшему его лошадь и амулет, охранявший Сокола от дарков, и бросившему юношу умирать.

Ледяной Сокол не вполне понимал, почему это так потрясает цивилизованных людей, но их это явно потрясало.

— Если бы вы проделали такой долгий путь, как мы, молодой человек, — продолжил тем временем Линок, назидательно подняв палец, — да еще по таким жутким краям, какими стали земли Фелвуда за семь лет после нашествия дарков, вы бы тоже остерегались и людей, и предметов, вам незнакомых. Города, некогда слывшие оплотом законности и гостеприимства, превратились в гнездовья призраков и воров...

Рука Линока взлетела в драматическом жесте, как будто он был актером, декламировавшим со сцены. У Ледяного Сокола это вызвало легкое недоумение: неужели Линок действительно мог подумать, будто он, Сокол, умудрился как-то не заметить все эти события? Или старику просто нравилось слушать собственный голос? Ну, это дело вполне обычное для цивилизованных людей, которые разражались речами при любом случае, даже таком неподходящем, как чья-то смерть от голода или насилия.

— И даже сами Убежища теперь не так уж безопасны, — продолжал Линок. — Прандхайз, бывший когда-то твердыней лорда Дегенды Марина, пал, захваченный отребьем. Когда мы пришли туда в поисках пристанища, нас едва не убили. Ничему и никому невозможно доверять в этом жалком опустошенном мире.

— Ну, — мягко произнесла Хетья, — теперь все уже не так плохо, как прежде. — Ее голос изменился, простой фелвудский выговор сменился каким-то иным, незнакомым, и вместе с этим преобразилась осанка. Она как будто стала выше ростом... — Nathion Aysas intios ta, — так обычно говорят. Тьма застилает даже глаза самого Бога.

Ледяной Сокол вскинул голову при звуке непонятных слов, — он не знал такого языка. Он даже никогда не слышал ничего похожего. И увидел в глазах женщины отсвет темного ужаса, и все ее лицо, обрамленное волосами цвета корицы, както неуловимо изменилось.

— Ты имеешь в виду те дни, когда восстали дарки, — сказал он.

В ответ он услышал смех — мягкий, горький и странный, совсем не подходящий к ее чувственному лицу.

— Да, — сказала женщина. — Я имею в виду те дни, когда восстали дарки.

Вокруг них на обширном лугу паслось с полсотни беспечно блеявших овец и десяток коров, поднявших головы, чтобы посмотреть на путников с туповатым и немного ленивым любопытством; это была вся живность, оставшаяся у населения Убежища, составлявшего около пяти тысяч душ. Место выпаса снова перенесли, потому что прежние пастбища оказались загублены сланчем. К тому же ледяная буря, разразившаяся в Безлетнем Году, не только уничтожила основную часть запасов, но еще и погубила почти

все фруктовые деревья, проморозив их до самой сердцевины. Все старания магов Убежища привели к тому, что удалось оживить лишь небольшую их часть. И теперь черные стены, три с половиной тысячелетия назад возведенные с помощью магии, стояли посреди настоящей пустыни.

И вот эти стены высятся впереди, непроницаемые для окружающего ужаса, ночи и вечной зимы, царящей в мире увенчанных ледниками скал. Хетья смотрела на них с печалью и пониманием во взгляде.

— Только это не то восстание дарков, которое помнишь ты, дитя варваров, — негромко продолжала женщина. — Не тот последний, стремительный бросок, которым они смели с лица земли остатки человечества, прежде чем сами ушли в другое измерение...

Рука женщины скользнула по уздечке осла. Хетья, похоже, совсем забыла о крови бандита, высыхавшей на ее одежде.

— Я помню те дни, когда дарки поднялись, словно черные вонючие испарения, — и даже не думали исчезать, отступать... ни через сезон, ни через год, ни через поколение. Я помню те дни, когда от человечества осталась жалкая горсточка, и долгие годы никто не осмеливался выйти за черные стены Убежищ. Когда все боялись ночей... Но почти так же сильно страшились они и дневного света. Я помню дни, когда тот мир, который мы знали, был разодран на части, и все, чем мы дорожили когда-то, исчезло, и не осталось даже слов, которыми можно было бы описать прошлое. Я помню, — добавила она. — Это произошло три с половиной тысячи лет назад, но я помню, как это случилось. Я помню первое восстание дарков. Я была там.

* * *

— Не знаю, сколько мне тогда было лет, — говорила Хетья, делая глоток горячего ячменного отвара, что подала ей Джил-Шалос. — Не знаю, сколько мне было лет, когда ее голос впервые зазвучал в моем сознании.

Она расправила юбку, которую нашли для нее, — домотканую, поношенную, с прорехами... как и вся одежда в Убежище, — и оглядела собравшихся вокруг нее вельмож. Они едва уместились в самом маленьком из королевских совещательных кабинетов.

— Полагаю, лет шесть или семь. Я знаю, что напугала свою мать и привела в ужас всех тетушек... потому что я вдруг стала говорить такие вещи, какие не положено говорить маленькой девочке. Ей и думать о таком нельзя. И знать — тоже.

Сухая усмешка Хетьи относилась к рыжеволосому ребенку с вечно вздернутым подбородком, широкими скулами и невинными ореховыми глазами, к девочке, жившей в доме со сверкающими чистотой стеклами... Эти окна оставались открытыми после наступления темноты, чтобы в дом мог без труда проникать вечерний ветерок. В улыбке женщины Ледяной Сокол, сидевший у двери вместе с Джил-Шалос и еще парой воинов, увидел воспоминание о родителях и родственниках, которые почти все умерли, едва успев испугаться и ничего не поняв, когда в одну из ночей в дом вползли тонкие струйки ядовитого ветерка, а тени вдруг сами собой выросли и поглотили свет ламп...

Минальда спросила:

— У нее есть имя?

Она наклонилась вперед, темная коса, в которую были вплетены жемчужины, кач-

нулась и упала на поблекшую красную шерсть парадного платья.

Тонкие брови Хетьи сошлись на переносице.

— Оале Найу, — произнесла она наконец. — Только я не знаю, что это такое — имя или титул. Но иногда она называет себя и по-другому.

Ледяной Сокол видел, как собравшиеся обменялись взглядами, и по комнате пробежал шепоток; кто-то о чем-то недоуменно спрашивал вполголоса... словно легкий порыв ветра промчался по фруктовому саду. Даже на лордов Убежища слова женщины произвели впечатление, хотя эти лорды были последними представителями древней знати Гая, которые умудрялись даже теперь сохранять слуг и вассалов, и собственные крошечные армии. Уж они-то вовсе не были намерены позволить кому бы то ни было лишить их хотя бы части привилегий, реальных или воображаемых. Лорд Анкрес что-то шепнул на ухо лорду Скету, и тот кивнул, выпучив голубые глаза.

Трое из четырех магов Убежища — Руди, Венд и Илайя, — сидевшие на скамье из гладко оструганных сосновых досок, наклонились вперед, внимательно слушая женщину. Бывшие соплеменники Ледяного Сокола называл таких людей Мудрейшими. Они вызвали несколько магических огоньков, чтобы усилить янтарный свет маленького круглого очага, но теперь эти голубовато-белые светлячки почти угасли, и зал официальных собраний стал выглядеть уютно и почти интимно.

— Оале Найу, — негромко повторила Минальда, словно пробуя на вкус эти звуки и ища в них признаки чуда. Владычица Убежища, вдова Элдора, последнего короля Дарвета, сильно изменилась с тех пор, когда семнадцатилетний застенчивый Ледяной Сокол, с трудом спасшийся от дарков, увидел ее впервые, семь лет назад.

Но она по-прежнему отличалась изящным сложением и изысканной красотой, а ее проницательные синие глаза замечали очень многое; это была пешка, с тяжким трудом пролагающая себе путь через шахматную доску, чтобы стать отнюдь не королевой, но королем.

— А ты всегда ее помнишь? — спросил Альтир Эндорион, владыка Убежища Дейра.

У него были точно такие же глаза, как у его матери Минальды — большие, голубые, словно небо ранним утром, и такие же, как у нее, угольно-черные волосы. А от отца он унаследовал воспоминания о Доме Дейра, о роде, который вел свое происхождение от начала Времени Тьмы; воспоминания обрывочные, неточные, неупорядоченные, воспоминания о давно забытых людях, об ошибках и проступках предков... Некоторые члены его рода тоже обладали подобными воспоминаниями, — Ледяной Сокол слышал об этом. А иных воспоминания посещали лишь изредка, случалось — в виде беспокойных, тревожащих снов. И у Минальды имелись воспоминания, унаследованные по боковой линии Дома Дейра. Порой у Тира были глаза старца, которому исполнилось три тысячи лет, а то и больше.

Но на самом деле, это был мальчуган всего восьми лет от роду, и сейчас он именно так и выглядел. Его личико лучилось любопытством, когда он глазел на пришелицу из другого мира.

Хетья с улыбкой посмотрела на него сверху вниз, и выражение ее лица смягчилось.

— Я не то чтобы помню ее, мой юный лорд, — молвила она. — Я... я и есть она, если можно так выразиться. Она — часть моего сознания, — Хетья постучала себя пальцем по виску, — там у нее словно маленькая комнатка... Иной раз она просто сидит в этой комнатке и разговаривает со мной, а иной раз выходит, и... и тогда уже

я сижу в той комнатке, и слушаю, что она говорит, и просто наблюдаю, что именно она делает моими руками, моими ногами... как она распоряжается моим телом.

Хетья снова нахмурилась, уголок ее рта болезненно поджался при каком-то воспоминании. И она отвела взгляд, чтобы не смотреть в невинные глаза Тира.

Помолчав мгновение-другое, женщина продолжила:

— Иногда она мне говорит что-то, а иногда показывает... показывает то, что было в прошлом. Очень трудно объяснить, как все это происходит между нею и мной.

— Руди? — Минальда через комнату устремила взор на молодого мага, бывшего ее возлюбленным. Вместе с двумя своими собратьями по ремеслу он сидел на благопристойном — с точки зрения политики и религии — расстоянии от лордов Убежища и епископа Майи. — Ты когда-нибудь слышал о подобном?

Руди Солис покачал головой. Ледяной Сокол подумал, что и маг тоже изменился за прошедшие семь лет. Как и Джил-Шалос, маг был чужаком, рожденным в ином, далеком мире. Когда они явились вместе с чародеем Ингольдом — наутро после окончательного разрушения Гая, — Ледяной Сокол сразу понял, что Джил-Шалос, которая сейчас сидела рядом с ним в свободной черной одежде стражницы, непременно выживет. Сокол по глазам понял, что эта женщина — воин.

А вот насчет Руди у него такой уверенности не было. И даже после того, как молодой человек овладел силой Мудрейших, — Сокол все же не поставил бы и куска собачьего дерьма на то, что Руди останется в живых. Ну, сегодня, пожалуй, Сокол рискнул бы поставить на этого парня монетку. Но только одну — не больше. При

всех испытаниях, через которые пришлось пройти юному магу — и под попечительством Ингольда, и самостоятельно — ему все равно недоставало душевной твердости. Как и многим цивилизованным людям.

— Я никогда ни о чем подобном не слышал, — сказал Руди. — И Ингольд тоже, насколько мне известно. Ну, по крайней мере, при мне он о таком не упоминал. — Чародей смахнул упавшие на глаза длинные темные волосы. — Но когда мы тут закончим разговор, я все-таки свяжусь с ним и спрошу.

— Весьма некстати, что Ингольд опять покинул Убежище, — сухо заметил лорд Анкрес.

Джил-Шалос чуть заметно дернулась, задетая неуважением, выказанным старому магу, — ведь он был ее возлюбленным, и отцом ее маленького сына. Однако, будучи всего лишь стражницей, она не вправе была вмешиваться в разговор вельмож.

Руди ответил сам:

— По большому счету, милорд, любой момент можно счесть неподходящим, когда бы Игнолд ни отсутствовал. Я имею в виду, что зимой обычно ничего не случается, просто потому что бандиты и Белые Всадники откочевывают на юг. Но ведь тогда и Ингольд не может отправиться на свои раскопки. Единственное время, когда он в состоянии добраться до развалин городов, — это летом. Или вы хотите сказать, что он напрасно везет оттуда серу и купорос, которые способны убивать сланч на наших полях? А книги?

— Ну, с книгами он мог бы и подождать до лучших времен, — возразил лорд Скет. — Есть вещи куда более важные.

— Вроде новых мозгов для тебя, бараний лоб, — едва слышно пробормотала себе под нос Джил.

— Как бы там ни было, — вмешалась Минальда с обычной для нее простодушной бесцеремонностью, — сейчас лорд Ингольд находится в Гае. Любой из наших магов может связаться с ним без труда. Венд? Илайя? Кто-нибудь из вас слышал рассказы о подобных случаях? О том, чтобы маги Былых Времен завладевали умом и душой человека, живущего в нашем времени?

И бывший священник — щуплый и темноглазый, — и стройная молодая женщина разом покачали головами. Их неведение едва ли могло кого-то удивить, так как ни один из них официально не учился магии. Дарки самым чудовищным образом расправились со всеми школами в Городе Чародеев и с каждым, кто обладал явно выраженными способностями к магии.

— Да ведь и я тоже никогда ничего такого не слышала, — молвила Хетья. — А уж можете поверить мне, миледи, я пыталась хоть что-то отыскать.

— Это редкое... очень редкое явление. — Дядя Линок впервые подал голос из своего угла рядом с очагом. — Так что нет ничего удивительного в том, что вы не слышали о подобных вещах. Я — собиратель древних манускриптов и специалист по их расшифровке. Но даже я лишь однажды нашел упоминание об этом в «Желтой Книге Хариломна».

— Хариломна? — Брат Уэнд выпрямился, его глаза широко распахнулись. — Хариломна-еретика? Он был могучим магом во времена Отораса Чернощекого, миледи, — пояснил он, повернувшись к Минальде. — Он разыскивал и изучал все записи о магии Былых Времен. Говорили, что он знал об этом утраченном искусстве больше, чем кто-либо из живущих ныне людей. Хотя никому не ведомо, как он умудрился этого достичь. Его библиотеку так и не нашли...

— Вот и хорошо, — заявил епископ Майя. — То, что эти тексты были написаны магами тех давних времен, вовсе не значит, что в них содержится что-то полезное, или что их стоит разыскивать. Те времена были годами не только великого знания, но и великого зла. И кое-что из тех знаний, которые заново открыл Хариломн, использовалось отнюдь не с благими целями. Это вам любой скажет, миледи.

— Предполагается, что три его книги находятся в Гае, — вставил Руди. — Как раз об этом и рассказывал Ингольду в прошлом месяце тот купец. Что он их видел в подвале разрушенной виллы. И именно поэтому Ингольд отправился в путь, как только выдалась возможность.

— Вот и славно, что ему это удалось, — поддержал Линок. — Всякое знание, всякая магия драгоценны в наши дни.

Он погладил свою нечесаную бороду... и что-то в его жесте, в том, как двигалась его рука, как по-актерски изгибалось запястье, показалось Ледяному Соколу знакомым. В его сознании словно бы что-то щелкнуло. Ему показалось, что он знает этого человека. Что видел его где-то... когда-то...

Однако округлое лицо, широко расставленные глаза и курносый нос старика по-прежнему оставались совершенно незнакомыми.

Может, он похож на кого-то? На какого-то родственника?

Но Ледяной Сокол уже знал, что это не так.

Линок тем временем продолжал:

— Единственное, что я нашел в «Желтой Книге», это упоминание о девушке, жившей во время правления Амира Малого. В эту девушку вселился дух ее предка, говоривший на языке, не известном никому в мире. Сама девушка смогла, например, рассказать о некоем «аппарате»,

о котором ее предок сообщил, что тот «стоял в подвалах под собором в Прандхайзе с момента основания города». Что это был за аппарат, в книге не объясняется. Сказано лишь, что его давно не существует, но что, по слухам, он производил много света. И пока этот свет сиял — никто не мог ни войти в собор, ни выйти из него, и даже площадь вокруг собора становилась недоступной.

— Силовое поле? — Руди посмотрел на Джил. Слово, которое он произнес, было незнакомо всем остальным. Оно принадлежало миру, из которого пришли эти двое, и языку, на котором никто и нигде больше не говорил.

— Чтоб мне сдохнуть! Ты когда-нибудь слышала, чтобы Ингольд упоминал о нем?

Она покачала головой.

— Уж не этот ли аппарат ты пришла искать в долине Ренвет, Хетья? — спросила Минальда, складывая тонкие руки на коленях, обтянутых расшитой тканью.

Хетья надолго задержалась с ответом. Ее взгляд устремился к Линоку. Старик кивнул:

— Думаю, мы можем доверять этим добрым людям, дитя мое.

Стало так тихо, что упади в этой залитой золотистым светом комнате снежинка — ее все услыхали бы.

— Она... Оале Найу... говорит, что в утесах на западной стороне долины есть пещеры или что-то вроде того... — Хетья осторожно подбирала слова, словно вытягивая их откуда-то из глубин памяти. — Она говорит, что она сама и другие люди... возможно, чародеи... спрятали там свои сокровища от дарков. Они огородили это стеной — оружие и... и другие вещи, насчет которых я не поняла, что это такое. Спрятали от врагов, когда уже построили Убежище.

 По комнате пронесся дружный вздох.

Надежда вспыхнула в том взгляде, которым обменялись Руди и Минальда, — вспыхнула, как молния в летнюю грозу.

Лорд Анкрес осторожно произнес:

— Но мы все бывали в тех пещерах, королева. — Он наклонился вперед, опершись узкими ладонями о колени. — И сам лорд Ингольд тщательно исследовал их, но ничего не нашел, кроме каких-то царапин и пометок на полу.

Хетья растерянно уставилась на него, закусив нижнюю губу.

Руди спросил ее:

— Где примерно находятся те пещеры? Ниже старой дороги?

Она тут же покачала головой.

— Нет, в тех постоянно останавливались люди. Там ведь рядом была вода. Эти пещеры должны быть выше и дальше. Я узнаю это место, если увижу его.

Руди посмотрел на Тира, сидевшего у ног Минальды; парнишка весь светился восторгом.

— Тебе это кажется знакомым, а, проныра?

Но мальчик покачал головой, хотя его глаза засияли еще ярче.

— А какие там вещи? — требовательно спросил он. — Машины?

За последние две зимы у него возникло новое увлечение: он был совершенно зачарован хитросплетениями рычагов и блоков, приводных ремней и паровых турбин, которые Ингольд конструировал в своих лабораториях, что помещались в глубоких подвалах Убежища, рядом с гидропонными садами, которые, собственно, и кормили всех обитателей крепости. Немногочисленные обломки древних механизмов, которые удалось найти, выглядели просто дразнящими намеками и загадками. Они давали слишком мало пищи для размышлений. Ледяной Сокол знал,

что это доводило Ингольда и Джил буквально до безумия.

Сам Сокол был весьма невысокого мнения о машинах. Пользы от них чуть, зато они занимали чересчур много места, да еще при испытаниях было два-три случая, когда едва не погибли все присутствовавшие в лаборатории. И Джил, и Руди не раз пытались объяснить ему, как это важно — снова заставить работать те машины, которые Джил видела в архивных кристаллах Былых Времен, однако Ледяной Сокол так ей и не поверил.

В его клане говорили, что нужно быть большим храбрецом, чтобы водить дружбу с кем-то из Мудрейших.

И после одиннадцати лет знакомства с Ингольдом Инглорионом, величайшим чародеем Запада, Ледяной Сокол пришел к окончательному выводу: для такой дружбы нужно быть еще и немного чокнутым.

Хетья продолжала вещать, объясняя Тиру, Руди и леди Альде что-то насчет машин, которые умеют поднимать воду из земных глубин, или производить тепло, или управлять насосами, которые гонят воду и воздух по невидимым трубам и протокам в черных стенах Убежища.

И хотя Майя неодобрительно покачивал головой, она продолжала рассказывать об аппаратах, которые способны растопить снег и ускорить созревание плодов. И могут сделать так, что урожай станет созревать дважды, а то и трижды в год...

Ну, такими штучками никак нельзя одурачить людей из Истинного Мира, что лежал к западу от гор. То, что Хетья приписывала машинам, могли, впрочем, сделать Великие Предки... если бы их интересовали подобные пустяки. Нет, клан Говорящих со Звездами обладал здравым

смыслом и был куда рассудительнее, чем здешний люд.

— Мне неведомо, сохранились ли те вещи, — произнесла вдруг Хетья совсем другим голосом. Теперь она говорила медленно; фелвудский выговор снова исчез, сменившись странным акцентом, а ее довольно высокий голос внезапно стал ниже. — Мы спрятали их глубоко, очень глубоко, потому что мир в те дни был полон глупцов, подчинявшихся злобным магам, и это навлекло на них проклятие Церкви. Но время все изменило, время может многое... Мы думали, дядя Линок и я, — снова зазвучал фелвудский говорок, — мы думали, что сможем взять там кое-что. Хотя бы для того, чтобы купить надежный дом — ведь восточные земли сейчас охвачены войной, там — смерть, и бродят бандиты...

Ноздри Хетьи слегка раздулись, ореховые глаза потемнели, а пальцы вцепились в некогда позолоченные подлокотники.

— Вам больше незачем искать себе убежище.

Альда величественно поднялась из своего кресла и протянула руку вперед. По сравнению с высокой и сильной Хетьей, королева выглядела удивительно хрупкой.

— Что бы вы ни искали, будьте уверены: мы поможем вам. Что бы вы ни нашли, будьте уверены: у вас это не отберут, если вы будете использовать найденное на пользу другим людям. Я обещаю вам это.

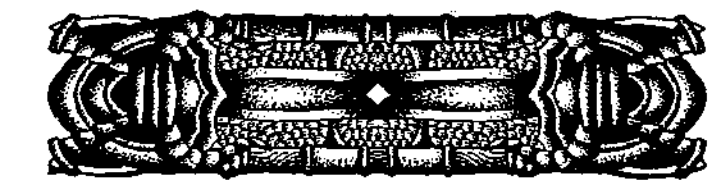
Хетья, подобрав домотканую юбку, сделала глубокий реверанс и почтительно поцеловала руку королевы. Линок осторожно выбрался из груды одеял и с глубоким уважением поклонился Минальде, и это был настоящий придворный поклон... вызвавший новый щелчок в сознании Ледяного Сокола.

Но это могло быть и просто глупостью,

которой он заразился от цивилизованных людей; в конце концов, он жил среди них целых четыре года еще до того, как явились дарки. И в Убежище было полно людей — не только лордов, но и других, — которые тщательно соблюдали все старые правила. Так почему бы их не соблюдать и этому старику, у которого имеется племянница с острыми, как у ворона, глазами, и мягким фелвудским выговором...

Да, это было признаком цивилизованного человека: делать подобные допущения и не хвататься ежесекундно за висящий на поясе меч. Командир стражников Янус, и сама леди Минальда, и другие тоже в течение всех этих лет неустанно твердили Ледяному Соколу, что далеко не каждая сломанная веточка обязательно должна предвещать страшные и кровавые беды.

Но осознание того, что он прав, а они — нет, вряд ли могло утешить Ледяного Сокола перед лицом грядущих событий.

Глава вторая

Если ты хочешь спросить, не думаю ли я, что она мошенничает, — сказала Джил-Шалос получасом позже, когда они с Ледяным Соколом шагали бок о бок по широкому проходу, — то ответ будет «да». — Она демонстративно погладила рукой в перчатке перевязь боевого меча.

В полдень в лабиринтах Убежища мало кого можно было встретить, особенно весной. Привычный скрип и визг инструментов — пил и рашпилей, — который то усиливался, то стихал при каждом новом повороте среди запутанных коридоров, сейчас не был слышен, потому что мужчины и женщины, всю зиму усердно трудившиеся в своих тускло освещенных кельях, либо присоединились к отрядам охотников, либо с надеждой в душе возделывали те пахотные земли, что еще остались свободными, — то есть старались как могли пополнить скудные запасы продуктов. И в особенности — обновить одежду. После того, как в Безлетний Год были уничтожены все овечьи стада, Ледяной Сокол тотчас вернулся к привычному наряду из кожи и меха, выкрашенных в черный цвет, поскольку стражи Гая всегда носили только черное. Другие последовали его примеру.

Неверный свет факела бросал тени на черные стены, но ему было не добраться до мрака, скопившегося под высокими сводами потолка. Тут и там ярко-красные полосы обозначали

присутствие примитивных занавесов, что прикрывали входы в жилые покои. Ледяной Сокол, выросший под открытым небом, за годы жизни в Гае лишь с большим трудом сумел приспособиться к постоянному пребыванию под крышей. А Убежище и вовсе напоминало ему подземную пещеру.

Но, конечно, это была очень надежная пещера.

Когда он был ребенком, то часто играл в горах над Ночной рекой. Сокол хорошо помнил таинственные извивы подземных поворотов, крошечные ниши в каменных стенах и узкие лазы, куда он прятался, устраивая засады на товарищей по играм, — ведь все дети, как и он сам, отлично умели обходиться без света. Он и теперь тренировался по нескольку раз в неделю, забираясь в самые дальние части Убежища и бродя там в полной темноте. Джил, следуя его примеру в этом, как и во многом другом, тоже устраивала такие тренировки.

— Ну, это не совсем то, что я имел в виду, — сказал Ледяной Сокол, когда они повернули налево и подошли к лестнице. Многие люди быстро начинали задыхаться, стараясь угнаться за стремительным шагом Сокола, но Джил была быстроногой. — Все равно, объясни мне, почему ты считаешь, что она лжет насчет предка, поселившегося в ее голове?

— Уж очень бросается в глаза разница между ней и ее дядей.

— Да, я думал об этом. Но это нетрудно объяснить; например, сестра старика могла выйти замуж за человека, занимавшего низшее положение в обществе.

— Возможно.

Похоже, эта мысль не слишком понравилась Джил. Она обращала внимание на мелочи. Лишь очень немногие из цивилизованных

людей умели подмечать незначительные с виду детали. Она же сразу улавливала любое несоответствие, странность, все, что выглядело не так, как должно.

— Кто угодно в состоянии нести какую-нибудь тарабарщину и утверждать, что это не известный никому язык. Вот только... жулики-проповедники в моем мире столетиями говорили как раз на том языке, на каком бормотала она. И еще... Это уже вопрос самой примитивной логики. Любому понятно, что люди должны были где-то жить, пока строились Убежища. И если подумать об этом, то придет мысль именно о пещерах.

Ледяной Сокол кивнул и решил, что все это действительно похоже на сказки. Он ведь сам не раз поддразнивал Джил, смеясь над способностью цивилизованных людей верить в истории, которые звучат вполне правдиво, но правдой не являются.

Они прошли под веревками, натянутыми поперек широких арок лестницы, — на веревках висела одежда, сохнувшая в потоках поднимавшегося снизу теплого воздуха, — и наконец вышли в главный зал. Он был несколько сотен ярдов в длину и более сотни в ширину, а его потолок исчезал во тьме над головой. Обсидиановые стены смутно поблескивали в свете разбросанных тут и там светильников; свет проникал также через двери и окна. Вода в многочисленных каналах, темная и чистая, как зимняя полночь, бежала под каменными мостиками без перил, пересекая необъятное черное пространство. А в дальнем конце зала виднелся бледный прямоугольник дневного света, лившегося сквозь Ворота — единственный вход в великую внутреннюю тьму Убежища. Две пары массивных металлических створок, между которыми оставалось пространство

шириной футов в двадцать или тридцать, — такова была толщина наружной стены.

Убежище Дейра. Последний оплот, так и не сдавшийся даркам, уничтожившим весь мир вокруг.

— Оба они, и эта женщина, и ее дядя, не дураки поесть, — сказала Джил, ловя выбившуюся прядь темных волос и закручивая ее вокруг одной из крепких острых шпилек, что удерживали буйную шевелюру. — А на осла-то много не нагрузишь. Но куда больше меня настораживает другое. Она думает... то есть, она утверждает, что так ей насвистела эта птичка, Оале Найу... что сила Убежища — в механизмах. Она думает, что сердце Убежища — это какая-то машина. Ну, может, оно и так, если говорить об Убежище Прандхайз, или об Убежище Черных Скал в Геттлсенде. Об Убежищах, где маги не стали жертвовать собой, чтобы войти в сердце твердыни и превратиться в источник, питающий жизнь. Если бы Оале Найу действительно была магом Былых Времен, ей следовало знать об этом. Ей следовало знать о Брикотис.

Джил очень мягко и тихо произнесла имя великой чародейки, принесшей себя в жертву; Брикотис была предком всех живущих в Убежище, — так думал Ледяной Сокол. Когда ему впервые рассказали о тайне, известной лишь очень немногим, он лишь удивился: и как он сам не догадался, что тут должно было произойти что-то в этом роде?

Ведь здесь во всем ощущалась жизнь: и в переплетении узких подвесных переходов высоко над головой, и в течении темной воды по каналам, прорезанным в полу, и в самом воздухе, — он словно был исполнен свежего дыхания. И все вместе это было жизнью Убежища — такой, какая наполняет скалы и деревья, океан и

каждую из тысячи тысяч звезд, ибо все они исполнены разнообразных духов. Правда, Ледяной Сокол впервые услышал о том, чтобы человеческое существо по собственному желанию обратилось в ки, духа, охраняющего некое место, — но его это ничуть не удивило.

И этим духом была чародейка Брикотис. Она покинула человеческое тело и впитала свое естество в магические стены, дабы силой земли и подземных вод вечно поддерживать жизнь обитающих в Убежище людей.

Ледяного Сокола изумляло скорее то, что об этом не догадывается любой и каждый, обитающий в этих стенах.

Но после того как Сокол прожил среди цивилизованных людей достаточно долго, он уже ничему не удивлялся. «Копатели грязи» — так называло цивилизованных его собственное племя, Говорящие со Звездами. Цивилизованные слишком давно пользовались благами легкой и сытной жизни, владея пшеничными полями, и красивой мебелью, и одеждой, сковывавшей движения, — они бы не заметили даже единорога, поселившегося в их собственной гостиной.

— Но почему здесь? — спросил Ледяной Сокол. — Зачем им рассказывать свои сказки именно нам?

— Затем, что у нас много пищи, — пожала плечами Джил. — И никто, кроме нас, не умеет производить съестное. В конце концов, после того, как бандиты захватили прошлым летом Убежище Прандхайз, мы остались последней твердыней на всем протяжении Великой Бурой реки, от Пенамбры до Ледяной Цитадели на севере. Мы вполне преуспеваем. Ты ведь и сам знаешь, сколько теперь бродит вокруг алкетчских бандитов... Сотни солдат остались не у дел после того, как дочь старого императора собрала

войска и разбила в пух и прах того полководца, который решил, что наилучший способ стать властителем, — это жениться на наследнице, пусть даже и против ее собственной воли. Вот идиот!

— В Алкетче все дураки, — небрежно бросил Ледяной Сокол.

Прежним владельцем руки, косточки которой были вплетены в косу Сокола, был когда-то один из принцев Алкетча.

Они добрались наконец до двери в южной стене зала и вышли в темный коридор, а через него — в треугольное помещение стражи. Оно было ярко освещено светящимися камнями — древними многогранными кристаллами, до сих пор хранившими в себе магические лучи. Сторожевой пост наполняли теплые запахи картошки, тушеной оленины и влажной шерстяной одежды. Сержант Сейа играла с одним из новичков в маджонг. Джил мельком глянула на кости сержанта и покачала головой.

— Если наша красотка Хетья пыталась выдать себя за древнего мага, желая завоевать себе прочное положение там, где она прежде жила, — продолжила Джил, снова поворачиваясь к Ледяному Соколу, — то наймиты служителей культа из Алкетча не постесняются устроить засаду где-нибудь поблизости от Убежища, чтобы подстеречь ее... В особенности если она унесла с собой что-нибудь ценное. Да и вообще, ты ведь знаешь, как Церковь на юге обходится с чародеями... Так что могу поспорить, ей и дядюшке Линоку пришлось уносить оттуда ноги — и как можно быстрее.

— Выходит, они стащили осла, — сказал Ледяной Сокол, — и явились к нам... Но зачем? С какой целью? Чтобы одурачить нас?

— Может, и так. Вероятно, она хочет завоевать себе прочное положение. Может,

она начала врать, потому что они с дядей боялись, что мы не впустим их. В конце концов, всем нравятся занимательные истории.

— Всем цивилизованным людям, — возразил Ледяной Сокол, не признававший за собой подобной слабости. — Но ведь они могли раздобыть немалую сумму, просто продав осла, — задумчиво добавил он.

От некоторых перекупщиков Убежища Сокол знал, что Линоку уже предлагали за маленького ослика столько золота, сколько весило животное (это было на самом деле очень дешево). Конечно, кто-то мог попытаться просто стащить осла, хотя при том, что в Убежище живности совсем мало, подобную покражу было бы очень трудно скрыть.

И тут Ледяному Соколу внезапно пришло в голову, что он и сам вполне мог убить и старика, и женщину, и продать осла по самой высокой цене, а потом купить себе все, чего ему хотелось. Но что ему нужно?

Никто из клана Говорящих со Звездами не интересовался вещами, которые нельзя нести на спине двести миль подряд при пешем переходе. И привычки, привитые Ледяному Соколу с самого рождения, умирали с трудом.

Вошел Гнифт-фехтовальщик. Наступил час утренней тренировки. Джил уже вернулась к ежедневным занятиям со стражами и заступала в свою очередь в дозоры. Ее сынишка Митрис уже начал ходить и учился говорить, да помогут ему Великие Предки... И когда все принялись разоблачаться до нижних рубах и обматывать ремнями запястья и кисти рук, Ледяной Сокол снова надел мягкую короткую куртку из выкрашенной черной волчьей шкуры, в которой он выходил на патрулирование (к ней был прикреплен белый четырехлистник — эмблема стражей), сверху натянул тяжелый жилет и прихватил пер-

чатки. Хотя на дворе стоял апрель, на такой высоте ветер был очень холодным (и становился с каждым годом все холоднее). И все еще мог выпасть снег.

Янус, коренастый и рыжеволосый командир стражников, окликнул Сокола:

— Сейчас не твоя очередь идти в дозор, ты ведь знаешь.

Ледяной Сокол пожал плечами.

— Я просто хочу подняться к той долине; поищу разбойников. Их не может быть много, — добавил он, закончив шнуровать башмаки и выпрямляясь. Наблюдатели на Воротах никого не видели. И патрульные тоже. И все равно следовало проверить еще раз.

Сокол собрал свой лук, взял колчан со стрелами, скатанное одеяло, а потом, поскольку он, какникак, вырос в клане Говорящих со Звездами, добавил ко всему этому меч и флягу с водой, и еще подвесил к поясу небольшую кожаную сумку с вяленым мясом и пресным хлебом, — такого количества пищи вполне достаточно для хорошего дневного перехода. Кроме того, в сумке лежала горсть сухих фруктов. И еще, как и все стражники, он носил на поясе огневой кисет; в нем лежала укрытая в роге, залепленном глиной, гнилушка желтой березы, которая могла тлеть целый день.

Стражников в Убежище было не так уж и много, а долина Ренвет тянулась на восемнадцать миль, от сапфировой стены ледника святого Пратиса до елового леса, темневшего в ее нижней части. И в соснах, и в пещерах наверху могло укрыться немалое количество людей, да и из-за увенчанных льдами вершин они вполне тоже могли напасть. Или со стороны восточного перевала...

Было бы неплохо выяснить, откуда явилась последняя банда, и в какую сторону она ушла. Очередной патруль выступил лишь час

назад, и Ледяной Сокол на минуту задумался, не стоит ли ему прихватить с собой кого-то еще, но тут же отбросил эту мысль. В простую разведывательную вылазку лучше идти одному. Кроме того, у него имелась еще одна причина... Игнольд сказал бы, что это типичный довод Белого Всадника, но Сокол и был Белым Всадником, а кроме того, этот довод был вполне логичным. У бандитов могло найтись оружие и лошади, — так почему бы Соколу их не присвоить?

Инстинкт самосохранения заставил Ледяного Сокола как можно скорее добраться до деревьев и укрыться за ними. От огромных камней, лежавших у подножия ледника (эти камни именовались «Четыре красотки»), просматривалась всю долину от края до края. Ледяной Сокол осторожно пробирался под прикрытием крон и стволов к той круглой лужайке, на которой останавливались Линок и Хетья. Он вовсе не думал всерьез, что кто-то следит за ним от Четырех Красоток, но это не значило, что он должен демонстрировать любому любопытному взгляду, куда он направляется и зачем.

Вчера он не видел ни малейших признаков бандитов. И днем раньше — тоже. И наблюдатели на Воротах, которые постоянно следят за нижней частью долины с восточной стороны, также никого не заметили.

Странно.

Остановившись под деревьями на краю открытого пространства, Сокол всмотрелся в бледное небо на севере. Он вырос в Истинном Мире и с детства был приучен внимательно всматриваться в каждую деталь окружавшего пространства, переходя взглядом от дерева к дереву, от лощинки к лощинке, замечая пятна влажной земли, ручейки, камни... Он знал долину Ренвет так же хорошо, как те места, в которых вырос, как

знал он Призрачные горы и долину Ночной реки. И если бы вдруг те птицы-демоны, закрывающие небеса, о которых повествуют легенды, схватили его и бросили где-нибудь в пределах земель клана Говорящих со Звездами, он бы без труда определил, где именно находится, как дойти до ближайшей пещеры и в каком направлении двигаться, чтобы добраться до зимних стоянок своего племени, или до летних охотничьих лагерей; а эти места постоянно менялись, в зависимости от дождей и от того, где росло больше травы.

Так что он знал совершенно точно, где находится отмеченный молнией большой вяз и три его меньших братца.

Под вязами никого не было. Никого и ничего.

Неужели тут побывали добросовестные бандиты, которые потом замели все следы своего пребывания здесь? Но по собственному опыту Ледяной Сокол отлично знал, что разбойники никогда не закапывают мусор, оставшийся на месте ночевки, и никогда не прикасаются к мертвецам.

Когда Сокол этого хотел, он мог продвигаться чрезвычайно быстро, однако здесь то и дело попадались ручейки, а между стволами сосен и пихт лежало множество светлых валунов. Так что Ледяному Соколу понадобилось около часа, чтобы добраться до нужного места, и когда он пришел туда, солнце уже почти касалось своим краем беломраморных острых пиков Великих Снежных гор на западе.

Бандит все так же лежал на краю поляны, широко раскинув руки, а его голова была повернута в сторону. Бритый череп покрылся короткими волосами, и хотя лицо человека выглядело молодым, борода и волосы на голове были белыми; впрочем, для алкетчцев это естественный цвет.

Ни одна птица не коснулась его глаз или живота, ни одна лисица не выела мягкую плоть

лица. Вообще, ни одно живое существо, насколько мог судить Ледяной Сокол, не покусилось на труп, — даже черви или насекомые.

Он просто сгнил там, где лежал.

Так быстро?

Ледяной Сокол присел на корточки рядом с убитым, снял перчатку, чтобы коснуться щеки трупа. Размякшая плоть начала уже сползать с костей, обнажая бледные челюстные кости и зубы.

Какая-то зараза?

Мысль была не слишком приятной. В особенности с учетом того, что Ингольд отбыл на целую неделю в Гай, искать книги Хариломна-еретика. Но ведь этот самый человек совсем недавно выглядел достаточно здоровым для того, чтобы попытаться изнасиловать Хетью... если, конечно, он действительно собирался это сделать.

Сокол стянул перчатку с руки трупа — и почти вся плоть слезла с кисти вместе с ней. И сразу же запах сообщил Ледяному Соколу, что тут что-то не так. Постоянные схватки с людьми северных равнин, жертвоприношения, посредством которых его племя регулярно обращалось к Великим Предкам, охота на мамонтов, волков и яков давным-давно научили его распознавать запахи смерти. Еще до того, как наступило Время Тьмы, и трупы стали валяться на улицах, словно сбитые ветром сливы.

И вот сейчас Сокол чуял вонь, лишь отдаленно похожую на вонь разлагающейся человеческой плоти.

Он сел на пятки. Птицы вокруг раскричались, устраиваясь на ночлег. Вверх по стволу вяза взбежала белка.

Бандитов поблизости явно не было.

Солнце начало опускаться за белый отрог ледника, накрывавшего Антир, самый

северных из трех пиков, что охраняли перевал Сарда. Синие тени залили восточную часть долины, хотя небо еще полнилось светом. Ледяной Сокол встал и пошел по следам бандита к деревьям. Но тут, на земле, сплошь покрытой желтыми сосновыми иглами, не было ни единого местечка, где мог бы остаться хороший отпечаток; дело ничуть не облегчало и то, что бандит вовсе не имел обуви. Он, как нищие попрошайки в Гае до прихода дарков, просто обернул ступни обрывками шкуры. Однако вскоре Ледяной Сокол нашел ручей, через который перепрыгивал бандит, — в грязи на берегу следы виднелись отчетливо. И тут же Сокол обнаружил следы еще троих.

Все четверо стояли тут рядом, незадолго до того, как один отделился и направился навстречу Хетье, Линоку и собственной судьбе. Остальные ушли на юго-запад.

Ледяной Сокол нахмурился. Уже темнело, так что он присел на корточки, чтобы рассмотреть все получше.

Нет, он не ошибся. Все четверо мужчин, судя по длине их шагов, были одного роста и одного веса.

Когда Ледяной Сокол был еще совсем мальчишкой, он уже мог без труда отличить следы белой кобылы своего дедушки, Цветущей Красотки, от следов Ласки, кобылы его кузины, а заодно прекрасно разбирался в следах всех лошадей, принадлежавших кому-либо из родичей. Он мог узнать след лапы каждой собаки, любого члена их рода, знал, как выглядят следы северного оленя, яка, бизона и мамонта. Ему были ведомы и следы, и помет, и повадки всех тварей, и часами он обсуждал все это с другими — у зимнего костра в вигваме, или под летним звездным небом, когда они охотились в Проклятых Землях или в долине Ночной реки. Это было сутью жизни

людей в Истинном Мире. Они говорили о насущном — в отличие от цивилизованных людей, рассказывающих бесполезные сказки и поющих бессмысленные песни. И Ледяной Сокол не мог ошибиться, читая следы бандитов, как не смог бы перепутать перо степной курочки и краснохвостого ястреба.

Ноги троих ушедших тоже были обернуты обрывками шкур, и эти шкуры оказались достаточно тонкими, чтобы Сокол мог видеть: все они шли одной и той же походкой. И даже не в том дело, что они слегка косолапили, нет; эти трое совершенно одинаково перемещали вес с пятки на носок... Будь на них ботинки, глубина отпечатков была бы абсолютно одинаковой.

Братья?

Но Ледяной Сокол ни разу в жизни не встречал братьев, похожих между собой до такой степени.

Оставив убитого на поляне, они ушли вверх по течению ручья. Там, вдоль узкого ущелья, по склону горы вилась тропа, которая могла вывести их к перевалу Сарда. И еще в той стороне имелась одна старая тропка, по которой почти никто не ходил, — по ней можно было выбраться к равнинам на западе.

Но почему они отправились именно туда? Впрочем, Ледяной Сокол не мог утверждать с уверенностью, куда именно повернули бандиты, потому что свет все угасал и угасал. Однако он подумал, что шкуры, которыми бандиты обернули ноги, были новыми. Такие же были и на ногах мертвеца — он не нашел на мехе и коже потертостей и поблеклостей, образующихся от долгого ношения.

Встревоженный Ледяной Сокол вернулся к трупу и вытащил кинжал из ножен, висевших на поясе бандита. Кинжал был сделан в

Алкетче. Великолепная работа. И очень старая. Сокол припомнил и одежду бандита — желтая куртка и алые штаны. И то, и другое было ему великовато — явно снято с кого-то и наскоро переделано... А башмаки — вещь дорогая. Они требовали большего труда, чтобы подогнать их под другой размер.

И тут вдруг Ледяной Сокол осознал, что именно царапало его память, и почему Линок показался ему знакомым.

Стало уже слишком темно, чтобы искать следы на поляне, да и в любом случае времени на это просто не оставалось. Повернувшись, Сокол побежал домой.

Ледяной Сокол, длинноногий и мускулистый, был одним из самых высоких людей в Убежище. И бежал он быстро. Но ему оставалось еще около мили до стен, когда он увидел голубые огоньки, пляшущие на лугу возле ручья, и до него донеслись голоса... слов было еще не разобрать, однако люди перекликались нервно, встревоженно. Сокол повернул в сторону, его сердце похолодело от страха.

Только по одной причине люди могли выйти из Убежища после наступления ночи.

Хотя дарки ушли уже семь лет назад, раны, нанесенные ими, были слишком глубоки. И почти никто из тех, кто прошел сквозь весь этот ужас, не остался бы по своей воле за стенами, когда день гаснет и начинают сгущаться сумерки. После Безлетнего Года мир слишком изменился. Огромные пятна сланча испускали слабый мутный свет по всей долине, и разнообразные твари-мутанты, порожденные им, далеко не всегда были безобидны.

Впрочем, в горах и без этих уродов всегда хватало опасностей: чудовищные волки с огромными клыками, медведи, которые как

раз теперь просыпались от зимней спячки, злые и голодные...

В каждой низинке на лугу копились клубы белого, плотного тумана. Луна должна была взойти еще не скоро.

Ледяной Сокол подошел ближе, голоса зазвучали отчетливее, а потом он увидел и лица людей, освещенные магическими огоньками; мужчины и женщины осматривали влажную землю в поисках следов.

— Он иногда отправлялся исследовать старую дорогу, что идет вдоль западных предгорий, — произнес кто-то, и Ледяной Сокол узнал Руди Солиса.

Они вели речь о Тире...

— Он говорит, там ему иногда кое-что вспоминается.

Это произнесла Джил-Шалос. За семь лет она научилась почти не пользоваться родным языком, даже когда говорила с Руди, — и исключение составляли только те слова, которые невозможно было перевести на Вейт, вроде «телевизора», «автомобиля», или «диссертации»...

— Ты думаешь, он мог выйти с Хетьей? Я видел, как она с ним разговаривала.

— Да, мог, если она ему рассказала о чем-нибудь, что показалось ему знакомым.

— Но почему тогда я не...

Руди еще не успел договорить, когда Ледяной Сокол подумал о том же самом. Почему молодой маг вынужден заниматься подобными поисками? Он ведь Мудрейший. У него есть волшебный кристалл. Он бы мог вызвать образ Тира...

Если только рядом с Тиром не находится другой Мудрейший.

Ледяной Сокол уже догадывался об этом, но теперь его подозрения подтвердились, и это было похоже на удар стрелы прямо в грудь.

— Это Бектис, — сказал он, выходя из-за дерева.

Джил-Шалос развернулась и смотрела прямо на него.

— Бектис? — Похоже, она испытала немалое замешательство, произнося имя придворного мага, который много лет назад за немалые деньги предложил свои услуги аббатисе Джованнин. Одержимая жаждой власти, та отправилась вместе с ним в Алкетч. Как утверждали слухи, Бектис помог ей установить свое влияния в тех растерзанных войной землях.

— Какое отношение может иметь Бектис к тому, что Тир пропал?

Сквозь поднимающийся туман, Ледяной Сокол направился к холмам, за которыми скрывался перевал Сарда и начиналась дорога на запад. Руди и Джил спешили за ним.

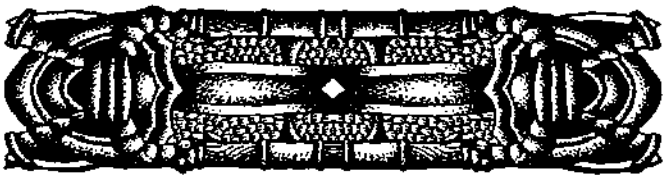
— Нас всех здорово одурачили. — В голосе Ледяного Сокола звучали и нескрываемая горечь, и гнев на самого себя, и страх. — Нас провели шаманской иллюзией. Тот старик Линок — он ведь и есть колдун Бектис. Я еще подумал тогда, что мне знаком его голос, и то, как он поглаживает бороду... Если бы у нас было время вернуться и поискать на лугу, мы бы нашли его следы — следы высокого и худого человека, а не того коротконогого крепыша, которого мы видели. Все это было обманом — просто хитрость, уловка, сказка, чтобы мы впустили его в Убежище.

Джил крепко выругалась. Руди, который соображал намного медленнее, сказал:

— Ну, пусть я сглупил... но его нет в Убежище. И он, и эта толстуха Хетья исчезли около двух часов назад...

Джил договорила за него, и в ее тоне звучала обреченная уверенность:

— И они увели с собой Тира.

Глава третья

Меня одурачили, — повторил Ледяной Сокол.

Им не понадобилось много времени, чтобы отыскать следы Бектиса.

Снег все еще лежал там, куда падала тень от горы, и отпечатки башмаков старика виднелись на нем ясно и отчетливо — широкий, легкий шаг... И каблуки подбиты гвоздями, что сразу говорило о том, что башмаки сработаны мастерами Алкетча. Следы, явно принадлежавшие Хетье, смешивались со следами старика, и тут же прошел осел — явно не тот, которого привели в Убежище.

А рядом обнаружились отпечатки троих бандитов, обернувших ноги шкурами...

— Но где Тир? — Руди держал свой посох почти у самой земли, покрытой поблескивающим снегом. Магический огонек ронял отсветы на металлический полумесяц, повернутый рожками вверх.

— Верхом на осле. — Джил ответила раньше Ледяного Сокола.

Ночной ветер, дувший со стороны ледника, становился все холоднее и резче, и несколько черных прядей, выскользнувших из-под кожаной шапки, развевались вокруг лица женщины.

— Нам еще повезло, что к тому времени, как он собрался уходить, всех животных увели с пастбища, а то бы мы наверняка лишились парочки лошадей, — добавила она.

Джил несла с собой фонарь и такой же огневой кисет, как у Ледяного Сокола. Фонарь не был зажжен.

Как и Сокол, Джил была уверена, что не стоит недооценивать тех, кого они преследуют.

Немного дальше они увидели и следы Тира — там, где он слез со спины осла, чтобы помочиться за большим валуном.

— Они что, наложили на него чары?

С помощью магического огонька Ледяной Сокол внимательно осмотрел снег, ища следы чьих-нибудь ног рядом с отпечатками маленьких башмаков и желтыми пятнами мочи.

— Я думаю, Бектис использует какую-нибудь иллюзию, — сказала Джил. В голубоватом свете магического огонька ее тонкое лицо, пересеченное шрамом, казалось совершенно неподвижным, серые глаза приобрели холодный оттенок стали. — Тир, может быть, считает, что рядом с ним Руди, и все в порядке.

Руди выругался. Большую часть пути до ледника он молчал, но Ледяной Сокол знал, что принц был для молодого чародея как сын, и что Альда просто сойдет с ума от тревоги за своего ребенка.

С вершин донесся новый порыв ветра, насыщенный запахом близящегося снегопада. Ничего необычного для этого времени года, с горечью отметил про себя Ледяной Сокол. И очень кстати для Мудрейшего, который удирает через перевал... слишком кстати, чтобы это оказалось случайностью.

— Я должен был его узнать, — мрачно произнес Сокол. — Узнать задолго до того, как он подошел к Убежищу.

Джил удивленно спросила:

— Да как бы тебе это удалось? Ни Венд, ни Илайя, ни даже Руди — никто не может

видеть сквозь иллюзии. И я его не узнала, хотя и встречала всего два года назад в Кхирсите.

— Ни Венд, ни Илайя не знали его до того, как был создан Отряд Магов для войны с дарками. — Сокол чуть переместился в сторону, избегая ледяного порыва ветра. Он двигался, как бесшумное, почти незаметное во тьме животное. — Ни ты, ни Руди не были с ним знакомы достаточно долго. Никто из вас не изучил так хорошо его голос и привычные жесты. Никто не мог опознать его манеру говорить. Придворный маг брата леди Альды, он уже находился во дворце, в то время как я там появился. Я хорошо его знал. Да и в любом случае, — сухо добавил Сокол, слишком поздно заметив и другую очевидную истину, — с чего Линоку с Хетьей было разбивать лагерь для ночевки, если они находились всего в пяти милях от Убежища? Мне следовало бы понять это сразу, как только я их увидел. Я должен был догадаться, что все это — просто уловка.

— Бектис — маг, — возразила Джил. — Это его работа — вводить людей в заблуждение. Не стоит так терзать себя.

Она спрятала подмышки руки, замерзшие, несмотря на перчатки. Джил была худенькой женщиной, просто кожа да кости. И эта худышка казалась очень суровой — до тех пор, пока вам не случалось увидеть ее улыбку. Многие из стражников завязывали отношения с женщинами Убежища — ткачихами или теми, кто варил пиво, обрабатывал шкуры, ухаживал за гидропонными садами. Но Ледяной Сокол, выбирая для себя женщину, предпочитал таких, которые служили в страже или в военных отрядах лордов Убежища. Одно время он даже прикидывал, не выбрать ли ему Джил, хотя с первого взгляда понял, что ее сердце принадлежит кому-то другому.

Его собственная настоящая любовь, случив-

шаяся много лет назад, была точно такой же. Ледяной Сокол вовсе не обманывал себя, глядя теперь на женщин.

Последние слова Джил вызвали в нем удивление.

— Я вовсе не терзаю себя, я лишь говорю правду, — возразил он. — Если бы я занимался своими делами и предоставил этих людей их собственной судьбе, Убежищу не грозила бы теперь опасность утратить связь с воспоминаниями предков.

Тропа становилась все круче, и Джил и Руди уже не поспевали за быстроногим Ледяным Соколом, хотя Руди обладал выносливостью и упорством, как и большинство чародеев, а Джил была испытанным воином. От самой верхней точки склона, усыпанного валунами, начиналась тропа, пролегавшая в тесной щели между серовато-черными утесами и угольно-черными деревьями, совершенно невидимая в ночи. В соснах завывал ветер, и весь мир вокруг пропах снегом, жесткие шарики которого пролетали через белый столп света, испускаемого посохом. Ки перевала Сарда, по слухам, капризен, зловреден и суров. Он в равной мере ненавидит и грязекопателей, и людей из Истинного Мира.

Руди поставил свой посох у большого валуна, воткнув его в куст можжевельника, и стал копаться в шнуровке плаща, желая добраться до кармана куртки. Осторожно — руки в перчатках не слишком-то ловки — он извлек маленький мешочек с аметистом, служившим ему магическим кристаллом. Достав камень, он некоторое время поворачивал его так и эдак, пока свет посоха не упал на центральную грань.

— Венд! — позвал он. — Венд, ты меня слышишь?

То, как связывались между собой шама-

ны-наблюдатели и Мудрейшие, почему-то всегда напоминало Ледяному Соколу детские игры. Очевидно, священник-маг ответил мысленно, потому что Руди тут же сказал:

— Мы нашли следы Тира. Его увели Линок и Хетья. Линок явно навел на мальчика какие-то чары, чтобы заставить пойти с ними. Ледяной Сокол утверждает, что Линок на самом деле — это Бектис... И, знаешь, обдумав все, что случилось, я решил, что он прав.

Последовала пауза — Ледяной Сокол предположил, что брат Венд, наверное, в этот момент выражает свое изумление... совершенно бессмысленное при данных обстоятельствах.

— Объясни Минальде, что происходит.

Руди нервно провел рукой по лицу. Его профиль резко вырисовывался в сиянии магического огонька на посохе, и крохотные голубоватые треугольники отражались в глазах.

— Скажи ей, что мальчик, похоже, чувствует себя нормально. Зачем бы они его ни похитили, они явно не собираются его убивать, потому что в противном случае они могли бы это сделать сразу. Они ведут его через перевал Сарда и вызвали снежную бурю, чтобы закрыть нам путь.

Ледяной Сокол без труда мог представить, как отреагирует Минальда на подобное сообщение. Она страстно, почти безумно любила обоих своих детей; Сокол прекрасно помнил тот день, когда они выдержали последнюю отчаянную битву с дарками во дворце в Гае.

Минальда тогда прижала Ингольда к стене, приставив к груди взятый у кого-то из убитых воинов меч, и закричала, что убьет чародея, если он не спасет ее сына.

Бектис поступил умно, вызвав снегопад, который вскоре завалит все вокруг. Ничто другое просто не остановило бы Минальду.

— Джил и Ледяной Сокол со мной, — продолжил Руди. — Мы попытаемся догнать их и задержать, если удастся. Скажи ей, чтобы выслала Януса и отряд стражников следом за нами. И еще скажи ей, чтобы не тревожилась. — Очередная глупость, по мнению Ледяного Сокола. Разве мать в силах унять свою тревогу? — Мы приведем его обратно.

Если учесть, что Руди занимался искусством магии лишь семь лет, в то время как Бектис посвятил ему всю свою жизнь, подобное заявление прозвучало чересчур оптимистично, если не сказать больше. Однако Ледяной Сокол не обратил на это внимания. Руди начал было укладывать аметист назад в мешочек, но вдруг передумал и снова уставился в кристалл, наклонив голову и подняв плечи, чтобы защитить глаза от ветра.

— Игнольд, — негромко произнес он, — где ты, дружище?

Купец, принесший в Убежище сообщение о захороненной в Гае библиотеке, говорил, что она находится где-то на вилле, на окраине города, и что там сейчас почти все залито водой. Ледяной Сокол сопровождал чародея в прошлогодней экспедиции, летом, — когда сынишке Джил, Митрису, было всего несколько месяцев от роду, — и знал, в каком состоянии ныне пребывает город: насквозь отсыревшие руины, заросшие рогозом и осокой и населенные упырями. Старому чародею следовало и в этот раз взять с собой кого-нибудь, кто прикрывал бы ему спину.

Похоже, Ингольд ответил на вызов.

— Тебе лучше поскорее вернуться, — сказал Руди. — В Убежище явился колдун — Бектис, так думает Ледяной Сокол, и я с ним согласен. Он похитил Тира.

Ингольд не стал тратить времени на бес-
 смысленные комментарии.

— Они ведут мальчика к перевалу Сарда. Я, Джил и Ледяной Сокол идем по следу. Мы намерены задержать его до тех пор, пока не подоспеют стражники, но это может оказаться довольно трудным делом. Я не знаю, как все получится, но мы сейчас пойдем дальше. Я буду на связи, хорошо?

— Как он выглядел? — спросила Джил, когда они продолжили подъем.

Руди притушил магический огонек на своем посохе настолько, чтобы его спутники могли лишь кое-как различать тропу под ногами. Совершенно незачем выдавать их местоположение, но и терять путь тоже ни к чему. Ночь была абсолютно черной. Снежинки летели густо, заполняя отпечатки ослиных копыт и человеческих башмаков.

Женщины, подумал Ледяной Сокол. Им обязательно нужно задавать вопросы. Конечно, Джил-Шалос была отличным воином и обладала логическим умом, но все равно она оставалась женщиной до мозга костей, особенно когда дело касалось любимого человека.

Сокол наклонился, чтобы повнимательнее рассмотреть то, что могло быть оставлено кем-то из уходящей за перевал компании... Но, как выяснилось, «это» сделал черный медведь средних размеров. Тот самый, что устроил себе берлогу по другую сторону скал.

— Могу предположить, что он выглядел как человек лет семидесяти от роду, которому три недели кряду приходится спать на голой земле, и который все это время не брился, — проговорил Ледяной Сокол.

Джил хлопнула его по руке и снова повернулась к Руди.

— Неплохо, я бы сказал, — сообщил тот. — Пара царапин и порезов, и левая рука перевязана, но он вроде бы свободно ею пользу-

ется. Но какого дьявола этот Бектис вообще забрался сюда? Мне казалось, ты говорила, будто он был с аббатисой Джованнин в Алкетче.

— Он и был там. Никто не знает, почему она имеет над ним такую власть, но она отдавала ему приказы, словно простому слуге. Йори-Эзрикос, дочь императора, тоже вовсю пользовалась его услугами. Но он ненавидел Джованнин. Я это видела по его глазам.

— Он всех ненавидит, — заметил Ледяной Сокол.

За снегопадом ничего было не разглядеть, но все равно им оставалось только упорно пробиваться вперед, если они хотели добраться до перевала прежде, чем буря окончательно закроет его. Ледяной Сокол гадал, как долго придворный маг сможет поддерживать для Тира иллюзию того, что с его маленьким отрядом находится Руди, — если, конечно, похититель набросил на Тира именно такие чары, — и что все вокруг идет как надо. Или Тир уже понял, что тот человек, которого он принял за своего приемного отца и воспитателя, всего лишь призрак, порожденный искусством мага?

Тир никогда не видел Бектиса — точнее, он мог видеть его только в очень раннем детстве, когда придворный маг был с позором изгнан из Убежища, — но не раз слышал его имя. И мальчик мог бы довольно быстро понять, что дело неладно.

Особенно если человек, поначалу невысокий и курносый, постепенно превратится в высокого и худощавого вельможу, с длинными белыми волосами, аристократическим орлиным носом и пронзительными темными глазами.

Но зачем тащить мальчика через перевал?..

— Зачем они ведут его к перевалу? — произнес Руди.

Ответ Джил был слышен плохо, ее слова уносил штормовой ветер:

— Вероятно, они попытаются выведать у него все насчет памяти предков. Если этого окажется достаточно, чтобы разрушить защиту Убежища, они убьют его еще до того, как дойдут до перевала, а сами разбегутся и незамеченными ускользнут из долины.

— Но он помнит далеко не все! — возразил Руди. — Нам даже неизвестно, что именно сохранилось у него в памяти. Бектис должен об этом знать.

Ледяной Сокол повел своих спутников с подветренной стороны утеса под склоном, где ветер дул не так сильно, а слой снега был тоньше, что позволяло прибавить шаг. Лежавший над ними, невидимый в темноте ледник покрывал верхнюю часть горы. Здесь рождались потоки холодного воздуха, что спускались в долину.

— Что еще более важно, — сказала Джил, — об этом должна знать Джованнин. Если только она не заставит Бектиса использовать против Тира разъедающие чары, чтобы добраться до того, о чем мальчик не помнит сознательно, но что тем не менее хранится в глубинах его рассудка... Это худшая из разновидностей черной магии, и одному Господу ведомо, что может случиться при этом с маленьким ребенком... но подобные соображения никогда не останавливали Джованнин.

Руди крепко выругался и продолжал ругаться чуть ли не на каждом шагу, пока они шли под защитой утеса.

По наклону почвы под ногами и по тому, как завывал, меняя направление, ветер, Ледяной Сокол без труда определил, где именно они находятся, и резко взял вправо. Слева от них водный поток прорезал узкий каньон. Те сорок или пятьдесят футов, что отделяли провал от

выступа в склоне горы, были вполне удобными для хождения в хорошую погоду, но весьма опасными при плохой видимости.

Кроме того, теперь они добрались до тех мест, где обитали волки и саблезубы. Ледяной Сокол прислушивался, стараясь уловить их голоса сквозь шум ветра.

— Они там, — сказала вдруг Джил.

Над ними среди камней мерцал свет, заставляя снежинки вспыхивать, словно кружащиеся бриллианты.

Как и подозревал Ледяной Сокол, осел замедлил продвижение отряда; впрочем, мешали колдуну и алкетчцы, совершенно бесполезные в такой холод.

— Сколько их? — спросила Джил.

— Воинов? Трое. — Ледяной Сокол огляделся по сторонам, вспоминая, какова местность впереди.

Углубляющееся ущелье, потом утес, далее — ручей; после — водопад, который, возможно, еще не оттаял, и за ним — выход скалистых пород. Проход там сужается футов до тридцати. Тут Ледяной Сокол вспомнил о мудрости, обретенной Джил в ином мире, и добавил:

— Они совершенно одинаковые, и по росту, и по весу, даже по тому, как ходят. Братья и то не бывают столь похожими. Я такого ни разу в жизни не видел.

— Клоны? — Джил произнесла иноземное слово и вопросительно посмотрела на Руди. Его глаза были полузакрыты, как у всякого Мудрейшего, когда он сосредотачивается, чтобы произвести некие чары.

— Пошли. — Руди словно проснулся и зашагал вперед, обогнав Ледяного Сокола и сильно наклоняясь, чтобы ветер не сбил его с ног. — Я навел чары на осла, но не уверен, как долго

они будут действовать. Бектис может снять заклятье...

— Если только поймет, почему осел остановился. — Джил бежала рядом с Руди, словно гибкая темная газель, без труда несущаяся по каменистой козьей тропе. — Вряд ли ему удастся так легко сложить эту китайскую головоломку.

Эти последние слова ровно ничего не значили для Ледяного Сокола, но Руди их понял и засмеялся.

— Там впереди нет ли какого-нибудь козырька над тропой? — спросил он между двумя вздохами. Огонек на его посохе почти совсем угас, но по земле перед ними начали проскакивать маленькие голубые искры, хоть и слабо, но все же освещавшие путь. — Если бы я мог устроить у них перед носом небольшой обвал, мы бы их задержали...

Небо прорезала ослепительная молния, загрохотал гром. Ледяной Сокол схватил Джил за руку, а Руди — за полу оленьего плаща и стремительно подтолкнул их вперед, в то время как рев снежной лавины, сорвавшейся где-то недалеко вверху, дал им знать, что Руди не единственный, кто умеет пользоваться преимуществами местности.

Маг завопил: «Черт побери!» и выкрикнул во тьму несколько магических слов. Сквозь бурю донесся ответ...

— Руди!!!

Это был детский голос, пронзительный и испуганный.

Ветер вдруг переменил направление и затих. Руди сделал руками несколько пассов, и зигзаг холодной голубой молнии осветил причудливые изломы горы и сверкающую стену ледника. Целые холмы и потоки снега перекрыли путь, и на фоне голых деревьев, каменистых вы-

ступов и замерзших водопадов они увидели тех, кого преследовали.

Осел пятился и брыкался от страха. Тир пытался вырваться. Державший его чернолицый воин-алкетчец почти оторвал мальчика от земли. Два другие воина — даже с такого расстояния было очевидно, что они точная копия первого, — стояли, держа в руках обнаженные мечи, и моргали, ослепленные магической вспышкой.

— Бектис! — во все горло закричала Джил. — Где ты?

Скала треснула с оглушительным грохотом. Еще одна белая молния прорезала тьму, и Ледяной Сокол швырнул Руди в одну сторону, Джил — в другую, и сам прыгнул подальше. И в то же самое мгновение молния вонзилась в землю как раз в том месте, где только что стоял Руди. Из снега с громким шипением вырвался фонтан горячего пара. Свет озарил фигуру Бектиса — теперь уже высокого и худого; он стоял, вскинув руки, на вершине большого камня рядом со скованным льдом водопадом. Рана на голове, которую так старательно перевязали в Убежище, исчезла, будучи всего лишь иллюзией. Голова Бектиса была откинута назад, длинные белые волосы и патриаршая борода развевались на ветру, как флаг, а голубоватый свет, вырывавшийся из пальцев колдуна, был таким ярким, что причинял глазам боль.

Руди выкрикнул заклятье неподвижности, сделал шаг в сторону... и его голос заглушил вой внезапно налетевшего ветра. Воздушный поток подхватил огонь, выброшенный магом, и разнес во все стороны. Откуда-то сверху, из ночной тьмы, хлынул дождь камней, грохоча по стенам узкого ущелья. Ледяной Сокол предусмотрительно нырнул под козырек утеса и замер. Ослепительные вспышки продолжали рвать

мрак в клочья, и в их свете Сокол смог на мгновение увидеть Руди и Бектиса. Ему показалось, что Бектис держит в правой руке какой-то аппарат, нечто, сочетающее в себе золото и кристалл. Этим аппаратом он и создавал опаляющий свет. Когда же Руди бросал в колдуна ответное пламя, старика как будто окружало защитное радужное сияние. Но Ледяной Сокол не слишком внимательно наблюдал за битвой. Наоборот, с каждой новой вспышкой он немного ближе продвигался к ослу, воинам и Тиру. Все они смотрели на Бектиса и ничего не замечали.

Это давало Ледяному Соколу шанс.

Он никогда не верил в беспричинное везение. В него не верил никто из выросших в Истинном Мире. Ледяной Сокол отлично знал: надеяться на то, что Руди сумеет победить куда более опытного чародея, просто глупо. Приходилось сомневаться даже в том, что ему удастся продержаться достаточно долго для того, чтобы Сокол успел подобраться на расстояние полета стрелы к воинам, захвативших Тира. И поэтому он не рассердился — сказать по правде, он даже не был разочарован! — когда последний каскад молний разметал ночь за его спиной, и он услышал душераздирающий вопль и грохот рушащейся скалы. Ему показалось, что до него донесся и голос Тира, выкрикнувшего: «Руди!» А потом безумный ветер с удвоенной силой рванулся к перевалу, хороня все вокруг под снегом и тьмой.

Ледяной Сокол вжался в расщелину между камнями и ждал, представляя, как Бектис медленно спускается с обледеневших камней на другую сторону скального выступа, как перебирается через замерзший поток. Температура воздуха, понижавшаяся во время битвы, продолжала падать. Ледяной Сокол отвязал скатанное одеяло, висевшее у него на спине, и завернулся

в него, как в плащ, но его пальцы даже в перчатках ныли от холода и едва двигались. В расщелине, где он прятался, нашлось несколько кустов, защищенных скалой от снега и потому достаточно сухих, чтобы изготовить из них примитивный факел. Соколу понадобилось довольно много времени, чтобы расколоть одну из веток на мелкие щепки для растопки, и он не спешил открывать свой огневой кисет, пока ветер не утих настолько, чтобы не убить таившийся в кисете огонек. Когда Сокол — человек очень терпеливый — наконец зажег факел, он тут же поднял его высоко над головой.

И сразу услышал голос Джил:

— Сюда!

Судя по звуку, она находилась на самом краю ущелья.

Черные полосы обожженных камней пересекали горячие красные линии — следы ударов молний. Несмотря на то, что снег уже заполнил многие из этих шрамов, в воздухе все еще сильно пахло огнем и паленым мехом. По этим следам Сокол определил, как Бектис загонял Руди все дальше к краю утеса, пока молодому магу стало уже некуда отступать.

Джил зажгла свой фонарь, и в его слабом свете обозначился след последнего огневого удара, обуглившего камни на краю ущелья. Валуны здесь лопнули от яростного жара. Снежинки, падая на них, мгновенно, с шипением испарялись. Ветер немного стих, зато снег повалил гуще. Перевал должен был закрыться задолго до наступления утра.

Джил и Ледяному Соколу понадобилось почти два часа, чтобы спуститься на дно теснины. Руди лежал на обледеневших камнях, рядом с обсидианово-черной лентой ручья. Он сумел заползти под укрытие острого выступа в стене

ущелья, где за камни цеплялись чахлые кривые ели, отчасти защитившие молодого чародея от ветра и снега. Вокруг еще остались следы чар тепла, заставлявшие таять снежинки возле скорченного тела Руди.

— Эй, ты еще с нами? — Джил сняла перчатки, чтобы коснуться лица Руди, отвела со лба перепачканные кровью волосы. Лицо женщины ничего не выражало, но Ледяной Сокол подумал, что Джил здорово смягчилась после Безлетнего Года.

— Ну, на этот раз на меня не рассчитывай, — добавила она.

Они были друзьями уже семь лет, они вместе пришли из того мира, в котором нашел их Ингольд, они невообразимо отличались от людей Истинного Мира и от людей из мира цивилизованных грязекопателей, со всеми их городами и дворцами. И оба они много раз рассказывали Ледяному Соколу об их прежнем доме. Но он все равно не в состоянии был это представить. Ему казалось, что их мир был жутко неудобен, битком набит людьми, шумен и совершенно лишен здравого смысла. Джил-Шалос была, конечно, женщиной особенной, с железным сердцем, способной выжить при любых обстоятельствах. А вот этот мужчина являлся, судя по всему, куда более типичным представителем их мира.

Пальцы Руди, лежавшие в ладони Джил, шевельнулись.

В течение целой недели, предшествовавшей сегодняшним событиям, стояла ясная и сухая погода, а снежная буря, вызванная магическими средствами, была не настолько долгой, чтобы насквозь промочить обломки ветвей, что лежали в щелях между камнями и под выступами в стенах ущелья. Ледяной Сокол набрал вполне достаточно веток и гнилушек, перетащил их в

подходящее местечко, сложил из ветвей защитную стенку, как всегда делали люди его клана в зимнее время.

Пока он занимался этим, Джил исследовала тело Руди, разбираясь со сломанными костями и раздробленными ребрами, подсчитывая повреждения и делая все для того, чтобы Руди смог наконец более или менее свободно дышать. Ледяной Сокол был немного удивлен тем, что молодой чародей остался в живых после такого падения. В слабом луче фонаря Джил он видел, что одна сторона лица Руди обожжена, точно так же, как прошлой осенью, когда случился взрыв в лаборатории Ингольда. Перчатки мага сгорели целиком, а одежда на нем превратилась в почерневшие лохмотья.

— Сомневаюсь, чтобы стражники добрались сюда до наступления дня, — сказал Ледяной Сокол, закончив работу. — Ветер утих, но снег идет слишком сильно. Через несколько часов перевал закроется.

Джил какое-то время молчала, но ее глаза потемнели. Звездочки снежинок лежали на черных растрепанных волосах, окружавших лицо темным облаком. Женщина и Ледяной Сокол смотрели друг на друга, прекрасно зная, о чем думает каждый из них, и что должно быть сделано теперь.

— Ты продержишься тут до рассвета, сестра моя?

Джил кивнула.

— Тошнит от всего этого, — сказала она, выпустив изо рта облачко серебристого пара. — Уж извини, Ледышка.

— Я сделаю, что смогу, постараюсь найти след, догнать их... Ну, по крайней мере, я буду поблизости на тот случай, если парнишке удастся сбежать.

— Очень обнадеживает. — Джил разбирала имевшееся у них имущество: фонарь, стрелы, плащ из медвежьей шкуры... В нише, где Сокол развел костер, было достаточно тепло, и дров хватало, чтобы поддерживать огонь до наступления дня. Джил предложила Соколу часть запаса еды, который прихватила из Убежища по его же совету, однако Ледяной Сокол покачал головой:

— Мы не можем знать будущего, сестра моя. Твоя жизнь может зависеть от этих крошек.

— Лично я думаю, что Тир слишком рассудителен, чтобы пытаться бежать, если они уже миновали перевал, — сказала Джил, добавляя к вещам, предназначенным для Сокола, рыболовный крючок и пару складных ножей. — Ему ведь всего восемь лет. Куда бы он пошел? Да... кому мне следует сейчас молиться?

— Богу цивилизованных людей, богу прямых дорог. — Ледяной Сокол в последний раз проверил свое снаряжение, но его мысли уже умчались к обледеневшим скалам по другую сторону водопада, туда, где перед перевалом с особой силой дул ветер. — Он хранитель предков Тира, и он — защитник Убежища. И то знание, что несет в себе Тир, может спасти всех нас, если в будущем объявится еще какое-то зло.

— А как насчет твоих собственных предков, Ледышка?

Да, он как-то рассказывал Джил о своих предках, о Черном Колибри и Хранителе Молний, и о многих других, чья кровь пролилась на резные колонны разрушенного Дома Предков, что стоял у подножия Охотничьей горы. Он рассказывал о тех ки, присутствие которых можно было ощутить в тишине, когда ветер шевелит подвешенные на ветках кости, волосы, деревянные амулеты... Полдень, вождь, вырастивший Сокола, и шаман Сторожевая Вода часто говорили о

своих корнях, сидя у зимнего костра на стоянке, вечерами, когда глаза собак горят, как лампы, потому что они тоже слушают речи людей.

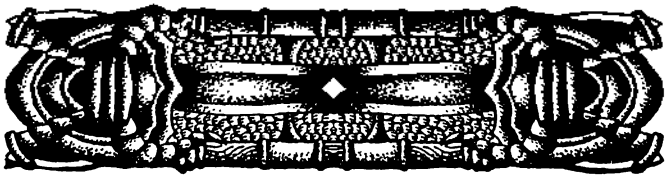
Ледяной Сокол очень нежно относился к Джил, но он не был уверен, что она действительно понимает, каково это — ощущать связь с предками.

— Мои предки сочтут, что это будет справедливо, если я заплачу жизнью за собственную глупость, — проговорил он после долгой паузы.

И за жизнь Руди. И за жизнь Тира. И за жизни всех живущих в Убежище. Это был вполне естественный образ мышления для предков — ну, по крайней мере, для предков Ледяного Сокола.

— Но я уже одиннадцать лет не обращался к Великим, — медленно продолжал он. — Так что вряд ли они сейчас откликнутся на мою просьбу. Я виноват перед ними и перед своим кланом. Я ушел слишком далеко от тех мест, где родился. Я бы вернулся туда сейчас, но если я встречусь со своим кланом, это будет значить для меня смерть.

Он быстро обнял Джил и начал взбираться наверх по скользким ото льда камням. Его длинные светлые косы змеились на ветру. Сокол приближался к перевалу Сарда, за которым лежал путь в мир, от которого он отказался навсегда.

Глава четвертая

За одиннадцать лет до этого дня Ледяной Сокол ушел от клана Говорящих со Звездами при обстоятельствах, которые если и не навеки отрезали ему путь назад, то уж во всяком случае сделали бы его возвращение домой не слишком приятным. Потому что было бы нелепо предполагать, что кто-либо из живущих в Истинном Мире — хоть клан Кривых Холмов, хоть клан Земляных Змей, да и любое другое племя из тех, кого цивилизованные грязекопатели чохом именовали Белыми Всадниками, — проникся бы доверием к тому, чьи предки были врагами их предков. Так что к востоку от гряды гор для Ледяного Сокола места не было.

В детстве Сокол не раз слышал истории о племени прямых дорог, о грязекопателях, населяющих долины рек. Он слышал о них, хотя области обитания клана Говорящих со Звездами лежали далеко к северу от неровной линии шахт и поселений грязекопателей, что тянулись от Черной Скалы до Дилла, у Западного океана. Полдень и Сторожевая Вода объясняли Соколу: грязекопатели — сумасшедшие (в чем он позже и сам убедился); они ленивы и совершенно не понимают важных вещей; они просто невообразимо ненаблюдательны, они ничего не видят в мире вокруг себя.

В теплых краях, где было так много воды и где растения сами собой щедро лезли из земли, грязекопатели завели себе королей и воз-

двигли стены, и воспитали воинов для охраны тех, кто не брал на себя труда научиться защищаться самостоятельно. Люди там могли себе позволить быть бездельниками и оттачивать искусство сочинения затейливых историй о вещах, никогда не существовавших, и о событиях, которых никогда не было на самом деле. По крайней мере, они этим занимались, пока их короли были живы, а стены стояли нерушимо.

После прихода дарков, разумеется, все стало совсем иначе.

В то лето, когда Ледяному Соколу исполнилось семнадцать лет и он шел на восток через тот самый перевал, по которому сейчас двигался на запад, дарки были для него просто одной из сказок грязекопателей — сказкой о том, чего никогда не бывало.

В то лето здесь все было покрыто зеленью, бледные осины выделялись светлыми пятнами на фоне темных хвойных деревьев, и вокруг сплошь все заросло лесным орехом, кизилом и лавром, так что Ледяной Сокол без труда скрывался в лесу вместе с конем. Он продвигался вперед в основном в сумерках, потому что тогда люди прямых дорог держали на перевале стражу, опасаясь — вполне обоснованно — набегов с запада. В те дни Всадники еще не видели смысла захватывать стада домашнего скота, принадлежавшего грязекопателям. В те дни на северных равнинах водилось множество газелей и бизонов, и красных оленей, и диких баранов.

Убежище Дейра оказалась первым строением, которое Ледяной Сокол увидел в лучах восходящего солнца, миновав перевал. Он помнил, как тогда удивился, и чуть улыбнулся при воспоминании о собственной наивности. Те дома грязекопателей, которые прежде приходилось видеть Соколу, были построены из дерева, в

них было по два, от силы по три этажа; а на юге здания были и вовсе одноэтажными, с крышами из необожженной глиняной плитки на сосновых перекладинах, или из черепицы. Он просто не ожидал увидеть что-либо подобное Убежищу. И прошло немало времени, прежде чем он узнал, что далеко не все цивилизованные люди по эту сторону гор живут в огромных темных крепостях, недоступных для врагов.

* * *

Рассвет застал Ледяного Сокола в небольшой рощице на западной стороне перевала Сарда. Дойдя до нее как раз к тому моменту, когда в небе вспыхнули первые солнечные лучи, Сокол отыскал местечко, где между белыми валунами, отмечавшими начало дороги на запад, густо разрослись кусты черемухи, заполз под них, завернулся в плащ Руди и в собственное одеяло, чтобы поспать. Землю под ним густо покрывал снег. Серые и белые облака клубились над западными вершинами Антирской гряды, резкий ветер терзал Сокола, словно холод был вызван проклятьями Мудрейшего.

Его разбудило свиристенье белки. У Ледяного Сокола была при себе праща, обвязанная вокруг колчана; ему понадобилось чуть ли не два часа, чтобы подбить четырех белок — они были по-весеннему настороженными и по-весеннему же тощими, в каждой мяса едва на один укус. Тем не менее Сокол зажарил их и съел все, что нельзя хранить долго: внутренности, сердце, мозги. А мясо ему понадобится попозже.

Кое-какие кусочки он использовал в качестве наживки и скоро поймал несколько рыбин в заводи одного из тех многочисленных ручьев, что выбегали из каменных лабиринтов на

склонах Антира. Рыбу он тоже зажарил. Конечно, все это отняло много времени, но Ледяной Сокол знал: в одиночку Тира ему не спасти, ведь во вражеском отряде имелся Мудрейший. А следы Бектиса и Хетьи не испарятся...

Он побрился, потому что ему никогда не нравилось быть обросшим (когда он впервые перевалил через эти горы, у него и борода-то еще не росла). Затем он попытался подстрелить одного из тех енотов, что явились украсть его рыбу, но ничего не вышло. К тому времени, когда Сокол набрал из ручья воды во фляги — свою и Руди, — солнце уже стояло высоко. Теперь Ледяной Сокол был готов к преследованию, которое, как он предчувствовал, окажется долгим.

* * *

Когда Ледяной Сокол уходил от клана Говорящих со Звездами, он прихватил с собой трех лошадей: Маленького Танцора, который принадлежал ему много лет, Песчаного Кота и Недоумка. Песчаный Кот пал под ним во время стычки с бандитами из Геттлсенда, а Недоумка Соколу пришлось убить самому, поскольку животное охромело. Собаку Сокола, Легконога, тоже убили геттлсендские бандиты: в кошеле духов, который Ледяной Сокол носил под рубахой, прямо на теле, лежал клочок шерсти Легконога.

Лошадей он увидел в первый же день, когда очутился в долине Ренвет, — в загоне неподалеку от сверкающих, как драгоценности, стен Убежища. Угнать парочку труда не составило. Он назвал их Гнедая и Ветер.

Потом, зная, что ему придется провести некоторое время к востоку от стены, он устроился так, чтобы понаблюдать за грязекопателями, жившими в долине. Ему сразу стало

ясно, что народ тут находится в состоянии войны, хотя Сокол и не мог определить, кто их враг и где он прячется. Но у жителей долины не было домашнего скота (кроме лошадей), они не засевали поля зерном, хлопком и бобами, что росли вокруг поселений грязекопателей на юге. Долинные держали в качестве рабов небольшое количество полулюдей — это были хилые волосатые существа, каких в клане Говорящих со Звездами непременно поспешили бы убить. Но Ледяной Сокол не видел ни детей, ни стариков... хотя это, конечно, могло быть следствием голода или какой-нибудь эпидемии.

В то далекое лето Сокол с интересом присматривался и к обитателям Убежища, — они одевались либо в черную одежду, украшенную белым четырехлистником, или в красную, с одной или тремя черными звездами. И еще там имелся высокий мужчина, который тоже ходил в красном. У него висело на шее ожерелье из голубых камней, а поверх красного он надевал длинный черный плащ, полы которого развевались на ветру, словно крылья. Похоже, он был главным среди мужчин и женщин, одетых в красное. И лишь через день Ледяной Сокол обнаружил, что там есть еще один человек — почти такой же высокий, но очень худой. Он вроде бы ничем не отличался от одетых в черное, если не считать эмблемы на груди (орел, вышитый золотом). Именно этот мужчина и был самый главный.

Его называли лордом Элдором, и именно этот лорд, как сообразил Сокол на второй день пребывания в долине, и выследил его.

— Да на что же это похоже! — бушевал первый, когда ему доложили о пропаже лошадей. Он гневно размахивал руками, и его жесты, видимо, были предназначены для того, чтобы напугать и разогнать врагов на многие мили во-

круг, а Элдор безмятежно слушал его, сложив руки на груди и чуть склонив голову набок. — Бандиты в нашей долине! Я вам говорил, что так оно и будет, когда вы решили снова открыть Убежище, лорд Элдор! Конечно, оно возвышается над всей долиной, его видно издалека, но... Вместо того, чтобы бесконечно усиливать Убежище и увеличивать запасы с расчетом на большой гарнизон — каковые запасы, я уверен, в конце концов растащат бандиты, — лучше бы вы заперли эту махину и начали строить укрепления у западного спуска с перевала!

Его глубокий, мелодичный голос без помех долетал до того места, где на толстой ветви огромной сосны затаился Ледяной Сокол (это дерево и по сей день росло между Убежищем и ручьем).

В обычае клана Говорящих со Звездами было время от времени посылать воинов на юг, чтобы похитить там несколько человек. Южан держали в качестве пленников всю зиму ради того, чтобы дети научились языку Вейт. Этих пленников обычно усыновляли в разных семьях, так что позже, когда приходило время принесения весенних жертв, никого из подлинных членов этих семей уже не замучивали до смерти... Хотя, надо сказать, волосы южан никогда не бывали достаточно длинными, чтобы изготовить из них хорошую тетиву для лука.

— Это же очевидно, как и то, что на севере земля обледенела! — продолжал возмущаться человек с ожерельем. — Если держать Убежище открытым, любая шайка может воспользоваться им как собственным укреплением!

— Вряд ли наших лошадей украли бандиты. — Рослый лорд Элдор повернул следом за рассерженным спутником назад, к конскому загону, продолжая разговор на ходу. — То-

мок Тиркенсон докладывал мне, что разбойники, как правило, отличаются жадностью. Они бы увели весь табун, а не стали выбирать двух лошадей прямо перед Убежищем, где их могли в любую минуту заметить стражники.

Побушевав еще немного, человек с ожерельем (позже Ледяной Сокол узнал, что это Альвир, один из самых богатых и могущественных лордов Дарвета), отправил отряд своих личных воинов в красном, чтобы обыскать как следует долину. Ледяной Сокол не спеша вернулся в свой лагерь, разбитый возле стоячих камней, чтобы убрать все следы, пока воины Альвира не добрались до этого места.

Спустя некоторое время Сокол гораздо лучше узнал и Элдора, и Альвира, но порой ему казалось, что за годы знакомства первое впечатление от них обоих ничуть не изменилось, а скорее наоборот — утвердилось и стало глубже. Он снова и снова видел Альвира, произносящего много ненужных слов и делающего совершенно неправильные выводы, и Элдора — стоящего на некотором расстоянии от разнаряженного лорда, скрывающего свои мысли, наблюдательного... с насмешливой искоркой в глазах цвета стали.

* * *

По другую сторону перевала зима еще и не думала отступать. Истинный Мир простирался между Снежными горами и морским побережьем, и это была суровая земля, — земля, в которой было мало воды и деревьев, где постоянно дули сильные ветра, а летом налетали смерчи. В последние десять лет, как слышал Ледяной Сокол, там случались ледяные бури, заставлявшие людей и животных сбиваться в укрытие — и замораживавшие всех насмерть.

Стада бизонов и антилоп бродили по мертвым степям, и по мере того, как зимы становились все продолжительнее и холоднее, к ним присоединялись мамонты, яки, олени и носороги, а следом за этими гигантскими стадами тащились стаи гигантских волков и саблезубов, летели хищные птицы. После Безлетнего Года сланч разросся неимоверно, и его морщинистые упругие, слегка светящиеся полосы растягивались на многие мили, лишая жизни все другие растения. При этом сланч порождал другую, собственную жизнь — это были странные твари, расползавшиеся повсюду, но как будто бы ничего не евшие, не размножавшиеся и не испражнявшиеся. Твари в конце концов подыхали и гнили, испуская незнакомую сладковатую вонь, и там, где они валялись, потом возникало новое пятно сланча.

У Ледяного Сокола даже волосы на затылке встали дыбом, как у пса на загривке, когда он увидел, как сланч и холод изменили местность за перевалом. Те рощи, что покрывали западные склоны гор, по большей части теперь были мертвы, погребены под беловатой массой. И в течение всего первого дня, пока Сокол шел по тропе на запад, он видел сланч по обе стороны от себя — то пятна, то полосы шириной в несколько миль. Ни кроликов, ни леммингов, ни антилоп не осталось на мертвой земле.

По мусору на месте стоянки Бектиса и его отряда Ледяной Сокол понял: кроме всего прочего, Бектис и Хетья прихватили из Убежища немалое количество вяленого мяса, сыра и картофеля. Пустив в ход пращу, Ледяной Сокол убил двух коршунов, явившихся полакомиться остатками сыра и картошки, и добавил их мясо к своим запасам, а заодно прихватил и картофельную кожуру и очистки сыра. Только на месте стоянки он увидел наконец следы Тира и по множеству

признаков определил, что у мальчика связаны руки.

Ну, может, это и к лучшему, подумал Ледяной Сокол. Что бы там ни говорила Джил, парнишка все равно мог попытаться удрать, пока видел на востоке горы, а шансов выжить в этой оголенной земле у него не было. Ни единого.

* * *

Итак, Альвир заявил, что где-то в долине скрывается разбойник, и разослал поисковые отряды по всей долине Ренвет — на расстояние трех дней пути. Ледяной Сокол немало повеселился, терпеливо перемещая свою стоянку через каждые несколько часов — невидимую стоянку северных людей, не оставляющую следов на земле, — и наблюдая за воинами. Он следил также за караванами мулов, что двигались со стороны реки Арроу через цепи невысоких гор в западной части долины. Мулы несли на спинах провизию, семена, саженцы. Интересовался Сокол и тренировками одетых в черное стражников, которыми командовал невысокий лысый человек с хриплым голосом. Любовался он тем, как Альвир и Элдор прогуливались вдоль стен Убежища и по краю леса, что тянулся вокруг холма, на котором высился бастион, — они говорили о разных вещах и что-то записывали на вощеных деревянных табличках.

Альвир без устали жаловался на то, что Убежище слишком велико и совершенно бесполезно как защитное укрепление в борьбе с бандами из Геттлсенда.

— Это же просто тюрьма, тюрьма! — восклицал он, шагая по тропе, ведущей к единственному входу в Убежище — двойным темным металлическим дверям. — Да, конечно, никто не сможет в нее ворваться, но случись что — и

осажденные окажутся просто в западне! Вот разве что там есть где-нибудь тайный выход... а? Туннель для вылазок или потайная дверца?

Его голубые глаза при этих словах вспыхнули надеждой. Он из тех людей, что обожают разные секреты, подумал Ледяной Сокол, лежавший в высокой траве рядом с ручьем. Ну, лично он, Сокол, не доверил бы даже самую безобидную тайну этому Альвиру, который, похоже, считает, что правила жизни обычных людей к нему не относятся, поскольку он — чересчур важный лорд из родовитого семейства.

— Насколько мне известно, ничего такого там нет, — спокойно ответил Элдор, продолжая осматривать прилегающие к твердыне земли.

Элдор выглядел лет на тридцать пять, он был таким же высоким, как Альвир, то есть даже немного повыше самого Ледяного Сокола, который в семнадцать лет еще не перестал расти. Элдор подрезал свои каштановые волосы на уровне плеч, по моде цивилизованных людей, и казался с виду не очень сильным. Иногда он тренировался вместе с воинами, то с теми, что носили черное, то с теми, что одевались в красное.

Наблюдая за ними при свете костров и факелов, освещавшими весь западный фасад Убежища и делавшими воинов отличными мишенями, или в сумерках, перед наступлением полной темноты, Ледяной Сокол с одобрением отмечал: тренировки здесь ведутся всерьез. Маленький лысый мужчина, ответственный за обучение, постоянно поправлял воинов, объяснял им то одно, то другое, отчаянно ругался, — как будто воины были глупыми детьми, едва научившимися молотить друг друга дубинками. Иногда он заставлял их маршировать, тяжело нагрузившись оружием.

Ледяной Сокол без труда понял, что эти упражнения направлены на то, чтобы уве-

личить физическую силу и выносливость воинов, а также научить их передвигаться как можно быстрее.

В его клане такой метод никогда не применялся, но Соколу он понравился. Каждый вечер он приходил к черным стенам — после того, как заканчивались работы на полях, и нелепые патрули возвращались, — и часами наблюдал за воинами. А на своей стоянке он занимался разными делами. Сначала укоротил собственный меч до такой же длины, какую имели мечи воинов Убежища, переделал рукоять, чтобы ее удобно было держать двумя руками, сбалансировал его... Да, это совсем не похоже на мечи, к которым привыкли на равнине. Подобный меч требует других приемов боя. Ледяной Сокол тренировался по ночам, повторяя и отрабатывая как следует все, что видел вечером, ведя бой с тенями.

А потом он снова возвращался к Убежищу и прислушивался. Именно тогда он впервые услышал музыку этих людей, арфу и волынку, и это было совсем непохоже на простые звуки тростниковых свирелей, на которых играло его племя, — здешняя музыка была сложной, прекрасной и абсолютно бесполезной.

И еще обитатели долины вечно рассказывали истории о доблести, о жестокости, о любви, и Ледяной Сокол далеко не сразу понял, что все это чистые выдумки, что ничего такого на самом деле никогда не случалось.

Позже он узнал, что это считается особым видом искусства (и в народе Джил оно тоже явно было в почете), — сочинять всю эту ерунду так, чтобы она казалась чистой правдой. Сказки цивилизованных людей были так же прекрасны, как их музыка. Они зачаровывали Ледяного Сокола, но он постоянно напоминал себе, что в них нет никакой пользы.

А потом, однажды, поздним вечером, Ледяной Сокол вернулся на свою стоянку — и обнаружил, что Ветер и Маленький Танцор исчезли.

Элдор не стал уводить всех трех лошадей, как поступил бы враг, и это лишь сильнее разозлило Сокола. Ему как будто сказали: «Надо полагать, лошадка тебе понадобится». Но Элдор оставил Ледяному Соколу Гнедую, худшую из трех, — и это выглядело как небрежный подзатыльник, который взрослые отвешивают докучливому мальчишке. И при этом Ледяной Сокол знал, что увел лошадей именно Элдор. Пока Сокол этим вечером наблюдал за парными боями, лорд пришел сюда... в этом Сокол разобрался утром, изучив следы.

Да, он нашел следы, но это оказалось нелегко. Тот человек знал, как их скрыть. В общем получалось, что Элдор отвлек внимание Ледяного Сокола большими поисковыми отрядами, а сам тем временем обнаружил его стоянку в одиночку.

Ледяной Сокол предположил, что его теперь будут поджидать у конского загона, считая, что он попытается увести хотя бы Маленького Танцора. Это следовало из того, что Танцор и Ветер постоянно находились в самом центре табуна. И стражников возле Убежища стало больше. Поэтому Сокол выжидал и наблюдал. И дождался, когда однажды вечером Элдор поскакал куда-то один, верхом на Ветре; Сокол уже заметил, что этот крупный черный жеребец был одним из любимцев Элдора. Сокол последовал за ним через луг к холму за Убежищем — и пустил стрелу ему в спину.

* * *

Ледяной Сокол снова улыбнулся, вспоминая все это, и принялся разбивать лагерь

в небольшой лощинке рядом с дорогой, ведущей на запад.

Разумеется, Элдор был в броне, изготовленной из стальных пластинок, оплетенных тростником, и усиленной чарами прочности, долговечности и отклонения стрел. Если бы не сумерки, что заполнили долину голубыми тенями, превратив ее в подобие озера чистой темной воды, Ледяной Сокол заметил бы, что плащ сидит на Элдоре как-то неловко. Возможно, он удивился бы, зачем бы тому среди летнего дня потребовалось надевать плащ. А еще Элдор прихватил с собой свиной пузырь, наполненный кровью, и раздавил его, падая со спины Ветра, так что Ледяной Сокол почувствовал запах крови из своего укрытия за деревьями. И Сокол просто подумал, что ему не повезло, и всадник упал с коня, зацепившись за поводья, так что животное не могло уйти далеко. А потом, когда Сокол подошел совсем близко и наклонился, «труп» внезапно ожил и одной рукой схватил Сокола за горло, а другой приставил к горлу нож. С тех пор Ледяной Сокол больше не верил в невезение.

— Альвир думает, что ты разведчик какой-то шайки, — сказал Элдор, лежа на земле и не ослабляя хватки. — Но ты тут один, не правда ли?

Ледяной Сокол промолчал. Он решил, что если ему суждено наконец умереть, то такая смерть все же лучше, чем та, что ожидала его, останься он в землях своего клана; но собственная глупость наполнила его гневом.

— Я слышал, твой клан не связывается с разбойниками.

Сокол продолжал молчать. Конечно, это было правдой. Никто из людей Истинного Мира не видел пользы в грабежах и не желал обладать теми вещами, которых столь страстно жела-

ли разбойники. Но это не значило, что он должен говорить о своем племени с врагом.

— Я не хочу убивать тебя, — продолжил Элдор, хотя и не подумал отводить нож в сторону. — Это значило бы дать пропасть хорошему воину, а мне нужны хорошие воины. Я видел тренировочные столбы, которые ты установил возле своего лагеря. Ты повторял там то, чему Гнифт в последнее время обучал стражников. Ты бы хотел учиться вместе с ними?

Ледяной Сокол обдумал его слова и напомнил:

— Я твой враг.

Элдор внезапно отпустил Сокола и мгновенно вскочил на ноги. Он даже успел отойти на приличное расстояние, пока его противник поднимался с земли.

— Почему? — спросил лорд.

Ледяной Сокол подумал о тех причинах, по которым он был вынужден уйти от клана Говорящих со Звездами, и о том, что он совершил, и о том, что пути назад для него не было. И понял, что не может ответить на вопрос Элдора.

* * *

Ледяной Сокол выпил немного воды и устроился на плотной подстилке восковницы, росшей на дне лощинки.

Над равниной царила тишина. Сокол прислушивался, распознавая далекий лай койотов и еще более далекие голоса волков, доносившиеся до него сквозь тихий шорох постоянного ветра. Он улавливал запах пыли и пробивающейся сквозь землю колючей травы.

Это был мир его детства, напоминавший о себе из темноты былого запахами и звуками.

Он был дома.

Ледяной Сокол ничуть не удивился, узнав, что человек, не побоявшийся рискнуть встретиться с предполагаемым разведчиком бандитов, на самом деле — король Дарвета. Даже когда он узнал о размерах этой страны и о богатстве и сложности мира, которым правил Элдор, он не удивился его поступку.

Потому что это было вполне типично для Элдора.

Элдор оставался в долине Ренвет еще неделю, с людьми, которых он прислал сюда, чтобы восстановить гарнизон и запасы Убежища, — оставался специально для того, чтобы позаниматься с Ледяным Соколом, познакомиться с ним как следует, испытать его, как настоящий военачальник испытывает воина, которого хочет сделать своим соратником и союзником. Ледяному Соколу не раз приходилось обучать коршунов. Он понимал суть действий Элдора.

Он никогда не испытывал к королю того благоговения, какое чувствовали к нему другие стражники, и не замирал бездыханно перед его великолепием. Но он знал, что этому человеку можно доверять и что он достоин уважения, как никто другой. И потому был доволен, став стражником.

Четыре года Ледяной Сокол прожил в Гае, постоянно тренируясь вместе с другими стражниками. Он сменил одежду из волчьих шкур и шерсти мамонта на мундир, сшитый из тонкой шерстяной ткани. Мундир был черным, с эмблемой в виде белого четырехлистника. Ледяной Сокол носил теперь башмаки на жесткой подошве, как настоящий цивилизованный человек (хотя эти башмаки были куда менее удобными, чем мокасины, да к тому же оставляли слишком заметные следы). Когда на следующий год у него начала расти борода, он начал бриться, как это делали цивилизованные люди, но так и не обрезал во-

лосы. Он научился пользоваться длинным мечом и сражаться не в одиночку, а бок о бок с товарищами.

В Гае он встретился с Ингольдом, старым наставником Элдора, слегка сумасшедшим и — как быстро выяснил Ледяной Сокол — безусловно лучшим фехтовалищиком во всем западном мире. Сначала Сокол увидел, как Ингольд ведет учебный бой с Гнифтом, и принял его за обычного старого мастера, довольно жалкого с виду, но удачливого. Именно так тот и выглядел. После того, как Ингольд наголову разбил в бою Сокола, они много раз разговаривали о звериных следах, о привычках пчел, о том, где какая растет трава...

А что касается боя на мечах... Даже просто посмотреть, как король сражается с Мудрейшим, было уроком из уроков. И еще время от времени Ледяной Сокол видел в запутанных переходах дворца сестру Альвира, хорошенькую тихую девочку-подростка, которая зачитывалась стихами, никогда ни на шаг не отходила от воспитательницы и ни слова не произносила без разрешения. Через три года после прибытия Сокола в Гай она вышла замуж за Элдора, к выгоде обоих семейств. У них родился сын по имени Тир.

Но, хотя никто и не догадывался тогда об этом, время цивилизации истекало — подобно тому, как капля за каплей сочится вода из треснувшего кувшина.

И как раз в те же самые годы Ледяной Сокол познакомился с Бектисом, который был куда более заметен при дворе, нежели Ингольд. Последний то и дело куда-то уезжал, но у Бектиса были свои комнаты во дворце, расположенном в районе, который горожане называли Водяным парком — тут было не так людно и дымно, как в других частях города (Ледяному Соколу понадобился не один год, чтобы привыкнуть к

этой вони). Бектис видел в своем магическом кристалле прошлое и будущее и благодаря своей магии узнавал о том, что происходило вдали. И еще он обеспечивал хорошую погоду во время различных праздников и давал Альвиру советы относительно маршрутов плавания кораблей и дней их выхода в море.

Шаманы клана Ледяного Сокола тоже умели управлять погодой. Они могли отвести самый страшный шторм в сторону от зимней стоянки и конских табунов, но все знали: это дело очень опасное. Кроме того, изменение погоды могло выдать врагу местоположение лагеря.

Альвир и Бектис называли Ледяного Сокола «домашним варваром лорда Элдора» и подшучивали над тем, что, с точки зрения Сокола, было всего лишь логичным: например, всегда иметь при себе оружие и запас продовольствия на сутки, держаться в углу и никогда не засиживаться в помещениях, из которых нельзя выскочить в любое мгновение. Его ничуть не обижали их насмешки. Подобными шутками эти двое просто сообщали Соколу, что они — глупцы, как и большинство грязекопателей, которые все были если не дураками, то сумасшедшими.

И большинство из них погибли, когда явились дарки.

* * *

Ветер неустанно дул над землей, холодный и резкий. Сквозь облачный покров, затягивавший небо почти каждую ночь, ущербная луна выглядела бледным комом, запутавшимся в шерстяных прядях. Ледяному Соколу понадобился почти год, чтобы отделить инстинктивный страх перед сумерками, родившийся во всех, кто прошел через Время Тьмы, от разумной осторожно-

сти, которая была свойственна ему прежде. И теперь он прислушивался, определяя источники звуков и запахов, отмечая аромат зелени и воды, долетавший с северо-запада через поля сланча... Эти запахи означали, что завтра Ледяной Сокол сможет поохотиться. Но он не забывал и о том, что возле воды могут оказаться опасные хищники. Нечто маленькое и слегка светящееся, похожее на голову на двух тонких ножках, пробежало по краю лощинки. Большинство тварей, рожденных сланчем, светились в темноте... Пронеслась мимо ночная птица, охотящаяся за мошкарой.

Тир был где-то там, в лагере, с Бектисом, Хетьей и тремя абсолютно одинаковыми воинами.

Сын Элдора.

Элдор не был родней предкам Ледяного Сокола. По меркам клана Говорящих со Звездами, его следовало бы рассматривать как врага. Но он не был врагом. И он был единственным человеком в Гае — единственным в новой жизни Ледяного Сокола, единственным за четыре года его пребывания среди цивилизованных людей, — с которым Сокол говорил о том, почему он ушел от своего народа и почему не может вернуться назад.

Да, он не был врагом. Но как его следует называть — этого Ледяной Сокол не знал.

* * *

Кругом были дарки.

Тир заставил себя открыть глаза, он принудил себя посмотреть в темноту по другую сторону лагерного костра, который показался ему маленьким и жалким. Он велел себе всмотреться в ночь.

На самом деле их там нет.

По правде говоря, Тир никогда не видел дарков. И сам он ничего о них не помнил — ма-

 ма рассказывала ему, что они ушли, когда он

был еще совсем маленьким. Но иногда они являлись ему в ночных кошмарах, бесформенные, выжидающие, шевелящиеся в тенях, испускающие особый запах... Тир пугался, когда чуял что-нибудь хотя бы отдаленно похожее. А похожим был запах состава, которым женщины в Убежище чистили одежду.

Но сейчас он их видел. Его память наполнилась воспоминаниями, как будто на ум ему пришло нечто, случившееся лишь вчера: облака тьмы, закрывшие луну, внезапно сорвавшийся ветер, который, казалось, налетел сразу со всех сторон, принеся неестественный влажный холод, вонь крови и аммиака... На другом берегу ручья, бежавшего по неглубокой выемке... вода бурлила и поблескивала в свете факелов... да, именно там он видел, как они растекаются по плоской равнине, словно весенние воды, заливая траву... Его сердце похолодело от ужаса, потому что он знал: от них не убежать...

На самом деле их там нет.

Он снова посмотрел в темноту — но темнота молчала и была неподвижной.

Воспоминания отступили. Тир ослабел от потрясения и облегчения.

— Бога ради, Бектис, — сказала Хетья, — дай ты бедному щенку поесть.

Она стояла в круге света костра. На ее темных волосах играли бронзовые блики, красные губы раздраженно дрогнули.

Бектис сказал:

— Я не намерен рисковать. Мальчишка может сбежать.

Он полировал кусочком замши тот аппарат, что носил на правой руке; это была очень сложная конструкция из золота и кристаллов, закрепленная на запястье и прикрывавшая тыльную сторону ладони и часть пальцев. Ка-

кие-то пластинки и утолщения, переливающиеся вспышками света... Бектис полировал странный браслет старательно, сосредоточенно. После замши он взял обрывок кожи, потом — одну из тех упругих кистей, которые он носил в сумке. Как будто колдун боялся, что одна-единственная капля жира, упавшая на браслет во время обеда, уменьшит его смертоносную силу.

Он убил этим браслетом Руди.

Тир закрыл глаза.

Он убил Руди.

Зажмурившись, Тир мог отчетливо видеть своего друга, друга своей матери, того человека, который был ему единственным настоящим отцом, ибо другого он не знал...

...Он вскинул руку. Полумесяц на его посохе, повернутый рожками вверх, выбрасывал молнии, освещавшие лицо... Он пустил в ход всю свою магическую силу, чтобы спасти его, Тира, чтобы увести его от этих людей, который каким-то способом заставили его думать, будто Руди здесь, рядом с ним, что он идет с ними через перевал и постоянно повторяет, что все в порядке...

Тир видел, как фальшивый Руди вдруг растаял и превратился в темнокожего лысого человека, которого мальчик никогда прежде не видел, точно такого же, как двоих черных воинов, что вышли из леса и зашагали вместе с ними к перевалу. Он до сих пор чувствовал на своем теле их руки — они схватили его, когда он попытался спрыгнуть с осла и убежать.

А потом Руди появился неподалеку вместе с Джил и Ледяным Соколом.

Молнии осветили их, стоявших среди скал и метели, среди непроницаемых черных теней перевала... Руди отступал, он метался из стороны в сторону, пытаясь уйти от молний, которые швырял в него Бектис. Он вскидывал вверх

посох, отвечая огнем на огонь и выкрикивая Слова Силы...

Но потом молния попала прямо в него. И он упал.

Тир изо всех сил стиснул зубы, чтобы удержаться от слез.

— А ну-ка, малыш...

Он услышал шорох одежды Хетьи — она снова переоделась в штаны, мужскую рубаху и куртку. Мальчик почувствовал ее запах — более плотный и сладкий, чем запах мужчины. И еще он почуял аромат жареного мяса и картофеля, которые она принесла ему в тыквенной миске. Тир открыл глаза.

— Пожалуйста, развяжи меня, — прошептал он и немного пошевелил руками, стянутыми сыромятным ремнем, пытаясь ослабить боль. Жесткий ремень натер за день кожу, и малейшее прикосновение жгло как огнем.

— Прости, дорогой, не могу. — Хетья взяла из миски кусочек заранее порезанного мяса. — Его высочество и его могущество, похоже, думает, что ты можешь сбежать, и что тогда будет с нами? — Она помахала мясом в воздухе, чтобы остудить его. От него поднимался пар, белый в свете костра.

— Пожалуйста... — Тир старался изо всех сил, чтобы страх не прозвучал в его голосе, но в глубине рассудка царапался панический ужас. *Дарки идут...* Чародеи в их лагере зажгли огни, выставили вокруг нечто похожее на камни и серые комья шерсти — железо и свет... Языки пламени поднимаются вверх колоннами, лица чародеев освещены, на их бритых головах отчетливо видны линии татуировок, а в глазах таится страх... Воины его отца вооружились мечами и мечущими огонь аппаратами, а потом одного из чародеев захватили упругие щупальца, и

когда отпустили — от него осталась лишь кучка перепачканных кровью дымящихся костей...

Это всего лишь воспоминание. Это случилось тысячи лет назад. Дарки не вернутся...

Хетья хмыкнула, оглянулась на Бектиса и, схватив Тира за плечи, рывком развязала узел его пут.

У мальчика искры полетели из глаз от боли, а холодный воздух, коснувшийся натертой кожи, обжег раны.

Хетья повернула его лицом к себе.

— Это только на то время, пока ты поешь, имей в виду, — сказала она.

Тир едва слышно прошептал:

— Спасибо.

— И не спеши, детка.

Бектис встал и, обойдя костер, подошел к Хетье, усевшейся перед Тиром скрестив ноги. Мальчик склонился над миской, стоявшей перед ним на земле. При приближении Бектиса Тир и Хетья разом поднялись.

— Я не убегу. Я просто... — Тир не договорил. Он не мог сказать этому высокому бородатому человеку, как сильно он его боится, что он не чувствует своих рук, что он просто не в силах убежать туда, в ночь, где его поджидают дарки, в бесконечные тоннели собственных воспоминаний...

Бектис негромко ответил:

— Вижу, что не убежишь.

Жесты его рук были мягкими, выразительными, — как у Джингума из Убежища, который до прихода дарков был актером в Пенамбре. Эти руки словно объяли бесконечную и бесформенную прерию, поглощенную ночью.

В ночи сверкали золотистые глаза. Туман, ползущий по земле, слился с тенями. Что-то там шевелилось.

Сердце Тира остановилось на мгновение.

— Ты ведь знаешь, кто я такой, верно, дитя? — пробормотал Бектис. — Ты знаешь, что я умею. Мне известны тайные имена волков; я могу созвать сюда смилодонтов, подняв их из берлог, и тех чудовищных птиц, что гнездятся в скалах. Они явятся по моему слову.

Но лагерь уже и так был окружен; огромные бесформенные тени шевелились за пределами круга, освещенного костром. Тут и там поблескивали когти длиной в добрый фут. Тир снова в отчаянии посмотрел на жалкий комок огня, возле которого сидели на корточках три черных воина; они всматривались в темноту, и в их серебристо-серых глазах читалась тревога.

Хетья обняла мальчика за плечи, прижала к своему бедру.

— Хватит пугать ребенка, ты, чертов бездушный хищник. — Она утешающе погладила Тира по голове. — Не беспокойся, малыш.

Бектис молча уставился на нее, и после некоторого колебания Хетья добавила:

— Просто оставайся на освещенном месте, и все будет в порядке.

Тир перевел взгляд на лицо Бектиса, взглянул в холодные темные глаза мага — и его желудок сжался от страха. *А там, по другую сторону костра, начинается темная бесконечность. Они ждут его...* Против собственной воли Тир отчаянно цеплялся за руку женщины... Да, она украла его, утащила из дома, она была частью злобного замысла Бектиса... но больше ему не за кого было уцепиться.

Хетья добавила чуть громче:

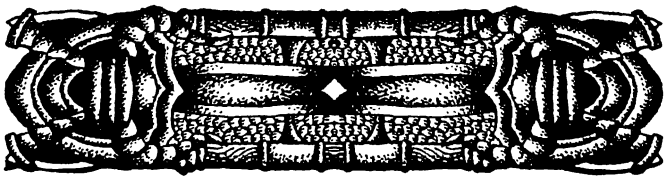
— Он великий колдун, он может удерживать всех этих тварей на расстоянии, малыш. Они не подойдут к нашему лагерю, они не могут приблизиться, ты же видишь. Ну, идем. — Она повела Тира к костру, усадила напротив того

места, которое выбрал для себя Бектис. — Давай-ка, поешь немного, а потом ляг и поспи. У тебя был трудный день, чего уж тут.

Она старалась быть доброй, так что Тир не произнес ни слова и постарался съесть немного мяса и картофеля, которые она предложила ему. Но от страха у него так болел живот, что он чуть не подавился, и в конце концов покачал головой, отказываясь от еды. Когда он улегся на одеяло рядом с Хетьей, неподалеку от бдящих воинов, он все еще слышал тяжелое движение огромных тел, скользящих по траве, он слышал их дыхание. И чувствовал запах, смешанный с запахом земли и дождя, и молодой весенней травы, — отвратительную вонь мерзкой плоти.

Ручей, бегущий по ложбинке, весело звенел. Тир боялся грядущего сна, в котором перед ним снова и снова будет повторяться смерть Руди, сбитого с ног молнией... Руди все падал и падал в черноту. Бесконечно длящееся падение с обожженной скалы... и в эти картины вмешивалось видение еще более глубокой тьмы, накрывавшей огни колдуна, накрывавшей всех их...

Потом он проснулся, задыхаясь от ужаса, — и услышал далекий гром и ровный гул степного ветра.

Глава пятая

На третий день после того, как они миновали перевал Сарда, на Бектиса и его отряд напали разведчики клана Пустых Озер.

Ледяного Сокола это ничуть не удивило. Он всегда считал, что ума у клана Пустых Озер не больше, чем у обычной степной собаки.

Он догнал Бектиса к полудню второго дня, хотя чародей об этом и не догадывался. Иной раз Сокол обходил отряд с севера, иной раз с юга, пользуясь множеством оврагов и лощин, прорезавших землю, или прячась за низким можжевельником, что торчал над травой.

Он видел, что три черные воина несли тяжелые тюки. Там были одеяла и провизия на много дней. Это было плохо, учитывая то, что сам Сокол не мог добывать себе пищу по мере надобности. Когда колдун остановился на дневной привал, Ледяной Сокол подумал было, что неплохо бы украсть кое-что из их припасов, но тут же отверг эту идею.

Как и у большинства воинов Истинного Мира, у Ледяного Сокола имелся при себе талисман, дававший ему некоторую защиту против иллюзий Мудрейших. Кроме того, он позволял самому Соколу кое-что предвидеть. Но такие амулеты не могли заключать в себе силу, превышающую могущество шаманов, которые их изготовляли. Сокол подозревал, что Бектису не составит труда рассмотреть что угодно сквозь столь

слабые чары. Даже если бы Соколу удалось проскользнуть мимо чернокожих, Бектис мог бросить магический взгляд на окрестности лагеря, и тот факт, что вор прячется столь старательно, сразу насторожил бы его... ну, а когда в отряде есть Мудрейший — кто знает, чем все это обернется.

Так что Сокол смешал свои жалкие запасы мяса и рыбы с корнями прошлогоднего подорожника и рогоза, но даже и это потребовало изрядного времени. Он уже чувствовал, как голод грызет его изнутри.

К закату второго дня отряд Бектиса сошел с дороги и повернул на север, к Бизоньему холму — небольшому возвышению посреди прерии, поросшему бузиной и тополями. С незапамятных времен возле этого холма путешественники устраивали привалы, и бандиты всегда знали, где им искать путников. Ледяной Сокол заметил оленя, жевавшего траву. И еще с равнины под укрытие деревьев метнулась антилопа.

Ледяной Сокол подобрался к холму напрямую, через канавки, в которых текли ручьи, через пыльные пятна среди травы, говорившие о том, что тут устраивали ночевку бизоны. При этом он думал о том, что нужно обязательно сказать Янусу о необходимости сменить традиционную черную одежду стражников на форму цвета земли и травы. Сквозь густую стену дикого винограда Сокол наблюдал за тем, как Хетья и один из черных воинов («клоны» — так называла их Джил; видимо, в ее прежнем мире подобные совершенно одинаковые люди обозначались именно этим словом) разгрузили осла, а Бектис тем временем разжег костер на опушке рощи.

Только полный идиот или Мудрейший стал бы разжигать огонь в таком месте, где их мог заметить кто угодно. Ведь и Ледяной Сокол видел их, словно на ладони. Но, наверное, в

том и состоят преимущества магии, подумал Сокол, что можно погреться у костра, не тревожась о бандитах, которые таятся в лесу на холме. И все равно любой из клана Говорящих со Звездами устроил бы стоянку в стороне от холма, чтобы просматривать равнину во всех направлениях. Соплеменники Ледяного Сокола поступили бы так в любом случае — даже если бы рядом был Мудрейший.

Ведь нельзя же сказать с уверенностью, что в другом отряде не найдется точно такого же Мудрейшего!

— Я помогу тебе, — сказал Тир, когда Хетья ссадила его со спины осла. — Обещаю, я не убегу.

Мальчик говорил ровным тоном, однако Ледяной Сокол уловил в его голосе оттенок дружелюбия, и понял, что в предыдущие полтора дня женщина обращалась с Тиром хорошо. У нее и лицо не было жестоким. Она мимоходом похлопала Тира по плечу. Ледяной Сокол отметил, что женщина и мальчик держатся довольно близко друг к другу, и сделал вывод, что Хетья привыкла к ребенку, что он ей нравится.

Потом она оглянулась на Бектиса, указывавшего воинам, где именно следует расстелить одеяла. Сокол подобрался к отряду так близко, как только мог, — между ним и их стоянкой оставалось менее сотни футов. С настороженным интересом он рассматривал то неведомое оружие, что было надето на руку колдуна, — все сплошь из золота и кристаллов. Второй предмет такого же типа висел на шее Бектиса, но, поскольку высокий воротник доходил почти до скул колдуна, Сокол видел эту вторую вещь лишь мельком, когда чародей сбросил с головы меховой капюшон плаща и попытался немного распутать бороду.

— Пожалуй, не стоит, малыш, — ответила Хетья Тиру так тихо, что Сокол мог лишь

угадать часть слов. — Но все равно спасибо. — Она взъерошила волосы мальчика. — Посиди немного вон там, под деревом. Мы скоро будем ужинать, и я тебя развяжу. Ты устал?

Тир покачал головой, хотя выглядел он, конечно, измученным до предела. Он пошел за женщиной. Его руки были все так же связаны за спиной. Ледяной Сокол заметил, что запястья Тира перевязаны под сыромятным ремнем. Женщина достала из багажа кухонные горшки.

— А Оале Найу — она просто рассказывает тебе о чем хочет? — спросил Тир, пока Хетья занималась своим делом. — Или ты видишь что-то, ощущаешь запахи... вспоминаешь? Или, может, тебе кажется, что ты вспоминаешь, только ты не знаешь, что это такое?

— Что именно, малыш? Эй, Акула! — окликнула она, и один из трех черных воинов обернулся. — Кому-то из вас придется принести мне воды из ручья, хорошо?

Один из них насмешливо уставился на нее — ведь мужчины в Алкетче не привыкли слышать приказания от женщин. Однако Бектис рявкнул: «Делайте, что говорят!», и все трое тут же принялись искать кожаные ведра. Наблюдая за их бессмысленными движениями, Ледяной Сокол подумал, что ни один из этих троих, пожалуй, умом не отличается.

Мальчик продолжал расспрашивать Хетью:

— Запах, например, вроде вон того...

Тир кивком указал на зеленое пространство, расстилавшееся за купой берез. Огромные пятна сланча остались позади. Земля здесь выглядела так, как выглядела она со дня возникновения мира: высокая трава, по-весеннему яркая, разросшиеся тут и там кусты щетинника, темные линии деревьев, отмечающие берега ручьев, пробегающих в глубоких оврагах...

— Оно пахнет странно... Один из тех других людей был тут однажды. — «Теми, другими людьми» мальчик называл предков, чьи воспоминания о далеких днях он видел. — Только тогда, я думаю, была зима, — тихо продолжил он. — Все было коричневым. Оале Найу была здесь?

— Была. — Хетья присела на корточки, ее голос снова изменился, став низким и глубоким. Она медленно произнесла: — Я была здесь. Нас было двенадцать, мы спускались по склону горы Антир. Маги окружили наш лагерь кольцом огня, чтобы удержать дарков...

Тир нахмурился. Даже с такого расстояния Ледяной Сокол видел, как напряглись плечи мальчика, как при воспоминании о далеком прошлом застыло маленькое тело.

— Он здесь был со своим папой, — сказал Тир так тихо, что Сокол с трудом разобрал слова. — Его папа знал путь. Та дорога была их путем, на север к горам, мимо невысоких холмов.

Двое воинов вернулись с водой; Бектис тут же дал им четкие указания относительно того, как следует охранять лагерь. Он говорил вещи настолько очевидные, что Сокол в очередной раз подивился глупости черных. Ледяной Сокол скользнул назад под деревья, тщательно уничтожая собственные следы, и как змея прополз на животе через травянистый лужок к бизоньей тропе, которую еще несколько дней назад заметил к югу от дороги. Люди из клана Пустых Озер, следы которых Сокол дважды видел на равнине за эти дни, вероятно, подойдут к холму утром.

Они и пришли.

Клан Пустых Озер не нападал почти до полудня, однако Ледяной Сокол прекрасно знал, где прячутся эти люди: в русле пересохшего ручья к северо-западу от него. Там с деревьев сорвались и улетели вороны и горихвостки.

Грабители выжидали, рассчитывая, что отряд колдуна скоро уложит вещи и тронется в дальнейший путь.

Когда же вместо того, чтобы укладываться, путники набрали побольше дров и воды, как будто собирались остаться на этом месте на целый день, люди из клана Пустых Озер решили напасть сразу, не понаблюдав за отрядом из ближайшей рощи. Если бы они это сделали, они бы поняли, что среди путников находится Мудрейший, и это могло бы остановить их.

А могло и не остановить. В конце концов, это ведь были люди из клана Пустых Озер.

Как бы то ни было, они атаковали отряд. Со вполне предсказуемым результатом. Ледяной Сокол слышал крики со стороны холма, и визг Хетьи. Эта женщина, похоже, верещала при каждом удобном случае. Потом из-за холма выскочил мужчина и помчался на восток; оленья куртка на нем пылала. Он почти сразу повалился в высокую траву. Воительница на полном скаку вылетела из рощи — и тут же ее мышастая кобыла встала на дыбы и попятилась, испуганная чем-то, чего Сокол не видел.

Иллюзия. На уздечке кобылы был прикреплен амулет против подобных чар, но, похоже, Бектис оказался посильнее того, кто сделал этот амулет. А может, дело в том, что дарки систематически истребляли магов, так что амулет мог оказаться просто очень старым, изжившим свою силу. Один из черных выскочил из-за деревьев и схватил женщину, стащив ее с лошади. Воительница закричала от ужаса и боли, и рубанула клинком воздух (снова иллюзия), а черный как раз в это мгновение вонзил свой меч ей в грудь. Женщина упала, заливаясь кровью. Сторожевой пес выскочил из-за деревьев — его шкура пылала, пес завывал...

В роще метались тени, они то носились по кругу, то нападали на помятые кусты подлеска, срубали лозы дикого винограда и змеевика. Слышался визгливый лай испуганных собак. То тут, то там вспыхивал огонь — а может быть, это была лишь иллюзия огня.

Тир поступил весьма разумно, мгновенно вскарабкавшись на дерево. Ледяной Сокол видел ярко-голубые рукава курточки мальчика на толстой ветви тополя, под которым Бектис накануне вечером разжигал костер. Сокол порадовался тому, что кто-то — наверное, та женщина, Хетья, — развязал мальчику руки, и понадеялся, что никто из клана Пустых Озер не остался в засаде в сухом русле ручья, которое находилось всего лишь на расстоянии полета стрелы от холма. Впрочем, мальчик, похоже, понимал, что пытаться сбежать от Бектиса означает понапрасну терять время.

Выжидай благоприятного момента, сын Элдора. Жди своего шанса.

Койот, который умеет ждать, съест плоть саблезубого, очертя голову бросившегося в драку.

Атака была отбита так быстро, что тени на земле едва успели укоротиться на пядь. Близился полдень.

Ледяной Сокол наблюдал за тем, как три черных воина погрузили тела убитых на лошадей, оставшихся в роще, повезли их к сухому руслу и сбросили туда. Потом вернулись в лагерь, стреножили доставшихся им животных и отправились за водой, чтобы приготовить еду.

Вот и отлично, подумал Ледяной Сокол. Теперь и он наконец мог поесть.

Он пополз сквозь высокую траву, машинально отметив, что дождей тут выпало маловато, так что к концу лета едва ли придется ждать большого приплода у скота. Ледяной Сокол направлялся к краю сухого русла, глубина которого

достигала двадцати футов. Да, не так уж много лет назад по дну этого оврага бежал полноводный ручей. А теперь между серыми и белыми камнями сочилась едва заметная струйка, а осока и рогоз на берегах выглядели просто жалкими. И только на самом дне оврага растительность была чуть более пышной, чем в степи вокруг. Вниз по склону оврага уже начала спускаться молодая поросль — тополя и молодые сосенки. В траве, словно маленькие самоцветы, пестрели цветки медуницы, блошницы и маргариток.

Полдюжины тел валялись внизу, посреди зарослей колючей вишни. Сюда же черные сбросили и собак — большеголовых, широкоплечих воинственных псов клана Пустых Озер. Ледяной Сокол внимательно осмотрелся по сторонам, потом спустился вдоль по оврагу на сотню футов и еще раз проверил все кругом. Птицы уже начали слетаться на мертвечину.

Спугнутые вороны расселись на ветвях молодых тополька над трупами и на краю сухого русла.

В отряде налетчиков было шесть человек. Пятеро теперь лежали в овраге. Кожа у всех была светлой, как это свойственно людям Истинного Мира, но загоревшей до бронзового оттенка. Волосы — цвета воска, бледно-желтые, или светлые, как бархатцы, — были заплетены в косы и потемнели от крови. У четверых были страшные колотые раны; один обожжен молнией. Шестым должен был быть тот человек, что выбежал из рощи в горящей одежде; он упал где-то в траве.

Ледяной Сокол еще какое-то время выжидал и прислушивался, а потом приблизился к убитым и позаимствовал у них кое-что из одежды — штаны, рубаху, куртку, перчатки и шапку из волчьих шкур — такие, цвет которых сливался бы с цветами прерии. Он быстро переоделся и

спрятал черный мундир в нору выхухоли в стене оврага, присыпав вход землей и разровняв так, чтобы не осталось никаких следов. Оружие и доспехи он сохранил свои, и обувь ему тоже пришлось оставить прежнюю, — у убитых оказался неподходящий размер ноги. Впрочем, для долгой погони башмаки подходили даже лучше, поскольку были крепче мокасин.

Сокол собрал всю еду, какая нашлась у убитых, — типичный запас разведчиков, состоявший из пеммикана, длинных ломтей вяленой оленины, кедровые орехи и бизоний и барсучий жир, подслащенный кленовым сахаром. Ледяной Сокол снял оленьи сумки и кисеты, висевшие на его плечах и поясе. Он работал быстро, краем глаза приглядывая за птицами наверху.

К немалому удивлению Сокола, он узнал человека, быстро спустившегося на дно оврага, к мертвецам. Тот проявлял куда меньше осторожности, чем счел бы необходимым Ледяной Сокол, но чего же еще ожидать от человека из клана Пустых Озер?

Это был Потерявший Путь.

Потерявший Путь был вождем и одним из наиболее известных воинов в клане Пустых Озер. Это он наградил Ледяного Сокола шрамом на левом боку — во время конного налета в Лето Двух Белых Мамонтов. Тогда он был еще младшим вождем. Впоследствии Ледяной Сокол еще дважды встречался с ним, — один раз в битве за летние охотничьи территории, и второй раз — в учебном бою. Если бы Ледяной Сокол не ушел из клана Говорящих со Звездами, они бы, наверное, столкнулись еще не раз. Потерявший Путь был крупным мужчиной, почти на десять лет старше Сокола, с широкими плечами и рыжеватыми усами, заплетенными в длинные косички, свисавшие ниже подбородка. Косы на его голо-

ве украшали костяшки пальцев более десятка врагов.

Сейчас Потерявший Путь двигался с трудом, и Ледяной Сокол видел красные пятна ожогов на его спине.

Когда Потерявший Путь увидел, что тела погибших уже кто-то трогал, он быстро огляделся по сторонам, и в его руке тут же очутился короткий меч.

Без труда сообразив, к чему может привести излишний шум, Ледяной Сокол дважды свистнул, подражая танагре. Эти птицы во множестве водились в дубовых лесах на берегах Десяти Грязных Рек, где первоначально обитал клан Пустых Озер, но никогда не залетали на равнину. Потерявший Путь обернулся, и Ледяной Сокол вышел из укрытия и быстро приблизился к трупам.

— Я — враг людей, сделавших это, — сказал он, как только очутился настолько близко к Потерявшему Путь, что можно было говорить почти шепотом. — И я тут один.

Потерявший Путь всмотрелся в него, и в его синих глазах, потемневших от боли, Сокол увидел глубокое горе.

— Ледяной Сокол... — Он произнес это имя так, как оно звучало на языке клана Пустых Озер: «Кшниа». Похоже, он был ошеломлен, увидев прямо перед собой врага своего народа.

— Там вокруг летало полным-полно тварей. Они рвали нас в клочья, — сказал Потерявший Путь и повернулся к мертвецам спиной. — Когда мы пустились прочь, лошади сбросили нас и ускакали. Наши собственные собаки напали на нас и друг на друга. — Он наклонился и потрогал разорванное горло крупного серого пса, как будто погладил волосы любимого ребенка. — Там, среди них, был Мудрейший, шаман.

— Этого шамана зовут Бектис, — вымолвил Ледяной Сокол, старательно и с запинкой произнося слова на языке клана Пустых Озер, на котором он не говорил уже много лет. — Злой человек. Он украл сына одного из тех людей, которые были добры ко мне.

Потерявший Путь, похоже, не слышал. Его короткие обожженные пальцы ощупывали носы, губы, лбы убитых.

— Теттагин, — произнес он на своем языке имя; оно значило «Волчья Кость». — Шилхрин... Гиаратис... — Его глаза под длинными, изогнутыми рыжими бровями наполнились болью. — Дочь Близнеца... — прошептал он и погладил лицо воительницы, у которой волосы были такими же золотисто-рыжими, как у него самого. — Дочь Близнеца...

Осторожно приподняв толстые косы — три, как принято у его клана, — Потерявший Путь снял с шеи молодой женщины кошель духов, украшенный иглами дикобраза и орнаментом, нанесенным охрой и черной краской. Кошель духов носили под одеждой, его никто не видел, и потому это была единственная яркая вещь у кланов Истинного Мира. Достав нож, Потерявший Путь отрезал прядь волос Дочери Близнеца и положил ее в кошель. Потом разрезал ладонь ее левой руки и большим пальцем выдавил немного начавшей сворачиваться крови на рисунок кошеля.

Потом он проделал то же самое с остальными убитыми, называя при этом их имена: Волчья Кость, Голубая Сойка, Гневный Крик, Малиновый Куст. Ледяной Сокол вспомнил, что клан Пустых Озер не почитал своих предков, а обращался с просьбами к ки разных камней и деревьев, что находились в земле Десяти Грязных Рек. И именно этим охраняющим духам следовало вернуть кошели убитых.

Ледяной Сокол счел ритуал ненужным и даже немного опасным. Мертвые есть мертвые, а среди клана Говорящих со Звездами любой и каждый способен отыскать путь домой без помощи кошеля духов.

Но по лицу скорбящего воина Сокол видел, что ему необходимо все это проделать — для того, чтобы успокоить собственный разум... Он должен знать, что все сделал правильно, достойно.

Звезды наставляли предков Ледяного Сокола: все люди разные и имеют свои обычаи. И пусть даже правила жизни других племен неверны — невежливо и даже не совсем безопасно говорить им об этом. Ну, по крайней мере Потерявший Путь не счел необходимым отрезать у убитых пальцы, как это сделал бы люди из клана Кривых Холмов.

— Ты забрал всю еду? — спросил Потерявший Путь, закончив дело, и Ледяной Сокол кивнул. — Ну, тогда пошли. Я думал, что ты навсегда ушел из Истинного Мира, — добавил он, когда они зашагали по оврагу на северо-запад, высматривая местечко поудобнее, чтобы снова подняться на равнину.

— Я и ушел, — ответил Ледяной Сокол. — Хотя не понимаю, почему мой уход или приход может интересовать клан Пустых Озер.

— Голубая Дева теперь вождь клана Говорящих со Звездами, — сказал Потерявший Путь. — Даже до прихода Ночных Пожирателей это было достаточным поводом для опасений среди тех, кто охотится на тех же самых мамонтов и пасет своих лошадей в тех же лощинах. А уж теперь, когда мамонты ушли на юг, а белая грязь расползлась по нашим землям... и когда льды с севера все ползут и ползут, накрывая долины, некогда принадлежавшие клану Пустых Озер, — те-

перь многих очень и очень интересует, почему она стоит во главе твоего клана вместо тебя.

К северо-западу каменная стена понижалась, и тут Ледяной Сокол припомнил, что дикий ячмень на равнине разросся куда гуще, заполнив все пространство между кустами можжевельника, так что край оврага совсем не виден со стороны Бизоньего холма. Под прикрытием этих кустов и травы двое мужчин вскарабкались наверх и добрались до небольшого возвышения.

И наверху к ним бросилась из густой травы темная взъерошенная тень — желтоглазый боевой пес с обожженными плечами и спиной. Зверь молча страдал от боли и потерь.

Пес лизнул руку вождя и благодарно завилял хвостом, когда Потерявший Путь почесал его за ухом... и в то же время подозрительно принюхался к Ледяному Соколу, но даже не зарычал. Ледяной Сокол, спрятавшийся за кустом, поднялся во весь рост и оглядел равнину. Никаких признаков отряда на западе он не увидел.

Ясно, что Бектис решил остановиться у холма на весь день.

— Прежде всего, клану Пустых Озер никогда не принадлежали земли на севере, — напомнил Ледяной Сокол. — Звездный свет написал наши имена на лесах и камнях от Охотничьей горы до долины Ночной реки, и эти земли навсегда останутся нашими. Этого хватит тебе и твоему брату, чтобы добраться до своих? — спросил он, кивком указав на пса и протягивая Потерявшему Путь два свертка пеммикана и один из мешочков с кедровыми орехами. — Я преследую того Мудрейшего и его воинов, а на севере, как мне говорили, белая грязь разрослась очень сильно. Там не на кого охотиться. Мне потребуется все, что я смогу унести.

Блестящие глаза вождя сощурились.

— Ты охотишься на этого Мудрейшего? Я думал, ты решил вернуться и найти Гси Кетхко.

— Гси Кеткхо?

Это имя имело два значения.

На языке Соленого Народа оно означало стручки, вызывающие видение яркого утреннего света, но на более мелодичном (и куда более точном и выразительном) языке клана Говорящих со Звездами оно значило «Рогатый Паук» — а это был один из пятнадцати Знаков Сна, которые приносили иногда сообщения от Стражей По Ту Сторону Звезд.

— Мудрейшего, — пояснил Потерявший Путь.

— Он был членом рода Сливы, — вспомнил Ледяной Сокол, не совсем понимая, к чему вождь заговорил об этом. — Маленький мужчина с ветками вяза в волосах. Он был с нами, когда мы разбивали стоянку у Ночной реки накануне Лета Суда, в тот год, когда я ушел. Мы чуть не померли с голоду, дожидаясь, пока он наведет чары на антилопу, а его сообщение о соленой траве у Жестокой реки оказалось, мягко говоря, не слишком верным. С чего бы мне искать этого Рогатого Паука?

— Я подумал, что ему бы следовало рассказать о тех чарах, которые он наложил на ту лозу видений, что срезал твой старый вождь Полдень в Лето Суда, в Год Белых Лис, в тот год, когда ты ушел. — Потерявший Путь намотал одну из косичек своих усов на палец. Его глаза не отрывались от лица Ледяного Сокола, и юноша почувствовал, как внутри у него разрастается холод, как будто он уже знает, что именно хочет сказать его враг.

— Настой готовится в ту самую ночь, когда он потребуется вождю, — сказал Ледяной Сокол, и его мягкий хрипловатый голос прозвучал неожиданно глухо. — Он сам срезает лозу видений перед тем, как поднимается на гору. На нее

не может быть наведено никаких чар, потому что никто другой не прикасается к стручкам.

— Рогатый Паук утверждал, что Полдень всегда собирал стручки и срезал лозу в одном и том же месте, — возразил Потерявший Путь. — Возле ручья Красивой Воды, между белой скалой, похожей на черепаху, и тремя прямыми тополями.

В памяти Ледяного Сокола мгновенно возникла картина этого места... и он понял, что Потерявший Путь говорит правду. Когда Сокол был мальчиком, Полдень сотни раз брал его с собой и рассказывал о свойствах длинных плетей вполне невинного вида. Он поведал мальчику, как именно вождь должен готовить питье на горе. Он открыл ему, что все это значит.

— Рогатый Паук сказал, что Голубая Дева взяла порошок из корня духов и приказала ему наложить на них слово... ей только и пришлось потом, что размешать этот порошок в воде и намазать им стручки той лозы, чтобы Полдень узрел в видении твое лицо. И ведь он увидел именно твое лицо, правда?

— Откуда ты все это знаешь?

Холод внутри Сокола стал еще сильнее. Перед ним вставали страшные картины — бесстрастное лицо старого вождя, мертвые глаза, опустевшие от горя. Ледяной Сокол и его двоюродный брат Красный Лис, и их друзья — все они сидели тогда у костра, и разговаривали тихо и немножко взволнованно, как это всегда бывало в таких случаях. А потом из ночной темноты вышел Полдень и вступил в красный мир света костра, и в руке, отведенной в сторону, он крепко сжимал белую раковину, а в его глазах была смерть.

Но он всегда вот так входил в круг света. И он всегда держал что-то в руке...

— Мой сын...

Мой сын.

И Сокол уже почти наверняка знал, что сейчас скажет вождь. Они все смотрели на него, его родичи. Смотрели — и отодвигались.

Сокол заледенел.

— Почему он рассказал тебе об этом?

Сокол и сам удивился тому, что его голос прозвучал так обыденно. Но он ведь был Ледяным Соколом, и для него было привычным скрывать свои чувства, в особенности перед человеком из клана Пустых Озер.

— Он умирал, — пояснил Потерявший Путь. — Лихорадка поцеловала его на зимнем конском стойбище. А нас завалило снегом, и я не мог уйти.

— Что он делал на твоем конском стойбище? — Ледяной Сокол глубоко вздохнул. Где-то вдали, над дурными землями, прокатился глухой, далекий гром.

— На самом деле он не принадлежал к роду Сливы, — пожал плечами Потерявший Путь. — Он был сыном сводного брата мужа моей тетушки с материнской стороны. Клан Пустых Озер выгнал его в Год Вороны за то, что он наложил заклятье бесплодия на свою сестру — из-за того, что у нее было лошадей больше, чем у него. Его никто не любил. А Голубая Дева позвала его.

— Голубая Дева позвала Мудрейшего из твоего народа? — Ледяной Сокол был потрясен. — Позвала его и заставила наложить чары на вождя своего собственного клана?

Потерявший Путь кивнул. Ледяной Сокол замолчал. Это было холодное молчание. Это было смертельное молчание. Точно такое же смертельное молчание он видел во взгляде старого человека, которому Великие Предки сообщили, что мальчик, которого он растил с самого детства, юноша, в котором он видел своего преемни-

ка, — тот самый, кого они избрали в качестве посланника, чтобы он донес до них слова клана — через боль, пытки, смерть...

Священные пытки, долгий обряд летнего мучения — чтобы люди смогли пережить грядущую зиму.

В небе сверкнула молния, пурпурно-белая на фоне черных облачных гор. Серый дождь пролился на далекие холмы. Ветер сменил направление; нетрудно было угадать, что Бектис отвел грозу от того места, где он остановился. Шаманов клана Говорящих со Звездами обычно не слишком пугала перспектива промокнуть.

Ледяной Сокол отметил это для себя — но как бы со стороны; он совершенно ничего не чувствовал.

— Я не знаю, рассказал ли Гси Кеткхо об этом кому-нибудь еще, — после довольно долгого молчания сказал Потерявший Путь, поглаживая свой длинный ус. — Но я уже два года ищу тебя, чтобы узнать, не хочешь ли ты вернуться к своему клану и потребовать то, что тебе причитается.

* * *

— Что с тобой, малыш?

Тир сидел на пятках, весь дрожа. Хетья деловито приложила ладонь к его влажному лбу, потом помогла ему встать на ноги и отвела подальше от небольшой лужицы рвоты, растекшейся в траве под высоким тополем. Она наклонилась и взяла мальчика на руки.

Хетья была крупной женщиной, как жены крестьян и кузнецов в Убежище. Но ее руки, обхватившие Тира, оказались сильными, а подкладка ее куртки, к которой он прижался лицом, — гладкой и прохладной. И от косы, щекотавшей его подбородок, хорошо пахло. Тир по-

ложил голову на плечо Хетьи, и ему ничуть не было стыдно из-за того, что он себя плохо чувствовал.

Он ослабел, как маленький ребенок. А ведь ему было уже семь с половиной. И после смерти Геппи, и Тхая, и Брит, и всех других детей в Безлетний Год он стал одним из старших.

Тир вспомнил своих друзей — и на его глазах выступили слезы. И еще он вспомнил Руди...

— Ничего нет постыдного в том, чтобы бояться, — пальцы Хетьи мягко погладили его волосы, отодвигая локоны со лба, как иногда делала мать. — Даже великие короли и герои боятся. А когда по-настоящему испугаешься — вот такое и случается.

Тир молчал, пытаясь разобраться в том, что он чувствовал, вися на тополиной ветке. Он до сих пор был мокрым от пота, и в то же время ему было жутко холодно, несмотря на меховую куртку. По его телу то и дело пробегали волны дрожи, с которыми он не в силах был совладать.

— Ты отлично держался, — сказала Хетья.

Когда Бектис вдруг повернулся и крикнул: «Всадники!», и три Акулы тотчас выхватили из ножен кривые мечи, — из той темной глубокой пещеры, что пряталась в рассудке Тира, тут же прозвучал чей-то голос, голос одного из других людей, и этот голос приказал Тиру: «Уберись подальше из-под ног!» Как будто Тир сам это подумал.

А потом, лежа на толстой ветви, он почти не испытывал страха. Множество воспоминаний о том, как он сам убивал людей — то есть как их убивали другие мальчики — всплыло на поверхность. Воспоминания об ужасах битв, воспоминания о грехе и раскаянии, о вспышках внутреннего жара, заставлявших хвататься за кинжал, о копьях, о мечах... Когда Тир наблюдал за

Хетьей и Акулами, убивающими людей, которые то и дело останавливались, натыкаясь на невидимые для Тира иллюзии, мальчик испытывал нечто, чему не знал названия... Это было скорее похоже на печаль и отвращение, чем на страх. Но это чувство было сильным. Ужасающе сильным.

Но как бы ни называлось это чувство, оно в конце концов ушло, оставив Тира скрюченным, дрожащим, охваченным тошнотой; и когда схватка закончилась, он соскользнул вниз по тополиному стволу — и его вырвало, но он так и не понял, что же ощущал на самом деле. И до сих пор он видел перед собой лица умирающих. И эти лица, и лица всех, кто умер за сотни лет до нынешнего дня от рук других, чьи воспоминания всплывали в его голове.

Наверное, наступит и такой день, когда ему придется кого-то убить.

Тир все еще прижимался лицом к плечу Хетьи, когда услышал звучный голос Бектиса, начитывавшего призывное заклинание, а потом до него донесся мягкий топот копыт по листьям и фырканье лошадей. Тир поднял голову и увидел одного из Акул, ведущего за уздечки двух гнедых жеребцов, настолько прекрасных, что при виде их Тир задохнулся. В Убежище было мало лошадей. И тут Тир увидел между деревьями еще четырех. Другой Акула стреножил их.

У этого Акулы была кровоточащая рана на руке. Хетья негромко вскрикнула и, напоследок крепко прижав к себе Тира, поставила его на землю.

— Побудь здесь, — сказала она и направилась к воину. — Дай-ка я тебя перевяжу.

— Моя милая юная госпожа!

Бектис широким шагом подошел к Хетье, поглаживая на ходу свою длинную белую бороду и самодовольно оглядывая шестерку

лошадей. Драгоценный аппарат все так же укрывал правую руку колдуна. Бектис почти никогда не снимал его, даже если не собирался в ближайшее время заниматься магией. Ему, похоже, нравилось смотреть на этот сияющий предмет. Колдун то и дело поворачивая его так, чтобы крупный кристалл ловил солнечные лучи, словно некое волшебное зеркало изумительной красоты.

Тир видел, как во время схватки из сверкающего аппарата вырывались молнии и огонь и как странный дым и светящиеся радуги словно бы тянулись из него, окружая головы Белых Всадников и заставляя их бросаться на что-то такое, что только они сами и видели. Из-за этих видений собаки бросались друг на друга и кусали лошадей за ноги... Тиру собаки Всадников показались до жути страшными.

— Вряд ли он стоит того, чтобы тратить на него время, — сказал Бектис. — Он все равно умрет прежде, чем заживет рана.

Хетья открыла рот, чтобы возразить, потом посмотрела на Тира — и промолчала. Акула перевел взгляд с Бектиса на Хетью, и не видно было, чтобы его хоть что-то смутило; он был спокоен, этот мужчина с бледными глазами. Тир подумал, что, возможно, Акула — вернее, все трое Акул, — недостаточно хорошо понимают, о чем идет речь.

Тир совсем недавно начал учить язык ха'ал, на котором говорили в империи Алкетч, и мог сказать разве что «пожалуйста» да «спасибо», и еще прочитать несколько молитв.

Но, поскольку Бог безусловно знает все языки, Тир не понимал, зачем ему нужно с таким трудом запоминать слова, которые Бог поймет и на языке Вейт. Однако и мать, и Руди, и лорд Анкрес твердили ему, что король непременно должен знать ха'ал.

— Ну, а теперь, когда у нас так много лошадей, — сказал Бектис, поднимая повыше меховой воротник коричневой куртки и пряча бороду под шарф, — думаю, нам лучше держать мальчишку связанным, пока не явится его лордство. Присмотри за этим.

— Прошу вас, лорд Бектис, — Тир шагнул вперед, его сердце бешено колотилось. — Пожалуйста, не надо больше веревок. Если еще что-нибудь случится, если снова появятся Всадники, мне бы не хотелось оказаться связанным...

— А ты мог бы сбежать во время этого переполоха? — Бектис уже отвернулся. В его голосе прозвучало такое презрение, что щеки Тира вспыхнули.

— Я знаю, что мне не удалось бы далеко уйти, — с достоинством произнес мальчик. — Даже если бы я украл лошадь, вы без труда вернули бы ее обратно, разве не так? Или напугали бы ее, как напугали тех людей, чем-нибудь нереальным, от чего невозможно защититься.

При этих словах темные глаза колдуна вспыхнули гневом, поскольку за ними скрывалось обвинение в трусости и жульничестве.

— Если бы я этого не сделал, мальчик, ты вместе с нами оказался бы в весьма затруднительном положении. Мы тут не в детские игры играем. Или тебе кажется, что Белые Всадники пощадили бы тебя ради твоего нежного возраста? Я видывал детей и помоложе тебя, и они валялись на земле, а их кишки тянулись за ними на несколько ярдов. Свяжи его, — приказал он Хетье. — И дай ему пару подзатыльников, чтобы не забывал о хороших манерах.

Колдун отошел к краю рощи и сел под деревом. Тир видел, как Бектис достал что-то из бархатного мешочка, спрятанного под курткой, протер кусочком замши и установил на ма-

ленький складной серебряный треножник — там, где сквозь молодую листву просачивался солнечный свет. И стал смотреть. Точно так же старый Ингольд смотрел на разные вещи в свой осколок желтого кристалла. И так смотрел Руди. Тир видел это сотни раз.

При мысли о Руди горло Тира сжалось, веки стали горячими и набухли, и мальчик снова увидел, как его друг падает в вихрящийся снег, в темноту... Только бы он не умер... пожалуйста, пусть он останется в живых...

Рука Хетьи мягко опустилась на его плечо.

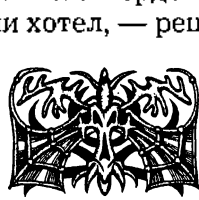
— Пошли, милый, — сказала она. — Лучше сделать так, как он говорит. Я постараюсь связать тебя помягче, а если на нас снова нападут, я уж позабочусь, чтобы ты оказался в безопасном местечке.

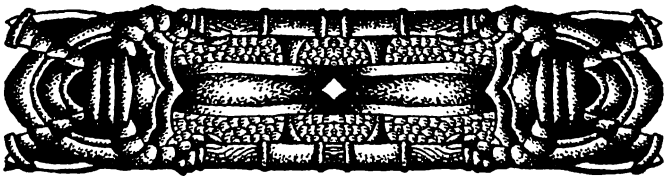
Тир кивнул. Когда в эти ночи он лежал рядом с Хетьей в тепле под ее одеялом, он чувствовал себя под защитой, хотя вокруг лагеря шныряли волки и саблезубы. Тир думал иногда: а нет ли у самой Хетьи сынишки?

— А кто этот «его лордство», который должен прийти? — тихонько спросил Тир, пока Хетья вела его к тонкому платану, где были и тень, и густая трава. — И что он собирается сделать? Зачем я ему понадобился?

— Не думай об этом, малыш, — сказала Хетья. — Я уверена, с тобой все будет в порядке.

Но она отвела взгляд. Она не лжет, понял Тир. Она просто знает, что ничего не сможет сделать, если Бектис — или его лордство, кем бы он ни был и чего бы он ни хотел, — решат убить Тира.

Глава шестая

На траву упала тень.

Ледяной Сокол обернулся. Кожу головы покалывало. Он внимательно посмотрел на небо, но никаких птиц не увидел.

Знобкий утренний ветер всколыхнул бескрайнюю траву и принес с собой дымок из лагеря на Бизоньем Холме. Они кого-то ждут, подумал Ледяной Сокол. Или чего-то, подобно тому, как Мудрейшие ожидают совпадения звезд и планет, которое усиливает их могущество. Теперь стаи черных птиц тучами вились над ущельем, но ни одна из них не подлетала близко к холму.

Он краем глаза заметил какой-то расплывчатый силуэт. Желтоглазый Пес навострил уши, поднял голову и стал принюхиваться. Небо над головой по-прежнему было пустым.

— Что это? — прошептал Потерявший Путь.

Ледяной Сокол глубоко вздохнул и расслабился.

— Холодная Смерть, — ответил он.

* * *

На следующий день после похищения Тира из Убежища стражи и другие охранники Убежища под предводительством Януса наконец добрались до ущелья, где остался Руди. Как только рассвело, Джил раза два или три забиралась на скалы. Снег все еще шел, густо засыпав ветви деревьев и утесы, и ее следы четко отпечата-

лись. Она только что вернулась и принесла с собой дров, как вдруг со скалы у них над головами отчетливо послышались голоса.

— Ты только погляди, что делается, — произнес знакомый протяжный голос начальника стражи, и даже хор ангелов небесных, поющих под аккомпанемент арфы, не мог прозвучать для Джил слаще. — А мне казалось, ты что-то говорил насчет того, что сможешь прогнать снеговые тучи на равнины, коротышка.

— Они и должны были уйти.- Мягкий голос брата Венда звучал озадаченно. — Просто невероятно, чтобы буран держался так долго после того, как ушел вызвавший его чародей. Я думаю... Я, конечно, не уверен, но мне кажется, что нас ждет еще много опасных заклинаний и лавин от тех негодяев в горах.

Янус выругался.

— Бектис еще никогда не был так силен, — сказал он. Послышалось шорох, со скалы свалился снежный пласт, и Джил увидела черные силуэты стражей и двух воинов лорда Анкреса, одетых в белое. Они спускались по оставленным ею следам.

Венд опустился на колени подле Руди, потрясенно ахнул и быстро стянул с себя толстые перчатки, чтобы произнести заклинания исцеления над ожогами и ранами.

Янус и остальные пошли к замерзшей речке, чтобы срубить несколько деревьев и соорудить носилки. Стенка, наскоро сооруженная Ледяным Соколом, послужила хорошо и удержала в нише тепло, но на лице Руди уже лежал отпечаток смерти.

— Только не умирай, — прошептала Джил на своем языке, глядя, как пальцы священника-чародея снова и снова чертят линии исцеления над застывшим лицом с ястребиным носом.

Ей еще придется посмотреть в глаза Альде.

Хозяйка Убежища ожидала их, стоя на плоских черных ступенях, закутавшись в свою полинявшую радужную мантию, сшитую из шелковых лоскутов. Рядом, похожий на огородное пугало, скорчился епископ Ренвета Майя. Подруга и горничная Линнет слегка придерживала королеву под руку. На ступенях стояли и другие люди — лорды Убежища, Илайя, и прочие — но Джил, шедшая рядом с носилками, видела только Альду.

Лицо молодой женщины замерло, тело напряглось, когда она поняла, что стражи не привели с собой Тира.

— Руди жив, — сказала Джил, когда они подошли достаточно близко. — Ледяной Сокол отправился за Бектисом и Тиром. Похоже, с мальчиком все в порядке.

— Спасибо. — Джил не услышала ответа Альды, а, скорее, угадала его по движению губ. Королева спустилась по ступенькам и поцеловала безжизненную руку Руди. Ветер растрепал ее волосы, похожие на пелену ночи.

Будучи человеком сдержанным, Джил сделала то единственное, что могла, дабы помочь подруге пережить долгую ночь — она осталась с ней в комнате, в которую принесли Руди, в королевских покоях. Там имелась круглая изразцовая печка и большая кровать, поэтому комната была намного удобнее жилища юного мага рядом с рабочим кабинетом чародеев на первом южном уровне. Ни Илайя, ни Венд не упражнялись раньше в своем мастерстве, оба они не то отрицали свои способности, не то пренебрегали ими до прихода дарков. Однако в бытность свою священником Венд тайком практиковался в исцеляющей магии на членах маленькой западной общины. Кроме того, и он, и рыжеволосая девуш-

ка официально учились колдовству уже семь лет. Вдвоем накладывали они заклятия силы и устойчивости на сердце и нервную систему Руди, заклятия исцеления на его плоть, рисовали руны и магические круги на травах, из которых делали потом противовоспалительные отвары.

Минальда всю ночь тихонько просидела в углу комнаты, при необходимости приносила воду и корпию, поддерживала огонь в очаге или помогала при перевязке, если ее об этом просили. Линнет ушла, чтобы присмотреть за Гизой, дочерью, которую Альда родила Руди в Безлетний Год и которая в свои полтора годика уже понимала, когда что-то идет не так.

Кроме того, нужно было позаботиться и о сыне Джил Митрисе. Сама она осталась с Альдой. Джил молчала — она никогда не знала, что можно сказать человеку, охваченному душевными страданиями, но Альда время от времени брала ее за руку и сжимала так, что становилось больно. Позже она спросила:

— Ты видела Тира?

Джил покачала головой.

— Я слышала его, когда он звал Руди, — сказала она. В приглушенном свете лампы и мягком колдовском свете лицо Альды казалось худым и утомленным — лицо старухи, которой она когда-нибудь станет. Женщина, потерявшая мужа, которого обожала и боялась; женщина, которая видела, как брат, которого она боготворила, стал тираном и чудовищем; женщина, пережившая крушение мира и сумевшая найти на развалинах новую любовь...

— Мы пару раз натыкались на его следы. Он оставлял их, когда ему разрешали сойти с осла. Я думаю, эта женщина, Хетья, увела его из Убежища, предложив посмотреть на пещеры вдоль северной стороны Долины, а Бектис нало-

жил чары на одного из воинов, чтобы Тир принял того за Руди.

Альда молча кивнула, ее лицо напоминало посмертную маску из слоновой кости.

— Никогда не думал, что у Бектиса хватит могущества удерживать буран даже после того, как он ушел оттуда. — Брат Венд повернулся на своем трехногом стуле, вытирая руки грубым холщовым полотенцем — маленький темноволосый человечек, чья тонзура, не успев зарасти после того, как он покинул Церковь, сменилась ранней лысиной. — Конечно, он всегда был более могущественным чародеем, чем я, но все же... — Он покачал головой.

— У него было какое-то... какое-то устройство, — сказала Джил. — Какая-то хрустальная штука, прикрепленная к руке. Конечно, может, это было просто отражение, но мне показалось, что она вспыхивала, когда Бектис швырял молнии или защищался от заклинаний Руди. Он несомненно сильнее, чем Руди, но все же это своего рода усилитель или линза...

Илайя оторвалась от высушенных пурпурных корней, которые растирала в ступке.

— Неужели такое существует?

— Кто знает? — отозвалась Джил. — Мы же не ведаем, что у них хранилось все эти годы, оставшись от Былых Времен. Ингольд постоянно находит ссылки на вещи, которые Церковь конфисковала, спрятала и о которых никогда больше не упоминала.

— И правильно делала, если в легендах есть хоть доля правды. — В дверях стоял Майя с очень озабоченным лицом. — Как он?

— Почти без изменений. — Джил пожала плечами, стараясь не показать свою тревогу и страх, в точности, как это делал Ледяной Сокол. — Может, люди тоже прятали такие вещи, бо-

ясь Церкви или соседей. А теперь никто не приглядывает за этими тайниками. — Она искоса посмотрела на Майю. — Почему, вы думаете, Ингольд так переживает и хочет отыскать все книги, утварь и приборы, какие только возможно?

— В моем епископском дворце, безусловно, имелись записи о вещах, которые я не сумел понять, и спрятаны они в местах, о которых никто не помнит, — согласился епископ. — Мы по сей день не знаем, что может быть спрятано в этом Убежище и лежит нетронутым со времени первого появления Дарков.

— Я думаю, у Джованнин тоже была парочка собственных секретов. Как бы она ни ярилась по поводу того, что маги — бездушные орудия Зла, она запросто использовала черную магию в тех случаях, когда сама считала это правильным. И если Бектис сумел вырваться из-под ее власти, можете спорить на свои лучшие меховые ботинки, что он воспользуется теми знаниями, которые получил.

— Когда кончится буран? — Альда, которая все это время молча сидела, опустив голову, вдруг посмотрела на Венда. — Скоро ли можно будет пройти через перевал и продолжить погоню?

— Я пойду туда утром, — заверил ее целитель. — Даже самые могучие заклинания теряют силу, если маг не поддерживает их. Я, конечно, не умею делать погоду, как Бектис, но зато смогу ускорить разрушение туч.

— Скоро? — Глаза ее походили на сердце ночи, голос был как фарфор, холодный и хрупкий, способный разбиться вдребезги от малейшего прикосновения.

— Завтра после полудня.

Она прошептала:

— Спасибо, — и сомкнула изящные руки

вокруг холодных пальцев Руди в поисках утешения, словно надеясь удержать его дух. Она не прикоснулась ни к питательному отвару, ни к ужину, которые принесла Линнет, и Джил не сомневалась — и не прикоснется, если, конечно, ее не заставить.

Лучше мне пойти поспать, подумала Джил. И собраться следует... Она снова вспомнила троих совершенно одинаковых воинов. Неужели есть и другие, которые ждут, когда Бектис пройдет перевал? Дюжина или сотня, созданные каким-нибудь неслыханным заклинанием? Ингольд никогда не упоминал о такой возможности, не говорил он и о драгоценном оружии Бектиса.

Как смогут стражи и такой новичок, как Венд, справиться с этим; да мало ли что еще прячет в своих отороченных мехом рукавах чародей?

Примерно через час Илайя отложила травы и выпрямилась. Ее рука метнулась к виску, глаза загорелись и расширились.

— Ой, — сказала она.

Альда, все еще сидевшая на полу и обнимавшая Руди, резко подняла голову, услышав странную нотку в голосе девушки.

— Что случилось?

— Я... — Илайя, нахмурившись, помолчала, прислушиваясь к чему-то. Колдовской свет за ее головой разгорелся ярче. Она вытащила из сумочки на поясе магический камень, рубин, который Ингольд нашел в руинах Пенамбры, и начала вертеть его в ярких вспышках света.

— Ого! — воскликнула она еще более импульсивно, откинув с глаз рыжую прядь волос. — По дороге от речной долины идут люди, моя госпожа. Много людей... кони ... копья сверкают в лунном свете...

— Что? — Альда легко вскочила на ноги, шурша юбками, пересекла комнату и по-

смотрела через плечо Илайи, словно могла что-то увидеть в камне. — Где?

— Они только что прошли мимо охраны, которую мы выставили в Ущелье Стрелы. Похоже, их несколько сотен. Повозки и палатки. — Она озадаченно посмотрела в лицо королевы. — Трудно разглядеть в темноте, но мне кажется, они темнолицые, темнокожие — алкетчцы, и островитяне Дельты, с золотыми бусинками в волосах. Они идут очень быстро.

Альда выругалась, что позволяла себе очень редко.

— Пошлите за Янусом, — сказала она. — Нужно встретить их у Ворот и удержать там, если сможем, конечно. Спасибо, Илайя.

Джил уже выскользнула из комнаты и побежала в комнату стражи.

* * *

Ледяной Сокол и Потерявший Путь всю ночь наблюдали за лагерем Бектиса, заодно немного поохотились. Они молча и деловито разделывали тушку. Правда, Потерявший Путь иногда задавал вопросы о том, какая трава растет на восточном склоне и куда передвигаются мамонты и бизоны — эти вопросы всегда интересовали людей в Истинном Мире. Еще он хотел знать родословную лошадей в Убежище и печально покачал головой, когда Ледяной Сокол сказал, что этот табун был выбран наугад на Юге и что даже до того, как основной табун был уничтожен, происхождение коней не очень интересовало грязекопателей.

— Мне кажется, очень глупо не знать, чьи сыновья и дочери твои лошади — отважных животных или же трусов, — мрачно сказал Потерявший Путь, сдирая шкуру с лесного сурка, а Желтоглазый Пес в это время старательно

изображал отсутствие интереса. Они укрылись в лежбище, оставленном бизоном, на юго-западном склоне, поросшем бизоньей травой и болотной мятой. Оттуда открывался хороший вид на разоренные земли на юге. — Откуда ты узнаешь, как поведет себя твой конь, если ничего не ведаешь о его предках? Эти твои грязекопатели занимаются ерундой и не понимают, что важно на самом деле.

— Они не мои грязекопатели, — уточнил Ледяной Сокол. — И я много раз говорил им то же самое.

— Почему тогда ты преследуешь этого шамана? Этот ребенок не из твоего клана. Может, он вообще твой враг! — Он воспользовался словом *дингъех*, «не-клан», на языке Говорящих со Звездами — *октет*, и положил на раскаленные угли полоски мяса.

— Этот ребенок... — Ледяной Сокол помолчал немного, пытаясь объяснить свое отношение к Элдору и к людям в Убежище словами, понятными в Истинном Мире. В его новой жизни появилось много такого, что нельзя было объяснить словами прежней жизни.

Наконец он сказал:

— Отец этого ребенка помог мне и дал мне пристанище, когда я покинул свой народ.

— Тебе было нужно пристанище? — спросил Потерявший Путь.

— Нет. Но он помог мне, и ради него я не хочу, чтобы ребенку нанесли вред. Меня по-настоящему беспокоит то, что Бектис наверняка приглядывает за своим следом.

И тут он понял, что их уже трое. Ледяной Сокол даже не мог сказать, как долго она была здесь.

Она была миниатюрной женщиной с черными волосами — такие волосы часто отмечали Мудрейших в Истинном Мире. Родители

брили ее наголо с раннего детства, поэтому она так и не научилась за ними ухаживать. Волосы и сейчас были коротко острижены, прямые, как вода, и тяжелые, как рука судьбы. Их еще не тронула седина. Глаза тоже были черными.

— Младший братец, — сказала она.

— Старшая сестрица. — Он наклонил голову. — Ты ведь знаешь Потерявшего Путь, нашего врага из Народа Пустых Озер.

Она кивнула. Каждый в Истинном Мире знал всех или по меньшей мере знал обо всех.

— Я рад, сестра моя, что тебя не съели Ночные Пожиратели. Я слышал, что они выбирают Мудрейших.

Она улыбнулась коротко, но ослепительно.

— Стало быть, не такая уж я мудрая. — Она сорвала розовый вьюнок и начала крутить его в пальцах, улыбаясь шелковистости лепестков. — Они до сих пор населяют земли к востоку от стены снега, младший братец?

Он помотал головой.

— В конце первой зимы один Мудрейший отослал их на другую сторону Ночи, туда, где не живут люди и ночь нескончаема. Оттуда они не вернулись.

— Ну, хорошо, — коротко сказала Холодная Смерть и воткнула цветок в косичку Ледяного Сокола между костями. — Я примерно этого и ожидала. А теперь объясни мне, кто такой Бектис, и почему тебя так волнует, что он приглядывает за своим следом? — Она села между ними, скрестив ноги, подняла с углей сердце сурка и с выражением исступленного восторга стала жадно его жевать. — Это не он убил пятерых из Народа Пустых Озер и бросил их тела в ущелье? Или это был ты, младший братец?

— Бектис. — Ледяной Сокол сказал это довольно угрюмо — он и сам любил сердце

лесного сурка большой и страстной любовью. — И эти, которые с ним. — Он коротко рассказал о событиях последних четырех дней, закончив рассказ словами: — Он, конечно, дурак, но не настолько, чтобы не приглядывать за своими следами, раз уж понял, что за ним и мальчиком наблюдают. Он знает, что воины из Убежища возьмут с собой сильные амулеты против его заклинаний, наводящих иллюзию битвы и панику; куда сильнее, чем у воинов Народа Пустых Озер, чей шаман — Зоркий Глаз — был убит Пожирателями семь лет назад. И все равно не похоже, чтобы это его беспокоило. Он чего-то дожидается.

Холодная Смерть взъерошила собаке загривок.

— Остальных черных воинов, — сказала она. Собака обнюхала ее и лизнула ей руку.

— Т'ча! — беззлобно ругнулся Потерявший Путь. — Ты целуешь врагов своего народа, брат мой?

— Он ее попробовал, а потом, может, и съест, — объяснил Ледяной Сокол, и боевой вождь кивнул.

— Тогда ладно.

— Их девяносто восемь, и они в дне пути на юг отсюда, — продолжала Холодная Смерть. — Сегодня вечером вы сможете увидеть их костры. Поэтому он и не беспокоится из-за преследования...

Она нахмурилась, сведя вместе маленькие острые бровки над коротким курносым носиком.

— У этой шайки достаточно могущества, — сказала она. — У них двенадцать повозок, накрытых голубым холстом, и они окружены... нет, не тьмой, а движением воздуха, изменяющим его форму. — Она потрясла головой и попыталась изобразить это движение ладонью с короткими пальцами. — В них есть зло, и такого зла я еще не встречала. За ними следуют демоны

и духи воды, воздуха и земли. А за воинами и повозками следует Голубая Дева.

— Разве Голубая Дева, — тихо спросил Ледяной Сокол, — бывает в этих землях?

— Это наши земли, — ответила Холодная Смерть. — Начиная от Края Ночной Реки и до самого Хребта Господа.

Потерявший Путь ощетинился, как волк, при мысли о том, что большая часть Истинного Мира на самом деле не принадлежит Народу Пустых Озер, а Холодная Смерть продолжала, не обратив на него никакого внимания и сорвав еще один цветок.

— Голубая Дева послала меня узнать, кто или что ожидает на Бизоньем Холме темного капитана с крюком вместо руки.

Грязекопатели использовали для своих встреч только Бизоний Холм, потому что он был достаточно большим, и даже они отовсюду видели его. Ледяной Сокол спросил только:

— Крюк?

Ваир на-Чандрос, подумал он. Этого и следовало ожидать.

— Большой человек с волосами, которые курчавятся, как шерсть на горбу у бизона, седыми от возраста, а не белыми с юности, как у многих черных воинов. Глаза у него желтые, а голос —как скрежет камней в жестяной банке. Вместо правой руки у него серебряный крюк, и его люди зовут его Господин. Ты знаешь этого человека?

— Я знаю его. — С бесстрастным лицом Ледяной Сокол переворачивал полоски мяса на плоских камнях среди углей. — Во времена Тьмы этот, с крюком, командовал силами Алкетча, которые пришли помочь людям в борьбе против дарков. Он покинул их, когда горели Гнезда.

Видимо, когда он отправился на войну, в Алкетче у него остались последователи.

Потом мне рассказывали, что он пытался стать императором Юга, женившись на дочери старого императора против ее воли. А теперь он, значит, едет на север, и у него почти шесть раз по два десятка воинов и повозки, груженные зловещими штуками?

Он посидел, глядя на разоренные земли на юге — зеленое море холодной весны. Там лениво кружил краснохвостый ястреб, да парочка винтериев неуклюже брела по холмам, покачивая плоскими башками с огромными бивнями и заглядывая во все овражки в бесконечном поиске свежих листьев.

Но всего этого Ледяной Сокол не видел — перед его взором стояла фигура в разноцветной одежде, спускающаяся в тумане по ступеням Убежища. Он видел ненависть в золотых глазах, глядевших на Ингольда Инглориона. Он видел поднятый крюк, багровый в свете пожара, видел, как Ваир призывает своих воинов из тьмы горящих Гнезд, видел Ингольда — и сотни других, поглощенных и уносимых Тьмой. Он вспомнил, что говорила Джил-Шалос о дочери императора Юга.

— Мне это не нравится, сестра моя, — сказал он, наконец. — Этот Ваир — человек зла, а теперь ты говоришь, что он едет сюда, и в обозе у него — магия зла. Маг это, талисман или могущественная сила, я бы чувствовал себя уверенней, если б узнал о его намерениях раньше, чем мальчик окажется у него. Враг мой, останешься ли ты здесь, чтобы присмотреть за мальчиком? Раз уж они притащили его так далеко и теперь дожидаются Ваира, он должен быть в безопасности.

— Я остаюсь, — сказал боевой вождь. — Этот Мудрейший мне кое-что задолжал.

— Хорошо. — И Ледяной Сокол встал. — Поехали, сестра моя.

* * *

На фоне темных деревьев ярким факелом взметнулся красный шарф.

— Их уже видно, — сказал один из гвардейцев Мелантрис.

Словно ветерок пронесся над рощей — единым движением мужчины и женщины на северной сторожевой башне согнули свои луки и зацепили тетивы.

Еще одно движение — еще один порыв ветра — сухо стукнули древки стрел. В общем порыве двигалась и Джил, с удовольствием ощущая колкость оперения, вощеную гладкость тиса и упругость конского волоса. Узкая дорога вела от подножья сторожевой башни вниз к теснине Стремительной Реки, зажатой между берегами, поросшими зелеными деревьями и кустарниками: соснами, боярышником, лещиной и папоротником.

Ветерок пошевелил кроны деревьев. Послышалось громкое лошадиное ржание.

— Черт знает, что такое, — вздохнул Калдерн, огромный грозный северянин в плаще и черной тунике. — Делай, что хочешь, подружка, только коней не убивай, они нам еще пригодятся.

Ришью Хетакебнион, младший сын лорда Анкреса, шепнул Джил:

— Как ты думаешь, сможем мы заставить их отступить?

Юноша провел много времени, заплетая косички для этого сражения.

Он очень не хотел находиться в северной башне в качестве простого лучника, но отец на этом настоял, заявив:

— Хочешь отдавать приказы — научись сначала повиноваться.

Джил помотала головой.

— Никакой надежды.

Показались первые ряды армии Алкетча. Совсем непросто подсчитать, сколько человек в войске, при помощи магического рубина длиной в дюйм и три четверти: чародей может сказать, где оно, но почти никогда — сколько их. К тому времени, как оба лазутчика — Мелантрис и Ланк Яр, старший охотник Убежища, вернулись и сообщили, что в войске Алкетча около одиннадцати сотен человек, противник был уже в нескольких часах пути от Высоких Ворот. Мелантрис сказал, что они были готовы к осаде. Мулы и быки волокли две «Черепахи» — сооружения из бревен и кожи, предназначенные для защиты воинов, которые подкапываются под башни и стены.

Янус прикинул, что воины Убежища смогут некоторое время удерживать Высокие Ворота, но цена окажется слишком высокой.

— При всем моем уважении к госпоже Хорнбим и господину Баррелстейву, — прошептал он Минальде во время очень напряженного Совета, созванного по возвращении Мелантриса, — вынужден сказать, что один наемный, хорошо вооруженный воин стоит полудюжины добровольцев. Не говорю уже о том, что мы не можем себе позволить потерять ни единой живой души. Ради чего все это?

Командир войска Алкетча, коренастый островитянин из Дельты с золотистой кожей, в ощетинившемся шипами шлеме, остановил коня на последнем повороте дороги. В бледном свете занимавшегося дня Джил хорошо видела огромное войско, все в доспехах из бронзы и стали. Воины смотрели на Высокие Ворота.

— Вот оно, — пробормотал Янус, стоявший в нескольких футах от Джил за наспех сбитой защитной деревянной стенкой. Он был в полном боевом облачении: черном нагруднике и шлеме, наручах и перчатках. — Подумай хоро-

шенько, прежде чем ввязаться в драку, весельчак, может, стоит найти себе другого противника?

Джил с горечью подумала о том, что это невозможно. После Безлетнего Года медленно, но неотвратимо наступало похолодание, поселения вдоль реки постепенно приходили в упадок или сдавались на милость бандитов. Говорили, что в лесах Фелвуда дела обстоят еще хуже. Таким образом, Убежище Дейра осталось последним оплотом цивилизации на много, много миль вокруг, последним надежным поставщиком провизии. Кроме него, все вокруг было хаосом, и всем заправляли бандиты, Белые Всадники.

Другого противника не было.

За последние семь лет обитатели Убежища неплохо потрудились над сторожевыми башнями Высоких Ворот. Они восстановили все каменные части настолько хорошо, насколько это было возможно без необходимых инструментов, и возвели ограждения из заостренных бревен вокруг всех площадок на башнях. Бандиты дважды сжигали башни, и даже до катастрофы Безлетнего Года было очень нелегко находить вьючных животных, чтобы притащить строительный камень из речной долины.

Джил могла поспорить на что угодно, что в течение часа башня снова запылает, да только никто не согласился бы принять такое пари.

Между башнями располагался еще один частокол, рассчитанный на коней, с наспех заостренными кольями, врытыми в землю. Поджечь его было не так просто.

Одиннадцать сотен воинов! — подумала Джил, сжав замерзшими пальцами стрелу. Нет, они не повернут назад.

Послышался глухой рокот боевых барабанов, эхом отразившийся от скал, грозный и зловещий, почти физически ощутимый. Золо-

тистый командир на золотистой лошади сдал в сторону. Ряды разделились — черные воины с Черного Берега, белые — с Белого, и красно-коричневые — с границ Д'хаалака. Утренний ветерок развевал их знамена.

Джил почему-то вспомнила старого доктора Баннистера с исторического факультета Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, хрупкого и сухонького, напоминавшего ей сброшенную цикадой оболочку, и то, как он стоял за кафедрой в аудитории и говорил: «Генрих II возглавил поход против Филиппа Августа... »

Вот-вот. Возглавил поход своей армии. Нет мокрых башмаков, и ноги не ноют от холода. Нет выброса адреналина, и сердце не колотится, как бешеное, при мысли: «а вдруг я погибну?»...

Возглавил поход...

«Черепахи» неуклюже подползли под стены.

Надо отдать им должное, подумала Джил, построены они добротно. Она не представляла себе, как их умудрились переправить через Стремительную Реку. Кожаные покрытия потемнели от воды. Они, должно быть, весили тонны — колеса жалобно скрипели под их весом. С обеих башен полетели вниз стрелы защитников, их поддержали другие — через бойницы в стенах и на крыше. Но Джил этим не обманулась — это еще не атака, люди внутри только пробуют свои силы.

— Ну, давай, Илайя, — прошептала Мелантрис, натягивая тетиву, прицеливаясь и стреляя без передышки, как машина. — Давай скорее!

Ближайшая «черепаха» угрожающе зашаталась, потом выпрямилась и поползла дальше. Джил предположила, что разрушающее заклинание Илайи не сработало. Уж раз Бектис смог наложить заклятия погоды, которые поддерживали на горном перевале буран целых двое суток — а судя по тучам, ползущим с гор, бу-

ран еще продолжался — его заклинания, ограждающие «черепах» от повреждения, должны легко справиться с таким начинающим магом, как Илайя.

Противник кинулся вперед и начал ломать частокол между башнями, и очевидно было, что чары паники и страха, которые пробовала наложить на них девушка, не действовали. Возможно, Руди справился бы с этим лучше, но, опять-таки, если уж Бектис мог создать защитные амулеты против этих чар, может, и сам Ингольд ничего не смог бы здесь поделать.

С другой стороны, Илайя отлично справилась с заклинанием огня, и частокол охватило высокое пламя.

Враги кинулись назад, роняя щиты и падая под градом стрел. Запястье Джил горело от боли в том месте, где тетива ударяла по кожаной гарде. Пальцы тоже болели, а глаза разъедало дымом, и стало трудно целиться. Узкая глотка дороги извергала все новых и новых воинов в доспехах, с огромными щитами. Следом шли рабы. Доспехов на них не было. Они тащили хворост и громоздили его вокруг сторожевых башен.

— Да-да, — тихонько сказал Янус. — Пора все это прекращать, детишки. Кажется мне, им очень, очень нужно войти вовнутрь.

Удивления в его голосе не было. Конечно, подумала Джил, ни один командир не будет собирать такое огромное войско и тащить с собой столько снаряжения для случайного набега.

С обеих сторон дороги полетела вторая волна стрел — это Ланк Яр со своими охотниками откликнулся на сигнал Януса прикрыть защитников Убежища. Падали, умирая, рабы — невинные жертвы войны. Башня заполнялась дымом, и лучники побежали вниз по лестнице. Джил кашляла, задыхаясь от гари и жара. Пожа-

луй, это оказалось самым тяжелым испытанием, и в этот единственный раз она действительно была в опасности. Она закинула лук за спину и присоединилась к стражам — и к войскам Анкреса, лорда Скета и воинам Церкви, которые помогали лучникам в южной башне. Все бежали через открытый Дол к Вратам Убежища.

Доктору Баннистеру следовало бы видеть меня сейчас, усмехнувшись, подумала Джил.

Если бы «черепахи» сумели быстро пробраться сквозь горящий частокол и проделать проход для лошадей, враг мог бы догнать и уничтожить отступающие силы Януса.

К счастью, они не успели. Джил не рискнула оглянуться, пока все они бок о бок бежали две с половиной мили от Высоких Ворот на холм, к Убежищу. Она обернулась, задыхаясь, только на ступенях. Остальные бежали мимо нее, сквозь Врата. Небольшой отряд кавалеристов Алкетча преследовал их, к счастью, безуспешно. В осиновых рощицах, окружавших башни, охотники Ланка Яра все еще осыпали нападавших градом стрел.

Когда Врата закроются и войско Алкетча заполнит Долину, Ланк Яр и его охотники будут предоставлены самим себе. Конечно, думала Джил, мимо которой все шли и шли стражи и воины Анкреса в своих белых одеяниях, они нанесут немалый урон, но никоим образом не сумеют заставить захватчиков отступить.

Огонь вокруг башен горел уже не так яростно. Белый дым струился в сапфировое небо, изредка пламя вновь разгоралось. Издали это походило на многоцветное шелковое полотнище, которое развевалось на ветру.

— У тебя появились какие-то новые идеи?

Рядом стояла Минальда с совершенно белым лицом. Она крепко держала за руку

Гизу. Темноволосая девочка смотрела вокруг с изумлением в огромных темно-синих глазах.

Джил глубоко вздохнула.

— Нет, — сказала она. — И, раз у меня есть выбор — вовнутрь или наружу... Думаю, внутри от меня будет больше пользы. Мне кажется, не очень-то я смогу помочь, когда ребята пойдут через перевал на поиски Тира.

Альда отвернулась и кивнула. Джил почувствовала, как она напряглась при упоминании имени мальчика.

— Эй, — мягко сказала Джил. — Ледяной Сокол найдет его. Он приведет его обратно. — Наверное, Чарльз Линдберг говорил то же самое своей жене. Правда, у Чарльза Линдберга не было Ледяного Сокола, когда они искали свое пропавшее дитя. — Как там Руди?

— Жив. — Альда сделала жест рукой, отметающий эту тему, слишком тяжелую для нее, и немного помолчала. — Венд говорит, никаких изменений. Я... мне кажется, все, что мы сейчас можем сделать — это сидеть и ждать.

Мимо пробежали последние соратники, задыхающиеся, но все равно подшучивающие друг над другом. В нескольких сотнях ярдов позади мчалась вражеская кавалерия, шипы на их шлемах сверкали на солнце.

Бледное весеннее солнце, думала Джил, такое яркое на свежей густой траве Дола. Его отблески на ледниках; опаловые стены вдоль черных утесов, такие высокие; серые сосны и серебристые ручьи; зеркальные проблески в болотах и бесконечные акры сланча. Ястреб, парящий в небесах. Утренний свет... Она впитывала все это в себя, поступая в точности, как ее школьная подружка Шерри Рейнхольд, которая бежала на последнюю пирушку перед тем, как сесть на диету, начинавшуюся всегда завтра...

Внутрь или наружу? Что выбрать? Никто не знает, как это надолго и чем закончится.

— Пора заходить, моя госпожа. — Янус стянул с головы шлем. Седеющие рыжие волосы прилипли к лицу. Его курносое лицо выражало крайнюю озабоченность. От него сильно пахло потом. Как только Врата закроются и войско Алкетча сможет окружить черные стены Убежища, возможности людей внутри будут крайне ограничены.

От двойного столба дыма под восточной горой ползли черные шеренги врага. На оружии сверкало солнце, знамена напоминали ковер из полевых цветов, который они так безжалостно топтали. Илайя видела в магическом камне их обозы. Бог свидетель, Убежище Прандхайза было далеко отсюда, но Южное — еще дальше.

Врата за ними захлопнулись, Янус и Калдерн повернули кольца запоров. Эхом откликнулись скрытые болты и решетки, не столько звук, сколько дрожь в тенях мерцающих камней прохода. Джил обняла Альду за плечи. Они последними вошли в Убежище.

Вторые Врата; толстый металл, сделанный в древние времена, лязгнул, и все было запечатано.

— Все кончилось. Смотреть больше не на что...

Кто-то увидел Минальду и начал аплодировать. Звук эхом отдавался на узких мостиках верхнего уровня и между изогнутых черных стен. Если ты победил в бою утром, подумала Джил, очень трудно заняться стиркой или садом после обеда.

(«Во время осады все жители близлежащих деревень пришли в замок», — сказал доктор Баннистер, нервно жуя свой галстук.)

Весь Придел пропах сеном. Запах шел и от гниющих куч кормового картофеля; в те-

чение тысячелетий в этом мире знали только его, пока Руди два года назад не обнаружил настоящий картофель. После этого открытия Убежище полностью обеспечивало себя пищей. Конечно, люди все еще сажали кукурузу и пшеницу, но это уже было как бы излишком и частенько использовалось в качестве поощрения. У них еще был скот и овцы, так что они могли выдерживать осаду очень долго. Две женщины спорили, чья очередь сгребать овечий помет. Мужчина, не принимавший участия в битве, объяснял лорду Анкресу, как можно было запросто отразить нападение. Ришью Хетакебниона со встрепанными, слипшимися от пота волосами, рвало в углу.

Минальда оглянулась на Мелантрис и Януса, запиравших на засовы внутренние Врата.

— Теперь придется только ждать, — пробормотала она, потерев лоб. Гиза тянула ее за руку, ей хотелось побежать через дверь, ведущую в помещение для скота.

— Как только буран закончится, Яр пошлет людей на помощь Ледяному Соколу...

— Если ему нужна помощь. — Джил усмехнулась, и Минальда ответила ей слабой улыбкой. — Не думаю, чтобы буран продлился больше одного-двух дней. Потом они смогут начать. Тем временем Яр и его мальчики зададут жару этим, снаружи. С нами все будет в порядке.

— С нами все будет в порядке. — Минальда повторила эти слова, словно заставляя себя поверить в них, и глубоко вздохнула. — А пока эти люди... Ну что они сумеют сделать? Внутрь попасть они не могут. Они, конечно, оставят Дол без дичи, и очень скоро. А что потом? Ждать зимы? Ждать, пока они устанут? Или пока приедет Ингольд?

Джил взяла ее за руки, поглядев на горы корма для скота и на продукты. Эти горы

были в два человеческих роста, и все же почти незаметны в громадном пространстве Придела. Люди рассаживались вокруг кучек светящихся камней с кипами колышков, перьев и кремней, чтобы делать стрелы и слушать сказителей. Это было привычным зимним занятием, когда не было дичи для охоты или бураны не позволяли выйти наружу. У Врат в ореоле колдовского света стояла Илайя, проверяя, сможет ли она связаться с помощью магического рубина с братом Вендом и с охотниками Ланка Яра снаружи. К ней подошли Янус и лорд Анкрес, задавая вопросы о черных воинах и рабах, об осадных машинах и повозках с провиантом, сгрудившихся у Врат.

У единственного входа и выхода.

Непроницаемого для тех, кто хотел войти в Убежище.

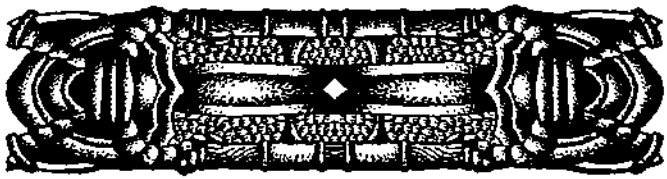
Джил не знала, может, ей и стоит промолчать, но она должна была сказать то, о чем думает.

— Дело в том, Альда, — промолвила она, — что воины Алкетча наверняка знают: все, что они могут — это сидеть снаружи, пока не наступит зима и они не окажутся погребенными под снегом. Они должны были знать, что у нас здесь есть волшебники, которые сумеют увидеть, как они идут к нам, и что мы успеем укрыться и запереться внутри. Поэтому вопрос в следующем: почему их это не беспокоит?

Альда вздохнула, плечи ее поникли.

— Лучше не спрашивай, — сказала она.

Глава седьмая

Понимаешь, сестра, я думал, что меня убьют, — сказал Ледяной Сокол, не громче, чем шелест ветерка в траве, росшей по краям оврагов, мимо которых они ехали верхом. — На Совете, когда Полдень пришел на Призрачные Горы, я подслушал, как Голубая Дева сказала одному из своих друзей: «Я увижу, как вы поймаете Маленького Танцора и Песчаного Кота.» Не помню, что ей обещали в ответ, но знаю, что имелось в виду: надо убить меня. Поэтому, когда Полдень спустился с горы и поцеловал меня поцелуем смерти, я отнесся к этому... с подозрением. Понимаешь, это было как-то очень кстати.

Здорово было снова ехать верхом. Холодная Смерти привела с собой трех коней из потомства Вечерней Звезды, выращенных Поющими Лягушками в Крае Хорошей Воды. Кони уверенно шли по холмам, покрытым высокой травой и дикими цветами. По мнению Ледяного Сокола, Потерявший Путь не очень быстро соображал, но он хорошо подходил для того, чтобы охранять Тира.

Мысли Ледяного Сокола тревожно перекинулись с Ваира на-Чандроса и возможного вреда от магии южанина на то, что его — их всех — могло ожидать здесь, в Истинном Мире.

Холодная Смерть слушала, не перебивая, рассказ о жизни Ледяного Сокола на востоке от гор как до, так и после прихода дарков: о его встрече с Элдором, об Ингольде, о стражах и

Убежище, и, конечно, о Тире. Слушала она и о том, что ему рассказал Потерявший Путь о Мудрейшем — Рогатом Пауке.

— Полдень вырастил нас с тобой, когда были убиты Кошачий Хвост и Желтая Бабочка. — Он назвал родителей по именам, как было принято среди Говорящих со Звездами. — Я должен отплатить Голубой Деве не только за то, что она сделала мне в тот день, но и за то, что она сделала ему. Когда Полдень пришел ко мне в свете костра, во взгляде его была смерть. — Он немного поколебался, потом спросил: — Когда он умер?

— На следующее лето, — ответила она. — На том месте, где Скалы Похожи на Виноград. После того, как он отдал свои амулеты и коней Голубой Деве, он сильно заболел, уже не мог охотиться и только пил отвар черной черемицы.

Ледяной Сокол молчал. Перед его глазами вновь возник старик, вышедший из ночи, рука с белой ракушкой протянута вперед, пальцы трясутся, а в небесно-голубых глазах плещется неизбывная печаль.

— Звезды велели нашим Праотцам, — тихо продолжала Холодная Смерть, — чтобы к ним отправляли посланцев. Самых храбрых и самых сильных, настолько сильных, чтобы те могли пройти через Долгое Жертвоприношение, не уклоняясь и не убегая. Они назвали тебя трусом.

— Я думаю, это сказала Голубая Дева. — Его голос внезапно посуровел.

— Они все это сказали.

Ледяной Сокол промолчал, глядя поверх головы лошади на неровную стену тополей и машинально отмечая форму ветвей, густоту или скудость листвы.

— Мог ли Полдень пережить, что тот, кого он вырастил, как сына, отказался совершить путешествие в другой мир ради своего наро-

да? — Она говорила рассудительно, хотя он знал, что Холодная Смерть с тех пор, как повзрослела, всегда находила возможность не присутствовать на Летних Советах, когда совершалось Долгое Жертвоприношение. — Без посланца наш народ был в опасности всю зиму.

— Произошло несчастье?

— О брат мой, — вздохнула она, — несчастья происходят все время. Нет, наш народ счастливо пережил ту зиму, все, кроме стариков и детей, которые умерли, но старики и дети всегда умирают. Но с каждой новой смертью Полдень очень горевал. Он оказался между двух огней, брат мой — радовался, что ты жив, и стыдился своей радости.

— Но ведь меня не выбирали, — упрямо сказал Ледяной Сокол.

— Он считал, что выбрали. — Она говорила и смотрела вокруг, подмечая каждого кружащего над головой ястреба, каждую греющуюся на солнце ящерицу, каждую шевельнувшуюся травинку. Она наложила чары на всех трех лошадей, так что они могли передвигаться спокойно, без риска быть замеченными, но все же ни Ледяной Сокол, ни Холодная Смерть не пренебрегали обычными предосторожностями при путешествии в Истинном Мире: они уничтожали свои следы, держались ближе к скалам, говорили полушепотом; к этому приучали всех детей, рожденных на севере. Ледяной Сокол успел убедиться на Перевале Сарда — каким бы могущественным ни был шаман, где-нибудь обязательно поджидает еще более могущественный.

Холодная Смерть посмотрела на него своими черными глазами, и Ледяной Сокол понял, что ей необходимо поговорить об этом.

— Я ничего не мог доказать, — неохотно сказал он. — Я не знаю, как это было сдела-

но. А вот Голубая Дева знала. И Голубая Дева всегда была моим врагом, даже до смерти Солнечной Голубки на Месте Трех Коричневых Собак. Голубка погибла из-за собственной слабости, и я ничего не мог сделать, чтобы спасти ее, но Голубая Дева обвинила в ее смерти меня. Но еще до этого Голубая Дева считала себя наследницей Полдня. А ты, сестра моя, исчезла ко времени Летнего Совета, иначе я обязательно разыскал бы тебя. Я собирался это сделать, но после Летнего Совета и Полдень, и Наблюдающий Воду, да и все остальные преследовали меня, поэтому мне пришлось бежать.

Холодная Смерть все еще молчала, положив руки на колени, и мысленно разговаривала со своей лошадью, как делали все Мудрейшие. Гудел ветер, а высокие утесы ограничивали видимость, и Ледяной Сокол нервничал, как всегда, когда не мог хорошо видеть окрестности.

— Я в общем-то ждал, что на Летнем Совете мне будет брошен вызов, — сказал он. — Я даже в те дни был достойным соперником силе Голубой Девы, хотя она почти на десять лет старше меня. Нападай она на меня из засады, или подложи мне в еду яд, или приди по мою душу, когда я спал — все было бы лучше, чем то, что она на самом деле сделала. Она не только изгнала меня из моего племени, о сестра моя, и не только украла мое право быть их вождем, которое Полдень наверняка передал бы мне. Она сделала своим орудием Полдня, старого человека, и это в последнее лето, когда он был в силе! И он встретил свою смерть, думая обо мне, как о трусе, думая о том, что все годы моей учебы пропали втуне. Вот за это я никогда не прощу ее.

На холмах справа густо рос сланч, спускаясь вниз, в небольшой ручей. Из него выползала целая куча раздувшихся тварей, ковыляю-

щих на подгибающихся ножках. Конь Ледяного Сокола по кличке Пожиратель Скорпионов запрокинул голову и зафыркал, но Зола — кобыла, на которой уже много лет ездила верхом Холодная Смерть, только неодобрительно засопела. Она очень походила на Говорящих со Звездами тем, что ее ничто не могло поразить.

А может быть, подумал внезапно Ледяной Сокол, теперь в Истинном Мире часто можно видеть подобную картину.

Прошел быстрый дождь, весенний ливень, обычный для этих мест, хотя Ледяной Сокол заметил, что и дожди сейчас шли реже, чем двенадцать лет назад.

Они остановились отдохнуть в кустах орешника у подножья холма, и Ледяной Сокол попросил Холодную Смерть проверить его след к Перевалу Сарда и Убежищу, хотя и был почти уверен, что его никто не преследует. Тучи еще нависали над горой, синевато-серые внизу и ослепительно-белые наверху. Ледяной Сокол еще ни разу не видел, чтобы Мудрейший мог так надолго привязать заклинание погоды к одному месту. Холодная Смерть сорвала травинку и провела ею по серебристой луже, оставшейся на лежбище бизона. Потом она села, вытянув ноги, и уставилась на песчаную отмель.

— Перевал покрыт толстым слоем снега, брат мой. — Она взглянула на него из-под длинных прямых ресниц. — Видны следы оленя и кролика, а вот следы человека всякий раз обрываются под снежной лавиной — одного, двух, нет — трех человек. И никто не приходил туда с запада.

— Мне так и показалось, что Бектис не волновался об этом — заметил Ледяной Сокол. — В убежище есть шаман, чужеземец по имени Руди Солис, сын далеких звезд. Ты можешь с ним поговорить?

Она несколько раз повторила имя, как всегда делали шаманы, потом снова провела травинкой по воде: Мудрейшие Истинного Мира не пользовались магическими кристаллами, как это делали цивилизованные чародеи, они использовали вещи, которые приходили и уходили, например, воду или огонь. Только шаманы Народа Соли делали зеркала из обсидиана и крови.

Шумела вода в ручье да ветер, все еще пахнувший бураном, ерошил ее неаккуратно подрезанные волосы. Ее лицо походило сейчас на лицо ребенка, занятого важной игрой. Она покачала головой.

— Он не отвечает мне.

— Там еще есть женщина по имени Илайя, — сказал Ледяной Сокол. — У нее рыжие волосы, и она умеет играть на флейте, сделанной из кости оленя. Она родилась в Геттлсенде в Весну Множества Леммингов.

Холодная Смерть в третий раз уставилась на воду. Ледяной Сокол заметил, что она до сих пор не избавилась от привычки грызть ногти. Его первые воспоминания о ней были связаны с крошечной пухленькой девочкой, которую никто не видел во время сезона летней охоты — такие она накладывала на себя чары после смерти родителей. Черноволосых детей в Истинном Мире старались избегать, иногда их изгоняли из племени, обрекая этим на смерть, потому что они были очень заметны в высохшей траве прерий. Холодная Смерть очень хорошо заботилась о нем, но все же Полдень и его жена взяли его к себе, потому что решили, что она исчезла — такой незаметной умела становиться его старшая сестра.

— Ты Илайя? — неожиданно спросила Холодная Смерть, обращаясь к луже. — Отлично! Я Холодная Смерть, сестра Ледяного Сокола. Да, он здесь. Он хотел поговорить с чуже-

земцем Руди Солисом. Она говорит, что он жив. — Теперь она обращалась к Ледяному Соколу. — Мне очень нравятся твои волосы — тебе непременно нужно вплетать в них голубые цветы, — сказала она в воду для Илайи. — Это будет чудо как красиво. — И снова повернулась к брату. — Он в таком состоянии с тех пор, как стражи принесли его домой. Она говорит, все, что она может сделать, это удерживать его в живых, пока не появится старший Мудрейший. Она говорит, он уже в пути, вышел из Города Стен.

— Может, она сумеет объяснить, — ехидно спросил Ледяной Сокол, — тот факт, что до сих пор никто не пошел через перевал, чтобы помочь мне освободить принца Тира? Может, мне следует все бросить и вернуться в Убежище, раз никому больше нет до этого дела?

Холодная Смерть вновь обратилась к луже. Зола и Пожиратель Скорпионов щипали траву вокруг кустарника, а третья лошадь, Боящаяся Цветов, мирно паслась в некотором отдалении, то и дело прядая ушами.

— Мудрейшая Илайя говорит, что никто не пошел за тобой, потому что это невозможно, брат мой. — Холодная Смерть подняла голову с очень удивленным видом. — Всякий раз, как кто-то пытался пройти перевал, сходили лавины. Более того, сейчас Убежище окружили люди в доспехах, которые пришли из нижней долины; черные люди, коричневые и золотистые. Они расположились перед Вратами, направив на них все свое оружие, и готовы убить всякого, кто откроет Врата. Теперь все заперты внутри, едят одну картошку, жалуются на вонь от овец и кричат друг на друга, решая, что нужно сделать.

Ледяной Сокол уставился на нее так, как будто она ударила его, а Холодная Смерть ухмыльнулась, как те маленькие и безобидные

демоны, которых иногда можно увидеть в оврагах.

— Теперь я и сама вижу их, брат мой, — сказала она. — Синий дым их костров висит в воздухе, и копья сверкают в свете костров, как звезды. Я думаю, это воины Алкетча, как и твой Ваир, который едет на север.

Ее ухмылка стала еще шире, и она негромко поцокала языком. Услышав этот звук, Зола и Пожиратель Скорпионов потрусили к тому месту, где сидели она и Ледяной Сокол.

— Я люблю совпадения, а ты?

— Скажи мне, в чем совпадение, и я тебе отвечу, — сухо отозвался Ледяной Сокол.

* * *

Солнце садилось, и по траве протянулись тени. Бизоны поднимали головы, когда они проезжали мимо, их лохматые загривки были выше, чем всадник верхом на коне. Несколько раз Ледяной Сокол видел животных, которых не было в этих местах двенадцать лет назад: носорогов, мамонтов и широкорогого лося из Края Ночной Реки. Холодный ветер дул в спину.

— Север выгнал нас, брат мой. — Холодная Смерть наклонялась вперед в ритм движениям своей кобылы. — Голубая Дева повела нас на юг, когда бизоны и мамонты перестали находить себе пищу. Все обледенело в ту зиму, как ты покинул нас, и бураны убили стадо Сливы. Теперь лед на севере покрывает весь Край Ночной Реки до самых Уродливых Холмов. Там все изменилось.

Ледяной Сокол уже слышал это от Потерявшего Путь, но все равно сердце его тронула печаль. Джил-Шалос иногда рассказывала о том, почему это произошло: странную историю о звездах и о том, что тепло солнца все сла-

бее... Она рассказывала много историй, когда они сидели у очага в комнате стражей, все странные, но очень увлекательные. Обитатели Истинного Мира знали, что Лед на Севере движется, но никогда раньше он не двигался так быстро.

Звезды сказали их Праотцам годы и годы назад: все, что здесь есть — это перемены. Не храните ничего, потому что рано или поздно все пропадет... Но он никогда не думал, что это коснется Края Ночной Реки. Было неприятно сознавать, как далек он от мудрости Праотцев — или от совершенства, к которому всегда стремился; понимать, что, несмотря на все его воспитание, он никогда по-настоящему не думал о смерти, которая коснется Полдня.

В овраге, все еще грязном после дождя, они обнаружили следы лошадиных копыт. Прошел боевой отряд числом сто тридцать пять человек, и двигались они на юг.

— Народ Пустых Озер, — сказал Ледяной Сокол, соскользнув с Пожирателя Скорпионов, чтобы как следует разглядеть следы мокасин. Он отметил, что Лающий Пес, младший боевой вождь этого народа, по-прежнему ездит на длиннохвостом коне мышастой масти, который приставлял левую заднюю ногу к передней. Потерявший Путь рассказал ему очень много о происхождении этого коня, которого звали Саблезубый, да и о родословных почти всех остальных коней в табунах Народа Пустых Озер. Животные были хуже, чем у клана Говорящих со Звездами, но сведения оказались довольно полезными.

Он снова сел верхом, догоняя Холодную Смерть.

— Надо полагать, Потерявший Путь со своим отрядом все время что-то вынюхивал, вместо того, чтобы охотиться.

— Ну, давай пожалеем его, что ли, —

отозвалась Холодная Смерть. — Нам сюда. — И она кивнула в сторону гряды холмов, с точки зрения цивилизованного человека ничем не отличавшейся от других. — Вот отсюда пойдем пешком.

Она соскользнула с Золы и похлопала кобылу по крупу. Вместе с жеребцом Ледяного Сокола кобыла не спеша потрусила к Боящейся Цветов. Далеко они не уйдут.

С вершины холма они хорошо видели Ваира на-Чандроса и его отряд.

Выглядело это внушительно, особенно для того времени. Двенадцать повозок, влекомых несколькими мулами каждая. Ничего удивительного в том, что Говорящие со Звездами заинтересовались, подумал Ледяной Сокол. За повозками следовали сменные лошади, мулы и небольшая отара овец в сопровождении внушительной охраны. Солнце отражалось в наконечниках копий. Сам Ваир на-Чандрос ездил вдоль обоза на черном коне — Ледяной Сокол вспомнил, что этот человек всегда выбирал черных лошадей. На нем были доспехи и шлем, украшенный ало-голубым шарфом, словно он собрался на войну, а серебряный крюк, который заменил его давно отсеченную правую руку, прятался под белым шерстяным плащом. Он был таким, каким помнил его Ледяной Сокол — элегантным и опасным до самых подошв позолоченных сапог, а его низкий, хриплый голос словно возвращал под стены Убежища ледяной ветер того часа, когда остатки войска Вейта упражнялись с огнеметами, чтобы напасть на Гнезда. Вновь повеяло запахом тумана того последнего утра, когда они собирались в поход на затопленные руины Гая, чтобы встретиться там с дарками. Послышались пронзительные вопли людей, которых поглощала тьма...

— Девяносто восемь человек, — бесстрастно заметил Ледяной Сокол, подперев под-

бородок руками и задумчиво глядя на высокую траву. — И больше тысячи отправились на осаду Убежища, захватить которое невозможно. Что вообще происходит?

Холодная Смерть покачала головой.

— Я знаю только, что попробовала заглянуть вон в ту высокую повозку, возле которой с двух сторон идут охранники, и не сумела.

— Еще один Мудрейший? — Ледяной Сокол знал, что Мудрейшие не могут проникать в тайны друг друга. Идея отнимать Тира у этих двоих нравилась ему все меньше.

— Возможно. Но это могущество, с которым я еще никогда не сталкивалась. Даже при дневном свете я вижу вокруг повозки слабое свечение, похожее на болотные огни, только более тусклое. — Она немного спустилась вниз по склону. Теперь они могли идти вдоль вершины незамеченными. Они скользили по склону холма, как тени птиц, держась параллельно обозу. — Ты говорил, что Убежище, ну, эту крепость, захватить невозможно?

— Его построили очень, очень давно Праотцы грязекопателей, — ответил Ледяной Сокол. — У Праотцов Мудрейших были особые магические устройства. Ваир на-Чандрос приходил к Убежищу семь лет назад, и он знает, что люди не могут разрушить его стены. А теперь ты говоришь мне, что он послал большую часть своего войска на восток, чтобы именно это и сделать, а ведь он вовсе не дурак.

— Дурак, если думает, будто девушка, на которой он женился против ее воли, забудет о том, что он с ней сделал.

Иногда Холодная Смерть очень походила на Джил-Шалос.

— Я думаю, — сухо сказал Ледяной Сокол, — что его учили рассуждать именно так.

Через несколько часов отряд Ваира оста-

новился. Повозки поставили в круг. Ледяной Сокол внимательно наблюдал за охраняемой повозкой, но не заметил никаких признаков того, что в ней ехал Мудрейший. Под усиленной охраной пустили пастись овец.

Три всадника, вооруженных луками и копьями, кружили с подветренной стороны небольшого стада бизонов, которые паслись у подножья холма, причем держались все трое рядом, как последние тупицы.

Ледяной Сокол, развалившийся на траве, покачал головой и сказал:

— Спорю на две стрелы, они спугнут бизонов.

— Я, конечно, твоя сестра, но я совсем не глупа, — усмехнулась Холодная Смерть. — И ты придержишь свои стрелы, и я свои. Они, между прочим, пытаются убить бизона с тех пор, как пересекли Ручей Летней Воды. Могут, конечно, добыть в овраге оленя — если только Народ Пустых Озер не нападет на них из засады.

Овраг тянулся на восток и густо порос тополями и осинами — в таком месте Народ Пустых Озер вполне мог разбить лагерь. Ледяной Сокол сказал:

— Не будут они нападать на лазутчиков из засады. Уж если здесь замешан Лающий Пес, они нападут на лагерь в полночь.

— Только полные тупицы могут напасть здесь, — возразила Холодная Смерть. Сквозь траву было хорошо видно Ваира, который беседовал с одним из своих лазутчиков, худощавым юношей, белые волосы которого были уложены в сложную прическу из множества косичек и хохолков, из-за которых он очень напоминал цаплю во время спаривания. Юноша показывал назад, на холмы. — Не нужно никакого колдовства — лагерь-то расположен высоко на холме, и вокруг все хорошо просматривается.

— Ну, мы же говорим про Народ Пустых Озер. Спорим на две стрелы!

— Ты относишься к ним предвзято! — фыркнула Холодная Смерть. — С другой стороны, это действительно Народ Пустых Озер. Я ставлю на то, что они нападут на рассвете.

Несмотря на очень удачное расположение лагеря, Ваир на-Чандрос, похоже, разделял опасения Ледяного Сокола. Даже если он не знал о склонности Лающего Пса к ночным набегам, следы ста тридцати пяти верховых воинов скрыть было невозможно. Между повозками развесили цепи, овец загнали в загон. На крыше каждой повозки и на шестах, воткнутых в землю по всему периметру лагеря, обритый наголо священник развесил амулеты, отпугивающие демонов, из стекла и бусинок — Ледяной Сокол видел точно такие же на крышах домов, а также на поясе и на шее почти у всех жителей южных стран. В основном эти амулеты обладали довольно ограниченным действием: южане очень тревожились по поводу демонов, которые могли напугать их ночью.

Ледяной Сокол не мог избавиться от неприятного ощущения, что за ним наблюдают. С того места, где они лежали, было хорошо видно, как возле самой большой повозки с голубой крышей поставили большую квадратную палатку. Но до сих пор не было видно ни мага, ни чего-нибудь, могущего, наконец, прояснить намерения Ваира.

— Что это они делают — пытаются затемнить свет, который горит внутри? — выдохнул Ледяной Сокол, увидев, как они укрывают палатку несколькими слоями черной ткани. — А костры они тоже так закроют, чтобы их не было видно?

За работой наблюдал коренастый белый человек, тоже обритый наголо, как клоны Бектиса и священник, но с узкой полоской светлых усов. Он снял свою тяжелую кожаную курт-

ку, и Ледяной Сокол увидел тройной алый пояс, который в южных странах носили только профессиональные Правдоискатели. Он прошел в палатку, вышел из нее и снова вошел. Когда он вышел из палатки во второй раз, к нему подошел Ваир и о чем-то поговорил с ним, потом дал какие-то указания худому высокому пожилому человеку с длинными белыми усами — по ленточкам на одежде и золоченым пикам на шлеме Ледяной Сокол понял, что это второй человек по чину.

Белоусый отрицательно покачал головой, потом еще раз. Неясно, чего именно Ваир от него хотел, но согласился тот только после того, как поговорил с Правдоискателем. Воины разжигали костры и раскатывали постели, а он ходил по лагерю, останавливался то возле одного воина, то возле другого, говорил им что-то, приобняв за плечи и кивая с очень мрачным лицом. То же самое делал и Ваир.

Бизоны у подножья холма разбежались довольно далеко. Охотники вернулись в лагерь с тремя оленями. Небо покрылось тысячью оттенков синевато-багрового, золотого и оранжево-розового цветов, и на нем появилось безумное кроваво-красное сияние, впервые возникшее в Год Двух Землетрясений, за год до Безлетнего Года.

Джил объясняла Ледяному Соколу, что цвета, в которые окрашивается небо, связаны с мировым похолоданием и движением Льда на Севере, и почему у них не было лета в позапрошлом году, но после ее объяснений у Ледяного Сокола возникло твердое убеждение, что Праотцы, отвечающие за небеса, неожиданно полюбили красные и золотые цвета. А что касается Льда на Севере, так он сдвигался на несколько футов, а то и ярдов, каждый год.

Стемнело. Люди в лагере хорошо знали правила ведения войны, поэтому сидели да-

леко от костров, несмотря на холодный ветер, который метался по прерии, как голодное привидение. Ледяной Сокол видел, как они время от времени смотрели на квадратную черную палатку, из которой не было видно ни огонька. Некоторые воины, взглянув на палатку, делали знак благословения.

В овраге зашелестели кусты, словно подул ветер. Что-то похожее на дым клубилось на земле среди тополей и над блестевшей водой, но стоило посмотреть туда, как все исчезало.

Появилась шафрановая полоска света — кто-то поднял откидное полотнище палатки. Амулеты, отпугивавшие демонов, заискрились.

Вышел Белоусый. Он поманил рукой одного из тех, с кем разговаривал раньше, и Ледяному Соколу вспомнился Полдень, вышедший из темноты с белой ракушкой в руках.

— Им это не нравится, — прошептала Холодная Смерть. — Посмотри-ка на них.

Она родилась волшебницей, поэтому видела в темноте лучше брата, но Ледяной Сокол прополз немного выше по холму и действительно разглядел, как воины, сидевшие рядом с повозкой, заерзали, переглянулись и начали что-то бормотать друг другу.

Никто не спал. Те, кто не стоял на часах, сидели на одеялах. Некоторые по двое, по трое ближе придвинулись к костру. Они вроде бы играли в палочки — игра еще более простая, чем кости, в которые непрерывно играли в комнате Стражей в Убежище, но было очевидно, что не игра занимала их. Ледяному Соколу на мгновение стало жаль, что он не может пойти в лагерь и поиграть с ними по самым высоким ставкам.

Луна взошла поздно и выглядела так жалко, как больной ребенок, готовый умереть. Тусклые звезды глядели на нее сквозь прищур

желтых глаз. Крик раздался между вторым и третьим часом ночи.

Ледяному Соколу редко доводилось слышать более жуткий вопль, даже во время Долгого Жертвоприношения.

— Кожу сдирают? — прошептал он Холодной Смерти.

— Похоже на то.

Прижавшись к земле, они как можно ближе подползли к лагерю. Что-то двигалось позади Ледяного Сокола, он краем глаза уловил слабый блеск, но, повернувшись, ничего не увидел — может, ничего и не было. Потом заколыхалась трава, хотя ветер не дул.

Демоны.

Крик прервался. Должно быть, Правдоискатель воспользовался кляпом.

— Вот так грязекопатели приносят жертвы? — требовательно спросила Холодная Смерть.

Ледяной Сокол покачал головой. Из любопытства он пытался отделить этот звук от приглушенного шума лагеря, но больше ничего из черной палатки не слышалось.

— Правдоискатель работает для людей, а не для Праотцев, — сказал он. — Грязекопатели называют своих Праотцев «святыми», а на Юге они приносят жертвы, посвящая им бои гладиаторов. Они заставляют гладиаторов убивать друг друга, а эти их «святые» сами решают, кто погибнет, а кто останется в живых. На Севере, в Убежище Дейра, они только обещают своим «святым» всякие вещи, например, деньги, или какие-нибудь деяния.

— Зачем их Праотцам вещи? — удивилась Холодная Смерть. — Они же умерли. И почему их так волнует, чем занимаются их дети?

Ледяной Сокол пожал плечами.

— Их священники мне все объясняли,

но это бессмыслица какая-то. Некоторые, например, убивают для «святых» козу или парочку голубей, но все это делают тайно, а на Севере и вовсе больше не делают, потому что голубей там не осталось. А когда я был на Юге, так слышал, что некоторые убивают людей, чтобы ублажить демонов или подкупить их, чтобы они оказали тебе услугу.

— Демоны не оказывают услуг. — Холодная Смерть посмотрела назад, в овраг — там в луже воды пошла рябь, словно тысяча рыб одновременно всплеснула хвостами. — У них нет тел, и нужно быть полным идиотом, чтобы доверять им.

— Люди на Юге и есть полные идиоты. — Ледяной Сокол еще раз пожал плечами. — Во всяком случае, большинство из них, раз надеются на исполнение своих желаний.

Яркая полоса света вновь прорезала ночь, как злобная красная ухмылка. Появился Ваир на-Чандрос, ведя за руку человека, ступавшего неуверенно — так ходят люди, у которых дрожат ноги. Ледяной Сокол увидел его, когда они проходили мимо костра, и был почти уверен, что это тот воин, который первым вошел в палатку. Почти — потому что теперь он был лыс и без усов. Ваир обнимал его за плечи, и, хотя слов на таком расстоянии было не разобрать, его грубый голос звучал мягко и ласково. Насколько Ледяной Сокол мог слышать, человек ничего не отвечал.

Они вместе дошли до часового, стоявшего за кругом повозок, в дюжине ярдов от Ледяного Сокола и его сестры.

— Дранн, — сказал часовому Ваир. Дальше он перешел на южный язык ха'ал, но Ледяной Сокол его почти не знал. Ваир потрепал человека, которого привел с собой, по плечу, поставил его на место часового и взял Дранна за руку. Дранн оглядывался на нового часового и, похоже,

находился в нерешительности, но Ваир вел его через лагерь в черную палатку.

Снова полоска света, силуэт Правдоискателя внутри и — темнота.

Криков больше не было, но подул ветер, и Ледяной Сокол почуял запах крови.

* * *

Народ Пустых Озер напал на рассвете. Где-то между полночью и рассветом Ледяной Сокол смирился с тем, что Холодная Смерть выиграет у него две стрелы.

Впрочем, ему еще никогда не удавалось выиграть у нее пари.

Сначала он услышал крики мулов, потом стальное клацанье изогнутых в обратную сторону луков южан, потом крики людей. Холодная Смерть и Ледяной Сокол несколько раз сменили место и теперь лежали в густом кустарнике между лагерем и началом череды холмов. Они увидели людей, мечущихся в круге повозок между мулами, лошадьми и овцами.

Животные перепрыгивали через цепи и рвали их, спасаясь от рычащих боевых псов. Потом группа всадников Лающего Пса вылетела из оврага и, как пущенное копье, стремительно понеслась на повозки.

Из-за повозок летели стрелы. В бой кинулись всадники, многие дюжины, впереди скакал Белоусый, подняв вверх изогнутый меч. Когда воины Лающего Пса приблизились вплотную к повозкам, из-за них выбежали еще люди во главе с Ваиром, сверкали мечи, Ваир подгонял их. Двадцать, тридцать, сорок человек...

— Где они прятались всю ночь? — спросил потрясенный Ледяной Сокол. Воинов Алкетча было уже больше ста пятидесяти, и они зна-

чительно превосходили своего противника числом.

Холодная Смерть в замешательстве потрясла головой.

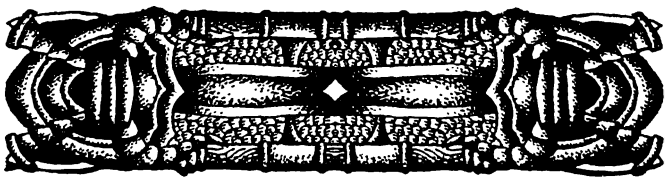
Но они все были там, и, когда мечи начали ломаться и люди сошлись врукопашную, стало ясно, что это вовсе не наваждение, наведенное Мудрейшим. Отразив первую атаку, они остались около повозок, не отходя от них, и разили врага, только если люди Лающего Пса подходили достаточно близко для удара. Воины Алкетча разворачивали коней, и нападающие падали от ударов копий. Наконец люди Лающего Пса побежали к холмам. Один из них пробежал совсем близко от кустов, в которых прятались Ледяной Сокол и Холодная Смерть.

— Он что, может делать людей из воздуха? — прошептал Ледяной Сокол. Он видел врагов, которых хорошо знал — Серого Мамонта, Стадо Диких Свиней, Летящую Птицу и других. Они лежали в траве, истекая кровью. Видел он и колыхание травы возле умирающих, и кровавые следы вокруг лежащих тел — это были демоны.

— Похоже, что может, — сказала пораженная Холодная Смерть.

Это не сулит ничего хорошего тем, кто сейчас в Убежище Дейра, подумал Ледяной Сокол.

Глава восьмая

Она говорит, что в жизни о таком не слышала.

Ледяной Сокол презрительно фыркнул. Правда, конечно, что Илайя пока прожила не так уж долго, но правда и то, что ее пять лет учил Вот, Змеиный маг, в полуразрушенном Убежище Черных Скал в Геттлсенде, где сейчас обитали почти все уцелевшие маги. Правда и то, что теперь ее наставник — Ингольд.

— Спроси ее, как там дела с осадой.

Над равнинами солнце поднялось на несколько пальцев над горами. В воздухе вился дымок и пахло кукурузной кашей. Духи земли и воды, привлеченные запахом крови и смерти, уже вернулись назад в камни и ручьи, а демоны растаяли в прозрачном воздухе. Ледяной Сокол подозревал, что далеко они не ушли. Интересно, видит их Холодная Смерть, как видят великие шаманы, или нет?

— Она говорит, все в порядке. — Холодная Смерть слегка нахмурилась. — Она говорит, что южные воины даже не попытались взломать Врата.

— Да? — Ледяной Сокол сел на камень и обнял своими длинными руками колени.

Почему-то он даже не удивился.

Ему вспомнился купец, южанин с коричневым лицом, который заявил, что он из Пенамбры, тот самый, который рассказал Ингольду про тайник с книгами в особняке в Гае. Он на-

звал имя Хариломна-еретика, и Ингольд тотчас отправился в Гай.

Не нужны Мудрейшие или их магические кристаллы, чтобы сделать вывод, что тот человек был подослан Ваиром.

Грифы уже кружили над трупами. Ледяной Сокол вытащил из сумки кусок сушеной оленины и начал задумчиво жевать.

— А как дела у Руди Солиса?

Ледяная Смерть задала его вопрос Илайе. Ледяной Сокол представил саму Илайю, сидящую, скорее всего, в длинной рабочей комнате чародеев с пошарпанным дубовым столом и огромными шкафами, наполненными свитками, табличками и книгами, которые они спасали из всех библиотек и особняков, в которые сумели попасть, от западного океана до Фелвуда. Ряды архивных кристаллов сверкают на полках — воплощение Былых Времен для тех, кто умеет их читать. Он подумал, может, и Джил там, изучает кристаллы с помощью магического стола из черного камня, который стоит в углу комнаты, видит в них лица тех магов, которые своими заклинаниями и секретными механизмами сумели построить Убежища перед первым нашествием дарков.

Не склонный к умственной деятельности и чрезвычайно ленивый в повседневной жизни — очень разумно отдыхать и сберегать энергию, когда нет никаких происшествий или необходимости готовиться к ним — Ледяной Сокол наблюдал за упорными занятиями Джил с некоторым замешательством.

Она уже многие годы собирала воедино по крупицам историю за три с половиной тысячелетия, прошедших между первым и вторым появлением дарков, и о Былых Временах, пытаясь узнать все, что можно, о мире, который дарки так давно уничтожили. Она это делает, гово-

рила она ему, так же, как сам он находит давно остывшие следы по царапинам на скалах или по семенам в крошащемся навозе. То, что она занимается этим наряду с суровой тренировкой, предписанной стражам, и воспитанием сына, который как раз учится ходить и суется всегда в самые неподходящие и даже опасные места, было для Ледяного Сокола подтверждением ее инородности в этом мире.

— Она говорит, он до сих пор в бессознательном состоянии. — Бормотание Холодной Смерти оторвало его от размышлений. Она протянула руку, и Ледяной Сокол подал ей кожаную сумку — Холодная Смерть просто обожала оленину, подслащенную кленовым сахаром. — Она говорит, что госпожа Альда ухаживает за ним и совсем не спит. Она очень расстроена.

— Мальчик Тир — ее сын.

Его внимание привлекли изменения в голосах людей и жалобные крики мулов. Ледяной Сокол пополз по склону, прячась за камнями, пока не нашел удобное место, где можно было без опаски выглянуть из травы. Оказалось, что лагерь не снимается с места — они просто собирались завтракать. Эти южане ленивы, как медведи летом. Люди собирались вокруг костров, протягивали за едой деревянные тарелки и миски, сделанные из высушенных тыкв. Головы у всех были голыми, как у новорожденного младенца, а ноги обернуты полосками сыромятной кожи, как у клонов Бектиса.

На таком расстоянии трудно быть в чем-то уверенным, но Ледяному Соколу показалось, что все они были одного роста и телосложения.

В утреннем безветрии стенки черной палатки не колыхались, и казалось, что они поглощают слабые солнечные лучи. Амулеты против демонов по-прежнему висели на шестах, по-

хожие на трупы хрустальных насекомых, сверкающие и зловещие.

Ледяной Сокол вернулся к сестре и спросил:

— Ты можешь поговорить с Мудрейшим по имени Ингольд Инглорион? Когда-то Народ Белых Озер называл его Олтас Инхатос, Пустынный Странник.

— Ага, — мягко сказала Холодная Смерть и улыбнулась. Потом слизнула с пальцев жир, сорвала еще одну травинку, провела ею по маленькой лужице, покрытой льдом, и уставилась в нее своими черными и блестящими, как у степной собачки, глазами.

— Олтас Инхатос, — позвала она. — Пустынный Странник. Ты меня не помнишь, но... — Потом замолчала и улыбнулась, слушая ответ Пустынного Странника.

— Даже так? — сказала она. — Я в бесплодных землях, в дне пути на юг от Бизоньего Холма, вместе с моим братом Ньягчилосом, Небесным Бродягой, Ледяным Соколом из клана Говорящих со Звездами. Здесь плохой человек с крюком вместо руки, его зовут Ваир на-Чандрос... Нет, он не со мной, он разбил здесь лагерь, и нам кажется, что он делает воинов из воздуха. Мы думаем, именно он послал войско на Убежище в Долине Ренвет. Кроме того, мой брат говорит, что это он подослал к тебе коробейника, чей рассказ выманил тебя в Гай — и тогда Бектис смог незамеченным пробраться в Убежище и похитить мальчика Тира.

Ее улыбка сделалась еще шире, и она сказала Ледяному Соколу:

— По-моему, он учился ругаться у пастухов из Геттлсенда. Мой маленький братец растерялся, — продолжала она, снова обращаясь к замерзшей лужице, — и не знает, что делать.

— Я такого не говорил, — холодно заме-

тил Ледяной Сокол. Ох уж эти сестры!.. — Расскажи ему про черную палатку и про то, что здесь случилось ночью.

Пока она рассказывала, он снова взобрался на скалу посмотреть, что происходит в лагере. В обычных обстоятельствах Ледяной Сокол, ни на миг не задумываясь, пробрался бы в лагерь даже днем. Но магия, столь очевидно окутавшая черную квадратную палатку, удерживала его на расстоянии. Среди его народа любили историю о том, как койот, который вышел на охоту с саблезубом, полакомился не только яйцами Птицы-Страшилы, пока она убивала саблезуба — тот по самонадеянности, свойственной их племени, и не подумал оглядеться, нет ли поблизости опасности — но и внутренностями этого большого, но нетерпеливого зверя.

— Он озадачен, твой Пустынный Странник, — сказала Холодная Смерть, когда Ледяной Сокол скользнул обратно к ней. — Он сказал, что отправится в Убежище со всей возможной скоростью. А пока он молит тебя не упускать из вида мальчика Тира.

— А что насчет черной палатки?

— Он сказал, есть легенда о старой колдунье, которая делала воинов из буханки хлеба и оживляла их кровью из своего левого мизинца, но он не думает, что это сюда подходит. Он сказал, что гильдия пекарей никогда не согласится на такое. Он сказал, что будет думать. — Холодная Смерть протянула сумку с мясом брату.

— Поблагодари его от моего имени, — раздраженно отозвался Ледяной Сокол, перекидывая сумку через плечо.

— Наш враг Потерявший Путь все еще ожидает у Бизоньего Холма. — Холодная Смерть встала и отбросила свою травинку. — У него, похоже, все в порядке, так что ты был

прав — шаман Бектис ждет появления этого Ваира и пока мальчику ничего плохого не сделает. Ты вернешься туда, братец?

— Нет. — Ледяной Сокол осмотрелся, оценивая безопасность оврага. Он охотился здесь раньше и знал, что в полутора милях вверх по течению речки, протекавшей по их левую руку, есть небольшая пещера, укрытая черемухой и ежевикой.

— Я наблюдал за ними и теперь знаю, что другого шамана у них нет, — спокойно сказал он. — Сам Ваир не маг, поэтому тут что-то другое. Ингольд и Минальда должны об этом узнать до того, как Ваир встретится с Бектисом. Потом все переменится, не знаю, правда, к добру или к худу. — Он вытянулся во весь рост — Холодная Смерть не доставала ему даже до плеча — и принюхался к ветру, одновременно прислушиваясь к голосам из лагеря и крикам грифов и коршунов.

— Если существует магия, которая требует боли и мучений, я должен об этом все выяснить до того, как они получат мальчика Тира.

Лицо Холодной Смерти посуровело.

— Ты можешь наложить на меня заклинание тени?

Рот ее оставался по-прежнему крепко сжатым, но глаза хитро сверкнули.

— Я знаю, что оно существует. Я слышал, как Мудрейшие из Убежища, Илайя, Ингольд и Руди, говорили о нем. Такое заклинание труднее наложить днем, но зато днем меня не смогут обнаружить демоны. Я усну в той пещере, если ты наложишь на меня это заклинание и будешь охранять мое тело.

Она все еще молчала, и Ледяной Сокол увидел в ее глазах тревогу.

— Мне необходимо все узнать. — Теперь он говорил с ней не как с сестрой, а как с ша-

маном. — Нам всем нужно это знать. И я не смогу защищать тебя, если ты уснешь.

— Это так, — сказала она и вздохнула, понимая, что он прав. — Но если они призвали в лагерь демона...

— Что бы это ни было, это не демон. — Ледяной Сокол показал на амулеты, сверкавшие в солнечном свете, как жуткие плоды. — А если на лагерь наложены охранные заклятия или есть какой-нибудь могущественный дух, который скажет им обо мне, лучше всего пойти туда, когда они начнут сниматься с места.

Холодная Смерть протянула вперед руки ладонями вверх, признавая свое поражение.

— Да будет так, — сказала она. — Пошли.

* * *

— Иди, только быстро. — Хетья развязала веревку, немилосердно врезавшуюся в запястья Тира. — Пока он смотрит в этот свой кристалл, ему не до тебя. Только далеко не уходи.

— Не уйду. — Тир был искренне благодарен этой женщине за то, что она разрешила ему пойти в лес одному, а не потащила его туда на веревке, как делал Бектис, и не собирался доставлять ей неприятности своим побегом. Кроме всего прочего, он прекрасно понимал, что бежать ему некуда. Ему было всего лишь семь лет, но он знал, что не выживет один в бесплодных землях. Что бы ни происходило, сейчас он в большей безопасности с Бектисом. Как сказал бы Руди, хорошенькая получилась заварушка.

Он не мог забыть, как выглядел Руди, которого поразили молнии Бектиса, и того, как он медленно падал на утес. Лежа рядом с Хетьей ночами и прислушиваясь к ее дыханию, он снова и снова видел эту сцену, словно ее поймали в

записывающие кристаллы Джил, и теперь она будет вечно повторяться, в точности, как произошла. Он очень хотел назад к Руди, и к маме, и к друзьям, назад домой, и понимал, что, возможно, никогда-никогда больше их не увидит.

Он знал, что не должен уходить далеко. Хетья за ним наблюдала — он то и дело видел ее широкое лицо, рыжие кудри и темно-желтые узоры стеганой куртки; но понимал он и то, что, случись что-нибудь опасное, как, например, нападение Белых Всадников позавчера, она не успеет ему помочь. Тир с младенчества знал, что в Долине Ренвет то и дело появлялись бандиты, жуткие волки, саблезубы, а иногда и Белые Всадники, несмотря на все дозоры Януса и стражей. И он умел ценить одиночество среди тополей, папоротников и больших валунов.

Уже возвращаясь обратно, Тир увидел одного из Акул — мертвого. Тот лежал на боку, на дне маленького овражка, в гнездышке из папоротников и дикого винограда. Это был не тот, которого ранили в сражении, но Тир не мог определить, который это из двух оставшихся в живых. Его белое, покрытое щетиной лицо было испещрено тенями от вяза и тополей и выглядело спокойным, мужественным и немного глупым — точно, как при жизни.

Тир быстро оглянулся. Опасности не видно. (Ледяной Сокол частенько говорил: «Убивает не тот саблезуб, которого ты видишь»). Мальчик глубоко вздохнул и соскользнул в овражек по глинистому склону. От тела пахло смертью — не кровью, нет, а чем-то другим, каким-то омерзительным гниением, но Тир не смог понять, что это.

А вдруг Акула умер от чумы? Джил, Руди и Ингольд часто говорили, что чуму разносят жучки, такие крохотные, что их никто не видит. А вдруг они уже вокруг него, и только и

ждут, чтобы прыгнуть на него, как это делают блохи?

Он думал об этом, одновременно оглядываясь вокруг, срывая большие листья дикого винограда — снизу, так, чтобы было незаметно — и обворачивая ими руки. Он расстегнул ремень мертвеца и снял с него кинжал вместе с ножнами. С листьями было неудобно, и Тир бросил их — если ему и суждено умереть от чумы, это не страшнее, чем то, что может с ним случиться, не окажись у него в нужный момент оружия.

Он снова застегнул на мертвеце ремень, с большим трудом засунул кинжал в свой башмак и опустил штанину, чтобы прикрыть рукоятку. Времени больше не оставалось. Хетья наверняка начала искать его сразу же, как только потеряла из виду. Он быстренько выкарабкался из овражка и закричал:

— Хетья! Хетья! — не забывая делать вид, что очень испуган. Они не должны были подумать, что он лазил в овраг к трупу.

Хетья появилась над ним и протянула ему руку, большую, сильную и теплую. Тир показал на овражек. Не так уж и трудно оказалось изображать страх; он дрожал всем телом и дышал с трудом, но все же сумел выдавить:

— Он мертвый!

Тут Хетья сделала очень странную вещь. Она поцокала языком, покачала головой и взяла Тира за руку.

— Пошли обратно, малыш.

И все.

* * *

Ледяной Сокол скорчился у входа в пещеру, под кустом ежевики — пещера была слишком низкой, чтобы выпрямиться в ней во

весь рост, а его сестра накладывала охранные заклятья на все четыре угла. Потом она встала на колени и высыпала щепотку порошка из сухих оливковых листьев, на которые были наложены особые заклятия, чтобы очистить воздух. В идеале, когда лазутчик превращался в тень — а лазутчики иногда поступали так во время войны, если на стороне противника имелся особенно могущественный Мудрейший — он или она ложились на землю под открытым небом, где ни демоны воздуха, ни духи, которые кишели в земле, не могли победить друг друга. Веря в могущество Холодной Смерти, Ледяной Сокол не сомневался, что он в безопасности, но все же в сырой пещере, пропахшей землей и лисами, он чувствовал себя неуютно. Ледяной Сокол никогда еще не превращался в тень. Считалось, что мальчикам, не достигшим зрелости, делать это опасно, а он покинул Говорящих со Звездами на семнадцатом году жизни. За свою жизнь он всего дважды видел, как это происходило — когда клан Говорящих со Звездами воевал с кланом Черной Свиньи из Народа Соли.

В первый раз лазутчик-тень вернулся домой с такими сведениями о летней стоянке Черной Свиньи в Крае Жестокой Реки, какие невозможно было добыть обычным наблюдением.

Во второй раз, лет шесть или семь спустя, во время другой войны, пошел тот же самый человек, потому что он уже обладал нужным опытом. Холодная Смерть охраняла его тело три ночи и два дня и произносила заклинания, которые должны были вернуть душу в холодное и пустое тело лазутчика, а потом племя ушло оттуда, опасаясь нападения Черной Свиньи. Когда Говорящие со Звездами в следующий раз устроили стоянку на этом же месте, Холодная Смерть, Ледяной Сокол, которому к тому времени исполни-

лось шестнадцать, и несколько друзей лазутчика решили посмотреть, что сталось с телом, но нашли только кости. Что случилось с душой, не знал никто.

Поэтому Ледяной Сокол с некоторым трепетом лег на землю между четырьмя холодными шарами колдовского огня, которые Холодная Смерть призвала из воздуха, и стал смотреть, как она чертит над ним круги.

Это были Защитные Круги, предназначенные для того, чтобы удерживать на расстоянии духов и демонов, которые захотят завладеть телом, когда душа покинет его.

— Следи за ними, когда пойдешь, — сказала Холодная Смерть, завершив работу и вытирая кровь с пальцев. — Они попытаются отвлечь тебя и заставить заблудиться, как только ты выйдешь отсюда. Они питаются страхом и болью.

Теперь она рисовала Круг Праотцев.

— Что, наши Праотцы действительно охраняют нас, если ты призываешь их в Круг? — он уже засыпал под действием заклинаний и тепла, которое Холодная Смерть сотворила, чтобы тело его не умерло во сне. Они оба по очереди наблюдали за лагерем Ваира всю предыдущую ночь, а после полуночи и вовсе не спали.

— Я их никогда не видела. — Она наклонилась над ним, чтобы нарисовать смесью земли и порошка из крови дикого кота первые линии Круга Силы на его лице, руках и груди под курткой из волчьей шкуры. Она вплела туда его имя, образ птицы-пилигрима, что обитает на высоких утесах возле глетчеров, и добавила сигилы защиты. Знаки все повторялись и повторялись в спиральных линиях, которые начинались на нем и расходились вокруг, бежали по стенам и, как ему казалось в полудреме, уходили в землю, как светящиеся корни.

Пещера наполнилась туманом, в котором тусклый свет магических огней походил на крошечные солнышки, светящие в туманный день. Его сознание засыпало.

— Тебе захочется остановиться и осмотреться. — Она холодными пальцами касалась его рук. — Не делай этого. Ты уязвим для всего — для демонов, для духов, для дождя, для ветра, даже для солнечного света. Если ты заблудишься, дороги назад не найдешь никогда. Прежде всего смотри на землю и не забывай про свой след.

Мой след, сонно подумал он. Словно выслеживаешь кого-то в чужом краю... Он попытался вспомнить, что ему рассказывал тот лазутчик много лет назад.

— Никто не готов к этому.

Холодная Смерть воткнула в пересечение линий травинки и сучки старого дерева, праотец которого был одним из Принадлежащих Пятнадцати Снам.

— Ни в первый раз, ни в десятый, ни в двадцатый. Ты будешь в ужасе. Тебе необходимо помнить, на что похоже твое тело, а все вокруг будет заставлять тебя забыть об этом. Ты не сможешь лишиться сознания, и заснуть ты тоже не сможешь. Ты понимаешь?

— Я понимаю, — пробормотал он.

— Тогда глубоко вздохни три раза, — сказала она, и голос ее звучал словно издалека. — На третьем вздохе душа твоя покинет тело. И помни — я жду тебя.

Раз.

Два.

Три.

Он был один, парил в сверкающем воздухе. Солнечные лучи пронзали его, как копья, всюду вонзались иголки боли. Ему было очень холодно, пусто и страшно.

Он не мог дышать. (Ну, конечно, тупица, у тебя же нет легких.) Но отсутствие легких не мешало ему чувствовать себя так, словно он оказался в ловушке под водой в тот последний миг, когда легкие сдаются и вдыхают смерть. Только этот миг все длился и длился.

Это было так, словно он оказался обнаженным в суровую зиму.

Это было так, словно тебя вышвырнули из того единственного дома, который ты когда-либо знал, и проклятия, посылаемые тебе вслед, еще не смолкли за уже захлопнувшейся дверью.

Это было так, словно он падал, но не приближался к земле.

Прежде всего смотри на землю. Но первое, что он увидел, было солнце. Оно только поднялось над горизонтом и заполняло сухой воздух золотой пудрой. Он понял, что может смотреть на него и не чувствовать боли в глазах (*у тебя нет глаз*), и новизна этого ощущения заставляла его все смотреть и смотреть, упиваясь его светом, проникаться его огнем до самого потаенного уголка сердца.

Он смотрел, как оно поднималось. Величественно, медленно, спокойно...

Не удивительно, что они не позволяют делать этого юным.

Я — Ледяной Сокол, подумал он. Я — Ледяной Сокол. Я должен спасти Тира.

Я должен вернуться к людям.

Смотри на землю.

Он посмотрел вниз, и его охватил восторг. Мир был расцвечен необыкновенными красками — темно-желтой, ярко-коричневой и тысячами оттенков зеленого. Серебристые кружева украшали ручеек, а речка, в которую тот впадал, сама была сверкающим бриллиантами шелком. Каждый листок и сучок на кустах ежевики

ярко блистал сам по себе, словно украшенный резьбой, и облачка тумана от заклинаний тепла зачаровывали. Луг, покрытый травой, был чудом из чудес, он казался бархатным, и хотелось лечь на него и зарыться в траву лицом.

На изумрудной траве кругом стояли двенадцать голубых повозок, ходили кони, коричневые, и черные, и золотые. Воины в бронзе и соболином меху сидели вокруг бледного в солнечном свете костра.

Черная палатка казалась квадратом ужаса рядом с голубым квадратом повозки.

Ого!

Тут неизвестно откуда на него, как серебряное пламя, кинулся демон и попытался оторвать плоть от костей. Ледяной Сокол пронзительно вскрикнул, боль, казалось, проникала в самое сердце.

Человеческие кости защищают душу. Плоть и мускулы — это доспехи, которых у него теперь нет.

Демон пронзил его, как раньше солнечные лучи, заставляя корчиться от боли, закружилась голова, он задыхался...

Они питаются страхом и болью.

Он чувствовал, как они едят. Туманные тени, с зубами, сотворенными из ужаса, они окружили его, и вот он уже падает, опускается, умирает...

Что произойдет, когда я ударюсь об землю? У меня нет костей.

Вернулись хладнокровие и разум. *У меня нет плоти. Эта боль — воображаемая.*

Хотя и очень правдоподобная.

Да будьте вы прокляты! Голодайте и умрите! Сказать это было нелегко, но он был — снова напомнил он себе — Ледяным Соколом, который должен стать вождем своего народа, и он заставил себя сказать это и поверить в это.

Он еще падал, но все же сумел остановиться, как иногда делал это во сне, и пошел вниз по воздуху, словно по лестнице. Демон укусил его за ногу, боль была такая, будто он наступил на острый кинжал, но теперь он смог сосредоточить свое сознание на образе тела, которое дожидалось его в пещере.

Голодайте и умрите, повторил он.

Они зашипели и улетели прочь. Но он понимал — они еще вернутся.

Ледяной Сокол достиг земли и почуял запах травы и дерна, опьяняющий земной запах. Он увидел муравьев, ползущих среди травинок. Он различал запах каждой травинки, каждого цветка — все они отличались друг от друга. Чувствовались даже запахи глины, плесени и камня. Красота кружила голову с той же силой, с какой его прежде охватил ужас от боли.

Из лежбища бизонов вышел человек (плоть, одежда, пот, кожа), закинув на спину труп кого-то из Народа Пустых Озер, и прошел в сторону лагеря. Ледяной Сокол направился за ним следом, почему-то чувствуя себя обнаженным, словно те, кто сидел у повозок, могли его видеть.

Они приблизились к кругу повозок, и Ледяной Сокол понял, почему Холодная Смерть сама держалась от них на расстоянии и велела Голубой Деве сделать то же самое. Он сумел увидеть демона; вещи тоже выглядели теперь по-другому. Ледяной Сокол был совершенно уверен, что не магия не давала Холодной Смерти заглянуть в лагерь. От некоторых — не от всех — амулетов против демонов исходило какое-то угрожающее сияние, и воздух между ними дрожал от заклятий боли. Он увидел черную палатку и повозку, возле которой та стояла. От той и от другой исходило нездоровое свечение, красное и живое, и оно пульсировало, как сердце. Холодная

Смерть сказала, что ее заклинания уберегут его от амулетов против демонов, но он все равно боялся, когда подошел к ним — боялся попасть в ловушку, исчезнуть, забыть, кто он есть...

Но он — Ледяной Сокол, он может и должен справиться с этим.

Мимо прошел еще один человек, островитянин из Дельты с золотистой кожей. Он нес на плече тело Летящей Птицы. Запретив себе раздумывать, Ледяной Сокол шагнул вслед за ним в лагерь. Боль раздирала его, сбивала с толку, он не мог дышать...

Но он прошел. Воздух внутри круга был темным и двигался.

Вокруг воины седлали коней, запрягали их, скатывали постели, снимали цепи, складывали миски из высушенных тыкв и приносили из оврага влажные бочонки, полные ключевой воды. Они проверяли свои вещи и готовились выступить в поход.

Было непросто не потеряться в суете и шуме, трудно не забыть, зачем он здесь и что должен сделать.

Белоусый терпеливо объяснял бледнокожему воину с Белого Берега, как запрягать мула. Ледяной Сокол уловил слова, которые знал: «... одинаково... с обеих сторон...» Белоусый показывал длину ремней. «Равновесие.» Бледный воин озадаченно смотрел то на него, то на мула, запряженного только наполовину, и то и дело проводил рукой по своей гладкой голове. Белоусый еще раз показал «равновесие».

Как может воин, проехав почти восемь сотен миль от Алкетча, до сих пор не знать, как запрягают мула?

Подошел еще один человек с мисками в руках — это был тот же самый человек. Не просто еще один бледнолицый с Белого Бе-

рега, а тот же самый — лицо, тело, походка... Черный сержант в ботинках с красной шнуровкой принялся объяснять ему, куда отнести миски. Ледяной Сокол огляделся. Не может быть столько двойняшек в одном воинском отряде. Да каких двойняшек! — вон группы по три-четыре человека, походящих друг на друга, как просяные зернышки.

Джил сказала, что это клоны.

Ледяной Сокол еще раз осмотрелся. Нет ни одной группы больше, чем из четырех человек, и только у одного в каждой группе были башмаки. Остальные трое обматывали ноги сыромятными кожами, точно так же, как воины-клоны, которых он преследовал в горах.

Кожаные полоски были совершенно новыми.

Люди с волосами и в башмаках старались не смотреть на тех, других. Иногда они что-то бормотали, но в основном старались просто отойти в сторону.

Мимо Ледяного Сокола прошел Ваир на-Чандрос, так близко, что к нему можно было прикоснуться, от его одежды сильно пахло кровью и розовым маслом. Он шел в черную палатку, Правдоискатель шел рядом с ним. Ледяной Сокол с куда большим удовольствием взял бы в руки пылающие угли, но, когда они подняли черные полотнища, он вошел вместе с ними.

С крыши палатки свешивалось множество ламп, словно осиные гнезда в заброшенном здании, некоторые из них еще горели. На досках вдоль стен стояли свечи в железных подсвечниках, сгоревшие почти до основания. В воздухе стоял запах сгоревшего масла, дыма и свечного сала, смешанный со зловонием разлагающейся крови.

Казалось, что воздух в палатке можно было резать, как сыр.

Ледяной Сокол уже догадался, что голубое покрытие повозки было так привязано к палатке, что из повозки получилась дополнительная комната. Везде висели амулеты против демонов. Ледяному Соколу казалось, что его пожирают муравьи. Двое клонированных воинов снимали лампы и упаковывали свечи. Палатку скоро снимут.

Здесь определенно находился аппарат из Былых Времен.

Джил будет довольна, подумал Ледяной Сокол.

Аппарат немного напоминал то, что Ледяной Сокол видел в Убежище, те части, из которых Руди строил огнеметы для боя с дарками.

Большую часть повозки занимал глубокий чан, или ванна. К нему вели деревянные ступени, на них и на полу лежала солома, настолько пропитанная кровью, что хлюпала у людей под ногами. Изогнутые стенки чана были из чего-то, походившего на черный камень, из которого были сделаны наружные стены Убежища, но внутри — Ледяной Сокол осторожно подошел поближе, чтобы разглядеть чан — он был выложен серебристым стеклом, в котором, как вмерзшие в лед сучки и листья, были вкраплены кусочки прозрачного хрусталя, железа и крошечные шарики янтаря и обсидиана.

Чан увенчивал купол из трех соединенных полуарок из металла и стекла — два человека их как раз снимали. Они были в башмаках и работали не бессмысленно, как клоны. Они осторожно укладывали части аппарата в большие деревянные ящики, прокладывая их сухой травой, шерстью, скомканным пергаментом и льняными тряпками. Арки соединялись вверху обсидиановым многогранником, а по сторонам чем-то, похожим на сеть. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это золотая проволока, тон-

кая и во многих местах порванная, в нее тоже были вплетены шарики из стекла и янтаря. Еще два многогранника, то ли из стекла, то ли из хрусталя, вставленные в золотые трубки и установленные на деревянные, совершенно новые постаменты, находились по другую сторону чана. Пока Ледяной Сокол рассматривал все это, один из обутых воинов сложил их в ящики.

Для духовного зрения Ледяного Сокола аппарат светился магией, теперь он понимал, почему Холодная Смерть говорила о нем с таким беспокойством и страхом.

На чане были краны и трубки. Промокшую вонючую солому из-под него уже убирали. В углах чана маленькими темными ртами щерились гнезда, в которые, видимо, вставляли нечто, похожее на шесты, с хитроумно соединенными шестернями и колесами, но их уже сняли. Где они все это раздобыли? — подумал Ледяной Сокол. И как это осталось целым через столетия — десятки столетий, говорила Джил! — еще с Былых Времен?

Спрятано где-то, как говорили Джил и Майя?

Грязекопатели вообще не могли выносить мыслей о том, что их собственность превратится в прах.

В низкой части палатки, на соломе и грубых ковриках, Правдоискатель упаковывал маленькую коробку. Ледяной Сокол подошел ближе и увидел хрустальные иглы, дюжины этих иголок, и на каждой бусинка из янтаря, железа, хрусталя или черного камня.

В палатку вошел Белоусый, которого Ваир назвал Наргуа, и спросил что-то. Ледяной Сокол понял слово, означающее трупы — только Ваир сказал каркасы — и варвары. Наргуа согласился, и Ваир, похоже, остался доволен.

Наргуа спросил что-то про Убежище Дейра; Ваир, отвечая, пожал плечами. Он

определенно знал про осаду — еще бы он не знал — но она его, похоже, не волновала.

Одиннадцать сотен человек? Почему бы и нет?

Сознание корчилось от запаха крови, магии, холода и боли. Ледяной Сокол вышел из палатки. Он прошел прямо сквозь стенки, сквозь все покровы дешевой черной ткани, и вышел из темноты в солнечный свет утра. Ледяной Сокол заглянул во все повозки, пока их нагружали. В основном в них лежала провизия, в одной — оружие. В две уложили ткани, меха, стеганые куртки, широкие яркие штаны и туники, в которые были одеты почти все воины.

Еще в одной повозке он обнаружил ящики, похожие на те, что видел в палатке: тяжелого дерева, с кучей амулетов, отпугивающих демонов, и тускло светящиеся нездоровым бледным светом, который окружал и аппарат в палатке. Ясно, еще какой-то аппарат. Пусть Праотцы тех, кто в Убежище, защитят их от этого зла.

Но конечно, думал он, Праотцы живущих в Убежище не смогут их защитить. Защита хранилась в памяти Тира — и это он, Ледяной Сокол, виноват в том, что Тира там теперь нет.

Люди в лагере снимали с шестов амулеты, все остальное уже было собрано. Пара человек спрятали амулеты в карман — им казалось, что их никто не видел. Покинуть лагерь Ледяному Соколу было совсем просто.

Значит, у Ваира есть механизмы из Былых Времен.

И женщина, которая сказала, что ею завладел дух из того времени. А Джил, бывшая обычно очень мудрой, решила, что она — мошенница.

Ледяной Сокол поднялся высоко над продуваемыми ветром равнинами и смотрел, как уходит караван. Щелканье кнутов, скрип кожаной упряжи, нескончаемое блеянье овец прони-

зывали его насквозь, так же как свет, и запахи, и ужас перед демонами, которые сейчас возникли из воздуха и плыли за повозками, словно тонкие, светящиеся акулы. Ему становилось все холоднее, и он поплыл вверх, ближе к восходящему диску солнца, и завис, как ястреб, над лугами. Своим взором он до самого Бизоньего Холма видел тропу, заросшую травой более бледной, чем окружающие холмы. Эта же бледная тропа в другом направлении вела на юг, прямая, как стрела, и пятна смятой травы отмечали места, на которых Ваир устраивал стоянки. Лощины, вымоины и овраги создавали извилистый узор красного, темно-коричневого и серебристого цветов, невозможно ярких среди тускло-зеленых тополиных рощ и осок. Он видел кроликов в кустах, сияющее волнообразное движение духов воды в ручьях. Он видел людей Народа Пустых Озеров, едущих во всех направлениях, до сих пор испуганных и сокрушенных после поражения. Они возвращались на свои охотничьи тропы, говоря себе, что были глупцами, пошедшими вслед за другими глупцами, в то время как вокруг бродят мамонты и винтатерии.

А прямо под собой, на склоне одинокого холма, он увидел всадницу верхом на сером коне. Она тоже следила за повозками, и ее обезображенное огнем лицо было совершенно бесстрастным. Большая женщина, костлявая и мускулистая, с плечами широкими, как у мужчины, в куртке из волчьей шкуры, в рубашке из шерсти мамонта, которую соткала себе сама на переносном ткацком станке, потому что никто не рискнет доверить удаче другого вещь, которая будет прикасаться к твоей коже. Он каким-то образом узнал ее. Собственно, отсюда он мог даже сосчитать количество черных пятнышек на спине у лугового тетерева. Суровое лицо с насмешливыми свет-

ло-голубыми глазами, волосы, побелевшие в местах, где были шрамы от ожогов. Она свободно сидела в седле, положив руки на колени. Когда Ледяной Сокол в следующий раз глянул вниз, ее уже не было.

Голубая Дева.

Возлюбленная Солнечной Голубки, погибшей во время охоты.

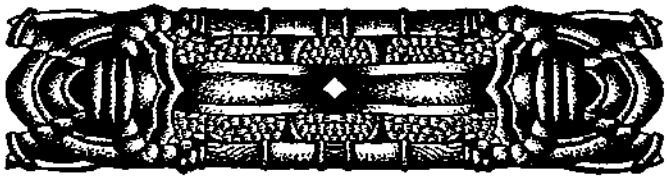
Захватчица его права по рождению, обвинившая его в трусости и очернившая последний год жизни Полдня.

Обманувшая их общих Праотцев — и этот обман мог дорого стоить всему племени.

Вождь клана Говорящих со Звездами.

«В один прекрасный день, — подумал Ледяной Сокол, — и день этот настанет очень скоро, ты заплатишь мне за все.»

Солнце, во всем своем великолепии добравшееся уже до зенита, призывало его. Но вокруг сновали демоны, туманные очертания, почти невидимые в ослепительном блеске дня, и дураком я буду, подумал он, если стану бросать им вызов. Поэтому он снова спустился к земле, к теплой пещерке, в которой возле его тела сидела Холодная Смерть, бормоча заклинания, отгоняющие демонов и смерть.

Глава девятая

Есть изменения?

Минальда покачала головой.

— Я говорю себе, что так даже лучше, — прошептала она. Глядя на загорелое лицо человека, лежащего на кровати, Джил подумала, что можно и не шептать — Руди все равно ничто не разбудит. Единственная сосновая лучина горела в железном держателе и бросала желтый отсвет на лицо девушки. Никто не знал, как долго продержится осада, поэтому использование факелов и лучин было сведено до минимума.

В этой комнате все равно не требовалось много света. По нескольку раз на дню сюда заходила Илайя, чтобы посмотреть на больного и снова наложить заклинания исцеления и тепла, которые удерживали его и не давали погрузиться в холод и смерть, но Илайя была волшебницей и видела в темноте. А когда приходила посидеть Альда, что она делала много раз на дню, ей хватало одной этой лучины.

Даже в этом щадящем свете Минальда выглядела ужасно — истощенная, бледная и измученная. Джил знала: на людях она старалась держаться достойно. В Убежище ее называли мужественной. И только здесь могла она поплакать.

Руди был другом Джил в течение семи лет, с их первой несчастливой встречи на калифорнийских холмах. Он был тем последним звеном, которое еще связывало ее с миром, который они оба покинули. Миром, который они никогда

не забудут. Она и сама проливала слезы в этой комнате.

— Слушай, я не хочу нагружать тебя этим, — сказала Джил, — но лорд Скет умрет от горя, если не увидит тебя. Если хочешь, я скажу ему, чтобы он перестал надоедать.

Минальда покачала головой, отжала тряпицу, мокнувшую в миске с душистой уксусной водой, и обтерла лицо.

— Мне придется к нему пойти, — сказала она. — Моя старая нянька всегда говорила мне, что нет смысла откладывать дело на потом. — Она встала. Когда Альда работала — встречалась с лордами Убежища, выслушивала рассказы о бесконечных ссорах и сварах, с которыми обитатели Убежища приходили к ней в поисках справедливости, совещалась с охотниками и хранителями гидропонных садов о том, как распределять пищу и работу — она надевала один из официальных туалетов, сшитых по моде, к которой они привыкли во времена могущества их королевства, чтобы показать этим свою власть и силу. Так она была одета и сейчас: шлейф, ниспадающие рукава, богатая вышивка с драгоценными камнями; очень немногие в Убежище знали, что ей нравится самой шить себе наряды. Однако при дымном освещении зеленая шерсть казалась грязной, а красный бархат походил на запекшуюся кровь.

— Следует пройти и через это. — Альда поправила изысканную прическу и приколола вуаль, бывшую частью ее приданого — бледно-зеленого шелка, ниспадавшую до самых бедер. — Я знаю, чего хочет леди Скет.

Действительно, об аудиенции просил лорд Скет, но идею подала его жена.

— Мы даже не спросили их о намерениях, — заявил этот рослый мужчина с фигурой, напоминавшей грушу, сложив руки на сереб-

ряной пряжке ремня. — Мы просто превратили себя в пленников, живем, как арестанты, вот уже целую неделю, а ведь вероятно, все можно уладить, если пойти на компромисс.

— Две осадные машины, — подчеркнула Минальда своим тихим, нежным голосом, — и одиннадцать сотен человек в полном вооружении, не кажутся мне армией, с которой можно пойти на компромисс. — В холодном белом сиянии светящихся камней, лежавших в проволочных корзинках в маленькой совещательной комнате, она выглядела еще хуже — исхудавшая, напряженная, с темными кругами под глазами. — Если бы у них имелось желание вступить в переговоры, кто-нибудь мог подняться по ступенькам Убежища и постучать в двери. Илайя?

Минальда повернулась к волшебнице, сидевшей в низком кресле по ее левую руку. Илайя выглядела старше, чем обычно, и более царственно, ее рыжие волосы были уложены в корону. Майя, бывший епископ Пенамбры, а теперь глава Церкви в Убежище, сидел справа от Альды, на почетном месте. Минальда сама вышила ему официальный плащ в качестве подарка на сорокадвухлетие в прошлом году. Резное черное кресло, в котором обычно сидел Тир во время подобных приемов, вынесли из комнаты.

— Я вижу их в моем магическом кристалле, моя госпожа, — сказала девушка, прикоснувшись к рубину, лежавшему на левой ладони. — Люди с обнаженными мечами стоят с обеих сторон дверей Убежища. Кроме того, мастер Венд сказал мне, что произошло уже несколько сражений между этими людьми и лучниками Яра. Вчера они напали на охотников из засады, когда те хотели пересечь тропу.

— Ну, разумеется, они сражались, — сказал Энас Баррелстейв, который пришел

вместе с лордом Скетом. Баррелстейв был одним из самых богатых людей незнатного происхождения в Убежище, да при этом еще и демагогом. — Мы встретили их дождем стрел; наши охотники убивают всякого, кто отходит от основного лагеря. Мы с самого начала почему-то решили, что у них дурные намерения. — Он обвиняюще посмотрел на Януса, который стоял у двери, ведущей в личные апартаменты Альды. Вместе с ним сегодня дежурила Джил; всем своим видом они напоминали о том, что гвардейцы на стороне королевы. — Конечно, теперь они ожидают от нас неприятностей.

— Моя госпожа, — сказал Скет, — во всяком случае, вы должны организовать переговоры.

— Нет.

— Позвольте со всем возможным уважением напомнить вашей светлости, — вкрадчиво заметил Баррелстейв, — что, возможно, у юного принца было бы другое мнение по этому поводу, окажись он здесь и имей возможность не согласиться с вами?

Дешевый прием, подумала Джил, разозлившись на это слишком бестактное напоминание о том, что Минальда была только регентом при Тире и вдовой последнего короля, умершего семь лет назад. Ее официальное положение без Тира было весьма шатким. «Я тебе это припомню, дружок...» Лицо Альды на миг окаменело, потом она очень любезно сказала:

— Замечательно. Что ж, лорд Скет и мастер Баррелстейв, кто из вас пойдет наружу на переговоры?

Они переглянулись; совершенно очевидно, что ни один из них не собирался возлагать на себя роль посланца. И все же следовало отдать им должное: оказавшись перед выбором- согласиться или заткнуться — отправиться на пе-

реговоры вызвались оба. Дело поручили лорду Скету, который немного говорил на языке ха'ал.

Стражем Врат на это время Янус выбрал Мелантрис. Она была очень ловкой и внимательной, кроме того, в нее столько раз стреляли разные бандиты, что свист стрел не будет ее беспокоить. Джил, Минальда и Илайя встали у внутренних Врат Убежища с группой гвардейцев, обнаживших мечи. Илайя вызывала два магических огня, поместив их между вооруженными воинами, стоявшими у внешних Врат — работа не из простых, потому что делать это пришлось на расстоянии, с помощью магического кристалла. Воины Алкетча, без сомнения, знали, что в Убежище есть маги — они бежали при первых же огненных вспышках. Высунув от напряжения язык, Илайя сотворила языки пламени внизу лестницы, чтобы удерживать противника на расстоянии, но, кто бы там ни командовал войском Алкетча, дело свое он знал. На большом пространстве вокруг Убежища и во всем лагере, расположенном достаточно далеко от стен, не осталось ни одного прошлогоднего листочка, ни единого сорняка — земля была чище, чем в королевском саду в день свадьбы дочери короля.

Сразу после второй вспышки огня вышел лорд Скет, высоко поднял белый флаг и закричал на языке ха'ал:

— Переговоры! Мы хотим переговоров!

Янус в этот же миг захлопнул внутренние Врата и повернул запоры.

Джил наблюдала за глазами Илайя. Они расширились, и девушка ахнула. Джил поняла, что в лорда Скета выстрелили сразу же, не успел он отойти от дверей. Минальда, тоже наблюдавшая за происходящим, сказала ясным и сладким голоском:

— А я говорила этому недоумку...

— Он в безопасности, внутри, — сказала через мгновение Илайя. — Мелантрис уже заперла Врата.

Янус и Калдерн откинули засовы и отворили внутренние двери. Скет и Мелантрис появились в проходе между внешними и внутренними Вратами, освещенные слабым сиянием светящихся камней. Скет побледнел и дрожал всем телом. Мелантрис вытаскивала из кожаного башмака стрелу с кроваво-красным оперением. Сено и грибы-трутовики, что кучами лежали в проходе, хрустели у них под ногами. Джил подозревала, что бледность лорда частично была вызвана страхом, что Илайя неверно поймет его сигналы и преждевременно подожжет последний оборонительный рубеж.

— Вы довольны? — требовательно спросил Янус, не забывший обвинения Баррелстейва в том, что именно он подстрекал к военным действиям.

Минальда поспешила вперед и взяла Скета за руки.

— Спасибо, милорд, — сказала она, слегка повысив голос, чтобы все, стоявшие у Врат, услышали ее. — Нужно мужество, чтобы бросить вызов врагу. Зато теперь мы знаем...

— Они даже не стали меня слушать, — потрясенно прошептал Скет. Казалось, что его сейчас вырвет. К нему подбежала леди Скет, полная рослая блондинка. На ее одежде было столько украшений и драгоценностей, что Альда выглядела рядом с ней бедной родственницей. — Они не дали мне ни секунды. В тот самый миг, как я ступил вперед, они начали стрелять и побежали вверх по ступеням с обнаженными мечами. И ни малейшего намерения вести переговоры!

— Зато теперь мы знаем, — повторила Минальда, похлопывая его по руке.

Янус тихонько пробормотал, обращаясь к Джил:

— Будто раньше мы не знали! Илайя, любовь моя, они все еще барабанят в двери?

Чародейка покачала головой. Она стояла возле корзинки со светящимися камнями, всматриваясь в магический кристалл.

— Они даже не подошли к ним! Они остановились в тот момент, как Врата захлопнулись!

Янус присвистнул, подняв брови.

— Что же это значит? — спросил он неизвестно кого. — Им известно, где вход. Так чего же они дожидаются? Предательства изнутри? — Он посмотрел вокруг, вглядываясь в лица стражей, лорда Скета, Энаса Баррелстейва, который стоял рядом и выглядел таким же потрясенным и возмущенным, как и сам лорд, и леди Скет, которая, укутав своего мужа в несколько ярдов отороченных мехом рукавов, оказалась достаточно предусмотрительной, чтобы заодно обнять и стоявшую рядом Минальду.

Джил молчала. Ей в голову пришла одна мысль, но она ничего не говорила до тех пор, пока они с Минальдой не пошли назад в королевские покои сквозь темный, пропахший запахом животных Придел. Они прошли по последнему каменному мостику без перил и повернули к лестнице, и только тут Джил тихонько сказала:

— Альда, мы все время слышим, что есть только один вход в Убежище, что Убежище было построено, чтобы стать совершенной защитой от дарков. А откуда мы знаем, что есть только один вход?

— Да, — вздрогнув, ответила Минальда. Она остановилась у подножья лестницы, широко распахнув темно-фиолетовые глаза, в которых отражался свет лампадок у статуи святого Прула. — Я имею в виду, Элдор говорил... Во всех записях об Убежище сказано, что оно было по-

строено таким образом, чтобы дарки не могли войти...

— Это я знаю, — нетерпеливо ответила Джил. — Но нет никаких записей о том, как строилось Убежище. Только традиции, слухи и сказки. — Она скрестила руки на груди и посмотрела в сторону Врат, где стражи все еще толпились вокруг Илайи. Подходили еще люди, ткачи, садовники и другие, задавали вопросы и делились мнениями, размахивая руками и толкаясь. — Мы уверены, что другого входа нет? Потому что эти, снаружи, ведут себя так, словно уверены в обратном.

* * *

— Беспокоиться не о чем, — сказал Бектис, аккуратно пряча магический кристалл в мешочки из шелка, меха и бархата, сворачивая серебряную треногу и оглаживая седую бороду. — Ваир задержался, потому что на их лагерь напали Белые Всадники, только и всего. Они уже в пути и к закату будут здесь.

Хетья начала было смотреть по сторонам, но чародей небрежно заметил:

— О, я совершенно уверен, что оба Акулы уже мертвы.

Тир тоже оглянулся и, конечно, никого не увидел. Но его движение привлекло внимание Бектиса.

— А почему у этого ребенка развязаны руки?

— Я водила его в лес пописать, — сказала Хетья, и ее глаза полыхнули негодованием. — Я не отходила от него дальше, чем на полшага. — Под ледяным взглядом Бектиса она отвела Тира назад к сикоморе, к которой его привязывали, велела ему заложить руки за спину и крепко стянула их, а потом привязала к сыромятной

веревке, обмотанной вокруг ствола дерева. — Упрямый старый болван! С тобой все нормально, малыш?

— Все хорошо, — ответил Тир, садясь, скрестив ноги, и стараясь не думать про спрятанный в башмаке кинжал. — А другой Акула тоже мертв?

— Похоже на то. — Она увидела страх в его глазах, погладила по голове и добавила: — Тебе не о чем беспокоиться, милый. Их никто не убивал. И они... — Она задумалась. Тир предположил, что она ищет слова, которые не откроют ему слишком много. — Они не были настоящими людьми, — сказала она наконец. — Они... ну... они не живут долго, и им не больно, когда они умирают.

— А что они такое? — Тир не мог понять, хорошо это для него или плохо. Когда умерла Тафи, самая старая из кошек, мама успокаивала его тем, что кошки живут меньше, чем люди, но для Тира это было ужасным открытием. Мысль, что существуют создания, похожие на людей, но на самом деле не люди, тоже напугала его.

Хетья прищурилась, и Тир понял, что это тайна, которую она рассказать не может.

— Не думай об этом, милый. — И она пошла к Бектису, на ходу закручивая волосы на макушке и закалывая их бронзовой шпилькой из тех, что носила в кармане. Она говорила с чародеем вполголоса, но по ее жестам было понятно, что она разгневана — разгневана и напугана. Она очень красноречиво жестикулировала, и по тому, как она махнула рукой в сторону тополиных рощ, по жесту, которым она провела себе по горлу, Тир понял все, о чем она говорила, словно стоял рядом.

Белые Всадники однажды уже напали на них. Бектис покачал головой и пощелкал пальцами, будто разбрасывал вокруг какую-то

труху. Потом он прикоснулся к хрустальному устройству, висевшему в золотой сетке у него на поясе. Но Тир достаточно наслушался рассказов от Ингольда, Руди, Януса и Ледяного Сокола и знал, что Белые Всадники по-прежнему наблюдают за Бизоньим Холмом. Их мертвецы гнили потихоньку в овраге далеко от лагеря, и над этим местом кружили стервятники, но они не те люди, которые просто скажут: «Эта добыча нам не по зубам, давайте оставим их в покое.»

Белые Всадники никогда никого не оставляли в покое.

Однако вовсе не Белые Всадники появились со стороны бесплодных земель на исходе дня.

К этому времени Бектис начал нервничать. Он метался во все стороны и рявкал на Хетью, которая делала всю работу в лагере. Она принесла воды, в полдень приготовила еду, хотя Тир, привязанный к дереву, заметил, что она не уходила далеко в лес.

Она привела лошадей, и Бектис произнес какие-то заклинания. Тир подумал, что чары Ингольда, не дающие лошадям убегать или быть украденными, куда действеннее, но вслух ничего не сказал. Он заметил, что для заклинаний охраны и для того, чтобы зажечь костер, Бектис воспользовался устройством из ярко светящихся кристаллов, и немного удивился, потому что Руди говорил, что не требуется сильно колдовать, делая такие вещи.

Когда небо окрасилось киноварью и золотом, а тени удлинились, Бектис прошел к склону, все еще держа в руках драгоценные камни, и прищурил глаза, всматриваясь в южную сторону.

— Ага, — довольным голосом сказал он. — Наконец-то.

«Я должен быть храбрым, — твердил себе Тир, глядя на линию всадников, раскачи-

вающиеся повозки и блеск оружия. — Я должен быть храбрым.»

Это была настоящая армия, больше, чем самая большая разбойничья шайка, которую когда-либо видел Тир. Там были только мужчины, в отличие от стражей и тех бандитских отрядов, о которых Тир слышал раньше. В основном они были чернокожими, у некоторых волосы белые, у некоторых — черные, некоторые совершенно лысые, как и Акулы. Тир вспомнил, как Руди описывал чернокожего принца, который хотел жениться на его маме.

Припомнил он, и как звали алкетчского генерала с серебряным крюком вместо правой руки. Он предал войска, что сражались против дарков в их Гнездах, увел оттуда своих людей, потому что хотел иметь собственное войско, и оставил людей из Убежища погибать. В Убежище было полно сирот, чьи мамы и папы погибли тогда в ужасе огня и Тьмы.

У человека в длинном белом плаще, который спешился и поднялся на холм, чтобы поздороваться с Бектисом, был именно такой крюк, но не это было в нем самым ужасным. В его желтых глазах отчетливо читалось, что ему совершенно все равно, жив ты или мертв.

— Господин Ваир, — в голосе Бектиса звучали льстивые нотки, словно Ваир был самым важным человеком во Вселенной, и маг даже церемонно поклонился ему, как королю.

— Мальчик у тебя? — Голос звучал так, словно камни скрежетали друг о друга.

«Я должен быть храбрым...»

— Он здесь, в целости и сохранности, о великий господин. Мой магический кристалл сообщил мне, что ваше войско окружило Убежище Дейра.

Это потрясло Тира и вызвало новый приступ паники.

— Это великолепно!

Ваир сделал нетерпеливый жест.

— Вас преследовали?

— Только до вершины перевала, господин мой. Чародея Ингольда в Убежище нет, они послали за мной другого мага. Я ударил его молнией и засыпал перевал снежным бураном. После этого я ежедневно проверял перевал. Заклятия, которые я на него наложил, еще держатся.

— А Ингольд? — Он словно дал Бектису пощечину. Речь его, хотя он и говорил на языке Вэйта, звучала непривычно, даже ударения он ставил неправильно.

— Он все еще в Гае.

Сердце Тира упало, но он подавил непрошеные слезы.

Холодные волчьи глаза уставились на него, оценивая, как они, видимо, оценивали все вокруг, проникая, казалось, вглубь души.

— Зачатый демоном сын Зла... Где девка?

— Я здесь, Ваир на-Чандрос. — Хетья шагнула вперед, вытянувшись в струнку. — *Анидс ит-бах амраммас а тейелсан* — «невежа легко говорит о том, чего не понимает». — Звучные слова лились с ее языка, как волшебная речь чародеев, и лицо ее словно стало длиннее и тоньше, на губах больше не играла широкая ухмылка, карие глаза были холодны, как у жрицы. — Девица Хетья, дочь Уранве, тоже здесь, со мной, но главное, что здесь я, Оале Найу, здесь, на месте, где я стояла три тысячи лет назад, и я не допущу, чтобы мною пренебрегали.

Пришедшие следом за лордом Ваиром что-то пробормотали и поклонились. Ваир тоже слегка наклонил голову.

— Я не хотел проявить неуважение, Владычица, — сказал он. — Я приношу извинения за то, что язык мой так неуклюж. Аппарат, на

котором вы научили нас работать, просто великолепен, как вы видите сами.

Он показал на людей, столпившихся около повозок у подножья холма. Поначалу Тиру было сложно разобраться, все они были ему незнакомы, все лысые, и он не привык видеть столько черных лиц сразу, но потом он понял, что многие из них были совершенно одинаковыми, как и Акулы.

В его сознании из темной глубины памяти всплыло непрошеное слово: *тетхин*. Их называли *тетхин*. И в них было что-то ужасное, что вызывало тошноту, что-то, о чем он не желал знать.

— Я надеюсь, второй аппарат тоже будет работать.

— Что сохраняется неизменным после стольких лет?

Она холодно осмотрела его с ног до головы, говоря голосом Оале Найу. Странно было слышать эту речь из уст Хетьи.

— Не люди, разумеется, и не их тела. А вот механизмы, что мы создавали в прошлые дни из адаманта и из нашего могущества, — продолжала она, словно не замечая, что лицо лорда Ваира затуманилось от гнева, — они будут работать так, как должны, можете быть в этом уверены.

С этими словами она повернулась к нему спиной, безмятежно пошла прочь, в чащу, и скрылась за деревьями, оставив Тира одного.

Ваир щелкнул пальцами левой руки. Тир уже заметил, что правую, с крюком вместо кисти, он опускает вниз, прячет в рукаве или в складках белого шерстяного плаща.

— Разбивайте лагерь. Наргуа, Бектис... — Волшебник шагнул вперед, то же самое сделал высокий человек с усами, в таком же белом плаще, украшенном ленточками и драгоцен-

ными камнями, обозначающими его звание. — Давайте взглянем на гаденыша.

Тиру хотелось спрятаться за ствол дерева, но он понимал, что это ему не поможет. Кроме того, этом было бы недостойно. Когда Ваир, Наргуа и Бектис пошли в его сторону, его охватил ужас при мысли, что этот страшный лорд сразу узнает про нож, спрятанный в башмаке. Он посмотрел в сторону, стараясь успокоить дыхание, и в следующий миг стальные пальцы лорда Ваира, обтянутые белой кожаной перчаткой, ухватили его за подбородок, заставив поднять вверх голову.

Тир смотрел в желтые глаза и видел в них смерть.

Потом Ваир неторопливо отпустил его подбородок и с такой силой ударил его по лицу, что мальчик упал, громко закричав от неожиданности и боли. Серебряный крюк вынырнул из своего укрытия, схватил Тира за рукав и поднял на ноги, разрывая его плоть.

Ваир ударил его еще дважды. Тир всхлипывал, но был слишком перепуган, чтобы плакать громко. Крюк снова поднял его на ноги, потом отпустил рукав, Ваир левой рукой ухватил его за воротник, а крюк просвистел в воздухе и резанул по лицу, разорвав плоть от виска до скулы одним злобным движением. Тир пронзительно закричал от боли; Ваир тряс его так, что голова моталась из стороны в сторону. Тир едва дышал, воротник стягивал его горло, ему казалось, что шея сейчас сломается. Ваир снова резанул его крюком по лицу, едва не попав в глаз.

— Слушай меня, маленький мальчик, — сказал он скрежещущим голосом, и Тир, плачущий от ужаса, чувствуя, что он сейчас потеряет сознание или обмочится, уставился в коварные глаза. — Ты представляешь, с какой легкостью я могу отсечь тебе пол-лица? И оно будет

болтаться туда-сюда, как блин? — И он снова потряс мальчика, на этот раз слегка, но Тиру было очень страшно. — Или выковырнуть тебе глаз? Для того дела, ради которого ты тут, тебе хватит и одного глаза. Кивни!

Ослепший от ужаса, Тир кивнул и почувствовал, как металл снова вонзился в его плоть.

Одним движением руки Ваир высвободил крюк и швырнул Тира на землю. Мальчик упал ничком, руки его были связаны за спиной, и он не смог смягчить удар.

Ему казалось, что лицо его распухло, прикосновения воздуха казались прикосновением холодного металла, а кровь, струившаяся из ран, была очень горячей. Он лежал и плакал, не осмеливаясь посмотреть вверх, или шевельнуться, или даже дышать. Что-то сильно толкнуло его в подбородок.

Холодный голос сверху сказал:

— Теперь поцелуй мой сапог и скажи, что ты любишь меня.

Тиру пришлось ползти вперед, упираясь плечами. Он всхлипывал столь отчаянно, что едва мог говорить, но все же заставил себя выдавить слова:

— Я люблю вас, — и поцеловал кожу сапога. Она была холодной и гладкой и пахла воском и кровью.

Ваир пнул его.

— Скажи так, чтобы я услышал тебя!

— Я люблю вас. — Он должен сделать это. Он должен сделать все так, как хочется этому страшному человеку, или тот убьет его.

— Еще раз. Бектис и Наргуа тоже хотят услышать.

— Я люблю вас! — выкрикнул Тир и, всхлипывая, сжался в комок, поджав колени к подбородку.

Ваир пнул его еще раз и отошел. Тир слышал скрип его сапог, когда он тяжело ступал по траве.

— Порез залечите, — приказал он. — Потом явитесь к моей повозке.

Вернулся Бектис, прижал Тира к стволу сикоморы и очень быстро смазал ему лицо какой-то мазью, словно это Тир был виноват в том, что у него появилась эта рана. Маг стянул края раны и забинтовал.

— Прекрати плакать, — приказал он, — иначе господин вернется и заставит тебя плакать по-настоящему. — И поспешил к повозке. Позже, думая об этом, Тир догадался, что Бектис боялся Ваира так же сильно, как и он сам. А пока он просто прижался здоровой стороной лица к стволу и дал волю слезам.

Снова заскрипели башмаки, и Тир обернулся в паническом ужасе.

Но это была Хетья.

Она упала на колени и обняла его. За ней стоял какой-то человек, один из черных воинов, молодой и огромный, как дерево.

— С ним все в порядке, госпожа? — Он протягивал тыквенную миску, полную воды.

— Я надеюсь. Спасибо, дружок. — Она взяла воду и прижала к себе Тира. Он уткнулся головой ей в грудь, отчаянно мечтая целиком спрятаться в ее теле... желая снова стать младенцем, о котором кто-то нежно заботится... желая умереть. Он слышал, как вода льется на траву, и думал — а вдруг они будут бить его за то, что он не выпил ее, или за то, что не сказал спасибо.

— Я принес вот это. — Голос юноши был похож на голос Акулы и звучал как-то странно. — Финики, понимаете? Финики.

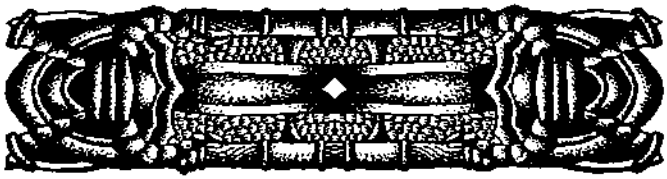
Тир почувствовал движение Хетьи и услышал, что она тепло улыбнулась, сказав:

— Спасибо тебе.

— Мой родной отец, он бил меня. Сильно. Но все равно не так. — Повисло неловкое молчание, и Тир ощутил жесткие пальцы юноши, очень нежно прикоснувшиеся к его волосам. Потом зашуршала трава — воин уходил прочь.

Тир свернулся в комочек, стараясь стать совсем маленьким и незаметным. Он плакал, пока не заснул.

Глава десятая

С первыми солнечными лучами они впрягли мулов в повозки и двинулись на север.

Ледяной Сокол, который видел среди поклажи меха и стеганую одежду, зимние сапоги и ледорубы, не удивился.

— Они путешествуют в те края, где холодно, враг мой, — сказал он. Холодная Смерть и Ледяной Сокол присоединились к Потерявшему Путь на закате. — С твоего позволения, когда они пройдут, мы навестим в овраге твое семейство и посмотрим, какой одеждой они могут нас снабдить.

Но, когда повозки уже были рядом с оврагом, лорд Ваир поднял руку и потребовал остановиться. Ледяной Сокол увидел, как люди спустились по склону и вскоре вернулись, волоча за собой распухшие, исклеванные воронами тела.

— Это еще что за охота? — пробурчал Потерявший Путь, и Желтоглазый Пес, лежавший возле него, спрятав нос между лапами, навострил уши, услышав злость в голосе хозяина.

— Для нас — холодная охота. — Ледяной Сокол примостил подбородок на руки. Сегодня утром он побрился, но после того, как ему пришлось шесть ночей подряд спать прямо на земле, ему очень хотелось долго отмокать в ванне на первом южном уровне Убежища или сходить в парную баню, которые имелись на зимних хуторах у его народа. — Лично мне совершенно не хочется идти в их лагерь, хоть в своем теле, хоть

без него, чтобы позаимствовать там парочку меховых шуб.

Потерявший Путь помотал головой.

— И не нужно. Когда мы готовились к нападению, мы оставили одеяла, теплую одежду и еду в лисьей норе на берегу, отсюда всего в лиге вверх по реке. Но вот это... Неужели нельзя просто оставить мертвецов покоиться в мире?

— Мертвецы не страдают, когда коршун терзает их тела, — заметила Холодная Смерть и дернула Желтоглазого Пса за шерсть на лапе. Он повернул голову и терпеливо посмотрел на нее.

— Тьфу!

— Они забрали еще и те трупы, что остались после вчерашней резни, — задумчиво сказал Ледяной Сокол. — И сложили их вон в ту последнюю телегу... Смотрите!

Бектис, выглядевший совершенно ослепительно в шубе из стеганого бархата с огромным горностаевым воротником, и в белых лайковых перчатках, вышел из повозки, в которой ехал, и направился к той самой последней телеге, от которой сильно воняло, несмотря на весенний ветерок.

— Он что, колдует с костями мертвых?

— Скорее всего, накладывает заклятья, чтобы они не разлагались.

— Лучше бы он наложил заклятье на свое сердце. — Потерявший Путь нахмурился. — А заодно на сердце этого черного саблезуба, который хочет причинить боль ребенку.

Бектис поднял руки, обтянутые перчатками, и сделал несколько пассов над повозкой, наполненной трупами. Его длинные белые волосы развевались на ветру. К ночи они совсем спутаются, подумал Ледяной Сокол. Единственный способ противостоять ветру на равнинах — заплетать волосы в косички. Потом волшебник забрал-

ся обратно в свою повозку, закутался в одеяла и натянул на голову капюшон. Длинноусый Наргуа развернул коня и поднял руку. Заскрипели колеса, и караван двинулся дальше.

Поскольку в пустынной прерии невозможно было упустить караван, Ледяной Сокол, Потерявший Путь и Холодная Смерть забрали из лисьей норы куртки и одеяла, пеммикан и короткие, тяжелые боевые топоры, навьючили все это на своих лошадей и пошли обследовать оставленный лагерь.

— Эти клоны, как ты их называешь, упали и умерли вчера, — сказал Потерявший Путь, роясь в мусоре и золе. — Они падали там, где стояли, как люди, которых внезапно настигла тяжелая болезнь. Но ни женщина, ни Мудрейший не сделали ни малейшей попытки отмыться или перенести лагерь в другое место. Запахов снадобий тоже нет.

— А тела они забрали с собой. — Ледяной Сокол рассматривал землю в том месте, где лежал один из клонов. По ней потоптались; кроме того, там было много лошадиного навоза. На желтых листьях виднелись странные пятна, а по следам тяжелых башмаков и ног, обмотанных сыромятными полосками кожи, было видно, где именно трупы поднимали и тащили в повозки.

— Я полагаю, что аппарат, который возит за собой Ваир, делает воинов не из воздуха, а из плоти умерших.

— Это плохая охота. — Потерявший Путь потеребил кончик уса. — А теперь ты говоришь, что мои братья погибли, не зная, что сотворят с их плотью и костями. — Он прикоснулся к тому месту, где под рубашкой из оленьей кожи у него были спрятаны плоские, красиво вышитые кошели духов Голубой Сойки, Волчьей Кости, Гневного Крика, Малинового Куста. — Одно де-

ло, враг мой, кормить своим мясом грифов. Грифы — тоже наши братья и сестры, поэтому все возвращается домой, к Праотцам. Но эта ворожба, это зло... — Он потряс головой. — Этого я никогда не прощу.

Холодная Смерть выкрикнула ветру имена лошадей, и они пришли, труся вверх по склону из заросшего высокой травой оврага, пофыркивая и прядая ушами — Зола, Пожиратель Скорпионов, Боящаяся Цветов, а с ними еще две лошади, сбежавшие во время набега, тоже навьюченные одеялами, мехами и провизией.

Они сели верхом и направились на север, туда, где скалы, да ущелья, да лавовые покровы, которые называются Проклятые Земли. Караван шел, и Ледяной Сокол следовал за ним, и от трупов то и дело начинало нести зловонием, и тогда Бектис повторял свои заклинания, пользуясь хрустальным браслетом. Луна прибывала, и стала полной, и снова начала убывать, а где-то позади, как точно знал Ледяной Сокол, двигались Говорящие со Звездами, как грифы, ожидающие, чтобы больное животное наконец пало.

В Проклятых Землях не было никаких дорог, но караван безошибочно двигался на север и немного на запад, не останавливаясь, ничего не уточняя и не высчитывая. Ледяной Сокол припомнил бледную тропу в траве, невидимую с земли и прямую, как тетива. Вечерами, точнее, при наступлении сумерек, когда траву схватывало инеем, Ледяной Сокол видел, как Ваир на-Чандрос и женщина по имени Хетья прохаживались вдоль повозок, а между ними шел Тир. Тир с каждым днем выглядел все более изможденным и худым. Ледяной Сокол никогда не подходил достаточно близко, чтобы услышать, о чем они говорят — он не осмеливался из-за Бектиса, но ему казалось, что именно Тир показывал на

прогалины между холмами и определял направление при тусклом свете звезд.

Земля становилась все суровее. Глинистые холмы, все более крутые, были испещрены вымоинами и овражками. На равнинах в темноте светился сланч. Ледяной Сокол дважды превращался в тень, осматривал лагерь и пытался найти возможность вырвать Тира из железной хватки Ваира. Но Тир почти все время был связан, и вокруг него постоянно находилось множество охранников. Холодная Смерть была очень грозным воином и шаманом, о чем не всякий мог догадаться, глядя на нее, но из-за хрустальной руки Бектиса даже ее поддержки могло не хватить, чтобы благополучно выкрасть мальчика. Ваир мог убить Тира, лишь бы не дать ему бежать. Несмотря на все ее легкомыслие, Ледяной Сокол любил сестру и не хотел бы увидеть, как из хрустальной руки Бектиса вырывается молния и поражает ее, как поразила Руди. У них была только одна попытка, и эта единственная попытка должна была оказаться успешной.

Непонятно, что именно требовалось Ваиру, но это «что-то» находилось на севере.

Ледяной Сокол вновь и вновь вспоминал тропу, которую видел сверху. Несомненно, работа Былых Времен, о которых не помнили люди Истинного Мира. Он спросил о ней Холодную Смерть, но Холодная Смерть, которая знала свойства каждой травинки и корешка на бескрайних равнинах Истинного Мира, которая знала имя ки каждого дерева и ручейка, сказала только:

— Я никогда об этом не слышала, брат мой.

И Потерявший Путь, который мог рассказать (и по ночам рассказывал) подробности о любой лошади, принадлежавшей его народу и тем кланам и племенам, у кого Народ Пустых Озер отбирал в набегах коней; который мог опре-

делить следы мамонтов и каждого мускусного быка и оленя в полудюжине стад, да еще и рассказать про каждого историю, только покачал головой и сказал:

— Это глупо. На Севере нет ничего, кроме Льда. Зачем бы прокладывать туда дорогу?

— Именно это я и пытаюсь понять, — раздраженно сказал Ледяной Сокол, хотя знал, что точно такой же ответ получил бы и от Полдня, и от любого его друга — будь то Красная Лисица, или Не Спящий Всю Ночь, или Пятьдесят Любовниц. Потерявший Путь мог, как и любой другой житель Истинного Мира, говорить о привычках давно вымерших животных, или вспоминать мельчайшие подробности военных сражений и охот, происходивших много поколений назад, но совершенно не интересовался тварями, порожденными сланчем, которые бродили по холмам, с которых ушли газели и носороги, мешковатыми бесформенными созданиями, про которых Холодная Смерть сказала, что это изуродованное подражание той жизни, которая была когда-то в прошлом.

«Почему?» — не понимал Ледяной Сокол. «Потерянные сны, — объясняла Холодная Смерть, — вплетенные в сланч и бездумно воплощенные в жизнь». Но чьи сны? И что же это за мир, который породил их?

Наверное, немного пристыженно думал Ледяной Сокол, я нахожусь под сильным влиянием обычаев цивилизованных людей. Ему не очень хотелось говорить об этом с сестрой или с Потерявшим Путь.

Действительно, не в привычках Говорящих со Звездами было выказывать интерес к вещам, не имевшим отношения к жизни в Истинном Мире.

Но дорога никуда не исчезла. И чем холоднее становилось, чем больше земли покрывал сланч, который не шуршал даже от резких

порывов ветра, чем больше безмолвных его обитателей появлялось вместо животных, которые раньше мирно паслись в этих умирающих прериях, тем приятнее звучали для Ледяного Сокола отдаленное жалобное блеяние овец Алкетча и скрип повозок, потому что только эти живые звуки нарушали теперь безмолвие мертвых земель.

Весна была в самом разгаре, но становилось все холоднее, и грозы, раньше ежедневно бушевавшие над этой землей, давно прекратились, и птицы исчезли. Остался только ветер, пахнувший камнем и мокрым снегом.

Днями они следовали за караваном, а ночами работали, срезая, где только возможно, молодые деревца гикори и делая из них снегоступы и полозья для саней. Кроме того, они кроили куртки из шкур бизона, мускусного быка и овец, а потом сшивали их сухожилиями — мехом и внутрь и наружу.

Дважды караван останавливался на целый день около больших рек. Ваир, Наргуа, Хетья и некоторые воины грели воду и мылись в специально приспособленной для этого палатке, а священники проводили обряды во славу Истинного Бога.

Наконец однажды Ледяной Сокол увидел, как вдалеке сверкает нечто бело-голубое, вспыхивая в свете холодного солнца.

Слишком рано, подумал он, слишком рано. Они должны сейчас приближаться к осиновым рощам, к березовым и кленовым лесам, к речкам и лугам, расположенным южнее Края Ночной Реки, к летним пастбищам его народа, к дому, который навсегда остался в его сердце.

Об этом говорил Потерявший Путь; об этом говорила Холодная Смерть. Но сердце не верило.

Край детских радостей, земля, на которой он должен был стать вождем своего народа,

была потеряна для него навсегда, погребена под тяжестью времен, снегов и судьбы. Приходилось признать, что он видит Льды Севера.

* * *

— Я болела во время путешествия. — Хетья мрачно уставилась в свинцовое утро глазами Оале Найу. — Пришли дарки и окружили наш лагерь. Мы, маги, сражались с ними, огородив лагерь стенами огня и молний. Но их могущество невероятно. — Она потерла бровь, словно пытаясь стереть воспоминания. — Мы выжили, но многие из нас долго лежали после этого, как мертвые, не в силах пошевелиться или сказать что-либо.

Она искоса взглянула на Тира с непонятным выражением, прикрыв рот тяжелым воротником.

— Вы помните это, лорд Альтир?

Тир поежился, хотя был укутан в меховую шубу, великолепное одеяние, сшитое по моде Юга. Ее дал Тиру Ваир, потому что с каждым днем становилось все холоднее и, несмотря на май, ночами ударял мороз. Но даже через парчу и рысий мех, укрывавшие его худенькие плечи, крюк лорда Ваира ранил его плоть. Впрочем, не это было самым ужасным. Гораздо хуже бывало, когда он начинал своими бледными глазами сверлить затылок Тира.

— Я не... — начал Тир и увидел что-то странное в ее взгляде. Из-под маски Оале Найу выглядывали испуганные глаза Хетьи. Он сглотнул и кивнул. — Я не... я не помню их имен. — Впервые в жизни он солгал, говоря о своих воспоминаниях. Тир быстро отвернулся и уставился на равнину. Вода покрывала камни и чахлую траву, в ней плавали бледно-голубые льдинки, солома и хрупкие розовые песчаные лилии. Пятна

сланча отравляли эти земли, расплываясь все дальше и дальше, но кое-что все же осталось неизменным.

«Выбрось все из головы, — сказал ему както Руди. — Не думай о том, что нам может потребоваться, или о том, что пытается узнать у тебя Джил. Рассказывай только то, что ты на самом деле видишь, и неважно, есть в этом смысл или нет.»

Было очень трудно выбросить из головы лорда Ваира.

— Дорога шла туда. — Он показал в сторону разрушенной стены из щебня и черных костей, до которой оставалось четыре дня пути по равнине. — Она огибала этот холм справа. Они называли его Великий Хранитель. Там была долина.

— Если мне будет позволено высказаться, — сказал Бектис, поглаживая бороду, — логичнее для дороги огибать этот холм слева, а не справа. Здесь начинается русло, как вы и сами изволите видеть, мой господин. Повозкам тоже легче пройти здесь.

— Так что же, мальчик? — Голос Ваира был бритвой, немедленно рассекшей в воображении лицо Тира, срезавшей наполовину исцелившуюся плоть и обнажившей кости и мозг. — Налево или направо?

Тир закрыл глаза.

Горло, грудь, желудок — все сжималось от ужаса перед предстоящим избиением, перед еще одним ударом крюка. С самого раннего детства Руди учил его доверять своим воспоминаниям, вызывать их легко и спокойно. Если ты ничего не видишь, просто скажи: «Эй, послушайте, я не помню...»

Тиру не хотелось даже думать о том, что произойдет, скажи он Ваиру на-Чандросу: «Эй, послушайте, я не помню.»

А вот солгать о том, что он видит — совсем другое дело.

Крюк проколол парчу и защитный слой меха.

— Налево или направо?

Тир почувствовал, как его охватывает паника, и глаза наполнились слезами.

— Дайте ребенку время, чтобы сосредоточиться, — раздался сухой, властный голос Оале Найу. Взгляд Хетьи исчез. — Сумеете вы дать правильный ответ своему школьному учителю, мой господин, если к вашему горлу приставлен нож?

— Направо, — пискнул Тир, как испуганный мышонок. — Я помню, как мы шли... — Он наклонился в сторону, отчетливо видя в памяти караван мулов и лошадей, квадратные плечи отца — отца того, другого мальчика — и его седые волосы, собранные в длинный хвост, и худого невысокого лысого человека, который ехал рядом с ним.

Он помнил, как они наклоняли головы, когда шел дождь. Как жестикулировал, разговаривая, лысый человек. Он был там, и Великий Хранитель неясно вырисовывался перед его внутренним взором.

Они обогнули Великого Хранителя (который сейчас, по прошествии трех тысячелетий, выглядел совершенно по-другому, ниже и шире у подножья, но все же был узнаваем) справа, хотя с того места, где мальчик стоял, не было видно и намека на дорогу на осыпавшемся, покрытом камнями склоне.

— Люди тревожились, потому что они несли... несли в носилках женщину-мага, — добавил Тир. Он прикрыл глаза, представляя, как это должно было быть, и сказал: — Люди с этой стороны, — и он махнул левой рукой, — были выше, чем с этой. — Он махнул направо и замолчал, дро-

жа от страха и молясь, чтобы Ваир не причинил ему боли.

— Ты же не пытаешься, — тихо сказал Ваир, — завести нас неизвестно куда, мальчик? — Холодный крюк царапнул Тира по щеке. — Или шутить с нами? Предупреждаю тебя, будет только хуже, если ты попробуешь это сделать.

Тир задрожал еще сильнее. Из глаз потекли слезы, из носа — сопли, и он боялся заговорить, страшась последствий — неважно, что именно он скажет. Такое часто происходило с ним в эти дни, и его всякий раз переполнял стыд, но он ничего не мог с этим поделать. Тир покачал головой.

— Скажи «да» или «нет», мальчик, — неумолимо настаивал голос.

Тир собрался с силами.

— Нет, мой господин.

Молчание лорда Ваира было ужасным, потому что невозможно было понять, что произойдет дальше: в нем чувствовались беспричинные гнев и ярость. Люди его тоже боялись, боялись так же сильно, как и любили. На этот раз он только сказал:

— Значит, пойдем направо, — причем совершенно нормальным голосом. — Дорога безопасна, Бектис?

— Надеюсь, что да, мой великий господин. — Придворный маг снова низко поклонился. После того, как он во второй или третий раз попытался наложить чары на повозку с трупами, Бектис уже не снимал хрустальное устройство с правой руки, и не надевал под него перчатку, потому что не мог допустить потери контакта драгоценных камней со своей плотью.

Он баюкал свою хрустальную руку и гладил ее левой рукой, постоянно, но бессознательно, так же, как постоянно оглаживал бороду. — Ни разу за время путешествия в этих краях я

не видел в магическом кристалле Белых Всадников.

— Это еще не значит, что их здесь нет. — Тир выпалил это неожиданно для самого себя. В следующий миг он уже мечтал, чтобы его рот никогда больше не открывался.

Крюк смял его воротник.

— Ты что, насмехаешься над нами, мальчик? Подшучиваешь над взрослыми?

— Нет, мой господин. — Горло у него перехватило, и он мог только шептать. — Честное слово, нет.

Пожалуйста, не делайте мне больно, мысленно умолял Тир, потому что к этому времени он уже усвоил, что просить об этом вслух — только делать себе хуже. Иногда. Не всегда.

— Просто Ледяной Сокол много рассказывал мне про Белых Всадников. Они носят амулеты и возят с собой Мудрейших и шаманов, чтобы шаманы их врагов не смогли их обнаружить.

— Я надеюсь, — холодно и едко заметил Бектис, — что мои знания и умения превосходят знания варваров, гадающих на костях.

— Даже Ингольд не всегда видит Всадников, приходящих в Долину, — сказал Тир. — Честное слово.

Вообще-то Ледяной Сокол никогда не говорил об этом, зато другие дети в Убежище, особенно сироты, с которыми он очень дружил до тех пор, пока все они не погибли в буран Безлетнего Года, шепотом рассказывали истории о том, что Всадники делали с пленниками.

Конечно, Тир был бы счастлив, если бы Ваиру пришлось страдать и мучиться, но ведь они убьют и Хетью.

И люди из каравана лорда Ваира, со многими из которых он познакомился, например, Агал, который принес ему финики, тоже бы-

ли невиновны и не заслужили такой страшной смерти. То, что он оказался здесь, не их вина.

— Бектис?

— Я думаю, этот ребенок просто решил усложнить нам жизнь, — холодно заметил маг. Он спрятал лицо поглубже в воротник — кончик носа покраснел от холода. — Однако большого вреда не будет, если мы увеличим количество дозоров.

Ваир на-Чандрос отпустил воротник Тира и пошел обратно в лагерь. Следом шли чародей, мальчик и Хетья. Хетья все еще находилась во власти надменной и заносчивой Оале Найу, но все же обняла Тира за плечи. Тир снова плакал, — он очень испугался. Он ненавидел себя за эти слезы и старался не хныкать, когда его видели. Он был сыном Элдора Эндориона и не желал, чтобы его сочли изнеженной девчонкой. Однако после того, как лорд Ваир сообщил ему, что Бектис увидел в своем кристалле — его мама и Руди мертвы, и сестренка Гиза тоже, он не мог сдержать слез.

Они сказали, что Убежище в осаде, что скоро в него ворвутся и всех убьют. Ему некуда было идти, не к кому приклониться. Во всем мире он знал теперь только Бектиса, Хетью, да лорда Ваира.

* * *

Они вступили в Край Ночной Реки, и клоны начали умирать. Прошло почти три недели после нападения Народа Пустых Озер. Ледяной Сокол не знал, могут ли клоны прожить только несколько недель или же они более восприимчивы к холоду, чем люди. Перед ними, сразу же за холмами бесплодных земель, блестящей стеной высился лед.

Рощи и луга вдоль Ночной Реки были самыми восточными летними пастбищами для

бизонов и овец клана Говорящих со Звездами. В памяти остались сочные травы и короткие, светлые ночи. Другие племена устраивали сюда набеги, чтобы браконьерствовать в стадах, принадлежавших Говорящим со Звездами, или воровать лошадей, чьи родословные приравнивались к родословным великих вождей. Потерявший Путь показал место, где он едва не пронзил копьем Ледяного Сокола в Лето Двух Белых Мамонтов, а Ледяной Сокол кичливо сказал:

— Ты промахнулся на десять дюймов, и копье твое было слишком тупым, чтобы пробить мою куртку, — после чего оба засмеялись. Теперь это были бесплодные пустоши, залитые талой водой с ледников там, где не было сланча. Охотиться было невозможно. Все трое питались только пеммиканом и сушеным мясом леммингов, и даже Желтоглазый Пес сильно исхудал.

За несколько дней до этого Ледяной Сокол наткнулся на следы Говорящих со Звездами и, хотя те и заметали их, все же узнал отпечатки копыт коня Голубой Девы по кличке Веселый Убийца. По логике, раз Говорящие со Звездами преследовали караван, они двигались в сторону Ручья Карликовой Ивы, точнее, к тому, что от него осталось. Холодная Смерть гадала и осматривала окрестности. В конце концов она объявила, что видела еще и шайку Земляной Змеи, двести два человека, под предводительством их вождя Розового Цветущего Винограда. Ледяной Сокол раздумывал, знают ли они друг о друге.

Ночами фосфорическое свечение сланча отражалось в мелких озерах талой воды, и над этими светящимися полотнищами при свете укрытых облаками летних звезд Ледяной Сокол наполовину видел, наполовину угадывал движение крыльев демонов. В Долине тоже обитали демоны, но они редко трогали людей. После своих

превращений в тень Ледяной Сокол постоянно ощущал их присутствие и чувствовал себя неуютно. Они пищали, ухали и свистели над водой и подражали голосам тех людей, кого Ледяной Сокол знал, когда жил здесь.

Он сидел на часах, закутавшись в толстую накидку из шерсти мамонта, которую соткала какая-то женщина из Народа Пустых Озер, и вдруг услышал голос Полдня: «Я хотел назвать тебя своим сыном.» Или он сказал: «Ты предал нас всех, сын мой»? В другой раз ему послышался холодный, протяжный голос Голубой Девы, обещавший отдать кому-нибудь его коней, а потом радостный смех Солнечной Голубки.

Холодная Смерть негромко спросила совсем рядом:

— Это правда, что ты бросил Солнечную Голубку умирать?

Ледяной Сокол быстро оглянулся. Его сестра умела подходить незаметно.

Она сидела рядом с ним, такая маленькая в своей огромной шубе из шкуры мускусного быка, ее черные глаза выглядывали из-под спутанных волос.

— Она не могла выжить с такой раной, — терпеливо объяснил он, как объяснял это и двенадцать лет назад, и много раз после этого. Луна светила так ярко, что он решил было завязать ремни на своих снегоступах, чтобы не делать этого потом в темноте, но теперь отставил их в сторону. — Белый Медведь из Народа Соли пронзил ее копьем насквозь, и она вместе с конем слетела с высокой скалы в Месте Коричневых Псов. Я видел, как они лежали на одном из трех уступов. Остальных убили стрелами дальше в каньоне. К тому времени, как я добрался бы до нее, она бы все равно умерла. Она была слишком юной, чтобы принимать участие в набеге. Она не

успевала за остальными и не смогла защититься, когда попала в переделку.

— Но ты разрешил ей поехать?

Ледяной Сокол пожал плечами.

— Она считала, что уже готова к этому.

Холодная Смерть внимательно смотрела на него блестящими черными глазами.

— Ты любил ее?

Ледяной Сокол отвернулся.

— Или ты разрешил ей поехать с тобой, потому что точно знал, что Голубая Дева не возьмет ее в свой отряд? Потому что ты хотел — из любви к ней и желания доказать что-то Голубой Деве — дать ей то, чего не хотела ей дать Голубая Дева?

Ледяной Сокол молчал. Вход в его сердце был заперт, как запирались несокрушимые Врата Убежища — скрытыми стальными механизмами, да еще и охранялись призрачными рунами древних заклятий. Поодаль над бесплодной землей пролетело порожденное сланчем создание, в воздухе послышался крик демона. На мгновение ему привиделась миниатюрная Голубка, стоявшая с воздетыми руками во время Летнего Пения, из ритуальных разрезов на ладонях капает кровь, волосы цвета нарождающегося дня, и ясный голос обращается к небесам.

Он снова взял снегоступ.

— Было время, когда я любил ее. У нее было сердце ястреба, желание стать воином, желание добиться чего-то. Она думала, что Голубая Дева специально не подпускает ее к настоящему делу, несмотря на свою любовь.

Он завязал ремни и сильно затянул их. Пальцы уже замерзли, он сунул руку подмышку.

— Я говорил ей, что это не так. К этому времени я уже понял, что они принадлежат друг другу сердцем и душой, и отказался от этой любви.

— Ты в самом деле считал, что она уже готова сражаться с воинами из Народа Соли?

Ледяной Сокол покачал головой.

— Я сделал ошибку. — Он снова начал связывать кожу и дерево, стараясь не встречаться глазами с сестрой. — Я потом очень жалел об этом. Но Солнечная Голубка сама сделала свой выбор, когда решила поехать с нами. Голубая Дева знала это.

Холодная Смерть глубоко вздохнула. Ветер с ледника замораживал ее дыхание, и оно курилось белым облачком около ее рта. Этот же ветер принес зловоние трупов в повозке Ваира на-Чандроса, вонь от нескольких оставшихся овец, запах мулов и запах людских нечистот.

— Голубая Дева знала это, и она ненавидела меня. — Ледяной Сокол покосился в ту сторону, где на куче тряпья спал Потерявший Путь вместе с Желтоглазым Псом, невидимым в темноте. — То, что она сделала, было хуже убийства. Еще наступит тот день, когда я поквитаюсь с вождем Говорящих со Звездами.

Холодная Смерть оставила его одного и улеглась спать рядом с Желтоглазым Псом. Ледяной Сокол подул на замерзшие пальцы и продолжал работать. Его успокаивало такое незатейливое занятие, но он всю ночь прислушивался к голосам.

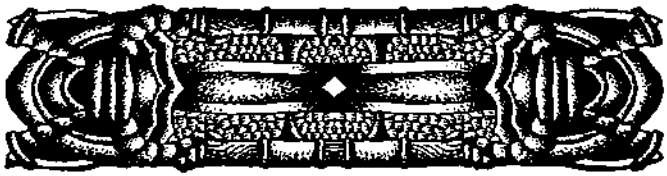
В конце лета, когда Говорящие со Звездами вновь пришли на спорные пастбища, он вернулся на Место Коричневых Псов, хотя это не было в обычае его народа, и собрал кости Солнечной Голубки. Это отняло некоторое время, потому что койоты растащили их. Он похоронил их в каньоне, на том месте, где расцветают первые весенние розы. Голубка любила дикие розы. Не обращая внимания на пчел, роящихся у мелких речушек, она часто ложилась на камни и вдыхала аромат цветов.

Ледяной Сокол вдруг сообразил, что это место совсем недалеко отсюда, каких-нибудь несколько миль.

Сидя вокруг костров в охотничьих лагерях и возле очагов в длинных зимних домах, соплеменники Ледяного Сокола любили рассказывать истории: о повадках бизонов и курдючных черных овец, о большой антилопе с Севера, о том, как выслеживать зайца и как плодятся мускусные быки, о погоде у Ручья Карликовой Ивы и у Моря Травы в разное время года, и, конечно, о Праотцах. Полезные истории, не имеющие ничего общего со сказками про древних королей или про дикие розы.

Звезды говорили с Праотцами, подсказывали им заклинания и заговоры, чтобы уберечь души от Наблюдателей, Прячущихся за Звездами, а глаза от миражей Сновидений.

И сейчас там, наверху, над сверкающим льдом, над молочной пеленой воды, покрывавшей эти бесплодные земли, Звезды держали совет.

Глава одиннадцатая

Ваир на-Чандрос и его люди разбили лагерь под алмазной стеной на краю света — подо Льдом Севера. Из укрытия на скале, бывшей когда-то Холмом Лилейника, Ледяной Сокол наблюдал за тем, как они снимали с колес короба повозок и спиливали березы и бузину, чтобы сделать полозья.

— Они что, с ума посходили? — Потерявший Путь уперся плечом в поваленную сосну. — Неужели они действительно собираются втягивать повозки на эту ледяную стену?

— Это совершенное безумие, — пробормотал Ледяной Сокол, скрестив руки на груди. Сильный холодный ветер шевелил его косички. Несколько дней назад он перестал бриться, чтобы хоть немного защитить лицо. — Похоже, Ваир на-Чандрос сумел убедить остальных поддержать его безумную затею.

Холм Лилейника находился довольно далеко от их стоянки, но все же можно было разглядеть, чем занимаются эти крошечные фигурки: рубили деревья, забивали оставшихся овец, делали санки, на которые привязывали дрова для костров. Один человек вытаскивал что-то из коробов.

— Башмаки для мулов, — прокомментировал Ледяной Сокол.

Вождь Народа Пустых Озер уставился на него так, словно он предложил обуть мулов в розовые атласные бальные туфельки.

— Они дают башмаки животным, но по-

зволяют этим проклятым клонам заматывать ноги кожей, как рабам?

— Мулы не должны скользить по льду, — объяснил Ледяной Сокол. — Грязекопатели тоже так делают зимой, когда им нужно перевезти тяжелый груз из одного места в другое.

— А почему они не перевозят тяжелые грузы осенью, до того, как ляжет снег?

— Потому что они идиоты, — ответил Ледяной Сокол. — Они же грязекопатели.

Хотя именно грязекопатели проложили дорогу, пусть даже эта дорога ведет в пустоту Севера, и заложили основания для мостов, которые до сих пор служат бродами. Они построили Убежища, достаточно надежные, чтобы выстоять перед злобной магией дарков.

— По-моему, они напрашиваются на неприятности, — добавил он через некоторое время. — Даже ребенок знает, что нужно разделать животное, если ты собираешься его съесть.

— Может, они торопятся. Может, они заметили коней Народа Земляной Змеи.

— Они устраиваются на ночь, — заметил Ледяной Сокол. — И посмотри-ка, они сваливают овечьи туши в кучу рядом с черной палаткой. — То, что они поставили черную палатку рядом с самой большой повозкой, заставило его похолодеть от ужаса. Он предположил, что последние клоны умерли вчера.

Кажется, там все-таки решили принять предложенный Ледяным Соколом способ обработки овец. Воины о чем-то совещались, качали головами и спорили.

— Что это они делают?

— Кидают на пальцах, — отозвался Ледяной Сокол. Из-за бурелома раздался смех Холодной Смерти. Она разговаривала с Ингольдом Инглорионом через замерзший пруд. За

долгие недели путешествия они со стариком подружились, разговаривая почти каждый вечер.

— Они выбирают человека для неприятной работы. Мы в таких случаях вытягиваем кость. Ага, — сказал он, глядя, как один из них очень неохотно побрел в сторону Ваира на-Чандроса, который разговаривал с Бектисом и Правдоискателем. — Вот все и понятно. Лично я, даже если б и вытащил кость, лучше бы сжульничал, чем идти разговаривать с этим ублюдком.

Выбранный неудачник определенно думал точно так же.

Он кланялся и всячески демонстрировал смирение и покорность, показывая в сторону грязно-серой кучи мертвых овец.

— Они что, собаки, коли позволяют так с собой обращаться? — спросил Потерявший Путь, когда Ваир ответил и посланец, прикрывая окровавленное лицо, вернулся и сообщил своим соратникам, что его светлость желает, чтобы овцы целиком — шерсть, кишки и все остальное — лежали возле палатки.

— В основном да, — ответил Ледяной Сокол.

Лазутчики вернулись с глетчера. Ваир на-Чандрос выслушал их отчет, повернулся и начал рассматривать лед. Лед возвышался над лагерем, над холмами, как невероятная матовая крепость, и его блеск отражался на лицах стоявших внизу людей.

Замерзшие ели, березы, гикори и горные лавры лежали серой грудой, перемешанные с кусками льда.

Это монстр, подумал Ледяной Сокол. Монстр, который со временем поглотит мир.

— Он рехнулся, — немного помолчав, снова сказал Потерявший Путь, — если всерьез думает, что втащит все наверх.

Ледяной Сокол покачал головой.

— Про Ваира на-Чандроса можно многое сказать, — пробормотал он, — но только не то, что он сумасшедший.

Тира вели вдоль повозок.

— Хорошо, что есть женщина, которая может смотреть за ним, — сказал Потерявший Путь. — Славная женщина.

— Это та самая, что обманула его и увела из Убежища, — резко возразил Ледяной Сокол, которого до сих пор мучила мысль о Хетье.

Потерявший Путь покачал головой.

— Я наблюдаю за ней уже несколько недель, — сказал он. — Человека можно вынудить и к хорошему, и к плохому, враг мой. Она заботится о мальчике, и с каждым днем все лучше. Она ведет себя так, словно у нее есть свой ребенок. Мальчик что, уже бывал здесь? — спросил он внезапно, увидев, что Тир показывает рукой направо от склона.

Ледяной Сокол помолчал, не зная точно, что сказать.

— Это знание их семьи.

— Но откуда он знает о том, чего не существует?

В самом деле, откуда?

Он сам пошел искать другой путь вверх на глетчер, с дальней стороны Холма Лилейника, где находилась глубокая расселина. По ней можно было взобраться только с помощью топоров. Дорога вела на Север, но ее конец был теперь покрыт непроходимым льдом. Ваир спросил еще что-то, и Тир согласился. Он выглядел таким маленьким и беспомощным среди этих людей!

Если ты еще раз ударишь его, подумал Ледяной Сокол, хоть он и не из моей семьи, все же я с тобой за него посчитаюсь.

Но Ваир не ударил мальчика. Вместо этого он сделал знак Хетье. Ледяной Сокол

даже на таком расстоянии мог сказать, что она снова была во власти Оале Найу.

— А это что за новая охота? — пробормотал Потерявший Путь.

К ним подошла Холодная Смерть, успевшая рассказать Ингольду обо всем, что произошло за этот день. Старый маг уже добрался до Дола Ренвет, сообщила она вчера. Он прошел с севера через Глетчер Святого Прата. Он очень интересовался путешествием Ваира.

— Ты видел это, когда превращался в тень и ходил в их лагерь? — выдохнула она, и Ледяной Сокол покачал головой.

— Оно было упаковано в ящиках в повозке. — Его голос походил на шелест ледяного ветра в обнаженных корнях поваленных деревьев. — Я видел, что ящики светились злом, так же, как и эта штука в палатке. Ты знаешь, что это такое?

Она мотнула головой.

Под руководством Хетьи ящики открыли, вытащили оттуда детали, и Бектис с Правдоискателем начали их соединять. Им помогал лазутчик, которого Ледяной Сокол назвал Хохлатая Цапля — умный юноша, который умудрился ни разу не навлечь на себя гнев Ваира. Золотые трубки разной толщины соединялись стеклянными шарами и хрустальными стержнями, скрепленными железом. Сверху они казались присыпанными солью.

— Она действительно обладает духом Праматери шаманов? — спросил Потерявший Путь, когда Хетья наклонилась и стала помогать соединять множество деталей в один блестящий бугорчатый палец, сверкающий, как сама ледяная стена.

— Возможно. Или же сохранились указания, написанные на бумаге или запечатленные в сердцевине магического кристалла како-

го-нибудь Мудрейшего, а она их выучила, чтобы ее лжи поверили. — Ледяной Сокол скрючился рядом, сложив скрещенные руки на колени. — Любой может сочинить историю — среди грязекопателей это считается искусством, и многие в этом настоящие мастера.

— Тьфу, — сказал Потерявший Путь. — Не похожа она на женщину, которая врет.

«Вот как?» — подумал Сокол. Но вслух сказал только:

— Это походит на штуки, которые мы нашли в Убежище много лет назад. Руди и Ингольд сделали из них оружие, которое плюется огнем по приказу Мудрейшего, но не так уж хорошо оно работает. Чтобы показать, как эти штуки действуют, не нужна Праматерь шаманов.

Медленно, с достоинством обошла Хетья вокруг аппарата, трогая трубки и стержни, поправляя шары, которые подходили к одним стержням и не подходили к другим. Бектис с умным видом кивал, идя рядом. Джил, подумал Ледяной Сокол, ходила бы с открытым от благоговения ртом, а для него самого это было то, что было — стекло и железо, золото и соль, простые элементы земли. Хетья придавала этому слишком большое значение, делала царственные жесты, которые сделали бы честь проповеднику на базарной площади в дни до прихода дарков, и даже голос ее доносился до трех наблюдателей — возможно, ее слышали и другие наблюдатели.

Работа закончилась. Эта штука действительно производила впечатление. Она покоилась в колыбели из сцепленных колес, похожей на ту, которую Ингольд чинил в тайниках Убежища. Ее окружал странный ореол из казавшегося уплотненным слабого послеполуденного света. Тир попятился, словно стараясь спрятаться между повозками, но Ваир поманил его, и он нео-

хотно подошел. Его о чем-то спросили, но он только помотал головой.

Хетья и Бектис стояли около нового аппарата. Хетья тронула рычаги, и вся штука неожиданно начала раскачиваться, как живая, она дрожала и, казалось, удерживалась на волоске. Проволочки трепетали, как усики у насекомого, а драгоценные камни на их концах светились.

Ледяного Сокола пробрала дрожь, неприятное чувство, что Джил-Шалос была права. Это куда больше, чем просто соединенные воедино элементы.

Наступила тишина, похожая на тишину перед снежной бурей, ужас перед чем-то невообразимым.

Бектис положил руки туда, куда указала Хетья — маленькие фигуры, серая и золотая, белая и красная на фоне бесчувственных серых скал и блестящего льда.

Потом вспышка, слабее молнии, звук, разнесшийся по всей долине — Ледяной Сокол был уверен, что это раскололась скала в том месте, где ее коснулось это мерцание. От скалы отделился кусок и полетел вниз. Затем раздалось дикое ржание мулов и лошадей, закричали люди.

Даже старый Наргуа, а Ледяной Сокол давно решил, что это человек спокойный и мужественный, резко отступил назад, делая знаки против демонов.

И только Ваир остался стоять на месте, с интересом глядя, как Хетья снова тронула рычаги. Отступивший было Бектис снова положил руки на аппарат. Еще одна вспышка, воздух между хрустальными рожками машины и скалой словно содрогнулся — так появляется трещина на стекле. Ледяной Сокол увидел, как огромный кусок скалы дрогнул, откололся и полетел вниз по склону. Потом он услышал грохот.

— Это плохая охота, — прошептал Потерявший Путь, когда вновь обрел дар речи.

Действительно плохая охота, подумал Ледяной Сокол. Они уже три недели в пути, и он чувствовал, что все это обернется чем-то очень плохим для осажденного Убежища.

* * *

— Что она сказала? — Джил и Минальда вскочили на ноги, как только Илайя вышла из потайной комнаты. Юная чародейка, высокая и застенчивая девушка, немного постояла в дверном проеме, показывая, что с ней все в порядке.

Руди рассказывал Джил, что встреча с Брикотис, чей дух обитал в сердце Убежища, часто только сбивает с толку.

И Руди, и Ингольд пытались объяснить, на что это похоже, но Джил пришла к выводу, что понять это может только маг. Сама Брикотис — Джил видела ее изображение в полудюжине древних записывающих кристаллов, стройная женщина со смеющимися глазами и татуировкой на черепе, которую делали все волшебники тех времен — давно превратилась в нечто весьма далекое от человека, в сгусток памяти и могущества, который обитал в самом сердце подземелья. Тот, кто входил туда, чьего сознания она касалась, испытывал самые разнообразные ощущения.

— Она поговорила с тобой? — Брикотис, конечно, не разговаривала в буквальном смысле этого слова. Минальда подвела девушку к потайной лестнице, возле которой они с Джил дожидались Илайю, и усадила ее.

— Ну да, — неуверенно кивнула головой Илайя. — То есть я хочу сказать, я видела разное. Она там была. — И благодарно по-

смотрела на Джил, которая протянула ей фляжку с питательным отваром, уже почти остывшим. — Но я не поняла того, что увидела.

Джил и Альда молчали. Илайя всегда была застенчивой и медлительной. Она немного подумала, потом сказала:

— Я спросила ее, есть ли другой вход в Убежище. И увидела... — Она беспомощно протянула вперед руки. — Я увидела прачечную на третьем уровне, сразу за святилищем Церкви.

— Прачечную? — Джил едва не рассмеялась.

Минальда взволнованно спросила:

— Ты в этом уверена? — Не потому что решила, будто Илайя ошиблась — как правило, чародеи не делали подобных ошибок — а потому, что в этом не было никакого смысла.

— Так же уверена, как в том, что сижу здесь, госпожа.

— Но ведь это в середине Убежища, — недоуменно сказала Альда. — Не может быть потайного прохода в прачечную, потому что нельзя миновать мою спальню, и святилище, и склады лорда Анкреса...

— О, Иисус, нам что, придется проводить измерения? — в смятении воскликнула Джил. — Все это пространство за Приделом столько раз изменялось и перестраивалось, стены и комнаты то разделялись, то объединялись, и прокладывались новые коридоры, и мы никогда не найдем точных планов. Да там сейчас не меньше дюжины потайных переходов, которые ведут из одной комнаты в другую! Я даже думать об этом не желаю!

— В любом случае вход должен быть где-то рядом с нижним уровнем, — протестующе сказала Минальда. — А это значит, что должна быть еще и лестница — может, в наружной стене? По крайней мере, теперь мы знаем, что она находится в задней части Убежища.

— Да кто может об этом знать? — изумленно спросила Илайя. — И кому Ваир предназначил роль предателя? Вроде как к нам никто не приходил и никто нас не покидал в последнее время.

— Если этот вход вообще существует, — мягко сказала Джил. — Я поговорю с Янусом, и мы организуем поиски, только чертовски секретные, потому что чем меньше народа об этом знает, тем лучше. Но если и есть еще один вход, бьюсь об заклад, увидеть его может только маг. Что означает — ты, Илайя, отсюда или Венд снаружи. Ты готова?

— Это мой долг, — просто ответила Илайя. — Разве не так?

Она заткнула фляжку пробкой, встала и пошла к повороту лестницы, очень похожему на раковину улитки. Колдовской свет, которым она осветила комнату, неторопливо плыл перед ними. Джил и Альда медленно шли за ней следом. Альда предусмотрительно задула свечу. Заколки в ее длинных волосах сверкали в отблесках колдовского света.

Когда Илайя отошла от них достаточно далеко, Альда спросила Джил:

— Ты веришь в то, что где-то позади Придела есть еще один вход? Сокрытый при помощи заклятий?

— Я думаю, поискать мы должны, — ответила Джил. — Но все равно нет. Это что-то другое. Что-то совершенно другое.

* * *

Предупредить их мог только он.

Тир поглубже зарылся в меховое гнездышко, служившее ему постелью, и прислушался к завыванию ветра. Ветер был настолько сильным, что раскачивал повозку, и время от

времени она издавала пронзительные звуки, похожие на вопли привидения.

Тир уже понял, чего от него хотят, и очень скоро ему придется плюнуть в лицо Ваиру — лучше это, чем жить дальше.

Ночь была очень холодной. Наверное, слишком холодной для того, чтобы покинуть меховую постель. Он может замерзнуть насмерть. Такой вариант его устраивал.

Никто, кроме него, не знал о *чен йекас* — так называлась машина, которую он сегодня видел, эта ужасная штука, которая плевалась не огнем, а грозными вспышками багрянистого не-света. Слово само пришло ему в голову и звучало так же отчетливо, как имя его сестры. Только он знал тайну воинов *тетхин* — Ваир и Хетья пользовались другим названием, Хетья сказала, что так называла их Оале Найу. Но в те далекие времена, о которых помнил его предок, они назывались именно *тетхин*.

Только он знал самый жуткий секрет, и должен был предупредить об этом Убежище. И у него не было выбора, он должен был сделать то, что сделать невозможно.

Хетья развязала ему руки, перед тем как уйти. Хотя она их бинтовала, все же они постоянно кровоточили. Лорд Ваир сам ежедневно проверял путы.

Мысль о том, что у Хетьи возникнут большие неприятности из-за того, что она подарила ему эту поблажку, мучила мальчика. Если же лорд Ваир обнаружит нож у него в башмаке, это означает избиение — нет, нечто куда ужаснее, чем избиение — не только для Тира, но и для Хетьи. Но Руди умер. Умерла и его мама, сказал Бектис, умерла от горя, потому что он, Тир, оказался таким глупцом и позволил увести себя из Убежища.

Он виноват во всем. Если бы дело касалось только его самого, он бы принял все, включая смерть, потому что заслужил это. Но Венд и Илайя все еще в Убежище. Ингольд тоже жив, хотя он где-то далеко, но эти двое молодых волшебников обязательно найдут его с помощью своих магических кристаллов. Пока они в Убежище, у них есть шанс...

Тир набрал полную грудь воздуха. Как и все в лагере, он спал в одежде. Осторожно, двигаясь так, как его учили стражи, он на ощупь отыскал свою куртку. Он всегда клал ее в одно и то же место — так учил его Ледяной Сокол. Свет не проникал сквозь плотные одеяла, которыми занавешивали повозку, предохраняясь от холода. Он проскользнул мимо мешков с едой, мимо узлов с плохо пахнувшей одеждой несчастных умерших тетхинов. Он надел куртку, проверил, есть ли в карманах варежки, натянул шерстяную шапку и капюшон. Руди много раз говорил ему, что мир становится все холоднее, но в этих землях у Льдов Севера намного холоднее, чем в Долине Ренвет зимой. Тир и припомнить не мог такого холода за всю свою жизнь... Одному из тех маленьких мальчиков тоже было так холодно. Может, даже нескольким. Он помнил это не очень отчетливо, и, честно говоря, не хотел вспоминать. Он надел варежки. Тир дрожал, а тупая боль в животе, которая в последнее время не исчезала, сделалась просто невыносимой, но он понимал, что времени у него совсем немного. Хетья скоро вернется.

Тир скомкал подушку и одеяло, чтобы казалось, что он все еще лежит там. Потом проскользнул в конец повозки и прислушался.

Часовой стоял на месте. Через несколько минут Тир услышал его кашель. Закричал мул. Заскрипели башмаки, и мужской голос

произнес: «Агал», — приветствуя часового, большого симпатичного юношу, который однажды принес ему финики.

— Пилжек... — Пилжеком звали одним из сержантов.

Иногда после того, как лорд Ваир мучил Тира, Агал передавал ему немного сушеных фруктов или сластей, но никогда не жалел его. Напротив, он даже объяснял Тиру, что все, что делает лорд Ваир, на самом деле идет ему на пользу. Тир не винил его, но сласти эти есть не мог. Впрочем, в основном его все время тошнило от страха, поэтому он вообще почти не мог есть.

Агал спросил:

— Он закончил?

— Еще нарезает круги. — Во всяком случае, Тир понял слова Пилжека именно так. У сержанта был сильный акцент. Понять его иногда было очень трудно. — Он попросил Янтреса, и Никора, и Туувеса, Хастроаала и Ти Мена... — Тир знал почти всех названных. — Почти два десятка.

— Будет еще сражение?

— Похоже на то. Никор сказал, они видели дикарей. Если... — тут он сказал фразу, которую Тир не понял — ...нам потребуется много людей.

Дикари. Белые Всадники.

Тир ощупью двинулся вдоль длинной стенки повозки, осторожно сдвигая в сторону мешки с сухой кукурузой и бобами. Его маленькое тело легко протискивалось между ними, и наконец руки уперлись в деревянную стенку. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы ослабить внутреннее покрытие, проползти под ним, через стенку повозки, под наружное покрытие и спрыгнуть.

Прыгать пришлось с небольшой высоты, потому что повозка стояла не на колесах, а на полозьях. После темноты повозки свет факелов в лагере едва не ослепил его. Тир заполз в

тень. Сердце его колотилось так, что он едва дышал. Тир осмотрелся.

Он оказался за пределами круга, образованного повозками. На это он и рассчитывал — они ставили повозки всегда одинаково. Сланч светился на темных склонах, по которым они прокладывали путь последние три дня. Над ними возвышался глетчер — не одинокая стена, как Глетчер Святого Прата в Долине Ренвет, а крепостной вал изо льда, мироздание холода, медленно пожирающее мир. Тир видел, что он простирался между Великим и Малым Стражами (другой мальчик прошептал в его сознании эти названия).

Лед Севера.

Часовые стояли по всему периметру лагеря. Люди лорда Ваира, его отборные отряды, преданные ему, любящие его, несмотря на все то, что он с ними творил. Их бронзовые шлемы были украшены павлиньими перьями. Последние тетхины умерли вчера вечером. Тир подумал о Белых Всадниках и о том, что людей у Ваира осталось совсем мало.

Тир смутно понимал, что маг с нужным оборудованием может делать из людей тетхинов. Когда-то в другой жизни, где-то во тьме своей памяти он видел, как это делается. Лорд Наргуа шел от часового к часовому, похлопывал по плечу одного, мягко разговаривал с другим — и Тир понимал, что старик именно это и собирается делать.

Он видел, как это делается. Он точно знал, что видел. Где-то... когда-то...

И точно знал, что больше видеть этого не хочет.

Но придется, иначе он не сумеет рассказать об этом Ингольду.

Янус, и Джил, и все остальные Стражи, разговаривая в своей комнате о войне, обязательно упоминали и о лазутчиках. А Джил од-

нажды сказала: «Если ты один и ничего не можешь сделать, не изображай из себя героя. Не надо нарываться, чтобы тебя убили. Просто наблюдай внимательно, запоминай как можно больше деталей, а потом расскажешь обо всем.»

Она говорила это новым воинам, молодым мужчинам и женщинам, которые учились приемам ведения войны, и не знала, что Тир тихонько сидел в уголке у очага. «Что-то, показавшееся вам совершенно незначительным, может оказаться решающей деталью для того, кто знает больше вас.»

Ингольд должен узнать, как спасти Убежище.

Тир пополз вперед, стараясь прятаться в тени, пока не добрался до последней повозки, соединенной с черной палаткой.

Он увидел, как лорд Ваир вышел из палатки и остановился, чтобы поговорить с Наргуа и Шакас Каром, Правдоискателем с Юга, с обритой наголо головой, противной кривой улыбочкой и темно-красным поясом.

Люди тянули через лагерь санки, от которых невыносимо несло трупным зловонием: там лежали трупы умерших тетхинов, некоторые умерли очень много дней назад.

— Затягивайте их внутрь.

Лорд Ваир махнул плетью, с которой никогда не расставался. Он никогда не пользовался правой рукой, то есть крюком, всегда пряча его в рукаве и под плащом. Агал и другие говорили Тиру, что их господин потерял руку в юности, во время кавалерийской муштры, и это на долгие годы лишило его права командовать войсками — пока не пришли дарки.

— Он завоевал бы славу и почет давным-давно, — сказал Агал, как бы извиняясь за командира, которого обожал. — Ты же понимаешь, почему он такой сердитый?

В палатке уже развили бурную деятельность, и Тир учуял идущую изнутри мерзкую вонь от мертвых овец и тяжелый запах суглинка. Его снова затошнило.

— Мой господин, я вынужден протестовать. — Между повозками появился Бектис, закутанный в бархатную шубу до пят. Рука, на которой он в последнее время, не снимая, носил драгоценное устройство, спряталась в белую меховую муфту, а вокруг шеи он намотал с дюжину соболей.

— Мы знаем, как обращаться с *детхкен лорес*...

Только это неправильное название для той штуки в палатке, подумал Тир. Она называется *чекнэйес*. Но кто это знает?

— ...с единственным источником... — Он взглянул на юного часового, стоявшего рядом, затем отвел Ваира в сторону, ближе к повозке, под которой, скрючившись, сидел Тир. Дальше Бектис говорил очень тихо. — Мой господин, я не могу поручиться за то, что может произойти.

— Именно ты и должен знать, что может произойти, — рявкнул Ваир. — Мне казалось, ты объявил себя знатоком в этом деле, колдун. Мне казалось, ты знаешь абсолютно все об этих машинах и о магах, которые их создали. — Потом резкий голос зазвучал очень тихо, и в животе у Тира снова все заледенело. — Или это не так?

— Разумеется, так, — быстро ответил Бектис. — Просто это небезопасно...

— Плоть есть плоть, — ответствовал Ваир. — Разве не ты сказал, что мертвая плоть много раз дублируется в чане? Что достаточно снять копию с сущности жертвы, а уж машина запомнит образ того, что требуется создать? Разве не так это работает?

— Разумеется, так, — сказал маг, но его длинные пальцы высунулись из меховой муфты и затеребили белую бороду.

— Нам нужны люди. — Теперь Ваир говорил очень холодно, и голос его шелестел, как шепот ледяного ветра. — Вокруг нас полно дикарей, а до нашей цели еще несколько дней пути. Я не хочу, чтобы нас захватили врасплох, когда мы поднимемся на льды. И нам потребуются люди, чтобы завершить захват Убежища Дейра. Говори, можно это сделать так, как хочу я, или нет?

— О, грозный полководец...

— Каждую машину можно починить, колдун, если за это берется понимающий человек. Ты сказал, Хариломн делал это, тот самый еретик, по чьим трудам ты учился. Не советую относиться ко мне, как к человеку из толпы. Знающий должен уметь починить все. — Его голос напоминал Тиру крюк, ухвативший его за воротник, вонзившийся в его тело. — Поэтому мы спасаем знающих, вместо того чтобы оставить их гибнуть в руках тех лицемеров, которые жаждут возложить вину за собственные преступления на чужие головы. Или это не так, колдун?

Бектис склонил голову.

— Это так, господин.

— Значит, я могу надеяться, что ты сделаешь все, как следует?

— Я все сделаю, господин.

— Хорошо, — очень тихо сказал Ваир. — Хорошо. — И пошел в сторону палатки, в которой спал. Бектис поспешил к центральному костру, где стояла Хетья, согревая руки в перчатках. Хетья, Бектис, Шакас Кар, Наргуа... Тир считал, загибая пальцы, потом пополз по замерзшей земле к самой большой повозке.

С трех сторон повозка была укутана парусиной и полотнищами, сотканными из козьей шерсти, так что под ней было не то чтобы тепло, но, по крайней мере, не ветрено. В длинном прямоугольнике красноватого света, горящего

внутри, виднелись ножки стола. Вокруг стояли санки с трупами: на одних лежали несчастные овцы с перерезанными глотками, на их шерсти засохла кровь; на других нечто, покрытое вонючим одеялом из козьей шерсти, с которого что-то капало; на третьих навалена груда случайных вещей, ветки, дрова и почему-то куски дерна.

Тир подполз к тому месту, где начинались занавеси. Их было не меньше четырех слоев, чтобы уберечь тех, кто внутри, от холода и не допустить, чтобы наружу пробивался свет. Он прополз между занавесями, как мышонок между простынями, и оказался позади саней с их ужасным грузом, потом раздвинул занавеси и заглянул внутрь.

На возвышении стояла железная ванна с арками над ней, напоминающими ребра неизвестного животного. По углам стояли две хрустальные глыбы с золотыми прожилками, а над ними висел какой-то мерцающий балдахин. Из палатки в повозку вели ступеньки, но Тир не рискнул подобраться поближе, чтобы разглядеть их. В центре палатки стоял складной столик, а на нем нечто, напоминающее ящичек.

Он все запоминал.

Но в глубине сознания бесконечно стучалась одна и та же мысль — он все это уже видел. Он знал, что находится в ящичке на столе.

Занавеси, закрывавшие вход, заколыхались. Тир почти совсем прикрыл щель, в которую смотрел. Но он все равно должен все увидеть. Кто-то должен рассказать Ингольду.

Вошли Бектис и Наргуа. С ними шел Агал, большой, красивый и дружелюбный. Он снял шлем и с благоговением осмотрелся. Сердце Тира замерло от ужаса и тоски.

Нет. Только не он.

Но Тир ничего не мог ни сказать, ни сделать...

По распоряжению Бектиса (Бектис сам никогда ничего не делал) Агал и Наргуа втащили двух овец и очень много дерева и земли на ступеньки; доски под их весом скрипели и гнулись. Они спустились за следующей ношей, и Тир отвернулся, когда они отогнули одеяло на вторых санях. Вонь и ужасные раздувшиеся трупы, с которых отваливались куски плоти...

Он знал, что должен быть храбрым и смотреть, но не мог. Он уткнулся лицом в ладони и не поднимал голову, пока ступеньки вновь не заскрипели. Тир старался не слышать звуков, которые раздались, когда *это* бросили в чан. Если его вырвет, они его обнаружат. Только это и удержало мальчика.

Потом он услышал голос Ваира.

— Агал, не так ли? — В голосе звучала нежность и любовь, будто сильный отец обращается к сыну.

— Да, мой господин. — Агал был в восторге, что его узнали, в восторге, что командир знает, как его зовут. Он всегда говорил Тиру — «Мой господин похвалил меня» или «Мой господин поговорил со мной — я думаю, он знает, как меня зовут.»

— Ты понимаешь, какая помощь мне от тебя нужна? Понимаешь важность дела, которое я прошу тебя выполнить?

— Я... я думаю, понимаю, мой господин. Никто из нас в действительности...

— Никто из вас в действительности не знает. Нет. Так и должно быть, но это делает твою помощь — твою готовность помочь — даром доверия, который стоит ценить вдвойне. Пожалуйста, пойми, как я это ценю.

Тир поднял голову и посмотрел. Тени, сгустившиеся за мертвыми овцами, были плотными, как ночной мрак, и он рискнул слегка

раздвинуть занавески. Он увидел, как лорд Ваир прикоснулся к лицу Агала левой рукой, словно приласкал его.

— Благодарю вас, господин.

— Ты понимаешь, что будет немного больно?

В палатку молча вошел Шакас Кар.

— Не очень, но иногда люди кричат — ты помнишь? — продолжал Ваир.

— Я не буду кричать.

— Иногда они кричат, — снова сказал Ваир. — Есть напиток, который облегчает боль, понимаешь? И еще — ты не против кляпа? Тогда у твоих товарищей не возникнет страха и мрачных предчувствий.

— Я готов сделать все, что вы пожелаете, мой господин, но я обещаю — я не проявлю слабости.

— Молодец. — Ваир шагнул вперед и обнял юношу. — Молодец.

«Нет! — в отчаянии закричал Тир про себя. — Беги отсюда, Агал! Беги!»

Он смотрел, как юношу связывали, потом Шакас Кар шагнул вперед с кляпом из металла и кожи. Бектис предложил юноше чашу с напитком, и он выпил, словно это было священное вино. Они надели на него кляп. Вошла Хетья во власти Оале Найу, глаза смотрели, как каменные. Она и Шакас Кар взяли со стола черный каменный ящичек, в котором — как уже знал Тир — находились иглы, хрустальные, железные и серебряные, длиной восемь-десять дюймов, со стеклянными бусинами или драгоценными камнями на концах. Они воткнули эти иглы в тело юноши в определенных местах — точках *тхохар*, шепнула ему память, и с этим словом пришел ужас тьмы и отчаянное желание больше ничего не видеть — а обнаженный Агал стоял, высокий и красивый, с запрокинутой назад головой, вздрагивая при каждом уколе, но гордый и молчаливый. На од-

ном бедре у него виднелся боевой шрам, еще один — на левом предплечье. Со своими длинными белыми волосами, ниспадающими на плечи, он походил на великолепное животное, а может, на отца или старшего брата, о котором Тир всегда так мечтал.

Воткнув в тело Агала все иглы, Хетья и Бектис помогли ему взобраться по деревянным ступенькам и лечь в огромный железный чан, заполненный трупами, деревяшками и землей — как воин, Агал мог столкнуться и с худшим. Они пристроили внутрь что-то еще. Может быть, подумал Тир, чтобы иголки, которые торчат у него из спины, не погнулись, когда он ляжет.

Где-то в темной глубине сознания он знал, что должно произойти дальше. Кто-то из его предков, при обстоятельствах, которые Тир не мог себе представить, это уже видел.

Бектис прошел к верхней части чана и остановился под раскачивающейся сеткой из железа и стекла. Он закрыл глаза. Тир увидел, что Хетья отвернулась.

Он радовался, что все происходило внутри чана, куда он не мог заглянуть.

Он радовался, что Агала связали и заткнули ему рот, хотя изнутри все равно доносились звуки — заглушенные крики юноши и нечто еще более ужасное — что-то лилось и хлестало струей, раздавались кошмарные, влажные хлопки, словно кожа лопалась под сильным давлением; брызгала вверх кровь.

Один раз голова Агала появилась над краем чана, и Тиру пришлось зажать рот ладошками, крепко зажмуриться и проглотить желчь, которая чуть не потекла у него из носа.

«Я должен это выдержать, я должен это выдержать, я должен это выдержать...» Он отчаянно цеплялся за эту мысль, не в состоя-

нии дышать, пронзительно крича в глубине сознания. *Я должен это выдержать.*

Ингольд должен узнать.

Но смотреть он больше не мог. Заскрипели ступеньки — спустился Бектис или Хетья — потом раздались хлюпающие звуки и что-то закапало. Все, что помнил в этот миг Тир, был вкус фиников, которые юноша вез с собой с далекого разоренного Юга.

Потом раздались другие звуки — приглушенное, страшное хихиканье, и у Тира волосы встали дыбом. Он впился зубами в рукав, чтобы не потерять сознания, не закричать и не заплакать. Прямо перед собой он увидел Хетью, протянувшую Шакас Кару железный кляп. Шакас Кар обтер его тряпкой. Из чана раздались звуки, словно кто-то двигался и толкался, и повозка закачалась.

«Не смей кричать, — твердил он себе. — Делай, что хочешь, только не смей кричать.»

Все звуки перекрыл мужской голос, прокричавший что-то непонятное. Точно такой же голос ответил ему:

— Атутхес! Атутхес!

Тир вспомнил, что на языке ха'ал это означает «отец». Что-то заблеяло, будто овца с человеческими голосовыми связками.

Ваир поднялся по ступенькам, покачивая плетью в левой, обтянутой перчаткой руке.

— Безупречно, — прошептал он, заглянув в чан. — Безупречно.

Тир смотрел — он заставил себя смотреть — как тетхины выходили из чана. Это было не так ужасно, за исключением того, что у всех было лицо Агала, у всех было тело Агала, хотя и без шрамов. Как и Акулы, они все были безволосыми и тела их выглядели странно. Впрочем, возможно, только из-за игры света и теней, а

также влаги: пятнистые, гладкие в одних местах и грубые в других.

Их было одиннадцать.

Наргуа вытащил из тюков одежду и подал им, но они тупо смотрели на него, и ему пришлось показать, как одеваться. Он провел рукой перед лицом одного из Агалов и что-то ему сказал. Тот в ответ просто слабо промычал.

— Неважно, — отрывисто сказал Ваир. — Они смогут сражаться, только это и имеет значение. Агал! — крикнул он командным голосом, и они повернули к нему головы единым движением.

— Хорошо, — сказал он Бектису. — Это хорошо.

Они одевались и выходили, неуклюжие, спотыкающиеся, в теплой одежде и кожаных полосках, которыми замотали ноги. Наргуа подталкивал их к выходу, похожий на тощую черноглазую пастушью собаку.

Одиннадцать, подумал Тир. Тетхинов никогда не получалось больше четырех в одной группе. Он помнил — сам не зная, откуда — что можно получить только четырех, иногда вообще только трех. Одиннадцать — это очень плохо.

Когда Наргуа ввел в палатку другого юношу, когда Ваир теплым, отеческим голосом спросил: «Хастроаал, не так ли?» — и Хастроаал восторженно ответил: «Да, мой господин», — Тир очень медленно начал пробираться назад, через занавеси, в темноту под повозкой, через парусину, укрывавшую повозку, и во тьму ночи.

— Ты понимаешь, какой помощи я от тебя жду? Величие дела, которое я прошу тебя выполнить?

— Вы знаете, мой господин, что я буду следовать за вами до конца моих дней...

— Молодец. Молодец.

Тира вырвало за повозками, все внутри у

него переворачивалось от ужаса и отвращения. Потом он вернулся в свою повозку, прополз между мешками с провизией и забрался в меховое гнездышко. Руки у него так тряслись, что он с трудом стащил с себя варежки и куртку. Холод пронизывал его до самых костей. Он мерз даже под одеялами, и ему становилось все холоднее и холоднее, и в какой-то миг Тир подумал, что умирает. Он старался не заснуть, потому что понимал, что во сне вспомнит все, вспомнит, когда именно он — или тот, другой мальчик — видел все это, видел и то, что происходило в железном чане (теперь он вспомнил, что чан этот назывался *драйк*, и ему захотелось крикнуть: «Прекратите рассказывать мне все эти вещи!»)

Он проснулся, захлебываясь собственным криком, проснулся от того, что его тряс часовой, пожилой человек по имени Монгрет, и Тир прильнул к нему, всхлипывая и чувствуя, что его тело сейчас взорвется.

— Все в порядке, Кешнитар, — успокаивал его добрый человек, назвав его так, как называли некоторые часовые, когда Ваир не мог их услышать: Кешнитар, маленький король. Правда, иногда они, подшучивая, называли его Дража, Рваное Лицо. — Все хорошо. Ониокс, — позвал он второго часового, — приведи госпожу, ладно? Нашему мальчику приснился кошмар.

Второй часовой оглянулся на черную палатку и пробурчал:

— Обвинять его не приходится. Сегодня воздух прямо пропитан злом. Она там.

— А-а. — Повисло молчание, оба смотрели друг на друга. — Гм... ну, ладно. — Монгрет еще раз обнял Тира, но тот уже понял, что за Хетьей никто не пойдет. Вообще-то он не знал, хочет ли ее увидеть, потому что от ее одежды будет вонять трупами, и могуществом, и молния-

ми, и он не был уверен, что сможет это выдержать. — Это просто сон, маленький король, — добавил он на ломаном языке Вэйта. — Ты как, в порядке?

Тир засопел, изо всех сил стараясь не выглядеть трусом, и сказал на языке ха'ал:

— Все будет нормально, — отчего оба часовых засмеялись.

— Вот настоящий маленький воин. — Он нравился этим людям, хотя никто из них не стал бы перечить Ваиру из-за него. Он не мог их за это винить. Они оба сделали вид, что не замечают его несвязанных рук. — Хочешь, чтобы я побыл с тобой, пока не заснешь?

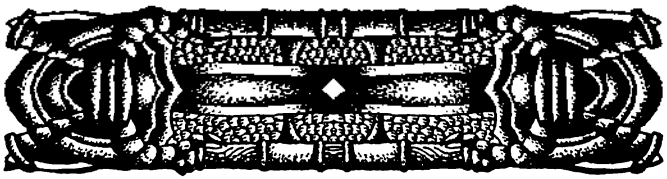
Тир кивнул. Часовой плохо говорил на языке Вэйта, так что он ничего не поймет, если даже Тир начнет бредить во сне. Монгрет вытер ему слезы своей грубой рукой, и Тир снова лег, но спать не мог. Было какое-то странное утешение в том, что кто-то из его предков, неважно, кто именно, вольно или невольно оказался свидетелем того же, что пришлось увидеть Тиру; что он видел, как отстает от мышц кожа, как лопаются внутренние органы, как распухает и взрывается голова, словно переспелая виноградина; что его так же тошнило, что он так же пришел в смятение и ужаснулся, как и Тир; что он так же хотел, чтобы ему никогда не доводилось это увидеть. Для взрослого мужчины это было так же жутко, как и для маленького мальчика.

Было почти светло, когда Хетья вернулась в повозку, сняла тяжелую верхнюю одежду и свернулась в клубок под одеялами. От нее пахло дешевым южным ромом, бочонок которого хранился в повозке с провизией; иногда его раздавали людям в очень холодные ночи. Тир прислушивался к ее дыханию. Он не думал, что она спит. Позже, когда они снимались с лагеря, Тир

увидел, что в нем полно тетхинов, больше сотни, и у всех такая же странная пятнистая кожа и всего несколько лиц: Туувес, Хастроаал, Ти Мен... Глаза их были пустыми, не похожими на глаза Акул или тех тетхинов, которые были в караване, шедшем от Бизоньего Холма. Те были медлительными и тупыми, но похожими на людей. Некоторые из этих могли говорить, но большинство только мычали или издавали странные горловые звуки. Когда Тир наткнулся на Агала, одетого в самодельное платье и с замотанными сыромятной кожей ногами, ему пришлось убежать подальше, и за повозками его вырвало.

Он все еще стоял там на коленях, мокрый от пота и дрожащий, когда его отыскала Хетья и сказала, что должна отвести его к Ваиру. Пора было двигаться дальше, на этот раз подниматься на Лед.

Глава двенадцатая

На рассвете они втащили Темную Молнию на лед и начали его резать.

— Следи за ними внимательно. — Ледяной Сокол, дрожа от холода, обхватил себя руками. Тучи низко нависали над ледяной горой. Ледяные столбы ярко вспыхивали, когда на них попадали солнечные лучи. Наверху зима будет и вовсе невыносимой.

— Это плохая охота. — Потерявший Путь протянул ему двойную бизонью шубу и топорик с короткой рукояткой. — Я еще никогда не видел такой плохой охоты. Видишь, эта женщина все время держится рядом с мальчиком? Она за него боится. — Он уже успел привязаться к Хетье.

— За себя она боится. Он на ее попечении.

Потерявший Путь упрямо покачал головой, и они вдвоем стали наблюдать за Хетьей и Бектисом, копошившимся возле Темной Молнии. Нечестивый свет вырывался из нее, играя на жемчужной поверхности льда. Расщелина в нем углублялась, вверх поднимался пар и соединялся с тучами.

— Она мудра, — одобрительно сказал Потерявший Путь, глядя, как Хетья дает указания Бектису. Тот поворачивал Темную Молнию, и аппарат почему-то напоминал дикого кота, который подыскивает себе жертву. Похоже, они работали всю ночь, потому что вокруг было полно новых клонов; одни обували мулов в кожаные башмаки, другие тянули сани на скалы. Тепло

одетый Ваир сказал что-то Хетье, и она надменно ответила ему. — Она понимает, что не стоит показывать свой страх. Эй, маленькая шаманка, твой приятель в замерзшей луже знает что-нибудь про Темную Молнию?

Несколько минут назад Холодная Смерть расчистила покрытую льдом лужу, поскребла по ней камешком и теперь разговаривала с Ингольдом. Все то время, пока Темную Молнию втягивали наверх, Ледяной Сокол слышал ее щебетанье — она рассказывала Главному Магу Запада обо всем, что видела.

Он представил себе старого чародея — заросшего, немытого и уставшего, как всегда после долгих путешествий, спрятавшегося где-нибудь в утесах поближе к осаждающим — чтобы иметь возможность пробраться в их лагерь и незамеченным поужинать у костра. Эта мысль заставила его позавидовать Ингольду — Ледяному Соколу очень надоело питаться пеммиканом.

— Ингольд говорит, что он никогда не слышал о такой штуке. — Холодная Смерть подошла к ним, засунув руки в варежках поглубже в карманы. — Но нисколько не удивился, что магические предметы Праотцев можно использовать таким образом.

— А сказал он, — осведомился Ледяной Сокол, — что думает про эту женщину, которая заявляет, что ею завладели Праотцы чародеев? Возможно ли то, что она говорит?

— Все возможно, — весело ответила Холодная Смерть. — От передела мира до спасения этого ребенка. Пошли. Если мы хотим оказаться на Льду раньше, чем они, взбираться надо прямо сейчас. У нас нет Темной Молнии, чтобы нам помочь. И магии Праотцев чародеев тоже нет.

Холодная Смерть отпустила лошадей, чтобы они искали себе пропитание на юге,

наложив на них заклятье. Теперь они вернутся сразу же, как только она их призовет.

Ваир назначил десять человек — среди них ни одного клона — прогнать оставшихся лошадей на юг.

— Подарок Голубой Деве, — ухмыльнувшись, заметила Холодная Смерть. — Какая щедрость!

Что-то не похоже это на поступок человека, который собирается вернуться обратно по той же дороге, по которой пришел сюда, подумал Ледяной Сокол, наблюдая за тем, как кони исчезают в пустынной дали.

Очень любопытно.

Стена льда, вздымавшаяся за Холмом Лилейника, была покрыта расселинами и торосами. Ледяной Сокол и его спутники смастерили себе не только снегоступы. Всю легкую одежду, все пустые мешки из-под продуктов, все, что только можно было, они разрезали на полоски и сделали веревки, вплетая в них кожаные ремешки.

Восхождение было очень трудным. Ледяной Сокол шел впереди, прорубая топориком ступеньки во льду. Потерявший Путь следовал за ним, держась за веревку. Следом поднималась Холодная Смерть, потом они втягивали продукты на сделанных наспех санках, а уж потом поднимали Желтоглазого Пса, озадаченного, но готового всюду идти за хозяином.

Мир на вершине был совершенно чуждым. Бесконечные снежные поля, на которых тут и там вздымались ледяные холмы и башни — и все бесцветное, холодное и мертвое под серыми тучами. Вдали Ледяной Сокол разглядел Маленькие Снеговые Горы, а на запад тянулись снежные дюны, под которыми пряталась расселина, сделанная Темной Молнией. Над дюнами стояли столбы пара, мраморно-белые на фоне серого, мрачного неба.

— Они сразу поймут, что их преследуют, стоит им только посмотреть сюда. — Ледяной Сокол с неодобрением рассматривал следы, которые они оставили на снегу. Желтоглазый Пес, как щенок, прыгал и ловил в пасть снежинки. Холод терзал лицо, несмотря на слой бизоньего жира, и руки отнимались, несмотря на перчатки. Дыхание замерзало, ледяной воздух жег легкие, глаза и даже зубы.

— Они это давно знают, — пожала плечами Холодная Смерть. — Подумаешь, еще три дикаря и собака. Ты думаешь, они смогут прочитать по нашим следам: «Эй, я тот самый человек, который преследует вас от Убежища в Ренвете»?

Ледяной Сокол понимал, что она права, но его возмущал сам факт, что они оставили столько следов.

Они надели снегоступы, и он все же постарался выбирать чистый лед или слежавшийся снег, кроме того, велел всем идти след в след, чтобы казалось, будто идет один человек. Они искали удобное место, с которого можно будет наблюдать за подъемом повозок.

Туман затопил все пространство под ними. В мертвенном свете трудно было определять расстояние, темнота еще ухудшала ситуацию. Они слышали, как вода стекала в искусственно созданное ущелье, слышали, как вырубались топориками ступеньки, слышали, как отдавались приказы. Кричал мул, жалуясь Праотцу животных на тяжелую работу.

— Жестокая охота, сестра моя, — пробормотал Ледяной Сокол. — И непонятно, чем все это закончится. Нам потребуется вся твоя мудрость.

И они пробирались сквозь лед и туман, как волки, преследующие одинокого оленя в середине зимы. Иногда невозможно было подобраться к каравану ближе, чем на несколько

миль, иногда, если начиналась пурга или белый туман превращал все окружающее в нечто призрачное между жизнью и смертью, Холодная Смерть читала заклинания, и они могли подобраться совсем близко. Ночами они выкапывали себе пещеру в снегу. Иногда Ледяной Сокол забирался на глыбу льда и сидел там, сколько мог, наблюдая за лагерем.

Когда-то здесь находился Край Ночной Реки. Ледяной Сокол понимал это, узнавая знакомые вершины вдалеке: Желтого Праотца, Пик Демонов, Снежный Пик — все это он запомнил раньше, чем узнал, как его зовут. Но в его сердце поселилось нечто большее, чем простые воспоминания — глубокая, терзающая сердце боль. Под ногами, подо Льдом лежал мир его детских летних радостей, луга, и осиновые рощи, и Ручей Хорошей Воды.

Все поглотил Лед.

Все поглотило время. Если даже когда-нибудь Лед растает, ничего уже не вернется — все будет изуродовано и раздавлено.

Он тоже исчезнет однажды, это правда. Но эти луга существуют теперь только в его воспоминаниях, как лица Праотцев чародеев существуют теперь только в серых кристаллах, которые Джил читает в Убежище.

Об этом он не мог говорить ни с Потерявшим Путь, ни с сестрой, да и вообще ни с кем. Никогда в своей жизни он не плакал ни перед кем, потому что плакать — значит быть слабым, а скорбеть о потере — значит отдавать свою силу тому, что потеряно, или Времени. Но сердце его плакало о Крае Ночной Реки, скорбело о том, что дом его детства исчез навсегда.

В этом горьком мире над снегами скользили демоны. Днем они принимали вид вихрей, а короткими страшными ночами летали надо

Льдом, как мерцающие огоньки. Их голоса завывали, даже когда ветер молчал.

К вечеру второго дня один из клонов покинул свое место в шеренге и, спотыкаясь, скользя и пронзительно крича, размахивая мечом, пошел к тому месту, где Ледяной Сокол со своими спутниками сражался со льдом. Клон перевалил через гребень прямо над головой у Ледяного Сокола. Ледяной Сокол вытащил свой меч и замахнулся, чтобы ударить по шее, но клон пригнулся, и удар пришелся по ключице. Клон повернулся и снова сделал выпад, скалясь, как собака, и Ледяной Сокол, поняв, что тот одержим демоном, пронзил мечом его грудь.

Демон вылетел из открывшегося рта клона, как сгусток светящегося тумана, на миг вцепился когтями в лицо и глаза Ледяного Сокола — и исчез. На снегу у ног юноши осталось лежать тело мертвого клона.

С другой стороны гребня раздались крики. Ледяной Сокол, Холодная Смерть и Потерявший Путь помчались вниз с гребня, оскальзываясь и падая. Следом весело бежал Желтоглазый Пес. Позже, когда сержант в башмаках с красной шнуровкой, ругаясь и проклиная варваров, раздел мертвеца, снял с него оружие и ушел, они вернулись, чтобы посмотреть на тело.

— Он делает воинов из воздуха. — Холодная Смерть встала на колени и прикоснулась к безволосому, уже замерзшему лицу. — Из дерева, земли и мертвой плоти. Но он не может создать душу. Демоны скоро отыщут путь в эти тела.

— Они начнут и нас разыскивать? — Потерявший Путь, путаясь в тяжелом мехе, потрогал амулет, висевший у него на груди. — У меня есть амулет, который мне сделал Зоркий Глаз.

— Амулеты действуют против демонов, потому что демоны — это духи, — объясни-

ла Холодная Смерть, вставая и хватая Желтоглазого Пса за шею, чтобы оттащить от трупа. — Плоть, из которой созданы эти существа, может защищать демонов от могущества амулетов...

— От амулетов Зоркого Глаза, — недобро вставил Ледяной Сокол, — защиты не дождешься.

Издалека раздались крики и послышалось бряцанье мечей.

Все трое взобрались на гребень, чтобы посмотреть на происходящее. Двое клонов напали на своих соратников, бешено размахивая мечами и кинжалами. На снегу красными маками расцветали кровавые пятна. Даже на расстоянии в полмили Ледяной Сокол слышал их безумный хохот. Потом их убили.

— Они питаются страхом, — тихонько сказала Холодная Смерть. — Как бабочки питаются ароматом цветов.

Ваир стоял над телами сошедших с ума клонов. Не было надобности видеть его лицо. От самой его фигуры исходила угроза, желание растереть кого-нибудь в порошок. Бектис пространно и медоточиво объяснял ему, почему он не виноват.

Наконец Ваир отошел в сторону, и по его движениям было понятно, что он не особенно счастлив.

* * *

В этот же день они добрались до дальнего края снежного поля. Лед здесь громоздился торосами, и огромные, вырезанные ветрами ледяные пики торчали, как гигантские растопыренные пальцы. Это образование сужалось к северу, и Ледяной Сокол вдруг понял, что это — продолжение долины, которую он знавал как Место Винторогого Мускусного Быка. Даже в дни его юности здесь были ледники.

Караван остановился, позвали Тира и Хетью. Ледяной Сокол сумел подобраться к ним совсем близко, на сто футов. Тир как раз говорил:

— Здесь протекал ручей, который начинался вон в тех холмах. Каньон доходил до той гряды.

Он махнул маленькой рукой в варежке. День был очень ясным, и горы виднелись хорошо. На расстоянии примерно дня пути на восток высились черные скалы, похожие на сломанные зубы. Между ними тоже лежал лед.

Все сверкало жемчужным светом, и Лед переливался тысячью оттенков голубого и зеленого. Мулы тяжело дышали. Они заиндевели, заиндевели бороды людей, заиндевели голые лица клонов.

В угасающем свете дня лицо Тира, выглядывавшее из мехового капюшона, напоминало череп. От него не осталось ничего, кроме огромных голубых глаз и не заживших шрамов. Они что, хотят заморить ребенка голодом? Раны, похоже, никто не лечил, и все лицо было в синяках, которые очень не нравились Ледяному Соколу.

— В самом деле, положение льда позволяет предположить, что земля под ним повышается в том направлении. — Бектис оглаживал бороду. — Но действительно ли мы находимся в том месте, где должны свернуть на восток, чтобы попасть в долину, о которой говорит этот ребенок...

Тир глубоко вздохнул. Ледяному Соколу показалось, что он дрожит. Мальчик закрыл глаза.

— Там был... там были три ручья, которые сливались в один, — медленно сказал он. — Прямо вот тут. Был водопад и пруд. Один раз мы видели волка, который из него пил. Папочка... отец... мы повернули вон там. Дорога там поворачивала. Мы сделали зарубку на скале. — Он показал рукой. — Мы шли всю ночь, и я помню, как шумела вода у дороги.

— Если вы шли в темноте, — язвительно заметил Бектис, — где же были дарки? Они должны были виться вокруг вашего каравана, как осы вокруг меда!

— Я не знаю! — отчаянно выкрикнул Тир. — Я не знаю! Я говорю только то, что помню, а больше я ничего не помню!

— Не смей так неуважительно разговаривать с господином Бектисом. — Ваир схватил мальчика за подбородок. — Ему это не нравится. Мне тоже не нравится, когда ребенок твоего возраста набрасывается на взрослых, как дикарь. И прекрати плакать. — Тир неудержимо всхлипывал. — Жалкое создание. — Он отпустил подбородок мальчика и ударил его. Удар был такой силы, что Тир пошатнулся. Хетья отвернулась.

— Проси прощения.

— Простите меня, господин Бектис.

Я убью этого негодяя, очень спокойно подумал Ледяной Сокол, глядя на несчастное лицо мальчика и слушая его голос.

Он понял решение Ингольда остаться в Долине Ренвет и согласился с ним. Старый чародей никак не мог догнать караван Ваира вовремя, чтобы помочь. И Ледяному Соколу, и Ингольду было понятно, что над Убежищем нависла угроза, и дело не только в одиннадцати сотнях головорезов Ваира, расположившихся лагерем под его стенами. Там есть нечто, с чем не сумеют справиться ни Венд, ни Илайя. Но, несмотря на эти правильные рассуждения, Ледяному Соколу очень хотелось найти утешение в мысли, что маг на пути сюда, что он поможет там, где ничего не может сделать он сам.

— Эти три ручья — все, что ты помнишь?

— Э... господин, — сказала Хетья, и ее провинциальный фелвудский говор отвлек Ваира от холодного, внимательного изучения

лица Тира. — Мамаша моя была вроде как колдунья. Она могла найти под землей источник, в любом лесу. К ней все время народ-то шел, чтобы она помогла. Может, господин Бектис тоже так сумеет, прямо подо льдом, и скажет нам, где тут три ручья?

Бектис заворчал и начал делать руками пассы надо льдом. Потом он снял с руки муфту, обнажив хрустальное устройство, прикрепленное к руке, и окружил себя заклинанием тепла. Вокруг него заклубился туман. Когда караван двинулся дальше, Ледяной Сокол последовал за ним. На ночь он вырыл себе пещерку в ста футах от них.

Ночью снова сгустились облака, утром пал туман, а к полудню стало ясно, что необходимость в указаниях Тира отпала. Безымянная гора казалась еще выше, угольно-черные утесы походили на волну, которая сейчас обрушится, а у основания горы, как пузырь во льду, был огромный ледяной курган диаметром не меньше пяти миль, потрескавшийся по краям.

— Что это такое? — Потерявший Путь смотрел на сверкающий холм недоверчиво, потому что в этом белом мире под облаками нельзя было доверять собственным глазам.

— Я думаю, — пробормотал в ответ Ледяной Сокол, — лед принял такую форму, потому что под ним что-то лежит.

* * *

— Хетья? — Тир приподнялся на локте, всматриваясь в темноту повозки. Судя по дыханию, Хетья не спала. Интересно, она видит те же сны, что и он? Видит во сне голову Агала, вынырнувшую из железного чана, окровавленную багровую плоть, раздувшуюся вокруг железного кляпа, готовую лопнуть, глаза — два ко-

лодца, наполненных страданием? Не имело значения, сколько меховых одеял натягивал на себя мальчик, как близко прижимался к ней — он не мог перестать дрожать.

Она ответила ему приглушенным, но совсем не сонным голосом:

— Что случилось, мой ягненочек? — От нее пахло южным ромом, теперь почти каждую ночь.

— Тебе твоя мама рассказала про эти машины? И как на них работать?

Она задержала дыхание, потом сказала:

— Право, ягненочек, моя мамаша была захудалой колдуньей и грамотейкой, уж совсем не такая, как все эти великие старые колдуны. Я ж говорила уже, еще девочкой я была, когда этот голос начал говорить всякие слова у меня в голове, и только я их слышала и могла понимать. Слушай, Оале Найу — это великая *д'иан сиан*, госпожа волшебница и королева... Ты чего, правда решил, что это моя мамаша?

Но в ее голосе слышалась осторожность.

— Нет, просто мы в Убежище нашли кристаллы, — сказал Тир. — И Джил с Ингольдом, — он все еще не мог произнести имя Руди, — они придумали, как в них заглянуть с помощью черного стола, и увидели там целую кучу всего, про Былые Времена. Так они научились снова выращивать картошку, ну, земляные яблоки, чтобы всем хватало еды. — При мысли о еде желудок болезненно сжался. Тир думал, что теперь уже никогда не сможет есть. — Вот я и подумал — если твоя мама была чародейкой и тоже нашла какие-нибудь кристаллы, или еще что-нибудь, где написано про эти старые машины, она тебя и научила. Особенно если это машины вроде тех, которые спрятаны в Убежище Прандхайза.

— Ох, ты и хитрец, — пробормотала она. — Но боюсь, ты попал пальцем в небо,

ягненочек, хотя, конечно, правда, что... что *детхкен лорес*, — она предусмотрительно неправильно произнесла слова, которыми Оале Найу называла *чжна'шес*, — была в нашем Убежище, во всяком случае, одна ее часть. Оале Найу, вот кто показал мне, что с ней делать, задолго до того, как появился лорд Ваир с остальными частями, да еще и перемешанными с деталями всяких других машин.

— А где он это нашел? — Тир изо всех старался спросить это небрежно, и это ему удалось.

— Он не говорит. Он очень скрытный, злющий чертов старикашка, но я-то... я-то думаю, пусть эти все южане болтают, мол, в ихних краях никогда не бывало чародейства от зари времен, и всякие другие глупости... Я-то думаю, было у них Убежище, там, в этом ихнем городе, в этом Кхирсите. А уж когда он уехал с Юга, чтоб ему пусто было, так и забрал все, что смог.

— А он что, сумел захватить Убежище Прандхайза?

Хетья долго молчала, накручивая на палец прядь волос Тира. Ветер затих, и слышались разные звуки — скрип снега под ногами у часовых, кто-то ругал тетхина — вообще все они, настоящие люди, постоянно ругали тетхинов за их тупость. Даже били их, хотя Тиру все время хотелось возмутиться — ведь не тетхины виноваты в том, что они тупые. Это Ваир сделал их неправильно.

В лагере росло напряжение. Вчера тетхин — один из Хастроаалов — сошел с ума, убежал, и лазутчик Белых Всадников убил его в какой-нибудь сотне футов от лагеря. Потом один из Ти Менов и один из Чиа'аков напали на тех, кого могли достать мечами. Говорят, ими завладели демоны. Ваир сказал — ерунда, а потом он и Бектис раздали всем амулеты от демонов,

которые обычно висели на шестах вокруг лагеря и на повозках.

А сегодня вечером, когда начали устраивать Охрану вокруг лагеря, около двадцати амулетов не досчитались. Их просто не вернули.

Боялись все. И огромная безмолвная гора льда, похожая на спину кита, гигантская, сверкающая черным и зеленым из-под засыпавшего ее снега, только усиливала страх.

А если бы они знали, что находится под ней, безнадежно думал Тир, они бы боялись куда сильнее.

Он, задрожав, закрыл глаза и снова почувствовал тошноту. Хетья крепко обняла его.

— Да, он захватил Прандхайз, — совсем тихо сказала она, и по голосу было понятно, что она погрузилась в свои печальные мысли. — Как раз вот прошлым летом и случилось, в дни сбора урожая, хотя сколько там было того урожая... И кабы мамаша моя и жила еще, никакой бы разницы не было. Он с тех пор собирает и свои войска, южные, и местных всех бандитов, он и этот еще, скотина Гаргонал с Островов Дельты, чтоб его плоть сгнила на его вонючих костях.

Ненависть в голосе женщины заставила Тира повернуть голову, хотя в этой темноте он ничего не увидел. Ее рука у него на плече окаменела.

— Ублюдки они все, а Ваир — главнейший среди них ублюдок. Не знаю уж, чего он пришел в Прандхайз — просто думал его захватить, а мамаша-то моя уже умерла, да и нет чародея, чтоб против Бектиса справился; или же знал, что там спрятаны части этой машины поганой, Господь один ведает, кто и когда ее там спрятал. Но первым делом они пошли ее искать. А Бектис говорит, таких штук еще полно в Убежище Дейра, только он не знает, где они там лежат. Да ведь любой, у кого есть пара осадных машин, мог

захватить Прандхайз. А вот Убежище Дейра — оно почти неприступное, да только я думаю, Ваир и его возьмет. А если б не я — Оале Найу то есть, она же знает, как это оружие работает, то была бы я сейчас... — Тут она резко замолчала и ее рука вздрогнула. Потом она потрепала Тира по худенькому плечику, словно только что вспомнила, что он тоже здесь. — Обращались со мной плохо, все в этом полку сифилитиков. И по одному, и все вместе, свиньи эти... Не думай обо мне плохо, милый, ладно? Каждый делает, что может.

Тир кивнул, вспомнив, как он целовал сапоги Ваира и говорил ему перед всем лагерем, что любит его.

— Я знаю, — сказал он. — Но чародеи — старые чародеи — не накладывали заклятия огня вокруг лагеря. У них были такие круглые серые булыжники в железных держалках, которые метали белый огонь, и они называли эти... эти штуки, которые плевались огнем, они называли их *чен йекас*, а не *карнач*, как ты.

— А-а, — сказала Хетья. — А как они называли то, что подо Льдом... то, что мы ищем? Какое для этого есть слово?

Тир сказал очень серьезно — ему в первый раз за эти мучительные недели захотелось созорничать:

— Разве Оале Найу не знает этого?

Она взъерошила ему волосы, словно старшая сестра:

— Не надо дурить меня, дружочек.

Ему на минуту снова стало весело, снова захотелось баловаться и играть, он так ясно вспомнил, что это такое — просто играть. А потом сказал:

— Тиомис. Так называлась Тень, Которая Ждет в Конце Времен.

* * *

Бектис и Хетья установили Темную Молнию на западном склоне ледяного холма и начали его резать.

Выемка превратилась в туннель, пар вырывался из него белыми струями и превращался в туман, укутывавший все вокруг. Самых тупых клонов отправили вычерпывать талую воду, которая накапливалась по мере углубления туннеля. Ветер немного утих и сменил направление. Небо укутывали плотные облака, сквозь которые кое-где виднелось зеленоватое небо.

— Сегодня взойдет луна, — сказал Ледяной Сокол.

Они выкопали в расселине пещеру. Ледяной Сокол пошел на разведку и обнаружил следы Народа Земляной Змеи. Утром их стало больше, а рядом с ними появились другие — следы, которые он знал.

Говорящие со Звездами. Трудно что-то сказать с уверенностью, потому что они тоже были в снегоступах, но Ледяной Сокол думал, что узнал длинный шаг, характерный для Голубой Девы. Вот эти глубокие отпечатки тяжелого тела наверняка принадлежали Красной Лисице, а рядом с ним всегда находится Неспящий в Ночи, бывший когда-то его самым сильным сторонником. Скорее всего, Голубая Дева отправила кое-кого из племени вслед за табуном лошадей, но вообще народы Истинного Мира предпочитали быть настороже, когда дело касалось тех, кто посягал на их территории, особенно если намерения захватчиков оставались непонятными.

Слишком много в этих повозках стального оружия южан, и, пожалуй, это даже важнее, чем возможность заполучить их коней. Его соплеменники достаточно пострадали от набе-

гов грязекопателей, поэтому они больше не допустят, чтобы их застали врасплох.

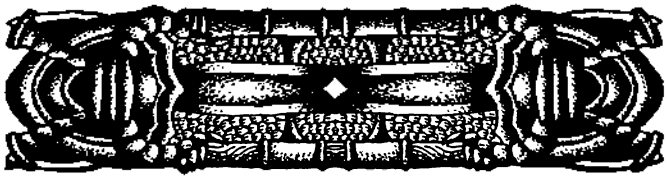
С верхушки ледяной глыбы, на которой все они устроились, Ледяной Сокол внимательно наблюдал за тем, как Наргуа и Сержант Красные Башмаки выставляли дополнительных часовых и о чем-то обеспокоенно совещались с Ваиром. Бектис оставался в клетке Темной Молнии, напоминая краба-отшельника в какой-то фантастической раковине. Ледяной Сокол посмотрел на небо, на часовых, на потрескавшийся голубой лед... Сегодня ночью луна будет в своей последней четверти, но должна взойти рано и светить ярко.

— Сестра моя, погода сегодня останется ясной?

Она немного подумала, потом решительно кивнула.

— Ваир тоже это знает, — заметил Потерявший Путь. — Он наверняка ждет нападения сегодня ночью, и мне кажется, его не разочаруют.

— Это даже лучше, — отозвался Ледяной Сокол. — Они будут ждать Народ Земляной Змеи или Голубую Деву, чье нападение нам только поможет. Мне кажется, сегодня у нас появится возможность освободить Тира.

Глава тринадцатая

Дух Ледяного Сокола облетел лагерь. Он увидел Народ Земляной Змеи, расположившийся бивуаком у подножья горы. Неровная местность скрывала их костры и снежные пещеры. Дарки забрали их шаманов семь лет назад, как забрали они и Зоркого Глаза у Народа Пустых Озер. Впрочем, его амулеты по-прежнему обладали силой, так что Бектису нелегко будет наложить на них заклятья безумия или страха.

Он увидел Говорящих со Звездами, цепочкой спускающихся с горы. Голубая Дева шла впереди всех.

Как странно вновь столкнуться с ней лицом к лицу, подумал Ледяной Сокол.

Она не чувствовала, что его тень сопровождает ее, дорогу для своих воинов выбирала мастерски, так что их никто не видел, и ветер им не мешал. Она тоже густо намазала лицо жиром и закуталась в башлык из шерсти мамонта, задубевший на морозе, так что на самом деле Ледяной Сокол видел только ее глаза. Небесно-голубые, холодные и подозрительные, они совсем не изменились. Она была очень мускулистой и высокой женщиной, к старым ожогам прибавились шрамы, оставшиеся после сражений с дарками. Ее будет нелегко победить, подумал Ледяной Сокол, когда я брошу ей вызов — но она не сможет его не принять, особенно если я сумею подтвердить клятву словом Потерявшего Путь. Ко-

нечно, я много тренировался — но она жила в тяжелых условиях, и сумела выжить в мире куда более холодном и жестоком, чем мир Убежища, и возглавляла людей, которые нуждались в твердой руке.

* * *

Солнечная Голубка сказала ей:

— Я думаю, ты не пускаешь меня потому, что боишься меня, — он до сих пор слышал эти слова девушки и видел гнев, полыхавший в ее сапфировых глазах. — Ты боишься, что я стану воином, равным тебе. Ты боишься за свое положение.

— Не боюсь. — Грубый голос Голубой Девы звучал очень спокойно. Голубка была единственным человеком, которому она позволяла спорить с собой. — Просто ты еще очень молода. У тебя недостаточно сил, чтобы выжить в бою, особенно, если тебя ранят. Ты недостаточно быстрая и недостаточно выносливая.

Ее глаза скользнули с девушки, хорошенькой, как лисенок, и такой же свирепой, на Ледяного Сокола, своего соперника, который наблюдал за ней со ступенек дома Полдня, и она добавила:

— И ты не позволяй ей уговорить себя. Она еще не готова.

Но он позволил. Голубка могла уговорить кого угодно. Кроме Голубой Девы.

Почему это случилось — потому что он любил ее? Или потому что был зол на Голубую Деву, которая уже вела себя, как наследница Полдня? И из-за кого он злился — из-за Голубки или из-за себя?

«Но как бы там ни было, — подумал Ледяной Сокол, соскользнув с края ледяной глыбы и снова удивившись тому, что не оставляет следов, потому что был бесплотным духом, — не я

виноват в том, что Голубку убили. Ее пронзили копьем, и у нее не хватило сил удержать перепуганную лошадь, поэтому они свалились в пропасть. Вот и все.»

Но именно ему пришлось сказать Голубой Деве, что ее возлюбленная погибла.

* * *

Демоны, нашептывая что-то, метались по лагерю. Теперь их было больше, чем всегда — грязно-коричневых сгустков воздуха. Иногда он просто видел какие-то отблески, иногда — их сверкающие клыки, с которых что-то капало. Пасти, которые терзали его, шипели на него, огоньки, безумно пляшущие на снегу...

Этот безумный огонь полыхал в глазах по меньшей мере восьми клонов. На двоих были надеты амулеты, отпугивающие демонов. Один увидел Ледяного Сокола — точнее, демон в нем увидел Ледяного Сокола — показал на него рукой и побежал к нему, вскрикивая и хихикая. Но двое обутых в башмаки часовых подняли луки и застрелили одержимого воина, и демон выплыл из его рта вместе с кровавым кашлем умирающего клона.

Демон кинулся на Ледяного Сокола и начал кусать его, но у юноши уже был опыт, поэтому он сумел отгородиться от боли и запереть сознание. Тварь плюнула в него, осыпала его площадной бранью голосом Полдня и улетела.

Ледяной Сокол двинулся дальше, дрожа от потрясения; ужас и холод были неотделимы от бесплотного состояния. Дневной свет угасал. Между повозок по-прежнему струился пар с ледяной горы, где работала Темная Молния. Он миновал место, где лежали тела клонов — за этот день многие из них умерли, хотя были

созданы совсем недавно. Ледяной Сокол обратил внимание на то, что обнаженные тела выглядели пестрыми. В некоторых местах кожа напоминала человеческую, в других была зернистой и грубой, а кое-где и вовсе покрыта сероватой шерстью.

Он нашел повозку, в которой спал Тир. Она стояла в самом центре лагеря.

Когда нападет Народ Земляной Змеи, в лагере начнется смятение. Ледяной Сокол, как привидение, скользил от повозки к повозке, определял расстояние, осматривал местность и представлял себе, как будет выглядеть лагерь, освещенный только факелами. Он прикидывал, в каком месте нападет Народ Земляной Змеи, в каком — Говорящие со Звездами. Где удобнее всего войти в лагерь из нижнего ущелья — все будут похожи друг на друга, закутанные в шубы из бизоньих и мамонтовых шкур. Когда он вернется в свое тело, спящее сейчас в ледяной пещере, которую они выкопали вчера вечером, он сможет...

Шипенье Темной Молнии прекратилось. Клоны, дрожа, заковыляли в туннель с кожаными ведрами в руках.

Кто-то сказал:

— Приведите мальчишку.

— И ради всего святого, принесите мне питательного отвара! — крикнул Бектис из металлической клетки, в которой покоилась Темная Молния. Он был одет в длинную шубу, несколько вышитых шапочек, шарфов и капюшонов. В обозе беженцев, шедшем из Гая в Ренвет после того, как дарки уничтожили город, гардероб Бектиса, включавший в себя огромное количество теплой одежды и муфт, стал источником бесконечных насмешек стражей. Ледяному Соколу вдруг стало интересно, что именно говорили о Бектисе южные воины, когда Ваир на-Чандрос не мог их слышать.

Еще голоса в туннеле, туман, который его заполнял... Бектис, похоже, отдыхает, и некоторое время будет занят питательным отваром. Ледяной Сокол не знал, повредит ли ему мерцание темных лучей машины, но не слишком тревожился об этом.

Ледяной Сокол вступил в туман, заполнивший туннель.

Стены из скользкого льда, подтаявшего и снова замерзшего, синего, как сапфир. Пол шел вниз под наклоном, прямой, словно его вымеряли линейкой, и исчезал в плотном тумане и темноте. С потолка капала вода. Клоны спешили мимо, вода выплескивалась из ведер. Джил описывала похожее место в самом сердце Сайкотл Ксиама, проклятой горы на Юге, и Ледяной Сокол подумал, не ищет ли тут Ваир на-Чандрос таких же демонов, что обитали в тех жутких пещерах.

Мимо в тумане прошли Ваир и Наргуа с факелами в руках. Хетья шла сзади.

— Ты видишь? — спросил Ваир.

Туман скрывал их, виднелись только силуэты.

— Там, мой господин. Посмотрите, где высвечиваются руны. Осталось совсем немного — может быть, пара шагов.

— Не говори глупостей, женщина. Мы их разрушим — и что тогда будем делать?

— Ну, если так, вашего Бектиса вообще не стоило сюда подпускать. Кроме того, даже жаром можно навредить. В конце концов, он управляет этой штукой при помощи своего сознания.

Из тумана вынырнул воин, отблески его факела отражались на гладких ледяных стенах, и казалось, что через лед пробивается целое войско демонов.

За ним следом шла Хетья, потом лорд Ваир, облачка пара клубились у них перед лицами. Круглое, веселое лицо Хетьи похудело

за время путешествия по Льду, а Ваир походил на засушенную змею.

Ледяной Сокол поколебался, глядя в туман, и решительно двинулся следом за ними вон из туннеля.

— Это ты называешь питательным отваром? — Бектис ткнул кожаной чашкой, от которой поднимался пар, в каменное лицо часового. — Помои в доме бедняка и то сытнее! Если ты... Мой господин! — Он повернулся к Ваиру с многозначительным выражением человека, которого вынуждают переносить неслыханные лишения. — Мой господин, могу я, пожалуйста, пожалуйста, рассчитывать на вашу доброту и просить вас объяснить этому идиоту, вашему повару, чтобы он не добавлял в питательный отвар бергамот! Это невозможно пить, просто невозможно!

Ваир взял чашку, попробовал и выплеснул содержимое в лицо часовому. Потом он дал краткую инструкцию на языке ха'ал, из которой Ледяной Сокол уловил только слово «флог». Бектису Ваир сказал:

— Хетья говорит, что, поскольку ты волшебник, ты можешь укоротить тепловой луч аппарата с помощью сознания. — Он прикоснулся к рамке. Она сверкала серебристым светом, и Ледяной Сокол почувствовал, что эта вещь живая, внимательно следит за всем вокруг и хочет продолжать охоту.

— Мы уже видим их сквозь лед, — объяснила Хетья. — Я бы сказала, льда осталось около фута. Растопи его так, чтобы остался дюйм-два, а остальное мы разобьем молотками.

Бектис, похоже, был в замешательстве.

— Лучи этому не повредят. — Рядом с колыбелью Темной Молнии стоял между двумя часовыми Тир, лицо в синяках, белое и истощенное, глаза запали. Голос его звучал как бы

издалека, словно он ускользнул в какое-то далекое сновидение. — Этому ничто не повредит.

— Молись, чтобы твое воспоминание оказалось верным, мальчик, — сказал Ваир, и Тир задрожал.

Взгляд огромных глаз, метнувшийся на лицо громадного человека, красноречиво рассказал, каким был для ребенка прошедший месяц. — Ты можешь сделать это, колдун?

— Разумеется, о великий лорд! — Бектис принял вид оскорбленной невинности, которого не было, пока Тир не заверил их, что «этому», находившемуся во Льду, не повредят никакие манипуляции мага. — Вы сказали, фут? — Он погладил бороду, и хрустальное устройство на его руке засверкало. — Может, лучше всего дойти лучами где-нибудь дюймов на десять, а остальное пусть довершат люди с молотками? — И он кивнул, упиваясь собственной мудростью. — Да, это будет лучше всего.

Хетья закатила глаза.

Бектис несколько раз глубоко вздохнул, словно собираясь с силами для какого-то трудного дела, потом совершенно неожиданно драматическим жестом простер руки. Хрусталь сверкнул под последними солнечными лучами. Ледяной Сокол видел холодную голубую энергию, бьющую из неизведанных глубин льда, видел хрустальные частицы в железной сетке, сверкающие искрами, вбирающие в себя силы воздуха, даже слышал сухое шуршание, будто ветер играет палой листвой.

Бектис закрыл глаза — если бы он мог исчезнуть отсюда с криком «абракадабра», как какой-нибудь уличный фокусник, он бы обязательно сделал это, подумал Ледяной Сокол — и наложил руки на шар из переливающегося стекла, бывший, похоже, сердцем аппарата...

Ледяной Сокол увидел, что энергия сверкнула и начала меняться. С вибрацией, рвущей ему нервы, почувствовал он, как вырвался луч мерцающей тьмы, прикосновение, вздох; шипение далеко в туннеле, белый свет, прорезающий облака тумана, повалил пар, словно чихнул дракон... Потом Хетья взяла у часового факел и пошла в туман. По сигналу Ваира за ней двинулись двое воинов с топориками в руках.

Из туннеля выплыл ее голос:

— Есть!

Ваир взял Тира за руку. Лицо мальчика окаменело, став похожим на вырезанное из кости. Бектис выпутался из золотых и железных решеток и пошел за ними в переливающийся голубизной туннель. Часовой, который только что принес вторую порцию отвара, остался стоять с дымящейся чашкой в руках.

Ледяной Сокол, как призрак, скользнул следом.

Туннель был длиной около ста футов. Туман сокращал видимость до дюймов. Голоса звучали влажно; капала вода, стучали топорики и хлюпали в лужах башмаки. Клоны носили ведра, особого тепла не чувствовалось, но в воздухе стояла сырость. Силуэты стали четче, Ледяной Сокол добрался до конца туннеля и увидел то, чего так добивался Ваир.

Воины еще оббивали лед с краев, но Ледяной Сокол отчетливо видел огромные, угольно-черные двери.

Ему казалось, что сквозь лед он видит и черную стену, в которую они были врезаны. Она тянулась в обе стороны, исчезая в вечной зеленой полночи глетчера.

Черная стена, черные двери, нетронутые и неповрежденные, а под ногами, под глыбами льда, ступени, ведущие вниз.

Целью путешествия было Убежище, давным-давно погребенное подо Льдом Севера.

— Открой их, мальчик. — Голос Ваира лязгнул в алмазной тишине — молот, заковывающий в кандалы, топор, разрубающий двери.

Ледяной Сокол, стоявший рядом с Бектисом, увидел, как дрожит Тир.

— Они сами их открывали, — сказал он, и голосок его в благоговейной тишине прозвучал совсем тоненько. — Если даже они не заперты изнутри, все равно нужен чародей, чтобы их открыть.

— Господин чародей?

Бектис торопливо прилаживал хрустальную руку себе на ладонь. Ледяной Сокол не помнил, выглядел ли маг таким же изможденным, была ли у него такая же восковая кожа, когда он видел его вблизи в последний раз. Он красиво взмахнул руками, повращал запястьями, пошевелил пальцами, драгоценные камни на ладони рассыпали сверкающие искры. Правая створка темных ворот резко заскрипела по льду там, где его еще не отскребли. В воздух взлетели льдинки.

Все отступили назад.

Щель во мраке словно вела в самую глубину земли, где их веками поджидали Существа из Снов. Бектис еще раз взмахнул руками, широкие рукава взметнулись вокруг тощих рук. Щель стала шире.

Накатил запах.

— Матерь милосердная! — Хетья закашлялась и начала давиться.

Гнойное, густое, как из сточных труб, зловоние заполняло легкие, напоминая давно забытую вонь из мусорных бачков летом; туман заклубился и сгустился еще сильнее. В тот же самый миг из темной щели выпала виноградная лоза: серая, высохшая, на ней болтались остовы

листьев и скомканные, перекрученные наросты, которые три тысячи лет назад, возможно, были ягодами.

Наступила мертвая тишина. Потом Бектис, опомнившись, послал сквозь двери колдовской свет. Стал виден туннель, ведущий к внутренним дверям.

Ваир сказал:

— Боже милостивый!

Что бы ни было за этими дверями, подумал Ледяной Сокол, никакой бог не мог это создать. Во всяком случае, не тот бог, которого он назвал бы милостивым.

Проход был забит виноградными лозами. Высохшие, в белом колдовском свете они напоминали пальцы мумии: сморщенные, перекрученные, даже мертвые они были жесткими, как проволока — часовые нерешительно шагнули вперед и начали рассекать их мечами.

Пол и стены были покрыты неподдающимся описанию ковром из виноградных лоз, листьев и лиан, в котором росли никогда не видевшие света папоротники. Их бледные ростки словно прятались и уползали от света факелов. Внутренние Врата стояли открытыми. Виноградные лозы словно вытекали из мрака, как паводок, глубиной по колено или даже выше, молчаливые, бледные, мертвые...

— Это невероятно, — прошептал Ваир. — Какие растения могут расти без солнечного цвета?

— Убежище возводили чародеи, — сказала Хетья голосом Оале Найу. Ваир искоса посмотрел на нее подозрительным, неуверенным взглядом и схватился за топазовый амулет, который носил на шее. — Иначе для чего мы здесь?

Ледяной Сокол услышал приглушенный шепот старого Наргуа:

— А в самом деле, для чего?

— Приведите сюда людей. — К Ваиру вернулось самообладание, и он кинул хмурый взгляд на старого командира. — Очистить все это, и втащите сюда устройство. — Он, выпрямившись. пошел вперед, сапоги скрипели, давя сгнившие лозы. Остальные шли следом, Тир и Хетья держались за руки, часовые выглядели так, будто хотели сделать то же самое.

Холодный воздух тек в проход, туман клубился, как сонмы призраков. Призраки плыли за ними следом сквозь внутренние Врата, через спутанные виноградные лозы, прямо в Придел.

Бектис резко вскинул вверх руку. Вспыхнули драгоценные камни, колдовской свет разогнал мрак.

— Матерь всех печалей! — вскричала Хетья и сделала защитный знак.

Треть Придела была заполнена чем-то, на первый взгляд казавшимся единым чудовищным организмом, ощетинившимся, бесцветным на фоне черных стен, тянущимся на все пять уровней до самого сводчатого потолка высотой в сотню футов, двигающимся с едва различимым звуком. Но Ледяной Сокол увидел — все они увидели, когда Бектис сделал колдовской свет ярче — что это нечто, показавшееся сперва однородной стеной, было на самом деле непостижимой путаницей виноградных лоз пепельного цвета разной толщины — от детского пальца до канатов толще человеческой талии, с огромными висящими шарами пуха и колючек, бывших, видимо, листьями или спорами, с комьями мха, принявшими причудливую форму гигантских фруктов или разделанных туш. Везде были плесень и лишайники; странные хвощи росли на них, похожие на пауков.

Ветви, веточки и ветвищи этих бледных джунглей свисали с дверных проемов ком-

нат, выходивших в Придел, с безглазых окон второго и третьего уровней; весь пол был устлан цепкими, похожими на червей усиками. Везде были только растения, растения, они жили какой-то своей жуткой жизнью, покрывая странным и страшным ковром черный камень Убежища. Когда в Придел ворвался холодный воздух, они зашевелились и словно забормотали что-то, обдав растерянных, потрясенных людей кислым запахом разложения.

Но само Убежище уцелело. Тысячи тонн льда лежали на его крыше, сжимали его стены, так придавили его за три тысячи лет, словно оно оказалось на дне замерзшего моря. Но Убежище уцелело.

— Прекрасно. — Желтые глаза Ваира заблестели, оглядывая исполинские стены, винтовые лестницы, мостики Придела, покрытые бесцветными папоротниками, древесными грибами и лозами, ниспадающими до самого пола. — Неприступное, как Убежище Дейра, в котором можно содержать и кормить целую армию и с презрением насмехаться над любым, кто захочет напасть. Превосходно.

Словно в ответ раздался звук колокола, откликнулось эхо, музыкальное, но странно атональное, какой-то мертвенный звук, бьющий по нервам. С одной стороны Придела в черный камень стены были вмонтированы какие-то колеса и шестерни, которые приводились в движение водой, льющейся из бассейна в бассейн. Бассейны потрескались, и вся вода из них ушла.

Ваир рявкнул ближайшему часовому, показав на Хетью:

— Чиа'ак пойдет с ней, чтобы выбрать подходящую комнату для нее и мальчишки. Квину... — Он поманил еще одного воина и стал отдавать приказ на языке ха'ал, Ледяной Сокол

понял только два слова — занавеси и постель. Он немного подумал и решительно последовал за часовым. В проходе уже было полно людей, они обрубали лозы топориками, но не выбрасывали их наружу, а запихивали поглубже в Придел.

На выходе из ледяного туннеля гонец поговорил с Наргуа, который ожидал там с целой толпой клонов, нагруженных топорами, факелами, оружием и снаряжением. Наргуа кивнул и начал распоряжаться. Правдоискатель отправил людей к самой большой повозке и велел клонам выгрузить чан и все полагающееся к нему оборудование. Священник вместе со своим служкой и тремя клонами понес в туннель походный алтарь и закутанную в бархат утварь, полагающуюся при обращении к Истинному Богу.

Именно в этот момент — хотя тоненький серп луны еще не взошел над горой — на лагерь напали.

Первым узнал об этом Наргуа. Он как раз давал указания часовым, стоявшим по периметру лагеря, видимо, тоже в полной уверенности, что нападение произойдет, когда взойдет луна. В следующий миг он расширенными от изумления глазами смотрел, словно не веря своим глазам, на стрелу, оперенную коричневыми перьями, торчавшую из его груди. Вторая стрела вонзилась ему в горло, возможно, он даже не успел почувствовать боли; и вот уже Народ Земляной Змеи и Говорящие со Звездами внутри круга, образованного повозками.

Сержант Красные Башмаки прокричал тревогу, нырнул за клетку с Темной Молнией, и началось сражение. Стрела пронзила грудь Ледяного Сокола, он ощутил странный холод, но никакой боли. Демоны мелькали и плясали в тумане, окружавшем факелы, и толпились под ногами. Мулы кричали и пытались порвать ве-

ревки. Воины Алкетча и молчаливые, как волки, Всадники, тянули их в разные стороны. Клоны хватали провизию и мчались в туннель, а еще один сержант пытался организовать оборону. Стрелы убивали их; тени в меховых одеждах хватали связки мечей, топоры и доспехи, вырывали оружие из рук умирающих. Из туннеля выбежал священник и закричал что-то; одержимый демоном клон с воплем подбежал к нему и всадил топор в его грудь.

Голубая Дева поразила сержанта Красные Башмаки, швырнув топор через плечо, выдернула меч и рубанула его по лицу. К ним бежали и его, и ее соратники; она пинком отбросила сержанта с дороги, прыгнула в клетку с Темной Молнией и положила руки на стеклянный шар в ее центре точно, как это делал Бектис, за которым она, видимо, постоянно наблюдала.

Ледяной Сокол понимал, что Голубая Дева не сумеет привести аппарат в действие, но похоже, только он и понимал, что такое магия. Дюжина воинов-южан в нерешительности остановилась, и каждого из них в этот миг с точностью танцора достал кто-нибудь из отряда Голубой Девы.

К этому времени появился Народ Земляной Змеи. Они прятались под повозками, кого-то уже убили, кто-то хватал оружие, попавшееся под руку. Хотя клонов было больше, объединенных сил обоих племен хватило, чтобы вытеснить южан из круга, образованного повозками. Факелы опрокидывались в снег, угасающий свет добавлял сумятицы. Люди хватали оружие и провизию, все, что могли, и бежали в туннель. Круг защитников перед ним все уменьшался, одержимые демонами клоны только мешали бою.

Ледяной Сокол кинулся обратно в туннель сквозь туман и свет факелов, сквозь летящие стрелы и борющихся мужчин, чувствуя

себя, как во сне, с той только разницей, что никогда он не видел таких причудливых снов, таких мерцающих туманных коридоров. Он не сможет поговорить с Тиром, но если у мальчика хватит мужества и решительности, чтобы бежать в этой неразберихе, он должен хотя бы оказаться рядом с ним.

Возле Врат Убежища он наткнулся на Ваира на-Чандроса. С перекошенным от ярости лицом тот выкрикивал приказы и хлестал плетью людей, протискивавшихся мимо него со своим грузом. Бектис так его боялся, что окружил себя множеством чар, стараясь изо всех сил остаться совершенно невидимым. Но для бесплотного духа Ледяного Сокола все заклинания охраны, невидимости, защиты, отклонения стрел и «пусть-беда-поразит-кого-нибудь-другого» смешались в дрожащую массу причудливого света, а старик, отчаянно вцепившийся в хрустальное устройство на ладони, походил на рыбу-демона из южных морей, которая нацепляет на себя морские водоросли, чтобы казаться больше размером и выглядеть очень грозной и опасной для тех, кто пожелает ее съесть.

Ледяной Сокол понял, что у старика не осталось ни сил, ни сосредоточенности для того, чтобы навести на нападающих миражи, смятение, страх или что-либо подобное, так как он был отчаянно занят тем, чтобы остаться незамеченным самому. Ну и прекрасно, подумал юноша. Не хватало еще потерять, скажем, Красную Лисицу из-за такого шакала, как этот придворный маг.

Придел превратился в бедлам. Люди швыряли свой груз, хватали оружие, бежали обратно в туннель. Не видно ни Хетьи, ни Тира, а среди людей мечутся демоны, пронзительно крича и уклоняясь, когда мимо пробегает кто-нибудь с амулетом. Обутые люди и нормальные кло-

ны убивали клонов, одержимых демонами, как фермер убивает бешеных кроликов; уже пять или шесть их лежали, истекая кровью, на полу. Бывшие в них демоны висели на лианах и лозах, трясли их и хохотали, как безумные.

Ледяной Сокол оттолкнул от себя демона, принявшего облик Солнечной Голубки и упавшего на него сверху, рыдая и кусаясь. Он ощущал боль от укусов, но понимал, что она воображаемая. Боль от того, что я вновь увидел ее лицо, тоже ненастоящая, уговаривал он себя. Следы на растениях указывали на то, что сквозь двери Придела в темные коридоры, которые в Убежище Ренвета были бы первым северным уровнем, прошли люди.

Стены коридора тоже заросли бледными лозами и лианами, похожими на паутину; щель, в которую пробивался свет факела, указывала на дверь. Древнее дерево, а до сих пор прочное. Холодная Смерть говорила ему, что это опасно, но ведь он уже проходил сквозь занавеси палатки и сквозь крыши повозок безо всяких проблем. Деревянные двери не оказались исключением.

Хетья и Тир были в комнате.

С ними все еще оставался вооруженный топором воин, один из тех, что носили башмаки. Длинные черные волосы обрамляли смуглое лицо, в глазах — сильная тревога. Тир и Хетья сидели на одеялах, осматриваясь вокруг. Холодная Смерть говорила, что бесплотный дух может проникать в сны. Первоначальным замыслом Ледяного Сокола было дождаться, когда все заснут, проникнуть в сон Тира и показать, где и как они встретятся.

Но мальчик сидел, прижавшись к Хетье, широко открытыми глазами вглядываясь во тьму, и прислушивался к шуму, долетавшему из Придела. Хетья пробормотала:

— Не надо бояться, милый. — Она откинула его капюшон и погладила Тира по голо-

ве. Теперь Ледяной Сокол разглядел, что она и впрямь была привлекательной женщиной.

В глазах ее читалась жесткость человека, над которым измывалась сотня бандитов, но ни жестокости, ни озлобленности видно не было.

— Я не боюсь. — Тира колотило, словно он страшно замерз.

— Ты же знаешь, все Убежища строились одинаково, Врата всегда только одни. А хоть бы и не так, все столько лет было погребено подо льдом, ты и сам знаешь... Вот это все, — и она обвела рукой комнату, показывая на лишайник, затянувший стены и потолок, на лианы, вьющиеся по углам, как сброшенные змеиные кожи, — это все, конечно, пугает, но ведь это просто растения, да к тому же давно мертвые. Они, должно быть, росли в бачках в подвалах, ты мне и сам рассказывал, что у вас в Убежище так выращивают всякое. Нет тут ничего, чтоб так бояться.

Тир одними губами беззвучно сказал: «Это не так».

— Ваир, конечно, скотина и змеюка, но он не допустит, чтоб с нами чего-нибудь приключилось, пока мы ему нужны — а мы ему нужны. Тут в Убежище есть какой-то секрет, который он разнюхивает, он говорит, это вернет ему власть на Юге, а он прямо в бешенстве, что жена его выставила вон. — Ее голос упал до шепота, хотя она знала, что часовой не понимает языка Вэйта. — Просто делай дальше, как я делаю, котеночек. Води его за нос, мол, тут есть еще один секрет. А что до этого... — Тут она пожала плечами и снова заговорила громче. — Этот старый мошенник Бектис так дрожит за свою шкуру, что прислушивался к каждому звуку и шороху, прежде чем войти во Врата. Можешь верить, что он не услышал ничего крупнее мыши. Он же сказал, что это просто пустое строение.

Тир закрыл глаза, и его пронизала дрожь. Он долго молчал, а потом произнес:

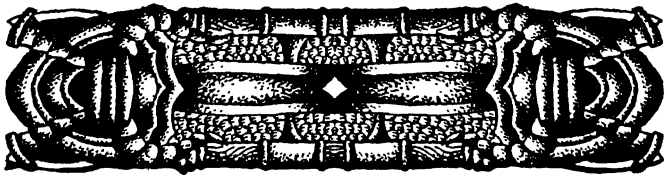
— Нет.

— Что «нет», ягненочек?

Тир стиснул зубы и, стараясь не показать, как ему страшно, едва слышно произнес:

— Не пустое.

Глава четырнадцатая

Бесплотный Ледяной Сокол покинул Убежище Тени и перешел в Сон.

Это Убежище Прандхайз, думал он, разглядывая деревянные стены, закопченные после стольких веков факельного освещения. Светящихся камней здесь было больше, чем в Убежище Дейра, и обветшавшие комнаты были ярко освещены. В комнате из сна Хетьи было светло, как днем.

Здесь находилась мать Хетьи. Ледяной Сокол не знал, откуда ему известно, что эта женщина и есть мать Хетьи.

Может, такое знание приходит ко всем, кто бродит по чужим снам. У нее были глаза того же зеленого с золотом оттенка, что и у Хетьи, и волосы когда-то были того же светло-каштанового цвета.

Она закрутила их в пучок и заколола деревянными палочками, чтобы не мешали. Она была красива, как Хетья, только тоньше и стройнее.

— Они дураки, — сказала она. — Идиоты! — Она, как и Хетья, сильно жестикулировала, когда говорила. — Им следовало разузнать все про эти штуки, а не пытаться понять, как воспользоваться их магической силой для отопления комнат или выращивания овощей на грядках! Эти штуки создавались не для этого!

— Да ладно, мама, — примирительно сказала Хетья. — Мы ж не знаем, для чего они создавались.

Она была моложе и симпатичнее, и в глазах ее светилась легкость, исчезнувшая с годами. На ней было почти новое желтое шелковое платье, и Ледяной Сокол понял, что это сон о событиях шести-семилетней давности, времен дарков или сразу после них. На коленях у нее сидел ребенок лет двух, с темными волосами и зелеными глазами, пытавшийся розовыми пухленькими пальчиками схватить ее за косу.

— Мы знаем, зачем созданы некоторые из них. — Мать Хетьи постучала костяшками пальцев по стопке свитков, лежавших перед ней на столе — их было полно, и рукописей, и табличек, и книг. Ледяной Сокол подумал, что Джил-Шалос умерла бы от зависти, увидев их. — В основном здесь всякая ерунда, но в некоторых, девочка моя... В некоторых есть поразительно интересные вещи.

— Например? — Хетья посадила ребенка на бедро и подошла к столу. Некоторое время обе женщины просматривали рукописи вместе, а ребенок забавлялся тем, что вытаскивал палочки из прически старшей. Между этими тремя лицами просматривалось несомненное сходство. В углах комнаты Ледяной Сокол видел очертания знакомых предметов: части балдахина, накрывавшего железный чан в повозке, наполовину собранную центральную часть колыбели для Темной Молнии... У входа стоял каменный черный стол, точно такой же, каким пользовались Ингольд и Джил-Шалос, чтобы читать записи о Былых Временах в дымчатых многогранниках.

Поскольку те мерзавцы захватили Убежище Прандхайза, думал Ледяной Сокол, можно себе представить, что сталось с младенцем, да и с самой Хетьей.

Когда армии людей поднимались на борьбу с дарками, Ингольд и Альда отправи-

лись к Дегедна Марине, главе Фелвуда, умоляя отдать им любые механизмы или реликты, оставшиеся от Былых Времен, и людей, рожденных магами. Дегедна Марина предоставила им небольшое войско, но отказалась искать подобные механизмы в трех Убежищах Фелвуда. Среди тех, кто выжил, сказала она, чародеев нет.

Хетья распрямилась и начала плясать с малышом на бедре, чтобы он засмеялся. Она остановилась, услышав скрип двери за занавеской, и весело крикнула:

— Я иду, Рувис!

— Рувис, вот как? — Ее мать сердито и удивленно посмотрела на нее. — Ты пришла от Мая Бакторна всего час назад!

— Т-ш-ш! Рувис тебя услышит.

Но мать и так понизила голос, очевидно, хорошо зная свою дочь. Хетья положила малыша в колыбельку, укрыла ярким лоскутным одеяльцем и сказала:

— А ты, пышечка, веди себя хорошо, покуда я не вернусь, мой персик, моя ягодка. — Она посмотрелась в зеркало, поправила в волосах украшенный драгоценными камнями гребень. — Мать, за мной около полуночи придет Даб Ватерман. Ежели он заявится раньше, чем я вернусь, так скажи, что я вышла, чтобы принести тебе черную лампу из Задних Покоев от Огго Пеггит, и тотчас приду обратно...

Ее мать закатила глаза.

— Ты неисправима!

Но тут же засмеялась, поцеловала дочь и взъерошила ей волосы. Это был сон, и Ледяной Сокол почувствовал печаль Хетьи и боль потери, и понял, что взрослая Хетья сейчас плачет во сне.

Он покинул ее и вернулся в Убежище Конца Времен.

Они спали вместе, Хетья и Тир, мальчик

свернулся калачиком в ее руках. Прежнего часового сменил клон, он сидел в коридоре перед запертой дверью, безразлично уставившись в стену. Его череп покрывал тоненький слой пуха, а на щеке, без сомнения, росла шерсть.

В комнате горела масляная лампа — тусклое пятно света среди толпящихся теней. Тиру тоже снилось Убежище.

Не Убежище Дейра, в котором волшебница Брикотис отказалась от своей жизни в образе человека, чтобы стать сердцем цитадели. Ледяной Сокол узнал Убежище Тени. Огромный Придел был расчищен до задней стены, светящиеся камни освещали мешанину балкончиков, арок, винтовых лестниц и высоких окон, как солнце исчезнувшего лета. Ручейки на черном каменном полу нежно журчали; голоса людей отдавались эхом, словно кто-то бросал камешки в пруд со стоячей водой.

Тир был там. Он походил то на теперешнего Тира, похудевшего до невозможности, с отчаянными запавшими глазами на покрытом шрамами лице, то выглядел кем-то другим — крепким мальчиком-подростком с темно-серыми глазами и черными, коротко стриженными волосами. Он шел между двумя мужчинами и оглядывался по сторонам.

Один был плотным воином средних лет с курносым, и без того некрасивым лицом, вдобавок обезображенным шрамами и ожогами.

У Ледяного Сокола тоже были такие ожоги на груди и правой руке — их оставили кислота и огонь дарков.

Почти все взрослые в Убежище их имели. Другой мужчина был изящным и невысоким, с обритой наголо головой, покрытой замысловатой татуировкой. Джил-Шалос говорила, что так делали все маги в Былые Времена.

— Я знаю, что ты к этому не готов, — сказал воин со шрамами. — Но не думаю, что после смерти Фьянаха у нас есть выбор.

— Нет, — ответил маг глухим голосом. — Нет. И я понимаю, что должен согласиться. — Но в глазах у него затаилась боль. Его лицо, и голова, и руки с татуировками тоже были покрыты ожогами и шрамами, следами сражения с дарками. — Узнают ли они когда-нибудь? — спросил он.

— Кто-нибудь узнает. — Они говорили не на языке вэйт или ха'ал, такого языка Ледяной Сокол не слышал никогда в жизни. Он знал, что понимает его, потому что это сон Тира. — Это не то знание, которое дается многим, даже в Рэйндведе.

Название означало Глаз Сердца — возможность насквозь видеть и понимать человека или ситуацию — на местном горном наречии. Ледяной Сокол не знал, что отсюда и пошло название Долины Ренвет.

— Появилось слишком много нечистоплотных магов, слишком много злой магии. Очень многие теперь ненавидят магию, и нельзя их за это винить. Это не то знание, которое можно подарить другим. Но кто-нибудь будет знать всегда, даже через столетия. Твое имя и то, что ты сделаешь, никогда не забудут. Это я тебе обещаю, друг мой Зэй.

— Я не хочу... чтобы меня забыли. — Зэй потер грудь, словно пытаясь прогнать холод или печаль. — А Ле-Кьябетт?

— Я скажу ей.

Раздался бой огромных часов.

— Она захочет прийти сюда, — помолчав немного, сказал воин. — Я отправлю воинов для сопровождения, как только они освободятся.

— Нет. — Зэй остановился и схватил его за руку с отчаянным выражением лица. — Это будет слишком поздно.

Они прошли несколько мостиков, спустились вниз, в полной тишине пересекли холл и поднялись по винтовой лестнице, упиравшейся в двери с колоннами по краям в конце Придела. В Убежище Ренвета эта территория принадлежала Церкви, а над ней находились покои королевы.

Мужчины остановились наверху лестницы, у входа под тройную арку.

— Сынок, тебе пора обратно, — сказал воин, обращаясь к Тиру. — Когда придет время, ты узнаешь эту тайну, но пока еще рано.

— Но с тобой что-то должно произойти, отец. — Тир говорил ломающимся голосом подростка, и когда он это говорил, он принял образ мальчика в черном килте, расшитом золотыми орлами. — Разве не поэтому я здесь? Чтобы я знал, в случае, если падет Тьма...

— Именно Тьмы мы и боимся, сын. Тьмы, и того, что дарки могут узнать. — Отец положил сыну руку на плечо. — Я поговорю с остальными магами в Рэйндведе, и тогда мы все решим.

Ледяной Сокол оставался в памяти Тира. Он много раз слышал рассказы о его настоящем отце, Элдоре Эндорионе, унесенном дарками в их адские Гнезда. Оба друга скрылись под аркой, и мальчик тайком пошел за ними.

Северное крыло Убежища позади Придела принадлежало правителю Убежища. Там находились комнаты, в которых спали воины, комнаты, в которых жили ткачи, горшечники, кузнецы и пекари со своими семьями, и их мастерские. Здесь же, в точности как в Ренвете, находились большие и малые приемные, совещательные залы и даже комнаты, запечатанные Рунами Молчания — в них нельзя было колдовать, поэтому их использовали для содержания пленных магов. Везде, печально заключил Ледяной Сокол, имеются чародеи-предатели.

Но в отличие от Ренвета это Убежище было новым. В Ренвете в течение бесчисленных лет семьи и кланы ломали стены, расширяли комнаты, строили новые лестницы, проводили водопроводы и устраивали фонтаны, надстраивали антресоли, замуровывали старые двери и прорубали новые, в общем, вели себя, как все нормальные люди, когда благоустраивают свои жилища.

В Убежище из Сна коридоры все еще были широкими и прямыми, дверные проемы были совершенно одинаковыми, снабженными деревянными задвижками (обязательно надо рассказать об этом Джил-Шалос!), вдоль стен и потолков не были проложены водопроводы.

Никаких вьющихся растений, никаких факелов, только светящиеся камни в плетеных корзинках. Маг и воин, отбрасывая бледные тени, вошли в комнату (четвертую направо после приемной с колоннами), поднялись по винтовой лестнице и в маленькой совещательной комнате открыли спрятанную за канделябром на стене задвижку на двери в потайную комнату.

Они поднялись еще по одной лестнице, а мальчик, который одновременно был Тиром, наблюдал за ними снизу.

Ему едва хватило роста, чтобы открыть задвижку за канделябром. Лестница, спрятанная в стене, была очень узкой. Ледяной Сокол подумал, есть ли подобный потайной ход в Ренвете и для чего он может быть предназначен.

Здесь цель разочаровывала — они вошли в круглую прихожую и тут же вышли из нее через узкую дверь, в которую едва протиснулись, высотой всего около шести футов.

Дальше находилось нечто, напоминающее длинный зал для совещаний, но в нем не было ни стола, ни стульев. В восточной стене была арка, обрамленная белыми пилястрами, а в

ее центре виднелась часть спирали из поломанных кусочков железа. Арка вела в меньшую комнату, тоже пустую и с точно такой же аркой, ведущей в третью, еще меньше, а потом и в четвертую. Боясь, чтобы его не заметили, мальчик притаился в сумраке прихожей, глядя, как его отец и колдун Зэй медленно пересекли длинный зал и скрылись под первой аркой. Голосов расслышать уже было нельзя, но он видел, как Зэй жестикулирует, отчаянно, чего-то требуя, но чего он требовал, мальчик не слышал.

Убежище мирно спало, не боясь дарков, обитающих снаружи. Тир, побоявшись идти дальше, спустился вниз по лестнице, у подножья которой его поджидал Ледяной Сокол.

— Ледяной Сокол! — Мальчик кинулся ему навстречу, всхлипывая от облегчения, крепко обхватил его за талию и прижался израненным лицом к пряжке ремня. Казалось, он уже никогда не разожмет рук. — Ледяной Сокол, забери меня отсюда! Забери меня отсюда! Они убили Руди, и мама тоже умерла, и они хотят захватить наше Убежище, и убить там всех, потому что Ваир думает, что у нас там тоже есть оружие, и ему нужно место, где можно собрать армию, и чтобы всем хватило еды, и чтобы к ним не ворвались, как в Прандхайз, и...

— Спокойно. — Ледяной Сокол неуклюже потрепал мальчика по голове. — Спокойно. — Он не особенно любил плачущих детей, кроме того, он догадывался, что такие бурные эмоции могут разбудить мальчика, и тогда пройдет немало времени прежде, чем он снова уснет. А Ледяному Соколу нужно было многое ему объяснить, кроме того, в его сознании постепенно нарастала холодная боль, как результат долгой сосредоточенности.

— Твоя мама не умерла. Руди тоже жив, хотя и сильно пострадал.

Тир поднял лицо, на котором читалось страстное желание и одновременно боязнь поверить в услышанное. Ледяной Сокол почувствовал жгучую ненависть к человеку, из-за которого в глазах ребенка появилось такое выражение.

— Но лорд Ваир сказал...

— Лорд Ваир — лжец.

Тир снова прижался лицом к Ледяному Соколу и зарыдал.

— Тир, слушай меня. Слушай. У нас нет на это времени! — Ледяной Сокол погладил острые плечики и пожалел, что здесь нет Хетьи.

Почему она не будит мальчика, несмотря на его отчаянные рыдания? Тупая девка, небось, трахается во сне с Рувисом, или Маем, или Дабом, или Дейром Ренветским, или Сержантом Красные Башмаки, или со всем кавалерийским корпусом Алкетча...

— Тир, слушай меня. — Кажется, буря потихоньку утихала. — Я вытащу тебя отсюда, но ты должен мне помочь. Можешь это сделать?

Тир снова посмотрел на него, вытер глаза и кивнул.

— Молодец. Я сейчас просто тень — у нашего народа это называется хождение без тела — но я думаю, можно вытащить тебя из этой комнаты. Я сейчас оставлю тебя и пойду разведаю, где ты можешь спрятаться за стенами этого Убежища, где мы с тобой встретимся и как туда пройти. Потом я вернусь, все тебе расскажу и заставлю часового выпустить тебя.

— Нет, — прошептал Тир. — Нет, Ледяной Сокол, пожалуйста. Ваир... — Он запнулся, будто даже его губы отказывались произносить это имя. Мальчик сглотнул и заставил себя продолжать. — Ваир заставит меня сказать. Про лестницу. Про комнаты. Для этого он сюда и пришел. Этого он и хочет.

— А что там находится? — Ледяной Сокол нахмурился. Он подумал, что видел все комнаты, но там ничего не было.

Тир отчаянно затряс головой.

— Он заставит меня сказать, — снова прошептал он. — Бектис заставит. Он может наложить на меня заклятие. Ледяной Сокол, пожалуйста...

Мальчик снова задрожал и начал икать, и Ледяной Сокол снова погладил его по плечам.

— Т-ш-ш. Очень хорошо. — Он быстро думал. По правде говоря, он даже не знал, сколько у него осталось времени до того, как Ваир начнет выполнять задуманное. — Ты хорошо знаешь это Убежище? Есть на первом уровне место, где ты можешь спрятаться? Близко к дверям, так, чтобы ты быстро туда добежал?

Тир кивнул.

— Тут есть места, где Бектис меня не найдет. Места, где колдовство не действует. Там, наверху, — и он показал на потайную лестницу, — одно из таких мест, но оно все заросло растениями.

— А другое такое место ты найдешь? Вот и хорошо. Когда я уйду, ты должен проснуться и выйти из комнаты сразу же, как только часовой откроет дверь. Иди тихонько, чтобы не разбудить Хетью.

— А можно Хетье пойти со мной? Ледяной Сокол, пожалуйста! — добавил он, чувствуя, что воин напрягся, и вцепился в волчью шерсть его куртки, словно боясь, что Ледяной Сокол отшвырнет его в сторону. — Ей меня жалко, и она ненавидит Ваира так же сильно, как и я, и она помогала ему только потому, что боялась его. Он сделает ей очень больно, если я убегу, а она — нет. Пожалуйста!

— А если она решит, что в ее интересах вам обоим остаться? — Он до сих пор помнил ее в Долине, перепачканную кровью клона, по-

мнил, как она выдирала себе волосы, изображая испуг. Помнил, как она смотрела на Убежище, помнил, как она говорила голосом Оале Найу.

— Не решит. Пожалуйста. — Глаза мальчика наполнились слезами, и он часто заморгал, чтобы они не потекли по щекам. Это не было жалостью неразумного дитяти — он по-настоящему боялся за жизнь той, что оказалась его единственным другом. — Она помогала мне, Ледяной Сокол. Я не могу бросить ее здесь.

Ледяной Сокол вздохнул. Все осложнялось.

— Дай мне сначала поговорить с ней.

Ей снился Рувис. Или Май, или Даб, или шут его знает, кто именно — некто с длинными светлыми волосами и мускулистыми ягодицами. Ледяной Сокол пнул Хетью в плечо. Она вывернулась из-под мужчины и села, испуганная и недовольная. В волосах ее застряло сено. Они лежали в амбаре... похоже, дело происходило до появления дарков. Широкие окна были распахнуты, в них лился лунный свет и запах лета. Ей было не больше семнадцати.

Какая красивая, подумал Ледяной Сокол. Радостная дикарка, похожая на лошадь весной.

— Ты? — спросила она обеспокоенно и нахмурилась. — Ты один из тех...

— Кто спас тебя в Долине, когда луна была в последней четверти. В общем, я дурак.

Она провела руками по волосам, чтобы вычесать из них сено, и потянула вверх платье, прикрывая груди — мечту любого моряка. Ее симпатичный любовник превратился в игру лунного света, а семнадцатилетняя девчонка исчезла, уступив место нынешней зрелой женщине.

— Я могу вывести тебя отсюда, — коротко сказал Ледяной Сокол. — Ты пойдешь? Тир отведет тебя в потайную комнату, а я пока отыщу, где вам можно спрятаться снаружи Убе-

жища в следующий раз, когда откроют Врата. Похоже, Тир тебе доверяет.

Она поджала губы и отвернулась.

— Бедный мальчик. Несчастное дитя.

— Действительно, несчастное дитя, если его некому охранять, кроме тебя, — парировал Ледяной Сокол, и она полоснула его гневным взглядом. — Или ты предпочтешь остаться шлюхой Ваира?

Она замахнулась на него с перекошенным от ярости ртом, но он схватил ее за запястья и отшвырнул в сторону. Она вывернулась и потерла запястья — во сне оба они обладали физическим обликом или, по крайней мере, очень хорошей иллюзией такового. В глазах Хетьи потихоньку угасал гнев. Так уходит пламя пожара.

— А что, у меня есть выбор, верзила? Пусть лучше меня бы убили, как почти всех женщин в Прандхайзе, и это после того, как они все по очереди и вместе поимели нас, как хотели? Или пусть меня отдали бы каким-нибудь бандитам в обмен на мулов и овец, с которыми Его Безнравственность может отправиться на осаду Ренвета?

Ледяной Сокол спокойно спросил:

— Именно это произошло с твоей матерью?

— А вот мамашу мою оставь в покое, сопляк. — Она отвернулась, тяжело дыша, лицо ее скрылось под спутанными прядями волос.

— Моя мать умерла позапрошлым летом, — сказала она наконец. — Ну, в то время года, которое считается летом, когда пшеница сгнила на корню, а мы убили и съели всех котов в округе. Тогда в лесах жили какие-то мерзкие твари, и они убили кое-кого в Убежище — двух маленьких детей и пастуха, которого мать учила, несмотря на все гадости, которые его родители говорили про ведьм и духов. Они, я думаю, и убили мою мать — эти твари из леса.

Она начала грызть ноготь, уголки ее алого рта печально опустились.

— Когда Ваир и его вонючая команда пришли к Убежищу, им не пришлось шибко мучиться с нами — кто бы это сказал «нет»? Ее Светлость строили Убежище против дарков, но оно рушилось, и его чинили, и оно снова рушилось — мамаша говорила, что видела следы всего этого. Бектису с его поганой хрустальной Рукой там и делать-то было нечего.

Она снова вздохнула и начала шнуровать корсет. Ледяной Сокол поставил ногу рядом с вилами и положил правую руку на меч. Даже во сне, будучи бесплотным духом, он не даст застать себя врасплох.

— Мать говорила, мол, чем больше мы знаем про Убежище — да вообще, чем больше хоть кто знает обо всем на свете — тем больше у нас шансов. Она изучала все, до чего могла добраться. Когда она отыскала все эти свитки, и бумаги, и золотые и стеклянные таблички, которые валялись в подвалах Убежища, она не отдохнула ни минуточки, пока все до одной не прочитала. Она такая была, уж не знаю, поймешь ты или нет.

— Я понимаю. — Ледяной Сокол снова вспомнил собрание таких же вещей у Джил-Шалос и ее вечно перемазанные чернилами, перебинтованные пальцы.

— Ну и вот, в Убежище было полно всяких аппаратов, — продолжала Хетья. — Всяких штук, про которые Дегедна Марина ничего не сказала госпоже Минальде, а мы находили все новые и новые. Их отыскивали и в подвалах, и в гробницах в холмах севернее Прандхайза. Некоторые находили всякие части у себя на полях — вроде как их закапывали в землю, чтобы насекомые не жрали кукурузу — ну, так они говорили. Эти штуки, например, подсовывали под мат-

рас — и мужик мог быть прям героем — по семь раз за ночь, хотя, как я понимаю, это только разговоры — очень уж им этого хотелось, вот и все. В общем, кто эти штуки находил, сколько бы мамаша ни просила, и Ее Светлость ни приказывали, а они их ломали на куски и продавали всем, кто хочет: за землю рядом с источником, за комнату возле фонтана или уборной, да просто за хороший железный котелок. Я, когда могла, все время покупала для нее эти куски. Говорила ей, что продаю свое шитье.

Она посмотрела на него глумливым взглядом.

— Ага, — сказал Ледяной Сокол.

— Ну и вот. — Она снова вздохнула. — А потом уж и вовсе бесплатно. У мамаши были всякие пергаменты, рисунки этих штук, и как некоторые из них работают, все написано, насколько она в этом разбиралась, но заставить их работать могли только волшебники. Она говорила, что целую кучу этих объяснений просто не поняла, а может, часть за столько лет потерялась. — Хетья пробралась к окну и уставилась в темное небо, в котором сияла нефритовая луна.

— Нравится?

Ледяной Сокол подошел к ней. За ивовыми плетнями угадывались скошенные луга и аккуратные сады, зрелые фрукты висели среди темно-синей листвы. Овцы щипали траву; кто-то играл на мандолине.

Он подумал: «Вот где сердце ленивых грязекопателей». Но в голосе Хетьи звучала гордость.

— Отец страх как любил эту ферму, вкладывал в нее душу и сердце, а землю просто поливал своим потом. Он меня все спрашивал, за какого своего обожателя я выйду замуж, чтобы он стал учить его, как управляться с фермой. Он и меня пытался учить. Бедный мой папа. — Она задумчиво покачала головой. — Я была уж

очень дочерью своей матери, крестьянский труд мне был не по нраву, только ее могущества у меня не было. Даже когда она все это читала, я просто выбирала там кусочки, чтобы повеселиться. Я так и не выучила этого списка Правильных Имен, который она-то знала наизусть, и не умела отличить сассафраса от кизила. А когда появился Ваир со своими ребятами и начал выискивать, кого можно выгодно продать, я закатила глаза и устроила им припадочек про Оале Найу. Она-то просто принцесса из сказок, которые мы сочиняли с моей подружкой Лотис, когда были девочками. Потом я рассказывала их своей дочке. А Лотис к тому времени, как пришел Ваир, уже умерла.

Она посмотрела на Ледяного Сокола, прикрыв глаза густыми ресницами и ожидая его реакции. Перед ними лежала земля ее отца, спокойная и прекрасная, как Край Ночной Реки до прихода Льда.

«Если кто-нибудь придет в мой сон, — думал в это время Ледяной Сокол, — пойдем ли мы с ним вдоль Ночной Реки в шуршащих камышах, увидим ли, как резвятся выдры в прудах, окруженных березами?..

— И о чем ты думаешь, услышав все это, мой ненаглядный айсберг? Что, мол, это за шлюха такая, что позволяет Ваиру командовать собой?

— Нет, — сказал Ледяной Сокол гораздо спокойнее, чем разговаривал с ней до сих пор. — Все, что я хочу знать, это спрячешься ли ты с Тиром здесь, в Убежище, пока я не смогу вытащить вас отсюда? Будешь присматривать за мальчиком? Не отдашь ли его Ваиру, чтобы спасти свою шкуру?

Хетья вздохнула и прижалась лбом к оконной раме.

— Ты рехнулся. — Голос ее звучал так,

словно она до смерти устала. — Он нас отыщет. Ему нужен этот мальчик. Уж не знаю, что ему такое известно, но Ваир его из своих лап не выпустит.

— Убежище большое, — отозвался Ледяной Сокол. — Тир его знает. А ты случайно не в курсе, чего Ваир так добивается?

Она отрицательно качнула головой.

— Я не уверена, что малыш и сам-то это знает, бедный ягненочек, судя по тому, что Бектис говорил нашему вонючеству о воспоминаниях Дома Дейра. Если все эти воспоминания такие чертовски точные, что же старый Элдор не вспомнил, как они разбили дарков наголову, и не дал помереть тысяче человек, которые могли бы остаться в Прандхайзе и не пустить туда бандитов? Лжецы, — прошептала она, в отчаянии закрыв глаза. — Все они лжецы.

Печаль заполнила темноту, беспомощная скорбь окрасила ее сон. Где-то далеко Ледяной Сокол увидел отблеск пожаров, услышал торжествующие крики мародеров и вопли женщин.

— Так ты пойдешь с Тиром? — настойчиво спросил он. — Поможешь ему спрятаться? Не выдашь его Ваиру? Ты же понимаешь, как только Ваир вынудит Тира сказать то, что он так жаждет узнать, он тут же отдаст тебя своим солдатам.

Он вновь ощутил вспышку ее ненависти, но оба они понимали, что он сказал правду. Она перевела дыхание и сказала:

— Ладно. Да, друг мой призрак, ты откроешь нам дверь, и я это сделаю. Навряд ли будет хуже, чем сейчас.

Ледяной Сокол сказал только:

— Хорошо. Сейчас просыпайся и буди мальчика. К тому времени, как вы снова уснете, я разведаю, как пройти мимо воинов снаружи.

* * *

Проходя сквозь дверь, Ледяной Сокол боялся только того, что клон уже одержим демоном или что к нему присоединился другой воин. В коридоре было полно демонов, маленьких летающих огоньков, иногда у них обозначались глаза. Они шипели и шептались, собравшись в кружок вокруг клона, и щипали его за ноги. Ледяной Сокол вспомнил, что этот был из группы в тринадцать клонов, а по его бессмысленному взгляду понял, что он уже готов погрузиться в бесконечный сон. Войти в его сны не составит никакого труда.

Так и произошло. В последний миг перед тем, как войти, Ледяной Сокол почуял, что там происходит, но останавливаться не стал. Следовало знать, подумал он, что сознания у него нет, и клон может видеть во сне только свои воспоминания.

Боль. Снова, и снова, и снова.

В точности, как тогда, когда демоны рвали его плоть, Ледяной Сокол твердил себе, что это только иллюзия, более того, чужая иллюзия, но это мало помогало. Боль затопила его; огонь, больше, чем огонь — она ослепляла, разрывала на части, убивала. Горела от боли кожа, лопаясь и отслаиваясь там, где торчали иголки. Боль в черепе, разбухавшем от крови, пока не лопнули перепонки. Боль в каждом нервном окончании; обжигающий жар; казалось, от боли кричала каждая клетка тела...

Не настоящая. Не настоящая. Не настоящая.

Дезориентация, холод, ужас, смех демонов...

Где-то в глубине ослепляющей боли копошились собственные мысли. Ледяной Сокол собрал все свои силы, чтобы сосредоточиться, и сказал, обращаясь к смутным фрагментам сознания клона:

— Отопри дверь позади себя, потом пройди по этому коридору и спустись вниз

по лестнице. Иди, пока не дойдешь до стены. — Он едва сумел произнести это и выпал из сна клона. Лежа на черном каменном полу и всхлипывая от пережитого кошмара, Ледяной Сокол видел демонов. Они пронзительно визжали, кусали друг друга и хохотали. Один из них упал прямо на него.

«Отстань от меня, тупой комок слизи, — подумал Ледяной Сокол, вяло откатываясь в сторону. — Я разрешаю вам заниматься содомией между собой, пользуясь сучковатыми палками...»

Завывая от восторга, демоны тут же сотворили призраки сучковатых палок. Ледяной Сокол с омерзением отвернулся.

Он не мог представить себе, что кто-нибудь окажется настолько тупым, что повинуется его убогому и безнадежному приказу, но Джил не зря столько раз говорила ему, что он напрочь лишен воображения. К его огромному удивлению, клон встал, отодвинул задвижку на двери, побрел мимо демонов по коридору и исчез за поворотом. Ледяной Сокол хотел произнести любимое ругательство Руди — «черт меня подери!» — но посмотрел на демонов и вместо этого сказал:

— Боже мой!

Он поднялся с пола, и тут дверь отворилась.

Хетья выглядела испуганной, но Тир, как это ни удивительно, несмотря на все, через что мальчику пришлось пройти, напуган не был. Он был насторожен и сосредоточен, как всегда, когда собирался погрузиться в глубины памяти других людей. Мальчик прошептал:

— Сюда.

Хетья остановилась, чтобы проверить лампу, которую прикрыла почти наглухо, и закрыть задвижку на двери, а потом пошла за ним.

Ледяной Сокол, окруженный веселящимися демонами, пошел вниз, туда, где стоял

клон, уставившись в глухую черную внутреннюю стену Убежища.

Будет больно. Я пропущу эту боль сквозь себя и отдам ее Наблюдателям, Прячущимся за Звездами, которые питаются болью...

Он вновь шагнул в сон клона и быстро сказал:

— Повернись, иди обратно и сядь возле запертой двери.

Ледяной Сокол еще лежал на полу, оглушенный болью, стараясь удержать свой дух, пока боль не уменьшится, а клон и сопровождавшие его демоны уже исчезли за поворотом.

Этого достаточно, подумал Ледяной Сокол.

Он быстро нашел Тира и Хетью в прямых черных коридорах.

Может, Убежище и было неповрежденным, но походило оно на сумасшедший дом: забитое листвой, коридоры и лестницы непроходимы из-за лишайников и мха, из-за грибов, белесых, как плоть мертвеца, но размером с новорожденного ягненка. В одних комнатах было светло, причем непонятно, откуда исходил этот тусклый свет, и именно в них росли лианы, в других было очень холодно, стены обмерзли, а с потолков свисали сосульки.

Тиру и Хетье постоянно приходилось возвращаться, то потому, что коридоры оказывались непроходимы, то потому, что они не должны были оставлять следов.

— Ледяной Сокол сказал в моем сне, что Руди и мама живы. — Тир говорил тоненьким голоском, отчаянным шепотом надежды. — Он сказал, Ваир просто лгал. Как ты думаешь, это правда? Не вставай сюда, — тут же спохватился он, оттаскивая Хетью от коридора, где, как сахарная пудра, сверкал снег. — Нужно обойти кругом.

— Ягодка моя, я не знаю. — Хетья сжала худенькое плечико. Ее дыхание курилось

паром в тусклом свете лампы. — Ваир, это уж точно, прирожденный лжец, но даже прирожденные лжецы иногда говорят правду, а Бектис сильно ударил твоего друга этой молнией. Иногда лучше ни о чем не думать, малыш, и не спрашивать себя то и дело — «да» или «нет». Может, твоя мама и правда жива, а он просто сказал, что она померла, чтобы ты не пытался убежать к ней, но мир жесток, и в нем то и дело случаются жестокие вещи. Можешь пока об этом не думать — ну, вроде как положить в коробочку — а узнаешь, когда время придет?

Тир сглотнул.

— Я попробую.

Ледяной Сокол шел за ними. Тир, после долгих поисков и ошибок, наконец обнаружил комнату, которую искал — в дальнем углу второго уровня, помеченную Рунами Молчания, и они поднялись в нее по незаметной лестнице, спрятанной при помощи фокуса с тенями, который так любили маги Былых Времен. Тогда Ледяной Сокол оставил их и самым коротким путем направился к Вратам, не боясь оставить следов. Он был тенью и потому хорошо видел в темноте, но, спускаясь по потайной лестнице и быстро скользя по длинным прямым коридорам, он не мог не думать, что темнота здесь стала гуще, чем раньше, и гуще, чем должна быть.

Он приостановился, ощущая покалывание в нервных окончаниях. В конце коридора что-то двигалось — три лиловых огонька, не мечущиеся огоньки демонов, а что-то другое. Снова темнота, а потом какое-то насвистывание.

Холод, терзавший его с того момента, как он покинул свое тело, усилился, охватил его бесплотные кости и сжал его в своих страшных объятиях. Не смей бояться, говорил себе Ледяной Сокол, но разумная осторожность заста-

вила его отступить назад и поискать другую дорогу к Приделу и Вратам.

Не смей боятся.

Он спешил по коридору и слышал призрачный хохот демонов и медленный, ужасный стук, который исходил, казалось, ниоткуда, словно гигантский кулак ударял по камню. Где-то в ужасе закричал человек, а когда Ледяной Сокол проходил мимо стены, белой от мороза, он заметил какие-то слова, неуклюже нацарапанные на белом, выше, чем может достать человеческая рука. На покрытом инеем полу следов видно не было.

Тир прячется в этом заколдованном месте. Ледяной Сокол ускорил движение, спеша к Приделу.

Придел освещался факелами и масляными лампами. Голоса отдавались эхом не так громко, как в Ренвете, потому что звуки поглощались грязью на полу и чудовищными растениями, свисающими со стен. Даже голоса врагов оказались утешением после тьмы, было приятно видеть людей, занятых обычными земными делами — разбором оружия, обуви и одеял под надзором сержантов.

Пока Ледяной Сокол наблюдал, еще один клон бросил мешок с кукурузной мукой, вскинул вверх руки и кинулся бежать в безбрежную тьму, подпрыгивая, приплясывая и визжа, как демоны. Дежурный сержант неуверенно повернулся к двери, за которой мерцал магический огонь, но так и не рискнул перешагнуть порог. Из комнаты, в которую вела эта дверь, раздавался резкий голос Ваира, отдававшего приказы, и металлический скрежет.

Похоже, они устанавливают чан, подумал Ледяной Сокол. Интересно, из чего они на этот раз собираются делать клонов? Говорящие со Звездами увели у них почти всех мулов.

Вообще ему хотелось бы разузнать это, но холод бесплотного тела превратился в настоящую пытку, а постоянное удушье, тревога и печаль уже не давали как следует сосредоточиться. Он чувствовал себя измотанным до предела и очень хотел спать, но Холодная Смерть предупреждала его, чтобы он ни в коем случае не засыпал.

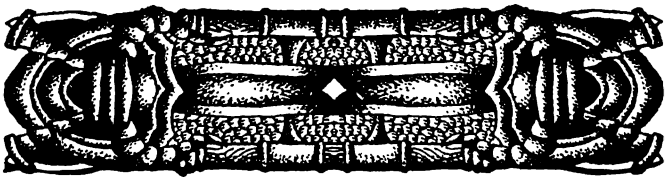
Снаружи уже ночь. Ледяной Сокол отчетливо представил себе проход между внутренними и наружными Вратами и сто футов гладкого голубого льда в туннеле...

Он шагнул между двумя клонами, положил руки на запертые внутренние Врата...

...И не смог пройти сквозь них.

Потрясение было внезапным и почти физическим. Стены Убежища, возведенные много лет назад, были пропитаны магией, чтобы не впустить внутрь дарков. Возможно — хотя, конечно, следует проверить это дюйм за дюймом — все внешние стены Убежища были покрыты заклинаниями.

Пока Врата заперты, он в ловушке.

Глава пятнадцатая

Я их сожру! — Утробный вопль отразился от черных стен, где-то далеко откликнулось эхо. — Я сожру их заживо!

— Что он сказал? — почти беззвучно спросил Тир, не уверенный, что правильно понял язык ха'ал. Голос звучал не по-человечески.

Хетья чуть-чуть сдвинула колпачок с лампы, осветились белые жесткие листья, коркой покрывшие фонтан.

— Он говорит, что кого-то или что-то съест. — Она тоже шептала почти неслышно. Они уже поняли, что в прямых коридорах Убежища Тени звуки разносятся далеко. — Я думаю, он окончательно рехнулся. Что-нибудь случилось с клонами.

Тир сидел возле лампы. Хетья протиснулась между зарослями к тому, что когда-то было чашей фонтана, и наполнила водой бутылки. Одни листья были белыми, другие черными и сверкали, как драгоценные камни, некоторые были покрыты шерстью, как бизоны. По форме легко узнавались листья картофеля, гороха или кабачков.

— Право слово, за эти годы они должны были погибнуть здесь, в темноте.

— Они растут по волшебству. — Тир с благодарностью глотнул воды. — Им ведь нужна земля и всякое, чтобы они питались, как у нас в Убежище. Лорд Бриг мне показывал, он отвечает за это, но здесь все зависит от волшебства. — Он передернулся, и ему показалось, что блед-

ные листья шевелятся. — Здесь магия по-прежнему жива.

— Право слово. — Она повесила бутылки с водой на пояс и прислушалась. Откуда-то издалека раздавался глухой стук, словно слабоумный ребенок бился головой о стену, только ребенок этот был очень большим и ужасно сильным. Тир вдруг краем глаза заметил что-то, чей-то абрис, и повернулся посмотреть.

На мгновенье ему показалось, что он что-то увидел, но это, без сомнения, была просто игра теней от движения лампы там, где лианы особенно густо росли у фонтана.

На самом деле там никого нет.

Никакой обритой наголо головы, никаких глубоко посаженных глаз.

И это вовсе не мелодия, которую кто-то насвистывает, а ветер, гуляющий по коридорам.

Возникла мысль: «Ты будешь счастливее, если уйдешь от света. Счастливее, если останешься один в темноте.»

Тир знал, что это так. С тех пор, как он покинул теплое, темное укрытие Убежища Дейра, он знал только боль, ужас и скорбь, и уже никогда не хотел вновь выходить на свет Божий.

И все же он повернулся и побежал к Хетье, и старался не вслушиваться в то, что этот голос шептал ему во тьме.

* * *

Они должны будут когда-нибудь открыть Врата.

Ледяной Сокол в отчаянии и тревоге стоял в колыхающихся тенях тройного потолка в комнате, которую Ваир избрал для своей деятельности, и слушал, как спорят командир и его ручной маг.

— Дикари! — Бархатный серый рукав взлетел, как крыло, когда Бектис с театральным негодованием взмахнул рукой. — Дикари! Слишком тупые даже для того, чтобы подумать — а нельзя ли использовать этот аппарат самим? Конечно, они бы не сумели, но ведь они-то этого не знают. И они слишком тупы, чтобы хотя бы попытаться!

Ваир, прищурившись, смотрел на него, перегнувшись через стол, стоявший возле чана.

— Это то, что ты увидел в своем магическом кристалле, колдун? Что *карнаж* разрушен?

— Господин мой, Белые Всадники начали его ломать раньше, чем мы успели запечатать Врата! Они раздавили светило, поломали стержни... — Его медоточивый голос стал резким и скрипучим от гнева. В первый раз Ледяной Сокол подумал о том, что Бектис и вправду чародей, как Ингольд, и у него чутье чародея. — То, что они не сумели разломать, они просто сбросили в расселину. Его больше нет, господин мой! Нет!

— А ты, стало быть, не желаешь рискнуть собой и попробовать восстановить его? — Ваир вскинул голову и уставился на Бектиса ледяными глазами. — Это ты хочешь мне сказать?

Бектис вдруг словно стал выше ростом, борода его заколыхалась. Ледяной Сокол отметил, что борода Бектиса, длиной до пояса и белая, как горностай зимой, была идеально расчесана и ничем не походила на растрепанные и потные бороды воинов Ваира.

Наверное, он ухаживает за ней по нескольку часов в день. Даже длинные седые волосы самого Ваира, зачесанные назад, выглядели так, будто он только что вышел из сражения. Может, есть специальное заклинание для того, чтобы содержать бороды волшебников в порядке?

— То, что я сказал — чистая правда, господин мой!

Ваир снова опустил глаза вниз, вытаскивая хрустальные иголки из ящичка и пересчитывая их. Он делал это очень искусно, раскладывая их на столе одной рукой. Ледяной Сокол, в чьем сознании еще оставалась память клона, с которым говорила его тень, не мог на них смотреть, он с трудом заставлял себя оставаться в этой комнате. К его большому облегчению, в дверном проеме и во всех четырех углах висели амулеты, отпугивающие демонов — ему все труднее и труднее становилось отгонять их от себя.

— Правда заключается в том, что ты очень быстро показал спину, когда напали Всадники. Я-то думал, что у тебя есть заклинания наваждений, заклинания страха...

— Заклинания наваждений и страха обеспечивают исход сражения, которого противник не ожидает, господин мой. А Всадники преследовали нас с того самого момента, как мы взошли на лед...

Куда раньше, старичок...

— И у них определенно есть свой шаман. — Бектис суетливо начал поправлять золотые полоски, которыми хрустальное устройство крепилось к его руке, и Ледяной Сокол, впервые оказавшийся так близко от него, увидел, что края этой штуки натерли ему на запястье и на пальцах волдыри, из которых сочилась кровь.

Он, должно быть, даже спит с ней...

И при этом незаметно, чтобы он что-то подкладывал под устройство или бинтовал руки, так что между кожей и зачарованным металлом и камнями не было никакой защиты.

— Вы же понимаете, что без могущества цивилизованной магии они мне не ровня...

— Но у них хватило могущества напугать тебя?

— Просто продолжать было бессмысленно.

— А теперь послушай меня, Бектис, Раб Иллюзий. — Ваир резко поднял голову от иголок, и голос его зазвучал ровно и холодно, как металл, замерзающий на морозе. — И слушай меня внимательно. Я спас тебя из лап аббатисы Джованнин для одной и только одной цели — ты должен мне помочь вернуть мои права на земли Юга. Ты оказался бесполезным во время открытого сражения с этой сукой Йори-Эзрикос, несмотря на эту твою сверхценную побрякушку.

Бектис прижал к груди руку с устройством, и его лицо побелело от ярости.

— Осмелюсь напомнить, что я спас вас и две сотни ваших воинов от гибели, и это трудно назвать «бесполезным», мой господин. Я уж не говорю о том, что снабдил вас знанием об оружии и различных устройствах, которые хранятся в Убежище Дейра. А эта «побрякушка», как вы ее назвали, это Рука самого Хариломна, величайшего из...

— Да мне плевать, даже если эта лучшая парадная шляпа Божьей Матери! И Хариломн твой, что бы он там ни говорил про изучение устройств Былых Времен, тоже был таким же фокусником, как и ты. Я человек терпеливый, Бектис. Ты поможешь мне в моем деле, или мое терпение истощится. Ты понял меня?

— Это вы не понимаете... — Бектис еще стоял, вцепившись в Руку Хариломна, и трясся от ярости. Потом он опомнился и опустил глаза. — Я понял вас, мой господин..

— Вот и хорошо.

Ваир продолжил считать иголки; пальцы, обтянутые белой перчаткой, раскладывали их на хрустальные, железные и золотые.

— Ты сообщил мне, что еще одна шайка Всадников движется к нам с юга. Значит, времени у нас совсем мало. Как только рассветет,

ты наведешь чары и заставишь Всадников у входа в туннель поверить, что они видят одинокого мамонта или еще что-нибудь съедобное так, чтобы они погнались за дичью и отошли от туннеля подальше. Потом пойдешь к расселине, соберешь все, что осталось от аппарата и подберешь все трупы. Мне нужны люди, Бектис. — Он аккуратно положил оставшиеся иголки на место и снова поднял глаза. — Еще четыре Хастроаала умерли и два Агала сошли с ума.

— Мой господин, я предупреждал вас, что нельзя смешивать разные виды плоти.

— Несмотря на все твои предупреждения, у меня появилось восемьдесят человек вместо двух десятков. Чтобы захватить Убежище Дейра, мне потребуется еще много, очень много людей. Всадники забрали оттуда своих погибших?

Бектис наклонил голову.

— Все они лежат в расселине, недалеко от входа в туннель. Неглубоко. — Он все поглаживал драгоценные камни на хрустальной руке, словно они придавали ему уверенность.

— Хорошо. И они еще свежие. Ты пойдешь с Приньяпосом и его людьми, вы принесете трупы и заберете все части карнакха, которые сумеете отыскать.

— Господин мой...

— На рассвете, Бектис. — Ваир пошел к выходу. — Это — когда?.. А, часы успеют пробить дважды.

Бектис покорно склонил голову и выглядел при этом совершенно несчастным.

— Дважды, господин мой. Но...

Ваир повернулся, как пантера, одним стремительным, резким движением, левой рукой потянув меч из ножен. Даже Ледяной Сокол вздрогнул.

— Что это?

Бектис отпрянул назад, испуганно замотав головой.

— А что такое, мой господин? — В голосе явственно прозвучали панические нотки.

Ваир медленно вернулся к столу, на котором раскладывал иголки. В самом центре стола лежал женский гребень из рога, украшенный тремя гранатами. Ваир неуклюже подцепил его мечом. В гребне не было ничего необычного, за исключением одного пустяка — раньше его тут не было.

* * *

Демоны питались волшебством, которым были пропитаны стены Убежища. Стуки и бормотание наполняли тьму. Ледяной Сокол слышал их, поднимаясь вверх по лестнице, по которой поднимался во сне Тир, проходя по коридорам, по колено засыпанным мертвыми черными лианами; его тень шла по ним совершенно бесшумно. Среди лишайников и мха мелькали огоньки, отражаясь в сосульках, свисающих с потолка. В Приделе, точнее, в тех помещениях, где клоны складывали оружие и провизию, какие-то маленькие существа вдруг взлетали, ударяясь о стены. Один из клонов с пронзительными воплями бросился бежать по коридору, отбиваясь от чего-то, невидимого другим, а на его щеках и руках появились следы укусов.

Ледяной Сокол шел вперед. Комната, которую Тир видел во сне, с тройной аркой и высоким окном, заросла до такой степени, что стала непроходимой.

Ваир заставит меня отвести его туда, сказал Тир.

Но зачем?

В зале с хрустальными колоннами не было магии, не было там и растений. Не было

их и в прихожей с очень узкими дверями — какого нападения ожидали они в самом центре Убежища? Если Дарков — так те могли по желанию меняться в размерах. Еще одна комната рядом, совсем маленькая, в стене круглая хрустальная линза, и сквозь нее виден зал с колоннами. Ледяной Сокол поискал, но так и не увидел Рун Молчания ни на стенах, ни на дверях. Одна стена полностью закрыта тем, что было когда-то бобами со множеством побегов, да на полу ковер из мульчи с запахом разложения.

Комната охранников?

Где-то далеко раздался бой часов. Ледяной Сокол осторожно прошел сквозь дверь прихожей и, помимо все усиливающейся боли во всем несуществующем теле, боли и холода, которые все сильнее затопляли его сознание, он почувствовал опасность: ощущение, что кто-то поджидает его в темноте.

И поджидает очень давно.

Но даже его глаза тени, которые так хорошо видели демонов, не заметили ничего неладного. Голые черные стены, голый черный пол. От двери хорошо просматривалась анфилада все уменьшающихся комнат, и во всех — только голые стены. Точно так же выглядело это и во сне Тира.

А может он, Ледяной Сокол, бесплотная тень и человек, который вмешивается не в свои дела, увидел только часть воспоминаний мальчика?

Может, что-то было в той самой последней комнате, скрытое за силуэтами двоих мужчин, чьи тени скользнули по стене?

А может, он сам видит сейчас сон?

Ледяной Сокол пересек большую комнату, прошел между хрустальными колоннами, пересек следующую комнату поменьше. Раздался звук, заставивший его повернуться, но он ничего не увидел. Только черную стену.

Дальше он пошел медленно и услышал, как кто-то насвистывает — короткая музыкальная фраза — и вновь тишина.

Комната поменьше, хрустальные колонны. Комната еще меньше. Еще одна арка, еще одна комната, темная и совсем маленькая; еще одна арка. Холод в глубине его сознания стал невыносимым. Паника и сгущающаяся темнота, и чувство, что он идет туда, куда идти не должен.

Уходи.

Уходи или умри.

Может, с ним говорят его Праотцы? Черный Колибри, который первым переночевал на склонах Призрачных Гор, чтобы стать обладателем раковины и железного цветка, дающих возможность слышать голоса Звезд?

Кто-то из Снов — Цветочная Гусеница или Мышонок — которые иногда лгут, а иногда говорят правду? Или нечто из тьмы, нечто, пытающееся не дать ему узнать последнюю тайну? Тир умолял Ледяного Сокола не принуждать его рассказывать о ней.

Теперь Ледяному Соколу казалось, что перед ним светится много хрустальных колонн. Но ведь здесь определенно всего четыре комнаты и три арки? Сейчас он насчитал три или четыре перед собой и догадывался, что и позади их много.

Ловушка?

В темноте прямо перед ним, ближе к следующей арке, сидел человек.

С темнотой что-то было не так, что-то неладное в форме этой и следующей комнат. Вокруг бормотали голоса — одинокие, гневные, отчаявшиеся, словно они много лет балансировали на грани глубочайшего безумия.

Уходи.

Уходи сейчас же.

Человек встал.

— Ньягчилос? — Человек назвал его истинное имя, имя странствующего сокола на языке Говорящих со Звездами. — Ледяной Сокол?

Ледяной Сокол попятился, в нем вспыхнул ужас оказаться в ловушке — в ловушке, о природе которой он даже не догадывался. Что он знал так же точно, как имя, произнесенное этим человеком — стоит ему помедлить еще несколько мгновений, и он окажется во власти рока, который невозможно представить. Осторожно, не поворачиваясь спиной, он пятился назад, из комнаты в комнату, и наконец добрался до двери.

Человек — или наваждение, он не знал точно — сделал к нему несколько шагов и остановился. Но Ледяной Сокол видел его между колоннами все время, пока пятился назад, очень хорошо видел его, несмотря на тьму — широкие плечи, покрытые поношенным плащом из коричневой шерсти, короткая белая бородка и лицо все в шрамах и морщинах. Синие мудрые глаза, в которых скрывалось какое-то ужасное знание.

Если какое-нибудь наваждение и может поймать меня в западню, думал Ледяной Сокол, это он, этот человек. Потому что из всех людей, которых он мог позвать на помощь, первым в списке стоял именно Ингольд Инглорион.

* * *

Часы ударили второй раз, когда Ледяной Сокол прошел сквозь узкие двери прихожей. Он поспешил вниз по потайной лестнице; как летящий призрак, миновал джунгли из виноградных лоз. У него мелькнула мысль захватить с собой Тира и Хетью, но они наверняка сейчас не спали. Кроме того, вряд ли им стоит идти прямо в лапы Бектису. Мне сейчас нужна Холодная Смерть, думал Ледяной Сокол. Наверное, можно пре-

дупредить Голубую Деву и ее воинов, что иллюзорная дичь, на которую они начнут охотиться, приведет их к беде. Может, Холодная Смерть уже знает об этом?

Врата были открыты. В плотном белом тумане ледяного туннеля мерцали лампы. Холод, царивший там, пронзил его сознание, как ножом, но Ледяной Сокол обрадовался этому: он вышел из Убежища, вышел из его ловушек, и теперь мчался к своему спящему телу, как мчится в свою нору заяц, за которым, захлебываясь лаем, гонится собачья свора.

Яркий утренний свет потряс его.

Он свободен!

Значит, на подходе еще один боевой отряд, подумал он. Лазутчики; а может, они тоже вышли на охоту, наткнулись на следы Народа Земляной Змеи и решили проверить, что за охота у тех во Льдах?

А в самом деле, что же это за охота?

Я не сумею увидеть их, вернувшись в тело, подумал Ледяной Сокол и остановился.

Это было опасно, тяжесть мучительной усталости и боли зажали его в тиски, как зажимает ногу в испанском сапоге.

Но ему все равно придется вернуться сюда во плоти, чтобы вывести Тира и Хетью на свободу. Минуту поразмышляв, Ледяной Сокол взлетел в небо. Он летел так, как, по словам Джил-Шалос (а раньше то же самое говорила Солнечная Голубка) она летает во сне.

Внизу простиралась ледяная пустыня. Льдины громоздились, как крепости, гребни гор только угадывались под бело-зеленым льдом.

Ледяной Сокол поднимался все выше, он летел сквозь туман, почти закрывший землю. Здесь легко потеряться, думал он, легко забыть о своем теле. Все ввысь, ввысь, над тучами и

облаками, пока душа не сольется с воздухом и солнцем.

Он вдруг понял, что боль и холод терзали его, потому что он помнил о теле, спящем где-то во Льдах. Страх и удушье исчезнут, когда он перестанет цепляться за воспоминания об этом теле, цепляться за иллюзорные легкие и сердце, цепляться за свое желание вернуться в покинутую плоть. Страх и удушье стали почти непереносимыми. Стоит только открыть объятия солнцу и воздуху — и он станет свободным.

Может, это еще одно наваждение, наведенное духами воздуха?

Он осмотрелся и увидел расселину, в которую Голубая Дева скинула разбитую Темную Молнию: никто в Истинном Мире не воспользуется оружием, если хозяин может в любой момент потребовать его обратно. Люди, сверху похожие на муравьев, оскальзывались и падали возле расселины, неуклюжие, потому что не имели опыта передвижения по снегу и льду. Они тащили части аппарата, которые сумели отыскать, и волокли трупы.

На западе он увидел отряд Голубой Девы, довольно далеко от расселины, а к юго-востоку от Убежища расположились уставшие люди Земляной Змеи. С юга постепенно приближался еще один отряд, не меньше двухсот человек. Ледяной Сокол легко, как серебристое облачко, полетел к ним навстречу. Он узнал Разбившего Нос, младшего брата Потерявшего Путь. За ним спешили остальные: Ветка Ивы, Веретено, Грязнуля, все закутанные в одежду из шкур мамонта. Друзья и родные Потерявшего Путь. И с ними Красотка, мать Близняшки — жена Потерявшего Путь.

Тут его пронзил холод, отвлекая внимание и раздирая сознание. Его захлестнул страх, и он опять падал, падал, падал... Перед глаза-

ми появились какие-то серые комки, мерзкий хохот заглушил все.

Природные духи.

Стало трудно не обращать на них внимания, трудно бороться со страхом, вспомнить, что у него нет тела и костей, что он не разобьется. Ледяной Сокол не мог дышать, на него навалилась непереносимая усталость. Он не мог больше представить себе свое тело целиком. Духи, огромные, как мамонты, поджидали его внизу, на льду.

Спасайся. Спасайся. Спасайся.

Ледяной Сокол замер в нескольких футах ото льда и услышал их: словно рассерженные пчелы летали у него над головой. Собрав последние силы, он полетел между утесами в поисках пещеры, в которой лежало его тело. Теперь мысль о ярком, обжигающем солнечном свете пугала его, он жаждал вновь очутиться в привычном и надежном теле.

Внизу раздались боевые кличи и бряцанье мечей. Вспышки света во льду, столбы пара, плотные, почти осязаемые, мрамор и алмазы — и серый, все поглотивший туман.

Ужас, какого он еще не испытывал, обрушился на него.

Ледяной Сокол упал на лед рядом с пещерой, спрыгнул с зазубренных глыб, словно у него снова были настоящие ноги и мускулы. На снегу он видел следы обутых ног и ног, обмотанных кожаными полосками. Еще один удар молнии, грохот грома, еще один столб дыма. Ледяной Сокол помчался вдоль голубой стены льда и услышал, как в тумане кто-то кричит:

— Эта сучка сбежала!

Нет, подумал Ледяной Сокол. Нет!

— Этого не убивайте. — Он услышал голос Хохлатой Цапли, вышел из-за ледяной глыбы и увидел, как четверо или пятеро клонов

удерживают сопротивляющегося Потерявшего Путь, тянут его своим весом вниз. Еще два клона, убитые, лежали на снегу, а третий сидел, прижавшись к ледяной стене и держась за живот.

Из тумана появился Бектис, пряча в горностаевую муфту обмороженную руку, на которой попрежнему сверкала Рука Хариломна. Его окружало вызванное заклинанием тепло. Он выбрался из глубокой узкой трещины во льду, запыхавшийся и подавленный. Даже борода растрепалась и спуталась.

— Вы должны выпороть своих воинов! — накинулся он на офицера. — Эти идиоты упустили ее!

Выражение лица Хохлатой Цапли не изменилось.

— Я прослежу за этим, господин волшебник, — сказал он напряженным голосом. — Кто из них виноват?

Бектис немного подумал, переводя взгляд с одного на другого, потом сказал:

— Этот, этот и этот, — тыкая в них пальцем, как показалось Ледяному Соколу, совершенно произвольно. У двоих людей появилось возмущенное выражение, третий, клон, похоже, даже не понял, о чем речь. Прежде, чем кто-нибудь успел сказать хоть слово, раздался крик:

— Тут еще один!

Нет. Нет. Нет.

Из снежной пещеры, в которой они провели... прошлую ночь? Позапрошлую?.. все еще валил пар. Появились два клона, которые что-то волокли. Потерявший Путь взревел и, как разъяренный бык, кинулся на тех, кто его держал.

Они тащили тело Ледяного Сокола.

— Он мертв, господин, — сказал один из клонов. Ледяной Сокол помнил эти слова с тех пор, как побывал на Юге.

— Хорошенький мальчик, правда? — добавил другой на каком-то смешанном языке. Потерявший Путь извивался в державших его руках.

— Очень неплохой, — сказал кто-то еще. Раздался грубый хохот, они начали подталкивать друг друга.

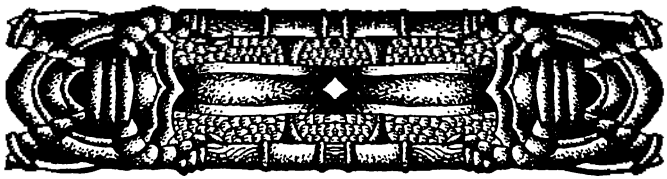
Хохлатая Цапля успокоил их, рявкнув приказ, они с трудом связали Потерявшего Путь и взвалили тело Ледяного Сокола на сани вместе с мертвыми и раненым клонами. Сани из расселины тащили все вместе, оскальзываясь и падая.

Нет! Ледяной Сокол дрожал. «Точнее, — подумал он, — я бы дрожал, будь у меня тело». Он полетел вдоль залитой туманом расселины в поисках Холодной Смерти — лужи и ледяные сколы, голубые, как стекло, остались там, где Бектис пытался ударить ее молнией из своей хрустальной Руки. Очевидно, Рука была больше приспособлена для схватки один на один и для заклятий, чем для сражения с целой армией. Но самой Холодной Смерти Ледяной Сокол так и не нашел.

Туман сгущался, демоны выскальзывали из ледяных стен и тянули к нему тонкие руки.

Холодная Смерть! Он пытался позвать сестру. *Холодная Смерть*!

Нет ответа. Обезумев от ужаса, он повернул назад и помчался за Бектисом по залитому кровью снегу к голубому туннелю. Дрожа от боли и страха, он увидел черные Врата Убежища и залитый светом факелов Придел. Раздался мертвенный бой часов, воины вошли внутрь, втянув за собой живого, мертвых и тело, не бывшее ни живым, ни мертвым. Ледяной Сокол скользнул следом и услышал, как Врата за ним захлопнулись.

Глава шестнадцатая

Ха! — сказала Хетья. — Опять ты?

Она видела сон про свою дочь и про Убежище в лесу. Видела во сне комнаты, устроенные в подвалах за долгие годы между возвращением дарков в свои подземные царства и временем, когда лесные Убежища перестали быть крепостями, потому что короли Гая вернулись к власти и восстановили закон и порядок.

Хетья играла с дочерью в прятки, а ее ученая мать рылась в рухляди, найденной под деревянной лестницей: светящиеся камни, которые давно перестали светиться, старые ящики с хрупкими коричневыми свитками, поломанная мебель, а за всем этим хламом — потайные двери, ведущие в помещения с еще более любопытными сокровищами.

Дочка Хетьи только научилась ходить и ковыляла с детской жизнерадостностью и восторгом по темным углам, едва освещенным лампами Хетьи и ее матери. Веселый смех словно разгонял темноту.

Но появился Ледяной Сокол, и Хетья вновь превратилась в женщину за тридцать, немного неуклюжую, изможденную, с печальными глазами и грязными волосами. Она поднесла руки к губам, прижалась спиной к оштукатуренной арке и спросила:

— Чего ты хочешь сейчас?

Говорить оказалось сложно:

— Помоги мне, — выдавил Ледяной Сокол. — Пожалуйста.

Он взял ее за руку и повел в Убежище Тени, в темные коридоры, заросшие белым плющом и покрытые плесенью.

Ему было очень холодно, он устал и плохо ориентировался, каждый укус демонов кровоточил, еще сильнее ослабляя его и вымывая из памяти образ его тела. Вместо него Ледяной Сокол видел солнце и свободный полет, и ему так хотелось раствориться там навсегда!

Он уже понял, что может никогда не вернуться в свое тело. Если его плоть уничтожат, сам он тоже долго не протянет, но что произойдет с ним тогда, Ледяной Сокол даже не представлял.

— Ты придумал, как выбраться отсюда? — спросила Хетья. Разумный вопрос, но он так измучился, что его захлестнула слепая ярость, желание ударить ее по лицу — он никогда не испытывал ничего подобного.

— Нет. — Недостойно человека из клана Говорящих со Звездами демонстрировать свой гнев. Кроме того, это бессмысленная трата сил, которых и так осталось немного. Поэтому Ледяной Сокол сдержался и сказал очень спокойно. — Я не смог покинуть Убежище, пока не открылись Врата, а после этого выяснил, что Бектис обнаружил Холодную Смерть. Она убежала от него, но куда, я не знаю. Нам сюда.

У дверей помещения, где установили чан и все его кошмарные принадлежности, сидел часовой. Трупы втащили внутрь и свалили в угол. Там же лежали груды палой листвы и все, что только можно было собрать — древесные грибы, остатки дров, мертвый мул. Дверной проем закрыли решеткой, но Ледяной Сокол знал, что Потерявшего Путь еще и связали, иначе он бы давно вышиб дверь.

Это был сон, поэтому Ледяной Сокол легко прошел сквозь толстое дерево двери. Хетья храбро шагнула следом.

— Право слово! — потрясенно шепнула она, и уж конечно не потому, что увидела трупы, Ледяной Сокол в этом не сомневался. Любой, прошедший через Темные Времена, видел трупы, на самой разной стадии разложения. Уж наверное этой женщине пришлось увидеть более страшные вещи, раз она наблюдала за созданием клонов. И то, что клоны разлагаются в тепле Убежища, она тоже знает. Она подошла к телу Ледяного Сокола. Лоб и веки были разрисованы Холодной Смертью, когда она произносила над ним охранные заклинания. Хетья прикоснулась к лицу, и Ледяной Сокол почувствовал особенное раздражение.

— Право слово, так ты что, привидение?

— Нет. — Он сказал это с куда большей страстью, чем собирался. — Я жив, просто покинул на время свою плоть. — Тут его сознание пронзила страшная мысль — а если это уже не так? Если то, что плоть забрали из пещеры, унесли от заклинаний Холодной Смерти, убило искру жизни в его пустом теле, и он вернется в него только для того, чтобы умереть?

Сможет ли он вообще вернуться без помощи Холодной Смерти?

— Но от меня не будет толку, если я вернусь в свое тело в запертой комнате с часовым снаружи. Тебе придется вытащить меня отсюда.

На полу около горы трупов лежал закованный в цепи Потерявший Путь, связанный так, как в Алкетче связывают дезертиров и преступников — запястья прикованы к щиколоткам, вокруг шеи — петля, привязанная к короткой цепи, соединявшей его лодыжки; веревка такой длины, что он мог дышать, только если не дер-

гался. Ледяной Сокол увидел, что Потерявший Путь все же пытается освободить запястья. Петля затягивалась, на висках у него вздулись вены, и он, наконец, оставил эти попытки. Грудь его тяжело вздымалась от нехватки воздуха.

— Не дергайся, милок, — мягко сказала Хетья, встав рядом с ним на колени. — Не дергайся, ты же задушишь себя. — Она протянула руку и погладила золотые волосы, покрытые запекшейся кровью.

Ледяной Сокол услышал в коридоре шаги и отступил назад, бесплотная рука схватила бесплотный меч. Хетья в ужасе резко повернулась и прижала руку ко рту, когда дверь открылась и в комнату вошел Ваир, а за ним — несколько воинов.

— Они не видят тебя, — напомнил Ледяной Сокол, схватив ее за руку. Она не вскрикнула, и это удивило его. — Это только сон.

Ваир показал на мертвецов. Клоны, не говоря ни слова, начали их раздевать, стаскивая одежду, обувь, оружие. Он посмотрел на лежавшего на полу Потерявшего Путь и сказал Бектису на языке Вэйта:

— Что ты о нем думаешь? Лорды в приграничных землях говорили мне, что у Белых Всадников нет преданности своему народу, что они с легкостью идут сражаться против своих же.

— Я тоже с этим сталкивался, о великий господин. — Как всегда, Бектис слегка поклонился. Он выглядел безупречно, но Ледяной Сокол отметил, что в глубине его глаз застыло напряжение, что морщины на лбу стали глубже, а когда он погладил Руку Хариломна, его длинные пальцы задрожали.

— Действительно, в королевской гвардии несколько лет служил варвар, и он не испытывал никаких угрызений совести, обращая

свой меч против собратьев. Они полностью лишены верности и преданности.

— А ты полностью лишен мозгов, — сказал Ледяной Сокол, — если не видишь разницы между моим кланом Говорящих со Звездами и трусливыми подонками вроде клана Соли, клана Пустых Озер и клана Черной Скалы, которые напали на земли Вэйта. И дважды лишен мозгов, если думаешь, что я способен поднять руку на детей моих Праотцев, ты, рехнувшийся, выживший из ума старик.

— Право слово, неужто есть какая-то разница? — спросила изумленная Хетья.

Неужели она и вправду думала, что такие подонки, как клан Черной Скалы могут быть связаны родством с Говорящими со Звездами? Ледяной Сокол открыл было рот, чтобы разнести ее в пух и прах за невежество, но тут Ваир сказал:

— Для полной уверенности можно использовать человека из нашего войска, в преданности которого мы не сомневаемся.

— Преданность? — взревел Потерявший Путь, бешено дергаясь в своих путах. Голос его из-за стянувшей шею удавки звучал хрипло. Какая жалость, подумал Ледяной Сокол, что ты не затянул ее настолько, чтобы совсем замолчать. Полдень всегда учил его: чем дольше твой враг не знает, что ты понимаешь его язык, тем лучше для тебя.

— Преданность тебе, шастающий в ночи шакал? Тебе, убийце моих родичей? Да прежде, чем сделать хоть один шаг по твоему приказу, я спрыгну со скалы!

Ледяной Сокол закрыл глаза, не в силах побороть негодование.

— О-о, так ты знаешь наш язык? — Ваир подошел к связанному поближе, белый плащ прикрывал его напряженные руки. — Твои

родичи идиоты, раз рискнули напасть на меня. Это послужит для них уроком.

Он снял с пояса плеть и сильно стегнул Потерявшего Путь по лицу. Воин уставился на него полыхающими ненавистью лазурными глазами и, не имея возможности плюнуть стоявшему над ним Ваиру в лицо, плюнул ему на гульфик.

Губы Ваира исказились. Ни сказав ни слова, он начал избивать связанного воина, хлестать его плетью по лицу и плечам, на рыжеватую бороду хлынула кровь. Плеть не могла рассечь одежду Потерявшего Путь, и Ваир бил его ногами по животу и спине. Оба не издали ни звука.

Когда Ваир остановился и отступил на шаг, стараясь дышать ровно, Потерявший Путь поднял окровавленную голову и снова плюнул в своего мучителя, на этот раз кровью.

Голос Ваира дрожал от ярости.

— Мой Правдоискатель Шакас Кар, — сказал он, — займется тобой, и у тебя будет достаточно времени, чтобы пожалеть о сделанном.

Он собрался уходить, и тут Потерявший Путь плюнул в третий раз. Кровавый сгусток повис на белоснежном плаще. Бектис и клоны, нагруженные одеждой и оружием, давно исчезли.

— Какой дурак. — Ледяной Сокол посмотрел на задыхающегося воина, лежавшего лицом в кровавой луже. — Зато это происшествие отвлекло Бектиса, и он меня не увидел. Боюсь, что он бы меня заметил. — Он посмотрел на собственное обнаженное тело. А вдруг оно умрет от холода? — Он мог бы заметить Охранные Руны на лице. Во всяком случае, все ужасно боялись Ваира, поэтому никто не сказал, что у меня на теле нет ран.

Он снова взял Хетью за руку и повлек ее в комнату, где клоны сваливали в кучу куртки, рубашки, кожаные полоски для ног и

тряпье, которое они надевали под одежду для тепла. У сломанной двери сидел часовой, тоже клон. Тут в коридоре появился бежавший сломя голову Хохлатая Цапля с криком:

— Мой господин! Мой господин, мальчик сбежал!

Ваир стремительно развернулся, и его золотые глаза побледнели и сузились, как у хищника, готового напасть на свою жертву.

— Как это случилось? — угрожающе спросил он.

— Мой господин, часовой не может объяснить. Это один из Ти Менов; он говорит, что не отходил оттуда ни на минуту.

Ваир оскалил белые зубы.

— Он и сейчас там? Может, Шакас сумеет освежить его память?

Ледяной Сокол не мог себе представить, как можно пытать человека, который не в состоянии запомнить что бы то ни было, человека, который ровным счетом ничего не выиграл бы от того, что помог бежать мальчику. Бектис, Хохлатая Цапля и двое воинов не-клонов определенно думали точно так же, потому что они одновременно втянули в себя воздух...

...И одновременно выдохнули, не сказав ни слова.

Часового Ти Мена, подумал Ледяной Сокол, ожидают очень тяжелые минуты или даже часы.

— Бектис...

— Я уже начинаю искать, мой господин. — Бектис едва не плюхнулся на пол от желания предвосхитить приказ Ваира. — Сию секунду. Но молю вас, не забудьте, что в этом Убежище есть помещения, защищенные от магии.

Остальные уже спешили на поиски; Хохлатая Цапля созывал часовых из оружейных комнат, одновременно объясняя — очень по-

дробно, но только односложными словами — клону-часовому, что теперь ему придется охранять обе двери.

— Ты можешь отыскать эти помещения?

— Разумеется, мой господин. Разумеется. — Пожалуй, решил Ледяной Сокол, Бектис ответил бы так же поспешно и утвердительно, если бы Ваир спросил его, сможет ли он съесть луну ложкой.

Маг поспешил прочь, сохраняя остатки достоинства, но было видно, что он готов кинуться бежать сломя голову... Ледяной Сокол не мог его за это винить. Исчезли почти все. Ваир тоже собрался уходить. Из складского помещения появился еще один клон с выражением недоумения на красивом юном лице; похоже, он понятия не имел, что произошло в коридоре. Он протянул Ваиру нечто, сверкнувшее в свете факела зеленым и черным: детский бархатный башмачок, расшитый изумрудами. Слишком мал, чтобы принадлежать Тиру или кому-нибудь его возраста. Работа тоже была необычной — словно ее сделали в давно забытом мире.

— Это было там, — сказал клон, показывая на комнату. — Лежало на полу.

Ваир покрутил башмачок в пальцах, разглядывая его своими странными золотыми глазами, потом отбросил в сторону и поспешил в коридор. Клон подобрал башмачок и пошел следом, держа красивую вещицу в руках.

Остался только один клон, сидевший у двери комнаты с чаном. За углом мелькнул демон и исчез. Откуда-то издалека Ледяному Соколу вновь послышались шепчущие голоса, но слов он не разобрал.

— Нам стоит поторопиться, — сказала Хетья. — Мы, конечно, спрятались далеко отсюда, на втором уровне, и мальчик очень

старался не оставить следов, но нельзя искушать судьбу долго. Что у тебя за план?

— Я думаю, что смогу заставить этого человека отправиться в уборную вон за тем углом, снять с себя одежду и оставить оружие.

— Именно так ты поступил с тем беднягой, который охранял нас с Тиром? — Она пожала плечами. — Вперед. Я знавала людей, которые могли бы поступить еще глупее, в уверенности, что этим порадуют Господа или, скажем, своего папашу. — Она пошла за ним следом в темную уборную, одну из немногих на этом уровне, не совсем забитую порослью лиан. — Здесь спрятаться несложно. Можешь, кстати, поискать, где они хранят еду, и заставить кого-нибудь из этих часовых забрести сюда с ней. Или пусть они принесут ее на второй уровень на серебряном подносе, да не забудут хорошего вина и парочку танцовщиков в придачу.

Она подмигнула. Ледяной Сокол холодно посмотрел на нее и повел обратно по темным лестницам и забитым растениями холодным и темным коридорам.

— Малышу трудно, — сказала она после нескольких минут молчания. — Он, конечно, храбр, как маленький солдат, но я то и дело вижу в его глазах что-то такое, что заставляет меня бояться — он больше никогда никому не будет доверять.

— И чья это вина?

— А что бы это мне дало, если б я сказала — «Нет, ни за что»? — Ее усталые глаза неожиданно напряглись. — Или, скажем, разрешила Бектису выстрелить этой его молнией, когда мы были в Убежище и сжечь несчастную госпожу Минальду и всех остальных, превратить их в головешки, да и меня заодно? А так бы и случилось, скажи я хоть одно неверное слово. Моя мамаша

всегда говорила: «Жди и наблюдай. Неважно, что они с тобой делают. Пока ты жива, всегда есть возможность хоть что-то исправить.» Согласись, мой дорогой варвар, если ты умрешь, то уже не исправишь ничего. И, между прочим, ни мальчик, ни его мамаша мне не друзья и не родня.

Ледяной Сокол открыл было рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его. С точки зрения Говорящих со Звездами, Хетья была абсолютно права. Именно это посоветовал бы ему и Полдень. Наконец он сказал, причем гораздо спокойнее, чем собирался:

— Ты говоришь правильно — со своей точки зрения. Но кажется мне, что точно так же рассуждал и Бектис. Видишь ли, каждый должен сам понимать, что заходит слишком далеко и когда следует остановиться.

Тир не спал.

Они решили обходиться без лампы, чтобы экономить масло, а вместо нее разводили маленький костерок из высохших лиан и обломков деревянных дверей.

Хетья спала, закутавшись в стеганую куртку. Ледяной Сокол проследил, как она растворилась в теле, и глаза ее открылись.

Что-то изменилось в воздухе после того, как ее сон растаял.

— Ты сможешь остаться здесь один? — спросила она Тира, объяснив ему, что задумал Ледяной Сокол и что она сама собирается делать. — Старикашка Ваир послал людей на наши поиски, но половина из них — клоны, и у них почти нет мозгов. Я сомневаюсь, что они нас отыщут. Ты ведь не боишься, правда?

Тир покачал головой, но огромные глаза его на похудевшем личике казались затравленными.

Хетья поняла, что он лжет, опустилась рядом с ним на колени и обняла его.

— Все будет в порядке, мой хороший.

— Я знаю, — прошептал он в ответ. — Здесь совершенно безопасно.

— Конечно, безопасно, — сказала она. — Конечно же. Ваир не найдет это место и за тысячу лет.

Тир немного расслабился и кивнул.

Хетья проверила, чтобы Тиру на некоторое время хватило топлива для костерка, и убедилась, что свет из коридора не виден.

Но по тому, как мальчик огляделся, Ледяному Соколу неожиданно (и беспричинно!) показалось, что боится он вовсе не появления Ваира.

* * *

Я уже делал это. Боль меня не убила.

Ледяной Сокол нерешительно стоял перед клоном, вглядываясь в его бессмысленные глаза.

Воспоминания о страданиях. Единственный сон, все снова и снова: отслаивающаяся кожа, кровь, рвущаяся плоть...

Я уже делал это.

Он почувствовал себя совсем замерзшим и больным.

Одна только мысль о погружении в сознание клона вызывала тошноту.

Неужели умирать так же страшно?

Во всяком случае, этот клон не одержим демонами.

Ледяной Сокол дождался, пока глаза клона не остекленеют, и решительно вошел в его сон.

Утопая в боли, он едва сумел произнести:

— Ваир хочет, чтобы ты пошел в уборную, снял с себя одежду, положил оружие и пошел дальше по коридору, пока он не окончится. Там остановись и жди.

Он вырвался из сна и, содрогаясь, упал на пол, промерзший до костей и задыхающийся...

Клон проснулся, моргнул и, нахмурившись, оглянулся. Потом потряс головой и снова привалился к стене.

Этот, должно быть, из более разумных. А может, он заметил, что сделали с Ти Меном.

Будь у Ледяного Сокола стальной меч, он бы с досады снес клону голову. Будь у меня стальной меч, напомнил он тут же сам себе, у меня бы не возникло вот этой проблемы.

Хетья будет ждать позади уборной. Как часто они меняют часовых? Как часто офицер приходит сюда с проверкой? Особенно теперь, когда пропал Тир?

Это было похоже на то, как ждешь, чтобы бизон снова спокойно начал щипать траву, или как ждешь, чтобы ветер подул в другую сторону и ты смог подобраться ближе к оленю. Ледяному Соколу приходилось охотиться, будучи раненым, приходилось лежать неподвижно часами, замерзшим, голодным, чтобы не спугнуть дичь. Эта жуткая боль внутри не намного хуже, чем все остальное, уговаривал он себя.

Нужно ждать, как ждет охотник.

Клон начал засыпать.

Ледяной Сокол подумал, нельзя ли изменить свой облик, чтобы войти в его сон.

Стать похожим, скажем, на Хохлатую Цаплю.

Когда охотишься на енота, подражаешь звукам, которые он издает.

— Ваир хочет, чтобы ты пошел в уборную, разделся, положил оружие и ушел по дальнему коридору.

На один ужасный миг, сбитый с толку болью и потрясением от того, что он сумел выглядеть, как Хохлатая Цапля, Ледяной Сокол забыл, как выглядит он сам. Его сознание словно блуж-

дало во тьме, пытаясь уцепиться хоть за какое-нибудь воспоминание...

Где-то рядом пронзительно закричали демоны, швыряясь холодным огнем.

Он уклонился, пытаясь вспомнить голос Холодной Смерти, пытаясь вспомнить того человека, который слышал ее голос, который был ее братом. Вокруг метались демоны, они вцеплялись в его мысли, раздирая их на части, пытаясь запутать его. Он отшвырнул их, но боль осталась, раны в призрачном теле открылись и кровоточили, он еле дышал, в ужасе от осознания того, как близок был к смерти.

Клон встал и побрел к уборной.

Ледяной Сокол, содрогаясь, последовал за ним, сначала на четвереньках, но потом, через несколько футов, все же поднялся на ноги. Он смотрел, как клон покорно положил оружие, разделся и, обнаженный, побрел в темноту и джунгли дальнего коридора. Хетья вышла из своего укрытия и натянула на себя куртку из овечьего меха едва ли не раньше, чем клон завернул за угол. Она торопливо накрутила на башмаки полоски кожи, быстро спрятала под шапку растрепанные косы.

— Уж не знаю, что там еще можно про тебя сказать, верзила, — пробормотала она в пустоту, — но убеждать во сне ты умеешь чертовски хорошо. — Она поспешила по коридору к зарешеченной двери, неуклюжая в чужой одежде, и стала дергать засов. — Хочется увидеть тебя не в виде трупа или призрака... Наконец-то!

Она схватила брошенный часовым факел, задула свою лампу, вошла в комнату и сморщилась, почуяв все усиливающийся запах гнили. Факел осветил изгибы стекла и золота, холодные и гладкие на серебристых стенках чана. Иголки на столе ухмылялись ей, словно зубы демонов.

Потерявший Путь, дыша тяжело, как спу-

танный бык, приподнялся на плече, щурясь на свет, в глазах по-прежнему был вызов. Рядом с ним лежало тело Ледяного Сокола, светлое среди темнеющих трупов, длинные косички с вплетенными в них полосками кожи и костями напоминали побелевших от возраста змей.

— На, получай, сердечко мое. — Хетья отступила от двери.

Ледяной Сокол шагнул вперед, протянул руки, прикоснулся к своему лицу, к своим рукам...

... И ничего не почувствовал.

Это было тело незнакомца.

Его лицо; его кровь, текшая по жилам медленно, как течет зимой ручей. Кости, мышцы, сухожилия... Это походило на то, что он не может вспомнить язык, на котором разговаривал, когда был ребенком. Не может отыскать дорогу в долину, в которую столько раз возвращался в воспоминаниях.

Ужас, охвативший его, был несравним ни с чем.

— Ну, давай. — Хетья оглянулась на открытую дверь, вставила факел в кольцо на стене и нагнулась, чтобы похлопать его по щеке. — Просыпайся, мальчишечка. Хороший мальчик. Да открывай же глаза, черт тебя побери...

— Он умер, — пробормотал Потерявший Путь распухшими губами. — Шаман проклял его, проклял его плоть и все, что у него есть.

— Он рассказывал мне во сне совсем другое, красавчик.

Синие глаза Потерявшего Путь вспыхнули надеждой, удивлением и подозрением. Хетья уже резала веревку на его шее и шарила в карманах куртки часового в поисках ключей от кандалов.

— Он сказал, что может вернуться в свое тело, хотя я не думаю, что он справится с этим без доброй порции колдовства. Моя мамаша

всегда злилась на идиотов, которые считают, что магия ничего не стоит, но при этом все время твердят заклинания. — Она откинула в сторону цепи и подставила Потерявшему Путь плечо. Он с трудом встал и, спотыкаясь, сделал несколько шагов на онемевших ногах. — Ты поможешь мне вытащить его отсюда?

— Куда?

«Напомни мне, чтобы я никогда не доверял тебе охрану моих лошадей, — с отвращением подумал Ледяной Сокол. — Ты и демону поверишь в случае чего.»

Потерявший Путь попытался поднять безвольное тело, споткнулся и уронил его на пол.

«Спасибо тебе большое. Когда я вернусь в свои кости, половина из них окажется сломанными.»

— Ладно, я потащу его сама. Успокойся, я знаю, как носят мужчину. Иди в следующую комнату, собери столько одежды и оружия, сколько сможешь поднять, милок. Ты знаешь, как отыскать его сестру — эту шаманку, которая помогла ему покинуть тело?

Потерявший Путь покачал головой.

— Она сражалась с Мудрейшим, Бектисом, и с его молнией, но он ее отшвырнул, обжигая огнем. Я думаю, она ранена.

Хетья выругалась и перекинула тело Ледяного Сокола через плечо.

— Что ж, придется делать только то, что сможем. Я не думаю, что она ждет нас где-то за углом, так?

— Я бы на это не надеялся.

Они вышли в коридор. Хетья нервно смотрела то в одну, то в другую сторону, пока Потерявший Путь собирал одежду в соседней комнате, потом они пошли в переход, который должен был вывести их с вражеской территории. Ледя-

ной Сокол, охваченный одновременно восхищением и ужасом, смотрел на собственное лицо, вялое и холодное, на косички, болтающиеся по спине Хетьи, на покрытые шрамами, безжизненные руки и ноги. Он дважды подходил, дважды касался своей плоти, и дважды отступал обратно, испуганный и безнадежно чужой.

Как призрак, шел он за ними следом в тенях от света факелов.

* * *

Старик был здесь.

Скорчившись рядом с лампой, Тир чувствовал его там, в коридоре.

Старик ждал.

Комната была безопасной. На нее наложили чары, защищающие от гадания чародеев, и чары эти работали против другой магии тоже.

Но он был здесь.

Закрыв глаза, Тир заглянул в свои воспоминания, как заглядывают в колодец, но он не знал, его ли это воспоминания или старика.

Длинноволосый воин, которого тот, другой мальчик называл «отец», стоял перед креслом, в котором сидел старик. Они находились в комнатах с хрустальными колоннами, в третьей из них, а четвертая была настолько мала, что больше походила на нишу в стене.

Старик, которого он уже встречал в своих видениях, старик, бывший одним из тех, кто метал огонь в дарков. Над головой чародея сиял колдовской свет. Он посмотрел вверх, и Тир увидел тени вместо глаз.

Отец Тира мягко сказал:

— Пора, Зэй.

Зэй не ответил.

 Отец Тира облизал пересохшие губы.

— Мы не можем больше ждать. — Его длинные волосы были сколоты гребнем, черным, украшенным гранатами, которые сверкали, как капли крови.

— Нет. — Губы старика произносили слова, которых не было слышно. Вздохнул он чуть громче, и казалось, что это душа прощается с телом. — Пусть... дождемся утра. Пожалуйста.

— Утром мы уже будем в пути, — сказал отец Тира, и Зэй посмотрел на него острым взглядом, словно услышал больше, чем тот сказал. — У нас нет другого выхода, — продолжал длинноволосый воин. — Пока мы так мало знаем о магии ларков, мы не можем рисковать — мы не смеем рисковать. Ле-Кьяббет... — Он замялся, назвав это имя. — Кьяббет не появилась?

Зэй печально покачал головой, и голос его прозвучал едва слышно.

— Нет.

Оба надолго замолчали. Потом длинноволосый сказал:

— Мне жаль. Честное слово, мне очень жаль, Зэй. Но время для отсрочек кончилось. От этого зависит слишком много жизней, и не только тех, кто здесь сейчас, но и их детей, и внуков, жизни всех человеческих поколений, которые найдут кров под этой крышей. Они будут благодарить тебя и благословлять твое имя.

Старик кивнул.

— И, по-твоему, — пробормотал он, — мне от этого легче?

Отец Тира сказал:

— Если бы это мог сделать я, Зэй, я бы не колебался.

Зэй посмотрел ему прямо в лицо, горьким, измученным взглядом — Тир и не подозревал, что такая горечь может скрываться в глазах человека.

— Да, — тихо сказал старик. — Я знаю, что ты бы это сделал, Дейр. — Он поднялся на ноги, оправил свои темные одежды дрожащими руками. — Кьяббет...

— Когда она придет, — мягко сказал Дейр, — она тоже будет благодарить тебя.

Тир задрожал, когда оба прошли между хрустальными колоннами. Ему казалось, что холод усиливается — холодные воспоминания этого места, и еще ему казалось, что он слышит чей-то шепот — она так и не пришла. Она так и не пришла. Она так и не пришла.

Шепот раздавался эхом из тьмы комнаты, где он сидел, из такой густой тьмы, что маленький костерок не мог ее разогнать. Ему казалось, что холод льется из этой тьмы, холод гораздо страшнее, чем холод промерзших насквозь комнат. Живой холод, злой и враждебный.

Шаги, которые не были шагами. Горькая ненависть, горькая обида.

Она так и не пришла.

Ненависть глубокая и отчаянная, ненависть, клубившаяся в коридорах, в аккуратных комнатах, в которых никто не жил достаточно долго, чтобы они смогли превратиться в дом, ненависть в черном колодце в самом центре подвалов, которые навечно погрузились во тьму.

Презренные, трусливые, ненадежные хлюпики... Обидой пропитались каменные стены. Неблагодарные. Трусы неблагодарные.

Из коридора послышался мелодичный свист.

Тир уже слышал эту мелодию. Он знал ее.

А мелодия ли это? То и дело она кажется ему голосом старика, шепчущим что-то в кошмарной тьме.

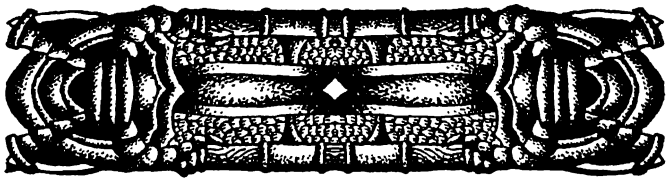
Имена, подумал Тир. В тех плохих местах, через которые он вел Хетью, он уже слышал этот хриплый, бормочущий голос, перечис-

лявший в темноте имена. Он не думал, чтобы Хетья это слышала. Это повергло его в ужас, потому что он знал эти имена. Он видел в своем сознании эти лица и знал, что с ними случилось. Он видел их вещи — черные детские башмачки с зелеными драгоценными камнями, женский веер — то, что осталось от них.

И над всем этим — гнев, пропитавший каждый камень, каждый лишайник, каждую лозу, каждый гриб, пропитавший их, как вода пропитывает губку, проникший в каждую пору. Гнев, и обида, и ненависть.

И колдовство, которое живо.

Глава семнадцатая

Жди. Они снова откроют Врата. Им придется это сделать. Она где-нибудь там. Она поможет ему, разве нет?..

Ледяной Сокол ждал. Промерзший до последней клеточки, испытывающий боль от укусов демонов, он бродил по изменчивым теням Придела и прислушивался к голосам людей, обыскивающим Убежище. Огоньки то и дело мелькали в окнах высоко над стенами Придела или в дверных проемах, не заросших виноградом. Иной раз из проемов появлялись люди и шли через месиво на полу, высоко поднимая факелы. И да помогут нам наши Праотцы, если какой-нибудь тупой клон уронит на пол уголек! Капала вода, стекала по стене под клепсидрой, иногда бил большой колокол, отмечая время, как бессмысленно отмечал его долгие, долгие годы.

В углах жила густая ночь, плотнее, чем тьма под открытым небом. Иногда проплывали огоньки демонов, похожие на светящихся насекомых. Иногда Ледяной Сокол слышал мелодичный свист или голос, что-то шепчущий то далеко-далеко, а то прямо за его плечом.

«Я бы ни за что не стал заниматься поисками один в этих пустых, ледяных залах», — думал он.

В одном из окон второго уровня вспыхнул белый свет, исчез и снова появился. Колдовской свет?

Минуту поколебавшись — он боялся отойти от Врат, как привидение, навечно за-

пертое в углу комнаты — Ледяной Сокол все же оставил свой пост, поднялся по винтовой лестнице, с которой свисали высохшие лианы, и начал считать двери вдоль коридора, пока не дошел до нужной.

В пустой комнате стоял Бектис, один, и призывал свет.

Точнее, пытался призвать свет.

Старик завесил дверной проем, но не подумал, что его могут увидеть из Придела в окно. Он снял Руку Хариломна, и Ледяной Сокол увидел, как сильно пострадала его ладонь от постоянного трения золотых полосок и тяжелых драгоценных камней. Рука и Воротник, который был от нее неотделим, лежали в дальнем от двери углу комнаты на горностаевой муфте. Каждые несколько секунд глаза Придворного Мага устремлялись туда. Ему требовалось постоянное подтверждение того, что они не исчезли.

В тот миг, когда Ледяной Сокол вошел в комнату, Бектис делал жест — без присущих ему театральных эффектов — призывающий свет. (Ингольд Инглорион свел этот пасс до легкого движения пальцев.)

В комнате возникали бледные голубые сумерки, в нескольких местах они вспыхивали чуть ярче, и тут же превращались в искры, которые исчезали почти сразу же. На полу мелом он начертил Круги Силы, видимо, стирал их и снова чертил. Бектис все повторял свой широкий жест, и Ледяной Сокол понял, что это жест новичка — так ребенок пытается ударить копьем, которое толком не может удержать.

Маленький огонек ударился о стену.

Бектис прижал руку ко рту и задрожал.

Он снова перевел взгляд на Руку и Воротник, и в его глазах Ледяной Сокол увидел несчастное выражение алкоголика, которого рва-

ло много дней подряд, и тут ему предложили стакан джина. И Ледяной Сокол все понял.

В точности как алкоголик, Бектис подошел к драгоценностям, поднял Воротник и снова надел его на шею.

Когда он приподнял бороду, Ледяной Сокол увидел глубокие ссадины, оставленные металлом и драгоценными камнями на бледной коже. Когда Бектис застегивал на пальцах и на запястье золотые полоски, губы его сжались и исказились от боли. Дрожа всем телом, понимая, что он потерпел полное поражение, Бектис снова сделал призывающий жест, и комнату заполнил колдовской свет, яркий, теплый, великолепнее, чем солнечный.

Бектис прижал руки к глазам, потом снова к губам. Он так дрожал, что Ледяной Сокол подумал — сейчас упадет. Старик тяжело, судорожно дышал. В коридоре послышались тяжелые шаги, видимо, шел Ваир. Бектис не слышал их до тех пор, пока Ваир не дошел до закрытой одеялом двери. Когда одеяло отлетело в сторону и Ваир встал в дверях, Бектис резко повернулся, и лицо его приняло привычное надменное выражение.

— Где ты был, колдун?

— Люди так шумели в Приделе, великий господин, что я не мог сосредоточиться. — Бектис погладил бороду с таким видом, словно это не он готов был разрыдаться от отчаяния несколько минут назад. — Я подумал, что именно поэтому не могу найти мальчика.

— Тебе следовало сказать это Приньяпосу, — рявкнул Ваир. — Он бы утихомирил их. — Он мотнул головой в сторону коридора, и на пороге возник Хохлатая Цапля. — А здесь ты сумел добиться лучших результатов?

— Еще нет, господин. Во всех Убежищах имеются комнаты Молчания, комнаты, на

которые наложены Руны, чтобы не дать волшебникам...

— Не надо рассказывать мне, как устроены Убежища, старый болтун! Дворец Эзрика в Кхирсите построен на фундаменте разрушенного Убежища! Я ходил по его подвалам сотни раз. Им придется когда-нибудь выйти из комнаты, чтобы набрать воды.

— Когда они выйдут, я найду их, мой господин. Но в этом Убежище жива старая магия, такое могущество, что моего опыта не хватает...

— Мне начинает казаться, что твоего опыта не хватает даже для изготовления обычных амулетов против демонов. Эта шайка Всадников, которая приближается с юга... — Он положил руку на плечо Хохлатой Цапли, и юноша как будто стал выше ростом от гордости.

— Ты говорил, что у Белых Всадников тоже есть свои способы колдовства. А ты уверен, что, когда наложишь чары на Приньяпоса, чтобы завести их в ловушку, рядом не окажется какого-нибудь разбойника из их шайки, который откроет им на это глаза? Это сведет на нет все наши усилия, а я пока не могу позволить себе роскошь потерять столько тел.

— Не тревожьтесь, мой господин. — Бектис сделал успокаивающий жест. — Чары, которые я наложу на Приньяпоса, очень сильные, и не имеют отношения к чарам сражения. Кроме того, новоприбывшая шайка просто не успеет встретиться ни с кем из своего клана...

«Народ Пустых Земель вовсе не наш клан!» — хотелось закричать Ледяному Соколу.

— Приньяпос наденет тряпье одного из тех, кого я убил, когда они напали на меня на том холме, западнее гор. Если он задержится здесь еще на несколько минут, я вам все покажу. Ущелье, в которое он их поведет, совсем рядом с

Убежищем, так что его сообщение о втором входе окажется очень правдоподобным. И усилий для того, чтобы обрушить на них лед и похоронить их там, потребуется совсем немного.

— Ты сможешь потом убрать лед? — Ваир потрогал кончики седеющих усов. Он побрился и причесался, но все равно выглядел неважно. — Не много мне будет пользы в уничтожении двухсот человек, если я не сумею воспользоваться их телами для изготовления *детхкен лорес*.

Бектис негодующе расправил плечи.

— Мой господин, хоть у меня и нет теперь оружия древних, кое-что я умею. Моего могущества вполне достаточно, чтобы расчистить лед в ущелье после того, как он поработает на нас.

— Это хорошо, колдун, — негромко сказал Ваир. — Потому что мне нужна плоть, мне нужно много людей, чтобы захватить Убежище Дейра. И каждая задержка опасна, потому что дела в любой момент могут пойти наперекосяк. Например, трус Гаргонал оставит свой пост у стен Убежища, или эти твари, императрица и епископ, пронюхают о моих планах. Меньше всего они хотят, чтобы я завладел крепостью, оборону которой нельзя сломить, да еще и постоянным источником провизии в придачу. Я думаю, нет нужды объяснять, что случится с тобой, если они сумеют взять надо мной верх?

Придворный маг отвернулся и побаюкал окровавленную Руку Хариломна.

— Нет, господин мой.

— Ну так найди мальчишку, и сделай это быстро. Заклинания, о которых ты говорил, сумеют выбить из него нужные мне сведения?

— Да, мой господин.

— Когда Приньяпосу нужно выходить навстречу Всадникам?

 — Я смотрел в свой магический крис-

талл, мой господин, и могу сказать, что часы отсчитают время пять раз. Когда они начнут бить в пятый раз, Приньяпос должен выйти наружу. Это будет примерно девятый час, почти сумерки, и он спокойно заманит их в то ущелье.

— Хорошо. Приньяпос, подготовься к этому времени. — Во всяком случае, Ледяному Соколу показалось, что Ваир сказал именно это — он уловил слова «подготовься» и «наружу», но не понял, к которому часу тому следует готовиться. Зато легко можно было понять слова Приньяпоса «да, господин мой». Юный воин только что не терся о ноги Ваира и не мурлыкал.

Плоть для новых воинов. Для воинов, чтобы захватить Убежище Дейра.

Но ведь этот аппарат с чаном — этот *детхжен лорес* — был у Ваира, еще когда он завоевал Прандхайз. Для чего же тогда он отправился на север, в это странное место? Кроме того, пусть у него будут сотни сотен воинов, он не может не знать, что стены Убежища несокрушимы!

Тиру что-то известно. Что-то, что даст Ваиру возможность сломить оборону.

Бектис обязательно найдет мальчика, в этом Ледяной Сокол не сомневался. Непонятно, как именно действует Рука Хариломна на могущество Бектиса, но одно очевидно: она в дюжины дюжин раз усиливает его собственные возможности. Ни Хетья, ни Потерявший Путь не сумеют защитить мальчика. А хуже всего то, что Ледяной Сокол уже понял — если он в ближайшее время не вернется в свое тело, часы его сочтены.

Ваир собирается загнать в ловушку и убить Народ Пустых Озер.

По иронии судьбы, думал Ледяной Сокол, спеша по коридорам Убежища Ночи, воин, чье лицо Бектис знает и сейчас показывает Ваиру, совершенно случайно оказался именно из

клана Пустых Озер, и именно по этой причине ловушка сработает. Говорящие со Звездами или Народ Земляной Змеи убили бы чужака на месте.

Он прошел сквозь шипящие занавеси из ползучих растений, как во сне, и подумал, что в своем теле ни за что не сумел бы здесь пройти. Его очень беспокоило, что это становилось все проще: он словно растворялся. Демоны проходили сквозь мох, как муравьи, и мучили его, кусая и щипая. Все труднее было убеждать себя, что боль иллюзорна.

Можно прекратить эту боль. Ледяной Сокол думал об этом все настойчивее, и единственной причиной, по которой он не давал себе окончательно раствориться, было понимание того, что здесь, во тьме, он не сможет слиться с солнцем.

Навеки останется только ледяная ночь.

Боль стала реальной.

Из стены вышла Солнечная Голубка с обнаженной грудью, сквозь сломанные ребра просвечивали ее внутренности, в ярких волосах, как дикие розы, запеклись капли крови.

— Почему ты не вернулся ко мне, родной? Почему ты даже не взглянул на меня?

Эта боль тоже была реальной. Ему пришлось заставить себя вспомнить, что нельзя останавливаться и вступать с ней в разговор. Она, дитя Говорящих со Звездами, знала, когда лежала на том уступе, придавленная умирающей лошадью, что раны ее смертельны. Он пролетел мимо, но ее голос долго преследовал его.

— Почему ты не пришел, чтобы держать меня за руку, пока я умирала?

Он не ответил.

Потом он оказался в коридоре, где огромные сосульки свисали с потолка, где все было льдом, где стояли ледяные колонны тверже, чем железные.

Там слышался шепот.

И там, среди замерзших виноградных лоз толщиной в лошадиную шею, среди мерцающего льда стоял старик.

Старик стоял, сложив на груди татуированные руки, почти не видимый во тьме. Ледяной Сокол мог видеть его своими глазами — глазами тени, но не хотел его видеть. Откуда-то он знал, что старик бесконечно стар, белые волосы неопрятно росли на затылке, образуя подобие паутины на согбенных плечах. Ногти, не стриженные, похоже, никогда, закручивались в спирали, такие же отвратительные, как лианы.

Зубы его не походили на человеческие, и глаза больше не были человеческими.

— Ты вернулся. — Голос был вязким и тягучим. — Ты все же вернулся.

Ледяной Сокол почувствовал, что волосы его встали дыбом.

— Я никогда не бывал раньше в этом месте, старик. — Все в нем кричало: *Беги! Беги! Уходи отсюда немедленно!*

— И они ничего не сказали тебе обо мне? — Старик шевельнулся, и его одежды зашуршали, как тонкая, почти истлевшая от времени бумага.

— Они ничего не сказали мне, старик. Прости, если я кажусь тебе непочтительным.

— Простить тебя? — Старик склонил голову набок, и что-то в блеске его невидимых в тени глаз было совершенно не так. — Простить? Мне говорили... Мне обещали, что мое имя запомнят. Что меня будут благодарить. Что будут благодарить вечно.

Он пошел к Ледяному Соколу, протянув костлявую руку, скрюченные ногти шевелились и шуршали.

— Никто не сказал спасибо, — прошелестел он. — И она не пришла, хотя путь был

свободен. Всегда свободен. Она не пришла, и они все ушли, покинули меня после всего, что я для них сделал. А теперь... — Он улыбнулся. — Теперь, когда вы вернулись, уж я прослежу, чтобы не ушел никто.

Он хихикнул, протянул руку, и в сознании Ледяного Сокола промелькнул его собственный образ, его призрачное сознание, заключенное в эти черные стены. Не умереть, нет, остаться здесь навеки, и слушать, слушать, как старик все перечисляет имена в этой замерзшей тьме...

Рассудок требовал бежать немедленно, и Ледяной Сокол кинулся бежать. Позади он слышал пронзительный хохот старика.

— Ты думаешь, ты сможешь убежать? — Обернувшись через плечо, Ледяной Сокол увидел размытые очертания, летящие за ним, как саван, белые волосы развевались, костлявые руки вытянуты вперед. — Ты думаешь, ты сможешь убежать от меня?

Они пролетели сквозь коридоры, забитые гниющими растениями, мимо фонтанов, забитых льдом. В огромной комнате, представлявшей из себя шевелящийся шар лишайника и виноградных лоз, три клона старались изо всех сил, пробивая себе путь не наружу, а внутрь под манящий шепот демонов. Клоны всхлипывали от боли и страха, пытаясь освободиться от цепких завитков. Увидев их, старик приостановил свой полет и захохотал, видя, что демоны пытаются спрятаться.

— Не так быстро, мои лапочки. — Он кинулся на них, как ястреб. Демоны пытались ускользнуть сквозь стены, но черный камень не пропускал их. Последнее, что увидел Ледяной Сокол перед тем, как исчезнуть отсюда — старик схватил самого маленького демона и откусил ему голову, а клоны все всхлипывали и стонали,

борясь за свои жизни среди все сильнее сдавливающих их лиан.

* * *

В потайной комнате на втором уровне неподвижное тело Ледяного Сокола лежало, закутанное в куртку, рядом с ним — его оружие. Хорошо, что у них хоть на это ума хватило, подумал Ледяной Сокол, дрожа от холода и усталости. Если бы Ваир увидел его меч, на эфесе которого была выгравирована эмблема гвардии Гая, он бы многое понял.

Тир сидел молча, сотрясаемый непрерывной мелкой дрожью. Хетья спорила с Потерявшим Путь.

— Ты надеешься, что все воины Ваира просто тихо-мирно отвернут свои личики к стенке и заснут?

— П-ф-ф! Эти насекомые!.. Мальчик должен поесть. Мы тоже. Иначе мы ни убежать отсюда не сможем, ни помочь — не то что другим, а даже самим себе. — Потерявший Путь выглядел ужасно — лицо распухшее, багровое, кое-где с открытыми ранами — плеть прошлась по нему изрядно. Кровь запеклась на бороде и косичках, во рту осталось всего несколько зубов, и те поломаны.

— Как только мы выйдем из этой комнаты, тотчас напоремся на Бектиса, или он просто посмотрит в свой кристал. Нам крупно повезло, что он был тогда занят, но еще раз рисковать я не намерена.

— Ну так спроси Праматерь, которая поселилась в твоей голове. Это же она присоветовала тебе объединиться с Отцом Всех Предателей! Пусть теперь посоветует тебе, где еще нас не найдут. Она должна это знать!

Хетья выпрямилась, на ее лице появилось надменное, холодное выражение Оале Найу, и она уже открыла рот, чтобы ответить. По-

том подумала немного, плечи ее поникли, а рот закрылся.

— Если бы я могла, — тихо сказала она. — Нет никакой Праматери. Твой долговязый дружок это давно понял. Он тебе все расскажет, когда вернется. Если вернется, конечно.

Она вздохнула, весь запал пропал, и Хетья отвернулась. Она до сих пор сидела в куртке клона и в его обмотках, так что запросто могла бы сойти за одного из них в темноте. Хетья стиснула зубы, не желая показывать своих чувств, но Потерявший Путь понял, и его лицо смягчилось.

— Эй, — мягко сказал он и обнял ее за плечи своей огромной, как у медведя, лапищей. — Эй, Маленькая Праматерь, не надо плакать.

Хетья яростно помотала головой.

— Я просто устала, вот и все, — сказала женщина, и по щекам ее потекли слезы.

— Я понимаю.

— Я просто... Но я же пыталась...

Беззубый рот скривился в подобии улыбки.

— Я знаю. И у тебя здорово получилось. Как у настоящего воина.

— Прости, малыш. — Она смотрела на Тира. — Тебе пришлось встретиться с Его Мерзостью. Со мной случилось то, что лучше бы никогда не случалось.

— Все в порядке. — Тир говорил тоненьким голоском. — Я знал, что ты все это сочинила. — Он подошел к ней, обнял ее за талию, как обнимал свою маму, и прижался к ней головой. — Теперь, когда я вспоминаю все, что произошло на Бизоньем Холме, я понимаю, что знал это с самого начала.

Хетья рассмеялась, потом снова всплакнула, крепко обняла его, а другой рукой похлопала по огромной лапе Потерявшего Путь.

— Я делала, что могла.

Потерявший Путь улыбнулся, и даже на его опухшем лице было заметно, что это улыбка теплая, словно ки солнца, в которое клан Ледяного Сокола не верил.

— Мы все делали, что могли, Маленькая Праматерь. Во всяком случае, ты сохранила мальчику жизнь, а это немало, когда имеешь дело с этими пожирателями падали с Юга. Все нормально.

— Я не знаю, сможет ли... сможет ли Бектис увидеть нас, даже если мы выйдем из этой комнаты, — продолжил Тир. — И не знаю, смогут ли они нас найти, даже если он увидит. Старик может им и не позволить.

— Какой старик, малыш?

Ледяной Сокол снова попробовал, и опять безрезультатно, войти в свое тело, холодное и неподвижное в меховом гнездышке.

Боль терзала его все сильнее, вызывая тошноту.

Почему же он не может вернуться?

Может, это из-за того, что он на несколько мгновений принимал образ Приньяпоса, когда требовалось отдать приказ клону?

Или он просто слишком долго пребывал вне тела?

«Ты думаешь, ты сможешь убежать?» — кричал ему вслед старик, захлебываясь смехом.

И еще один голос эхом отдается у него в голове: «Сожру вас всех!..»

На него навалилось отчаяние — понимание того, что он умрет здесь, во тьме. Понимание того, что все кончено.

— Старик в Убежище, — прошептал Тир, и его слова вернули Ледяного Сокола к окружающему, к этим троим, чьи жизни так тесно переплелись с его жизнью. — Старик с татуировками на руках и с длиннющими ногтями... — Он показал розовыми пальчиками, какие это

мерзкие и изогнутые когти, и Ледяной Сокол подумал: он его тоже видел.

— Он живет в Убежище.

— Ты хочешь сказать, что это привидение? — с сомнением спросил Потерявший Путь.

Его распухшее, окровавленное лицо казалось возникшим из ночных кошмаров.

Но, похоже, Тир принял этот ужасающий вид как должное. Они подошли поближе к костерку, и Потерявший Путь подбросил в него несколько обломков.

Мальчик покачал головой.

— Он живой, — сказал Тир. — Ради этого все и затевалось. Он всегда был живым... — И резко замолчал, подыскивая слова, пытаясь объяснить им и понять самому.

Потерявший Путь и Хетья обменялись непонимающими взглядами, потом снова посмотрели на мальчика.

— Ты хочешь сказать, что он жил здесь до того, как мы пробились сюда сквозь лед? — ласково спросила Хетья. — А как он попал сюда, миленький? Что ел? Уж наверное не эти мерзкие растения?

— Не могу. — Тир спрятал лицо в ладонях. — Не могу я сказать.

Хетья погладила его по черным волосам.

—Ну, успокойся, успокойся, все хорошо, — бормотала она. — Не надо ничего говорить. — И снова посмотрела на Потерявшего Путь. — Твой долговязый дружок похож на привидение, но ведь он говорит, что тоже живой. Он приходит к нам во сне.

— Это хождение без тела, — согласился Потерявший Путь.

— Так, — сказала Хетья неожиданно и оглянулась. — Что-то я хотела сделать? — Она вытащила из кармана бутылку с водой. —

Дай-ка я хоть попытаюсь отмыть тебя и сделать из тебя цивилизованного человека.

Вождь ухмыльнулся, глядя, как она смочила водой тряпицу и очень нежно начала промывать его раны, и сказал:

— Никогда ты не сделаешь из меня цивилизованного человека, Маленькая Праматерь.

— Цивилизованного человека? Ах, ну да, получился каламбур!

И они оба засмеялись, несмотря на весь ужас, боль и тьму вокруг.

— Ну, я, конечно, не получившая новую жизнь чародейка Былых Времен, — сказала она, закончив промывание, — но моя мамаша меня кое-чему научила. Очень полезно, говорила она всегда, знать, как можно успокоиться. Господь знает, что заснуть я не смогу, но, может, медитация поможет ему сказать нам хоть что-нибудь.

Потерявший Путь кивнул

— Наши шаманы тоже такое делают, если ходящий без тела вдруг потеряется. Правда, мой народ очень редко ходит без тела, понимаешь, потому что это очень опасно. — Он кивнул в сторону неподвижного тела Ледяного Сокола. — Что мы и видим.

— С ним все будет в порядке? — взволнованно прошептал Тир. — Ведь правда?

Хетья встретилась взглядом с вождем. Потерявший Путь решился ответить.

— Мы не знаем, маленький король. Может, и не получится ничего. Но уж если кто и может вернуться в свое тело после того, как долго был где-то далеко, так это только Ледяной Сокол. — Он усмехнулся распухшими губами. — Он не захочет, чтобы про него сказали, что он позволил кому-то, пусть даже смерти, взять над собой верх, поэтому он просто обязан вернуться.

Тир хихикнул.

А что плохого, сердито подумал Ледяной Сокол, в том, что ты хочешь быть самым лучшим в этой борьбе за выживание? Потому что настали такие времена, что выживает только самый лучший!

Но он все равно обрадовался, что Тир выглядит уже не таким испуганным.

— Если бы у нас здесь был правильный дым, — сказал Потерявший Путь, — это могло бы помочь. Ну, сжечь травы, которые жгут Мудрейшие, чтобы отделить душу от тела.

— Это ты мне рассказываешь, дружочек! — Хетья вздохнула и закрыла глаза. — Можешь не объяснять...

— Мудрейшие научили меня вот этому... — Потерявший Путь с серьезным видом прикоснулся к ее лицу и вискам, а потом к рукам, к точкам расслабления, средоточию энергии тела. Плечи Хетьи расслабились, с лица исчезла суровость.

— Что случилось? — спросил Потерявший Путь, увидев, что Тира передернуло от отвращения.

— Они втыкали туда иголки, — ответил мальчик странным чужим голосом. — Когда делали тетхинов.

— Это карта тела, источники энергии. Все можно использовать и в добро, и во зло, маленький король.

Где-то далеко раздался удар колокола, и Ледяной Сокол услышал шарканье обутых ног и бормотанье испуганных голосов. Впрочем, все быстро затихло, и вернулась плотная тишина, кажется, еще глубже, чем была. Хетья не заснула ни на миг.

Ледяной Сокол чувствовал, что ее сознание непрестанно работает, мечась от одной мысли к другой. Видимо, она не умела сосредоточиться на чем-то одном, предположил Ледяной

Сокол, потому что никогда не тренировала себя, как это делают Мудрейшие.

В коридоре зашуршали лианы, хотя сквозняка не было.

Ты думаешь, что сможешь убежать?..

— Что это было? — Хетья распахнула глаза.

— Старик, — прошептал Тир.

Потерявший Путь дернулся, чтобы затушить костерок.

— Не будь ослом, — выдохнула Хетья, схватив его за руку. — Он увидит и в темноте.

Вождь вскочил на ноги, выдернул меч и шагнул к двери, в полумраке похожий на медведя.

— Надо выходить через задние комнаты, — сказала Хетья. — Мы могли бы...

— Мы не можем оставить Ледяного Сокола. — Тир тоже вскочил на ноги, дрожа, как лист на ветру.

— Ради всего святого, парнишка...

— Он гвардеец, — твердо сказал Тир. — А я — его господин. Я не могу его оставить.

Хетья качнулась к нему.

— Слишком поздно, — пробормотал Потерявший Путь. На лезвии меча, поднятом для удара, играли отсветы костра. — Ты его видишь? Волосы белые, как у привидения в полночь.

Из тьмы коридора хлынула тишина, долгая, словно живая, тишина, осязаемая, как вечный холод. Вынырнул демон, осветив паутину белых волос и темную мантию. Раздался шепот, полный ненависти.

Еще звук, короткий, как шипение змеи.

Потом два мягких шага, из тьмы вынырнуло что-то большое...

Приглушенное проклятие — и в комнату ворвался Ингольд Инглорион, белые волосы взъерошены, со сверкающим мечом в руке. Он пригнулся, чтобы избежать удара Потеряв-

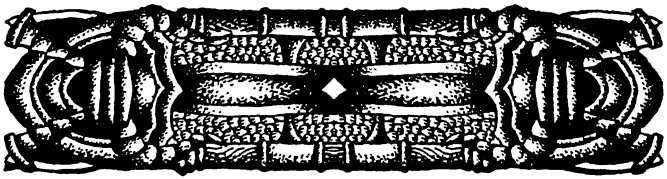
шего Путь и остановился на пороге, тяжело дыша и вглядываясь в призрачную бездну.

На мгновение показалось, что тени поймали его, окружили, удушающие, злобные...

Потом что-то изменилось, сдвинулось, и коридор стал просто темнотой.

— Проклятая растительность. — Ингольд повернулся; его бархатный голос ни с чем нельзя было спутать. — Только подумать, что когда-то я любил салат! Госпожа Хетья — или я должен сказать: госпожа Оале Найу? — я очень надеюсь, что у вас есть из чего приготовить чай.

Глава восемнадцатая

Так все-таки я видел именно вас? — Ледяной Сокол поплотнее закутался в шубу из шкуры мамонта и еще раз согнул руки — просто для проверки. Хотя в этой части Убежища было не так уж и холодно, он не переставал дрожать. Ему казалось, что он уже никогда не согреется. — В комнате с хрустальными колоннами? Вчера вечером. Или это было позавчера?

В темноте этого места трудно было следить за ходом времени, даже без кошмаров удушья, холода, демонов и ужаса. Остались только отголоски боли, призрачный след, опаливший его сознание. Он то и дело ощупывал руки, боясь поверить, что это его собственная плоть и кости.

— Меня. — Ингольд сунул руку в пакет с едой, который вытащил из мешка. Он и Потерявший Путь принесли мешок из коридора, пока Ледяной Сокол, онемевший, с головокружением, чувствуя себя куском очень старого плавника на пляже, лежал, уставившись в потолок, и то и дело моргал, радуясь тому, что у него снова есть настоящие веки на настоящих глазах. — Съешь лепешку.

Старый маг протянул ему картофельную лепешку. Ледяной Сокол жадно впился в нее зубами и тут же почувствовал тошноту — его желудок еще только возвращался к жизни. Он не собирался никому сообщать об этом. Он — Ледяной Сокол, а еда есть еда.

— Могли бы и сказать мне, — проворчал Ледяной Сокол, — что вы все же пошли за нами. Ваше присутствие нам бы очень не помешало.

— В этом я совершенно уверен, — примиряюще отозвался Ингольд.

— Я так понимаю, что ваши коротенькие интересные отчеты об осаде Ренвета были составлены из сообщений, которые вам посылали Илайя и Венд?

— Ни в коем случае. — Волшебник откусил от сушеного абрикоса. Абрикосы, а также виноград, вишни и несколько видов орехов прекрасно росли в подвалах Убежища Дейра. Несмотря на порезы и ссадины, полученные во время долгого путешествия и ночевок в неудобных местах, несмотря на повязку на руке, которую Ледяной Сокол видел на нем еще в комнате с колоннами, Ингольд не так уж плохо выглядел, хотя одежда его была очень потрепанной.

— Четыре дня назад — твоя сестра разговаривала со мной тогда в последний раз — я еще был в Долине Ренвет, готовя последнюю из полудюжины попыток отогнать войска генерала Гаргонала подальше, чтобы иметь возможность проскользнуть во Врата. Очень приятно отметить, что эта попытка мне удалась — просто поразительно, во что только люди не поверят, если застать их врасплох. Когда ты меня увидел, я находился в прачечной королевских покоев, собственно, в комнате, которую Брикотис пометила, как Ренветский выход Портала.

— Ты наверняка знал, что там имеется нечто подобное, — добавил он, увидев выражение лица Ледяного Сокола. Джил много раз рассказывала ему истории, в которых упоминался Портал. — Про Ваира на-Чандрос можно многое сказать, но он отнюдь не дурак. Единственная причина, по которой он мог предпринять такое тяже-

лое путешествие — это надежда, что отсюда можно попасть прямо в Убежище Дейра. Даже с Рукой Хариломна Бектис не сумел бы преодолеть объединенное могущество Илайи, Руди и Венда, а часовые на Дороге Стремительной Реки обязательно должны были предупредить нас о подходе войска, несмотря на все, что мог сделать Бектис.

Ингольд благодарно протянул руки к огню.

— Как только Венд сообщил мне, что Тира похитили, я сразу подумал о чем-то подобном, а сведения, которые сообщала мне Холодная Смерть, только подтверждали подозрения. Ваир сначала искал такую же штуку в Прандхайзе, да, Хетья?

— Я не знаю, что он искал в Прандхайзе. — Хетья, до сих пор сидевшая в уютном кольце рук Потерявшего Путь, подняла голову. Теперь она пустыми глазами смотрела на черную стену комнаты, словно ожидая наказания; когда она, наконец, решилась посмотреть в ярко-синие глаза волшебника, в ее взгляде застыл вопрос. Похоже, то, что она увидела, приободрило ее, поэтому Хетья слегка распрямилась и сказала:

— Бектис просмотрел каждое словечко в мамашиных свитках — вытащил их все и корпел над ними целую зиму, даже над теми, что мамаша и не читала, потому что не знала этих языков. И Бектис с Ваиром каждые пару дней вытаскивали меня из комнаты и спрашивали о всякой всячине, а я все не понимала, чего они хотят от меня услышать и что со мной будет, если они не узнают, чего хотят. — Ее ноздри расширились, и она снова замолчала, и только губы ее дергались, пока она вспоминала что-то свое, ужасное. — А теперь, как вы об этом заговорили, так они и вправду спрашивали меня насчет путешествий между Убежищами — то есть Оале Найу, конечно, а не меня — а я все говорила, что все по очереди, все по очереди. Оказалось, в этом был

смысл. — Она пожала плечами и еще раз откусила от сушеного плода, пакет с которыми Ингольд пустил по кругу. — Никто не пойдет далеко, если не будет знать, что найдет кров на закате. Я раньше говорила — никаких путешествий, но мать отыскала старые рукописи, которые, как она рассказывала, были копиями с копий о всяких старых вещах, и там много говорилось о путешествиях, так что что-то там все равно было.

Она свела брови, о чем-то напряженно думая.

— Помню, там были два описания, полные рассказов о сражениях с дарками, про чародеев, которые окружали свои лагеря языками пламени, о всяком таком, хотя никто не знал, сколько времени после прихода дарков прошло, когда это написали, и кто там был, и как все после изменилось. Люди все меняют, вы же знаете, — добавила она. — Мама раза два-три находила изменения: прочитает одну историю, а потом другую, где прошло уже пятьдесят лет и кто-то все поменял.

— Все от того, — кичливо сказал ледяной Сокол, — что цивилизованные люди сочиняют кучу историй для собственного развлечения, а потом не могут понять, которые из них — правда. Среди моего народа такого бы не произошло.

— Среди твоего народа, как я слышала, разговоры ведутся только о следах животных да о погоде.

— Ну конечно! — Похоже, Потерявшего Путь задела ее неприязнь. — Как же ты узнаешь, где нужно охотиться, или на какое пастбище отвести коней, или где будет пастись дичь, если ты не знаешь, где именно весной шли дожди? Как ты поймешь, какие стада куда пошли, если не прочтешь следы вожаков, если не знаешь, где они были прошлой и позапрошлой весной? Кроме того, — добавил он, — эти вожаки, они же твои друзья. Например, стадо Сломанного Рога,

здорового носорога из Края Десяти Грязных Рек. Да я хожу по его следам пятнадцать лет! И знаю, куда он ведет своих сородичей в сезон дождя перед Полной Луной, и куда идет, когда нет дождя в Краю Кривых Холмов перед Новолунием.

— Да-да, все верно, — сказал Ингольд, поворачиваясь к Хетье. Он не раз сталкивался с людьми из Истинного Мира и знал, что о погоде и следах животных они могут рассуждать бесконечно.

— Да-да, все верно, — повторила она. — В общем, я здорово пользовалась всеми этими историями о путешествиях, и Ваир так и не сумел меня подловить.

— Если я правильно понял, — сказал Ингольд задумчиво, — в одном из этих двух описаний говорилось именно про это место.

— Ага, — тихо сказала Хетья. — Ага, говорилось.

Где-то далеко мужской голос выкрикивал бессмысленные слова. Возможно, просто кричали на незнакомом языке. Ингольд поднял голову, прислушиваясь; его синие глаза настороженно смотрели из-под век, испещренных мелкими кривыми шрамиками.

Как все маги, он отделял один звук от другого, возможно, пытаясь определить, что происходит во тьме. Ледяной Сокол представил себе бесконечные залы, уходящие в тень, комнаты, наполненные сбивающими с толку снами, шуршащие растения, в которых обитали демоны, вспомнил комнату, в которую упорно, бессмысленно протискивались трое клонов, стремясь не наружу, а вовнутрь.

Я сожру вас всех...

В памяти были странные провалы, но отдельные образы отпечатались в сознании: старик, схвативший отбивающегося демона,

ухмыляясь, отгрызает уродливыми зубами куски светящейся псевдоплоти и выпивает его жизнь...

Убежище возвращается к жизни.

Было что-то, о чем он забыл. Он что-то слышал. Бектис, баюкающий окровавленные драгоценные камни... Гордый собой Приньяпос... Ваир...

Ты думаешь, что сможешь убежать?

— Я, понятное дело, не могла сказать, что была одной из тех, кто когда-то покинул это место, — помолчав, продолжала Хетья. — Я же не знала, когда это произошло и сколько прошло времени после дарков. И я не знала, что известно Бектису. Только Бектис уже знал, что это место покинуто, неведомо по какой причине. Стоит пустое, сказал он, а люди ушли и захлопнули за собой двери, Бог знает почему.

— Догадаться можно, — отозвался Ингольд. — Мы и сами были близки к этому несколько лет назад — я имею в виду, собирались оставить Ренвет. Снежный буран уничтожил весь скот и почти все съедобные растения. Так далеко на севере, где наступает Лед, это должно было случиться. А может, из-за болезни.

Ледяной Сокол потянулся, прижался спиной к стене, положив рядом меч — он чувствовал себя неуютно, если меча под рукой не было, а кинжал нельзя вытащить быстро и легко, и взял еще одну картофельную лепешку.

Ему мешало полузабытое видение — воин и мальчик.

— Кто был этот старик?

— Зэй. — Тир посмотрел вверх, немного удивленный тем, что никто из них не знает — или не помнит. — Его зовут Зэй.

* * *

Как только Хетья заговорила об этом, Тир очень отчетливо вспомнил караваны из Убежища Тени, пробивающиеся сквозь Перевал Сарда в Долину Ренвет.

Он не знал, чьи это воспоминания. Глетчеры лежали в горах, хотя и не так низко, как сейчас. Горы тоже выглядели по-другому; с утесов, где теперь росли деревья, с шумом срывались водопады. Было очень холодно. Он вспоминал, как курилось паром его дыхание — дыхание того, другого мальчика — и как мерзли кончики пальцев, несмотря на серые меховые перчатки. Он снова увидел, как мало их осталось — несколько женщин и парочка детей. Все мужчины стали жертвами дарков.

Он точно знал, что участникам этого печального переселения, жителям Убежища Тиомис, неизвестно имя Зэя. Тот неизвестно кто, бывший свидетелем этого переселения, не помнил ни маленьких мальчиков, ни юношей, чьи воспоминания мелькали в памяти Тира. Тот неизвестно кто не мучился ночными кошмарами о кроваво-кислом зловонии ветра, о том, как твой топор вонзается в покрытую шлемом голову на поле боя, о попытках убийства когда-то очень давно... Счастливый и бездумный молодой человек.

Он ничего не знал и о Брикотис.

— Зэй был такой же, как Брикотис, — сказал Тир. — Это один из чародеев, которые строили Убежище.

Он говорил, удобно устроившись в надежных объятиях Ингольда и укутавшись его мантией — в точности как цыпленок под крылом у курицы. Мальчик прижался к старику, и у него голова шла кругом от облегчения, от знакомых запахов мыла, химикатов и трав — запахов Убежища Дейра. Крепко и судорожно обняв Инго-

льда сразу, как только тот появился, потом Тир отошел от него, зная, что волшебнику нужно место для колдовства. Но когда Ингольд пошел в другую комнату, чтобы произнести заклинания и вернуть Ледяного Сокола в его тело — заклинания не сработали бы в Комнате Молчания — Тир вцепился в его мантию. Чтобы не заговорить и этим не помешать чародею, мальчик сначала кусал губы, а потом впился зубами в собственную руку.

Но как только Ингольд, вытирая лоб, отошел от тела Ледяного Сокола, Тир тут же прошептал:

— С Руди все в порядке?

— С Руди все хорошо. — Ингольд взъерошил черные волосы мальчика. — Я применил к нему исцеляющую магию, как только вошел в Убежище. Он, конечно, очень слаб — он сильно пострадал, но все будет хорошо. Первое, о чем он спросил, очнувшись, это как у тебя дела. Твоя мама ухаживает за ним и каждую ночь молится, чтобы с тобой все было в порядке.

Так, значит, с мамой тоже все хорошо!

Тиру захотелось хорошенько лягнуть Ваира за вранье.

Нет, подумал он. Мне хочется... Ему хотелось совсем другого, взрослых поступков, жестоких поступков. Ему хотелось сделать с Ваиром такое, что эти желания ужаснули его самого.

Он уткнулся лицом в бок Ингольда и постарался больше об этом не думать, отвернуться от тех темных глубин, в которые смотрели те, что были до него.

Ингольд здесь. Все будет хорошо.

— Брикотис рассказала другим магам о... о том, как входить в Убежище, — сказал он наконец. — О том, как стать сердцем Убежища. Как отказаться от тела, от жизни. И тогда колдовство навеки свяжет Убежище с магией

земли и звезд. Еще какой-то маг хотел сделать это... Фьянин? Фья-кто-то. Но он умер, когда дарки напали на нас на том холме.

— Было очень много Убежищ, — продолжал Тир, глядя на лица окружавших его людей, людей, которых он любил — даже Потерявшего Путь, хоть он и испугался его сначала. — Магов столько не было, их убил плохой король. А некоторые маги сами были плохими. И они были нужны людям, чтобы сражаться с дарками. А вот Зэй отправился на север с... я думаю, что с Дейром из Ренвета... и с Фьянах, потому что Зэй был родом с Севера, из Дола Шилгай, тогда очень богатого. Это был его народ, а он был их защитником.

— И они покинули его, — пробормотал Ингольд. — Они оставили его одного.

Ледяной Сокол нахмурился.

— Он должен был понять, из-за чего.

— Должен? — Ингольд, широко открыв глаза, посмотрел на юношу. — Почему ты так говоришь? Если кто-то сделает тебе больно — сделает тебе очень больно — неужели ты станешь черпать утешение в понимании, что они поступили так, как считали правильным?

Ледяной Сокол вновь увидел глаза Голубой Девы там, у костра возле длинного дома. Иногда Мудрейшие бывают чертовски проницательными.

— И он оставался здесь, — произнес Ледяной Сокол. — Все это время. — В сознании всплыли размытые очертания, дрожащие ногти, злобное мерцание невидимых глаз. Он подумал о страшных, медленно растущих лианах, забивших комнаты и коридоры, о местах мертвенного холода. — Этот Далекий Переход, этот ваш Портал, его когда-нибудь использовали?

Ингольд покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Если и да, то это было очень давно. Об этом не оста-

лось никаких записей, даже в архивах Города Чародеев.

Он убрал оставшиеся картофельные лепешки в мешок и затолкал его в угол. Интересно, подумал Ледяной Сокол, Ингольд всегда больше походит на нищего, чем на чародея, только меч на поясе не вписывается в образ попрошайки. А здесь, в комнате, запечатанной Рунами Молчания, он и не был чародеем, просто очень крепким стариком.

Ингольд устроился поближе к костерку и протянул ладони над огнем.

— Я никогда не встречал упоминаний о нем на записывающих кристаллах, а ведь они появились задолго до прихода дарков. Я думаю, его создали маги тех времен, а потом решили, что это очень опасная вещь. Убежища безопасны только в том случае, если они неприступны. Только Врата, которые запираются и охраняются заклинаниями и самыми надежными стражами. И больше ничего, как я, к своему сожалению, понял за те ночи, что мне пришлось провести на склонах гор, воруя пищу у воинов Ваира, чтобы остаться в живых. Надо признать, очень хорошую еду, если знать, чью похлебку съесть. Один, правда, готовил очень вкусно, но потом мне становилось по-настоящему плохо.

— А-а, это не иначе, как мой кузен Аткум, — усмехнувшись, кивнула Хетья. — Они взяли его поваром — рабом, понятное дело. Кузен Аткум — один из учеников моей мамаши, хотя родился не магом. Он стал просто докой в травах и в целительных отварах. Я сильно удивлюсь, — небрежно добавила она, — если кто-нибудь из них останется жив к концу лета.

— Господи помилуй, — пробормотал встревоженный Ингольд.

— Вы вряд ли съели так много, чтобы это вам повредило, — пожала плечами Хе-

тья. — К тому времени, как в их организмах яду наберется достаточно, — он говорит, лучше всего подходят грибы с коричневыми шляпками, — он-то уж будет далеко отсюда. Они в общем-то сами напросились.

— Я думаю, да. — Ингольда передернуло. — Я, конечно, применю заклинания исцеления к самому себе, как только выйду из этой комнаты. Что касается Портала, это, скорее всего, был эксперимент, и его вообще никогда не использовали. Как бы там ни было, а все знания о нем утеряны на другом конце, в Ренвете. Может, это сделали намеренно, потому что арочные проходы в комнатах, где он находится, заложили кирпичами и оштукатурили. Только когда ты, Ледяной Сокол, прошел сквозь стену в комнату, в которой я медитировал, до меня дошло, каким образом следует изменить форму и назначение этого помещения.

— Мы можем вернуться туда?

— Можем, — помедлив, сказал Ингольд. — Но лучше всего, если мы сумеем это сделать, не указав Ваиру, где находится Портал. Я, конечно, здорово умею прятать свои следы, но магия не работает ни в самой комнате, ни в коридорах вокруг нее, и я не уверен, что четверо взрослых смогут пройти по этим коридорам, не оставив следов; а разобраться в них будет несложно. Именно этого он от тебя и хотел, Тир?

Мальчик кивнул.

— Я должен был сбежать от него, — сказал он. — Я не мог позволить ему — я никогда ему не позволю! Он — зло. Он хочет наделать еще солдат и взять их в Убежище...

— Из чего, скажи, пожалуйста? — презрительно спросила Хетья. — Из грибов?

— Народ Пустых Озер, — лаконично ответил Ледяной Сокол. Остальные ошеломленно посмотрели на него.

— Они идут сюда, две сотни человек, — сказал он. — Мне очень жаль. Я... — Он потряс головой, злясь на себя за то, что не сказал об этом раньше. Этот разговор исчез из его памяти так же, как исчез черный гребень на столе среди хрустальных иголок или сон о Бектисе, призывающем свет, уплыл в облаках смеха демонов и бесконечной боли. — Их ведет Сломанный Нос. После четвертого боя часов Бектис наложит чары на Хохлатую Цаплю — Приньяпоса, чтобы он завел их в ущелье во льдах, и там они погибнут под лавиной. Ваир воспользуется их плотью, как воспользовался плотью овец — так он сказал — чтобы сделать десять, или двенадцать, или двадцать воинов, хотя раньше он мог вытащить из своего железного чана не больше четырех.

— А уж когда у него будет столько воинов, чтобы помогать в поисках, — рассудительно добавил Ледяной Сокол, — хоть они и тупые, но это только вопрос времени, как скоро они обнаружат Портал, и помощь Тира ему не понадобится.

Хетья с осуждением сказала:

— Проклятье! — и пнула его по ноге.

— А где, — мягко спросил Ингольд, — Ваир хранит этот свой чан?

* * *

Когда до темной тройной комнаты рядом с Приделом осталось три коридора, Ингольд остановился и закрыл глаза, то ли мечтая, то ли медитируя, то ли делая еще что-то, что делают Мудрейшие.

Когда они повернули в последний коридор, часовые от двери уже ушли. Судя по грязным следам на полу, на этот раз их было не меньше двух.

Для Ваира не прошел даром урок с единственным часовым в этом коридоре. Ледяной

Сокол почувствовал укол зависти к людям, которым не нужно окунаться в обжигающую боль для того, чтобы отослать клонов или других охотников на диких гусей в самую дальнюю уборную Убежища, но он отогнал эту мысль, как несправедливую.

Ингольд платит за свое могущество другую цену.

Ледяной Сокол и Потерявший Путь почти не дышали, проходя по коридору. Ингольд отодвинул засов на двери. Чародей помедлил на пороге, как кот, не желающий входить в зачарованную комнату. Потом шагнул внутрь, двигаясь с такой осторожностью, что Ледяной Сокол забеспокоился. Того, что может напугать Ингольда Инглориона, следует любыми путями избегать.

Что бы это ни было, Потерявший Путь не чувствовал неладного. Не считая, разумеется, запаха крови от предыдущих *детхкен лорес*, который почти не ощущался в зловонии от трупов клонов. Ползучие растения успели перебраться через порог и превратились в коричневое месиво. Вождь пробормотал:

— П-ф-ф! Это очень плохая охота. Он будет делать воинов вот из этого?

— Да, из этой плоти. — Ингольд был зачарован. — Я читал старые отчеты об этой процедуре, хотя она была утеряна вместе с технологией аппарата. Это, — он поднял со стола хрустальные иголки и повернул их к колдовскому свету, плывшему у него над головой, — нужно воткнуть в нервные точки тела. Хрустальные — в голову и плечи, железные — в конечности, а золотые — в брюшную полость. — Он переходил от предмета к предмету, проводя пальцами по стеклу и железу арок, увенчивающих чан, и по стеклянным трубкам. — Энергия проходит по балдахину, только они установили его неправильно.

Вон те два кристалла в ногах должны быть с другой стороны этой сферы, как в равностороннем треугольнике. Когда это сделано, энергия выравнивается сама, а круг, начерченный вокруг всего сооружения, замыкает цепь и включает процесс. Хотел бы я знать, где Бектис узнал об этом?

— Наверное, там же, где он нашел эту штуку, которую носит на ладони, — ответил Ледяной Сокол. — Он называет ее Рукой Хариломна. Она дает ему могущество, которое старику и не снилось.

Ингольд, перегнувшийся через край чана, чтобы потрогать коричневатую пленку, которая словно всплывала из ртутного покрытия, поднял голову и нахмурил седые брови.

— Да, — сказал он, и в голосе его прозвучал затаенный гнев, — я знаю, на что способна эта Рука. И, возможно, это совсем не то, что думает Бектис.

Ледяной Сокол прислонился к косяку. Он чувствовал, что должен отдохнуть. Ноги болели до судорог. Это очень раздражало, и он считал, что это постыдная слабость.

— Мне кажется, вы сказали, что все эти Устройства из Былых Времен за пределами вашего понимания.

— Многие из них. Но Хариломна нельзя назвать магом Былых Времен, и он оставил записи о своей Руке — и об этом Устройстве, как выяснилось. Он очень хотел сделать еще одно такое же до того, как Совет Волшебников выгнал его с Запада. Могу себе представить, как мать твоей подружки Хетьи обнаружила незавершенную копию его работы — он называл это Котел Воинов — спрятанную в Убежище Прандхайза.

— Она не моя подружка, — с негодованием воскликнул Ледяной Сокол, но Ингольд уже опять повернулся к чану, изучая узор, образованный маленькими огоньками, которые,

как звездочки, светились в обшивке. Ледяной Сокол подошел к нему и увидел, что дно чана на дюйм покрыто коричневатой слизью. Он отшатнулся и подумал, что даже ради спасения своей души не смог бы прикоснуться к этому.

Это было зло, по сравнению с которым борьба за любовь и власть, месть, подделка жертвенных знаков казались проделками вздорного ребенка. Истинное зло, чудовищное и отвратительное, которое считалось только с собой.

— Что это старик делает? — Потерявший Путь кивнул на Ингольда, понизив голос, чтобы маг его не услышал. — Что он еще хочет знать, кроме того, что эту штуку нужно разрушить, пока Ваир снова ей не воспользовался?

Ингольд пошел дальше, прикасаясь ко всем трубкам и цилиндрам и оценивающе глядя на дверь комнаты. Хорошо его зная, Ледяной Сокол понял, что старый маг прикидывает, можно ли утащить отсюда весь аппарат или хотя бы его часть, можно ли перенести его неповрежденным в Убежище Дейра, а там изучить и спрятать.

Он быстро обошел чан и положил руку на запястье мага.

— Уничтожьте его, — сказал Ледяной Сокол.

Позднее он понял, что вина лежала на них обоих. Ингольд был виноват, потому что не сразу уничтожил аппарат — если это вообще было возможно, а сам он — потому, что отвлек мага, да еще ограничил его движения.

— Ты глупец, Инглорион! — прогремел голос от двери. — Десятки раз...

Если бы Ингольду не пришлось выдергивать свою руку из-под руки Ледяного Сокола, он бы успел поднять свой жезл и метнуть молнию немного быстрее. Но Бектис успел пригнуться, выскользнуть за дверь и захлопнуть ее. Ингольд метнул мощное заклятие, разрушив-

шее тяжелое дерево двери; Ледяной Сокол отошел от мага, и в этот же миг Потерявший Путь шагнул вперед. Молния, которую метнул в ответ Бектис, поразила сразу двоих.

Потерявший Путь пролетел над горой трупов и ударился о стену, задыхаясь от боли и ужаса. Ингольд пошатнулся и оперся на жезл, чтобы удержать равновесие. Бектис, стоя в дверях, прокричал властным голосом слова, которые Ледяной Сокол уже слышал. Придворный Маг поднял руку, и Ледяной Сокол увидел заключенный в золотую оболочку хрусталь Оружия Хариломна и вспышку холодного света.

Ингольд уклонился и пригнулся, подняв вверх руку. Вокруг него бушевал огонь, прожигая в черном каменном полу длинные борозды. Он что-то метнул — туча, темнота, запах пыли и крови — и почти ослепший Ледяной Сокол смутно разглядел, как движется свободная рука Бектиса, а из кончиков пальцев стелется пламя — это походило на то, как жонглер рисует лентой узор в воздухе.

Узоры рассыпались, ударяясь о черные стены комнаты, и обволакивали Ингольда... Маг вскочил на ноги, высоко подняв меч, и попытался достать Бектиса. Тут Ледяной Сокол понял, что именно делает Бектис, и в ужасе закричал:

— Не-е-ет!

Бектис повернулся, его мантия и борода развевались, как на ветру, и сильно ударил правой рукой, Рукой Хариломна, в самый центр получившегося на стене узора. Ингольд почти достал его, и в этот миг тонкие голубые молнии полетели с потолка, из стен, из каждого угла, пронзая тело мага, как иглами. Ингольд зашатался, упал, встал на ноги, попробовал шагнуть, но частицы чего-то, не бывшего ни светом, ни тьмой, казалось, отделялись от самого Убежища и окружали

его нимбом огня. Он снова упал, Бектис отдернул Руку от стены и протянул вперед другую, перечеркивая пламя, чтобы оно погасло.

Оно не погасло.

Молнии снова сверкнули, Ингольд распростерся на полу, перекатился на бок, стараясь встать на ноги с напряженным от потрясения и боли лицом.

Потерявший Путь, взревев от ярости, кинулся на Бектиса, и его пронзило темно-красное пламя, вылетевшее из хрустального наконечника на пальце Бектиса. Ледяной Сокол крался вдоль стены с обнаженным мечом в руке, ожидая удачного момента, чтобы ударить.

Ингольд снова попытался встать на ноги; казалось, что ореол из искр, сверкающих вокруг, пожирает его.

Бектис шагнул к Ингольду и выкрикнул:

— Прекрати это!

Молнии не прекращались. Вокруг Ингольда сгущались и колыхались бесформенные тени. Наверное, он произносил какие-то контрзаклинания — Ледяной Сокол видел, что его губы шевелятся. Он все пытался встать на ноги и собраться с силами. Вспышки света всякий раз отбрасывали его назад, все ближе к дальней стене, Бектис все приближался... И вдруг руки Придворного Мага неуверенно задрожали, а Рука Хариломна покрылась трещинами, как стекло, которое нагрели и резко охладили, хрусталь затуманился — и умер.

Темные глаза Бектиса наполнились ужасом.

— Прекрати это! — истерически закричал он, обращаясь к стенам, потолку, ко всему злобному Убежищу, которое, казалось, наступало на него со всех сторон. Комната стала походить на центр убийственного урагана. — Прекрати это! Я приказываю!!!

Тьма поднялась от дальней стены комнаты, поглощая колдовской свет Придворного Мага, поглощая сверкание молний, все еще бушевавших вокруг пятящегося назад Ингольда. Ледяной Сокол видел лицо Ингольда, пот, заливший лоб, широко открытые отчаянные глаза, видел, как шевелятся его губы, читающие контрзаклинания, видел, как он из последних сил удерживает молнии на расстоянии от себя. Вокруг него бушевал вихрь полос, струй и молний багрянистого псевдосвета, оставляя черные ожоги там, где он касался Ингольда. Комнату наполнял холод, накатываясь волнами из тьмы.

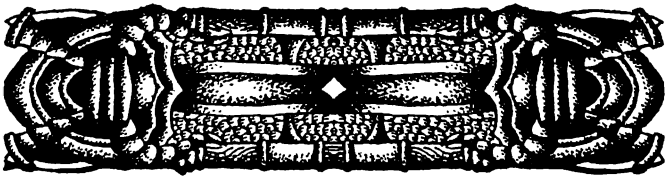
А потом послышался голос. Голос смеялся сухим, старческим смехом, наполняя комнату злобным ликованием.

— Прекрати это! — почти визжал Бектис. Он широко взмахнул руками, и с пальцев посыпались обломки сгоревшего хрусталя в пятнах крови.

Потерявший Путь с трудом поднялся на ноги и сделал шаг к Ингольду, но Ледяной Сокол схватил его за руку и оттащил к двери, за спину Бектиса. Последняя молния ударила Ингольда в грудь. Он отшатнулся назад и упал туда, где должна была быть стена. Но стена исчезла. Ингольд упал в поглотившую его тьму, и его не стало.

Пурпурные нити молний еще метались по потолку, по стенам, по железным краям чана, теперь безопасные и холодные, как отголосок того сухого смеха.

Ледяной Сокол еще крепче вцепился в руку Потерявшего Путь, и они бросились бежать.

Глава девятнадцатая

В убежище ожило.

Синие фосфорные червячки ползли по потолкам и исчезали в стенах. Где-то вдалеке слышалось постукивание — кто-то барабанил по черным стенам.

Одна из стен в комнате Молчания вдруг начала сочиться кровью — сначала жидкость в тусклом свете маленького костерка казалась черной, но Хетья потрогала ее и у костра разглядела, что она красная.

— Фу! — сказала Хетья и быстро вытерла пальцы, но Тир уже увидел.

Всюду раздавался шепот. Шептали имена — Тир решил, что это имена тех, кто покинул Убежище.

Имена тех, кто ушел. Иногда раздавался свист — все та же печальная мелодия.

А иногда наступала тишина — и эта тишина была хуже, чем все остальное.

Им казалось, что в этой тишине они видят насмешливо поднятую бровь и влажный серебристый глаз.

Хетья резко вскинула голову, схватила один из оставленных мечей и подошла к двери.

Некоторое время она прислушивалась.

Пламя костерка отбрасывало медные блики на ее кудри и играло на лезвии меча.

— Куда они пропали?

Тир услышал, как где-то далеко поет труба.

* * *

— Он сделал это, — выпалил Потерявший Путь, — чтобы завершить охоту.

Ледяной Сокол, пытавшийся воспламенить смоченный маслом конец лучины, которую извлек из своего огневого кошеля, пробормотал:

— Охота далеко не завершена. — К его великому негодованию, руки его дрожали, и он не мог остановить дрожь. Даже эта короткая пробежка сквозь тьму измотала его, а то, что в любой момент могут появиться враги, которых вокруг полно, сделало его раздражительным. — Лично я не советовал бы тебе держать пари на то, что Ингольд мертв.

— Жив или мертв, нам от него мало толку. — Потерявший Путь откинул назад золотистую гриву — косички давно расплелись, волосы покрылись запекшейся кровью, но все равно блестели. — Неужели этот шаман Бектис сумел повернуть против нас стены?

Ледяной Сокол помотал головой.

— Рука Хариломна — хрустальная рука, которая рассыпалась на кусочки — делала его сильнее, чем он есть, усиливала могущество. Но он идиот, он призвал и сделал могущественнее Праотца Шаманов, Зэя, который пожертвовал собой и стал ки этого места. А теперь, когда он вернул Зэя к жизни, он не сможет отправить его обратно.

В коридоре мелькали огоньки, бледные лиловые огоньки, исчезавшие в джунглях мертвых лиан и грибов. Возможно, это им только казалось в неверном свете зажженной, наконец, лучины, но Ледяной Сокол готов был поклясться, что лианы двигались.

Потерявший Путь сказал слово, общее для всех обитателей Истинного Мира, которое означало «стань с подветренной стороны от мамонтов.»

Ледяной Сокол осмотрелся и сказал:

— Мальчик должен знать, куда его забрала эта темная бездна.

— И что? — возмущенно спросил вождь. — Они скоро отправят свою приманку. Без вашего шамана...

В Приделе запела труба. Властный сигнал, призыв, который Ледяной Сокол уже слышал семь лет назад, когда армии Юга стояли под стенами Убежища Дейра.

— Это общий сбор.

— Это? — Потерявший Путь говорил уже спокойнее. — Только дураки собирают своих так, что их может услышать кто угодно.

— Допустим, они дураки, — примирительно сказал Ледяной Сокол. — Но каких врагов они должны здесь бояться?

Синие глаза сузились, превратившись в глаза дикого зверя.

— Нас, — прошептал он. — О враг мой, они должны бояться нас.

Осторожно выбирая путь, чтобы не оставлять следов, Ледяной Сокол и Потерявший Путь отыскали ведущую на второй уровень лестницу, на которой не должны были встретить воинов Ваира. Большинство солдат уже собрались в Приделе, когда оба врага проскользнули в комнату с окном.

Погасив факел и оставив гореть только запальный фитиль, прижимаясь к стене, они добрались до окна и увидели внизу толпу, собравшуюся прямо под ними. На лысых макушках клонов играл свет факелов. Клоны старались держаться поближе друг к другу: братья искали утешение друг в друге, не сознавая причин. Двенадцать, или шестнадцать, даже восемнадцать вместе, все тупо смотрели перед собой. Ледяной Сокол посчитал все головы — белые, черные, ры-

жие волосы, собранные в пучки или свободно лежавшие на плечах. Люди двигались резко, но говорили вполголоса, то и дело оглядываясь на темные Врата, на клепсидру, на буйство растений в дальнем конце Придела.

Один из них говорил с Ваиром, достаточно громко, чтобы невидимые им наблюдатели наверху услышали его.

— Их вели демоны, — сказал он и показал на двух клонов, стоявших рядом и глупо смотревших вокруг. Братья-клоны, подумал Ледяной Сокол, белые из Алкетча. Светлая кожа вся в царапинах и ссадинах из-за колючек в лианах. — Кружный путь долгий, господин мой. — Он кивнул в сторону бесцветной путаницы растений. Ледяной Сокол многого не понимал, но жесты были очень красноречивы. — А вот вокруг того места растений вообще нет. — Хи эккорги: то самое место. Кроме того, Ледяной Сокол узнал слово «растения». — Господин Бектис описал его совершенно точно: четыре комнаты, переходящие из одной в другую, и хрустальные колонны, подпирающие арки. — Движения рукой — один, два, три, четыре — помогали безошибочно понять сказанное.

— Они нашли его, — прошептал Ледяной Сокол, и сердце его сжалось от зловещего предчувствия. — Портал, который Ваир искал. Путь, ведущий отсюда прямо в Убежище Дейра.

— Откуда ты знаешь?

Ледяной Сокол помотал головой. Ваир как раз обращался к Бектису.

— Далеко ли варвары от ущелья?

— В магическом кристалле я видел, мой господин, что они быстро приближаются, — Бектис выглядел прекрасно, несмотря на схватку с Ингольдом: длинные волосы аккуратно расчесаны и волнами ниспадают на плечи, борода

походит на снежную завесу. Однако правую руку он прятал в горностаевую муфту.

— Приньяпос может выйти к ним? — Ваир тоже тревожно взглядывал на черные Врата, как человек, каждую минуту ожидающий нападения. — Раз уж Инглорион знает о том, что мы здесь, неважно, добрался он сюда с помощью Портала или шел за тобой по горам, можно быть уверенным, что он сообщит об этом Владычице Убежища.

— Господин мой, я уже говорил, что его можно больше не опасаться. Я поразил его, скорее всего, насмерть.

— Это ты так сказал. — Ваир перевел взгляд на колдуна, и холод в глазах ощутил даже Ледяной Сокол со своего наблюдательного пункта. — А еще ты говорил, что тебя никто не преследовал. Ты сказал, что Инглорион в Гае.

— Он был там, господин мой. Я могу в этом поклясться.

— Значит, он догнал тебя, Бектис, причем с завидной скоростью. Возможно, он оказался здесь даже раньше, чем мы. В любом случае времени на проволочки у нас нет.

— Как скажете, мой господин. — Бектис умудрился сделать жест повиновения, не вынимая руку из муфты.

— Лучше всего, — сказал Ваир, — если мы решим этот вопрос без задержек. Приньяпос готов?

Бектис улыбнулся, в глазах его промелькнуло торжествующее самодовольство.

— Я думаю, — промурлыкал он, — что господин останется доволен моей работой.

Он поднял руку, и в комнату вступила изящная фигурка. Дверь находилась прямо под окном, поэтому Ледяной Сокол и Потерявший Путь увидели лазутчика только тогда, когда он

подошел вплотную к Бектису. Потерявший Путь судорожно дернулся и ахнул.

Это была Близняшка.

Близняшка, именно такая, какой она была, отправляясь на сражение у Бизоньего Холма и ожидая легкого похода. Близняшка со своими тремя огненно-рыжими толстенными косами, выпущенными из-под куртки; ее овальное лицо, изрезанное шрамами, похудело от лишений и было слегка тронуто загаром. Ледяной Сокол почувствовал рядом с собой какое-то движение и краем глаза заметил, что Потерявший Путь сунул руку под куртку, чтобы схватиться за кошель духов, висевший у него на шее.

— Мне показалось, ты сказал, что Бектис потерял большую часть своего могущества.

— Он навел эти чары раньше, чтобы показать Ваиру и заслужить его похвалу, — прошептал Ледяной Сокол. — А чтобы обновить их, много могущества не требуется. Все равно что засыпанный пеплом уголь — стоит на него подуть, и он разгорается.

— Вы должны согласиться, мой господин, что это совсем неплохо.

Близняшка что-то сказала Ваиру дразнящим голоском, словно заигрывая с ним, и на его темном лице появилась похотливая улыбка. Ледяной Сокол не понял слов, но интонации были точно как у уличной женщины, подтрунивающей над клиентом, и Потерявший Путь затрясся от гнева.

— Она прямо просится в койку, — проурчал Ваир и потрепал Близняшку-Приньяпоса по щеке. Поддельная женщина жеманно улыбнулась и похлопала ресницами. Мужчины, стоявшие вокруг, заулюлюкали и захохотали. — Наверняка, — с ухмылкой добавил Ваир, — она занималась этим и раньше.

— Гиена. — Потерявший Путь говорил

очень тихо, но его ярость все равно прорывалась наружу. — Подонок.

— Она мертва. — Ледяной Сокол отвернулся, ему не хотелось смотреть в лицо своему врагу. — Он не может ее обесчестить.

— Все равно, — выдохнул Потерявший Путь. — Все равно.

— Ты пойдешь с Приньяпосом, — продолжал Ваир, обращаясь к Бектису. — Оставаясь на безопасном от него расстоянии, ты сможешь поддерживать эти чары. Монгрет, Гом, Туувес... — Началась суета, и один из названных выступил вперед, но Гом и Туувес были клонами, так что протиснуться к Ваиру стремилась еще дюжина воинов. Ваир схватил по одному из них, нетерпеливым жестом приказав остальным отойти, словно они были попрошайками, надоедающими ему на улице.

— Мой господин, — осторожно начал Бектис, — вы знаете, что мои чары сильны. Засыпать ущелье я с легкостью могу и отсюда, стены мне не помеха. Могу ли я напомнить моему господину, что чародей Ингольд еще где-то здесь?

— Мне казалось, что ты убил его, Бектис. — Золотые глаза пронзали Бектиса насквозь. — О да, я знаю, насколько сильны твои чары. Когда лавина обрушится и варвары погибнут, ты вернешься и сообщишь мне об этом. Тогда я отправлю вам на подмогу больше людей, чтобы расчистить завал. Я не сомневаюсь, что ты найдешь способ задержать варваров на столько времени, сколько понадобится, пока все не завершится.

— Мой господин, — сухо сказал Бектис, — первая шайка еще не вернулась.

— Отлично. — Ваир скрестил руки на груди, как всегда спрятав крюк под плащ. — Надеюсь, я не должен тебе напоминать о возможной судьбе мага, который с помощью заклинаний,

запрещенных как другими волшебниками, так и Церковью, повлиял на избрание епископа Алкетча, — если этот маг лишится покровителя?

Губы Бектиса плотно сжались, в темных глазах вспыхнули страх и ненависть.

— Нет нужды напоминать мне об этом, мой господин. Мне тоже нет нужды напоминать, что права и законность зависят не от того, что человек совершил, а от того, сумеет ли он удержать власть.

Ваир улыбнулся.

— Молодец. Но все же, если ты по рассеянности забудешь, я напомню. Будь готов к выходу со следующим боем часов.

Ледяной Сокол и Потерявший Путь смотрели, как делались последние приготовления, как четверо встали на страже у Врат, а остальные были отправлены на дальнейшие поиски Тира. Ледяной Сокол уловил слово, обозначающее желтый жасмин, сильнодействующий яд. Его часто использовали, чтобы лишить магов могущества, и он понял, что намеченной жертвой был Ингольд. Старик уже пострадал от гнева и магии Убежища Тени. «Джил-Шалос убьет меня, — подумал он, — если я допущу, чтобы ему нанесли еще какой-нибудь вред».

Потерявший Путь тихонько спросил:

— Сколько зла может теперь причинить Бектис?

— То, что он остался без Магической Руки, не значит, что у него не осталось могущества, — отозвался Ледяной Сокол. — Моя сестра говорила, что существуют травы, которые Мудрейшие иногда жуют, если им нужно усилить свою мощь или восстановить силы после сильного напряжения, хотя это дорого обходится им потом. — Он задумчиво смотрел, как седовласый Мудрейший идет к ближайшей лестнице. — Я знаю Бек-

тиса много лет, этот человек никогда не отправится в путь без такого подспорья. Он мог использовать их, чтобы обновить чары на Приньяпосе, Хохлатой Цапле. В любом случае, в этих местах обычный человек может устроить обвал так же легко, как и волшебник.

Вождь пожевал кончики усов, глядя в окно, как люди исчезают в лабиринте коридоров, унося с собой факелы. Один воин остановился на мостике над заросшим поганками ручейком и наклонился, чтобы поднять что-то. Ледяной Сокол увидел, что на мостике стоит чашка — одно из тех странных событий, которые, как и постукивание, являлись признаками растущей мощи безумного призрака во тьме.

Наконец Потерявший Путь вздохнул:

— Все равно. Враг мой, проследи, чтобы мальчик спрятался в надежном месте, и приведи сюда Хетью, как только услышишь следующий бой часов. Скажи, чтобы она вооружилась.

Ледяной Сокол изумленно поднял брови.

— Если ты думаешь, что мы втроем сумеем победить четырех воинов на виду у всего Придела...

— Просто приведи ее.

В голосе Потерявшего Путь прозвучала нотка, заставившая Ледяного Сокола повернуться и посмотреть вождю в глаза — покорные, печальные и несчастные. Ледяной Сокол помолчал, потому что ему нечего было сказать своему врагу, который не был ему ни соплеменником, ни родичем, он даже не мог задать ему вопрос, потому что Потерявший Путь не ответит. Поэтому Ледяной Сокол только спросил:

— Свет тебе потребуется? — и, когда Потерявший Путь кивнул, он выскользнул в коридор и через два поворота обнаружил факел, который и принес вождю.

Потом Ледяной Сокол неслышно пошел по бесконечным переходам, дважды заблудился, много раз вынужден был идти в обход, чтобы не оставлять следов на растениях или на покрытом льдом полу, пока не добрался до потайной лестницы, ведущей в комнату Молчания.

Приньяпосу нужен час, чтобы дойти до Народа Пустых Озер, думал он. Еще час, а то и два, чтобы убедить их в правдивости своих слов и объяснить, каким образом она, Близняшка, оказалась в этом месте. Только Звезды знают, как он собирается это сделать. Сломанный Нос был опытным воином и недоверчивым человеком: Ледяной Сокол не меньше дюжины раз сражался с ним в мелких стычках и в настоящих боях. Он будет долго принюхиваться к ловушке, прежде чем шагнуть в нее.

Но шаман Народа Пустых Озер давно умер. Волчьи штаны и куртка, в которых появится фальшивая Близняшка — это та самая одежда, в которой она отправилась искать свою смерть. Бектис был очень внимательным человеком. Волосы ее того же оттенка: как трава на южном склоне Кривых Холмов, и в них вплетены кости рук того самого человека, который когда-то украл ее коней на высохшем сорокамильном участке между Сердитым Ручьем и Местом, Где Ловят Лосося.

Приньяпос заговорит голосом Близняшки. Даже ее мать поверит.

Особенно мать.

Ледяной Сокол ускорил шаг. Теперь ему все время казалось, что за ним наблюдают. В одном из коридоров он заметил, что из сосулек сочится кровь.

Интересно, что Приньяпос им скажет, думал он. Убежище похоронено под слоем льда толщиной не менее полумили. Народ Пустых Озер шел по следам большого отряда, привлечен-

ный слухами о южном оружии из закаленной стали. Может, он скажет, «там подо льдом огромное здание, целый город грязекопателей, где у них сложено оружие под охраной довольно слабых часовых»?

Найти подходящее для ловушки ущелье нетрудно. Их вокруг множество, они только и ждут, чтобы неосторожная нога ступила на тонкий лед. Он здорово удивился, что Голубая Дева попалась на приманку — мираж мамонта. С другой стороны, он и сам иногда бывал настолько голодным, что охотился на мнимых леммингов.

Два поворота налево в вязкой тьме, знакомый узор лишайников и плесени на стене. Иней — свернуть в сторону. Игра теней скрывает дверь; теперь наверх по бесконечным ступенькам винтовой лестницы, запах пыли и гниющих растений все сильнее, как жар от нагревающейся печи.

Синий блуждающий огонь обозначил дверь и поворот, а потом исчез. Прямо у него над головой раздался вой разъяренной пумы, и что-то, похожее на когти, вцепилось ему в лицо. Ледяной Сокол ударил мечом, стараясь не повредить лезвие о стены...

Конечно, ничего не было.

Но пума снова зарычала, и когти рванули рукав. Он дернулся, почувствовал, как из руки потекла горячая кровь — но рукав оказался целым, как и рука. Это не просто чары, думал он, заставив себя идти дальше, это сделано сознательно, чтобы я побежал и заблудился в лабиринтах. Могущество демонов тоже возрастает от магии Убежища.

Существо выло прямо ему в ухо еще дюжину ярдов, потом отстало. Он услышал этот вой уже в отдалении, потом пронзительно закричал человек; топот бегущих ног...

Болван!

— Что случилось? — выдохнула Хетья, когда он вошел в комнату Молчания. Он провел рукой по лицу и увидел, что пальцы окровавлены.

— Демоны. Тир, Хетья должна мне помочь. Воины Ваира охотятся на Ингольда по всему этому уровню. — Сказать мальчику, что Ваир нашел Портал, можно и потом. — Где-нибудь есть более надежное место, в котором ты можешь спрятаться?

Тир кивнул.

— Над этой комнатой есть еще одна, на четвертом уровне. Дверь увидеть нельзя, нужно считать шаги. Пятнадцать от последнего поворота перед стеной. Изнутри дверь тоже не видно.

— Но с тобой там все будет в порядке? — обеспокоенно спросила Хетья, словно, подумал Ледяной Сокол, Тир не обдумал этого, прежде чем заговорил.

Мальчик снова кивнул.

— Все будет хорошо.

— Ты не будешь бояться?

— Нет.

— Как по-твоему, что мальчик должен был сказать? — зашипел Ледяной Сокол, когда они пошли вверх по каменной лестнице на следующий уровень. — Да, мне будет ужасно страшно? Конечно, он будет бояться. — Он внимательно смотрел, как Тир отсчитывает шаги и толкает черную стену. Стена не поддалась. Ледяной Сокол сделал четырнадцать больших шагов и толкнул стену. Тьма окутала руку точно так же, как раньше — тело Ингольда; увидеть что-нибудь в тусклом свете лампы было почти невозможно. Ледяной Сокол шагнул в удушливую черноту, потом быстро вышел и позвал остальных. Хетья высоко подняла лампу. Со стены в резервуар стекала струйка воды. Кран, из которого вода вытекала, зарос лишайником, плесенью и

вездесущим виноградом. Вся комната была забита жесткими листьями. Ледяной Сокол поднял меч и обрубил лианы и скопления поганок, потом обошел комнату, очищая место для костерка. Он очень устал. В прошлый раз ему стало плохо от еды, но сейчас он очень хотел есть. Все его мышцы болели, и он страшно замерз. Косички, за которые дергали демоны, расплелись, растрепанные волосы лезли в глаза всякий раз, как он поворачивал голову.

Он развел костерок и положил две высохшие толстенные лианы, чтобы обозначить дверь изнутри.

— Мы скоро вернемся, — сказал он.

Тир выглядел очень маленьким и очень худеньким.

— Я не боюсь.

Ледяной Сокол зажег факел из стебля винограда.

— Наверное, ты единственный в этом Убежище, кто так говорит. Поспи, если сможешь.

«Хотя, — подумал он, — сны в этом месте — это не то, что я пожелал бы увидеть своему другу или сыну своего друга».

— Они нашли Портал, — сказал он Хетье, когда они спустились по лестнице. — Потерявший Путь говорит, что у него есть план, как не дать Ваиру сделать новых людей.

В коридорах второго уровня на четвереньках полз клон, во всю глотку выкрикивая имена. Рядом с ними раздались призрачные шаги, потом призрак помчался куда-то, словно в панике. Ледяному Соколу показалось, что он слышит чье-то дыхание.

Убежище ожило.

— Никогда не думала, что это будет вот так, — прошептала Хетья, торопливо шагавшая рядом с ним. — Никогда.

25*

— А как, ты думала, это будет?

— Да как дома. — Хетья потрясла головой. — Только затхлое и пустое. Не знаю, был ли ты когда-нибудь в Убежище Прандхайза, мой долговязый дружок, но это чистый муравейник, в сто раз хуже, чем Ренвет. По крайней мере, хуже того, что я видела в Ренвете. Навряд ли я дождусь, чтоб меня пригласили там пожить, когда все кончится, да и винить их не за что. Моя мамаша...

Она замолчала и затаила дыхание. Ледяной Сокол взял ее за руку и оттащил назад. Что-то двигалось по коридору им навстречу, рядом с прямоугольником колеблющегося света, за которым начинался Придел. Держа меч в руке, Ледяной Сокол быстро оглядел стены в поисках двери, за которую можно спрятаться.

Чей-то голос прошептал:

— Ледяной Сокол.

Потерявший Путь. Он почувствовал, как Хетья набрала воздуха, чтобы ответить, и сильно стиснул ее руку.

Из другой тени тот же голос выдохнул:

— Все в порядке.

И это был голос Потерявшего Путь.

— Слушай, парень, у нас нет времени! — Голос, точно такой же, как и первые два — раздался из третьего угла, и Хетья с Ледяным Соколом разом шагнули вперед, оказавшись в отражении факельного света из Придела. Ледяного Сокола охватил холод, как приступ смертельной болезни.

Он заставил себя сделать ещё шаг вперед и сказал:

— Я здесь.

Рядом с ним Хетья прошептала:

— Господи милостивый на Небесах! — и сделала знак, отгоняющий зло.

Но зло появилось — и исчезло.

Их было четверо. Их. Четверо.

Нет. Враг мой, нет.

Все четверо Потерявших Путь снова были с зубами, ни у одного не было синяков от побоев Ваира. Они выглядели немного по-другому, без волос и бород, широкие лица моложе... Интересно, неожиданно подумал Ледяной Сокол, а шрам, который я подарил ему на Месте Сахарных Кленов, тоже исчез?

В памяти всплыли слова Тира: «они туда вставляли иголки...» И слова Ингольда: «энергия выравнивается сама...»

Кто знает, что он успел понять, глядя в той комнате на Бектиса, пока Хетья не освободила его, о чем из увиденного успел ему поведать Тир?..

Его народ заманивают в смертельную ловушку, его дочь обесчестили чарами Бектиса...

О враг мой, нет.

Они разделили между собой его одежду, как делают сыновья умершего отца. На одном были его башмаки, на другом — рубашка из волчьей шкуры, еще на одном — штаны, все остальное они выбрали среди одежды, снятой с трупов и валявшейся в комнате с чаном. У одного были приторочены к поясу все четыре кошеля духов.

Все четверо были вооружены.

Хетья смотрела на них широко распахнутыми глазами, полными слез.

— О друг мой, — мягко сказала она.

Потерявший Путь — один из Потерявших Путь — покачал головой:

— Женщина, у нас нет друзей среди людей Истинного Мира, наши друзья — только наши соплеменники. — Он говорил медленно, с трудом подбирая слова, потому что разум его тоже был поделен на четверых, а голос звучал так печально... — Вот это мой враг, — и он поло-

жил тяжелую руку на плечи Ледяного Сокола, а потом крепко обнял его. — Он дорог мне, как собственный сын, но он мой враг. Мое племя убьет его в тот самый миг, как увидит его.

Они вытянули свои мечи.

— Дело сделано, — сказал он. — Ваир и его воины скоро будут в Приделе. И... — Он нахмурился, ловя ускользающую мысль. Другой из них сказал:

— Говорящие со Звездами... Говорящие со Звездами тоже вернутся.

— А-а. — Он кивнул. — Да. Они преследуют мамонта, которого нет. — Он улыбнулся, и в его синих глазах мелькнуло что-то от прежнего Потерявшего Путь. — Пошли, враг мой.

Ледяной Сокол и Хетья натянули пониже капюшоны, чтобы, когда они вшестером — четыре клона и двое, у которых на башмаки намотаны кожаные полоски — будут пересекать Придел, ни один из четырех клонов у Врат ничего не заподозрил. Впрочем, они в любом случае ничего бы не заподозрили.

Бой у Врат был коротким. В Приделе находились и другие алкетчцы, но Придел велик, и в полутьме они не сразу поняли, что происходит. А когда поняли, Ледяной Сокол и Потерявшие Путь уже распахнули Врата.

На них навалились сзади. Ледяной Сокол повернулся, разя во все стороны, тело его выполняло привычные движения, вбитые в него бесконечными тренировками с Гнифтом-фехтовальщиком, а до него — с Полднем и другими воинами из клана Говорящих со Звездами: сделай ложный выпад, уклонись, качнись, ударь, наклонись, используй свои длинные ноги, чтобы пнуть противника — и он упадет, режь кинжалом в левой руке...

Потерявший Путь застонал в агонии, когда меч вошел ему под ключицу; Ледяной

Сокол ощутил укол сожаления, увидев, что жизнь исчезает из этих синих глаз. В этот же миг Потерявший Путь повернулся в длинном черном туннеле Врат, и вокруг заклубился холодный воздух, потому что наружные Врата тоже распахнулись. Потерявший Путь перерезал глотку алкетчца, тут же повернулся, сорвал с пояса кошель духов Близняшки и швырнул его в темный туннель между дверей.

Потерявший Путь у наружных Врат поймал его, сунул за пояс и скрылся в туннеле в тот самый миг, как Потерявшему Путь, который его бросил — человеку, родившемуся из колдовства и боли, но все равно человеку — всадили между лопаток боевой алкетчский топор, потому что он отвел взгляд от противников, чтобы сделать бросок. Секундой позже Ледяной Сокол вспорол брюхо тому, кто его убил, но было уже поздно. Потерявший Путь рухнул у внутренних Врат, тело его содрогалось. За миг до того, как сознание покинуло его, в глазах вспыхнуло понимание — он увидел, что Ледяной Сокол, Хетья и Потерявший Путь воспользовались тем, что остальные алкетчцы еще в тридцати футах от них, повернулись и побежали обратно, в потайные залы.

Потерявший Путь, военный вождь Народа Пустых Земель, еще раз попытался подняться на ступеньки Убежища, хватая воздух открытым ртом, и умер — один.

— Этот кошель духов... кошель духов разрушит чары... — Торопясь вслед за Ледяным Соколом и Хетьей, спотыкаясь на бегу, Потерявший Путь с трудом подбирал нужные слова... Он старательно запомнил эту мысль, но уже почти не понимал ее. — Чары Бектиса, чары, которые заставляют Сломанного Носа и других верить, что Приньяпос — это Близняшка, исчезнут в присутствии ее души, ее духа, который все-

гда остается в кошеле духов. Если он сможет добраться до них...

Он повернулся и посмотрел назад, хотя Придела не было видно за черными стенами в бесконечной ночи, уже окружившей всех троих. Там, где они бежали, все густо заросло лианами, высохшие виноградные лозы хрустели под ногами, растения шелестели, потому что в них сновали демоны, а на листьях виднелись капли чего-то, очень похожего на кровь.

— Он доберется, — заверил его Ледяной Сокол. — Он так же силен, как и ты, враг мой, и слишком глуп, так что никогда не знает, что пора остановиться. Он доберется до них.

— Тебе было больно, — тихо спросила Хетья, — когда умирали те двое? Твои... твои другие «я»?

Какой дурацкий вопрос, подумал Ледяной Сокол, ведь они были каждый сам по себе, но Потерявший Путь сказал:

— Я почувствовал это. Я... это одиночество. Я думаю, это даже хуже, чем смерть Близняшки — или смерть ее сестры; она умерла еще во младенчестве.

Он посмотрел на Хетью сверху вниз, большой великодушный человек, немножко странный, особенно сейчас — лысый и лишенный своего былого разума. Но душа его осталась величественной.

— Я чувствую... пустоту. Провал. Как будто не осталось никакой надежды вновь стать целым. Но эта надежда исчезла, еще когда я... когда я забрался в этот чан.

— Ты это помнишь?

Свет лампы мерцал на сверкающем льду. Ледяной Сокол, шедший впереди, свернул за угол — он считал двери и повороты. Его заполнило смятение — ужас и сожаление, то, чего он не должен был испытывать, ведь Потерявший

Путь в первую очередь был его врагом. Но он не мог выкинуть из памяти сон клона о его муках, единственное воспоминание этого существа.

В темноте раздался грохот обутых ног, мужские голоса, приглушенные расстоянием, потом кто-то закричал — и крик резко оборвался. Раздался тихий смешок, больше похожий на дуновение ветра, почти неслышный.

— Не совсем. Просто... ну, как меня били в детстве. Я не... — Потерявший Путь повернулся, держа в руке меч, и прислушался, но только тишина дышала из левого коридора, только сталактиты и сосульки виднелись справа. — Я не помню. С тобой все в порядке, друг мой?

Ледяной Сокол открыл было рот, чтобы с негодованием отвергнуть возможность дружбы с кем бы то ни было из Народа Пустых Озер, но вместо этого сказал:

— Все нормально. — Куртка его была разрезана, но толстая шкура мамонта защитила его. Лицо дико болело от когтей демонов, и он промерз до костей.

— Что теперь? — спросила Хетья, когда они поднялись по последней длинной лестнице.

— Портал наверняка охраняют, — отозвался Ледяной Сокол. — В той комнате никакое колдовство не работает, так что даже если Бектис вернется, вам нечего бояться. Его создали так, что один человек может защитить вход от целого войска, прибывающего этим Порталом. Правда, подобной обороны в Убежище Дейра давно не существует из-за этих идиотских прачечных. Но есть и другой выход. Может, Ваир уже и отправил людей на ту сторону, но если нам немного повезет, никто из них не поймет, что Потерявший Путь — вовсе не алкетчский клон, пока не будет слишком поздно.

Потерявший Путь осклабился.

— Вот это, — сказал он, — очень хорошая охота. Мне и моему другому «я» придется потрудиться, чтобы сосчитать, сколько врагов мы убьем, — сказал он Хетье. — Конечно, мне придется убивать много, но войско, нападающее на меня, проходя в одну дверь... Ого!

— И правда, — сказала Хетья, — тут тебе нечего бояться. А вот как ты попадешь туда, дружок?

— Похоже, что кому-то из нас надо срочно искать Ингольда, — отозвался Ледяной Сокол. — Наверняка он сообщил в Убежище Дейра, что затеял Ваир, так что если самое худшее и произойдет, они не будут захвачены врасплох, но без Ингольда мы не сумеем предупредить их о том, что Ваир уже нашел Портал. Тир должен припомнить что-нибудь о том, где может оказаться Ингольд; какое-нибудь потайное место в этом Убежище.

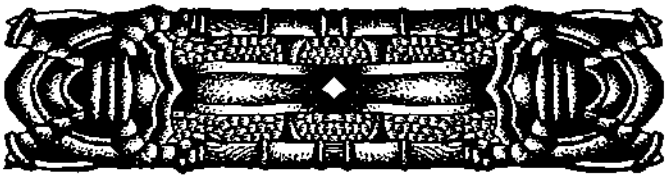
Они дошли до последнего поворота. Вокруг была только темнота, и она чего-то ждала. Ледяной Сокол опять услышал, как Зэй насвистывает свою сводящую с ума, призрачную мелодию. Прямо на полу лежали драгоценности — диадема и кольца с бледно-зелеными драгоценными камнями, ярко блестевшими на белом льду. Чьи?

Ледяной Сокол обошел их, отсчитал четырнадцать шагов и толкнул стену.

— Мы пришли, парень. Мы отправили гонца к Народу Пустых Озер. Теперь нам нужно...

Он вошел в маленькую комнату и остановился.

Тир исчез.

Глава двадцатая

Тир ждал долго.

Он слышал доносившиеся издалека крики и призрачный бой часов. Это не пугало его так, как пугал шепот, бесконечно перечислявший в темноте имена людей, чьи лица Тир помнил, хотя никогда их не встречал. Голос был тихий, но звучал он прямо в комнате, подобно скребущейся в углу крысе.

Иногда голос обращался прямо к нему. Он говорил, что Ваир сделает с ним, когда поймает. Говорил, что мать будет бить его за глупость, когда он вернется в Убежище. Говорил, что Ледяной Сокол и Хетья уже мертвы.

Это было наваждение, Тир все понимал и старался не обращать внимания, но время шло, и, может, это правда? Ваир ходит где-то рядом; и образ тела Ледяного Сокола, холодного и неподвижного, каким он был, когда Хетья и Потерявший Путь принесли его, не исчезал из памяти. Тир любил Хетью, и раз его лишили всех, кого он любил, почему она должна быть исключением?

Забавно, но он точно знал, где сейчас Ингольд. Он не знал, помнит ли он это или ему сказало Убежище, но он знал, где Ингольд и как туда попасть. После Ренвета в Убежище Тени было очень легко ориентироваться, мешали только растения.

В общем, он знал, что это за место и очень не хотел туда идти.

Ледяной Сокол сказал ему: «Жди».

Тир попил воды и продолжал ждать, стараясь не слушать голос.

Но с комнатой что-то было не так. Она стала меньше, чем была несколько минут — а сколько именно минут? — назад. Плесень на стене, лишайники на потолке будто бы стали толще, и Тиру казалось, что они начали слегка пульсировать. И еще что-то невидимое шевелилось в углах.

В Убежище есть еще одно место, более безопасное.

Безопасность навечно, и оттуда ему уже никогда не придется выходить. Ветер, солнечный свет, воздух навеки переплетены в его сознании с крюком Ваира, с голосом Ваира. Ужас, который тот, другой мальчик пережил на открытом пространстве, ожидая прихода Дарков в круге, образованном повозками, сплелись с болью, и скорбью, и чувством вины, и страхом.

Тьма безопасна и спокойна. В темноте никто до него не доберется, никто никогда не причинит ему боль. Темнота в этих стенах теплая.

Ледяной Сокол, Хетья и Потерявший Путь мертвы — у него был то ли сон, то ли видение вождя, умирающего на пороге Врат, ловившего ртом воздух, а в спине у него торчал окровавленный топор.

В этом виноват тоже он.

Сюда может прийти только Ваир. В любую минуту. В любую минуту.

Если, конечно, он не выберется отсюда, только очень быстро.

* * *

— Хм. А я всегда думала, что Белые Всадники в состоянии выследить любую рыбу под водой. — Хетья скрестила на груди руки, пристально всматриваясь в черноту коридора.

— Даже собака, у которой десять тысяч достославных Праотцев, не сможет выследить рыбу, если ей закрыть нос. — Ледяной Сокол сказал это, не приподнимаясь даже на локтях — он, вытянувшись в полный рост, лежал на полу среди ползучих растений и раздавленного мха, высоко подняв над головой факел из виноградного стебля. — Здесь кто-то прошел уже после того, как мы с тобой ушли к Потерявшему Путь, в Придел. Но по этим нескольким следам, да при таком свете, я не могу сказать, был это ребенок или взрослый, женщина или мужчина, пришел он откуда-то и пошел дальше, или же выскочил из комнаты и побежал.

— Кто-нибудь мог отыскать эту комнату? — спросила Хетья, идя следом за Ледяным Соколом. Он прополз уже полкоридора, изучая каждый дюйм следов, оставленных на растениях. — Войти и увести его оттуда?

— Конечно, кто-нибудь мог, — откликнулся Ледяной Сокол и выплюнул изо рта соломинку. — Совсем другой вопрос, так ли это.

— Следов борьбы нет. — Из соседнего коридора появился Потерявший Путь, держа в руке еще один факел. Он был до такой степени охотником, что даже ужас клонирования, даже то, что его душа разделилась, не смогло заглушить в нем этих умений и инстинктов. — На стенах такой толстый слой мха и плесени, что следы остались бы обязательно.

— Если бы Тир был взрослым человеком, я бы сказал, что он ушел отсюда добровольно, — согласился Ледяной Сокол. — Но взять верх над ребенком легко. А обмануть его еще легче, особенно этого ребенка. О, смотри! — Он поднялся на колени и посветил факелом. — Наконец-то. Видишь, куда направлены стебли и листья?

В коридор, где на полу ничего нет. Шли не

оттуда, а туда. Стеблей и листьев немного. Человек почти ничего не весит. Он пошел один и по доброй воле.

— Почему ты так думаешь?

— Он старался не оставлять следов. — Ледяной Сокол прополз еще несколько футов, изучая пол, но на черном камне следов не осталось. Зато немного дальше на полу и стенах были пятна лишайника. Тир шел осторожно, но все же недостаточно осторожно.

— Вот. Это его нога. — Ледяной Сокол посмотрел вверх. — И потолки здесь, конечно, высокие, но когда человек несет ту маленькую лампу, копоть от нее должна оставить след на плесени. — На потолке виднелись слипшиеся комки беловатой растительности, похожие на сморщенное свиное брюхо. — Возможно, его нашли и напугали демоны, но он не поддался панике и не кинулся бежать. Видишь, как отпечаталась пятка? Так же глубоко, как и носок. Он что-то искал. Посмотри, он зашел сперва в этот проход, потом вернулся назад.

— Так ты же сказал, он старался не оставлять следов? — Изумленная Хетья плелась рядом.

Ледяной Сокол удивленно поднял брови.

— Здесь не написано, что он думал, но я могу об этом догадаться по его поступкам. Если я вижу следы антилопы, ведущие к Клюквенному Озеру, а потом вижу, что она повернула так резко, что из-под копыт полетел песок, можно предположить, что она учуяла волка в рябиновой рощице между двумя кленами.

Он потер уставшие глаза. Все его тело болело, а кусочек пеммикана, который он вытащил из мешка последнего Потерявшего Путь, уже давным-давно переварился.

— А почем ты знаешь, верзила, что это был волк, а не саблезуб или рысь?

— Потому что волчье семейство уже двадцать лет охотится в рябиновой роще по эту сторону Клюквенного Озера. А что думает Оале Найу? — вдруг спросил он, продолжая тщательные поиски следов вдоль длинного коридора. — Что скажет она — где ребенок может искать надежное укрытие в Убежище Ночи?

Хетья молчала.

Он обернулся и увидел, что она склонила голову и поджала губы.

— Оале Найу сказала бы, — нарушила молчание Хетья, — что Тир стремится в самое сердце Убежища. Во всяком случае, я бы предположила именно это. Все, что моя мамаша разузнала про Убежища, говорит об одном — место, где сосредоточено все могущество, обязательно находится в центре Убежища, где-то в середине третьего уровня. А центр Убежища — это его сердце.

Ледяной Сокол кивнул.

— Прачечная в Ренвете — где находится Портал — как раз там и находится. А комнаты, в которых Тир прятался до сих пор — по углам. То, что ты говоришь, разумно.

Он встал на ноги, вытер руки о свою волчью куртку и осторожно пошел дальше. Поиск следов при тусклом мерцании факела вызвал у него сильную головную боль. Даже лунный свет лучше — он не такой изменчивый. Но Полдень всегда говорил, что в тех случаях, когда от поиска следов зависит чья-нибудь жизнь, свет хорошим не бывает.

— Я рада, что больше не нужно изображать из себя Оале Найу, — вздохнула Хетья. — Она была такой противной.

— Она неплохо послужила тебе. — Ледяной Сокол даже не предполагал, что сможет когда-нибудь спокойно относиться к тому, что сделала эта женщина, но он больше не ис-

пытывал к ней неприязни. — И ты здорово ее изображала.

— Это была моя тетка Флори. — Хетья негромко рассмеялась, приняла величественную осанку чародейки древних времен и надменно произнесла: — Если эта девочка не будет носить корсет, Уранве, у нее будет осанка, как у крестьянки. Уранве — это моя мать, — печально добавила она. — Я всегда представляла себе Оале Найу с лицом Флори и с ее прической — куча завитушек вокруг ушей. — Она помолчала, увидела поднятые брови Ледяного Сокола и пояснила. — Если ты рассказываешь про кого-то, очень помогает представлять себе этого человека. История получается лучше.

— Никогда не понимал, — раздраженно сказал Ледяной Сокол, — зачем цивилизованным людям «делать лучше» историю, если в ней нет ни слова правды. Полезно врать врагам, но цивилизованные люди называют ложь достоинством!

— Ах, паренек, это не ложь, — вздохнула Хетья. — Это искусство, ну, вроде как пение или танцы, для веселья и просто для красоты. А бывает время, когда это еще важнее. Например, если человек горюет или ему больно, красота помогает ему пережить это, пока боль не уменьшится и вовсе исчезнет. А другой раз, если они гневаются или страдают, можно найти утешение в разных образах, в том, как складываются слова, и потом начать мыслить ясно и найти выход из положения.

Он снова вспомнил Джил, ее яркие голубые глаза, когда при мерцающем колдовском свете она сплетала свои истории о людях, умевших летать, и о принцессах, сквозь звездную ночь ведущих армии к победе, а им помогают мальчики с фермы, или контрабандисты, или люди, сделанные из металла и проволоки. А Руди од-

нажды рассказал историю о короле, двадцать лет прожившем на пустынном острове, где обитали два волшебных духа, и о человеке, который нашел его и влюбился в его дочь. «Круто, — сказала тогда Джил. — Я и не знала, что ты читал «Бурю». «Какую бурю? — отозвался удивленный Руди. — Я говорю про «Запретную Планету.»

Из темноты на них наплывали голоса. В нескольких ярдах виднелась комната с частично сохранившейся дверью.

Ледяной Сокол заметил на полу голые участки и в три больших прыжка добрался по ним до двери. Хетья шла за ним так неуклюже, что ему захотелось удушить ее. Любой понимающий враг легко прочитал бы оставленные ею следы. Потерявший Путь помог ей сделать самый большой прыжок.

К счастью, голоса принадлежали клонам. Они обрубали и собирали в одеяла все лианы, виноградные лозы и стебли, а заодно все лишайники и все чудовищные поганки, которые могли отыскать в коридоре. Ледяной Сокол ругался сквозь зубы — они уничтожали все следы мальчика. Может, ему потребуются часы, чтобы снова их отыскать.

— Что это они делают? — прошептала Хетья. — Не будут же они это есть!

Он закрыл ей рот рукой — эта женщина говорит в самые неподходящие моменты! — и дождался, пока клоны не закончили собирать урожай. Они поковыляли со своим громоздким грузом прочь, стараясь не уронить факелы.

— Нет, — выдохнул Ледяной Сокол. — Вернулся Бектис и сообщил Ваиру, что корма для его черного чана не будет.

— У меня получилось! — Синие глаза Потерявшего Путь вспыхнули восторгом. Он на мгновение закрыл их, глубоко дыша и вспо-

миная кошмарную волну боли, которую ему пришлось перенести. — Все было не напрасно.

— Но он теперь собирает этот мусор!

— Мы говорим о Ваире, — напомнил Ледяной Сокол. — Он получит своих людей, и получит их скоро. Он знает, что времени у него мало. Я думаю, враги мои, что на время нам придется отказаться от охоты на Тира и захватить комнату с Порталом. Потом я вернусь сюда и снова начну охоту.

— След остынет, — предупредил его Потерявший Путь.

Ледной Сокол показал на месиво, оставленное клонами.

— Он уже не сможет остыть сильнее, а вот задержка может нам стоить потери Убежища Дейра. Вперед. Лазутчик, который его нашел, говорил, что нужно идти в обход, чтобы не застрять в виноградниках. Так что поиски могут затянуться.

Они нашли комнату быстрее, чем Ледяной Сокол предполагал, хотя на протяжении следующих двух часов Хетья сумела многое сказать о происхождении и будущей судьбе Ваира на-Чандроса, самого Ледяного Сокола и строителей Убежища Тени. Пояснительные жесты лазутчика при разговоре с Ваиром довольно точно указали направление поиска, кроме того, лазутчик и не подумал замести ни свои следы, ни следы тех ведомых демонами клонов, которые первыми обнаружили нужное место, ни следы троих часовых, которых Ваир отправил охранять комнату. Они не только легко нашли комнату, но и определили, сколько часовых там стоит.

Очень помогло и то, что Ваиру в Приделе потребовалась помощь всех своих воинов не-клонов. Ни один из часовых не задал ни единого вопроса, когда Потерявший Путь, лысый, безбородый и одетый примерно так же, как и

остальные в отряде Ваира, вошел, пробурчал что-то в знак приветствия и убил двоих прежде, чем они поняли, что происходит. Когда Ледяной Сокол и Хетья вошли в узкую дверь, все уже было кончено.

— Только подумайте, этот ублюдок Ваир не дал несчастным ни крошки еды, — вздохнула Хетья, обшарив карманы трупов. — Я не в том смысле, что не признательна за тот кусочек пеммикана тысячу лет назад, дорогуша... — Она усмехнулась, посмотрев на Потерявшего Путь. — Просто он давно исчез, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Впрочем, моя мамаша сказала бы мне, что и этому надо радоваться, и велела бы прекратить нытье.

— Это, — сказал Ледяной Сокол, перетаскивая клонов за угол, где их никто не увидит, — говорила еще Праматерь Всех Матерей первому рожденному на свет ребенку. Лично я черпаю утешение в том, что бывал и более голодным.

Он прошел вдоль всех стен всех комнат с факелом в руке, изучая место так, как волк изучает западню. Она выглядела точно так же, как и тогда, когда он попал в нее в виде тени: анфилада из четырех комнат, каждая последующая меньше предыдущей, соединенных арочными проходами с колоннами. Оказалось, что колонны сделаны из матового стекла. В последней комнате было значительно холоднее, чем в первых трех, и в ней стоял запах, странный и тревожащий. Ледяной Сокол не понял, чем пахнет, но у него мороз пошел по коже. Он быстро вышел из комнаты и подошел к небольшому костру, где его ждали Потерявший Путь и Хетья. По дороге он несколько раз обернулся — ему очень не нравилось ощущение, что в затылок ему дышит тьма.

В прихожей, как и в самих комнатах, ничего не росло. Это была круглая комната

около двадцати футов в диаметре — Ледяной Сокол не помнил ничего похожего в Убежище Дейра; во внутреннюю дверь с трудом мог протиснуться только один человек. Он вышел в коридор и прошел до того места, где воины Ваира начисто вырубили лианы, чтобы можно было войти во вторую, сферическую прихожую.

Вот здесь и стоит Мудрейший, подумал Ледяной Сокол, подняв вверх факел. Именно отсюда он читает заклинания, которые заставляют Портал работать.

Мерцал тусклый свет, словно из окна. Обернувшись, он действительно увидел выпуклое хрустальное окно в стене. Через него виднелся весь Портал, до самого дальнего конца. Хотя он не видел никакого хрустального окна в первой из комнат с Порталом, было очевидно, что открывалось оно туда: он видел костерок, мертвых клонов, Потерявшего Путь, который стоял у двери более узкой, чем его плечи.

К Потерявшему Путь подошла Хетья, положила руку на его огромную спину и что-то ему сказала, но Ледяной Сокол не услышал ни звука. Потерявший Путь повернулся к ней, в свете костра его синие глаза были очень нежными и печальными.

Она о чем-то спросила, погладив его щеку кончиками пальцев.

Костер озарил ее кудри, а в глазах появились отблески заката, и мудрость, и надежда, которая старается ни на что не надеяться. Потерявший Путь улыбнулся, взял ее за руку и покачал головой.

Потом немного наклонился — он был таким высоким! — и поцеловал ее в лоб.

Но о чем она его спросила и что он ей ответил, Ледяной Сокол так никогда и не узнал.

* * *

Тир долго прятался во тьме. Там было так мирно и безопасно. Мох, на котором он свернулся клубочком, был мягким, воздух — теплым. Он спал глубоко и видел сладкие сны о долгой, непрерывной мирной жизни. Когда он проснулся, пришло смутное понимание того, что Ваир ужасно разозлился на Бектиса, что он ругал и проклинал его за... за что? Тир не знал, но одежда и борода Бектиса были заляпаны кровью, и он был весь покрыт льдом и снегом. Все равно, Тира это больше не тревожило.

Ваир никогда, никогда не найдет его здесь.

Никто не найдет.

Потом он почувствовал шевеление и сердитый шелест лиан. Они не остаются неподвижными. Даже мертвые они не остаются неподвижными. Они шевелились и двигались, в некоторых коридорах их становилось все больше и больше. Между ними мелькали огоньки, подобные светлячкам, и Тир смутно сознавал, что это движение растений происходит в коридоре уровнем ниже его комнаты и немного дальше от нее...

Холод. В том коридоре становилось все холоднее, и лианы свивались в тесные клубки. Среди них дул ветер, ветер, который пришел ниоткуда, и такой сильный, что мог сорвать плоть с костей. В лианы хлынула вода, сначала потоками, потом все меньше, а, когда холод еще усилился, она стала сочиться тонкими струйками.

Убежище, понял Тир, пытается кого-то убить. Задушить, ослепить, заморозить.

Он сам хотел только одного — снова заснуть.

— Тир? — Не слово, выдох, почти неслышный, рядом с потайной дверью в его комнату. — Тир, ты там? — Он знал этот голос, тихий, сиплый, всегда будто запыхавшийся, а сей-

час измученный, дрожащий от напряжения. Ледяной Сокол.

Дверь в эту комнату исчезла давно, проход скрывался во мраке, как и во многих других комнатах Убежища. Тир сам толком не знал, как он его нашел. Может, Убежище этого хотело. Со своей постели изо мха он не видел проход даже при свете небольшого костерка, который развел здесь. Казалось, что там стена. Ледяной Сокол наверняка не видит его огня.

Тишина угнетала. Она ждала и наблюдала. Если я отвечу, думал Тир, мне придется что-то делать, уходить отсюда, идти наружу, опять страдать. Ледяной Сокол сумел пройти по его следам и отыскать его до этого коридора, но пол в самом коридоре вдоль всей стены пятого уровня был скользким и гладким, следов на нем нет. Он может просто промолчать. Ледяной Сокол подождет немного и уйдет.

Но Ледяной Сокол был гвардейцем. А Тир, как Владыка Убежища, отвечал за своих гвардейцев. Ледяной Сокол вполне способен разыскивать его до тех пор, пока Убежище Тени не убьет его.

Очень медленно и неохотно Тир поднялся на ноги и подошел к дверному проему.

— Я здесь, — сказал он и почувствовал, что, произнеся это, навеки отказался от тишины, мира и тепла.

Тир протянул руку в проем, чтобы Ледяной Сокол смог его увидеть. Рука исчезла в густом мраке. Через мгновение в нее вцепились холодные пальцы, и Ледяной Сокол появился из-за черной завесы тьмы. Он промок насквозь и дрожал всем телом, его длинные волосы и борода обледенели, лицо расцарапано до крови, а на шее виднелся огромный синяк. Тир думал, что Ледяной Сокол разгневан и начнет возмущаться тем, что мальчик так долго не откликался,

но юноша не сказал ни слова, только внимательно огляделся и прислушался, словно и он слышал шепот Убежища. Потом Ледяной Сокол посмотрел на Тира и протянул руку — пальцы его дрожали, Тир еще никогда не видел этого сильного и надменного воина в таком состоянии — прикоснулся к наполовину зажившим шрамам на лице мальчика и откинул со лба его спутанные черные волосы.

— С тобой все в порядке, Альтир? — спросил он, и Тир кивнул.

— Прости, что я долго молчал, — прошептал Тир. — Я... — Горло перехватило. Он не мог объяснить, почему это произошло, почему ему так не хотелось возвращаться к жизни. Почему он так боялся.

Ледяной Сокол сделал нетерпеливый жест, словно отметая ненужные объяснения.

— Ты отозвался, — сказал он. — Этого вполне достаточно. Ты спрятался здесь от демонов? Ты же знаешь, они не могут по-настоящему навредить. — На лице Ледяного Сокола виднелись следы когтей и что-то, похожее на укусы, кроме того, Тир уже видел некоторых воинов Ваира в коридорах, и знал, что Ледяной Сокол грешит против истины. Здесь другие правила.

Мальчик качнул головой.

— Ваир, — сказал он, не совсем понимая, что имеет в виду. — Я не хотел, чтобы меня нашел Ваир. — Пусть будет так, хотя дело даже не в этом. — Я вообще не хотел, чтобы меня нашли, неважно кто.

Ледяной Сокол упал на колени перед крошечным костерком и протянул над ним руки. Его невероятно длинные и сильные пальцы потрескались и покраснели от холода, из-под ногтей сочилась кровь. Тира снова охватило волной стыда за то, что все пытаются спасти его, а

он оказался настолько глуп, что позволил себя похитить.

— Потому что ты пошел с Бектисом? — спросил Ледяной Сокол, всмотревшись в лицо мальчика.

Тир отвернулся.

— Меня он тоже одурачил. Все мы совершаем ошибки, сын Эндориона.

— Мы не имеем на это права, — отозвался Тир. — Ты сам так говорил.

— Иногда мы ошибаемся в своих суждениях, — хмуро сказал Ледяной Сокол. — Я думаю, твоя мать больше сердита на меня за то, что я привел в Убежище врага, чем на то, что ты дал себя обмануть этому врагу. Я взрослый человек и воин, и должен был понять, что происходит. Тем более, что я знал Бектиса еще до прихода дарков. Как правило, мир не склонен к прощению, но иногда мы можем исправить допущенные ошибки. Нам повезло еще больше — мы получим прощение, и нам не придется возмещать убытки. Я думаю, даже Хетье.

Тир быстро поднял голову, пытаясь прочесть что-то в глазах Ледяного Сокола.

— Я должен... Мне придется вернуться назад?

Он не понимал, что именно так пугало его теперь в открытом пространстве, в лугах и небесах. Не дарки. И даже не Ваир со своим крюком. Совсем не это.

— Ты не хочешь возвращаться?

Тир молчал. Он всегда немного побаивался Ледяного Сокола. Опасность, исходившая от высокого юного воина, внушала ему благоговейный трепет. Он трепетал перед этим надменным нетерпимым совершенством. Но Руди внушал ему: «Говори только правду...»

— Я просто хочу оказаться в безопасности, — сказал наконец мальчик очень тихо,

надеясь, что Ледяной Сокол его не услышит. — Я как будто не хочу видеть ни маму, ни Руди, никого вообще. Как будто мне больше не нужны друзья. Я просто не хочу, чтобы со мной случилось еще что-нибудь страшное.

Он не знал, что именно страшное, и молил Бога, чтобы Ледяной Сокол не спросил его об этом.

Но Ледяной Сокол очень мягко сказал:

— Ага. — Только это, и надолго замолчал, и собственные воспоминания затуманили его серые глаза.

— Всем приходится возвращаться, сын Эндориона, — сказал он наконец. Сказал, запинаясь, словно забыл свой родной язык. Тир подумал об этом немного и вдруг понял, что никогда не слышал таких длинных речей от Ледяного Сокола. Тот вообще говорил только о следах, оружии и еде — о повседневных заботах стражей.

— Иногда, когда нас заставляют страдать... предают... Иногда, когда нам кажется, что мы сами навлекли на свою голову все беды мира... Тогда бывает очень тяжело. Иногда проходит много времени, прежде, чем мы находим в себе силы повернуться лицом к тому, от чего бежали. И вовсе ни к чему сражаться и побеждать. Но мы обязательно должны захотеть снова посмотреть на это.

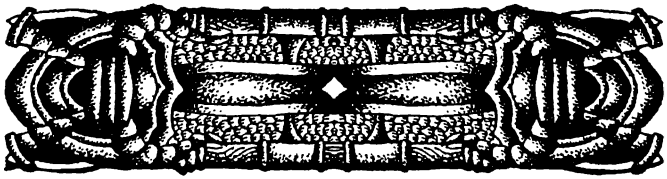
Тир прошептал:

— О... — и затих. Ледяной Сокол снова протянул руки к огню, от его мокрой, обледеневшей одежды шел пар. Мысль о том, что Ледяному Соколу когда-то сделали больно, или он чего-то испугался, или с ним произошло еще что-нибудь подобное, была для мальчика новой и тревожащей.

— Мы сможем выйти отсюда? — тихонько спросил он, когда Ледяной Сокол снова посмотрел на него. — Я имею в виду, из Убежища? Пойти... вернуться домой?

— Пока не найдем Ингольда, не сможем, — отозвался юноша. — Это последнее, что осталось сделать, сын Эндориона — найти Ингольда. Без его помощи у нас нет ни малейшей надежды остановить Ваира до того, как он переправится в Убежище Дейра.

Глава двадцать первая

В Убежище было пять уровней подвалов, ровно столько же, сколько жилых уровней над землей, и Тир с Ледяным Соколом шли в самое сердце Убежища, пробираясь между лианами и виноградными лозами. В иных местах лозы были толщиной с запястье, а многие даже толще. Они плотно покрывали стены, а на потолках шевелилась и бормотала что-то плесень, и на мальчика и воина капала кровь. Казалось, что растения, за которыми когда-то ухаживали в гидропонных подвалах, сошли с ума вместе с Убежищем, и все росли и росли во мраке, и на них все зрели кошмарные плоды, невидимые в пробуждающемся мире.

Среди лиан, среди мха, в обледеневших комнатах, в которых на белые сверкающие поверхности пола не ступала нога человека, то и дело появлялись странные предметы — мужской башмак; ленточка, обвившаяся вокруг куста диких роз; рукопись со странными золотыми буквами; котелок из металла, никогда не виданного Ледяным Соколом. Где-то журчала вода, и голос продолжал шепотом перечислять имена.

Демоны гасили их факелы, щипали и кусали Ледяного Сокола за руки и лицо, выдирали ему волосы, а он терпеливо зажигал факелы снова, пользуясь пучками мха, как трутом. После того, как демоны бесконечно долго мучили и рвали его бестелесную тень, эти попытки отвлечь их от цели уже не пугали его.

Внизу, под подвалами, находился еще один, шестой уровень. На стенах светилась голубым селитра, воздух казался замерзшим от вечной мерзлоты подо льдом. Тир молча шел впереди, следуя воспоминаниям кого-то, посланного сюда давным-давно с невообразимым поручением. Ледяной Сокол шел следом, держа руку на мече, но в глубине души понимал, что здесь нет того, кого можно поразить мечом. У основания бесконечной лестницы была пещера, освещенная фосфорным мерцанием селитры и лишайников, а в пещере — пропасть, которая вела в никуда. В ней завывал ветер, с шумом низвергалась куда-то вода, и виноградные лозы нависали над ней, серые, высохшие и мертвые.

В провале парил бронзовый шар. Бронза потрескалась, возможно, от времени. Шар был в зеленых пятнах и, казалось, распадался на куски, но заключенная в нем магия выдержала испытание временем. Шар был достаточно велик, чтобы в нем поместился человек.

— Альтир, мальчик мой дорогой! — Ингольд сумел ухватиться за край большой трещины на шаре и просунуть в нее голову. Лицо его было расцарапано, в волосах запеклась кровь. Вокруг шара плавали огоньки демонов, Ледяной Сокол разглядел их расплывчатые очертания: они карабкались на шар, но голос Ингольда звучал весело.

— И Ледяной Сокол тут! Вы представить себе не можете, как я рад вас видеть!

— Могу. — Ледяной Сокол осторожно присел на корточки у края пропасти — в приступе веселья демоны вполне могли схватить его за лодыжки. — Вы чай приготовили?

Ингольд просунул в трещину вторую руку и умостил подбородок на скрещенные запястья. Руки его были изодраны. Он, должно

быть, колдовал в полную силу, чтобы шар не рухнул в пропасть, подумал Ледяной Сокол.

— Ты знаешь, я собирался, — извиняющимся тоном сказал волшебник, — но жаровня здесь не пожелала разжигаться. Кроме того, у меня есть только второсортный красный чай с Круглого Моря, а я знаю, что ты его не пьешь.

Тир широко распахнул глаза и прошептал Ледяному Соколу:

— На самом деле, в этом шаре нет жаровни, правда?

Ледяной Сокол отрицательно покачал головой.

— Не думаю.

— Здесь раньше были цепи. Иногда пленников подвешивали над этой ямой на цепях, — сказал Тир.

— Милые люди, — отозвался Ледяной Сокол, вставая и протягивая Тиру факел. Мальчик дрожал от слабости, как и сам Ледяной Сокол, но предупреждать его об осторожности не требовалось. Они уже много дней ходили по колено в растительности, которая служила отличным трутом, а даже в Убежище Дейра, где черный камень стен не мог загореться, детей с самого рождения приучали быть предельно осторожными с открытым огнем.

Ледяной Сокол шел вдоль стены, ворошa кончиком меча дебри мха и мертвых виноградных лоз.

— Может, у вас есть пожелания касательно материала и размера цепей? — окликнул он Ингольда.

— Знаешь, — рассудительно ответил чародей, — когда возникает опасность разбиться в лепешку, я обычно предпочитаю, чтобы меня спасали сплавом из бронзы и серебра, пятьдесят на пятьдесят. Овальные звенья предпочтительнее квадратных и должны быть не длиннее

двух дюймов. Но, учитывая, что я уже провел здесь некоторое время, я готов согласиться на все, что ты отыщешь.

Он резко повернулся и взмахнул рукой, потому что в провале сверкнула молния. Яркая вспышка высветила лицо, на котором отчетливо проступали следы усталости, и глаза с затаившимся в них страхом. Опасный зигзаг отклонился на несколько дюймов и ударил в стену, но бронзовый шар скользнул вниз, потом резко остановился, причем Ингольд чуть не выпал из него, а потом медленно поднялся вверх.

— Будет не очень-то красиво, — сказал Ледяной Сокол, копаясь левой рукой в листве, — если я позволю вам упасть. — Мертвые усики винограда, похожие на черную проволоку, хищно впились в цепь. Ледяной Сокол изо всех напряг ноющие мускулы, чтобы вытащить ее. Металл тихонько позвякивал.

— Обещаю — я никому об этом не расскажу.

— Есть здесь кольцо или столбик, к которым можно привязать цепь? — спросил Ледяной Сокол, взглянув на Тира. Мальчик выглядел перепуганным и едва не падал с ног от истощения, но добродушное подтрунивание взрослых друг над другом — а Ингольд и Ледяной Сокол разговаривали так между собой со своей первой встречи в Гае — видимо, успокаивало его. Он немножко подумал и повел Ледяного Сокола к нужному месту. Когда они вернулись обратно, цепь исчезла.

— Она тяжелая, — утешил Ингольд Ледяного Сокола. — Ее не могли уволочь далеко.

Ледяной Сокол уже ненавидел Зэя глухой ненавистью.

Они нашли еще одну цепь во мху. На этот раз Ледяной Сокол не спускал с нее глаз. Он привязал ее к кольцу, найденному в полу, и, хотя не был уверен, что такой длины будет доста-

точно, привязывать ее к виноградным лозам он не рискнул.

Еще несколько молний сверкнули в провале. Ингольд заставил их ударить в шар, но сам шар за время, нужное магу, чтобы отвести в сторону молнии, соскользнул в пропасть чуть не на двадцать футов.

— Руди всегда говорил, что чары левитации — одно из самых трудных чудес, — взволнованно прошептал Тир. Ветер, дувший из пропасти, усилился. Ползучие растения под ногами извивались, как настоящие змеи.

— Я тоже это слышал. — Ледяной Сокол подтаскивал цепь к краю пропасти. Намотав ее на руку, он глазами измерил расстояние до шара. — Вы сможете немного подвинуть эту штуку сюда?

— Я попытаюсь. — Ингольд осторожно выбрался из трещины и встал на шар. Ветер тут же подхватил его белые волосы и разодранную мантию. — А мне помнится, что в прошлогоднем чемпионате против охранников лорда Анкреса ты сделал тринадцать удачных подач.

— Я подавал мяч в бейсболе, а не цепи в пропасти. — За бейсбольную команду Убежища отвечал Руди, и именно Ингольд едва волочил ноги во время последней пробежки. Ледяной Сокол сопротивлялся участию в том, что он высокомерно называл «дурацкой детской игрой» до тех пор, пока Гнифт-фехтовальщик не сообщил всем стражам, что они будут принимать в ней участие — он очень хотел победить лорда Анкреса. С тех пор Ледяной Сокол был лучшим питчером.

Цепь не долетала пять раз, и всякий раз, как она падала на край пропасти, вспыхивала молния и ударяла в нее. На шестой раз Ингольд поймал цепь. Едва кровоточащие руки старого мага вцепились в звенья, вспыхнул испепеляющий колдовской свет. Ингольду пришлось торопи-

ливо прочесть заклинание, отводящее его, это отвлекло внимание мага от шара, и тот рухнул в пропасть. Ингольд качнулся, как маятник, сильно ударился о край провала и повис там, раскачиваясь под порывами ледяного ветра. Демоны тянули его за щиколотки вниз.

— Ингольд! — в ужасе закричал Тир.

— Со мной все в порядке, — раздался голос мага, едва слышный в призрачном вое ветра. — Со мной все в порядке.

Тир, стоявший рядом с Ледяным Соколом, был белым, как привидение. Ледяной Сокол сделал вид, что не замечает этого, и крикнул в провал:

— Я знаю, старина, что с вами все в порядке, главное — не повредите цепь. Она очень дорогая.

Не так уж часто Ледяному Соколу — да кому угодно — удавалось рассмешить Ингольда, но на этот раз старый маг рассмеялся вслух. Его веселый смех донесся до них из пронзаемого молниями провала, приправленный крепким солдатским словцом. Чародей начал взбираться по цепи наверх, и металл тихонько зазвенел.

Яростный ветер усилился, едва не вырвав факел из рук Тира. Ледяной Сокол пошатнулся, ухватился за виноградную лозу, чтобы удержаться на ногах, и с проклятием отдернул окровавленную руку. Листья хлестали их по лицам, ослепляли их, становилось все холоднее и холоднее...

И вдруг ветер резко прекратился. В жуткой тишине из-под ног, из-под растений, из провала пополз туман.

Ледяной Сокол с безумно колотящимся сердцем вскочил на ноги и резко обернулся, выхватив меч.

— Отойди немного от края пропасти, Тир, — очень тихо сказал он. — Только не уходи далеко. Старина, поднимайтесь быстрей.

В ответ сверкнула молния.

— Поднимайтесь скорее!

В тумане медленно вырисовывались неясные очертания человеческой фигуры. Космы белых волос, разодранная черная мантия, сверкание хрусталя... Рука Хариломна? И запах, густой и насыщенный, как вонь из годами не чищеной уборной. Тень открыла рот, но из него раздалось только шипение.

Ледяной Сокол не решался отвести от Зэя глаз, не мог посмотреть, где Ингольд. Он слышал звяканье цепи. Еще одна вспышка молнии осветила туман, заполнивший темный провал. Джил как-то сказала: если встретился с разъяренным чародеем, самое лучшее — заставить его разговаривать с тобой. Ледяной Сокол, никогда не бывший краснобаем, лихорадочно придумывал, что же можно сказать; хоть что-нибудь, лишь бы отвлечь этого безумного мага, пока не появится Ингольд.

— Ты видишь, старик, — выпалил он, наконец, — мы не смогли от тебя убежать.

Зэй медленно повернул голову. Глаза, изучавшие теперь юношу, походили на два белых провала, полных ярости.

— Я вот все думаю — а ты разрешишь уйти остальным: черному генералу и людям, которых он делает из грибов и плесени? Он тебя не почитает. Он даже не знает, как тебя зовут.

Старое сморщенное лицо не изменило своего выражения, но рот слегка приоткрылся, так что стали видны коричневые обломки зубов, и Зэй снова зашипел.

Тут звякнула цепь, рука Зэя взметнулась вверх со скоростью, которой позавидовал бы и молодой воин, и по высохшему ковру растений, устилавшему пол, покатилось пламя, подобно воде, хлынувшей из бассейна.

Ледяной Сокол схватил Тира за руку и кинулся на тот участок пола, где не было растений. Снова звякнула цепь, и раздался голос Ингольда — маг выкрикивал заклинания охраны и защиты. Потом накатил маслянистый жар. Оглянувшись назад, Ледяной Сокол увидел Ингольда. Тот стоял на краю пропасти, вокруг бушевал огонь и клубился дым, а перед магом стоял он сам: дряхлый, грязный, вонючий, из беззубого рта капает слюна, голубые глаза ничего не видят, но лицо — его собственное. С пола вновь взметнулись языки пламени, и Тир пронзительно вскрикнул от боли — огонь охватил его руку и плечи Ледяного Сокола, но тут же погас, повинуясь взмаху руки Ингольда.

Пламя угасало, превращалось в тлеющие угли, все заполнилось дымом.

Теперь перед Ингольдом стояла женщина. Джил-Шалос, с вялым ртом, неряшливая и отвратительная.

— Зэй, — сказал Ингольд примиряюще, несмотря на то, что задыхался от напряжения. По лицу его струился пот. — Я именно тебя и хотел увидеть. — Он рискованно стоял на самом краю пропасти, пламя вокруг него продолжало бушевать, оттесняя его все дальше к провалу. Ингольд рукой прикрывал глаза, защищая их от огня.

Он отвлекает Зэя, понял Ледяной Сокол, чтобы я успел увести отсюда Тира.

Хотя, если рассуждать логически, что это даст, если сам Ингольд погибнет.

И все же он быстро прикинул путь к отступлению, хотя и не самый удачный — мимо Зэя; вдоль стены, где огня уже нет, только дым; вверх по лестнице...

Из провала опять с воем вырвался ветер, взметнул лохмотья, в которые был одет Ингольд, едва не сбил его с ног. В вихре кру-

тился мокрый снег, камни, мертвые листья и жалящие насекомые. Ледяной Сокол прижал Тира лицом к груди и наклонил голову, ослепший, замерзший, поджидая подходящего момента, чтобы бежать. Он уже успел прочувствовать на себе мощь Убежища, когда его захватили виноградные лозы в коридоре возле того места, где прятался Тир: холод, ледяной ветер и вода, хлынувшая на него из труб, отняли у него тогда чуть ли не все силы.

Сила Зэя была неисчерпаема, сила безумия, ночи, холода и ярости.

Нет, побег не поможет.

Заставь его говорить, — сказала Джил.

Ветер все усиливался, мрак заставлял думать о конце света. Ненависть трех тысячелетий в личном аду. Ярость урагана, отрывающего плоть от костей. Ледяной Сокол вцепился в виноградные стебли, чтобы его и мальчика не унесло в провал, и прижал к себе Тира так сильно, что кости затрещали.

И снова пала тишина. Среди растений послышался сердитый шепот. Ледяной Сокол увидел, что руки его кровоточат. В холодной черной тьме его сознание наполнилось странными картинами: дарки окружают лагерь на равнине; Убежище Тени, величественное и холодное, возвышается над долиной с тремя замерзшими ручьями, сияющими нестерпимым блеском на фоне серых скал; волк в растерянности стоит над одним из ручьев, не в силах понять, как выудить оттуда рыбу; белая суровая луна в кольце льда, а по небу мчатся огромные лунные псы...

Мужчины и женщины в спешке засовывают еду и одежду в корзины и ведра... Девочка-подросток прижалась к стене в коридоре Убежища, в руке корзинка с выстиранным бельем, другая рука прижата к губам, а по темной

стене бегут бледно-голубые огоньки... Постукивания в ночи...

Кричит младенец, его пеленки охвачены огнем...

...Они ушли, потому что понемногу начали сходить с ума.

Теперь Ледяной Сокол понял, почему.

Ингольда опять начало окутывать туманом и дымом, взметнулся черный вихрь, как пылевой дьявол, и молнии пронзали его синим мертвенным светом. Ветер и молнии столкнули Ингольда на самый край пропасти — ветер, молнии и сгустившаяся злоба, ослепляющая, холодная и неистовая. Зэй сосредоточился на том, чтобы уничтожить мага-соперника. Полдень, да и любой другой человек из Истинного Мира велел бы в этот миг Ледяному Соколу бежать без оглядки. Вместо этого тот встал на ноги и громко крикнул:

— Зэй!

Его слова утонули в реве огня, во мраке, дыме и кошмаре.

— Зэй!!! — закричал он снова, так громко, как не кричал никогда в жизни. — Зэй, она пыталась прийти! Ле-Кьяббет пыталась прийти к тебе!!!

Он молился Праотцам, хотя от них никогда не было большой помощи, что назвал имя правильно.

Дым и молнии исчезли. Смерч затих. Прошелестел лист, падая вниз. Ингольд, упавший на колени на краю провала, с изумлением посмотрел на Ледяного Сокола, но благоразумно промолчал.

Пещеру наполнила тишина, тишина и темнота, которые нарушались только вспышками огня по углам да злым шепотом молнии глубоко в пропасти.

Гнев.

Ледяной Сокол чувствовал себя так же, как во время летней охоты на равнинах, ког-

да небо вдруг становится зеленым, и по траве начинает хлестать град, и желто-коричневые воронки смерчей начинают образовываться в тучах.

Гнев, черный, наполненный болью и одиночеством.

Никто из них не вспомнил. Никто не остался.

Она не пришла.

Ледяной Сокол постарался сообразить, какую историю смастерила бы из этого Джил-Шалос, как бы она соединила свои догадки, сотканные из снов Тира, предметов, появившихся ниоткуда, из слов Ваира и Бектиса, из того, что рассказывала ему и Потерявшему Путь Хетья.

— Ле-Кьяббет пыталась прийти к тебе, Зэй, — медленно повторил он, и смутные очертания перед ним стали загустевать, словно наполняясь тенями, мраком и удушливым дымом.

— Когда Портал, этот Далекий Переход, не сработал, она попыталась добраться до тебя по земле. Она умерла в бесплодных землях, далеко отсюда, на юге.

Тяжесть гнева сосредоточилась на нем, безумная, но спокойная. Ледяной Сокол сознавал, что еще никогда в жизни ему не приходилось быть настолько беспомощным, и все же он успевал думать, что, если ты собираешься заставить чародея говорить, ты должен привлечь его внимание, и что бессмысленно быть совершенным воином, если ты настолько глуп, что делаешь то, что сейчас делал он сам.

В его сознании слышался шепот, из тени на него уставились полные слез глаза. *Как она умерла, варвар? Откуда ты это знаешь?*

Джил бы спросила — была она волшебницей или нет? Это важно, когда ты рассказываешь историю.

Кроме того, подумал Ледяной Сокол,

это важно для моего дальнейшего существования. Я могу придерживаться правды, это намного проще.

Он подумал о следах, давно остывших.

— Я не знаю этого, Праотец колдунов, — сказал он. — Мой народ нашел ее кости у потока на холме в трех днях пути на запад от великого перевала Ренвет. Ее кости и ее драгоценности, зеленые, как весенние листья, а в середине черные, как летние ночи. Таких драгоценностей никто из нас никогда не видел. Мы похоронили их вместе с костями...

Хоронили ли Праотцы Былых Времен своих мертвых? Почему он никогда не спрашивал об этом у Джил?

Сам не зная почему, он добавил:

— У дальнего края каньона, у потока, где весной расцветают первые дикие розы... — И снова увидел это место своим сердцем.

Долгая тишина, все более глубокая — можно найти утешение в разных образах, сказала Хетья, и потом начать мыслить ясно и найти выход из положения. В тишине раздался тихий вздох:

— Ах...

Тишина, как рябь на пруду, достигла всех уголков Убежища.

И Ледяной Сокол сказал — про себя, и про Солнечную Голубку, и про исчезнувшую Ле-Кьяббет...

— Прости ее за то, что она не смогла.

Она не пришла. Она не пришла.

Но теперь в этой мысли была только глубокая печаль и глубокий покой, и казалось, что Убежище может заснуть и видеть сны.

Ледяной Сокол вновь увидел те годы в Убежище: постукивания в темноте делались все громче и злее, неожиданно вспыхивал огонь, вещи падали и пропадали навсегда. Безумие было

единственным прибежищем Зэя, чтобы не сожалеть о несбывшемся.

— Ты так долго ждал здесь, Зэй, — раздался из темноты мягкий голос Ингольда, подобный голосам, что мы слышим во сне. — Никто не будет винить тебя за твой гнев. Но теперь она ждет тебя.

Снова взвилась черная, удушливая волна ярости, снова вспыхнул огонь. Цепь задергалась, как живая, и загремела, и над их головами заклубился дым, еще гуще, чем раньше; снова закружились смерчи.

И снова тишина и покой — Зэй излил свой гнев.

Я не знаю, как выйти отсюда.

— Я знаю. — Низкий, надтреснутый голос мага был неподдельно печален. — И я покажу тебе.

Ледяной Сокол так и не понял в точности, что же он видел — никто не понимает, когда дело касается Мудрейших. Ему казалось, что Ингольд чертит линии света, который льется из его пальцев, они проходят там, где должны быть стены, и уходят в воздух, который сверкает подобно драгоценным камням. Ему казалось, что он видит звезды, хотя это было невозможно, потому что он находился глубоко под землей.

Линии уже таяли, и тут голос прошелестел откуда-то издалека — Спасибо тебе. Вернулась тьма, тьма тяжелая и удушающая, тьма без облегчения, тьма мертвая и неподвижная после трех тысячелетий безумия и боли. С последним проблеском света далекий голос прошептал: *Я могу отблагодарить?*

Ингольд хотел было отрицательно покачать головой и уже поднял для благословения руку, но тут вновь заговорил Ледяной Сокол.

— Вообще-то, — сказал он, — есть одна вещь, которую ты можешь для нас сделать.

* * *

— В жизни моей, — прошептал Ингольд, когда он, Ледяной Сокол, а между ними — Тир, спешили из подвалов вверх по темной лестнице в Убежище Тени, — я не слыхивал такой бредятины...

— Вот только не надо, старина. Я слыхивал и похуже, именно от тебя, во время пьянок со стражами. — Ледяной Сокол вытер со лба капли крови.

— И ты слишком многого требуешь от окружающих... — Ингольд рылся в своих многочисленных сумках и карманах в поисках чего-нибудь, чтобы перевязать руки. — Особенно от меня.

Ледяной Сокол удивленно поднял брови.

— Разве ты не величайший волшебник и фехтовальщик на Западе этого мира?

— Как, из двадцати пяти уцелевших? Сомнительная честь. А кроме того...

Ингольд остановился на ступеньках, глядя наверх. Ледяной Сокол, тоже посмотрев наверх, ощутил, как сердце у него ухнуло.

Им в лицо ударил красный отсвет, багряные сполохи, осветившие снизу столбы дыма, колыхавшиеся в мертвом черном воздухе. В узком пространстве стоял невыносимый жар. Жар и шум, похожий на шум прибоя.

Ледяной Сокол прошептал:

— Черт подери!

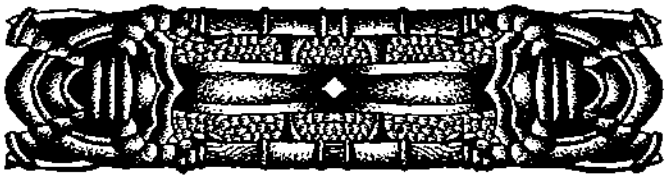
Ингольд кивнул:

— Действительно, черт подери.

Дальнейших слов не требовалось — оба уже поняли, что происходит.

Огонь, вызванный Зэем во время битвы с Ингольдом, превратился в пожар.

Убежище Тени горело.

Глава двадцать вторая

— Ты должен их задержать. — Ингольд остановился, опираясь на свой посох, который вдруг появился, как появлялись другие подброшенные Убежищем предметы, у основания первого лестничного пролета. Он задыхался от жара. Даже отсюда, с дальнего конца третьего уровня, оранжевый свет факела Ледяного Сокола освещал клубы дыма, извивавшиеся над головами. — Пламя скоро достигнет Придела. Ваир уже наверняка знает — он или должен исчезнуть отсюда с помощью Портала, или погибнуть.

— Сколько времени тебе потребуется? — Ледяной Сокол был благодарен за эту остановку, хотя скорее умер бы, чем признался в этом. Он дрожал от усталости, по лицу струился пот, обжигая раны. Им уже много раз пришлось свернуть в сторону, чтобы избежать коридоров и лестниц, превратившихся в преисподнюю. Дважды Ингольду пришлось произносить заклинания, чтобы пройти сквозь красные языки пламени, но после стольких часов, проведенных над пропастью, силы его тоже были на исходе, а впереди ждало дело.

Волшебник покачал головой:

— Если Зэй дал правильные указания, немного. — Он закашлялся, прижав руку к груди, лицо превратилось в маску из пота, крови и копоти. — Но Бектис, вероятнее всего, уже в комнате управления Порталом. Сделай, что смо-

жешь. — Он хлопнул Ледяного Сокола по руке, словно просто попросил его перед ужином почистить башмаки. — Альтир, я думаю, тебе лучше всего пойти со мной.

Тир кивнул. Он молчал во время битвы в подвале и во время стремительного подъема по лестнице, вцепившись в руку Ингольда. Из его синих, почти черных в свете факела глаз струились слезы от дыма, он со свистом втягивал воздух, но лицо его ничего не выражало, кроме стоической покорности судьбе.

— Ты не пустишь Ваира в Убежище?

— Не пущу, господин мой. — Ледяной Сокол положил мальчику на плечо руку. — Я обещаю.

Глядя, как они вдвоем, волшебник и ребенок, спешат по коридору при слабом свете колдовского огня, сотворенного Ингольдом, Ледяной Сокол думал о том, что последний месяц жизни Тира был бы очень тяжелым даже для ребенка из клана Говорящих со Звездами, но мальчик справился прекрасно.

Хотя, конечно, он не умеет идти по следу так хорошо, как ребенок из Истинного Мира.

Ледяной Сокол повернулся и побежал к Порталу.

На следующем пересечении коридоров он остановился и отошел в тень. Переход прямо перед ним был заполнен людьми, кашляющими от дыма. Факелы освещали лысые головы, голые лица, глаза, безжизненно глядящие на потные шеи бегущих впереди. Кто-то впереди выкрикнул ругательство на языке ха'ал, люди остановились и, толкаясь, стали поворачивать назад — огонь впереди?

Ледяной Сокол попятился и начал искать обходной путь.

Огонь быстро распространялся. Все подвалы, все уровни, все вентиляционные ре-

шетки и водопроводные трубы были забиты кабачками и бобами, земляными орехами и картофелем, разраставшимися с помощью упрямой, злой магии Убежища, и теперь все это стало пищей для огня.

Кое-где растения еще жили, и вместе с лишайниками, плесенью, мхом и поганками препятствовали пожару, зато в этих местах качались столбы удушливого дыма.

А высохшие виноградные лозы превратились в своего рода запальные шнуры, и по ним пламя распространялось с невероятной скоростью. Несколько раз Ледяному Соколу пришлось остановиться перед стеной огня.

Позади все время слышались панические крики и рев приказов — армия Ваира тоже искала дорогу к Порталу, потому что теперь это была единственная возможность выбраться из Убежища и остаться в живых.

Ледяной Сокол не знал, сумеет ли Ингольд пробиться сквозь пламя к круглой комнате, из которой можно было управлять Порталом. Не знал он и того, сказал ли Зэй напоследок правду или решил сыграть с ними последнюю дьявольскую шутку.

Что, подумал он, было бы очень в духе старого мерзавца.

Перед ним простирался коридор с огненными стенами, потому что стены в нем заросли высохшими лианами, и с огненным потолком, потому что пламя охватило древесные грибы на потолке. Ледяной Сокол замотал шарфом рот и нос и кинулся бежать по огненному туннелю, молясь только о том, чтобы переход не оказался непроходимой стеной огня.

Позади кто-то завопил. Ну, конечно, подумал он. Они считают, что я знаю дорогу.

Будем надеяться, что они не ошиблись.

— Слушай, мы уже решили, что ты погиб! — Хетья вскочила на ноги. — Мы решили, что подождем еще несколько минут...

Ледяной Сокол, задыхаясь, нырнул в дверь прихожей и выдернул меч из ножен.

— Они позади! — Он повернулся к двери, даже не закончив говорить, и рубанул первого, кто сунулся за ним следом. Громкие вопли, толкотня в прихожей, блеск оружия в узком дверном проеме; замахнись, рази, блокируй... Кровь лилась потоком, в стену ударилась чья-то отрубленная рука...

— Праматерь Слез Наших! — воскликнула Хетья, а Потерявший Путь рявкнул:

— Где мальчик?

— С Ингольдом, — выдохнул Ледяной Сокол, и чья-то алебарда располосовала его рукав.

— Он в безопасности?

— Господи, конечно, нет, — выпалил Ледяной Сокол. — Не будь дурой.

— О-о, — протянула Хетья, поняв абсурдность своего вопроса в этих обстоятельствах. — Извини. Нет ли у тебя гениальной идеи, дружочек, — добавила она несколько мгновений спустя, — как повыкидывать отсюда этих ублюдков?

Прихожую заволокло густым дымом, воздух был горячим, как в печи, пол обжигал даже сквозь подошвы башмаков.

— Нам бы здорово помогла крепостная стена, — огрызнулся Ледяной Сокол. — Бойницы. Кипящее масло. — И сильно ударил следующего воина, сунувшегося в дверной проем. Его меч пересекся с алебардой, и если бы не неопытность клона, Ледяной Сокол лишился бы оружия. Все же он смог пронзить того кинжалом и выдернуть меч. Инстинкт заставил его пригнуться — Хетья ударила мечом следующего врага, из-за чего Ледяной Сокол чуть не лишился уха.

Вентиляционные решетки извергали дым. Ледяному Соколу казалось, что его кожа в раскаленном воздухе покрылась ожогами.

— А мы не можем сами воспользоваться Далеким Переходом? — спросил Потерявший Путь. Из ран на груди и руке у него струилась кровь. — Выбраться отсюда и предупредить то Убежище?

— Мы не сможем заставить его работать. — Ледяной Сокол опять ударил мечом. Ему казалось, что руки его налились свинцом. — Для этого нужен Мудрейший. — Из перерезанной глотки врага на него хлынула кровь. Кто-то отпихнул умирающего клона в сторону.

— Так Ингольд собирается приводить его в действие или нет?

— Не будь дурой, женщина! — рявкнул Ледяной Сокол. — Меньше всего нам нужно открывать дверь в Убежище, когда здесь полно воинов Ваира!

— Ну, знаешь, я не собираюсь сгорать здесь заживо, чтобы спасти твой народ!

— А ты надеешься, что Ваир тебя пощадит?

Вдруг из прихожей, за толпой клонов, раздался крик, перекрывший общий шум.

Сами клоны — целые сотни — были босыми, едва одеты, с пятнистой, странно выглядевшей кожей, зеленоватой, скользкой, у некоторых отвратительного оранжевого цвета, как у чудовищных поганок Убежища Тени. То и дело во время сражения у дверного проема Ледяному Соколу казалось, что то один, то другой из них приходил в бешенство, поворачивался к своим и начинал крушить их. Некоторые просто бежали в ревущий горн, в который превратился коридор.

Голос прокричал:

— Бросайте оружие!

Клоны прекратили сражаться и отступили в сторону. Между ними в дверном проеме

появился Ваир на-Чандрос, его белоснежный плащ почернел от копоти, в руке — кривая сабля. Рядом с ним, тяжело дыша, стоял Бектис в грязной одежде и держал перед собой Тира, приставив к его горлу серебряный нож.

Зубы Ваира сверкнули в отвратительной ухмылке.

— Отойдите, — сказал он. — Дайте нам пройти, или мальчишка умрет.

— Ты же сказал... — в бешенстве начала Хетья, но Ледяной Сокол оборвал ее:

— Заткнись!

Он встретился взглядом с Тиром. Лицо мальчика было покрыто маской из копоти и крови, в глазах — безумная паника. В любой охоте что-то может пойти не так, подумал Ледяной Сокол. В этом аду, в дыме, огне и темноте, достаточно было на секунду отпустить руку мальчика, а Ингольду наверняка приходилось бороться с дымом, огнем и ловушками Бектиса. Бектис, безусловно, был не в лучшей форме для битвы, но Ингольд тоже. Придворный маг мог улучить момент и в этой неразберихе схватить мальчика.

Ледяной Сокол отступил назад. Тир пронзительно закричал:

— Не позволяй им! Лучше я погибну, я приказываю тебе! Пожалуйста! Не позволяй...

Бектис сильно встряхнул его:

— Замолчи, глупый мальчишка!

Ледяной Сокол отступал, держа меч наготове, Хетья и Потерявший Путь шагали рядом. Ваир прошел сквозь дверной проем; его окружали клоны с бессмысленными блуждающими взглядами. Некоторые гнили заживо, ужасающее зловоние стояло в прихожей.

— Очень хорошо. — Глаза Ваира оценивающе оглядели комнату в поисках других защитников. — Очень хорошо. Убежище

Прандхайза разрушилось, не выдержав испытания временем. Впрочем, его стены не смогли бы противостоять этой ведьме, моей жене Йори-Эзрикос, которая сейчас у власти. А вот Ренвет... — Он осклабился в темные усы, хотя и задыхался от жара. — Ренвет — это совсем другое дело. Не знаю, Бектис, какое оружие мы сумеем там найти, но у нас будет достаточно еды, чтобы собрать армию, с которой я отправлюсь на Юг и отберу то, что по праву принадлежит мне. Да и кто знает, какие механизмы могут быть спрятаны в Ренвете.

Его губы раздвинулись в отвратительной ухмылке, когда он вспомнил двенадцатилетнюю девочку, которую изнасиловал в свою первую брачную ночь; девочку, которая так его ненавидела, что убила собственного сына только потому, что его зачал он.

Эта ухмылка заставила Ледяного Сокола осознать, что Голубая Дева, при всей своей свирепости, по сравнению с этим человеком была невинна, как младенец.

— Я просто жажду, Бектис, вновь увидеть Йори-Эзрикос. Путь открыт, колдун?

Маг подошел к нему, сомкнув длинные белые пальцы на шее Тира.

— Путь открыт, господин мой. Смотрите!

Он поднял руку, в которой держал серебряный нож, и сделал пасс в воздухе, произнося слова, ничуть не похожие на придуманный Хетьей язык Былых Времен. Позади него хрустальные колонны начали двигаться, и комнаты вытянулись в одну линию. В них засиял зеленоватый свет, а по полу побежали серебристые нити. В темноте сверкнула жаркая вспышка света, дым, клубившийся под потолком, пришел в движение и потек вовнутрь между колоннами, во вторую и третью комнату.

В точности, как тогда, когда он был тенью, Ледяному Соколу показалось, что колонн стало больше, появилась четвертая, пятая, шестая пара, и они уходили в темноту и бесконечность.

Ваир сделал властный жест рукой и скомандовал клонам:

— Вперед! Убивайте всех, кого встретите!

— Я надеюсь, — самодовольно сказал Бектис, — ваша светлость полностью удовлетворена?

Он перенес все свое внимание на Ваира, ожидая похвалы. Ледяной Сокол мимолетно подумал, что у старик еще глупее, чем он полагал... и в это мгновение Тир ожил. Рука мальчика стремительно скользнула в башмак, в следующую секунду в ней оказался кинжал, и Тир полоснул Бектиса по запястью. Маг взвыл, отпрянул назад, а мальчик стремглав кинулся к друзьям.

Ледяной Сокол одним прыжком оказался рядом с Тиром, на мгновение раньше, чем левая рука Ваира выдернула меч. Он скрестил свое оружие с черным лезвием меча Ваира, отбросил его в сторону и пронзил насквозь клона, который бросился на него. Тир был вне опасности.

Ваир завизжал:

— Останови его! Убей его! — но Ледяной Сокол уже снова стоял рядом с Хетьей и Потерявшим Путь, и все три меча угрожающе сверкали.

Бектис, прижимавший к груди окровавленную руку, огрызнулся:

— На этой комнате Руны Молчания, глупец!

За спиной Ледяного Сокола отчаянно всхлипывал Тир.

— Останови их! Пожалуйста, останови их! — и старался протиснуться вперед, готовый сам напасть на клонов, но никто из троих взрослых, защищавших его, не двинулся с места.

— Мы ничего не можем сделать, — очень тихо сказал Ледяной Сокол. Несмотря на

все запахи этого места — запахи дыма, гниения и горящих растений, он уже уловил идущий из комнат, где размещался Портал, совсем другой запах, необычный и не присущий Убежищу Дейра, и этот запах поведал ему, что все пошло совсем не так, как рассчитывал Ваир.

Но юноша не мог сказать об этом прямо, он мог только удерживать Тира. Позади толкающихся клонов Ваир так сильно ударил Бектиса, что сбил старика с ног. Держа в руках мечи, алебарды и копья, клоны проходили меж колонн и исчезали в зеленом свете.

Тир, всхлипывая, вырывался из рук Ледяного Сокола.

— Мы ничего не можем поделать.

В прихожей что-то произошло. От жара, усталости и удушающего дыма в голове у Ледяного Сокола звенело. Он увидел, как пошатнулась Хетья, как Потерявший Путь подхватил ее здоровой рукой. В рядах клонов появился просвет, и Ледяной Сокол решил, что Ваир приказал своим людям захватить с собой Тира и их троих — с точки зрения Ледяного Сокола, это было неразумно, но Ваир никогда не отличался особой рассудительностью.

Однако сам Ваир решил по-другому.

— Пошли, Бектис, — сказал он дрожащему старику, который, распростершись, лежал у его ног. — Они пойдут за нами следом. Им придется, иначе они погибнут здесь. Тебе тоже придется. А как насчет тебя, девка? — обратился он к Хетье. — Не желаешь обслуживать моих людей? Это лучше, чем погибнуть в огне! Ну, и ты, маленький король — если немного поспешишь, успеешь как раз вовремя, чтобы увидеть, как я насилую твою мать.

С кинжалом в руке разъяренный Тир молча кинулся на Ваира. Ледяной Сокол от-

тащил его назад, прижимая к себе отбивающегося мальчика, а высокий мужчина, хохоча, прошел мимо хрустальных колонн в зеленый свет. Его белоснежный плащ мелькнул в последний раз, смешался с толпой едва волочащих ноги клонов и исчез из виду.

Бектис медленно поднялся на ноги и прислонился к стене, прижимая руку к груди, с ненавистью и бессилием в глазах. Он, спотыкаясь, дошел до шеренги клонов, ухватился за их потные плечи, чтобы удержаться на ногах, и тоже исчез.

— Гиена, — прошипел Потерявший Путь. — Трус и свинья. — Он не отрывал глаз от клонов, шаркающих ногами, кашляющих, обливающихся потом, все идущих и идущих мимо первой пары колонн, мимо второй...

Тир беззвучно плакал в объятиях Ледяного Сокола.

— Но он прав, друг мой, — пробормотал Потерявший Путь. — Что нам остается? Или идти следом, или погибнуть.

— Ну, если мы пойдем за ними следом, получим определенное удовольствие. — Из-за рядов клонов вышел Ингольд. Те не обратили на него никакого внимания. Старый маг стремительно подошел к Тиру, упал перед ним на колени и положил руки ему на плечи. — Дорогой мой Тир, благодарение Богу, с тобой все в порядке! — Одна сторона лица Ингольда была залита кровью, запекшаяся кровь от новой раны виднелась в волосах, а сам он был с ног до головы покрыт копотью и пеплом. — Прости меня! Мне и в голову не приходило, что последний коридор перед управляющей комнатой будет так забит этими болванами!

Тир обхватил волшебника обеими руками и отчаянно вцепился в него, пряча залитое слезами лицо в складках разодранной мантии.

— Все хорошо, — сказал Ингольд. — В

самом деле, все замечательно. Я бы никогда не взял тебя с собой, если бы...

— Я готова вытрясти душу из того, кто послал ребенка в кошмар, через который мы только что прошли! — возмутилась Хетья.

— Никто в Убежище Дейра не пострадает, — пробормотал Ингольд, склонив голову над рыдающим мальчиком. — Я тебе обещаю. — Он протянул руку, оперся на Ледяного Сокола и с трудом поднялся на ноги. — Нам действительно пора выбираться отсюда. Придел охвачен огнем. Я думаю, что сумею притушить пламя, чтобы мы все смогли пройти во Врата, но боюсь, что мы все же получим ожоги.

— Ваир... — всхлипывал Тир. — Ингольд, Ваир сказал, что...

— Все в порядке, — повторил волшебник. — Ваир никак не может находиться поблизости от Убежища Дейра. Более того, он дальше от Убежища, чем когда бы то ни было. В качестве прощального подарка Зэй из Тиомиса рассказал мне, как изменить пункт назначения Портала. Перед тем, как он... как он умер. Да, он мертв, — добавил Ингольд, увидев, что Хетья в изумлении открыла рот. — Но оставил здесь достаточно могущества, чтобы в последний раз повлиять на Портал. Собственно, это была идея Ледяного Сокола, — сказал он, и Хетья потрясенно уставилась на юношу.

— Так значит, дружок, с возрастом ты стал большим хитрецом?

Ледяной Сокол ответил с большим достоинством:

— Когда я был тенью, я подслушал кое-что интересное и решил, что для Ваира найдется более подходящее место назначения.

— Неужели ты придумал, как можно доставить его прямо в Преисподнюю?

— Почти, — ответил Ледяной Сокол после минутного замешательства.

Потерявший Путь вытер пот с начавших отрастать бровей.

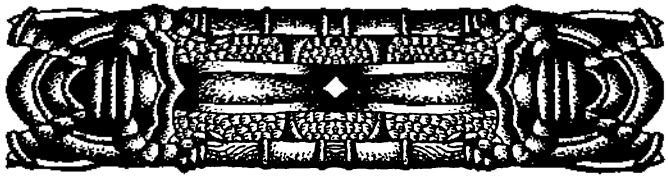
— И куда они отправились?

— В подвалы того, что когда-то было Великим Южным Убежищем Хатиобар, — сказал Ингольд и закашлялся. — Оно расположено на берегах Озера Ниччи, как раз на той стороне, где стоит императорский дворец Кхирсита.

— Там, где живет госпожа Йори-Эзрикос? — спросила Хетья. — Не повезло нашему другу Ваиру, даром что он ее венчанный супруг.

— Вот-вот, — улыбнулся Ингольд. — Я был рад услышать, что Ваир жаждет встречи с ней, потому что эта встреча произойдет намного раньше, чем он рассчитывал.

Глава двадцать третья

Истинный Мудрейший умел накладывать на человека особые чары незаметности, и тот мог провести в лагере противника полтора дня, причем никто не замечал, что человека, которому давали еду, одеяла, рядом с которым сидели у костра, с которым делились той скромной дичью, которую находили во Льду Севера: леммингами, карибу, а при случае даже настоящим белым мегатерием, — при обычных обстоятельствах изрисовали бы посланиями для Праотцев и вытащили бы его кишки наружу через ноздри.

Ледяной Сокол был искренне рад этим чарам, потому что он очень, очень устал и вряд ли смог бы сражаться.

Он не имел ни малейшего представления о том, за кого его принимал Народ Пустых Озер, но ему было все равно. Не знал он и того, какие заклинания использовал Ингольд, чтобы обеспечить отсутствие клана Говорящих со Звездами, когда их маленький отряд пробирался на волю сквозь туман, дым и пар, чуть не по пояс в тающих водах ледяного туннеля.

Когда Ледяной Сокол проснулся в лагере из снежных домов на юго-восток от ледяной горы, Народ Пустых Озер не называл его по имени, хотя по речи, обращенной к нему, было ясно, что они принимали его за своего соплеменника.

Мысль об этом жестоко оскорбляла его. Впрочем, не настолько жестоко, чтобы он

тут же сообщил им, кто он есть на самом деле. Он обратил внимание, что к Ингольду, Тиру и Хетье они обращались точно так же. Холодную Смерть они вовсе не замечали.

Холодная Смерть сидела рядом с ним, когда он проснулся. Волосы у нее обгорели во время битвы с Бектисом, но в остальном она нисколько не изменилась.

— Как ты, брат мой? — спросила она и протянула ему лепешку с медом и жареными насекомыми, одно из любимых лакомств Народа Пустых Озер.

Ледяной Сокол был так голоден, что взял лепешку.

— Настолько хорошо, насколько следовало ожидать, после того как моя родная сестра сбежала и оставила меня умирать.

— Я надеюсь, это было для тебя хорошим уроком и ты больше не захочешь превращаться в тень?

— О да, — парировал Ледяной Сокол. — Никогда больше я не доверю это превращение тебе.

Она засмеялась.

Позже она помогла ему встать на ноги, они вышли из снежного дома и пошли вдоль берега курившегося паром озера, которое протянулось на мили у подножья черных скал. Огромная ледяная гора все еще возвышалась в центре озера, пар и дым клубами валили из ее многочисленных расселин и трещин. Воды озера то и дела вскипали водоворотами, когда обрушивались очередные куски льда глубоко под водой, и пар мраморно-белыми столбами вырывался оттуда, уходя высоко в суровое холодное небо.

— Ингольд сказал мне, что магия безумного Праотца исчезла из Убежища вместе с ним, поэтому оно разрушится. — Холодная Смерть скрестила на груди руки, и в ее черных гла-

зах появилась печаль. День для Льдов был теплым, а тепло, поднимающееся от озера, делало его еще теплее. Она откинула капюшон, шрамы от ожогов виднелись под отрастающими заново волосами.

«Раз она сумела избежать серьезных повреждений в борьбе с Бектисом, — думал Ледяной Сокол, — она, видимо, куда более сильный шаман, чем я когда-либо предполагал.»

— Жар разрушит камни, — произнес он вслух. — Джил-Шалос рассказывала мне, что в Убежищах, которые удалось уничтожить: Прандхайз, Черная Скала и Хатиобар, не было Мудрейших, которые пожертвовали бы жизнью, чтобы удержать в них магию. Эти Убежища просто разрушились от времени, как это происходит со всеми вещами на свете.

— Моя мамаша говорила, что Прандхайз, верно, когда-то горел. — К ним подошла Хетья, за которой бежал Желтоглазый Пес. Потерявший Путь сказал, что чары, наложенные на Приньяпоса, исчезли, когда он оказался рядом с кошелем духов Близняшки, а Желтоглазый Пес повалил и удержал Приньяпоса, когда тот попытался бежать. Ледяной Сокол хотел бы знать, что могло произойти, если бы Бектис имел возможность по-прежнему использовать всю свою силу — возможно, чары оказались бы более стойкими. Сломанный Нос и его отряд, добавил Потерявший Путь, никогда раньше не имели возможности подвергнуть пыткам алкетчца, и они растянули это удовольствие так надолго, насколько это было возможно.

Ледяной Сокол пожалел, что не смог при этом присутствовать, а когда Потерявший Путь начал очень подробно, как это было принято среди людей Истинного Мира, описывать пытки, Хетья тихонько встала и ушла.

Похоже, она уже пришла в себя и выглядела отдохнувшей.

— Мамаша говорила, что она нашла следы пожара, когда чинили каменную кладку.

От особенно сильного сотрясения куски льда полетели на молочную гладь озера, и она закипела, пузыри лопались, туман расползался далеко по земле.

— Это, наверное, рухнуло само Убежище. — Хетья засунула руки в перчатках подмышки, чтобы они согрелись. — Я думаю, когда огонь погаснет, все снова замерзнет. Тогда у ваших племен найдется, о чем поговорить, кроме как о следах карибу и навозе мегатерия.

— Ты недооцениваешь мой народ, Прамать, — угрюмо отозвался Ледяной Сокол. — Если с неба рухнет скала размером с дом и проделает дыру в земле, это не вызовет у них такого интереса, как изменение количества семян в навозе мускусного быка. Да и не должно, — добавил он. — В конце концов, нужно знать, что именно растет на твоем пастбище.

Хетья кинула на него взгляд из-под ресниц, чтобы понять, не шутит ли он, но Ледяной Сокол высокомерно отвернулся.

Народ Пустых Озер снабдил их продуктами и санями, чтобы они могли добраться домой, и даже согласился проводить их до края Льда. Ледяной Сокол не сомневался, что на этом настоял Потерявший Путь. Он много раз видел двух клонов, бредущих рядом со Сломанным Носом или тихонько разговаривающих у костра с Красоткой, а у их ног лежал совершенно счастливый Желтоглазый Пес.

Хетья тоже проводила немало времени с Красоткой и нашла с ней общий язык, но Ледяной Сокол видел, что Потерявшие Путь не замечают никого, кроме своей жены.

— Она понимает, что мы скоро умрем, — сказал Потерявший Путь на второй день. — В каком-то смысле я даже рад этому.

Его брат-клон согласно кивнул. Ледяной Сокол, Хетья и Холодная Смерть стояли на туманном берегу озера.

Оно уже начало замерзать, навеки погребая Убежище со всеми его тайнами и сгоревшими останками старика, который отдал больше, чем мог выдержать.

— Когда мы... когда я... когда те двое умерли, — сказал Потерявший Путь, — мы это почувствовали. Это было... мы умирали вместе. Эту рану не излечить. Мы больше не целый человек.

— Мы рады, — добавил Потерявший Путь, — хотя бы тому, что сумели помочь своему племени. Наши имена будут звучать в Длинных Песнях. И тому, что мы снова увидели нашего брата Сломанного Носа, и нашу возлюбленную Красотку. И тому, что мы сможем умереть на своей земле, которая еще сохранилась в Краю Ночной Реки, где летом зеленеют осины.

Ледяной Сокол открыл было рот, чтобы сказать, что Край Ночной Реки всегда принадлежал Говорящим со Звездами, но он чувствовал такую глубокую привязанность к своему врагу, что промолчал. Вместо этого он сказал:

— Я тоже рад за тебя, враг мой. Это была хорошая охота.

Потерявший Путь солнечно улыбнулся сквозь золото пробивающейся щетины.

— Я открою тебе один секрет. Не бывает плохой охоты, друг мой.

— Твоя сестра сказала нам, что Говорящие со Звездами вернулись сюда, — сказал Потерявший Путь.

Ледяной Сокол кинул пронзительный взгляд на Холодную Смерть.

— Они разбили лагерь по другую сторону озера, среди расколотого льда, там, где был тунель, — откликнулась она. — Во всяком случае, мамонт, которого я для них призвала, был самым настоящим, а не наваждением Красивой Бороды.

— Если хочешь, — сказал Потерявший Путь, — я немного задержусь, когда мой народ двинется дальше, и схожу вместе с тобой к их лагерю и расскажу то, что услышал от Рогатого Паука о порошке, вызывающем сны, который подсыпали Полдню в Лето Белых Лисиц. С этим свидетельством, пусть даже свидетельством врага, они должны по крайней мере выслушать тебя и устроить суд. Ты достаточно силен, друг мой, чтобы победить Голубую Деву в поединке один на один?

Ледяной Сокол потер израненные, перевязанные руки, ощущая боль и непреходящую слабость в плечах и руках.

— Я очень долго ждал, — спокойно сказал он, — чтобы вновь встретиться с Голубой Девой.

* * *

Под холодным алмазным блеском северных звезд он думал о Голубой Деве.

О Полдне и Солнечной Голубке.

О Месте Трех Коричневых Собак и о Долине Ночной Реки, о Призрачных Горах и месте, названном Ручей Хорошей Воды, где у Говорящих со Звездами были загоны для лошадей и соколятники, где белые псы Говорящих со Звездами дремали на красноватой траве между длинными домами. О сладком молоке, и меде, и кленовом сахаре, и об обжигающей душу ледяной воде после парной бани, и о запахе крови и дыма под усыпанном звездами небом.

Его глаза искали лагерь Голубой Девы там, за озером, над которым все еще курил-

ся пар, но, конечно, даже родившийся среди Говорящих со Звездами не мог бы его отсюда увидеть. Все было спокойно вокруг, и только звезды в небе говорили между собой на нежном, изящном языке, который человечество больше не понимало.

Они знали его и помнили его. Они — его братья и сестры, и они будут рады, когда он вернется. Он, наконец, станет их вождем, каким был Полдень. Из этих Льдов он уведет их на юг, на новые охотничьи земли, на все оставшиеся ему и им дни.

Если выживет в бою с Голубой Девой.

Он помял руки. Тренировки со стражами Гая были суровыми, но не настолько жестокими, подумал он, как жизнь, которую вел каждый, рожденный в клане Говорящих со Звездами. Он тренировался со стражами достаточно, чтобы не потерять все свои силы. В сердце своем он всегда знал, что однажды вернется назад.

Несмотря на еду и отдых, не исчезала слабость, та внутренняя усталость, которая не прошла и после нескольких дней отдыха. Когда он сегодня утром поднимался со своего одеяла, ему казалось, что он толкает в гору тяжеленный камень.

Но и она жила в холоде и тяготах. И, насколько ему было известно, ее ранили в сражении у Врат.

Шансы на то, что они в одинаковой форме, достаточно велики.

Ледяной Сокол подвигал плечами, потер обожженное лицо, поскреб встрепанную бороду. Будет странно снова вернуться домой, подумал он. Конечно, он никому никогда в этом не признается, но ему будет очень не хватать рассказов Джил-Шалос, какими бы бесполезными они ни были, и мелодий, сыгранных на арфе Ру-

ди, и шуток Януса, и даже нелюбимых им походов в подвалы, чтобы взглянуть на новейшие изобретения Ингольда.

Снова ездить верхом с братьями и сестрами. Лежать в тишине рядом с молчащими собаками. Выслеживать карибу в бесплодных землях и знать, что обязательно поймаешь его.

Снова быть одним из своего клана, делить их скромные, суровые и ясные мечты среди горькой красоты умирающей земли.

Если он останется в живых.

Он посмотрел вверх, вспомнив, что он не один.

— Ты пойдешь, брат мой? — Ее лицо, как темная жемчужина, слегка светилось в обрамлении черного меха.

Ледяной Сокол удивленно поднял брови.

— Я не думал, что об этом нужно спрашивать, сестра моя. Я — Ледяной Сокол. Я должен стать вождем своего народа. Голубая Дева украла то, что должно было по праву стать моим. Ты оспариваешь это?

Она покачала головой.

— Я верю, что ты должен был стать вождем нашего народа, — сказала она и села рядом с ним на обломок скалы, торчащий из снега. — И даже сейчас, по прошествии одиннадцати лет, я считаю, что ты мог бы им стать. Возможно, сейчас я уверена в этом даже больше, чем раньше, потому что теперь ты настоящий мужчина и в тебе есть стержень, который появляется только после настоящих испытаний. Они будут прислушиваться к тебе на советах и пойдут за тобой на войну. Но ты ошибаешься, когда думаешь, что Голубая Дева украла у тебя то, чего ты заслуживал, по собственной алчности.

— Так почему же, скажи, во имя Солнечной Голубки? — после столкновения с Зэем в подвалах Убежища Голубка занимала все

больше места в его мыслях. Возможно, любовь, которую он испытывал к ней когда-то, возродилась, и чем больше он понимал, тем сильнее она становилась, приняв совсем другую форму.

Холодная Смерть вздохнула. Она долго молчала, обхватив себя руками — маленькая фигурка в тяжелой шубе.

— Ты мой брат, — сказала она наконец. — И я люблю тебя. Но ты не вождь.

Ледяной Сокол набрал полную грудь воздуха, чтобы возмутиться — и выдохнул его. За всю свою жизнь он не мог припомнить случая, когда Холодная Смерть ошиблась. Тогда он молча сел и посмотрел ей прямо в лицо.

Она почесала нос и натянула поглубже капюшон, прикрыв лохматые волосы и шрамы.

— Есть тот, кто ведет, — сказала она, — и тот, кто идет следом, и тот, кто идет в одиночестве. Ты идешь один, брат мой. Голубая Дева — ведет. Она уничтожила тебя не по злобе, не из ревности, а только ради своего народа. Твои сторонники любили тебя, и они поддержали бы тебя на совете и пошли бы за тобой сражаться с ней, и со своими соплеменниками, и со своими братьями. Полдень любил тебя. У тебя есть обаяние, хоть ты и бесчувственный ублюдок. У Голубой Девы обаяния нет. Но она знала, что для своего народа она будет лучшим вождем. Ты понимаешь?

Ледяной Сокол молчал.

— Если бы ты родился вождем, — спокойно продолжала Холодная Смерть, — ты бы сейчас был вождем стражей. Если бы ты родился вождем, ты вернулся бы к Солнечной Голубке, когда ее ранили.

— Ее уже нельзя было вернуть назад, — рассердился Ледяной Сокол. — Она умирала. Я не мог из-за нее подвергать опасности всю охоту.

— Ты мог отправить охоту в безопасное место и не дать ей умереть в одиночестве. Голубая Дева так бы и поступила, даже если бы не было никакой надежды спасти ее, даже если бы ей самой грозила смерть.

Ледяной Сокол задумался и долго молчал.

— Мальчик Тир тоже вернулся бы.

Потом он долго сидел и рассматривал свои руки, кинжал, который держал в них, тусклый блеск звезд на снегу. Но видел вместо всего этого Элдора Эндориона, и Потерявшего Путь, и даже Зэя из Убежища Тени в Конце Времен, который взвалил на себя ношу, слишком тяжелую для его плеч. Наконец он произнес:

— Она могла бы сказать мне все это.

— А ты бы стал слушать?

Солнечная Голубка, смеющаяся, выезжает с его отрядом. Лицо Голубой Девы, уродливое и морщинистое, смотрит на него сквозь пламя костра, ее волчьи синие холодные глаза оценивают его.

Полдень, всхлипывая, выступает из темноты в круг костра и протягивает Ледяному Соколу белую раковину.

Неспящий Всю Ночь, и Пятьдесят Любовниц, и Красная Лисица — все готовы сражаться за него со сторонниками Голубой Девы. Готовы расколоть племя или отколоться от него, и это в те времена, когда зимы все суровее и суровее, дичи все меньше и меньше, и они все передвигаются и передвигаются на юг.

«И ради чего?» — думал он. Ради чего?

Он одиночка.

Он всегда был одиночкой. Он знал это. Холодная Смерть тоже одиночка. Он прекрасно ладил со своим племенем и со своими друзьями, но всегда чувствовал себя как бы в стороне от них. В отличие от Зэя, страдавшего от одиноче-

ства во тьме Убежища, он свое одиночество любил и приветствовал.

Но так тяжело сознавать, что ему уже никогда не придется бродить в одиночестве по Краю Ночной Реки...

* * *

Утром Холодная Смерть ушла. День стоял ясный. Из середины озера поднималась лишь тоненькая струйка пара, остальная поверхность уже замерзла.

Пар больше не застилал обзор, но лагеря Говорящих со Звездами все равно видно не было. Впрочем, Ледяной Сокол знал — стоит лишь обойти озеро, и он увидит его.

Народ Пустых Озер сворачивал лагерь, собираясь уходить.

Никто из них не заметил исчезновения Холодной Смерти. Ее заклинания обладали такой силой, что вряд ли они замечали ее присутствие, подумал Ледяной Сокол.

Впрочем, это не имело никакого значения. Он-то с ней еще увидится.

— Я думаю, она ушла, чтобы не видеть сражения между мной и Голубой Девой, — сказал Ледяной Сокол Хетье, которая аккуратно паковала замороженное мясо карибу. — Она считает, что Голубая Дева — лучший вождь для клана Говорящих со Звездами, чем я.

— Чертовски обидно, вот что я тебе скажу! — Хетья еле сдерживала возмущение. Даже смазанное жиром, похудевшее, изможденное и покрытое синяками, царапинами и следами от зубов демонов, ее лицо продолжало оставаться миловидным и привлекательным. В Убежище она придется к месту, решил Ледяной Сокол. — Ничего себе сестричка!

— Я давно научился, — хмуро отозвался Ледяной Сокол, — не противоречить своей сестре.

Остальные же, как он заметил, решили вообще не касаться темы Голубой Девы. Ингольд не сказал ни единого слова о том, чего он ждал от Ледяного Сокола — вернется ли тот в Убежище или останется со своим кланом. Ингольд всегда здорово умел молчать; теперь он занимался исключительно выбором провизии, которой Народ Пустых Земель мог с ними поделиться.

Старый маг подошел к Ледяному Соколу, опираясь на свой посох.

Рядом шагал Тир. Сначала мальчик очень мало разговаривал и не хотел выходить из снежного дома даже днем. Хетья, Потерявший Путь и Красотка проводили с ним очень много времени, и теперь Тир выглядел немного лучше. Он снова начал есть, но Ледяной Сокол сильно подозревал, что кошмары еще мучают его и будут мучить долгие годы.

Во всяком случае, мальчик вспомнил, что такое иметь друзей, и будет ценить их, постепенно забывая о своем одиночестве и полном нежелании видеть людей, которое ощущал в той комнате страшного Убежища, а это уже кое-что.

В тусклом солнечном свете его наполовину заживший разрез на лице выглядел ужасно — большая двойная неровная рана, покрытая струпьями. Дети в Убежище Дейра будут от нее в восторге.

Вместе с ними шел Потерявший Путь, именно он и задал вопрос:

— Друг мой, пойдем ли мы в твой лагерь? Твое племя, должно быть, уже на ногах. — После рассвета прошло около часа, так что намек был довольно неуклюжим — люди Истинного Мира считали позором спать после первых же проблесков зари.

Потерявший Путь крикнул, и к нему подбежал Желтоглазый Пес, прыгая и хватая зубами снежинки, как щенок. Потерявший Путь посмотрел на него и улыбнулся.

Ему осталось жить всего несколько дней, подумал Ледяной Сокол. Но он готов отказаться от этих отпущенных ему дней, чтобы помочь мне, если только я попрошу его об этом.

Только чтобы я смог вернуться к людям, которых давно покинул, к жизни в Истинном Мире, которую сам Потерявший Путь ценил превыше всего.

Только чтобы дать мне право выбора.

— Иди со своим племенем, враг мой, — тихо ответил Ледяной Сокол. — Мне нечего сказать Голубой Деве, да и вообще никому из Говорящих со Звездами.

Безволосые брови взлетели вверх.

— Ты не пойдешь?

— Края Ночной Реки больше нет. — Он не собирался этого говорить, тем более этому человеку — слишком болезненной была такая мысль. Но, посмотрев на Потерявшего Путь, Ледяной Сокол увидел во взгляде своего врага понимание и затаенную скорбь. Потерявший Путь протянул ему руку, Ледяной Сокол смутился, сделал шаг назад и с достоинством выпрямился.

— Может, я и дикарь, — холодно заметил он, — но я еще в своем уме. Мы охотимся, чтобы выжить, и совершенно ясно, что выжить в Убежище Дейра легче, чем в Истинном Мире. Все, что мы когда-то знали, сейчас лежит подо Льдом. Через два года Лед покроет все, и в этот осажденный мир придут вещи пострашнее, чем дарки, сланч и воины-клоны. Нужно быть последним глупцом, чтобы жить в этом мертвом мире, если можно найти безопасность и уют в другом месте.

Вождь медленно ухмыльнулся в свою золотую щетину, которой уже не суждено отрасти и стать настоящей бородой.

— Возможно, — сказал он и протянул руку. — Теперь я вижу, что жизнь рядом с Мудрейшим сделала мудрым и тебя. Что ж, друг мой, хорошей тебе охоты. Но не забывай и нас, глупцов.

Ледяной Сокол повернулся и увидел Ингольда, Хетью и Тира, в изумлении смотревших на него.

— Пойдемте, — холодно сказал он. — До Перевала Сарда дорога долгая. Нам пора.

* * *

Поскрипывая снегоступами, Тир решительно шагнул вперед. Солнечный свет пугал его. Открытый мир тоже пугал его, наполняя паникой, но прошло два дня, и мальчик начал вспоминать, какой была жизнь до Ваира.

Вчера вечером Ингольд смотрел в магический кристалл и разговаривал с Руди. В Убежище все шло хорошо. Воины осаждающей армии, сказал Руди, начали болеть; Венд сообщил, что ночью полдюжины дезертировали, сбежав через низкий перевал в Речную Долину. На том месте, где до Безлетнего Года цвел фруктовый сад, теперь много могил. Ингольд уже планировал, как поступить с оставшимися осаждающими, когда он, Ледяной Сокол и Хетья вернутся домой, но Тир очень сомневался, что там кто-нибудь еще останется к их возвращению.

Разумеется, за исключением кузена Хетьи, который так искусно варил грибной суп.

Перед Тиром мелькали серебристые косички с вплетенными в них костяшками; длинная фигура сгибалась над упряжью саней и поправляла ее только левой рукой, потому что правая

всегда должна быть свободной, чтобы в случае чего вытащить меч. А рядом виднелась приземистая фигурка с каштановыми волосами — Хетья. Один раз Тир, к своему огромному удивлению, услышал, что Ледяной Сокол смеется.

— Ингольд?

— Да, дитя мое?

Тир тактично приглушил голос, чтобы Ледяной Сокол не услышал его.

— Он в самом деле так думает про наше Убежище? — обеспокоенно спросил мальчик. — Ну, что в нем безопаснее, чем в Истинном Мире? Неужели он совершенно не думает о своей семье? И о нас?

Ингольд улыбнулся Тиру.

— Он очень беспокоится и о своей семье, и о нас, — мягко сказал он. — Но существует поговорка, что вернуться домой невозможно. Не то чтобы это была совершенная правда, но человек, который возвращается домой, обычно совсем не тот, который отправился на поиски приключений. И дом, куда он возвращается, уже не совсем тот, который он покинул. Никто не заставит Ледяного Сокола признать, что он очень изменился, пожив среди нас; никто не заставит его признать, что он, возможно, не сможет больше быть счастливым в Истинном Мире. Честно говоря, я немного удивлен, что он признался в этом самому себе и предпочел счастье гордыне.

Тир долго молчал и обдумывал это, одновременно пытаясь идти на снегоступах так же ловко, как Ледяной Сокол и старый маг. Слова Ингольда звучали довольно печально.

— Но почему не признать это? — взволнованно спросил он наконец.

«Я стану королем, — думал Тир. — Я должен понимать такие вещи».

Ингольд улыбнулся, и его голубые глаза блеснули.

— Потому что не в обычаях Говорящих со Звездами признавать, что они не совершенны, — сказал он. — И потому что мир нашего детства всегда кажется нам прекраснее, чем взрослый мир. Но самое главное... — И в его глазах Тир увидел искреннюю привязанность, которую Ингольд питал к странному суровому воину, всегда державшемуся столь отчужденно, — ...потому что он — Ледяной Сокол, и этим все сказано.

СОДЕРЖАНИЕ

Мать Зимы

(перевод Натальи Баулиной)

Пролог 6
Часть первая 9
Глава первая 9
Глава вторая 28
Глава третья 54
Глава четвертая 75
Глава пятая 92
Глава шестая 108
Глава седьмая 130
Глава восьмая 150
Глава первая 169
Глава вторая 171
Глава третья 187
Глава четвертая 204
Глава пятая 217
Глава шестая 232
Глава седьмая 243
Глава восьмая 262
Глава девятая 280
Глава десятая 291
Глава одиннадцатая 305
Глава двенадцатая 319
Глава тринадцатая 335
Глава четырнадцатая 352
Глава пятнадцатая 367
Глава шестнадцатая 390

Ледяной Сокол

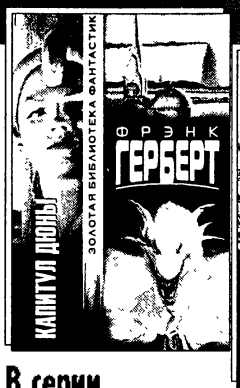
(перевод Ирины Голубевой и Елены Черниковой)

Глава первая 408
Глава вторая 429
Глава третья 445
Глава четвертая 463

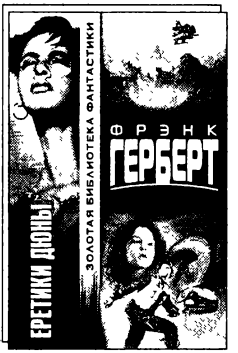
Глава пятая 487
Глава шестая. 509
Глава седьмая. 532
Глава восьмая 551
Глава девятая 573
Глава десятая 590
Глава одиннадцатая. 608
Глава двенадцатая 634
Глава тринадцатая 650
Глава четырнадцатая 668
Глава пятнадцатая. 690
Глава шестнадцатая 705
Глава семнадцатая 724
Глава восемнадцатая. 741
Глава девятнадцатая. 759
Глава двадцатая 779
Глава двадцать первая 795
Глава двадцать вторая. 809
Глава двадцать третья 821

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны» «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны» «Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2005 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

Век Дракона

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебство, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ -"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хэмбли Барбара
Мать зимы
Ледяной Сокол

Фантастические романы

Художественный редактор *Ольга Адаскина*
Компьютерная верстка: *Лариса Андреева*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Нина Ушинская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Барбара Хэмбли.

Автор «Тех, кто охотится в ночи», «Драконьей Погибели» — произведений, ставших популярными в нашей стране благодаря потрясающим переводам Евгения Лукина.

Перед вами другой шедевр Барбары Хэмбли — эпическая сага о мире Дарвет.

О «темном мире» меча и магии, лежащем лишь в шаге от нашего мира — но недоступном нашему зрению.

О мире, в который ныне вторглись пришедшие из земных недр чудовищные дарки, уничтожающие все и вся на своем пути. И не спастись от дарков ни силой оружия, ни силой колдовства, ни Словом священников — если не найдет посланный и пересекший Пустоту колдун Ингольд в нашем мире ту, от которой теперь зависит — быть или не быть Дарвету.

«Время Тьмы. Воздушные стены. Воинство рассвета»
«Мать зимы. Ледяной Сокол»

ISBN 5-17-020882-0
9 785170 208821

Барбара Хэмбли

Мать зимы
Ледяной Сокол